ДЛЯ ШКОЛЫ, СЕМЬИ И ЭКСКУРСАНТОВЪ.

ИЗЪ ИСТОРІИ МОСКВЫ.

1147 — 1913.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ОЧЕРКИ

В. В. НАЗАРЕВСКАГО.

Цѣна 2 р. 50 к.

Поставщикъ Двора Его Величества
Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ, Москва
1914

ДЛЯ ШКОЛЫ, СЕМЬИ И ЭКСКУРСАНТОВЪ.

ИЗЪ ИСТОРІИ МОСКВЫ.

1147 — 1913.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ОЧЕРКИ

В. В. НАЗАРЕВСКАГО.

Поставщикъ Двора Его Величества Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ Москва, Трехпрудный пер., собствен. домъ.

1914.

Въ 1896 году мы выпустили въ свѣтъ свою книгу: «Изъ Исторіи Москвы. 1147—1703. Очерки, съ 212 рисунками». Въ нѣсколько лѣтъ это изданіе разошлось все и стало библіографическою рѣдкостью, но спросъ на него все еще продолжался. Это побуждало насъ повторить наше изданіе, но мы были отвлечены отъ исполненія этого печатаніемъ нашего курса «*Русской Исторіи. 862—1894*» и, только окончивъ его, получили возможность заняться и названной книгой.

Пересмотръ ея побудилъ продолжить ее съ 1703 года, когда изъ Москвы перенесенъ былъ центръ нашей государственной жизни въ сѣверную столицу—Петербургъ, до настоящаго переживаемаго нами времени.

Работая надъ этимъ, мы отказались отъ предлагавшагося намъ съ разныхъ сторонъ плана превратить нашу книгу въ историческій путеводитель по Москвѣ, «въ своего рода гидъ», который бы сталъ практическимъ руководствомъ для осматривающихъ ее экскурсантовъ.

Признавая необходимость въ изданіи и такого отдѣльнаго, краткаго и справочнаго руководства, мы полагаемъ, что раньше экскурсіонныхъ обозрѣній Москвы, еще до пользованія такимъ справочнымъ изданіемъ, необходимо пройти систематически, въ главныхъ чертахъ, всю исторію Москвы, отъ самаго ея основанія до нынѣшняго періода ея жизни. Тогда только обозрѣніе ея вещественныхъ памятниковъ, столь важныхъ для изученія нашей исторіи, за 7½ вѣковъ, дастъ всю свою пользу.

Основываясь на этомъ, мы оставили за своимъ пересмотрѣннымъ и дополненнымъ изданіемъ характеръ книги для чтенія въ школѣ и дома, книги полезной особенно для

тѣхъ, кто проходитъ въ основныхъ чертахъ курсъ Русской Исторiи и готовится къ экскурсiямъ по Москвѣ, для ознакомленiя съ ея вещественными историческими памятниками.

Исторiя Москвы, въ ея памятникахъ, имѣетъ свою обширную литературу и можетъ быть изложена въ многотомномъ изданiи, въ родѣ того, начало которому положено покойнымъ И. Е. Забѣлинымъ, который, однако, разработалъ одну только исторiю московскаго Кремля въ увѣсистомъ фолiантѣ. Но такiя изданiя, какъ бы ни великъ былъ ихъ научный интересъ, доступны лишь десяткамъ и, много, сотнямъ читателей, уже основательно подготовленныхъ въ исторiи и археологiи.

Мы же въ своей книгѣ даемъ сравнительно сжатое, научно-популярное изданiе. Особою заботою нашею было систематически иллюстрировать его снимками съ памятниковъ, скрывающимися во множествѣ малодоступныхъ спецiальныхъ изданiй.

Правдивы слова И. Е. Забѣлина, которыя мы привели въ первомъ изданiи нашей книги:

«Москва, въ своемъ составѣ, вся сложена изъ памятниковъ своей исторiи. Ея Кремлевскiя святыни, ея круговыя стѣны, каждое ея урочище, каждый храмъ, каждая улица и площадь хранятъ въ себѣ цѣлыя повѣсти о радостяхъ и печаляхъ этого средоточнаго города, объ его тревогахъ въ дни бѣдъ и общаго горя, объ его торжествѣ въ славные дни одолѣнiя враговъ или избавленiя отъ наступавшей погибели». Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти памятники, кромѣ освѣщенiя общаго хода нашей исторiи, прекрасно иллюстрируютъ эволюцiонныя перемѣны нашего быта и движенiе нашей культуры.

Перiодъ нашей Исторiи, отъ 1147 года до 1703 года, до основанiя Петербурга, и создалъ Москву во всѣхъ ея самобытныхъ особенностяхъ, отпечатлѣлъ на ней своеобразный ея типъ, отличающiй ее отъ всѣхъ древнихъ и новыхъ Русскихъ городовъ. Въ этомъ воплотился свой историческiй генiй или духъ Москвы, который, какъ незримая сила, больше, чѣмъ все другое, даетъ ей характеръ, если не средоточiя государственной власти, то центра нашей жизни, съ ея нацiональной мыслью, съ ея народными чувствами и стремленiями, съ особенностями русскаго быта. Громадная, по

своему населенію, сильная своими промышленностью и торговлей, Москва все же сильнѣе всего этого своими историческими преданіями, которыя дѣлаютъ ее принципомъ нашей жизни. Вотъ отчего соприкосновеніе съ нею въ каждомъ русскомъ, великъ ли, или малъ онъ, поднимаетъ и крѣпитъ русскія чувство, мысль и волю. Здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, бьется сердце Россіи...

Мы будемъ удовлетворены, если читатели, слѣдя, по нашему изданію, за минувшими судьбами Москвы, обновятъ въ себѣ національное сознаніе. Здѣсь, а не въ другихъ нашихъ центрахъ, выковалась государственность Русскаго народа, сложилось великое Русское Царство, выработались разныя стороны нашего быта, коими до сихъ поръ объединяется и укрѣпляется громадная Россія. Правду сказалъ поэтъ:

Любовь къ отчизнѣ, какъ струя,
Отъ сердца къ сердцу пробѣгаетъ,
По цѣлой Руси изъ Кремля.

Въ дополненіе къ сказанному нами въ 1896 году, считаемъ нелишнимъ присоединить нѣсколько словъ о культурномъ значеніи Москвы.

То, что дали Руси Новгородъ, Кіевъ и Владиміръ, какъ наши государственные центры, Москва не только сохранила, но и развила и видоизмѣнила, создавъ изъ всего переданнаго ей свою руководящую идею, которая не утратила въ нашей жизни своего значенія и при переживаемомъ новомъ петербургскомъ періодѣ нашей исторіи, даже въ XX столѣтіи.

Наши западники все еще склонны утверждать, что Москва или пользовалась только чужимъ, заимствованнымъ, или создавала свое отрицательное и неуклюжее. Но объективное и всесторонее изслѣдованіе показываетъ, что всему полученному по наслѣдству она давала свои очень цѣнныя видоизмѣненія, а въ своемъ новомъ создала много такого, что имѣетъ положительное значеніе вклада въ исторію культуры.

Укажемъ нѣкоторые примѣры. Если русское зодчество переработало византійскіе архитектурные мотивы въ свой особый стиль, то этимъ мы обязаны не Кіеву и Владиміру, а Москвѣ, которая создала храмъ Василія Блаженнаго, Коломенскій дворецъ, царскіе терема и множество изящ-

ныхъ храмовъ Романовской эпохи. Не то же ли нужно сказать и о нашей живописи и орнаментѣ. И здѣсь византійскія и восточныя стихіи подверглись руссификаціи и дали много прекрасныхъ образцовъ, въ произведеніяхъ такихъ московскихъ художниковъ, какими были Андрей Рублевъ, Симонъ Ушаковъ и царскіе писцы, создатели орнаментированныхъ рукописей чудной красоты. Точно также эмалевое и чеканное дѣло и другія отрасли производствъ въ Москвѣ развѣ не представили весьма много новаго? Если сойти съ западнической точки зрѣнія, измѣняешь свой взглядъ и на московскую письменность, которая еще ждетъ своей оцѣнки. Но то, что она дала въ тяжелыя времена монгольскаго ига и въ XVI и XVII вѣкахъ, изъ коихъ послѣдній былъ отмѣченъ Смутнымъ временемъ, право, не такъ малоцѣнно, какъ казалось до сихъ поръ, Московскія, лѣтописи, проникнутыя идей государственнаго единства, житія святыхъ, произведенія митрополита Макарія Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго, переписка Курбскаго съ Іоанномъ IV, творенія св. патріарха Гермогена, письма царя Алексѣя Михайловича и проч. и проч. доказываютъ, что Москва не стояла въ дѣлѣ письменности на одномъ мѣстѣ, а постоянно двигалась въ своемъ просвѣщеніи и даже не оказалась неспособной къ усвоенію образованности, основанной на возрожденіи наукъ, и искусствъ, какъ то показываетъ Славяно-греко-латинская академія, давшая Россіи такого ученаго и писателя, какимъ былъ нашъ великій Ломоносовъ и глубоко образованныхъ іерарховъ.

Очевидно, Москва не коснѣла въ застоѣ въ культурномъ отношеніи. Не случайно же она была родиной Михаила Ѳеодоровича Романова, царя Алексѣя Михайловича, Петра Великаго, мѣстомъ воспитанія Ломоносова, родиной Суворова и Пушкина, мѣстомъ работъ Карамзина и множества другихъ носителей нашего просвѣщенія въ многоразличныхъ отрасляхъ его проявленія.

I.

Основаніе Москвы и Юрій Долгорукій.

Сказаніе о томъ, будто Москва возникла въ IX столѣтіи, еще при Олегѣ, есть вымыселъ позднѣйшихъ книжниковъ. Впервые мы имѣемъ лѣтописное извѣстіе о существованіи Москвы отъ конца первой половины XII вѣка. Это—время наибольшаго развитія удѣльной системы, ослабившей Россію предъ нашествіемъ татаръ; это была пора образованія отдѣльныхъ областныхъ княжествъ и время ожесточенной борьбы изъ-за Кіева между Мономаховичами и Ольговичами и даже въ родѣ первыхъ. Въ этой громадной борьбѣ, которою, по выраженію лѣтописей, «взмялась» и въ коей «разодралась» вся Русская земля, принимали участіе всѣ князья: и сѣверные, и южные, и западные, и восточные. Ихъ дружины крестили и бились по всей Руси; но въ то же время заканчивался кіевскій періодъ Руси и подготовлялся новый. И Москва въ первый разъ упоминается, какъ городъ, въ лѣтописи, именно, въ эту горячую пору, подъ 1147 годомъ.

Весною этого года Суздальскій князь Юрій Владиміровичъ, какъ передаетъ лѣтописное сказаніе, пошелъ на Новгородъ, бывшій на сторонѣ Изяслава Мстиславича, взялъ Торжокъ и землю на Мстѣ, а Святославъ Сѣверскій, его союзникъ, по Юрьеву приказу, пошелъ на землю Смоленскую, тоже стоявшую на сторонѣ Кіевскаго князя, и взялъ тамъ жившихъ на Протвѣ литовцевъ-голядей и обогатилъ дружину свою полономъ. Послѣ этого, Святославъ, къ которому Юрій еще раньше посылалъ на помощь сыновей своихъ и богатые дары для него и его княгини (ткани и мѣха), получилъ отъ Суздальскаго князя зовъ пріѣхать къ нему въ Москву (въ «Московъ»), которая по этому именно поводу впервые упомянута въ лѣтописи. Святославъ отправился къ нему въ новый горо-

окъ съ сыномъ Олегомъ, княземъ Владиміромъ Рязанскимъ и дружиной. Олегъ поѣхалъ въ Москву впередъ и подарилъ Юрію барса. Дружески поздоровался основатель Москвы съ прибывшими князьями, и здѣсь началось пированье. На другой день Юрій сдѣлалъ большой, или, по старинному выраженію, «сильный» обѣдъ для гостей, богато одарилъ Святослава, сына его Олега, Владиміра Рязанскаго и всю ихъ дружину. Вѣсти о свиданіи князей-союзниковъ въ Москвѣ, передъ началомъ громаднаго междоусобія, разнеслись по Руси и сдѣлали извѣстнымъ этотъ новый и маленькій городокъ. Вотъ подлинная запись лѣтописи.

«И прославъ, говоритъ лѣтопись, Гюрги къ Святославу, рече: приди ко мнѣ брате въ Московъ. Святославъ же ѣха къ нему съ дитятемъ своимъ Олегомъ въ малѣ дружинѣ, поима съ собою Владиміра Святославича; Олегъ же ѣха напередъ къ Гюргю и да ему пардусъ (барса.) И пріѣха по немъ отецъ его Святославъ и тако любезно цѣловастася въ день пятокъ на Похвалу Святѣй Богородицѣ и быша весели. На другой же день повелѣ Гюрги устроить обѣдъ силенъ, и створи честь велику имъ и да Святославу дары многи съ любовію и сынови его Олегови и Владиміру Святославичу (Рязанскому), и мужѣ Святославлѣ учреди и тако отпусти и (П. С. Р. Л. II, 29)».

Карамзинъ утверждалъ, что канунъ Похвалы Богородицы—пятница пятой недѣли Великаго поста, въ 1147 году, падала на 28 марта. Но въ этомъ году Пасха была 20 апрѣля и похвальская пятница, наканунѣ Похвалы Богородицы, пришлась, 4 апрѣля. Первый указалъ на это И. Е. Забѣлинъ.

Въ эту пору Москва была лишь небольшимъ пограничнымъ для Суздальскаго княжества военнымъ пунктомъ, которому предстояло лишь въ будущемъ важное значеніе, по его срединному положенію, въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ нашихъ естественныхъ предѣловъ на западѣ и на востокѣ, на югѣ и сѣверѣ.

Хотя въ половинѣ XII вѣка еще не могла быть сознана эта центральность Москвы, но уже ощущалось, что тутъ лежитъ бойкій узелъ границъ нѣсколькихъ княжествъ: Суздальскаго, Смоленскаго, Рязанскаго, Сѣверскаго и Новгородскаго и важный перекрестокъ многихъ дорогъ и водныхъ путей.

Первый Суздальскій князь Юрій, получивъ отъ отца своего Владиміра Мономаха Залѣсье, долженъ былъ почувствовать, что ему недостаточно въ его удѣлѣ старыхъ новгородскихъ городовъ (Суздаля и Ростова), при помощи коихъ славяне утвердились въ поволжскомъ бассейнѣ, а также и новыхъ княжескихъ, какъ Владиміръ-на-Клязьмѣ и Ярославль на Волгѣ: «онъ началъ въ своемъ удѣлѣ города строить и людей населять». Такъ онъ основалъ здѣсь Переяславль Залѣсскій, Юрьевъ Польскій и Дмитровъ, но ему былъ необходимъ еще новый городъ и именно на Москвѣ-рѣкѣ.

Москва-рѣка, при обиліи лѣсовъ, семь съ половиною столѣтій тому назадъ, многоводная и судоходная, представляла собой мѣсто, гдѣ въ живомъ соприкосновеніи сходилось и сплеталось очень многое. Начало

Основатель Москвы—
Юрій Долгорукій.

этой рѣки, выше Можайска, находилось въ княжествѣ Смоленскомъ, тянувшемъ по Днѣпру къ южной Руси, а по Двинѣ къ западу къ Балтійскому морю; устье Москвы, при впаденіи ея въ Оку, принадлежало Рязанско-Муромскому княжеству, тянувшемуся къ Волгѣ. Цѣлая сѣть рѣкъ дѣлала это мѣсто очень бойкимъ для соприкосновенія съ другими княжествами пунктомъ, гдѣ сходились пути и въ Новгородъ, и въ Кіевъ, и во Владиміръ, и въ Смоленскъ. Н. П. Барсовъ въ своей Русской Исторической Географіи говоритъ: «для связи съ областью Москвы-рѣки, верхней Оки и чрезъ нее Угры, составлявшей путь изъ верхняго (Чернигово-Сѣверскаго) Поднѣпровья, служила Лопасня, сближающаяся съ притокомъ Москвы—Пахрою (на границахъ нынѣшнихъ Подольскаго и Серпуховского уѣздовъ) и еще болѣе Протва, которая своими верховьями подходитъ непосредственно къ Москѣ-рѣкѣ (въ Можайскомъ уѣздѣ). Здѣсь мы видимъ, въ первой половинѣ XII вѣка, старинныя поселенія «Вышегородъ и Лобыньскъ». Съ другой стороны, Москва-рѣка связывалась съ верхнимъ Поволжьемъ правымъ притокомъ своимъ Рузою и Ламою, вмѣстѣ съ Шошею, вливающеюся въ Волгу. Здѣсь—извѣстный Волокъ-Ламскій. Въ область Клязьмы шли пути по Сходнѣ, впадающей въ Москву-рѣку выше столицы, и по Яузѣ, которая, по обилію воды, была совсѣмъ не та, что нынѣ.

Понятно, что здѣсь былъ узелъ бойкихъ, перекрещивающихся военныхъ и торговыхъ дорогъ изъ Новгорода, Смоленска, Чернигова съ Кіевомъ, Ростова съ Суздалемъ. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ были не только поселенія финской мери, о чемъ свидѣтельствуютъ недавно открытые въ Москвѣ остатки языческихъ городищъ и разные предметы доисторическаго быта, но и славянскія селенія. При постройкѣ Большого Кремлевскаго дворца, были найдены серебряные обручи (кольца) и серьги, а на мѣстѣ Храма Христа Спасителя—древнія арабскія монеты, изъ коихъ одна 862 года. Здѣсь, по всей вѣроятности, бывали Владиміръ св., построившій свой городъ на Клязьмѣ, Борисъ, княжившій въ Ростовѣ, Глѣбъ—въ Муромѣ, и Ярославъ Мудрый, основатель Ярославля на Волгѣ, когда они ѣзжали оттуда на юго-западъ въ Кіевъ, а не въ Новгородъ. Несомнѣнно, что посѣщалъ эти мѣста и Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, нѣсколько разъ ѣздившій въ Ростовскую землю и строившій тамъ храмы. Но, когда онъ отдалъ въ удѣлъ Владиміро-Суздальскую землю своему сыну Юрію Владиміровичу Долгорукому, здѣсь мы видимъ на Москвѣ-рѣкѣ цѣлый рядъ селъ, принадлежащихъ старшему его дружиннику перваго ранга, говорятъ, даже тысячскому,—боярину Кучкѣ. Здѣсь, при этомъ вотчинникѣ, конечно, все было: и большія поселенія, и храмы, и боярскія хоромы: *не было только города*, какъ крѣпости, какъ военно-княжескаго пункта. Но, несомнѣнно, основатель отдѣльнаго княжества Суздальскаго не могъ, на рубежѣ столькихъ удѣловъ, въ пору ихъ наибольшаго столкновенія изъ-за Кіева, при началѣ усобицы съ Изяславомъ Мстиславичемъ, не основать здѣсь города, какъ именно стратегическаго пограничнаго пункта. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ то, что новый городъ въ 1147 году сдѣлался мѣстомъ важнаго съѣзда вышеназванныхъ князей—ратныхъ союзниковъ, гдѣ князья сговорились «жить въ любви и единствѣ до конца живота, имѣть однихъ друзей и враговъ и сообща стеречься отъ недруговъ». И крѣпость главными своими сторонами была обращена на югъ и западъ. Она была заложена на холмѣ, тамъ, гдѣ оканчивалось взводное судоходство Москвы-рѣки и начинается сплавное, гдѣ рѣка, выше устья Неглинной, образуетъ пороги. Только впослѣдствіи, когда Москва разрослась, для защиты ея построена другая крѣпость—Китай-городъ, а потомъ Бѣлый городъ и круговое земляное укрѣпленіе, охватывавшее городъ со всѣхъ сторонъ.

Объ основаніи же Москвы лѣтописное преданіе говоритъ, что «Юрій, казнивъ Кучка, взыдѣ на гору и обозрѣ очима своими сѣмо и овамо, по обѣ стороны Москвы-рѣки и Неглинной, возлюби села оныя (Степана Кучка) и повелѣлъ сдѣлати тамъ древянъ градъ». Что же именно построилъ Юрій Владиміровичъ въ Москвѣ? Древнѣйшій храмъ Іоанна Предтечи подъ Боромъ и церковь Спаса на Бору, который тянулся изъ Кремля, отъ Боровицкихъ воротъ, черезъ Китай-городъ, на нынѣшнюю Лубянку, на далекое пространство, построены были уже послѣ смерти Юрія. Но сооруженіемъ основателя Москвы были, несомнѣнно, деревянныя стѣны Кремля, за коими могли находить себѣ защиту крестьяне селъ Кучковыхъ и новые поселенцы. Однако эти стѣны были даже не дубовыми, по-

Юрій Долгорукій въ начальной Москвѣ.

тому что таковыя, по лѣтописному сказанію, построены Іоанномъ Калитою. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что основатель Москвы построилъ въ Кремлѣ и княжій дворъ, съ соотвѣтственными строеніями, гдѣ гостили у него князья и гдѣ можно было дать названный выше «сильный» обѣдъ, въ 1147 году, и гдѣ жила княжья дружина. Сомнѣнія нѣтъ, что извѣстный храмоздательствомъ, по другимъ городамъ, Юрій построилъ хотя одну церковь въ Москвѣ; такъ въ основанномъ имъ же черезъ пять лѣтъ послѣ Москвы (въ 1152 году), Переяславлѣ Залѣсскомъ, въ замѣну Кіевскаго Переяславля, онъ построилъ церковь каменну Спаса и обнесъ ее землянымъ валомъ, съ деревянными башнями, съ воротами въ нихъ Спасскими, Никольскими, Рождественскими. Въ томъ же 1152 году въ основанномъ имъ Городцѣ на Волгѣ, онъ строитъ храмъ Архангела Михаила и дѣлаетъ земляной валъ съ глубокимъ рвомъ. Въ построенномъ Юрьевѣ Польскомъ, созда церковь каменну во имя Спаса, и другую св. Георгія. Въ основанномъ тоже Юріемъ Долгорукимъ, Дмитровѣ первоначальное укрѣпленіе состояло изъ рва, наполненнаго водой, земляного вала и еще двойной стѣны съ 12-ю башнями. Нѣчто подобное построилъ Юрій и на Москвѣ-рѣкѣ.

Что такое были Кучковы села до основанія на Москвѣ-рѣкѣ города? Этотъ интересный вопросъ рѣшить очень затруднительно.

Къ числу Кучковыхъ селъ, по преданіямъ, принадлежали: Воробьево, Симоново, Высоцкое, Кулишки, Кудрино и Сущево; называютъ и другія; и тамъ, еще до основанія Москвы, какъ города, были, конечно, свои церкви: ибо села отличаются отъ деревень именно церквами. Одно только извѣстно, что Кучковы села не совпадали съ укрѣпленнымъ городомъ Москвою. Кучково поле начиналось именно съ того мѣста, гдѣ идетъ теперь Лубянка, а домъ боярина находился будто близъ нынѣшнихъ Чистыхъ прудовъ. Преданія разсказываютъ, что, на мѣстѣ церкви Спаса на Бору,

когда-то жилъ пустынникъ Букалъ, а на Крутицахъ какой-то мудрый человѣкъ, по имени Подонъ, родомъ римлянинъ.

Но все, что можно сказать о Степанѣ Кучкѣ, есть или былины лѣтописцевъ или догадки историковъ послѣдующаго времени. Разныя старинныя преданія говорятъ согласно, что онъ былъ казненъ Юріемъ Долгорукимъ. Но за что?—Вотъ вопросъ, который розно рѣшается и въ схожихъ съ былинами «старинкахъ», и въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Одна легенда говоритъ, что «Кучко, возгордѣвся зѣло, не почтилъ своего князя и даже хулилъ его».

Какая-то раскольничья рукопись, каторая была въ рукахъ историка Татищева, увѣряетъ, будто Юрій Владиміровичъ, бывшій въ связи съ женою Степана Ивановича Кучка, казнилъ его за то, что этотъ послѣдній заперъ отъ него свою жену и измѣнилъ ему въ отмщеніе за свою честь въ пользу Изяслава Мстиславича. Но та же «старинка» утверждаетъ, что Юрій Владиміровичъ выдалъ дочь казненнаго боярина Улиту за своего сына Андрея Боголюбскаго, передалъ ему въ бояре сыновей Степана, а села опальнаго взялъ себѣ. Особенно характерно, что сыновья казненнаго боярина, Кучковичи, хотя и были ближними боярами Андрея Боголюбскаго, были ему враждебны: одинъ изъ нихъ былъ казненъ имъ, а другой, вмѣстѣ съ своимъ зятемъ и другими боярами, составилъ заговоръ и убилъ въ Боголюбовѣ этого князя.

Позднѣйшіе историки, основываясь на томъ, что въ Новгородѣ иногда встрѣчалось имя Кучко, стали предполагать, что Степанъ Кучко былъ новгородскимъ земскимъ бояриномъ, что его села были населены новгородцами и что въ его «земскомъ сопротивленіи» заключается причина его казни, что самая Москва есть колонія новгородская. Но едва ли это такъ. Въ княжеское время, со времени основанія Владиміра-на Клязьмѣ и Ярославля, все вѣчевое-новгородское, начиная съ Ростова и Суздаля, въ Приволжскихъ владѣніяхъ Мономаховичей, становится въ тѣнь; и едва ли что-нибудь такое вѣчевое могло въ XII столѣтіи сказываться въ вотчинахъ Кучковыхъ. Да и самое прозваніе ихъ владѣльца, оканчивающееся на *о*, скорѣе указываетъ, что онъ, или его родители пришли изъ южной Руси, а не изъ Новгорода. Въ Подоліи былъ городъ Куча, а въ Червонной Руси Кучельминъ. У Черниговскихъ князей былъ бояринъ Судиміръ Кучебичъ. Отъ этого, можетъ-быть, и Степанъ Кучко тянулъ на югъ къ Изяславу Мстиславичу, за что и былъ казненъ великимъ княземъ Суздальскимъ.

Положилъ ли какую-нибудь печать своего личнаго характера на основанномъ имъ городѣ Юрій Долгорукій?—Едва ли. Объ этомъ можно догадываться уже потому, что онъ не послѣдовалъ примѣру своего прадѣда—Ярослава Мудраго, дававшаго свое имя основаннымъ имъ городамъ, и не назвалъ свою крѣпость Юрьевымъ, какъ сдѣлалъ это самъ относительно построеннаго имъ Юрьева-Польскаго, гдѣ онъ создалъ церковь въ честь св. Георгія Побѣдоносца,—своего ангела. Москва нѣкоторое время называлась даже Кучковымъ, а лишь потомъ за нею утвердилось, по рѣкѣ, названіе: «Москва», вѣроятно финское, обозначающее, по однимъ

Св. Георгій Побѣдоносецъ въ Дмитріевскомъ соборѣ.

сказаніямъ—«смородину», а по другимъ—«крутящуюся, искривленную», по третьимъ «мутную» и т. д. Все еще дѣло—за лингвистами выяснить намъ, изъ какого языка произошло и что именно значитъ слово «Москва», составлявшее названіе сперва нашей рѣки. Пора бы разгадать эту филологическую загадку. Ходаковскій писалъ *Мостковa*, производя это имя отъ мостковъ на рѣкѣ. Иные книжники производятъ это имя отъ Мосоха, сына Іафетова. Въ Сѣверо-восточной Руси—много рѣкъ, имена которыхъ оканчиваются на *ва*: Протва, Сылва, Косва.... У одной Камы 20 притоковъ, названія которыхъ такъ, именно, оканчивается; а *ва* по-фински значитъ вода.

Три поколѣнія Юрьева потомства новооснованный стратегическій пунктъ не удостоивали сдѣлать *постояннымъ* стольно-княжескимъ городомъ, хотя тутъ живали, въ XIII столѣтіи, князья Владиміръ Всеволодовичъ, Владиміръ Юрьевичъ и Михаилъ Хоробритъ, сынъ Ярослава. Такъ въ лѣтописи, про князей Михаила и Всеволода Юрьевичей, въ 1176 году, когда они были приглашены въ Суздальскую землю племянниками своими Ростиславичами на совмѣстное княженіе, говорится: «уя (схватила) и болѣзнь велика на Свинѣ (рѣка въ землѣ Черниговской) и идоша до Куцкова, рекше до Москвы».

Глѣбъ Ростиславичъ Рязанскій, въ 1177 году, выступилъ на защиту

шурьевъ своихъ Ростиславичей противъ дяди ихъ Всеволода III и шелъ въ Суздальскую землю чрезъ Москву и «пожже Москову всю, городъ и села».

Во время усобицъ, начавшихся по смерти Всеволода III (Большое Гнѣздо), между его сыновьями младшимъ Юріемъ, получившимъ великое княженіе, и Константиномъ, лишеннымъ его, несмотря на старшинство, младшіе ихъ братья раздѣлились между этими соперниками и иногда перебѣгали отъ одного къ другому. Такъ поступилъ Владиміръ Всеволодовичъ, занимавшій незначительный Юрьевъ, послѣ похода, въ 1212 году, съ Юріемъ на Константина, перебѣжалъ къ этому послѣднему и занялъ Волоколамскъ; посланный затѣмъ Константиномъ, затворился въ Москвѣ. Но въ слѣдующемъ 1213, когда братья помирились. Владиміръ былъ выведенъ Юріемъ изъ Москвы въ южный Переяславль, и Москвѣ не удалось сдѣлаться стольнымъ княжескимъ городомъ.

Затѣмъ, самъ Юрій Ситскій прислалъ сюда младшаго сына своего Владиміра Юрьевича, еще малолѣтняго, но онъ погибъ при нашествіи татаръ. Послѣ татарскаго разоренія въ Москвѣ сѣлъ одинъ изъ младшихъ сыновей Ярослава Всеволодовича — Михаилъ «Хоробритъ», который, не удовольствовавшись Москвою, выгналъ изъ первопрестольнаго Владиміра дядю своего Святослава и занялъ его мѣсто; но онъ тогда же погибъ на берегахъ Протвы въ битвѣ съ Литвою.

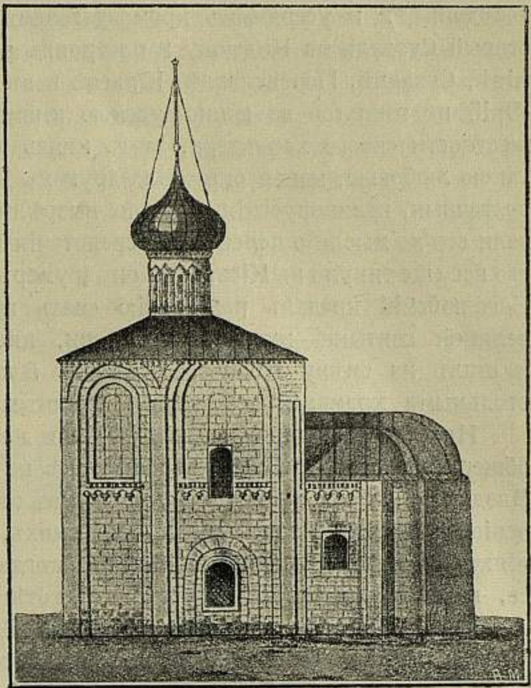
Александръ Ярославичъ Невскій основываетъ здѣсъ княжество, отдавъ Москву въ удѣлъ Москву младшему сыну своему Даніилу. Но, со времени утвержденія здѣсь княжескаго стола, и особенно съ возвышенія Москвы на степень общерусскаго центра, стала возстанавливаться и подниматься память основателя его. Наши князья, начиная съ Даніила Александровича, нарекали своимъ сыновьямъ—въ честь основателя Москвы—имя Юрія, и, наконецъ, Іоаннъ III сдѣлалъ ангела его, Георгія Побѣдоносца, гербомъ московскаго княжества. Это указываетъ на то, что преданія объ основателѣ Москвы хранились въ ней и его личный образъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣдующемъ преданіи не оставался безъ нѣкотораго вліянія на нашихъ московскихъ князей и имъ подвластныхъ.

Прежде, чѣмъ вглядѣться въ историческія черты характера и дѣятельности строителя Москвы, мы привели его изображеніе, принадлежащее профессору исторической живописи Императорской Академіи Художествъ В. П. Верещагину, взятое изъ его интереснаго изданія: «Исторія государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ его правителей». Конечно, рисунокъ этотъ не имѣетъ значенія портрета этого князя, но онъ вполнѣ художественъ и вѣренъ въ бытовыхъ чертахъ тому времени, къ коему относится. Воспроизводимъ также изображеніе ангела основателя Москвы—св. Георгія Побѣдоносца во Владимірскомъ Дмитріевскомъ соборѣ *).

Сынъ Мономаха Юрій Владиміровичъ, прозванный въ южной Руси за свою склонность къ захватамъ: «долгія руки», стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ, при концѣ кіевской и въ самомъ началѣ владиміро-московской.

*) Построенъ сыномъ Долгорукаго Всеволодомъ III Юрьевичемъ.

Храмъ князя
Юрія Долгорукаго,
въ Кидекшѣ.



Если онъ менѣе, чѣмъ его сынъ Андрей Боголюбскій и Московскіе князья-собиратели Руси, носитъ на себѣ великорусскій типъ князя-хозяина и государя и не чуждъ еще свойствъ родового и дружиннаго южно-русскаго князя, то все же онъ не похожъ на своего идеальнаго въ этомъ отношеніи отца—Владиміра Всеволодовича, съ коимъ скорѣе схожъ внукъ его Изяславъ Мстиславичъ, такъ упорно боровшійся съ Юріемъ Долгорукимъ изъ-за Кіевскаго великокняжескаго стола и самого Кіева, исполненнаго «величества и красы всѣмъ». Въ нашемъ же Суздальскомъ князѣ мы уже не найдемъ многихъ чертъ южно-русскаго князя, запечатлѣнныхъ въ «Поученіи» Владиміра Мономаха дѣтямъ. Онъ не—сторонникъ патріархально-родовыхъ отношеній, хотя изъ своихъ выгодъ и не хочетъ уступить Кіева своему племяннику Изяславу. Нашъ князь не постѣснился итти и противъ своего старшаго брата Вячеслава, который «былъ брадатъ, когда онъ еще не родился». Въ своихъ отношеніяхъ, онъ не дѣлаетъ различія между роднымъ гнѣздомъ Мономаховымъ и чужимъ «осинымъ»—Ольговымъ; ему все равно, кто бы ни шелъ у его стремени; даже не брезгуетъ помощью половецкою. Сыновей своихъ не очень-то голубитъ, и они, какъ Ростиславъ, уходятъ отъ него даже къ его сопернику Изяславу Мстиславичу. Боярамъ своимъ, какъ показываетъ примѣръ съ Степаномъ Ивановичемъ Кучко, онъ не даетъ потачки и думы ихъ мало слушаетъ. Вѣчевымъ городамъ отъ Юрія тоже—плохо. Доставалось отъ этого «Мономашича» не мало тяжелаго и господину Новгороду Великому. Но за то онъ являетъ себя въ Сѣверо-восточной Руси княземъ-хозяиномъ, строителемъ

городовъ *) и усерднымъ храмоздателемъ. Онъ хотѣлъ даже перенести старый Суздаль на Кидекшу и построилъ великолѣпные храмы во Владимірѣ, Суздалѣ, Переяславлѣ, Юрьевѣ и въ упомянутой Кидекшѣ. Вообще Юрій не гоняется за южно-русскою княжескою популярностью, и при жесткости своего характера, этотъ князь далеко не пользовался на югѣ такою любовью, какая окружала другихъ Мономаховичей. Но эти сѣверо-восточныя, великорусскія черты не вызрѣли еще въ Юріи I вполнѣ, не довели его до мысли о перенесеніи средоточія Руси съ юга на сѣверо-востокъ; его все еще тянуло въ Кіевъ, гдѣ онъ и умеръ, тогда какъ сынъ Юрія Андрей Боголюбскій предалъ раззоренію «мать градовъ русскихъ», лишилъ ее великой святыни—иконы Богоматери, писанной евангелистомъ Лукою, и сталъ на смѣну Кіеву обстраивать Владиміръ Залѣсскій высокопрестольными храмами, теремами и золотыми воротами.

Но если у великаго князя Юрія и не было мысли объ утвержденіи общерусскаго центра на сѣверо-востокѣ не только въ Москвѣ, а даже во Владимірѣ, то все же великорусскій типъ этого князя долженъ былъ съ теченіемъ времени, какъ въ историческихъ, такъ и въ эпическихъ сказаніяхъ, сдѣлаться традиціей Москвы, когда стало возможнымъ выдвинуть ее, какъ средоточіе общерусскаго тяготѣнія.

Нѣтъ свѣдѣній, навѣщалъ ли Юрій Владиміровичъ основанную имъ Москву, хотя и есть извѣстія, что онъ проходилъ по ея землѣ. Онъ даже умеръ не въ своемъ Суздальскомъ Залѣсьѣ, а въ Кіевѣ. О смерти создателя нашей Москвы лѣтопись кіевская говоритъ, что онъ на другой день Николина дня (10 мая 1157 года) пировалъ у своего боярина: «пивъ бо Гюрги въ осменники у Петрила, въ тъ день разболѣса» и чрезъ пять дней (15 мая) умеръ. Кіевляне не любили сѣверо-восточнаго Суздальскаго князя и на другой день разграбили его дворы (одинъ изъ нихъ великій князь называлъ раемъ) и перебили многихъ суздальцевъ. Но зато крѣпко любило Юрія великорусское населеніе Залѣсья, коему Георгій Суздальскій являлся подобнымъ Егорію Храброму.

У Татищева о наружности и характерѣ Юрія говорится: «былъ роста не малаго, толстый, лицомъ бѣлый, глаза не велики, великій носъ, долгій и покривленный, брада малая, великій любитель женъ, сладкихъ пищъ и питія, болѣе о веселіяхъ, нежели о расправѣ и воинствѣ прилежалъ, но все оное состояло во власти и смотрѣніи вельможъ его и любимцевъ».

Выше мы приводимъ изображеніе построеннаго Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году храма на Нерли въ Кидекшѣ, во имя свв. Бориса и Глѣба. Изъ всѣхъ храмовъ, построенныхъ основателемъ Москвы: Спаса въ Суздалѣ, Спаса въ Переяславлѣ, Георгія во Владимірѣ и тоже Георгія въ Суздалѣ,—эта Борисоглѣбская церковь, болѣе указанныхъ, сохранила свой

---

*) Въ короткое время, съ 1134 по 1152 г., онъ построилъ рядъ новыхъ городовъ: Конятинъ при впаденіи Нерли въ Волгу, потомъ Москву; въ 1552 году строитъ Юрьевъ Польскій, переноситъ на новое мѣсто у Плещеева озера Переяславль; а въ 1154 Дмитровъ (названный по имени сына) Дмитровъ.

первоначальный видъ. Въ этомъ храмѣ обрѣтены мощи сына нашего князя Бориса Юрьевича. Заслуживаетъ вниманія знатоковъ геральдики, что «на этихъ мощахъ была одежда, шитая золотомъ, а на ней вышитъ орелъ пластаный одноглавый, а отъ того орла пошло на двое шито золотомъ же и серебромъ узорами». Но, очевидно, Юрій Долгорукій не построилъ и такого малаго *каменнаго* храма въ основанной имъ Москвѣ.

II.

Москва до учрежденія въ ней княжескаго стола, Даніилъ Александровичъ, Юрій Московскій и Іоаннъ Калита.

Рость Москвы, по выраженію одного стариннаго сказанія, «малаго дрвяннаго города», былъ тугъ и медленъ. Съ 1147 года прошло девяносто лѣтъ, прежде чѣмъ Москва опять ярко всплыла на лѣтописную поверхность, до этого теряясь въ ряду другихъ городовъ Владиміро-Суздальскаго княжества, такихъ, какъ Юрьевъ-Польскій, или Переяславль и т. п. Только разгромъ Руси Батыемъ заставляетъ лѣтопись яснѣе заговорить о ней. Сюда великій князь Юрій Всеволодовичъ посылаетъ, для защиты отъ хлынувшихъ изъ Рязанской земли враговъ, князя Владиміра Юрьевича. И вотъ печальныя слова лѣтописнаго сказанія о нашей Москвѣ: «Татарове идоша къ Москвѣ (1237 года); тояже зимы взяша татарове Москву, а воеводу убиша, Филиппа Нянка, за православную хрестьянскую вѣру, князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди убиша отъ старца до сущаго младенца, а градъ и церкви огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша и, много имѣнія вземше, отъидоша». («П. С. Русск. Лѣтоп.» 1, 196).

Итакъ этимъ печальнымъ годомъ Москва, первый изъ городовъ Владимірскаго княжества, обратилась въ развалины, хотя за протекшія съ извѣстнаго съѣзда князей девяносто лѣтъ въ ней, какъ уже видно изъ приведенныхъ лѣтописныхъ словъ, была не одна, а нѣсколько церквей, неизвѣстно, впрочемъ, какихъ; даже основались здѣсь монастыри, значитъ, раньше позднѣйшихъ Данилова и Богоявленскаго; а самый городъ былъ уже настолько зажиточенъ, что враги могли взять здѣсь «много имѣнья».

Однако и полное разореніе Москвы и избіеніе всѣхъ ея жителей не могло уничтожить этого города. Значеніе его, уже ясно сознанное во всемъ Владимірскомъ княжествѣ, скоро привлекло на за-

пустѣвшее пожарище новыхъ жителей, и Москва быстро выстроилась вновь. Въ ней даже появляется князь. Чрезъ девять лѣтъ, послѣ названной катастрофы, именно въ 1246 году, мы видимъ здѣсь храбраго и энергичнаго князя, родного брата Александра Ярославича Невскаго, Михаила Хоробрита. Онъ былъ настолько силенъ, что выгналъ изъ Владиміра дядю своего Святослава; палъ Михаилъ въ 1248 году въ битвѣ съ литовцами. По всей вѣроятности, при возстановленіи Москвы, онъ именно построилъ въ Кремлѣ въ честь своего ангела деревянный храмъ архистратига Михаила, послѣ замѣненный каменнымъ соборомъ. Но это только предположеніе.

Св. Александръ Невскій.

Заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что основателемъ Московскаго княжества и родоначальникомъ династіи его князей былъ сынъ Александра Невскаго, соединявшій въ себѣ святость, храбрость и политическую мудрость отца своего. Только онъ и Димитрій царевичъ изъ всего рода московскихъ князей были причтены церковью къ лику святыхъ.

Четвертый сынъ Александра Невскаго, Даніилъ, послѣ смерти отца остался ребенкомъ двухъ лѣтъ и получилъ въ удѣлъ Москву,—которая принадлежала ему до 1303 года. Этотъ князь первый возвысилъ ее на степень стольно-княжескаго города, основавъ отдѣльное Московское княжество. При немъ Москва окрѣпла, хотя и опять была взята въ 1293 году татарами подъ предводительствомъ Дюденя. Выросшій подъ бурями татарскими, среди борьбы своихъ родичей изъ-за Владимірскаго великокняжескаго стола, нашъ энергичный князь направилъ свои силы на увеличеніе и округленіе собственнаго небольшого удѣла и былъ «первоначальникомъ собиранія русскихъ земель» подъ главенствомъ Москвы. Онъ примыслилъ къ своей вотчинѣ основанный Юріемъ Долгорукимъ Переяславль-Залѣсскій, доставшійся ему, по духовному завѣщанію отъ Ивана Дмитріевича, внука Невскаго, хотя того же домогались дяди Московскаго князя и двоюродные братья. Кромѣ того, онъ разбилъ Рязанскаго князя Константина Романовича, взялъ его въ плѣнъ и присоединилъ къ Москвѣ Коломну, замыкающую, при впаденіи въ Оку, нашу рѣку.

Даніилъ Александровичъ былъ домовитымъ хозяиномъ и обстраивалъ свой стольный городъ храмами. Преданія приписываютъ ему построеніе церкви Спаса на-Бору, Данилова монастыря и Богоявленскаго

Даниловъ монастырь въ Москвѣ.

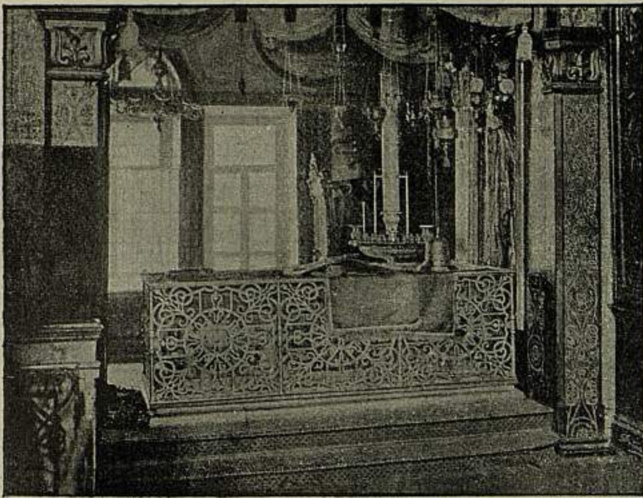
(въ 1296 году ему исполнилось шестьсотъ лѣтъ), гдѣ однимъ изъ первыхъ игуменовъ былъ братъ преподобнаго Сергія св. Стефанъ и гдѣ былъ постриженъ и монашествовалъ будущій митрополитъ всея Руси св. Алексій, сынъ боярина Ѳеодора Бяконта, переселившагося изъ Чернигова въ Москву. Въ честь своего ангела Даніилъ Александровичъ построилъ за Москвою рѣкою Даниловъ монастырь. При сынѣ его Іоаннѣ Калитѣ, тамошнее иночество было переведено въ Кремль, къ Спасу на-Бору, а обитель Даніила съ теченіемъ времени запустѣла. Степенная книга разсказываетъ, что при Іоаннѣ III, когда этотъ государь ѣхалъ на охоту мимо запустѣвшаго монастыря, подъ однимъ изъ молодыхъ бояръ споткнулся конь, и онъ принужденъ былъ остановиться. Тутъ явился ему свѣтозарный мужъ и сказалъ, что онъ—хозяинъ мѣста сего,—князь Даніилъ московскій, погребенный здѣсь, и велѣлъ передать великому князю: «ты всячески забавляешься, а меня предалъ забвенію». Іоаннъ Васильевичъ приказалъ пѣть панихиды и раздавать милостыни въ память о своемъ предкѣ. Но, только послѣ еще нѣсколькихъ чудесныхъ знаменій, уже Іоаннъ Грозный велѣлъ соорудить здѣсь каменную церковь и возстановить запустѣвшій монастырь. На одной изъ иконъ Данилова монастыря изображенъ Іоаннъ IV. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, въ 1652 году, гробъ св. Даніила былъ перенесенъ внутрь храма. Мощи св. Даніила были положены въ серебряную раку. Принявшій предъ смертью иноческій чинъ и схиму Даніилъ самъ приказалъ, по своему смиренію, похоронить свое тѣло не въ церкви, а на общемъ кладбищѣ, среди другихъ усопшихъ. Даніилу Александровичу приписываютъ постройку Архангельскаго собора, но это могло быть возстановленіе его, послѣ какого-нибудь пожара или разоренія. Можетъ быть это былъ и совсѣмъ новый храмъ въ честь ангела дяди основателя Московскаго княжества, князя Михаила Ярославича Хоробрита. Воспроизводимъ съ гравюры XVIII столѣтія изображенія церкви Спаса на-Бору, которая, при основателѣ Московскаго княжества, была еще деревянною. Даніилу Александровичу приписывается основаніе монастыря на Крутицахъ—мѣстности названной такъ по своей крутизнѣ. У подошвы этой возвышенности протекали двѣ рѣчки, съ сѣверной—Сара, съ южной—Подонъ.

Благовѣрный князь Даніилъ Александровичъ въ схимѣ.

Сыновья Даніила Александровича— Юрій, получившій свое имя, вѣроятно, въ честь основателя Москвы, и Іоаннъ Калита продолжали политику своего отца въ дѣлѣ присоединенія къ Москвѣ новыхъ земель. Первымъ дѣломъ Юрія Даниловича было пріобрѣтеніе отъ Смоленскаго княжества Можайскаго удѣла. Въ годъ смерти своего отца (1303), онъ вмѣстѣ со своими братьями предпринялъ походъ на Можайскъ и взялъ его, а тамошняго удѣльнаго князя Святослава Глѣбовича, племянника Ѳедора Чернаго, привелъ плѣнникомъ въ Москву. Пріобрѣтеніе Можайска было третьимъ важнымъ примысломъ къ Москвѣ. Ибо, владѣя Коломной на устьѣ Москвы и Можайскомъ на ея верховьяхъ, Московскій князь обладалъ всѣмъ ея теченіемъ и могъ свободно двигаться, какъ въ смоленскія, такъ и въ рязанскія земли. Опираясь на такія владѣнія, а, главное, побуждаемый личною энергіей, Московскій князь сталъ стремиться къ великокняжескому столу во Владимірѣ и не побоялся вступить по этой причинѣ въ соперничество и борьбу съ болѣе могущественнымъ, чѣмъ самъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ. Сама Москва, несмотря на недавнее Дюденево раззореніе, была уже теперь крѣпкимъ городомъ, ибо Тверской князь, приходившій на нее во второй разъ въ 1308 году съ большою силою, по выраженію лѣтописца, «града не взя и, не успѣвъ ничтоже, возвратися», хотя бой его у Москвы «бысть силенъ».

Въ своей борьбѣ съ могущественной Тверью Московскій князь нашелъ себѣ помощь въ Великомъ Новгородѣ и въ Золотой ордѣ. Съ новгородцами Юрій Даниловичъ дружилъ, нерѣдко бывалъ у Святой Софіи и бился за нее не только съ тверичами, но и съ нѣмцами и шведами. Въ 1323 году, напримѣръ, онъ ходилъ противъ нихъ на Неву и поставилъ тамъ, на Орѣховомъ островѣ, городокъ (впослѣдствіи Шлиссельбургъ) и заключилъ миръ съ шведами, по старой пошлинѣ; второй же разъ ходилъ подъ самый Выборгъ.

Опираясь на новгородцевъ, Московскій князь сталъ домогаться отнять у Тверского князя великое княженіе Владимірское. Подарками и ловкостью онъ снискалъ себѣ расположеніе хана Узбека и женился на его сестрѣ Кончакѣ, названной въ крещеніи Агаѳіей. Получивъ ярлыкъ на великое княженіе, онъ, собравъ большія силы и въ сопровожденіи ханскаго баскака Кавгадыя, пошелъ на самую Тверь. Но энергическій Михаилъ Ярославичъ встрѣтилъ ихъ въ 40 верстахъ отъ Твери, подъ селомъ Борте-



Рака св. Даніила въ монастырѣ его имени въ Москвѣ.

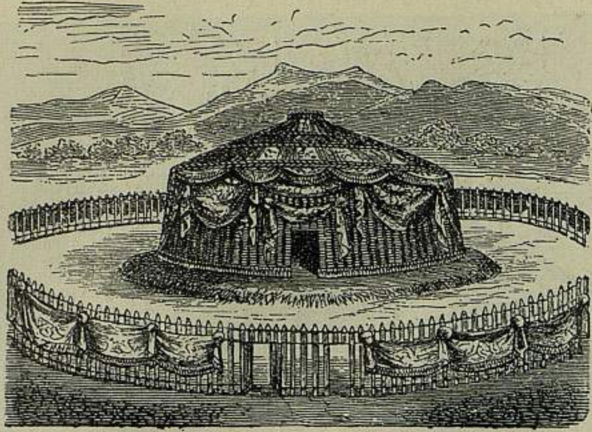
невымъ. Въ этой битвѣ особенно отличился самъ Михаилъ, обладавшій высокимъ ростомъ, крѣпкими мышцами и храбростью. Москвичи были разбиты; Юрій ушелъ въ Новгородъ, а Кончака, вмѣстѣ со многими московскими боярами, взята была въ плѣнъ. Когда она умерла въ Твери, Юрій Даниловичъ убилъ въ Москвѣ Тверского посла Марковича и съ Кавгадыемъ отправился въ орду, гдѣ обвинилъ своего соперника въ разныхъ враждебныхъ хану дѣяніяхъ и въ отравленіи его сестры. Вызванный туда Михаилъ, послѣ жестокихъ мученій, былъ убитъ татарами близъ Дербента, и его обезчещенное тѣло было привезено въ Москву, а потомъ отвезено было въ Тверь. Москва восторжествовала надъ нею, но цѣною крови. За это и самъ Юрій Даниловичъ заплатилъ своею жизнью: 21-го ноября 1324 года, черезъ шесть лѣтъ послѣ убіенія Михаила Тверского, наканунѣ годовщины его смерти, Московскій князь былъ убитъ въ ордѣ Дмитріемъ Михайловичемъ, по прозванію «Грозныя очи», который отомстилъ за смерть своего отца.

Тѣло Юрія Даниловича впослѣдствіи привезено было въ Москву и было погребено св. Петромъ, митрополитомъ всея Руси, въ храмѣ Успенія (мѣсто его могилы неизвѣстно), при общемъ плачѣ народа Московскаго и брата убіеннаго Іоанна Даніиловича. Тверичъ, убійца, былъ казненъ въ ордѣ, и ханъ съ этого времени гнѣвался на всѣхъ Тверскихъ князей, называя ихъ, по выраженію лѣтописи, «крамольниками и ратными себѣ».

Москва вышла такимъ образомъ побѣдительницею надъ Тверью, и теперь ее ожидалъ болѣе широкій путь къ собственному возвышенію и единству Россіи, хотя на немъ впереди было много терній и камней преткновенія. Тяжкимъ трудомъ и кровавымъ потомъ достигалось осуществленіе великой цѣли, но Москва восходила на новую ступень своего историческаго бытія.

Преемникомъ Юрія на княжескомъ столѣ былъ его братъ Іоаннъ Даниловичъ Калита (1326—1340). Это—наиболѣе типичный изъ Московскихъ

Юрій Московскій
и Димитрій
«Грозныя очи».



Ханская ставка.

князей—собирателей Руси. Печать его сильнаго вліянія видна на послѣдующихъ князьяхъ, изъ коихъ многіе носили тоже имя Іоанна; она видна и на самой Москвѣ и на ея великорусскомъ населеніи.

Русскій типъ этого князя слагается изъ усердной религіозности и настойчивой, послѣдовательной расчетливости, съ отсутствіемъ той «удалости», которая была нерѣдкою чертою въ южно-русскихъ князьяхъ. Набожный и умный хозяинъ,—вотъ въ двухъ словахъ вся характеристика этого великаго князя. Но, проявляя въ своей дѣятельности именно эти двѣ черты своего характера, Іоаннъ Даниловичъ возвелъ Москву на новую, весьма важную ступень историческаго бытія. Если при Юріи Долгорукомъ она была только небольшимъ городкомъ, въ родѣ Переяславля Залѣсскаго, Можайска и т. п., а при Юріи Даниловичѣ доросла до значенія Твери и Рязани, то при Калитѣ она пріобрѣтаетъ значеніе, которое принадлежало Владиміру, а до него Кіеву, т.-е. значеніе всероссійское.

Похоронивъ брата Юрія, новый московскій князь, прежде чѣмъ установить свои отношенія къ хану Золотой орды и добиться великокняжескаго достоинства, отданнаго тамъ Александру Михайловичу Тверскому, 4-го августа 1326 года заложилъ въ Кремлѣ каменный (вѣроятно, вмѣсто деревяннаго) соборъ Успенія Пресвятой Богородицы, который сдѣлалъ Москву всероссійской столицей въ церковномъ отношеніи. На приводимомъ далѣе рисункѣ съ древней иконы изображено построеніе этого первопрестольнаго всея Руси храма, бывшаго каѳедрою Всероссійскаго митрополита раньше, чѣмъ Москва стала государственною столицею всея Руси. Успенскій соборъ построенъ былъ по совѣту св. Петра митрополита.

Чрезвычайно важны отношенія этого первосвятителя къ Москвѣ и ея князю. Житіе св. Петра, составленное его современникомъ и ставленникомъ Прохоромъ, епископомъ Ростовскимъ, и впослѣдствіи распространенное митрополитомъ Кипріаномъ, небогато біографическими данными. Онъ, уроженецъ Волыни, семи лѣтъ былъ отданъ въ книжное ученіе и послѣ одного чудеснаго видѣнія сталъ оказывать необыкновенные успѣхи. 12-ти лѣтъ онъ принимаетъ монашескій постригъ и въ монастырѣ научается

Великій князь
московскій
Іоаннъ Калита.
(1326—1340 г.).

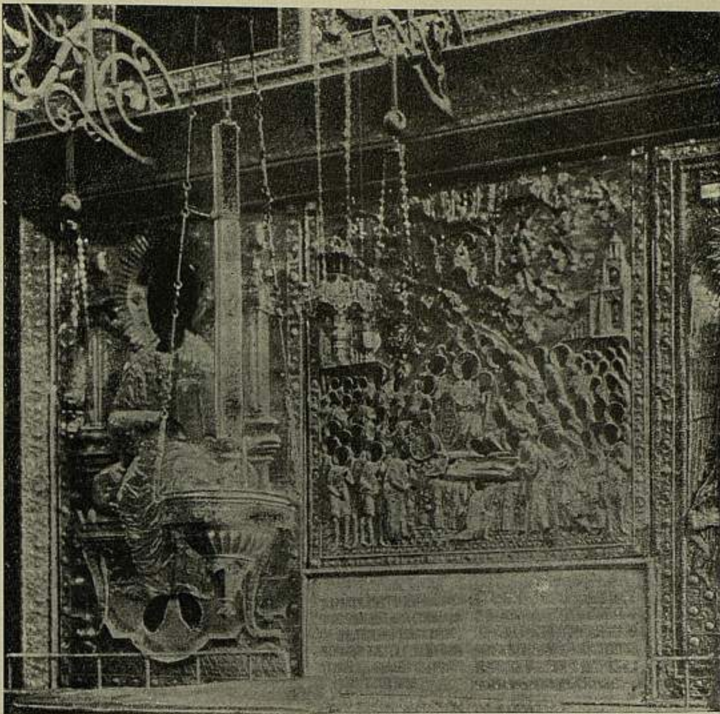
Св. митрополитъ Петръ.

иконописному искусству. Митрополитъ Максимъ, перенесшій всероссійскую митрополичью каѳедру изъ разореннаго Кіева во Владиміръ, при посѣщеніи Волыни, благословилъ тамошняго на Ратѣ игумена Петра и принялъ отъ него икону Богоматери, его собственнаго письма.

Послѣ смерти этого первосвятителя, похороненнаго не въ Кіевѣ, а во Владимірѣ, въ Успенскомъ соборѣ, нѣкій игуменъ Геронтій, вѣроятно, съ согласія великаго князя Михаила Ярославича Тверского, завладѣлъ митрополичьей каѳедрой и утварью и отправился въ Царьградъ для поставленія въ митрополиты. Въ то же время Червонно-русскій или Галицкій князь Юрій Львовичъ задумалъ устроить Галицко-волынскую митрополію и отправилъ Ратскаго игумена Петра къ Константинопольскому патріарху. Судьба устроила такъ, что Геронтія противные вѣтры задержали въ морѣ, а плаваніе Петра было скорое. Патріархъ Аѳанасій и императорскій Византійскій дворъ благосклонно приняли Волынскаго игумена, и онъ былъ рукоположенъ не въ Галицкаго митрополита, а Кіевскаго и всея Руси. У прибывшаго затѣмъ Геронтія отобраны были священныя принадлежности первосвятительскаго достоинства и переданы св. Петру, вмѣстѣ съ той иконой, которая была имъ поднесена покойному митрополиту Максиму.

Новопоставленный митрополитъ поселился однако не въ Кіевѣ, гдѣ пробылъ недолго, а во Владимірѣ, вблизи великаго князя и сблизился съ родомъ Московскихъ князей, въ особенности съ Іоанномъ Даниловичемъ

Икона Успенія, написанная святителемъ Петромъ.



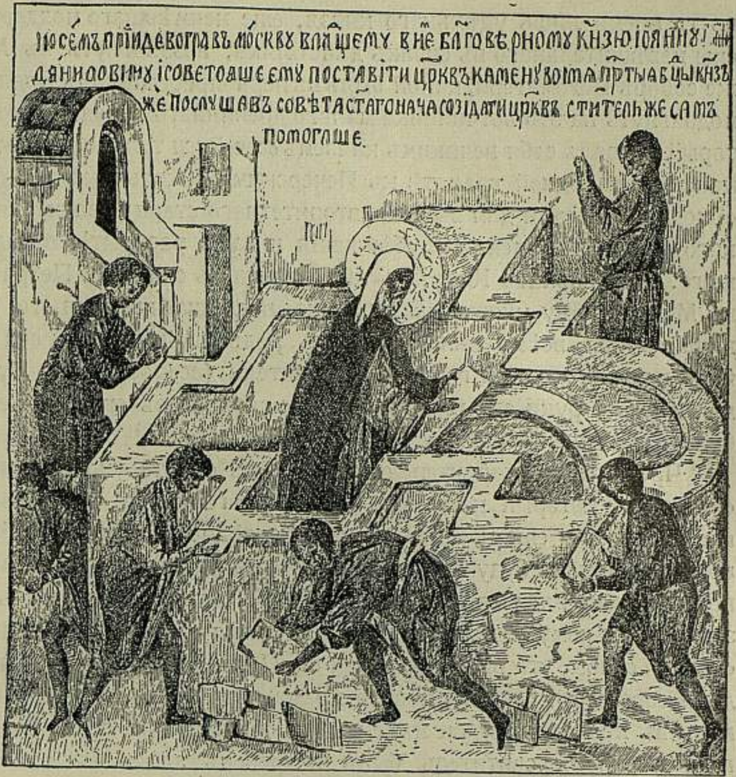
чемъ. Въ Сѣверной Руси часть духовенства не была довольна возведеніемъ на митрополичій престолъ Червонно-русскаго кандидата, въ особенности Тверской епископъ Андрей, сынъ Полоцко-литовскаго князя Герденя. Къ патріарху Константинопольскому отправленъ былъ доносъ на св. Петра, настолько важный, что изъ Царьграда былъ присланъ ученый канонистъ для разбора дѣла, вмѣстѣ съ русскимъ духовенствомъ. Въ Переяславлѣ Залѣсскомъ былъ созванъ въ 1311 году соборъ, имѣвшій осудить еще и ересь, враждебную монашеству. На Переяславскомъ соборѣ, кромѣ Тверского и Ростовскаго епископовъ, многихъ игумновъ и священниковъ, присутствовали и нѣкоторые князья съ своими боярами, именно—Тверскіе княжичи, а, главное, тутъ находился Іоаннъ Даниловичъ, сидѣвшій тогда въ Переяславскомъ удѣлѣ. По всѣмъ признакамъ, онъ держалъ сторону митрополита, тогда какъ во главѣ противниковъ послѣдняго стоялъ Тверской епископъ и, вѣроятно, не безъ поддержки своего князя и его княжичей. Несмотря на это, св. Петръ былъ оправданъ. И, несомнѣнно, здѣсь завязались тѣсныя дружескія отношенія первосвятителя съ Иваномъ Калитой, которыя впослѣдствіи такъ много способствовали возвышенію Москвы. Когда же вскорѣ затѣмъ Тверской князь послалъ съ войскомъ своего княжича Дмитрія Михайловича отнять Нижній-Новгородъ у потомства Андрея Городецкаго, и тверичи уже дошли до Владиміра, то митрополитъ Петръ наложилъ церковное прещеніе за дальнѣйшій походъ. Три недѣли простоялъ здѣсь Тверской княжичъ, пока добился,

Успенскій соборъ. Современный видъ.

чтобы митрополитъ разрѣшилъ его, и долженъ былъ вернуться въ Тверь.

Объѣзжая удѣльныя княжества, св. Петръ полюбилъ Москву, ея князей и ихъ политику, направленную къ единству Руси, подолгу оставался у нихъ. Въ Степенной книгѣ Царскаго Родословія сказано: «Божій человѣкъ, преосвященный митрополитъ, великій чудотворецъ Петръ прохожаше многіе грады и веси; въ преславномъ же градѣ Москвѣ начатъ пребывать больше иныхъ градовъ. Видѣ бо въ немъ благочестія державтеля сего боголюбиваго великаго князя Ивана Даниловича, православіемъ сіяюща, и милостива до нищихъ и честь велію подавающа служителемъ святыхъ Божіихъ церквей и тѣхъ ученію внимающа, его же отъ души зѣло возлюби чудотворецъ Петръ, съ нимъ же часто бесѣдуя и мудрствуя». Безъ сомнѣнія, онъ не безъ намѣренія придалъ особую торжественность похоронамъ великаго князя Юрія, убитаго именно Тверскимъ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ. Конечно, по указанію же митропо-

Св. Петръ строитъ себѣ могилу.



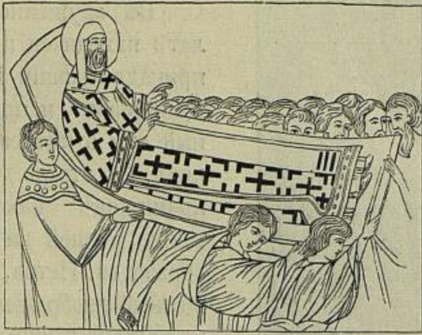
лита всея Руси, въ этихъ похоронахъ участвовали «и Новгородскій архіепископъ Моисей, и Ростовскій владыка Прохоръ, и Рязанскій владыка Григорій, и Тверской владыка Варсонофій». Если присоединить къ этому еще игумновъ и прочее духовенство, то этотъ соборъ многъ на погребеніи московскаго князя долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе не только на Тверское княжество, но и на всю Русь.

Но, возвышая такимъ образомъ Москву предъ Тверью, первосвятитель Петръ старался поставить ее выше и Владиміра, заступившаго мѣсто Кіева. Онъ лишилъ Владиміръ значенія церковной столицы всея Руси. Формальнаго или торжественнаго перенесенія Всероссійской митрополичьей каѳедры въ Москву собственно не было; а просто во время своихъ частыхъ объѣздовъ русскихъ областей всероссійскій митрополитъ все рѣже пріѣзжалъ во Владиміръ, все долѣе гостилъ въ Москвѣ. Но это нельзя представлять себѣ несознательною случайностью, и совѣтъ—построить въ Москвѣ подобный Владимірскому соборъ Успенія Пречистыя,—личною заботой митрополита о томъ, что ему здѣсь лучше всего найти мѣсто своего успокоенія и погребенія своихъ костей. Нѣтъ, глубокая мысль и дальновидное прозрѣніе сдѣлать Москву Всероссійской церковной столицей прекрасно освѣщена митрополитомъ Кипріаномъ въ его житіи первосвятителя Петра. По словамъ этого біографа, Петръ началъ просить Ивана Даниловича,

въ то время лишь удѣльнаго князя, еще неимѣвшаго поддержки Узбека и еще нерѣшительнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, воздвигнуть въ Москвѣ такой же соборъ Богоматери, какой былъ въ первопрестольномъ Владимірѣ. Чтобы подвигнуть на это вотчинника малаго древяннаго города, такого князя, который назвалъ себя великимъ княземъ *всея Руси* только подъ конецъ жизни, притомъ въ одной грамотѣ къ Печерскимъ сокольникамъ,—для этого необходимо было, и для высоко-авторитетнаго старца-святителя, слово сильнаго и вмѣстѣ елейнаго убѣжденія и даже раскрытіе отдаленнаго будущаго. Митрополитъ Кипріанъ такъ передаетъ слова св. Петра, обращенныя къ Московскому князю: «Если, сыне, послушаешь меня, то самъ прославишься паче всѣхъ князей, и весь родъ твой и градъ сей возвеличится надъ всѣми русскими городами; святители (всероссійскіе) будутъ обитать въ немъ, и руки его взыдутъ на плеща враговъ его; также и мои кости будутъ положены въ немъ».

Чрезвычайно характеренъ этотъ тонъ совѣта уже умиравшаго первосвятителя, который называетъ сыномъ того князя, роду котораго возвѣщается никому еще неясное, даже въ сосѣдней Твери, величіе. Положенію костей своихъ въ будущемъ храмѣ первосвятитель придаетъ значеніе только примѣра для ряда своихъ преемниковъ. Іоаннъ Даниловичъ послѣдовалъ знаменательному совѣту іерарха; но силы Московскаго князя были настолько слабы, что онъ при жизни св. Петра успѣлъ лишь вывести у самаго дома своего фундаментъ новаго храма. Святитель же Петръ самъ устраивалъ въ храмѣ нишу съ каменной гробницей для себя. Въ декабрѣ 1326 года почившій святитель былъ погребенъ здѣсь.

Въ день своей кончины онъ служилъ литургію, поучалъ народъ и раздавалъ милостыню. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ послалъ за московскимъ тысяцкимъ Протасіемъ, такъ какъ Іоанна Даниловича не было въ Москвѣ, и сказалъ ему: «чадо, я отхожу отъ житія сего; оставляю сыну своему, возлюбленному Ивану милость, миръ и благословеніе отъ Бога, ему и сѣмени его до вѣка. За то, что сынъ мой меня успокоилъ, воздастъ ему Господь сторицею». Степенная книга разсказываетъ, что за нѣсколько времени до кончины св. Петра, Іоаннъ Даниловичъ, проѣзжая берегомъ рѣки Неглинной, мимо Высоцкой слободы (нынѣшняя Петровка), принадлежавшей, по преданію, боярину Кучкѣ, внезапно увидалъ тамъ высокую гору, покрытую снѣгомъ, который вдругъ растаялъ, а затѣмъ исчезла и гора. Князь разсказалъ объ этомъ видѣніи митрополиту и услыхалъ отъ него объясненіе: «гора высокая—это ты, князь, а снѣгъ—я, смиренный. Мнѣ прежде тебя должно отойти изъ сей жизни». Въ память этого на мѣстѣ видѣнія Калита построилъ храмъ Боголюбской Божіей Матери, сдѣлавшійся основнымъ храмомъ Высоко-Петровскаго монастыря. Св. Петръ построилъ въ Кремлѣ свой митрополичій дворъ при церкви Іоанна Предтечи, подъ Боромъ, которая была его временнымъ каѳедральнымъ храмомъ. При возобновленіи его, послѣ 1812 года, здѣсь открыты были слѣды стариннаго кладбища и остатки деревяннаго дубоваго зданія, по всей вѣроятности, бывшаго митрополичьимъ подворьемъ.

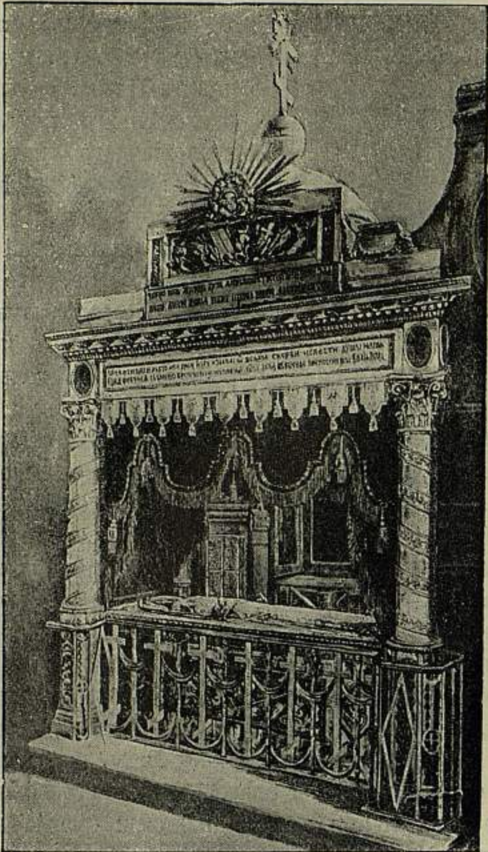


Выносъ мощей Св. Петра. (Съ древней иконы).

Приведенное выше изображеніе св. митрополита Петра, снято съ драгоцѣннаго покрова, возложеннаго на его мощи царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ соборной описи этой пелены сказано, что на немъ образъ святителя вышитъ золотомъ и серебромъ; надъ головою сдѣлано въ видѣ короны изображеніе Пресвятой Троицы; по ризамъ пробѣль низана крупнымъ и мелкимъ жемчугомъ; въ вѣнцѣ двадцать-девять искръ яхонтовыхъ. Оный покровъ опушенъ червчатымъ бархатомъ. На немъ слова канительныя, серебряныя, славянскою вязью: «Повелѣніемъ благочестиваго и христолюбиваго царя, государя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Руссіи и его благовѣрныя и христолюбивыя государыни царицы и великія княгини Марьи, сдѣланъ сей покровъ въ соборную церковь Успенія Пречистыя Богородицы, великаго чудотворца Петра митрополита на покровеніе чудотворныхъ мощей. Наста днесь всечестный праздникъ пренесенія честныхъ мощей твоихъ, святителю Петре, веселя твое стадо, вѣрнаго царя и люди, о нихъ же не оскудѣвая молися Христу Богу, имъ же отъ него даровати твоей паствѣ сохранитися отъ враговъ ненавѣствованныхъ и спастися душамъ нашимъ». По сторонамъ лика надпись: «святый (погречески) Петръ, митрополитъ, Московскій чудотворецъ». Такимъ представляли себѣ ликъ митрополита Петра русскіе художники XVII вѣка.

Въ этомъ іерархѣ перенесшемъ свою всероссійскую каѳедру въ Москву, мы не можемъ не видѣть одного изъ величайшихъ творцовъ государственнаго могущества и величія нашей Россіи и ея средоточія. Нѣсколько вещественныхъ памятниковъ древности, сохранившихся въ Москвѣ, усвоиваются преданіемъ св. Петру: 1) написанная имъ икона Успенія Богоматери (въ главномъ иконостасѣ, въ нижнемъ его ярусѣ, вторая, по правую сторону отъ царскихъ вратъ). 2) Другая икона его же письма—Богоматерь Петровская, въ придѣлѣ апостоловъ Петра и Павла. 3) Панагія, золотая, полуовальная съ драгоцѣнными каменьями. На вставленной въ нее ониксѣ вырѣзанъ пророкъ Даніилъ съ соотвѣтствующей греческою надписью. Задняя сторона панагіи—образъ Божіей Матери Одигитріи. Хранится въ патріаршей ризницѣ. 4) Саккосъ изъ лазореваго атласа съ вытканными въ кругахъ четвероконечными крестами. 5) Епитрахиль, съ дробницами обнизанными жемчугомъ. 6) Посохъ. 7) Богослужебная шапка, опушенная горностаемъ. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ князей и лѣтописяхъ упоминается крестъ чудотворца Петра, которымъ онъ благословилъ Іоанна Даниловича. Въ послѣдній разъ достопамятный крестъ этотъ упоминается при Ѳеодорѣ Борисовичѣ (Годуновѣ).

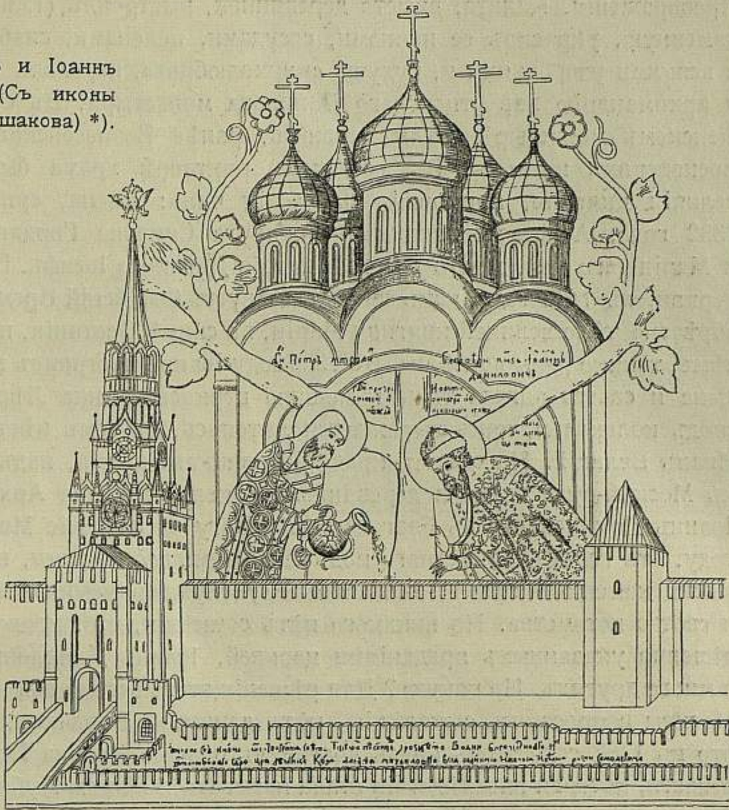
Рака Св. Петра.



Въ оружейной палатѣ находится посохъ, принадлежавшій Іоанну Даниловичу и подаренный ему этимъ святителемъ. Въ этомъ древнехранилищѣ находится также рѣзной на кости образъ св. Петра, окруженный изображеніями, иллюстрирующими его житіе, какъ-то: его рожденіе, постригъ въ иночество и проч. Надъ однимъ изображеніемъ читаемъ надпись: «св. Петръ созда це(рковь)», надъ другимъ: «Князь великій Иванъ». Судя по тому, что подъ образомъ есть подпись: св. Петръ — *новый* чудотворецъ, его происхожденіе относится къ тому времени, когда были обрѣтены его мощи, и начато было почитаніе его, какъ причтеннаго къ лику святыхъ. Мощи его были обрѣтены при Іоаннѣ III, при перестройкѣ собора въ 1472 году. Въ древнемъ иконописномъ подлинникѣ наружность первосвятителя Петра изображается такъ: «подобіемъ старъ, сѣдъ, брада велика и широка, должиною мѣрна, на главѣ клобукъ бѣлый, риза святительская—саккосъ лазоревый крестечной, исподняя риза багряная, во омофорѣ и евангеліе въ руцѣ».

Никоновская лѣтопись говоритъ о преемникѣ этого святителя митрополитѣ Өеогностѣ: «пріиде на великій столъ, на митрополью, на Кіевъ и на всю Русь, таже пріиде въ Володимеръ и въ славный градъ Москву, къ Пречистой Богородицѣ Успенію и къ чудотворцеву гробу Петрову, и на его мѣсто сѣдѣ и въ его дворѣ нача жити... Инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща». На другой 1329 годъ, по своемъ прибытіи, митрополитъ Өеогностъ построилъ въ Москвѣ, двѣ каменныя церкви—Іоанна Лѣствечника (нынѣ подъ Ивановской колокольней) и апостола Петра (поклоненіе веригъ,—придѣлъ Успенскаго собора). И великій князь въ слѣдующемъ 1330 году заложилъ каменную церковь Спаса на-Бору, и чрезъ три года тоже каменную церковь Михаила Архангела.

Св. Петръ и Іоаннъ Калита. (Съ иконы Симона Ушакова) *).



Митрополитъ Ѳеогностъ окончательно утвердилъ каѳедру всероссійскихъ первосвятителей въ Москвѣ, и вся Русь стала тянуть къ ней, какъ своему церковному средоточію. Уже это побуждало Іоанна Даниловича къ сильному храмоздательству, которое впослѣдствіи сорокомъ сороковъ церквей выдѣлило нашъ городъ изъ всѣхъ городовъ Руси.

Древнія преданія, кромѣ Успенскаго собора, освященнаго епископомъ Прохоромъ, 4 августа 1327 года, опредѣлительно приписываютъ Іоанну Даниловичу построеніе слѣдующихъ каменныхъ храмовъ. На Боровицкомъ холму, на самомъ дворѣ княжескомъ, была деревянная церковь Спаса

*) Изображенія св. Петра и Іоанна Калиты сняты съ иконы Владимірской Божіей Матери, находящейся въ церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ и писанной Симономъ Ушаковымъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. На ней оба историческихъ дѣятеля представлены у аллегорическаго дерева, выросшаго въ Успенскомъ соборѣ; въ срединѣ вѣтвей древесныхъ стоитъ икона Владимірской Богоматери. На боковыхъ вѣтвяхъ въ медальонахъ изображены московскіе святые и въ ихъ числѣ царевичъ Димитрій, царь Ѳедоръ, патріархъ Филаретъ Никитичъ и проч. Внизу иконы сдѣланы портреты царя Алексѣя Михайловича и царицы Маріи Ильиничны. Это—одно изъ любопытнѣйшихъ произведеній знаменитаго московскаго художника.

Преображенія. Калита, вмѣсто деревянной, выстроилъ (1330 г.) «чудную» каменную, украсилъ ее иконами, сосудами, пеленами, снабдилъ книгами и всякими узорочьями и, будучи «мнихолюбивъ», перевелъ сюда иноковъ и архимандрію изъ отцовскаго Данилова монастыря. Въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ стали хоронить, ранѣе Вознесенскаго монастыря, московскихъ княгинь. Въ западномъ притворѣ храма были погребены великія княгини, принявшія иноческій чинъ: Елена, супруга Калиты, 1332 года, Анастасія Литовская, супруга Симеона Гордаго, 1345 года, и Марія (его же), послѣ сынъ Димитрія Донского Іосифъ. При передѣлкѣ церкви, въ 1473 году, какъ свидѣтельствуетъ Софійскій Временникъ, «было обрѣтено тѣло великой княгини Маріи, въ схимѣ Ѳеотиніи, повреждено ничѣмъ, толико ризы истлѣли». Въ 1333 году Іоаннъ построилъ въ честь своего сына и своего ангела тоже каменную церковь Іоанна Лѣствичника, что «подъ колоколы», какъ выражается лѣтопись, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Иванъ Великій. На самомъ краю Боровицкаго холма, надъ спускомъ его къ Москвѣ-рѣкѣ, стояла деревянная церковь Михаила Архангела. Здѣсь Іоаннъ Даниловичъ, въ благодарность Богу за спасеніе Москвы, въ 1332 году, отъ голода, извѣстнаго подъ названіемъ *рослой ржи*, воздвигъ на ея мѣстѣ каменный храмъ, назначивъ ему служить усыпальницей для себя и своего потомства. Но никакого нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ этихъ, опредѣленно указанныхъ преданіями церквей, Іоаннъ Даниловичъ построилъ и много другихъ. Но какихъ? Для рѣшенія этого весьма важнаго въ исторіи Москвы вопроса, къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ. Впрочемъ, есть извѣстіе, что въ 1337 году этотъ князь построилъ церковь Іоанна Предтечи въ мѣстности, которая впослѣдствіи стала называться Малою Лубянкою. И здѣсь будто находился какой-то княжій домъ.

Но что при Іоаннѣ Калитѣ въ Москвѣ было уже много церквей, и именно построенныхъ этимъ княземъ,—это видно изъ извѣстія о пожарахъ въ нашемъ стольномъ городѣ. Чрезъ три года послѣ смерти Калиты, подъ 1333 годомъ, лѣтописецъ отмѣчаетъ: «мая 31, погорѣ городъ Москва, церквей изгорѣло 28; въ пятнадцать лѣтъ (1328—1333), се на Москвѣ уже четвертый пожаръ бысть великой. Въ 1337 году бысть пожаръ на Москвѣ (Москва вся погорѣ), згорѣ церквей 18».

Значитъ, только въ теченіе шести лѣтъ, съ 1337 года по 1343, было выстроено множество церквей. Не только эти 18 сгорѣвшихъ храмовъ были или выстроены вновь, или только возстановлены, но было построено еще совсѣмъ уже новыхъ 10, кои въ числѣ 28 сгорѣли въ 1343 году. Нѣтъ сомнѣнія, что Симеонъ Гордый въ три года, прошедшіе со смерти Калиты, могъ построить только нѣсколько храмовъ.

Вообще историки мало обращаютъ вниманія на храмоздательство Іоанна Даниловича и на его усердіе къ церкви и ея владыкамъ, хотя эта черта его характера и дѣятельности не менѣе важна, чѣмъ напримѣръ, накопленіе имъ богатства и даже собираніе земель. Успѣшность этого послѣдняго едва ли не болѣе зависѣла отъ церковной силы этого князя, чѣмъ отъ богатства его калиты и благоволенія орды, коими онъ пользовался въ цѣляхъ объединенія Руси.

Архангельскій соборъ.

Раскрывъ чисто московскій характеръ отношеній Іоанна Даниловича къ Церкви и представителямъ Всероссійской іерархіи, обратимся къ государственной дѣятельности этого примѣчательнаго князя. Только по кончинѣ св. митрополита Петра, онъ отправляется въ Золотую орду по Узбеку и въ 1327 году выходитъ оттуда съ большою татарскою ратью и пятью темниками для наказанія Тверскаго князя Александра Михайловича, который допустилъ убіеніе въ Твери баскака Чолхана, или Щелкана. Соперникъ Москвы бѣжалъ въ Псковъ; но тамъ его настигло духовное оружіе: митрополитъ Ѳеогностъ отлучилъ и князя, и псковичей отъ церкви. Смирившійся врагъ долженъ былъ итти въ орду и былъ тамъ казненъ. Тверское княжество, раззоренное татарами, потеряло силу бороться съ Москвою. Калита велѣлъ снять колоколъ съ главнаго храма въ Твери Спаса и привезти его въ Москву, въ знакъ зависимости первой отъ послѣдней.

Въ 1328 году Іоаннъ Даниловичъ опять поѣхалъ въ орду и получилъ тамъ ярлыкъ на великое княженіе. Никоновская лѣтопись, по этому поводу, замѣчаетъ: «и бысть оттолѣ тишина велика по всей Русской землѣ на 40 лѣтъ; и престаша татарове воевати Русскую землю». Та же лѣтопись говоритъ, что Иванъ Даниловичъ приде съ пожалованіемъ и съ великою честію *на великое княженіе Володимирское и сѣде на великомъ княженіи на Москвѣ*; *а столъ Володимеръ* и иныя многія княженія царь *Азбекъ даде ему къ Москвѣ*. Такъ, съ этого времени, Владиміръ только номинально, лишь по имени, считается великокняжескимъ столомъ, каковымъ на самомъ дѣлѣ съ этого времени является Москва: это—уже приписной къ Москвѣ, заштатный великокняжескій столъ.

Очень характеристическую черту Іоанна Даниловича составляетъ и то, что онъ былъ княземъ-капиталистомъ, Калитою, т.-е. кошелемъ съ деньгами. Собственная финансовая сметка и собираніе татарской дани

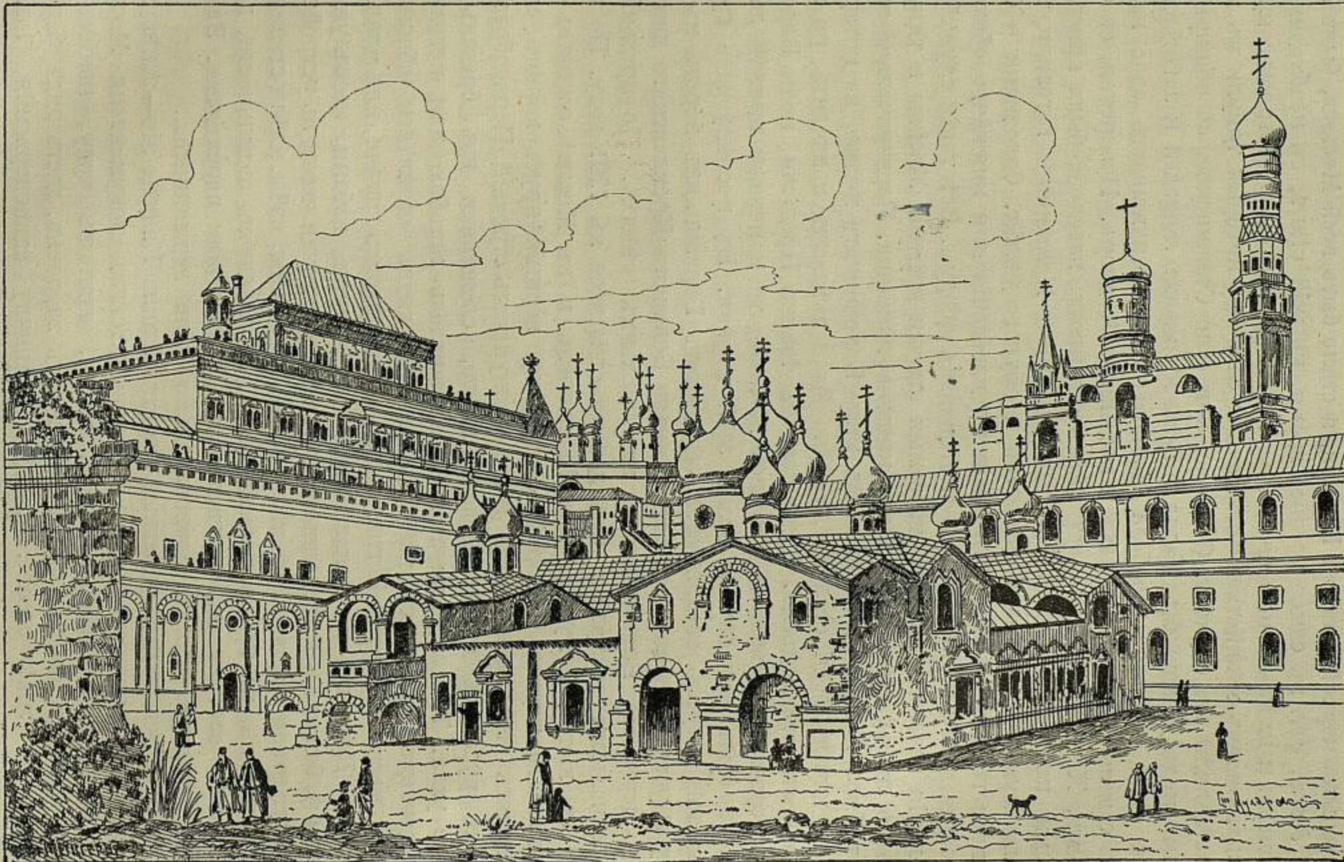
со всѣхъ русскихъ княжествъ, порученное ему Узбекомъ, чрезвычайно обогатили его. Были у него и другiе источники доходовъ: такъ отъ Новгорода Iоаннъ Даниловичъ требовалъ за-камскаго, т.-е. сибирскаго серебра. На приведенномъ выше рисункѣ В. П. Верещагина князь изображенъ съ кошелькомъ у пояса, что соотвѣтствуетъ словамъ въ духовномъ завѣщанiи Димитрiя Донского, гдѣ упоминается «поясъ золотъ съ калитою».

Пользуясь своимъ богатствомъ, Iоаннъ Даниловичъ увеличивалъ свои владѣнiя, при помощи купли земель. Такъ распространилъ онъ Московское княжество на юго-западѣ, отъ Коломны вверхъ по Окѣ, и прiобрѣлъ тамъ города Серпуховъ и Каширу, а на сѣверо-востокѣ наши границы охватывали уже часть Поволжья, заключая въ себѣ Угличъ и Кострому. Кромѣ того, Калита прiобрѣлъ Звенигородъ, Галичъ Мерскiй и Бѣлозерскъ. Для подчиненiя другихъ княжествъ онъ пользовался родственными связями. Выдавъ дочь свою за Ростовскаго князя, онъ при помощи своихъ бояръ хозяйничалъ въ его удѣлѣ, какъ въ своемъ.

Своимъ политическимъ вѣсомъ, богатствомъ и спокойствiемъ въ Москвѣ Калита привлекалъ въ свое княжество бояръ, переселявшихся сюда не только изъ другихъ удѣльныхъ княжествъ, но и изъ иныхъ земель. Такъ изъ Приднѣпровья пришелъ къ нему на службу бояринъ Родiонъ Нестеровичъ съ княжатами, боярскими дѣтьми и дворомъ, въ числѣ 1.800 человѣкъ. Съ запада, изъ-за нашего рубежа, а можетъ быть изъ Новгорода прiѣхалъ въ Москву бояринъ Андрей Кобыла, отъ котораго произошли многiе боярскiе роды, въ томъ числѣ Романовы. Съ востока изъ орды, пришелъ мурза Четъ, родоначальникъ Годуновыхъ. Изъ родословныхъ книгъ нашихъ боярскихъ родовъ видно, что многiе изъ предковъ ихъ переселились въ Москву, именно въ это княженiе. Бояре же, сомкнувшись вокругъ Московскихъ князей, дали имъ большую силу во всей Руси.

Важно было княженiе Калиты для усиленiя Москвы, какъ крѣпости. Зимою 1339 года Iоаннъ Даниловичъ обноситъ Кремникъ, или Кремль, дубовыми стѣнами, кои были окончены въ слѣдующемъ году Великимъ постомъ. Находимыя въ Кремлѣ, при разныхъ постройкахъ, толстыя дубовыя бревна, какъ думаютъ, составляютъ остатки крѣпостнаго палисада.

Каковъ при Iоаннѣ Даниловичѣ и вообще при первыхъ московскихъ князьяхъ былъ великокняжескiй дворецъ, и даже гдѣ и былъ-то онъ въ Кремлѣ, объ этомъ до насъ не дошло лѣтописныхъ извѣстiй. Мы, по необходимости, должны довольствоваться по этому предмету предположенiями. Вотчиннический, господарскiй типъ московскихъ князей, говоритъ И. Е. Забѣлинъ, обозначался даже въ самомъ устройствѣ ихъ стольнаго города Москвы. Въ сущности, это была помѣщичья усадьба, обширный вотчинный дворъ, стоявшiй среди деревень и слободъ, которыя почти всѣ имѣли какое-либо служебное назначенiе въ хозяйствѣ вотчинника, въ потребностяхъ его дома и домашняго обихода. Нѣкоторые иностранцы, уже въ позднѣйшiя столѣтiя бывшiе въ Москвѣ, вовсе не ошибались, когда весь Кремль принимали за дворецъ, говоря, что онъ обнесенъ каменной стѣной. Дѣй-



Спасъ на Бору.
(Съ гравюры
XVIII
столѣтія).

ствительно, первой основой Кремля, а стало быть всей Москвы, былъ *княжій дворъ*, или въ самое древнее время, княжій станъ, съ необходимыми хоромами и клѣтями на случай проѣзда. Онъ-то и былъ обстроенъ, кромѣ посада, рядомъ хозяйственныхъ селъ и слободъ, которыя тянули къ нему и составляли его службы. Остожье, или село Сѣнчинское, съ обширными лугами подъ Дѣвичьимъ, пасло табуны княжьихъ лошадей и заготовляло стоги сѣна на зиму. Слобода Конюшенная обнаруживаетъ свое назначеніе самымъ названіемъ, какъ и конюшенный дворъ. Поварская, съ Столовымъ, Хлѣбнымъ и Скатертнымъ переулками, населена была приспѣшниками княжьяго стола. Кадаши (ткачи) и Хамовники готовили такъ называемую бѣлую казну полотенъ и другого бѣлья. Садовники и Огородники готовили соотвѣтствующія произведенія для княжьяго обихода. Кречетники составляли особую охотничью слободу... Всѣ такія служебныя поселенія начали возникать въ самыя старыя времена Москвы и тянули, какъ къ своему центру, къ двору князя-вотчинника. Первоначально этотъ дворъ былъ построенъ на крутомъ углу Боровицкаго холма, на который, еще въ началѣ XIX столѣтія, трудно было въѣзжать и входить, по значительности его подъема. Если церковь Іоанна Предтечи, подъ Боромъ, была первою въ древнемъ городкѣ Москвы, то и первый княжій дворъ долженъ былъ находиться возлѣ этой церкви. Въ послѣдующее время княжескій дворецъ отодвинулся дальше отъ Боровицкихъ воротъ къ востоку и устроился на мѣстѣ нынѣшняго Большого Кремлевскаго дворца, предъ церковью Благовѣщенья на княжьихъ сѣняхъ. По преданіямъ первоначальная постройка этой церкви относится къ 1291 году. По аналогіи съ кіевской Русью, княжій дворецъ и въ Москвѣ состоялъ изъ златоверхаго терема, который составлялъ верхній ярусъ хоромъ, какъ назывались остальные ярусы и вся совокупность строеній. Первообразомъ жилыхъ русскихъ строеній была клѣть, сложенная изъ бревенъ на четыре угла. Теплая, или зимняя, называлась истьбою или истопкой. Отъ другихъ боярскихъ жилищъ княжій дворъ отличался обширной клѣтью, носившей названіе гридницы, гдѣ собирались гридни, или младшая дружина. Другія клѣти назывались столовыми избами, повалушами (спальни), божницами (моленныя). Общая характерная черта въ устройствѣ княжьяго двора заключалась въ томъ, что хоромины, избы, клѣти ставились хотя и по двѣ, по три въ одной связи, но всегда въ отдѣльности, даже отдѣльными особняками, соединяемыми сѣнями или переходами. Зданія двора Московскаго князя первоначально были деревянныя...

До насъ дошли двѣ душевныя грамоты Іоанна Калиты это—завѣщанія его. Обѣ онѣ являются важными юридическими документами Москвы XIV столѣтія. Въ нихъ великій князь, «идя въ орду, никимъ не нуженъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи, даетъ рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей». Слѣдуя принципу единодержавія, Іоаннъ Даниловичъ даетъ преимущество и въ своей вотчинѣ, и во власти надъ остающейся, послѣ него, семьею сыну своему большему: «приказываю тебѣ,—говоритъ грамота,—сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою съ меньшими дѣтьми; по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ».

Распредѣляя недвижимость и движимость князя, грамота даетъ много интереснаго для исторіи древнѣйшихъ московскихъ поселеній, быта и одежды той эпохи. Здѣсь мы встрѣчаемъ много селъ, кои существуютъ до сихъ поръ, и немало такихъ, кои исчезли съ лица земли. Изъ числа первыхъ упомянемъ: Напрудьское у города, Коломенское, Раменье, Гуслицу, Астафьево. Изъ числа вторыхъ: Труфановское (или Трифоновское), Черноголовль на Ворѣ, Маковецъ, Радонежъ.

Дѣля свои вещи между сыновьями и дочерьми (княжнами Фетиньей и Марьей) и супругой княгиней Оленой, великій князь подробно исчисляетъ свой скарбъ, по части посуды, украшеній и носильной одежды (портище). Здѣсь мы встрѣчаемъ цѣлую роспись разныхъ вещей: «и чаши золоты съ жемчугомъ, и «изъ судовъ» блюда и блюдца, и золотыя съ каменьями, и серебряныя безъ украшеній, и ковши, и чары, и чепи, и пояса съ жемчугомъ и каменьями, и сердоличные, и на червчатомъ шелку, и царевскіе, и фряжскіе, и шапки золотыя, и бармы, и ожерелья, и обручи (кольца), и гривны, монисты, и коробочки золоты, и кожухи червленый жемчужный, и кожухъ желтой объяри, и бугай соболій съ наплечники и съ великимъ жемчугомъ и съ каменьемъ, скорлатное портище съ бармами», и т. д. Все это очень интересно въ бытовомъ отношеніи. Въ обоихъ духовныхъ завѣщаніяхъ дѣлаются вклады въ церкви: «блюдо великое о 4 кольца Іоаннъ Даниловичъ приказываетъ отдать святой Богородицѣ Владимірской. Три сельца отдать на поминъ души въ монастыри. Серебряныя пояса раздать по попьямъ».

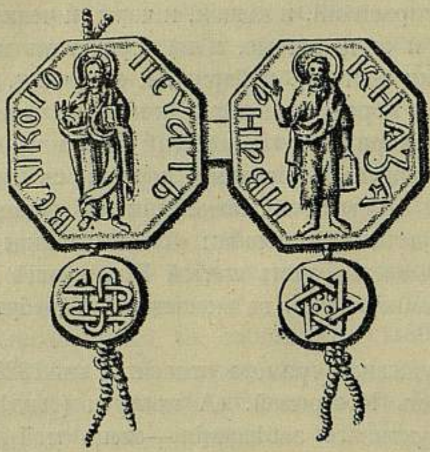
Та и другая душевная грамота относится къ 1328 году. Первая изъ нихъ писана дьякомъ Костромой. «А послуси (свидѣтели) были,—говорится въ концѣ духовнаго завѣщанія,—отецъ мой душевный Ефремъ, отецъ мой душевный Ѳедосей, отецъ мой душевный попъ Давыдъ».

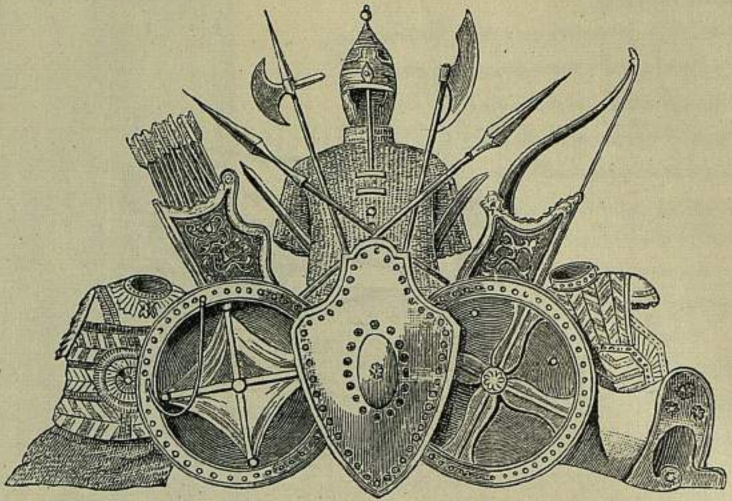
У этихъ двухъ грамотъ сохранились двѣ хорошей работы серебряныя вислыя печати. Въ древнія времена, особенно въ Россіи, печать имѣла болѣе важное, чѣмъ теперь, значеніе. До временъ Петра I считалось несовмѣстнымъ съ достоинствомъ государя подписывать своею рукою грамоты. Даже тѣ государи, кои были выучены писать, какъ напримѣръ Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ,—не ставили подписей подъ грамотами. Въ виду этого, подвѣшиваніе золотой, серебряной, свинцовой или даже восковой печати было актомъ утвержденія и вмѣстѣ удостовѣренія подлинности того или другого документа.

Обѣ печати Іоанна Калиты, осмигранной формы, имѣютъ на одной сторонѣ: изображеніе Христа Спасителя, одной рукой благословляющаго, а другой—держащаго евангеліе; на оборотной сторонѣ изображенъ патронъ великаго князя—Іоаннъ Предтеча, дающій правою рукой благословеніе, а въ лѣвой—держащій скрижаль или таблицу. Надпись: «печать великаго князя Ивана». Снизу второй его печати привѣшена свинцовая печать, повидимому, татарская. Воспроизводимъ именно эту печать Калиты.

Іоаннъ Калита скончался 31 марта 1340 года, принявъ передъ смертью схиму, и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, близъ южныхъ дверей у западной стѣны.

Лѣтопись говоритъ: «По смерти Іоанна Даниловича идоша въ орду сыновья его: князья Симеонъ, Іоаннъ и Андрей. Ханъ же Азбекъ, яко вельми любяше и чтяше отца ихъ, пріятъ ихъ съ честью и любовію., недолго державъ, поучи я, како жити въ тишинѣ и послушнымъ быти велѣнію его; обѣща имъ, яко никоихъ навѣтовъ на нихъ не приметъ и никому великаго княженія не вдастъ; но по нихъ чадамъ ихъ да будетъ».





III.

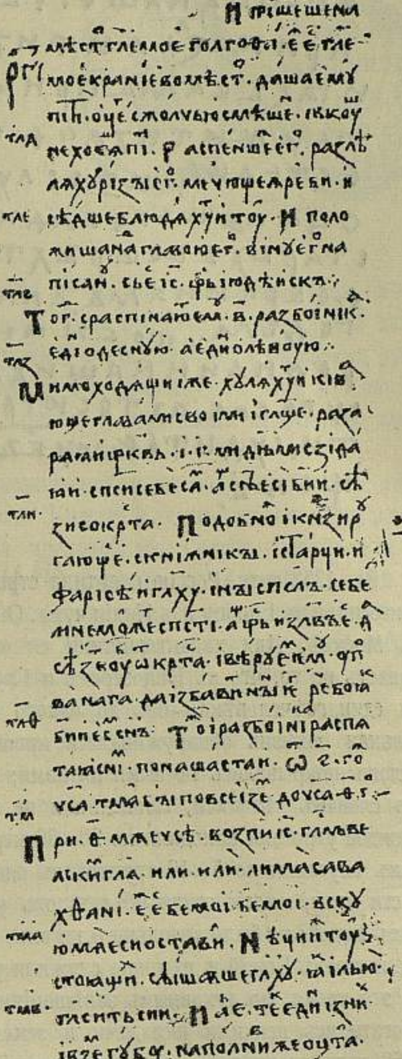
Москва при сыновьяхъ Калиты: Симеонѣ Гордомъ и Іоаннѣ II. Димитрій Донской.

Преемникъ Іоанна Калиты, его сынъ Симеонъ, прозванный Гордымъ (1340—1353), соединилъ разсудительность и практическую ловкость своего отца съ властительнымъ характеромъ. Получивъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе Владимірское, торжественно вѣнчался на него во Владимірѣ и принялъ «подъ руцѣ свои» всѣхъ остальныхъ русскихъ князей и заставилъ младшихъ братьевъ «цѣловать у отняго гроба крестъ» на томъ, что они всѣ будутъ заодно и станутъ чтить его во отца мѣсто, имѣя общихъ враговъ и друзей. Когда новгородцы послали въ Москву посадника Кузьму Твердиславича сказать: «еще, господине, на столѣ въ Новгородѣ не сѣлъ еси у насъ, а уже сильно дѣютъ твои бояре», Симеонъ въ наказаніе за то, что новгородцы захватили въ Торжкѣ московскихъ бояръ, пошелъ походомъ на Новгородъ, присоединивъ къ себѣ другихъ удѣльныхъ князей и даже всероссійскаго митрополита Ѳеогноста. Посадники и тысяцкіе, по требованію московскаго князя, явились къ нему и, босые, на колѣняхъ, просили у него милости; онъ взялъ съ Новгорода черный боръ и посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ.

Онъ умѣлъ дать почувствовать свою силу и энергію даже русско-

Великій князь
Симеонъ Гордый.

Св. Алексій митрополитъ, по стѣнописи Успенскаго собора.



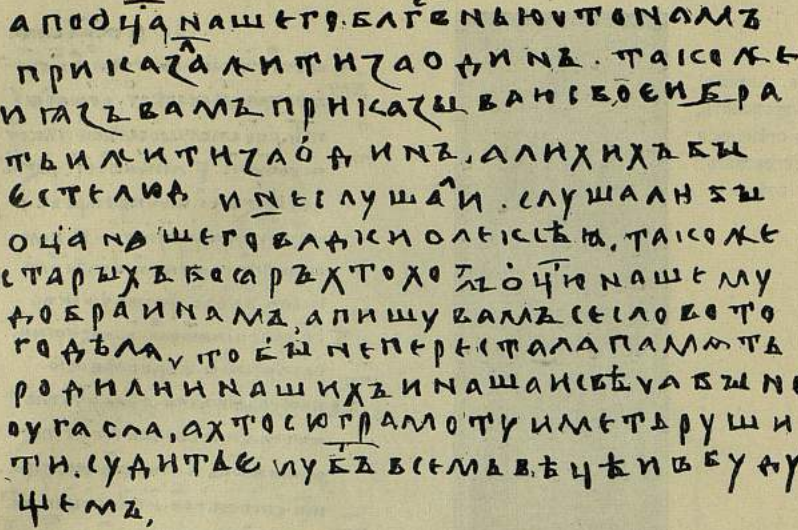
Изъ рукописи Св. Алексія «Новый Завѣтъ».

Печать митрополита Алексѣя.

литовскимъ князьямъ, которые спрашивали у него разрѣшенія на женитьбу на сѣверно-русскихъ княжнахъ. Походомъ своимъ подъ Смоленскъ онъ заставилъ Литву «со многими дары просить мира». «Князи же вси — Рязанскіе Тверскіе, Ростовскіе — толики подручны себѣ имѣ, яко вся по его глаголу творяху». Совершенно естественно, что великій князь такого характера окончательно принялъ титулъ великаго князя *всея Руси* и постоянно величался имъ; его же наименовали «Гордымъ».

Въ его правленіе выступаютъ на историческое поприще два великихъ лица: преподобный Сергій и митрополитъ Алексій; первый при немъ основываетъ свой Троицкій монастырь, а второй готовится въ Богоявленскомъ монастырѣ вступить на каѳедру всероссійскихъ митрополитовъ.

Завѣщаніе великаго князя Симеона Гордаго.


а по ѡца нашего блгсвнью что нам
приказал жити заодинъ. такоже
и язъ вамъ приказываю своеи бра
тьи жити заодинъ. а лихихъ бы
есте людеи не слушали. слушали бы
ѡца нашего владыки ѡлексѣя. такоже
старыхъ бояръ хто хотѣлъ ѡцю нашему
добра и намъ. а пишу вамъ се слово то
го дѣля, чтобы не перестала памят
родителии нашихъ и наша, и свѣча бы не
оугасла. а хто сю грамоту иметь руши
ти, судить ему бъ въ семъ вѣцѣ и в буду
щемъ.

Въ 1352 году Россію посѣтила страшная гостья—«черная смерть»,—занесенная въ Европу изъ Индіи чума. Она обошла всю Россію и появилась въ Москвѣ. Для характеристики ея опустошительности лѣтопись указываетъ на то, что въ Бѣлозерскѣ и Глуховѣ во время чумы не осталось ни единаго человѣка,—всѣ до одного перемерли. Чрезвычайно заразительная болѣзнь обнаруживалась кровохарканьемъ; кожа умирающихъ сплошь покрывалась темными пятнами; на третій день слѣдовала смерть. По словамъ лѣтописи, священники не успѣвали отпѣвать покойниковъ. Каждое утро они находили по 20—30 мертвецовъ въ своихъ храмахъ и затѣмъ опускали по 5—10 труповъ въ одну могилу. Вслѣдствіе прилипчивости язвы, многіе стали убѣгать отъ умирающихъ, даже самыхъ близкихъ людей; но было довольно и такихъ, которые показывали самоотверженіе и страхъ Божій и до конца служили умиравшимъ. Церкви и монастыри въ это время, по духовнымъ завѣщаніямъ, на поминъ души умиравшихъ, обогатились всякими вкладами и земельными имуществами. Въ мартѣ 1353 года скончался митрополитъ св. Ѳеогностъ и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ (въ придѣлѣ веригъ апостола Петра), «объ едину стѣну съ митрополитомъ Петромъ чудотворцемъ». Едва минули «святительскія сорочины», какъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ (36-ти) скончался и великій князь, успѣвъ передъ смертью постричься и принять схиму подъ именемъ Созонта.

Въ это княженіе впервые появляется въ Москвѣ тряпичная бумага, начинающая замѣнять пергаментъ. На этомъ новомъ матеріалѣ написанъ договоръ Симеона съ братьями и его духовное завѣщаніе. Приводимъ отрывокъ изъ этой грамоты. Достойна глубокаго вниманія заповѣдь умиравшаго: «слушать владыки Алексѣя и старыхъ бояръ, дабы не престала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла».

Къ этой грамотѣ привѣшена серебряная позолоченная печать; она на одной сторонѣ имѣетъ изображеніе св. Симеона съ соотвѣтствующею

надписью; на другой сторонѣ— слова: «печать князя великаго Семенова всея Руси».

По смерти великаго князя Симеона Іоанновича Гордаго, на Московскій престолъ вступаетъ его братъ Іоаннъ II, по выраженію лѣтописи, «христолюбивый, кроткій, тихій и милостивый». Слабый здоровьемъ, онъ не походилъ характеромъ ни на отца своего Калиту, ни на брата своего. Если въ Москвѣ «не погасла свѣча, и не престала память его родителей», о чемъ заботился въ своемъ духовномъ завѣщаніи Симеонъ Гордый, то это зависѣло отъ того, что вокругъ Московскаго князя и его стола дружно и дѣятельно сплотились митрополитъ Алексій и старые бояре московскіе.

Особенно важна была церковно-государственная поддержка князю со стороны владыки св. Алексія. Крестный сынъ Іоанна Даниловича, постриженникъ старшаго брата преподобнаго Сергія, настоятеля Московскаго Богоявленскаго монастыря, Стефана, св. Алексій за свой умъ и книжность поставленъ былъ митрополичьимъ намѣстникомъ и епископомъ Владимірскимъ, и митрополитъ Ѳеогностъ при жизни своей избралъ его своимъ преемникомъ на митрополичьей каѳедрѣ. Получивъ въ Цареградѣ отъ патріарха поставленіе въ митрополиты, св. Алексій, какъ проницательный и усердный русскій патріотъ, болѣе своего предшественника, грека, способствовалъ укрѣпленію могущества Москвы и сдѣлался первосовѣтникомъ и руководителемъ мягкаго характеромъ Ивана Ивановича въ дѣлахъ политическихъ. Воскресенская лѣтопись, подъ 1357 годомъ, говоритъ, что когда св. Алексій, 18 августа, готовясь къ путешествію въ Золотую орду, для исцѣленія Тайдулы, сталъ служить молебенъ у гроба святителя Петра «се тогда загорѣся свѣща сама собою у гроба чудотворца Петра; митрополитъ же, пѣвъ молебенъ со всѣмъ клиросомъ, и свѣчу ту раздроби и раздасть народу на благословеніе, и того же дни поиде въ орду». Исцѣливъ въ ордѣ жену хана Чанибека отъ слѣпоты, первосвятитель получилъ въ даръ татарскій конюшенный дворъ въ Кремлѣ, гдѣ онъ послѣ построилъ Чудовъ монастырь, привезъ изъ орды перстень Тайдулы (онъ имѣлъ значеніе печати, на коей былъ изображенъ драконъ), хранящійся и теперь въ патріаршей ризницѣ, и грамоту, освобождавшую все русское духовенство отъ податей.

По возвращеніи своемъ изъ орды, первосвятитель съ восторгомъ былъ встрѣченъ великимъ княземъ и народомъ. Осьмилѣтній князь Дмитрій, будущій куликовскій герой, со слезами благодарности привѣтствовалъ митрополита слѣдующими словами: «о, владыко, что ти воздамъ противу труду твоему, имже намъ мирное житіе даровалъ?» И дѣйствительно, митрополитъ Алексій сдѣлался могущественнымъ защитникомъ Москвы предъ ордою.

О построеніи Чудова монастыря извѣстно слѣдующее. За нѣсколько

лѣтъ до своей кончины, именно въ 1365 году, святитель Алексій, на мѣстѣ подареннаго ему ханскаго двора, воздвигъ монастырь съ храмомъ въ честь чуда архангела Михаила съ придѣломъ Благовѣщенскимъ. Здѣсь онъ приготовилъ себѣ гробъ и вручилъ монастырь попеченію великаго князя. Сюда онъ призывалъ преподобнаго Сергія; здѣсь возложилъ на него золотой крестъ съ парамандомъ и уговаривалъ его стать его преемникомъ на всероссійской первосвятительской каѳедрѣ.

Святитель обстраивалъ Москву новыми монастырями, хотя ихъ постройка относится къ предшествующему времени. Кромѣ Чудова монастыря, онъ построилъ Андрониковскій монастырь, на берегу Яузы, по обѣту, данному имъ на Черномъ морѣ во время бури. Мѣстность эта носила наименованіе Болвановской. По ней пріѣзжали съ болваномъ ханскимъ, или басмой, ордынскіе послы. Она также вела во Владиміръ и Суздаль.

Этотъ обѣтный монастырь былъ построенъ въ 1360 году. Святитель передъ этимъ ходилъ къ преподобному Сергію посовѣтоваться относительно исполненія обѣта. Тотъ далъ ему для построенія монастыря своего ученика Андроника. Мѣсто было избрано въ 7-ми верстахъ отъ Кремля, на высокомъ берегу Яузы. Преподобный Сергій, вмѣстѣ съ святителемъ Алексіемъ, благословилъ мѣсто закладки. Въ слѣдующемъ 1361 году былъ готовъ каменный храмъ, сохранившійся доселѣ, какъ памятникъ того времени. Сюда первосвятитель поставилъ привезенный изъ Царьграда нерукотворенный образъ Спасителя. Преподобный Сергій, князья и святители Москвы посѣщали этотъ монастырь. Подъ руководствомъ преподобнаго Андроника воспитались—его преемникъ по игуменству преподобный Савва и знаменитые художники-иконописцы Андрей Рублевъ и Даніилъ, основатели художественной московской иконописной школы. Въ этомъ монастырѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи двухъ первыхъ его игуменовъ. Монастырь былъ обнесенъ стѣнами и также, какъ и другіе предмосковные монастыри, сталъ служить фортомъ для московской крѣпости.

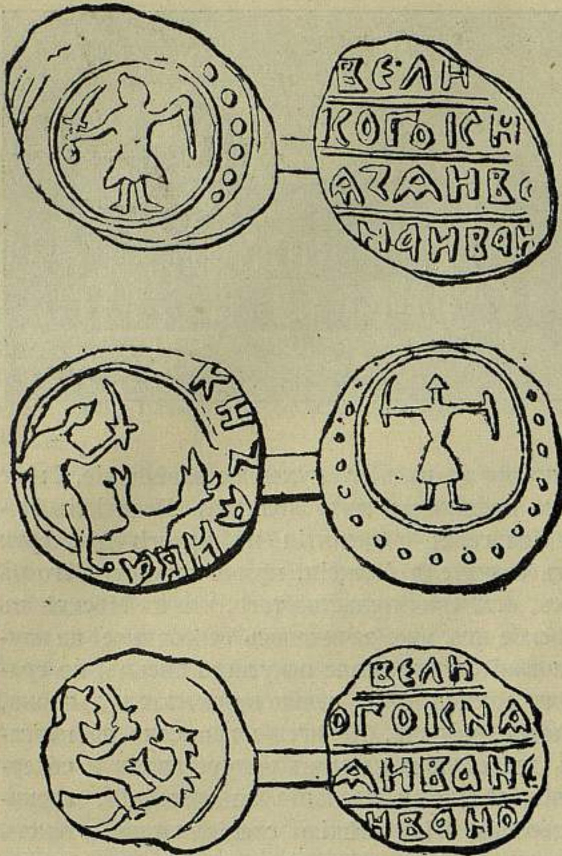
Третій монастырь основанъ былъ митрополитомъ, по просьбѣ сестеръ его Евпраксіи и Юліи,—Алексѣевскій, на Стоженкѣ, гдѣ теперь Зачатіевскій монастырь. При Василіѣ III онъ былъ перенесенъ на Чертолье (отъ Черторый—ручей, роющій овраги); а когда его мѣсто было отведено въ XIX столѣтіи подъ храмъ Христа Спасителя, онъ былъ перенесенъ за Красный прудъ, гдѣ и теперь находится. Монастырь этотъ основанъ былъ въ честь ангела митрополита Алексія. Сверхъ этого, святитель оставилъ память о себѣ и тѣмъ, что пріобрѣлъ подмосковное Черкизово сельцо, которое, по его собственному выраженію, «было куплено на его серебрецо». Онъ скончался въ княженіе Димитрія Іоанновича Донского и погребенъ въ основанномъ имъ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ въ серебряной ракѣ почиваютъ его святыя мощи.

Москва въ этомъ монастырѣ хранитъ до сего времени драгоцѣннѣйшій манускриптъ этого великаго первосвятителя: переведенный имъ съ греческаго языка и переписанный его собственной рукою Новый Завѣтъ.

Чудовъ монастырь.

Кромѣ этого, отъ святителя дошло до насъ его духовное завѣщаніе. Выше мы воспроизвели съ изданнаго покойнымъ митрополитомъ Леонтіемъ Новаго Завѣта отрывокъ изъ Евангелія о распятіи на крестѣ и смерти Іисуса Христа. Новый Завѣтъ святителя Алексія, кромѣ важности его въ многоразличныхъ отношеніяхъ, есть свидѣтельство того, что въ Москвѣ въ XIV вѣкѣ, несмотря на татарское иго, уже зачиналось основанное на изученіи греческаго языка образованіе, и что самое искусство письма, по сравненію съ прежнимъ письмомъ московскихъ великокняжескихъ дьяковъ, сдѣлало уже значительный шагъ впередъ. Евангеліе написано на пергаментѣ въ 8-ю долю листа, въ два столбца мелкимъ полууставомъ и содержитъ въ себѣ четвероевангеліе, дѣянія и посланія апостольскія, апокалипсисъ и краткій мѣсяцесловъ. По мнѣнію спеціалистовъ,—текстъ Новаго Завѣта составляетъ или новый переводъ съ греческаго, или новую редакцію таковаго. Проживъ при грекѣ митрополитѣ Ѳеогностѣ, въ качествѣ его намѣстника 12 лѣтъ, онъ могъ основательно изучить греческій языкъ. Св. Алексій скончался на 85 году своей жизни. Объ обрѣтеніи его мощей Никоновская лѣтопись говоритъ: «въ княженіе великаго князя Василія Васильевича при святѣйшемъ Фотіи митрополитѣ Кіевскомъ и всея Руси (1431 г.), обвалися верхъ церковный во время священныя литоргіи, священнику еще не изшедшему изъ алтаря; но невредимъ бысть. И тако тоя церкви мѣсто очистивше, начаша копати, хотяще основати новую церковь каменну; и еще копающе обрѣтоша священное тѣло Алексія митрополита Кіевскаго и всея Руси, еще же и ризы его цѣлы». При ракѣ святителя хранятся его саккосъ, епитрахиль, подризникъ и посохъ. Примѣчательны украшающія саккосъ эмалевыя и черневыя дробницы. Въ ихъ медальонахъ, кромѣ изображенія Спасителя, Богоматери, Іоанна Предтечи и другихъ святыхъ, мы видимъ двухъ сириновъ и геральдическаго орла съ сіяніемъ вокругъ головы. Это послѣднее изображеніе схоже съ эмблематическими орлами на рельефахъ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ.

При Іоаннѣ Іоанновичѣ мы видимъ въ исторіи Москвы первую внутреннюю смуту, которая, можетъ быть, разыгралась оттого, что этотъ



Деньги
Іоанна II.

великій князь былъ слишкомъ мягкосердеченъ. Осѣдавшее въ Москвѣ на полную осѣдлость боярство пріобрѣло тогда въ думѣ великаго князя очень большое значеніе. Особенную силу имѣлъ Московскій тысяцкій, завѣдывавшій и ратными, и земскими дѣлами. При Симеонѣ Гордомъ, Московскимъ тысяцкимъ былъ знатный бояринъ Василій Протасьевичъ Вельяминовъ, происходившій отъ варяжскаго выходца Шимона, сынъ котораго Георгій былъ тысяцкимъ въ Ростовѣ при Владимірѣ Мономахѣ, отцѣ основателя Москвы. Другой тоже знатный бояринъ Алексѣй Петровичъ, по прозванію Хвостъ, вѣроятно, потомокъ того, который упоминается еще въ начальной лѣтописи, завелъ какую-то крамолу противъ великаго князя Симеона. Очень возможно, что онъ завидовалъ Вельяминову, притязуя на санъ тысяцкаго. Великій князь отобралъ у него недвижимое имущество и изгналъ его изъ Москвы и, въ договорной съ братьями грамотѣ, обязалъ ихъ не принимать къ себѣ на службу этого крамольнаго боярина. Но Иванъ II, вѣроятно, по мягкосердечію, послѣ смерти брата не только воротилъ Алексѣя Петровича, но и сдѣлалъ его Московскимъ тысяцкимъ. Это обстоятельство, соединенное съ гордымъ характеромъ его, привело къ катастрофѣ. Очевидно, оно не могло не волновать боль-

Денежные штемпеля Іоанна II.

шихъ бояръ и въ особенности сильнаго рода Вельяминовыхъ. 3 февраля 1356 года, когда звонили къ заутренѣ, на городской площади подняли тѣло убитаго боярина Алексѣя Петровича. Подозрѣніе въ этомъ пало на враждебныхъ ему бояръ. Но убитый тысяцкій, какъ замѣтно, имѣлъ много сторонниковъ даже между обывателями Москвы, такъ какъ возникли въ народѣ волненія и мятежъ. Вслѣдствіе этого два большихъ боярина Михаилъ Александровичъ и зять его Василій Вельяминовъ, сынъ упомянутаго Василія Протасьевича, съ женами и дѣтьми, воспользовавшись послѣднимъ зимнимъ путемъ, отъѣхали въ Рязань.

Однако отъѣздъ этихъ бояръ, имѣвшихъ за себя значительную партію, повидимому, былъ непріятенъ великому князю: въ слѣдующемъ году онъ позвалъ ихъ назадъ на службу къ себѣ; а потомъ семьѣ Вельяминовыхъ удалось опять завладѣть саномъ тысяцкаго въ Москвѣ, въ лицѣ того же Василія Васильевича.

Если при Симеонѣ Гордомъ въ Москвѣ заведено было живописное и литейное дѣло, то при Іоаннѣ II у насъ заведена чеканка монеты. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще не найдено ни одной монеты ни его старшаго брата Симеона Гордаго, ни его отца Іоанна Калиты, а имѣются лишь монеты Іоанна II.

Монеты этого великаго князя, до насъ дошедшія, имѣютъ пять различныхъ чекановъ. Его серебряныя деньги, кромѣ русской подписи: «Княз великаго Ив—на Иван.», на оборотѣ, въ знакъ нашей зависимости отъ орды, имѣютъ татарскую легенду, состоящую изъ подражанія монетѣ хана Бердибека или Кульпа—хана.

Но для насъ, въ геральдическомъ отношеніи, особенно интересны пулы, или мѣдныя монеты, Іоанна II. Какъ видно изъ приводимыхъ рисунковъ, на двухъ изъ нихъ изображенъ витязь, поражающій мечомъ дракона. На второй монетѣ чудовище кидается на князя.

При Димитріи Донскомъ этотъ витязь будетъ изображаться на конѣ съ копьемъ въ рукѣ, а въ послѣдующія княженія драконъ будетъ уже извиваться подъ копьемъ и конемъ витязя. Съ теченіемъ времени этому конному витязю, въ память основателя Москвы Георгія Владиміровича, будетъ придано значеніе св. Георгія Побѣдоносца. Такъ сначала зарождался, а потомъ развивался гербъ Москвы. Интересно также и отдѣльное изображеніе витязя въ остроконечномъ шеломѣ, въ правой рукѣ у него—мечъ, въ лѣвой—ножны.

Іоаннъ II, называвшійся Краснымъ, скончался 13 ноября 1359 года, 33 лѣтъ отъ роду, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей Димитрія и Ивана и племянника Владиміра Андреевича. Душевная грамота скончавшагося

князя дѣлитъ московскія владѣнія между этими тремя князьями. Въ ихъ удѣлахъ были разсѣяны владѣнія вдовствующихъ княгинь. Москва осталась въ общемъ владѣніи князей, и ея доходы раздѣлены между ними на трети.

Распоряженія духовнаго завѣщанія относительно движимаго имущества свидѣтельствуетъ, что богатства этого Московскаго князя, въ сравненіи съ его предшественниками, значительно увеличились. Здѣсь, кромѣ золотыхъ шапокъ или коронъ, бармъ, цѣпей кольчатыхъ, всякой драгоцѣнной одежды, болѣе перечисляется иконъ въ золотыхъ съ каменьями окладахъ, золотыхъ шишаковъ, золотыхъ сабель съ драгоцѣнными обязями, стакановъ царьгородскихъ, бадей съ серебряною наливкой, стадъ коней, жеребцовъ и кобылицъ и проч. Заупокойные вклады Іоанна II на церкви были щедрѣе прежнихъ. Великій князь «даетъ свободу, куда кому любо», т.-е. выпускаетъ на волю своихъ чиновныхъ слугъ, именно, казначеевъ, тіуновъ и посельскихъ со всѣми ихъ семьями и родственниками.

Въ Оружейной палатѣ хранится цѣпь золотая кольчатая, врана (съ черню). Она состоитъ изъ 116 плоскихъ колецъ, украшенныхъ черню, и вѣситъ 1 фунтъ 23 золотника. Это—та цѣпь «золотая врана съ крестомъ золотымъ», которую Іоаннъ II въ своей духовной грамотѣ передаетъ сыну Димитрію, вмѣстѣ съ золотой шапкой и бармами, подъ коими изслѣдователи разумѣютъ шапку и бармы Мономаха.

Приводимъ выше именную печать Іоанна Іоанновича съ изображеніемъ его ангела, святого Іоанна.

Такимъ образомъ, до кончины Іоанна II протекло 212 лѣтъ, со времени основанія Москвы, и она уже выросла не только до степени сильнаго города, но и могущественнаго центра государственно-церковнаго и даже культурнаго тяготѣнія для всея Руси. Въ ряду многосложныхъ причинъ ея возвышенія большое значеніе имѣетъ характеръ ея князей. Родъ ихъ хранитъ у себя духовныя черты своего предка благовѣрнаго Александра Невскаго. Въ нихъ преобладаетъ практическій разумъ и твердость воли; но въ нихъ не угасла и доблесть героя Невы. Всматриваясь въ лица державныхъ правителей Москвы, мы не видимъ въ нихъ однообразія. Вслѣдъ за религіозно-святымъ основателемъ Московскаго княжества Даніиломъ Александровичемъ идетъ рѣшительный, подвижной предпріимчивый Юрій Даниловичъ, а за нимъ спокойный, разсудительный, хозяйственный и усердный къ храмоздательству Іоаннъ Калита, потомъ

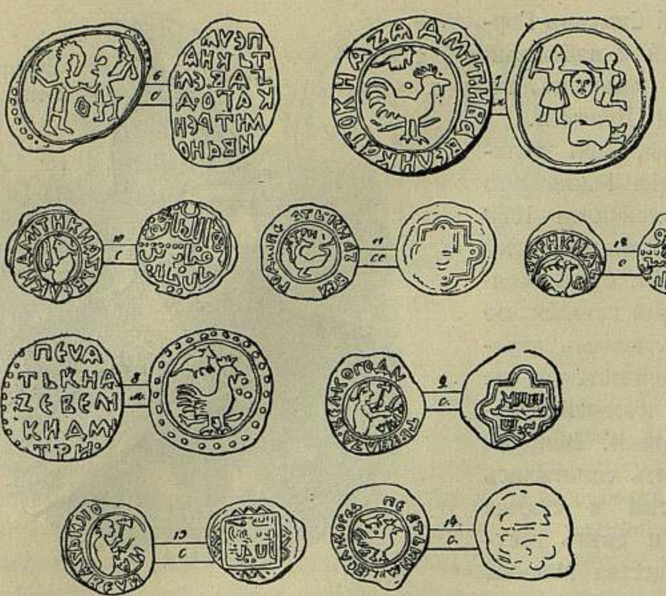
умный и энергичный Симеонъ Гордый, затѣмъ кроткій и набожный Іоаннъ Красный и, наконецъ, героическій Димитрій Донской.

Димирій Донской.

Исторія Москвы, при великомъ князѣ Димитріѣ Іоанновичѣ (род. 1350 года, скончался 1389 года), вступаетъ въ новую эпоху могущества и величія. Сынъ Іоанна Краснаго Димитрій остался, по смерти отца, девятилѣтнимъ отрокомъ. Но въ его малолѣтствѣ «не погасла свѣча», о которой заботился Симеонъ Гордый. Вокругъ государя-отрока опять сплотились митрополитъ Алексѣй и старые Московскіе бояре, и свѣтъ государственнаго могущества Москвы сталъ разгораться еще болѣе.

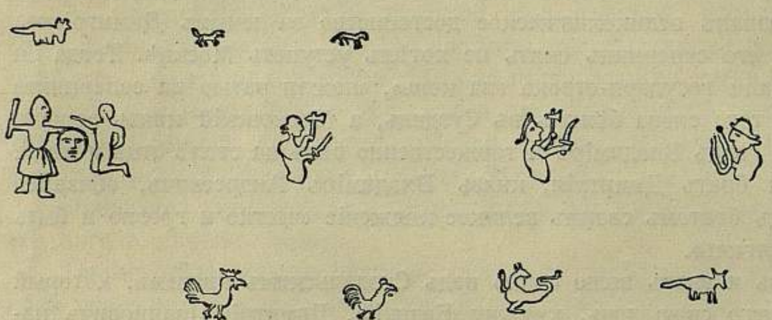
Димитрій Константиновичъ Суздальскій захватилъ въ 1360 году великокняжескій престолъ «не по отчинѣ и дѣдинѣ», но продержался въ стольномъ Владимірѣ не долго; онъ былъ изгнанъ въ Суздаль Московскими боярами. Несмотря на то, что въ ордѣ, гдѣ тогда, по выраженію лѣтописи, происходила «замятня», этотъ князь получилъ ярлыкъ на великое княженіе, святитель Алексій и Московскіе бояре добились того, что ханъ Муратъ призналъ великокняжеское достоинство за юнымъ Димитріемъ. Но старшій его соперникъ опять не хотѣлъ уступать Москвѣ. Тогда ея бояре посадили государя-отрока «на конь», «пошли ратью на соперника» и заставили того снова бѣжать въ Суздаль, а Московскій князь вошелъ въ стольный градъ Владиміръ и торжественно сѣлъ на столѣ отца и дѣда. Двоюродный братъ Димитрія, князь Владиміръ Андреевичъ, обязался держать подъ братомъ своимъ великое княженіе «честно и грозно и быть подъ его стягомъ».

«Смиривъ и взявъ волю свою» надъ Суздальскимъ княземъ, который выдалъ за него свою дочь, княжну Евдокію, Димитрій Іоанновичъ началъ приводить подъ свою власть всѣхъ другихъ князей русскихъ, а «которые не повиновались его волѣ, и на тѣхъ началъ посягати». Однихъ онъ «смирялъ до зѣла» силою, какъ напримѣръ, могущественнаго Тверского князя Михаила Александровича; другихъ приводилъ къ повиновенію духовнымъ оружіемъ. Такъ, преподобный Сергій въ Нижнемъ-Новгородѣ затворилъ церкви и заставилъ тамошняго князя Бориса сдѣлать угодное Московскому князю; а строптиваго Олега Рязанскаго тотъ же преподобный Сергій тихими и кроткими рѣчами впослѣдствіи склонилъ къ заключенію съ Москвою вѣчнаго мира. Вошедши «въ размирье» съ Великимъ Новгородомъ изъ-за грабежей его ушкуйниковъ на Волгѣ, Димитрій принудилъ новгородцевъ силою оружія заплатить Москвѣ «черный боръ»,



Монеты Димитрія Донского.

Штемпеля монетъ.



въ количествѣ 8,000 рублей. Тверской князь приглашенъ былъ въ Москву, былъ судимъ здѣсь и «содержался въ истомѣ велицѣй на Гавшиномъ дворѣ (въ Кремлѣ)». Впослѣдствіи этотъ князь, «видя свое изнеможеніе, понеже вся Русская земля возста на него», съ челобитьемъ просилъ у Московскаго великаго князя мира, «даяся во всю волю его». Особымъ договоромъ великій князь Тверской обязался считать себя младшимъ братомъ Димитрія, наравнѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ; когда Московскій князь выступитъ въ походъ, и Тверской князь садится на конь «безъ ослушанья».

Давая такую силу принципу единства Руси подъ властью Москвы, Димитрій Іоанновичъ и внутри государства возвышалъ значеніе и крѣпость своей власти, доведя ее до степени царскаго могущества. Послѣ смерти тысяцкаго Василія Васильевича Вельяминова, въ 1374 году, Димитрій Іоанновичъ навсегда отмѣнилъ санъ тысяцкаго, предводительствовавшаго земскою ратью и напоминавшаго народу вѣчевыя времена. Сынъ этого боярина, крамольный Иванъ Вельяминовъ, измѣнившій великому князю и бѣжавшій въ орду, когда появился въ Серпуховѣ, былъ схваченъ и привезенъ въ Москву. Димитрій, несмотря на то, что у измѣнника была знатная родня, приказалъ казнить его: ему отрублена была голова на Кучковомъ полѣ (гдѣ теперь Срѣтенскій монастырь). Это первая въ Москвѣ публичная казнь, по замѣчанію лѣтописи, произвела сильное впечатлѣніе на народъ. Послѣ того былъ казненъ и купецъ гречинъ Некоматъ. Память объ этой казни, какъ видимъ, отразилась даже на штемпеляхъ монетъ Димитрія Донского.

Даже и въ церковныхъ дѣлахъ Димитрій Іоанновичъ давалъ едва ли не преувеличенное, впрочемъ, значеніе своей власти. Это сказалось послѣ смерти св. Алексія митрополита. Великій князь очень полюбилъ Коломенскаго священника, по прозванію Митяя. Онъ отличался высокимъ ростомъ, окладистою бородою и вообще сановитою наружностью. Будучи надѣленъ громкимъ, чистымъ голосомъ, онъ, отличаясь краснорѣчіемъ, плѣнилъ великаго князя своей службой и сладкими бесѣдами. Димитрій взялъ его въ духовники себѣ и сдѣлалъ своимъ печатникомъ. Любимецъ князя сталъ сильно величаться и щеголять дорогими свѣтлыми одеждами и многочисленною свитою. Когда умеръ Иванъ Непійца, архимандритъ придворнаго Спасскаго (на Бору) монастыря, великій князь велѣлъ поставить на его мѣсто своего любимца. «Еще до обѣдни былъ мірской попъ, а послѣ обѣдни—архимандритъ», говорили современники о такомъ быстромъ возвышеніи. Но Спасская архимандрія была для Митяя только ступенью къ высшему сану. Несмотря на то, что митрополитъ Алексій передъ своею смертью не хотѣлъ признать Митяя своимъ преемникомъ, этотъ послѣдній, по смерти святителя, переселился на митрополичій дворъ. И когда, вѣроятно, въ угоду великому князю, было получено отъ Константинопольскаго патріарха извѣщеніе, что онъ готовъ посвятить его въ митрополиты, то нерукоположенный еще Митяй сталъ возлагать на себя бѣлый клобукъ и митрополичью мантію и во время богослуженія возсѣдалъ въ алтарѣ на первосвятительскомъ сѣдалищѣ; ему служили и его сопровождали митрополичьи бояре и отроки. Съ духовенствомъ онъ обходился гордо и строго, а провинившихся и непокорныхъ сурово наказывалъ и смирялъ желѣзными веригами.

Во главѣ недовольныхъ стали епископъ Суздальскій Діонисій и два знаменитыхъ игумена: преподобный Сергій и его племянникъ Θеодоръ. Они вошли въ сношеніе съ сербомъ Кипріаномъ, «человѣкомъ весьма книжнымъ», котораго въ Константинополѣ поставили въ митрополиты для Юго-западной Руси, и призвали его въ Москву. Но великій князь заключилъ его подъ стражу и затѣмъ выслалъ изъ Москвы. Митяй, гро-

Преподобный Сергій, съ иконы XV вѣка.

зясь разорить Троицкій монастырь, отправился въ Цареградъ, но во время плаванія, въ виду цѣли своего путешествія, умеръ. Великій князь не принялъ на митрополію посвященнаго послѣ того въ митрополиты Пимена и отослалъ въ заточеніе въ Чухлому, а потомъ самъ призналъ митрополитомъ Кипріана.

Понятно, что великій князь такого характера и такихъ стремленій долженъ былъ горячо и энергически заботиться о возвращеніи Россіи ея государственной независимости и объ охранѣ ея ото всякихъ покушеній на нее. Всѣмъ извѣстны его попытки къ сверженію татарскаго ига и его достославныя битвы съ Мамаемъ на Вожѣ и на Куликовскомъ полѣ. Мы оставляемъ безъ повторенія извѣстныя подробности о томъ, какъ предъ этимъ походомъ прощался Димитрій Донской съ Москвою, какъ кланялся у Архангела Михаила гробамъ предковъ, какъ разставался съ своей княгиней и т. д. Взамѣнъ этого мы даемъ изображеніе великаго князя предъ битвой на Куликовскомъ полѣ съ Мамаемъ.

Минуя всѣ указанные разсказы, мы должны сказать о борьбѣ Димитрія Донского съ могущественнымъ литовскимъ княземъ Ольгердомъ. Будучи шуриномъ Михаила Александровича Тверского, этотъ воинственный князь предпринималъ три похода на Москву, но каждый разъ былъ отбиваемъ и долженъ былъ, «озираясь сѣмо и овамо», возвращаться въ свою землю.

Совершенно понятно, что при такомъ подъемѣ политическаго могущества Москвы, въ княженіе Димитрія Іоанновича, она, и какъ городъ, не могла уже остаться въ прежнихъ своихъ размѣрахъ и самомъ на-

Димитрій Донской
на Куликовомъ
полѣ.
*(Рисунокъ
В. В. Верещагина).*

ружномъ видѣ. Число ея населенія умножилось; Кремль, взамѣнъ прежнихъ дубовыхъ стѣнъ Калиты, былъ окруженъ каменною крѣпостною стѣною, съ желѣзными воротами, бойницами и башнями; храмовая исторія Москвы, обогатившись новыми монастырями и храмами, раздвинулась; въ Москвѣ начинають появляться новыя и развиваться старыя отрасли техники.

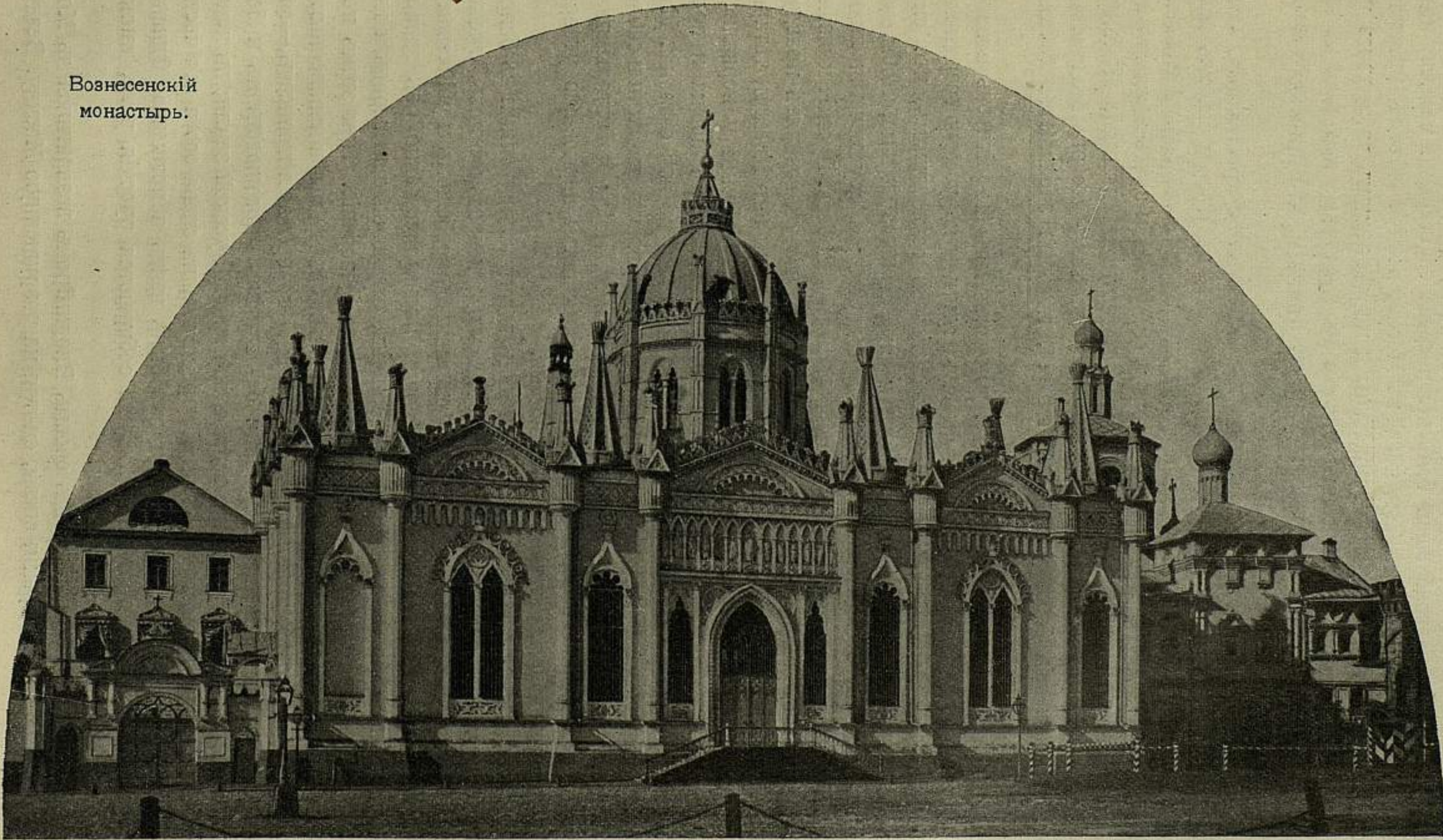
Подземныя изслѣдованія Кремля, съ его тайниками и палатами, быть можетъ, дадутъ матеріалы для исторіи Кремля и при Димитріи Донскомъ. Вотъ что изъ лѣтописей извѣстно о построеніи каменныхъ стѣнъ Кремля.

Въ 1365 году Кремль, посадъ и зарѣчье были опустошены страшнымъ пожаромъ, извѣстнымъ подъ именемъ всесвятскаго, потому что онъ начался отъ церкви Всѣхъ Святыхъ (близъ нынѣшняго храма Христа Спасителя, разобранной при его постройкѣ). Предшествующая засуха и сильнѣйшій вѣтеръ въ день пожара способствовали его распространенію. Головни и даже цѣлыя бревна съ огнемъ перекидывало черезъ десять дворовъ. Въ одномъ мѣстѣ заливали огонь, а въ десяти загоралось снова. Въ какіе-нибудь два часа весь городъ сгорѣлъ, и никто изъ жителей не успѣлъ спасти своего имущества. По поводу этого пожара лѣтопись даетъ свидѣтельство о тогдашнемъ составѣ города, именно въ ней говорится: «загорѣся сверху (Москвы-рѣки), отъ Чертолья, и погорѣ *посадъ* весь, Кремль и Зарѣчье». Несмотря на то, что въ слѣдующемъ году въ Москвѣ былъ сильный моръ, 16-лѣтній Димитрій и его двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ «замыслиша ставити городъ Москву каменъ». Въ 1367 году Кремль былъ уже обнесенъ каменными стѣнами съ башнями и воротами: Никольскими, Фроловскими (Спасскими), Константино-Еленинскими (пониже, теперь не существуютъ) и Алексѣевскими. Угольная башня противъ нынѣшняго Москворѣцкаго моста была названа Свибловскою, по имени одного изъ главнѣйшихъ тогдашнихъ бояръ Ѳеодора Свибла. Сказаніе того времени указываетъ на части крѣпости: въ ней были забрала градныя, стѣны каменны, врата желѣзны, стрѣльницы, около рвы.

Каменный Кремль придалъ Москвѣ огромное значеніе. Уже съ самымъ планомъ такого ея укрѣпленія Никоновская лѣтопись (IV, 8, 15) связываетъ то, что великій князь съ того времени «началъ приводить въ свою волю всѣхъ князей русскихъ, а которые не повиновались его волѣ, и на тѣхъ нача посягати». Въ слѣдующемъ уже году всѣ ясно поняли важность новой каменной крѣпости для Москвы. Поднятый Михаиломъ Тверскимъ Ольгердъ Литовскій, обозначая свой путь огнемъ и мечомъ, подступилъ къ Москвѣ. Димитрій съ боярами засѣлъ въ Кремлѣ въ осадѣ. Три дня Литовскій князь простоялъ подъ Москвою, но города взять не могъ и, сожегши посадъ и окрестности, отправился во-свояси. И второе нападеніе его на Москву, послѣ восьмидневной стоянки у Кремля, тоже было безуспѣшнымъ.

Даже Тохтамышъ, побѣдитель Мамая, захватившій Москву врасплохъ, не могъ взять силою каменнаго Кремля. Великій князь, потому, что среди другихъ князей оказалось «неодиначество и неимовѣрство», не могъ выйти навстрѣчу татарамъ и, не имѣя достаточно ратныхъ силъ,

Вознесенскій
монастырь.



долженъ былъ ради ихъ собиранія уйти изъ Москвы въ Кострому. Въ Москвѣ же чернь, разграбившая боярскіе погреба со старыми медами, подняла бунтъ и едва успокоилась, когда въ Москву явился воевода Димитрій Остей. Татары три дня дѣлали приступы и по лѣстницамъ взбирались на стѣны. Но москвичи энергически отбивали эти приступы: они лили на татаръ кипятокъ, бросали на нихъ громадные камни и, что примѣчательно, впервые стрѣляли изъ ружей и пушекъ.

Существовало преданіе, что будто нѣсколько сотъ крестьянокъ, спасаясь отъ татаръ, явились въ Москву и просились въ Кремль, но изъ опасенія голода не были туда пущены. Тогда онѣ, на правомъ берегу Москвы-рѣки, сдѣлали деревянный срубъ, окопали его рвомъ и здѣсь защищались отъ татаръ. Отъ этого будто эта мѣстность получила названіе «Бабьяго городка». Но это названіе могло произойти отъ того, что эта болотистая топкая мѣстность была укрѣплена сваями, которыя забиваются бабами или копрами.

И Тохтамышъ, подобно Ольгерду, долженъ былъ бы уйти отъ новаго Кремля; но его коварство отдало ему въ руки эту новую русскую твердыню. На четвертый день Тохтамышъ послалъ сказать осажденнымъ, что онъ пришелъ не на нихъ, а на ихъ князя; онъ желаетъ только, чтобы они вышли къ нему навстрѣчу съ небольшими дарами; а ему хочется лишь посмотрѣть городъ; онъ дастъ-де москвичамъ миръ и любовь. Русскіе князья, захваченные и обманутые татарами, поклялись, что тѣ говорятъ правду. Но, когда москвичи съ крестами и хоругвями вышли изъ Кремля, татары вѣроломно бросились на нихъ, стали ихъ рубить саблями и ворвались въ самый Кремль. Начались страшныя сцены убійства, грабежа и поджоговъ; граждане, застигнутые врасплохъ, метались во всѣ стороны. Избіеніе прекратилось, когда «руки татаръ утомились, плечи измолкли и сабли ихъ притупились». Многіе искали спасенія въ храмахъ; но татары разбивали ихъ двери и, посѣкши христіанъ, расхищали церковную утварь и обдирали дорогія украшенія съ иконъ.

Варвары разграбили богатства, многими годами накопленныя въ боярскихъ дворахъ, и склады товаровъ въ домахъ сурожскихъ купцовъ, суконниковъ и другихъ торговыхъ людей. Насытившись грабежомъ и убійствомъ и захвативъ огромный полонъ, состоявшій преимущественно изъ здоровыхъ мужчинъ, молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, татары зажгли городъ и такимъ образомъ привели его въ окончательное разореніе. При этомъ погибла огромная масса книгъ и хартій, снесенныхъ въ храмы и наваленныхъ тамъ «до строповъ» или сводовъ. «Дотолѣ,—говоритъ лѣтописецъ,—городъ Москва былъ великъ и люденъ: онъ кипѣлъ многолюдствомъ и богатствомъ; славою и честію превзошелъ всѣ грады Русской земли; въ немъ обитали князья и святители. А въ сіе время отошла слава его и вся честь въ единый часъ измѣнилась, когда онъ былъ взятъ и позженъ». Однако татары, узнавъ, что противъ нихъ уже собираются русскія рати, также воровски ушли, какъ и пришли.

Когда Димитрій съ братомъ своимъ Владиміромъ возвратился въ Москву, то проливалъ горькія слезы, смотря на разрушенную Москву. Вездѣ

Симоновъ монастырь въ XVIII вѣкѣ.

лежали кучи труповъ и стояли обгорѣлыя развалины церквей и домовъ. Онъ немедленно принялся созывать изъ лѣсовъ разбѣжавшихся жителей, возобновлять городъ и очищать его отъ труповъ; велѣлъ давать по рублю за восемьдесять тѣлъ людямъ, занимавшимся погребеніемъ ихъ. Роздано было 300 рублей; число погребенныхъ простиралось до 24.000, да кромѣ того, много народу сгорѣло во время пожара или потонуло въ рѣкѣ. Если опредѣлить число уведенныхъ въ неволю москвичей, хотя въ 25.000, то Москва лишилась въ это нашествіе до 60 тысячъ своего населенія. Но органическая сила Москвы была уже такъ велика, что и эта глубокая рана зажила скоро.

Съ княженіемъ Димитрія Іоанновича связано было основаніе въ Москвѣ слѣдующихъ монастырей: Вознесенскаго, Симонова, Рождественскаго и церкви Рождества Богородицы, что на Сѣняхъ во дворцѣ.

Симоновъ монастырь былъ основанъ на мѣстѣ одного изъ селъ боярина Степана Кучка, племянникомъ преподобнаго Сергія Ѳеодоромъ. Первоначальный (Старый Симоновъ) монастырь имѣлъ храмъ Рождества Богородицы, близъ Медвѣжьяго или Лосинаго (впослѣдствіи Лизинъ прудъ) озерка; а когда бояринъ Симонъ изъ рода Головиныхъ пожертвовалъ землю для монастыря, то онъ былъ перенесенъ на новое мѣсто, гдѣ построенъ былъ храмъ Успенія. Преподобный Сергій много разъ останавливался здѣсь и своими руками выкопалъ прудъ. Въ Старомъ Симоновѣ погребены павшіе на Дону иноки витязи—Пересвѣтъ и Ослябя.

Андроніевъ монастырь въ XVIII вѣкѣ.

Когда Өеодоръ былъ возведенъ въ архіепископы Ростова Великаго, настоятелемъ монастыря сдѣлался св. Кириллъ Бѣлозерскій.

Высоко-Петровскій монастырь основанъ въ 1380 году. Возвратившись послѣ Куликовской битвы, Димитрій Донской устроилъ этотъ монастырь при существовавшей, со временъ Калиты, въ селѣ Высоцкомъ церкви Боголюбской Богоматери. Приписываютъ Димитрію Донскому основаніе и монастыря Николы Стараго, отъ чего идущая мимо него улица и соотвѣтствующія ей ворота въ Кремлѣ были названы Никольскими. Изъ приходскихъ церквей этому государю принадлежитъ построеніе церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ (болото), для поминовенія воиновъ, убитыхъ на Куликовскомъ полѣ.

Рождественскій монастырь на полугорѣ, подъ которой протекала рѣчка Неглинная, основанъ въ 1386 году супругой князя Андрея Серпуховского, княгиней Марьей Кейстутьевной, матерью Владиміра Храбраго. Она была погребена здѣсь. Невѣстка ея княгиня Елена, въ иночествѣ Евпраксія, дочь Ольгерда Литовскаго, завѣщала монастырю вотчины свои и въ ихъ числѣ озерное Косино.

Находящаяся внутри кремлевскаго дворца церковь Рождества Богородицы построена великою княгинею Евдокіей, въ память Куликовской битвы, происходившей 8-го сентября, въ день этого праздника. Та же великая княгиня, принявшая иночество подъ именемъ Евфросиніи, основала и Вознесенскій монастырь. Возникшій уже послѣ смерти Димитрія

Старый
Алексѣевскій]
монастырь.

Донского, въ 1407 году, онъ былъ построенъ на мѣстѣ княжаго терема, откуда, глядя на Замоскворѣчье, великая княгиня глазами, полными слезъ, съ прощальными причитаньями, провожала своего супруга и русскую рать на Донъ. Вознесенскій монастырь, вмѣсто Спаса на Бору, сдѣлался усыпальницей для великихъ княгинь, княженъ, царицъ и царевенъ, отъ времени Евдокіи до XVIII столѣтія. Таковыхъ гробницъ здѣсь 35. При Димитріи умеръ и погребенъ у Спаса на Бору св. Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ.

Правленіе Димитрія важно для Москвы въ дѣлѣ насажденія и развитія различнаго рода отраслей техники. Въ это время введено было у насъ огнестрѣльное оружіе и заведенъ былъ «свой зелейный», или пороховой, заводъ. Примѣчательно, что наша столица довольствовалась своими русскими строителями, иконописцами и литейщиками. Чеканка монеты сдѣлала еще шагъ впередъ. Отъ времени Донского до насъ дошелъ цѣлый рядъ монетъ серебряныхъ (денегъ) и мѣдныхъ (пулъ) съ очень разнообразными штемпелями, кои свидѣтельствуютъ, что въ это время только еще искали эмблемы для московскаго герба. Здѣсь мы видимъ двухъ миѳологическихъ животныхъ, поднявшихъ другъ на друга оружіе, и изображеніе казни (вѣроятно, вышеупомянутаго Вельяминова) и даже разныхъ птицъ и животныхъ. Надписи на монетахъ то русскія, то арабскія, какъ знакъ еще несвергнутаго монгольскаго ига.

Образованіе въ Москвѣ поддерживалъ митрополитъ св. Кипріанъ,

Высоко-Петровскій монастырь.

человѣкъ «вельми книжный». Онъ привезъ къ намъ много сербскихъ рукописей, самъ переводилъ съ греческаго Служебникъ, Псалтырь, Лѣствицу Іоанна и творенія св. Діонисія Ареопагита, составилъ 9 грамотъ юридическаго содержанія и положилъ начало лѣтописному своду по княженіямъ, такъ называемой «Степенной книгѣ», написалъ житіе св. Петра митрополита и въ четырехъ посланіяхъ Сергію Радонежскому и Ѳеодору Симоновскому разсказывалъ обстоятельства своей жизни, важныя для исторіи спора о Русской митрополіи. Этотъ святитель причтенъ былъ къ лику святыхъ и почиваетъ въ Успенскомъ соборѣ.

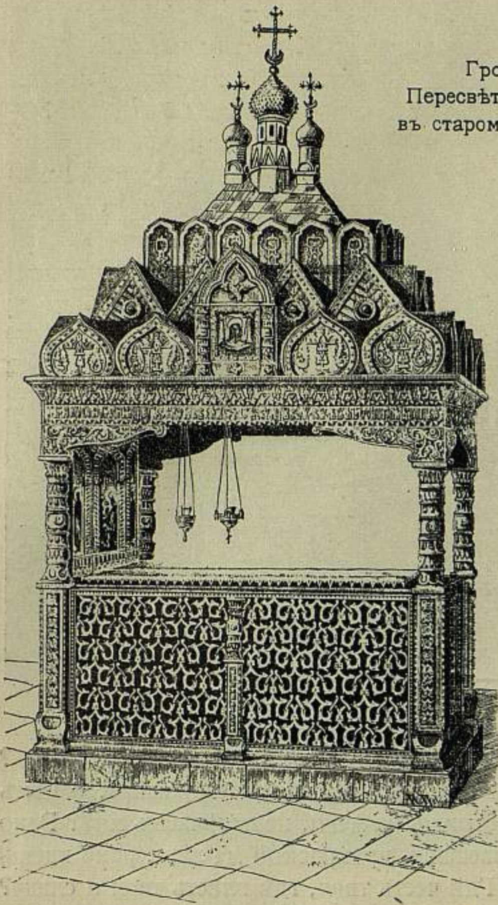
Недолго прожилъ самъ великій государь: скончался онъ еще будучи въ цвѣтѣ (39) лѣтъ, хотя отъ природы отличался онъ сильнымъ тѣлосложеніемъ и цвѣтущимъ здоровьемъ. Лѣтописцы особенно хвалятъ его за умѣренность жизни и цѣломудріе.

Составитель житія Димитрія очень трогательно и поэтично описываетъ плачъ по немъ супруги его: «увидѣвши супруга своего мертвымъ на одрѣ лежащимъ,—говоритъ біографъ Димитрія,—великая княгиня начала плакать, ударяя руками въ грудь свою; огненныя слезы лились изъ очей... Зачѣмъ,—воскликнула она,—умеръ ты, дорогой мой, жизнь

Рождественскій монастырь.

моя, зачѣмъ оставилъ меня одну вдовой?.. Куда зашелъ свѣтъ очей моихъ? Куда скрылось сокровище жизни моей? Цвѣтъ мой прекрасный, зачѣмъ такъ рано увялъ ты? Что же не смотришь на меня, не отвѣчаешь мнѣ? Рано заходишь, солнце мое, рано скрываешься, прекрасный мѣсяцъ, рано идешь къ западу, звѣзда моя восточная! Гдѣ честь твоя, гдѣ власть твоя и слава? Былъ государемъ всей Русской земли, а нынѣ мертвъ и ничего не имѣешь въ своемъ владѣніи! Много примирилъ странъ, много одержалъ побѣдъ, а нынѣ побѣжденъ смертію!.. Юность еще не оставила насъ, еще старость не постигла насъ!.. Зачѣмъ оставилъ меня и дѣтей своихъ?.. Крѣпко уснулъ царь мой... не могу разбудить тебя!..»

Этотъ плачъ художественно рисуетъ задушевный характеръ этой святой и примѣчательнѣйшей женщины древней Руси. Дочь образованнаго суздальскаго князя, для котораго инокъ Лаврентій составилъ списокъ нашей Начальной лѣтописи, она сама отличалась начитанностью и умомъ; иначе, умирая, великій князь не вручилъ бы ей такой большой власти надъ дѣтьми и государствомъ. Высоко-религіозная, она была еще до принятія монашества глубокою подвижницей; аскетизмъ свой скрывала подъ видомъ внѣшняго блеска: по свидѣтельству современника, она всюду являлась съ веселымъ лицомъ, одѣвалась въ великолѣпныя одежды и даже носила по нѣскольку платьевъ, чтобы казаться дородною. Когда это стало смущать другихъ и даже одного изъ сыновей ея, именно Юрія, тогда только она раскрыла дѣтямъ тайну своей жизни. Она открыла часть своей одежды на груди, и сыновья увидѣли, что отъ чрезмѣрнаго воздержанія,



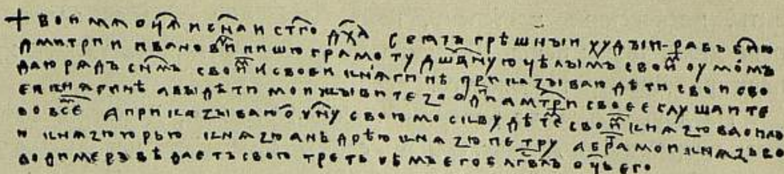
Гробница Пересвѣта и Ослябя въ старомъ Симоновѣ.

отъ усиленныхъ подвиговъ, тѣло ея изсохло, почернѣло и прильнуло къ костямъ. Такими глубоко-симпатичными чертами рисуется намъ личность этой святой княгини. Памятникомъ ея является образъ архангела Михаила, который былъ заказанъ ею одному иконописцу, по случаю явленія ей этого Архистратига, и былъ поставленъ ею въ храмѣ Рождества Богородицы на Государевомъ дворѣ, на Сѣняхъ. Мощи святой княгини, въ иночествѣ Евфросиніи почиваютъ въ соборѣ Вознесенскаго монастыря.

Но обратимся къ кончинѣ самого великаго князя. Чрезвычайное напряженіе силъ, особенно на Куликовскомъ полѣ, замѣтно надломило его могучія силы и преждевременно свело въ могилу. Димитрій Іоанновичъ, по словамъ современниковъ, былъ величавъ и красивъ; онъ имѣлъ замѣчательное дородство; волосы на головѣ были черные, густые, глаза свѣтлые, огненные...

По веснѣ 1389 года, Димитрій Іоанновичъ тяжело занемогъ и первой его заботой было составить новое духовное завѣщаніе, въ замѣну перваго, написаннаго въ 1370 году. Свидѣтелями этой «душевной грамоты» были

Духовное завѣщаніе Димитрія Донского.



Печать великаго князя.

преподобный Сергій, игуменъ Севастьянъ и десять знатнѣйшихъ бояръ: Боброкъ-Волынскій, Тимоѳей Вельяминовъ, Иванъ Родіоновичъ Квашня, Александръ Остей, Ѳедоръ Кошка, сынъ Андрея Кобылы и его внукъ Иванъ, Ѳедоръ Свиблъ и другіе. Приводимъ отрывокъ этой душевной грамоты въ уменьшенномъ видѣ и печать великаго князя.

Земли Московскаго княжества, а также велико-княжеская казна дѣлятся между пятью сыновьями (шестой родился уже послѣ составленія духовной, за нѣсколько дней до смерти отца). Прежде всего въ этомъ актѣ послѣдней воли умиравшаго государя обращаетъ на себя вниманіе неслыханное прежде распоряженіе: Димитрій благословляетъ старшаго сына великимъ княженьемъ Владимірскимъ, какъ *своей отчиной* и, устраняя отъ нея старшихъ своихъ родичей, закрѣпляетъ ее въ нисходящей линіи, а старшему, по сравненію съ младшими сыновьями, даетъ болѣе земель доходовъ и имущества. Мелкіе Московскіе князья должны жить въ Москвѣ. Этимъ усиливается блескъ нашего двора и расширяется вліяніе великаго князя во владѣніяхъ другихъ князей, а народъ привыкаетъ смотрѣть на нихъ какъ на служилыхъ у Московскаго князя, каковыми они впослѣдствіи и стали дѣлаться... Важную власть надъ дѣтьми Димитрій Іоанновичъ вручаетъ своей супругѣ. Боярамъ напоминаетъ ихъ вѣрную службу, а также, «какъ родился предъ ними, воевалъ враговъ, землю Русскую держалъ, любилъ ихъ самихъ и дѣтей ихъ, съ ними скорбѣлъ и веселился». Вѣроятно, это завѣщаніе составлено подъ вліяніемъ преподобнаго Сергія, по крайней мѣрѣ, какъ сказано въ документѣ, оно было писано предъ лицомъ сего игумена.

Въ перечисленіи московскихъ селъ, урочищъ и угодій мы находимъ слѣдующія: Сокольничій путь, село Напрудское, Рогожъ, лугъ Ходынскій съ мельницею, Елохъ, Крутицу и другія. Въ ряду золотыхъ вещей упоминаются ювелирныя и басменныя вещи русскихъ и даже, можетъ

быть, московскихъ мастеровъ, какъ, напримѣръ, поясъ золотъ Макарова дѣла, также поясъ Шишкина дѣла. Въ Оружейной палатѣ хранится панцырь Димитрія Донского.

На другой день по кончинѣ, то-есть 20-го мая, Димитрій Іоанновичъ былъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, вблизи отъ могилъ дѣда и отца своего. Печальный обрядъ, за отъѣздомъ митрополита Пимена въ Царьградъ, совершалъ гостившій въ Москвѣ греческій (трапезундскій) митрополитъ Ѳеогностъ, съ русскими епископами и игуменами. Въ числѣ совершавшихъ погребеніе былъ святой основатель Троицкаго монастыря преподобный Сергій.

Надпись надъ надгробіемъ гласитъ: «Въ лѣто (отъ сотворенія міра) 6897 (отъ Р. Х. 1389), маія 19-го дня, преставися благовѣрный князь великій Димитрій Ивановичъ Донской».

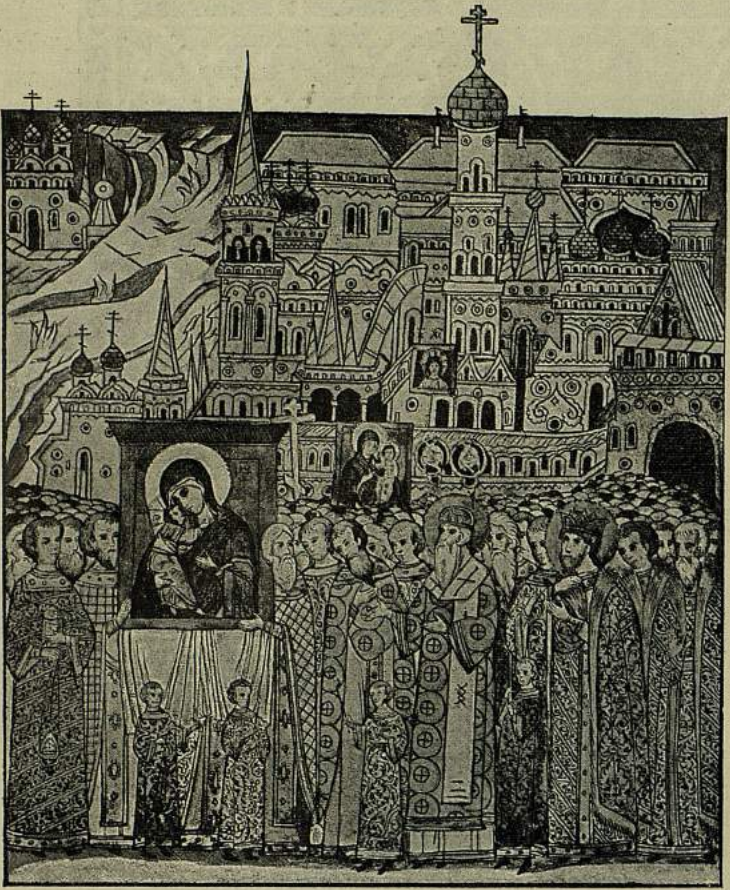
IV.

При Василіи Дмитріевичѣ и Василіи Темномъ.

Исторія Москвы, не только по отношенію къ ея государственнымъ силамъ, но и въ другихъ сторонахъ ея жизни, какъ-то: въ церковной, образовательной, промышленной, ремесленной и т. д., пошла уже легче послѣ тяжелой, но и важной эпохи Димитрія Донского. Послѣ этого уже скоро Іоаннъ III и его сынъ Василій III сдѣлали Москву единымъ и сильнымъ центромъ всей Сѣверо-восточной Руси, не только въ политическомъ отношеніи, но и въ культурномъ отношеніи. Она стала видна и за русскими предѣлами.

Правленіе Василія Димитріевича (1389—1425) немало подготовило для этого условій. Хотя этотъ великій князь остался, по смерти отца, шестнадцатилѣтнимъ юношей и находился еще подъ опекой своей матери, но онъ уже былъ умудренъ большимъ и разнообразнымъ опытомъ: еще двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ онъ былъ посланъ Димитріемъ Іоанновичемъ въ орду, чтобы тамъ тягаться о великокняжескомъ столѣ съ Михаиломъ Тверскимъ. Ханъ оставилъ отрока-князя въ плѣну у себя, въ качествѣ заложника, за московскій долгъ въ 8.000 рублей. Но энергическій княжичъ, насмотрѣвшись на тамошнія смуты, «умысли крѣпко съ вѣрными своими доброхоты» и бѣжалъ въ Молдавію къ воеводѣ Петру, затѣмъ былъ въ Пруссіи, гдѣ видѣлся съ Витовтомъ и сговорилъ за себя его дочь княжну Софію и только послѣ четырехлѣтняго отсутствія воротился, въ 1387 году, въ Москву.

Князь съ такимъ раннимъ опытомъ естественно быстро вошелъ въ политику московскихъ князей-собирателей. По смерти отца, онъ былъ возведенъ на Владимірскій престолъ ханскимъ посломъ Шахматомъ. Семнадцати лѣтъ онъ женился на Софьѣ Витовтовнѣ и потомъ принудилъ своего дядю Владиміра Андреевича, уходившаго даже въ Новгородскія



Встрѣча Владимірской иконы въ Москвѣ.

земли, заключивъ съ нимъ договоръ, признать себя его братомъ и обязаться «всѣсти на конь», когда придется садиться на коня великому князю; затѣмъ ѣздилъ въ орду, гдѣ «умздилъ» Тохтамышевыхъ князей и получилъ ярлыкъ на Нижегородское княженіе и присоединилъ его къ Москвѣ съ помощью тамошнихъ бояръ, во главѣ которыхъ стоялъ Василій Румянецъ. Въ это время Москва лишилась своего великаго молитвенника и совѣтника—преподобнаго Сергія (25 сентября 1392 года). Вольнолюбивыхъ новгородцевъ великій князь смирялъ силою оружія; а когда жители новгородскаго пригорода Торжка убили московскаго доброхота, нѣкоего Максима, то великій князь, захвативъ 70 тамошнихъ жителей, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, приказалъ публично казнить ихъ въ Москвѣ: имъ рубили руки и ноги и при этомъ приговаривали: «такъ гибнутъ враги великаго князя».

Съ твердостью духа великій князь относился и къ страшнымъ татарскимъ завоевателямъ: Тамерлану и Эдигею. Когда «желѣзный хромецъ», покорившій Туркестанъ, Персію, Индію, Сирію и Малую Азію, побѣдивъ могущественнаго турецкаго султана Баязеда, направился, послѣ

Владимірская
икона
Богоматери.

побѣды надъ Тохтамышемъ, къ московскимъ границамъ, молодой князь поспѣшилъ собрать сѣверное ополченіе и поручилъ свой стольный городъ дядѣ своему князю Владиміру Андреевичу. Но спасеніе Москвы зависѣло не отъ оружія, а отъ Божіей помощи; и это было важнымъ моментомъ въ религіозной жизни Москвы.

Въ то время, какъ народъ со страхомъ ожидалъ къ себѣ завоевателя, который на пути своемъ оставлялъ пирамиды человѣческихъ головъ, великому князю и митрополиту Кипріану одновременно пришла мысль перенести изъ Владиміра въ Москву чудотворную икону Божіей Матери, которая была написана евангелистомъ Лукою и перенесена во Владиміръ изъ кіевскаго Вышгорода Андреемъ Боголюбскимъ. Вѣсть объ этомъ ободрила москвичей, и они огромными толпами, съ митрополитомъ во главѣ, великокняжеской семьей и княземъ Владиміромъ, вышли навстрѣчу Заступницѣ на край Москвы, на Кучково поле, и со слезами молились предъ иконой. Въ 1895 году Москва торжественно отпраздновала пятисотлѣтіе этого достопамятнаго событія.

Въ это самое время, испуганный видѣніемъ Небесной Дѣвы, предшествуемой святителями и окруженной легіонами ангеловъ, Тамерланъ поворотилъ назадъ отъ Ельца въ степи. Потеря чудотворной иконы, которая и теперь находится въ нашемъ Успенскомъ соборѣ, еще болѣе ослабила авторитетъ стольнаго Владиміра. На мѣстѣ встрѣчи иконы построенъ

былъ Срѣтенскій монастырь и установленъ былъ, совершаемый и теперь, 26-го августа, крестный ходъ. Дѣлалъ нашествіе на Москву и Эдигей, побѣдитель Витовта на Ворсклѣ, за то, что Василій Дмитріевичъ не хотѣлъ платить ему дань; подходилъ онъ и къ кремлевскимъ стѣнамъ, но, боясь огнестрѣльнаго оружія, не рѣшился на приступъ и расположился лагеремъ на зимовку въ селѣ Коломенскомъ. Но тревожныя вѣсти изъ Сарая заставили этого хана возвратиться въ орду. Мы приводимъ рисунокъ, изображающій послѣдовавшее за этимъ возвращеніе великаго князя въ Москву и его свиданіе съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ.

Въ это княженіе Москва двукратно погорала: 22 іюня 1390 года, на посадѣ (впослѣдствіи Китай-городъ) «нѣколико тысячъ дворовъ сгорѣ». Черезъ 5 лѣтъ въ томъ же посадѣ снова «сгорѣ нѣколико тысячъ дворовъ». Такъ велика уже была въ это время Москва и, благодаря обилію въ ней силъ, столь быстро возрождалась.

Вообще наши историки склонны уменьшать проявленія жизненныхъ и культурныхъ силъ Москвы въ эту эпоху. Между тѣмъ это не оправдывается фактами. Напротивъ изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ того времени ясно видно, какъ росла Москва не только въ числѣ своихъ жителей и военной силѣ, но и въ другихъ отношеніяхъ.

Несмотря на то, что татары Тохтамыша пожгли массу рукописей и книгъ, кои съ разныхъ сторонъ «были спроважены въ Москву, сохраненія ради, и были наметаны въ церквахъ до тропа (стропа или свода)», русская письменность въ это княженіе поднялась опять, благодаря трудамъ митрополитовъ Кипріана, Фотія, а также Епифанія Премудраго, Кирилла Бѣлозерскаго и друг. Многія рукописи данной эпохи обильно украшены прекрасными миніатюрами, орнаментомъ, или узорочьемъ, заглавными буквами и заставками. Здѣсь искусные мастера рукописнаго дѣла проявляли немало самобытнаго русскаго творчества. Въ это время въ Москвѣ, кромѣ пергамента, продолжали писать на бумагѣ хлопчатой и тряпичной. Равнымъ образомъ русское зодчество и живопись въ Москвѣ успѣшно продолжали развиваться.

Храмовая исторія Москвы, кромѣ упомянутыхъ выше монастырей Вознесенскаго, Рождественскаго и Срѣтенскаго, обогатилась еще новыми сооруженіями.

Василій Дмитріевичъ построилъ на дворѣ своемъ церковь Благовѣщенія, которая стала придворною великокняжескою. Въ ней совершались крещеніе членовъ государевой семьи и ихъ бракосочетанія (вѣнцы брачные хранятся теперь въ Успенскомъ соборѣ). Сюда великій князь перенесъ найденную задѣланной въ стѣнѣ Суздальскаго собора святыню: «Страсти Господни», именно—часть крови Спасителя, камень отъ гроба Его и терновый вѣнецъ.

За храмомъ Благовѣщенія, на башнѣ великокняжескаго дворца, въ 1404 году, Василій I устроилъ первые въ Москвѣ боевые часы, которые за 150 рублей (около 30 фунтовъ серебра) поставилъ пришедшій съ Аѳона сербинъ Лазарь. На часахъ была сдѣлана механическая фигура человѣка, выбивавшаго молотомъ каждый часъ. Народъ дивился этому, какъ чуду.

Великій князь
Василій Димитріевичъ
и его дядя Владиміръ.

(Рис. В. В. Верещагина).

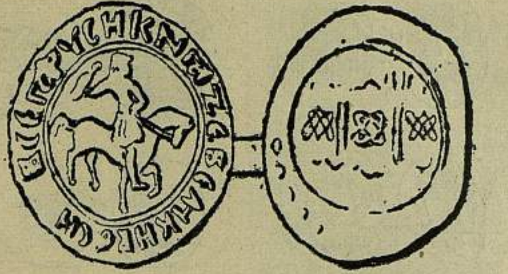
Лѣтопись говоритъ объ этихъ часахъ: «сей же часникъ нарѣчеся часомѣрье; на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣря и разсчитая часы нощные и денные: не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако сотворено есть человѣческою хитростью, преизмечтано и преухищрено...»

Заведенное въ Москвѣ собственною рукою св. Петра митрополита иконописное художество продолжало развиваться, и число «дружинъ русскихъ иконниковъ» въ Москвѣ умножалось. Въ средѣ ихъ продолжалъ работать знаменитый Андрей Рублевъ, писавшій для Троицкаго собора иконы. Его кисть цѣнилась такъ высоко, что писанныя имъ иконы болѣе 150 лѣтъ служили, какъ свидѣтельствуетъ Стоглавъ, образцами для русскихъ художниковъ-иконописцевъ и назывались «рублевыми». По лѣтописнымъ извѣстіямъ, въ 1405 году, вмѣстѣ со старцемъ Прохоромъ изъ Городца, вѣроятно, Радонежскаго, и Ѳеофаномъ Гречинымъ Андрей Рублевъ расписывалъ придворный Благовѣщенскій соборъ. Можно думать, что древнія фрески, нынѣ открытыя въ каменномъ соборѣ, были копіями съ рублевскихъ. Тотъ же Ѳеофанъ и Симеонъ Черный со учениками расписывали и церковь Рождества Богородицы, что на Государевомъ дворѣ. Поступивши въ Андрониковъ монастырь, Андрей Рублевъ потрудился для иконописи и этого монастыря гдѣ и былъ погребенъ. Кромѣ него, иконописнымъ искусствомъ въ Москвѣ славились еще Игнатій, Даніилъ Черный и Кнашъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Москвѣ стали теперь развиваться разныя ремесла, какъ, напримѣръ, литейное, чеканное и даже ювелирное. Относительно перваго любопытно слѣдующее извѣстіе Псковской лѣтописи. Въ 1420 году псковичи наняли какого-то Ѳеодора съ дружиной покрыть свой Троицкій соборъ новыми свинцовыми досками за 44 рубля; но ни во Псковѣ, ни въ Новгородѣ не нашлось такого мастера, который бы умѣлъ отливать такія доски. Послали къ нѣмцамъ въ Юрьевъ, а тѣ мастера не дали. Тогда изъ Москвы, отъ митрополита Фотія, былъ присланъ искусный мастеръ; онъ научилъ псковскую дружину лить доски и уѣхалъ назадъ. Очевидно, Москва, рядомъ съ политическимъ своимъ совершенствованіемъ, шла впередъ и въ техникѣ разнаго рода. Такъ, здѣсь процвѣтало искусство дѣлать украшенія для иконъ изъ дорогихъ металловъ, камней, жемчуга и финифти; особенно славились издѣлія нѣкоего Парамши, золотыхъ дѣлъ мастера. Въ духовныхъ грамотахъ московскихъ князей (съ Іоанна II до самаго Василія I) не разъ упоминаются золотые иконные оклады и кресты работы этого ювелира, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ. Василій Дмитріевичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи упоминаетъ о поясѣ золотомъ съ каменьемъ, который сковалъ самъ («Собр. Госуд. грамотъ и договоровъ», т. I, стр. 73).

Чеканка монеты при Василіи I тоже подвинулась впередъ. Мы имѣемъ 17 разныхъ чекановъ серебряной монеты этого времени. Надписи и штемпеля на нихъ свидѣтельствуютъ уже о подъемѣ государственнаго сознанія. Такъ, кромѣ надписей: «князя великаго Василія», или—«Василія Дмитріевича», мы встрѣчаемъ здѣсь и слѣдующія слова: «Князя Василія всея Руси». Хотя на монетахъ его въ арабскихъ легендахъ упоминается и имя

Монеты Василія I.

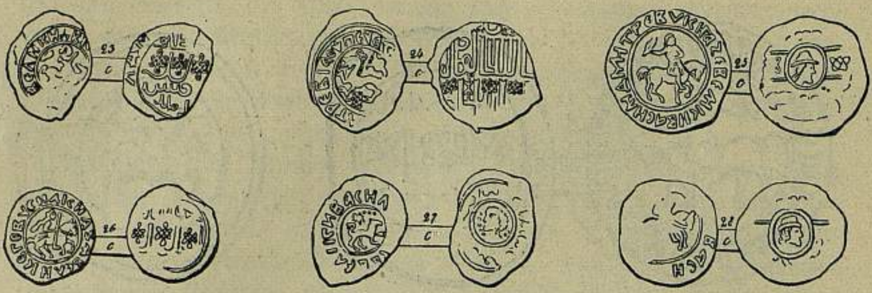


Печать кн. Патрикѣева.

хана Тохтамыша, но указанная надпись свидѣтельствуетъ, что годы нашей зависимости отъ Золотой орды уже были сочтены.

Примѣчательны также на нѣкоторыхъ монетахъ этого князя эмблемы воинственнаго характера: схожій съ литовскимъ гербомъ всадникъ. Этотъ конникъ, но не съ мечомъ, а съ копьемъ, какъ увидимъ ниже, изображенъ на печати этого князя. Недостаетъ только дракона подъ ногами коня, чтобы вполнѣ сформировалась та эмблема, которая стала гербомъ Москвы. Но и драконъ подъ конемъ появляется скоро, именно—на монетахъ Василія II.

На монетахъ же Василія преобладаетъ мирный конникъ, именно—сокольничій съ птицей въ рукѣ. Всадникъ этого послѣдняго типа встрѣчается чаще перваго и не сходитъ съ монетъ и послѣдующихъ княженій, какъ бы конкурируя съ конникомъ военнаго типа и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы готовясь стать государственнымъ гербомъ Москвы. Заслуживаетъ вниманія нумизматовъ и вообще археологовъ то, что эта эмблема совпадаетъ съ русскимъ иконографическимъ изображеніемъ св. мученика Трифона, тоже съ соколомъ въ рукѣ. Въ честь его была построена церковь въ селѣ надъ Великимъ прудомъ, или, просто, въ Напрудскомъ, которое упоминается въ цѣломъ рядѣ духовныхъ завѣщаній, начиная съ Іоанна Калиты, и которое лежало «на Сокольничьемъ пути», о коемъ тоже весьма заботливо говорятъ великокняжескія завѣщанія («Государственныя грамоты и договоры». Т. I). Позднѣйшія устныя сказанія, передающія поэтическое преданіе о построеніи здѣсь церкви царскимъ сокольничьимъ, пріурочиваютъ это къ царствованію Іоанна Грознаго и даже Алексѣя Михайловича. Но никакого нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь уже при Калитѣ существовалъ храмъ: это видно изъ того, что Напрудное называлось селомъ; а село отличается отъ деревни именно церковью. Искусственное гидравлическое сооруженіе здѣсь Великаго пруда указываетъ на то, что это урочище очень цѣнилось великими князьями. По преданію, именно здѣсь происходила охота государей съ соколами и кречетами «на мокрую», или водяную, птицу, тогда какъ «на верховую птицу» они охотились въ Сокольникахъ. Навѣрно, въ селѣ надъ Великимъ прудомъ издавна, еще до Василія I, жили великокняжескіе сокольники и другіе ловчіе. Вотъ почему знатокамъ русскихъ древностей слѣдуетъ обратить вниманіе на совпаденіе нумизматическаго и даже геральдическаго изображенія всадника съ соколомъ въ рукѣ съ иконографическимъ изображеніемъ его



Монеты Василія I

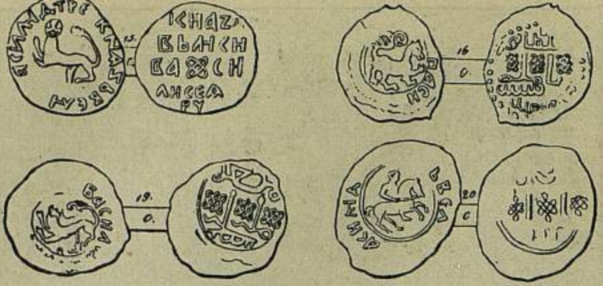
въ церкви бывшаго села Напруднаго. Это обѣщаетъ немало интересныхъ выводовъ. Приводимъ сперва двѣ монеты Василія I съ изображеніемъ коннаго сокольника и печать князя Патрикѣева, конца этого столѣтія, съ такимъ же гербомъ.

Подвигаясь въ развитіи различныхъ отраслей техники, Москва, при Василіи I, пыталась усилить себя и въ военномъ отношеніи еще новою крѣпостью. На ряду съ каменнымъ Кремлемъ, съ его «забралами градными, вратами желѣзными и стрѣльницами, замыслиша въ 1394 году укрѣпленіе посада», т.-е. Китай-города. Изъ лѣтописи не видно, замышлено ли было поставить здѣсь каменныя стѣны или деревянныя и даже земляныя, но судя по тому, что не остановились предъ огромными даже убытками, крѣпостныя сооруженія должны были стать весьма серьезными. Вотъ что, по этому поводу, говоритъ лѣтопись: «замыслиша ровъ копати и почаша съ Кучкова поля (отъ Срѣтенскаго монастыря), а конецъ въ Москву-рѣку, шириною въ сажень, а глубиною въ ростъ человѣка. *Много бысть убытка людямъ, потому что поперегъ дворовъ копаша и много хоромъ разметаша*». Но это, очевидно, очень большое предпріятіе, къ сожалѣнію, не имѣло успѣха; лѣтопись къ приведеннымъ словамъ прибавляетъ: «а не учиниша ничтоже и ничего не доспѣша». Такъ посаду и пришлось еще долгое время стоять безъ укрѣпленій; и при вражескихъ нашествіяхъ, изъ опасенія «примету (осады)» Кремля, посадскіе дома не разъ приходилось сжигать, а жителямъ, если не хватало мѣста за Кремлевскими стѣнами, прятаться въ лѣсахъ. Но Москва вошла уже въ такую силу, что и послѣ такихъ пожаровъ съ удивительною быстротою поднималась изъ пепла. Она въ это время уже имѣла значительное количество улицъ. Самая большая изъ нихъ называлась *Великою* и шла мимо Кремля, вдоль Москвы-рѣки, до мѣстности (Васильвскаго луга), занимаемой теперь Воспитательнымъ домомъ. Странно, что наши историки вскользь говорятъ о всѣхъ указанныхъ нами проявленіяхъ культурнаго роста Москвы. Быстрота же его имѣетъ тѣмъ большую для насъ цѣну, что онъ шелъ и самобытно и среди очень неблагопріятныхъ условій. Москву все еще сильно тѣснили и орда, и Литва, и разные удѣльные князья; не смотря на это, она быстро преуспѣвала въ разныхъ отрасляхъ своей жизни.

Чрезвычайно интересно дошедшее до насъ современное портретное изображеніе великаго князя Василія Дмитріевича и его супруги. Оно

Современные портреты Василія Дмитріевича и Софьи Витовтовны.

находится на саккосѣ митрополита Фотія, хранящемся въ патріаршей ризницѣ. Это облаченіе покрыто съ обѣихъ сторонъ вышитыми по голубому атласу золотомъ, серебромъ и шелкомъ изображеніями святыхъ и праздниковъ; но, что особенно для насъ любопытно,—на передней сторонѣ саккоса, внизу его, изображены направо отъ зрителя: Московскій великій князь Василій Дмитріевичъ и его супруга Софья Витовтовна, а налѣво—Греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ и его супруга императрица Анна, дочь Василія I и Софьи (раньше этого брака Василій I посылалъ его отцу, тѣснимому турками, большіе дары, состоявшіе изъ серебра); рядомъ съ Византійскимъ императоромъ изображенъ и самъ митрополитъ Фотій. Три послѣднія лица обозначены греческими надписями, а наши великіе князь и княгиня—славянскими. Василій I на этомъ портретѣ имѣетъ мужественное лицо, съ черными усами и умѣренною бородою, раздвоившеюся въ концѣ. На немъ низко-подпоясанный кафтанъ краснаго цвѣта съ клѣтками и узкія зеленые шаровары, запрятанные въ высокіе сапоги изъ краснаго сафьяна, въ трехъ мѣстахъ перехваченные застежками; сверху накинутъ довольно короткій плащъ, или «приволока», зеленаго цвѣта, съ золотыми разводами, на синей подкладкѣ. На правой рукѣ видно золотое запястье; этою рукою онъ держитъ скипетръ, унизанный жемчугомъ. На головѣ великаго князя сквозной золотой вѣнецъ, съ крестами вверху и съ красной бархатной тульей. На великой княгинѣ Софьѣ родъ сарафана изъ серебряной парчи, съ красными клѣтками въ золотыхъ рамахъ;



Монеты Василія I.

сарафанъ украшенъ золотымъ ожерельемъ, съ такимъ же передникомъ и поясомъ. Сверхъ сарафана шубка, или длинный плащъ, золотой, съ серебряными кругами и синими и красными крестами. На княгинѣ вѣнецъ почти такой же формы, какъ на ея супругѣ. Это изображеніе весьма важно не только въ иконографическомъ отношеніи, но и для исторіи московскихъ одеждъ. Императоръ Іоаннъ Палеологъ и его супруга изображены въ византійскомъ царскомъ облаченіи, съ нимбомъ, или вѣнцомъ святости, вокругъ головы. Митрополитъ Фотій представленъ въ золотомъ саккосѣ, съ крестами въ красныхъ кругахъ; сверхъ саккоса омофоръ серебряный, съ золотыми крестами. Голова Фотія не покрыта, видны густые черные волосы и окладистая борода; вокругъ головы такой же нимбъ, какъ и у другихъ изображенныхъ святителей.

Василій Дмитріевичъ отъ Софьи Витовтовны имѣлъ пятерыхъ сыновей и четырехъ дочерей, а именно: Юрія, Ивана («зело превожделеннаго ему»), Василія, Даніила и Симеона; дочерей: Марію, бывшую за бояриномъ и воеводой княземъ Юріемъ Патрикѣевичемъ (сыномъ Литовскаго князя Патрикія Наримонтовича), Василису, бывшую въ первомъ бракѣ за Александромъ Брюхатымъ, а во второмъ за Александромъ Взметнемъ, князьями Суздальско-Нижегородскими, Анну, выданную за византійскаго императора Іоанна Палеолога, и Анастасію, бывшую за Кіевскимъ княземъ Александромъ (Олелькомъ) Владиміровичемъ, внукомъ Ольгерда.

Наслѣдникомъ, по второй духовной Василія I, за смертью всѣхъ другихъ сыновей, объявленъ былъ, подъ опекой его матери и дѣда Витовта, Василій Васильевичъ. Ему всего было десять лѣтъ, когда умиралъ его отецъ. Никоновская лѣтопись разсказываетъ о рожденіи его слѣдующее. Когда, во время родовъ, великая княгиня стала изнемогать и, казалось, умираетъ, великій князь послалъ въ храмъ Іоанна Предтечи, къ извѣстному ему святостью жизни старцу и просилъ помолиться о роженицѣ. Тотъ сказалъ, чтобы государь молился Богу, его Пречистой Матери и покровителю великокняжескаго рода—Логину-сотнику, а о княгинѣ бы не скорбѣлъ, потому что она выздоровѣетъ и въ этотъ же вечеръ родитъ ему сына. Когда это послѣднее сбылось, въ келью великокняжескаго духовника, у Спаса на Бору, кто-то стукнулъ и сказалъ: «иди, нарцы имя великому князю Василію». Духовникъ, взявши необходимое, вышелъ изъ кельи, но посланнаго не нашелъ. Идя въ великокняжескій дворецъ и встрѣтивъ на дорогѣ посланнаго, узналъ, что тотъ у него еще не былъ

Велико-
княжескія
печати.

и лишь только первый идетъ къ нему, никого другого не посылали изъ дворца. «Мнѣ же,—говоритъ лѣтописецъ,—о семъ Стефанъ діакъ сказа, а о прежнемъ прорѣченіи старецъ Дементій печатникъ, а сему повѣда великая княгиня Маріа (супруга Василія II)».

Великій князь Василій Дмитріевичъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, около южной стѣны. На надгробіи сдѣлана слѣдующая надпись: «Въ лѣто 6,933—1425 года, февраля въ 27 день, преставился благовѣрный князь великій Василій Дмитріевичъ».

Здѣсь мы приводимъ двѣ печати этого великаго князя: одну съ изображеніемъ его ангела Василія Великаго, другую—всадника съ копьемъ въ рукѣ.

Исторія княженія Василія Васильевича (1425—1462) ясно показываетъ намъ, что даже междоусобія уже не въ силахъ были сокрушить могущество Москвы, созданное ея великими князьями,—собирателями Руси. Изъ ряда потрясеній этого времени наша столица вышла едва ли не сильнѣе, чѣмъ какою перешла въ руки Василія Темнаго.

Мы не станемъ слѣдить за подробностями происшедшаго въ это время перваго и единственнаго, въ родѣ Іоанна Калиты, междоусобія. Несмотря на то, что митрополитъ всея Руси Фотій, съ духовенствомъ, московскіе бояре и самъ народъ твердо стояли за Василія II, какъ наслѣдника великокняжескаго престола, по прямой нисходящей линіи, дядя его, Юрій Димитріевичъ, со своими сыновьями поднялся противъ нашего князя, хотя самая Золотая орда, въ лицѣ своего хана Улу-Махмета, приняла его сторону; и ханскій посолъ «садилъ Василія на великое княженіе у Пречистыя, у Золотыхъ дверей (Успенскаго собора)», т.-е. присутствовалъ при вѣнчаніи его великимъ княземъ (не во Владимірѣ, какъ бывало прежде, а въ первый разъ въ Москвѣ).

За Юріемъ Дмитріевичемъ, еще послѣ смерти Василія I, ходилъ въ Звенигородъ митрополитъ Фотій звать дядю въ Москву, присутствовать «при торжественнымъ вокняженіи» его десятилѣтняго племянника. Желая поразить владыку массой своего народа, этотъ князь собралъ городскую чернь и крестьянъ сосѣднихъ волостей и выставилъ эти толпы на горѣ, подлѣ города. Но хитрость эта была разгадана митрополитомъ, и онъ сказалъ Юрію: «сыне, никогда я не видалъ столько народа въ овечьей шерсти!» давая понять, что отъ крестьянскихъ тулуповъ до ратныхъ доспѣховъ

Великіе князья Василій Темный и сынъ его Іоаннъ.

еще далеко. Князь однако не пошелъ въ Москву на торжество «вокняженья» племянника, хотя и заключилъ съ нимъ мирный договоръ.

Несмотря ни на что, Юрій Дмитріевичъ, подстрекаемый перешедшимъ къ нему изъ Москвы бояриномъ Всеволожскимъ, на дочери котораго обѣщалъ было жениться Василій II, и своими сыновьями Дмитріемъ Шемякой и Василіемъ Косымъ, съ котораго на великокняжеской свадьбѣ Софья Витовтовна велѣла сорвать поясъ Донского, силой овладѣлъ Москвою и великимъ княженіемъ. Нѣсколько разъ Василію Васильевичу приходилось то силой, то хитростью отнимать Москву сперва у Юрія, а потомъ у его сыновей.

Эта борьба отмѣчена и вѣроломствомъ, и кровопролитіемъ, и жестокостью, какъ, напримѣръ, ослѣпленіемъ Василія Косого и самого Василія II. Но, среди этихъ печальныхъ явленій, мы видимъ и отрадныя. Москва въ это время уже обнаруживаетъ свой ясный государственный смыслъ: она крѣпко стоитъ за враждебный удѣльной системѣ принципъ наслѣдованія престола по прямой нисходящей линіи и энергически поддерживаетъ своего прирожденнаго государя-князя. Такъ, когда Юрій сѣлъ на Московскомъ великомъ княженіи и Василій получилъ въ удѣлъ себѣ Коломну, наши бояре, дворяне и народъ стали покидать торжествующую сторону, отказываясь служить новому князю, и стали массами уходить къ отчичу и дѣдичу въ Коломну, къ Василію Васильевичу; тамъ стало тѣсно отъ переполнявшаго городъ народа. Юрій, покинутый всѣми, долженъ былъ уйти изъ Москвы. Впослѣдствіи, когда ослѣпленный

Василій уже былъ заточенъ въ Угличѣ, опять въ Москвѣ поднялась народная волна въ пользу законно наслѣдственнаго государя. Стрига Оболенскій, Ряполовскій, Ѳеодоръ Басенокъ и другіе служилые люди, уйдя изъ Москвы на западную границу, рѣшились освободить Василія Васильевича изъ Углича и стали собирать для него войска противъ Дмитрія Шемяки.

Особенно велика была поддержка принципу наслѣдственнаго единодержавія со стороны Церкви и ея первостоятеля—святителя Іоны. Онъ былъ инокомъ въ Симоновомъ монастырѣ и несъ послушаніе «въ пекальницѣ», или хлѣбной; этотъ достойнѣйшій преемникъ святыхъ Петра и Алексія энергически стоялъ за законнаго государя Василія Васильевича. Когда восторжествовалъ надъ нимъ Шемяка, Іона, бывшій въ то время еще только Рязанскимъ владыкой, печаловался о своемъ заточенномъ великомъ князѣ и его сыновьяхъ, находившихся въ Муромѣ, подъ защитой князей Ряполовскихъ.

Получивъ отъ узурпатора обѣщаніе, что Василій Васильевичъ будетъ освобожденъ и княжичамъ его не будетъ худа, святитель отправился въ Муромъ и тамъ въ соборѣ «изъ пелены у Пречистыя взялъ на патрахѣль свою» княжичей-сыновей своего государя. Когда Шемяка не сдержалъ своего слова, не отпустилъ углицкаго заточника, то св. Іона обличалъ его за то, что онъ сдѣлалъ святителя орудіемъ своего обмана. «Что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпецъ?—говорилъ іерархъ.—Дѣти его еще малы; укрѣпи его крестнымъ цѣлованіемъ и нашею братіей—владыками». Когда Василій II, получивъ свободу, пришелъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, куда собрались къ нему многіе бояре и дѣти боярскія, игуменъ этого монастыря Трифонъ разрѣшилъ князя-слѣпца отъ «проклятыхъ (т.-е. клятвенныхъ)» грамотъ, которыя тотъ далъ Шемякѣ. Василій, снова утвердившись въ Москвѣ, когда узналъ, что Шемяка, вопреки договору своему, сталъ мутить москвичей, чрезъ своихъ тіуновъ, отдалъ это дѣло на судъ собору епископовъ. Тогда св. Іона отъ лица русскихъ святителей писалъ Шемякѣ укорительное посланіе, скрѣпленное подписью пяти владыкъ. Посланіе напоминаетъ Шемякѣ грѣхъ отца его Юрія, сравниваетъ его съ братоубійцей Каиномъ и Святополкомъ, ослѣпившимъ Василька Ростиславича; упрекаетъ его въ клятвопреступленіи и въ измѣнѣ, разбойничьемъ нападеніи на великаго князя и ослѣпленіи послѣдняго и, въ случаѣ новаго междоусобія, грозитъ Шемякѣ отлученіемъ отъ Церкви. Посланіе это увѣщаваетъ всѣхъ быть вѣрными и послушными своему «государю»—великому князю, и грозитъ тоже отлученіемъ тѣмъ, «кто не добьетъ челомъ своему господарю».

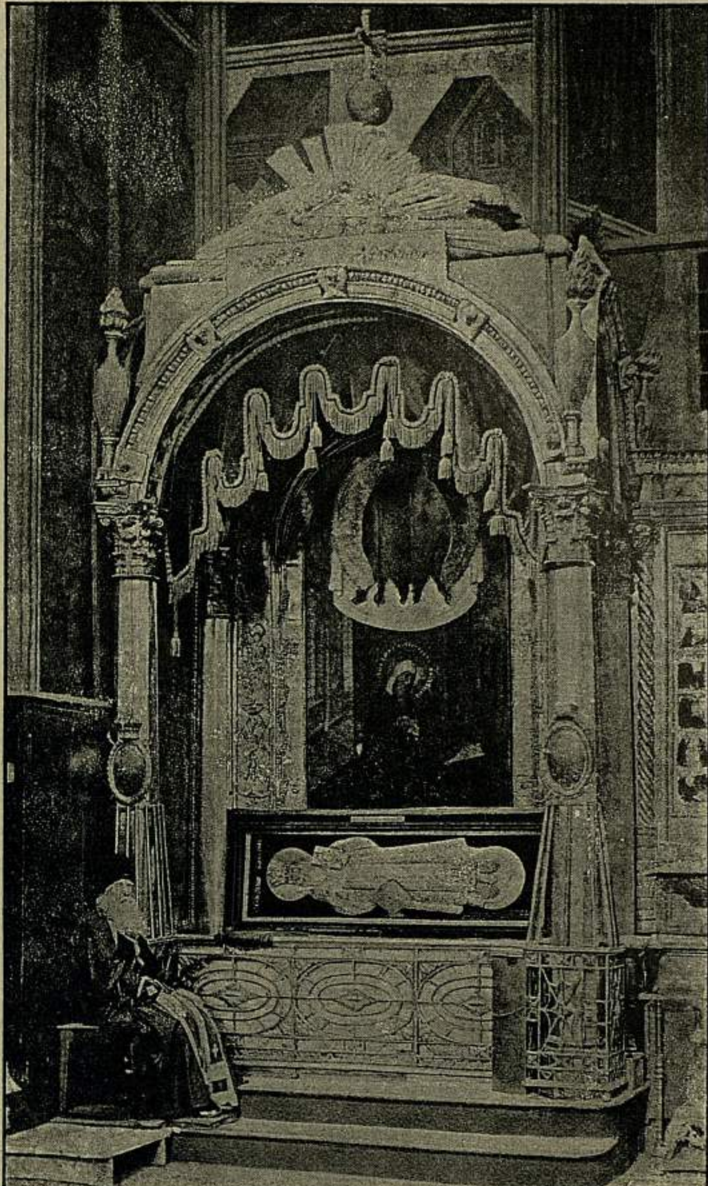
Москва при Василіи II видѣла важныя церковныя событія: это из-

гнаніе изъ Успенскаго собора митрополита—паписта, подписавшаго Флорентійскую унію, и постановленіе, вмѣсто Цареграда, въ Москвѣ, русскими святителями, въ митрополиты всероссійскіе, Русскаго іерарха святого Іоны.

Послѣ смерти грека—митрополита Фотія, Константинопольскій патріархъ и императоръ, замыслившіе подчинить Греческую Церковь власти Римскаго папы, поспѣшили поставить на первосвятительскую каѳедру грека Исидора. Новый митрополитъ былъ орудіемъ предстоявшей уніи между Церквами. Едва явился онъ въ Россію, какъ уже сталъ собираться на мнимый восьмой вселенскій соборъ во Флоренціи. Великій князь долго не пускалъ его и дозволилъ ему отправиться въ Италію, давъ строгій наказъ не приносить оттуда ничего новаго. Но на Флорентійскомъ соборѣ митрополитъ явился ревностнымъ сторонникомъ папы и уніи и сдѣланъ былъ легатомъ отъ ребра (a latere) апостольскаго въ земляхъ Лифляндскихъ, Литовскихъ и Русскихъ. На возвратномъ пути Исидоръ еще съ дороги разослалъ по Россіи окружное посланіе объ уніи, призывая христіанъ обоихъ исповѣданій безразлично ходить въ православные и латинскіе храмы и пріобщаться одинаково въ тѣхъ и другихъ. По возвращеніи въ Москву, онъ началъ именоваться папскимъ легатомъ, велѣлъ носить предъ собою латинскій четырехконечный крестъ (крыжъ) и три палицы серебряныя, а въ молитвѣ поминать папу прежде вселенскихъ патріарховъ. Въ Успенскомъ соборѣ онъ приказалъ торжественно прочесть грамоту о соединеніи Церквей, въ которой говорилось, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, что опрѣсноки могутъ претворяться въ тѣло Христово, что усопшихъ ожидаетъ чистилище и проч. Всѣ эти новшества, составлявшія, по русскимъ убѣжденіямъ, главныя заблужденія *латинской ереси*, какъ измѣна православію, произвели соблазнъ въ духовенствѣ и народѣ. Великій князь тутъ же, въ самомъ Успенскомъ соборѣ, назвалъ Исидора не пастыремъ и учителемъ, а «папскимъ прелестникомъ и волкомъ» и велѣлъ заключить его подъ стражу въ Чудовомъ монастырѣ. Въ 1441 году онъ былъ осужденъ соборомъ Русскихъ епископовъ, но бѣжалъ изъ-подъ стражи въ Римъ, гдѣ получилъ красную кардинальскую шапку отъ папы. Это былъ послѣдній на Руси митрополитъ изъ грековъ.

Когда Василій окончательно утвердился на великокняжескомъ престолѣ, онъ рѣшился возвести св. Іону въ митрополиты. Такъ какъ въ Цареградѣ продолжали уніата Исидора признавать митрополитомъ, то великій князь, безъ участія Константинопольскаго патріарха, приступилъ къ этому дѣлу и для этого созвалъ въ Москвѣ соборъ епископовъ. Сюда прибыли владыки Сѣверо-восточной Руси: Ростовскій, Суздальскій, Коломенскій и Пермскій, а владыки Новгородскій и Тверской прислали свои грамоты съ изъявленіемъ согласія на поставленіе Іоны. Соборныя совѣщанія епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и прочаго духовенства происходили въ Архангельскомъ соборѣ. Вспомнивъ, кромѣ каноническихъ правилъ, русскіе примѣры избранія въ митрополиты Иларіона и Климента, остановили свой выборъ на св. Іонѣ и, наконецъ, 5 декабря 1448 г., во время торжественной литургіи, возложили на Іону митрополичій омо-

Рака
Святителя
Іоны.



форъ и дали ему въ руки великій посохъ первосвятителя Петра, находящійся нынѣ въ Успенскомъ соборѣ. Новый митрополитъ разослалъ по всей Руси окружное посланіе о своемъ поставленіи. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ духовныхъ лицъ высказывались противъ такого избранія. Такъ, игуменъ Пафнутій Боровскій не велѣлъ въ своей обители называть св. Іону митрополитомъ. Новый владыка вызвалъ его въ Москву, наказалъ его своимъ жезломъ и заключилъ въ оковы. Пафнутій смирился и былъ отпу-

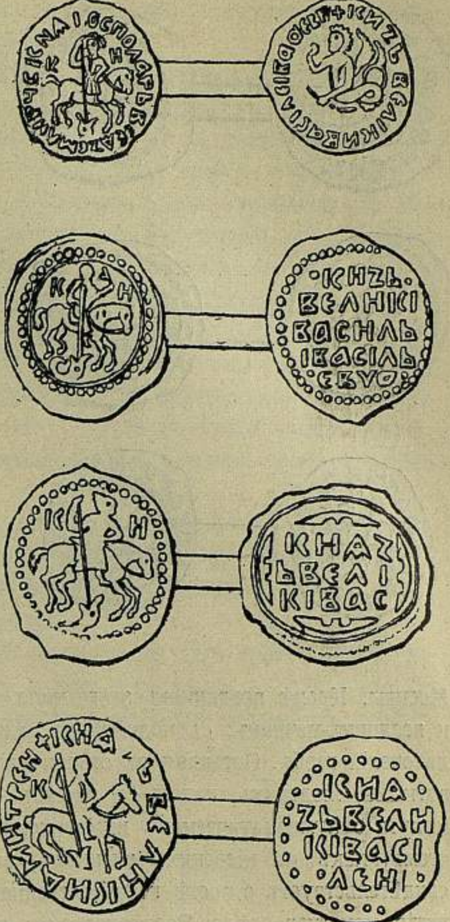
щенъ въ свой монастырь. Воспроизводимъ печать св. Іоны. Мощи этого святителя почиваютъ въ Успенскомъ соборѣ, и онъ почитается особымъ и преимущественнымъ молитвенникомъ о нашихъ государяхъ.

Вышеприведенныя печальныя событія не помѣшали однако развиваться Москвѣ, какъ городу. Храмовая ея стихія все росла. Василій II, вмѣсто пришедшей въ ветхость церкви Іоанна Предтечи подъ Боромъ, гдѣ жилъ первоначально св. Петръ митрополитъ, построилъ новую каменную. Митрополитъ Іона выстроилъ на своемъ митрополичьемъ дворѣ новую каменную палату и храмъ Положенія Ризы Пресвятыя Богородицы. Эта небольшая церковь была построена въ новгородско-псковскомъ стилѣ. Поводомъ къ этому были слѣдующія обстоятельства: послѣ бѣгства Шемяки въ Новгородъ, казанскіе татары подступили къ Москвѣ, а великій князь, оставивъ городъ св. Іонѣ и матери своей Софьѣ Витовтовнѣ, уѣхалъ на Волгу собирать войско. Враги выжгли посады. Передъ приступомъ былъ совершонъ крестный ходъ вдоль кремлевскихъ стѣнъ. Татары стали осыпать осажденныхъ стрѣлами. Св. Іона обратился къ иноку Чудова монастыря Антонію Клозынѣ, прося и его помолиться; онъ отвѣчалъ: «ты великій архіерей, твои молитвы не презритъ Богородица, городъ будетъ спасенъ, а я одинъ буду убитъ». Антоній тутъ же упалъ, на смерть пораженный стрѣлой, а татары, услыхавъ какой-то шумъ вдали и думая, что идетъ великій князь, ушли изъ Москвы. Это совершилось въ 1451 году, 2-го іюля, въ праздникъ Положенія Ризы. Спустя четыре года, въ память побѣды надъ татарами на Окѣ, митрополитъ въ Успенскомъ соборѣ устроилъ предѣлъ Похвалы Богородицы, перенесенный при Іоаннѣ III въ юго-восточную главу собора, гдѣ онъ находится и теперь и куда ведетъ каменная лѣстница изъ придѣла Димитрія Селунскаго. Самъ великій князь при церкви Іоанна Предтечи, близъ Боровицкихъ воротъ, построилъ тайникъ, гдѣ впослѣдствіи хранилась погибшая однако во время пожара казна Софьи Ѳоминишны Палеологъ.

Въ это же княженіе основанъ Крестовоздвиженскій монастырь въ Бѣломъ городѣ, между Кремлемъ и Арбатскими воротами, отъ чего улица стала называться Воздвиженкой. На мѣстѣ этого монастыря находился окруженный большими садами домъ боярина Владиміра Григорьевича Ховрина, любимца и казначея великокняжескаго. По ослѣпленіи Василія II, онъ на мѣстѣ приходской церкви основалъ монастырь, въ коемъ самъ принялъ иноческій постригъ. Во время одного нашествія татаръ онъ со своими монахами вооружился и соединился съ войскомъ воеводы князя Юрія Патрикѣевича и способствовалъ побѣдѣ надъ непріятелемъ.

Въ 1456 году Василій Васильевичъ, по просьбѣ Смоленскаго епископа Михаила, возвратилъ въ Смоленскъ икону Божіей Матери, привезенную оттуда Софьей Витовтовной и находившуюся въ придворномъ Благовѣщенскомъ соборѣ. Икону проводили, 28-го іюля, торжественнымъ крестнымъ ходомъ, въ коемъ участвовалъ великій князь со своимъ семействомъ, митрополитъ Іона и множество народа, до церкви Саввы Освященнаго, на Дѣвичьемъ полѣ.

Въ это время Кремль былъ уже значительно застроенъ княжескими,



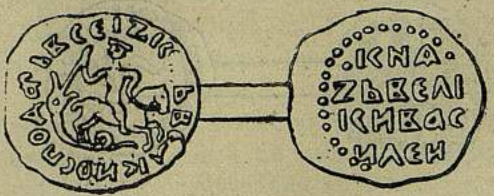
Монеты Василія II.

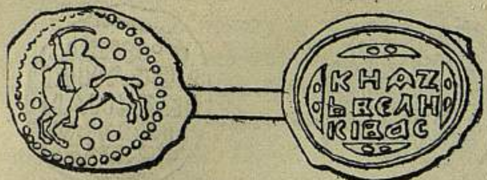
боярскими и владычими дворами. Тамъ находились слѣдующія архіерейскія и монастырскія подворья: Симоновское,—у Никольскихъ воротъ, Кирилловское, — у Фроловскихъ воротъ, и рядомъ съ нимъ Крутицкое, — противъ Вознесенскаго монастыря, Троицкое,—у Троицкихъ воротъ, а внѣ кремля Угрѣшское, — у церкви св. Петра чудотворца на городѣ, и Коломенское,—на Подолѣ. При подворьяхъ были деревянныя и каменныя церкви.

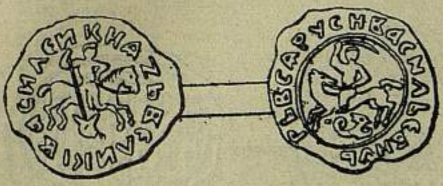
Москва и при Василія II подвергалась опустошительнымъ пожарамъ. Когда она плакала о плѣненіи его Улу-Махметомъ, ханомъ Казанскимъ, въ Кремлѣ сдѣлался такой сильный пожаръ, что не только деревянныя зданія, въ томъ числѣ и дворецъ великокняжескій, но даже и каменныя церкви и стѣны мѣстами рушились, и народу погибло 3000 человѣкъ.

Семейству великаго князя негдѣ было жить, и оно должно было удалиться въ Ростовъ. Когда Василій II былъ отпущенъ изъ плѣна за большой выкупъ (по одному свидѣтельству въ 200 тысячъ), въ Москвѣ произошло землетрясеніе. Оно было непродолжительно; однако колебаніе почвы было очень замѣтно и навело страхъ на жителей. Впрочемъ, стольный городъ встрѣтилъ великаго князя съ большимъ торжествомъ. Но нерадостенъ былъ его въѣздъ въ столицу, которая еще не успѣла оправиться отъ недавняго пожара. Великій князь принужденъ былъ остановиться за городомъ, на Ваганьковѣ (гдѣ теперь Румянцевскій музей), въ домѣ своей матери, а потомъ занялъ въ Кремлѣ дворъ князя Юрія Патрикѣевича; великій князь, утѣшая москвичей, говорилъ: «не унывайте, пусть каждый ставитъ хоромы на своемъ мѣстѣ, а я радъ васъ жаловать и дать вамъ льготы».

Несмотря на всѣ эти бѣды, въ Москвѣ продолжали развиваться разныя отрасли техники, въ особенности чеканка монеты. Деньги этого княженія превосходятъ предшествующія и своею выработкою и разнообразіемъ штемпелей и подписей. До насъ дошло 87 разныхъ монетныхъ чекановъ







Василія Темнаго. По части надписей укажемъ на то, что этотъ великій князь первый сталъ выбивать на монетахъ титулъ: «господарь всея Руси». Изъ всей массы штемпелей мы отмѣтимъ только то, что здѣсь повторяются появившіеся въ предшествующее княженіе всадники и съ соколомъ и съ копьемъ въ рукѣ. Но копейный всадникъ на монетахъ Василія II уже, чего прежде не было, поражаетъ дракона; эта эмблема при Іоаннѣ III окончательно дѣлается государственнымъ гербомъ Москвы и, при религіозномъ характерѣ нашей геральдики, отождествляется съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ, ангеломъ основателя Москвы. Кромѣ всадниковъ этого типа, встрѣчается въ это время еще и всадникъ-мечникъ, съ поднятымъ надъ головой мечомъ, похожій ни литовскій гербъ. Оставляя въ сторонѣ изображеніе миѳологическихъ животныхъ, людскихъ головъ и фигуръ и проч., мы должны еще упомянуть о нумизматическомъ изображеніи князя на престолѣ не съ крестомъ, какъ на кіевскихъ монетахъ, въ рукѣ, а съ мечомъ. Все это свидѣтельствуетъ о ростѣ государственнаго сознанія въ Москвѣ и о развитіи монетнаго дѣла. Воспроизводимъ монеты Василія II съ изображеніемъ всадника, поражающаго дракона, и всадника-мечника.

Въ 1445 году великій князь съ ратью пошелъ навстрѣчу татарамъ къ Суздалю. Онъ расположился здѣсь станомъ и, 6-го іюля, весело поужиналъ въ своей палаткѣ съ князьями и боярами и пировалъ съ ними до утра. Вставши отъ сна, когда уже взошло солнце, онъ велѣлъ служить заутреню и послѣ нея хотѣлъ опять лечь поопочить. Вдругъ пришла вѣсть, что татары уже переходятъ черезъ рѣчку Нерль. Василій облекся въ доспѣхи и, распустивъ знамена, двинулся съ князьями въ поле.

Великій князь, напоминавшій храбростью дѣда своего Димитрія Донского, стремительно ударилъ на татаръ, которые были вдвое многочисленнѣе русскихъ, и разбилъ ихъ. Но наши оплошали и разбрелись за добычей. Тогда татары, оправившись, ударили на нихъ. Василій мужественно отбивался, но получилъ многіе раны и ушибы; только благодаря крѣпкому панцырю и шлему, они оказались не опасными. Но наши были побиты, и самъ Василій Васильевичъ былъ взятъ въ плѣнъ. Татары сняли съ него даже крестъ-тѣльникъ и отослали его въ Москву къ великимъ княгинямъ— женѣ и матери. Впослѣдствіи онъ былъ отпущенъ изъ плѣна. Но послѣ

своего ослѣпленія великій князь уже утратилъ охоту къ боямъ и весь былъ поглощенъ дѣлами государственнаго управленія.

Въ 1450 году слѣпецъ-князь сдѣлалъ соправителемъ своего сына Іоанна, и грамоты стали исходить отъ имени двухъ великихъ князей.

Въ своемъ духовномъ завѣщаніи, укрѣпляя за нимъ великокняжеское достоинство, Василій надѣляетъ этого сына своего огромными, по сравненію съ другими сыновьями, землями и тѣмъ упрочиваетъ въ Московскомъ государствѣ единодержавіе. По этой духовной лучшая большая часть недвижимой собственности передается великому князю.

Въ 1462 году Василій Васильевичъ разболѣлся *сухотною болѣзнію* и приказалъ на разныхъ мѣстахъ тѣла жечь трутъ—обычное въ то время средство противъ названной болѣзни, какъ видно изъ тогдашнихъ лѣчебниковъ, такъ называемыхъ «Добропрохладныхъ вертоградовъ». На тѣлѣ открылись раны, которыя начали гнить. Предвидя скорый конецъ жизни, великій князь хотѣлъ принять иноческій чинъ и схиму, но его отъ того удержали.

Василій II погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, возлѣ иконостаса, близъ южныхъ дверей. Надгробная надпись гласитъ: «Въ лѣто 6970—1462 марта въ 28 день преставися благовѣрный и христолюбивый князь великій Василій Васильевичъ Темный».

Воспроизводимыя, въ качествѣ памятниковъ того времени, двѣ печати, принадлежатъ одна великому князю Василію II, а другая его сопернику Димитрію Шемякѣ. На первой изображено—голова въ коронѣ, на другой—витязь въ шлемѣ.

V.

При Іоаннѣ III.

При Іоаннѣ III, послѣ двухсотлѣтняго существованія, Москва вступаетъ въ новый періодъ своего историческаго бытія. Становясь изъ великокняжеской столицы—царскою, хотя этотъ государь и не принялъ еще царскаго титула, она, въ соотвѣтствіе своему внутреннему могуществу и всероссійскому значенію, измѣнила многое въ своей внѣшности: новыя величавыя стѣны и бойницы Кремля, новый первопрестольный соборъ Успенія, вновь выстроенная усыпальница государей—храмъ архангела Михаила, невиданная каменная Грановитая палата и другія палаты государя, множество новыхъ церквей и домовъ бѣлокаменныхъ, новый государственный гербъ на печатяхъ и монетахъ и проч.,—все это возвѣщало новую историческую эпоху. Но эти новизны не рѣзали глазъ своими отличіями отъ великокняжеской старины: онѣ не знаменовали какого-нибудь крутого внутренняго переворота въ духѣ и сердцѣ Россіи, въ родѣ реформы Петра I, а просто накопленіе внутреннихъ силъ Москвы органически, въ прежнемъ историческомъ національномъ духѣ, перееродило ея внѣшность. Старая скорлупа, старая кожа ея сошла и органически выросла, соотвѣтственно размѣрамъ и силамъ выросшаго организма, новая оболочка, новые покровы того же тѣла.

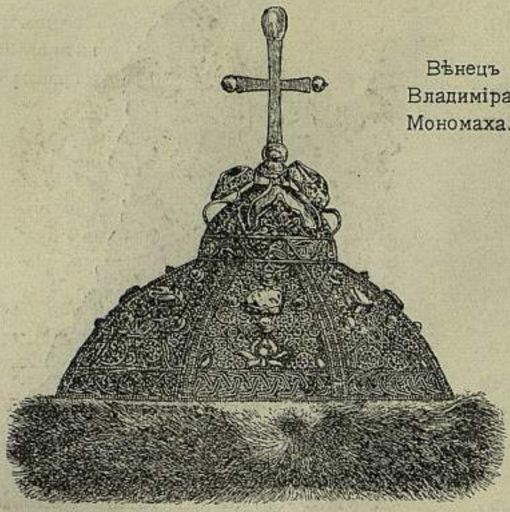
Самъ Іоаннъ III, какъ ни обильно его знаменитое правленіе событіями, не предпринималъ ничего въ сущности новаго, а только продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ Московскихъ князей, собирателей Руси. Заканчивая установленіе на Руси единства присоединяя къ Москвѣ Новгородъ, обратившійся почти въ независимое, полуреспубликанское государство, Тверь, нѣкоторые Рязанскіе удѣлы, пріобрѣтая Русскія земли за рубежомъ Сѣверо-восточной Руси, въ предѣлахъ Литвы, онъ ничего не

дѣлалъ такого, чего не было на умѣ Іоанна Калиты. Вѣдь, сынъ его Семеонъ владѣя небольшою лишь частью удѣльныхъ земель, уже сталъ называть себя великимъ княземъ всея Руси. Растоптавъ ханскую басму и прогнавъ сарайскихъ пословъ, что знаменовало возстановленіе независимости Руси и конецъ монгольскаго ига, Іоаннъ III осуществилъ только то, что было на умѣ не одного Димитрія Донского, поднявшаго мечъ противъ орды, а и на умѣ Юрія Московскаго, еще низко кланявшагося ордынцамъ.

Іоаннъ III на иноземной гравюрѣ.

Іоаннъ III не хотѣлъ, чтобы Русь напоминала удѣльное время, съ его вѣчными усобицами, а являлъ себя на Руси первымъ единодержавцемъ, самодержцемъ и царемъ, по образу Византійскихъ императоровъ. Но то, что онъ заставилъ привезенный въ Москву вѣчевой колоколъ Великаго Новгорода сзывать съ кремлевской колокольни народъ не на своевольныя вѣча, а на церковныя службы, что онъ грозно заставлялъ молчать предъ собою большихъ княжескихъ дружинниковъ думцевъ,—не было въ Москвѣ новшествомъ. Вѣдь, не даромъ Московскіе князья, уже въ лицѣ Василія II наименовавшіе себя господарями, еще до него такъ заботливо передавали шапку и бармы Мономаха изъ рода въ родъ, и еще сынъ Калиты Симеонъ Гордый въ духовномъ завѣщаніи своемъ заповѣдалъ своему преемнику заботиться о томъ, чтобы «свѣща не погасла». Эта свѣща зажжена была еще на горахъ кіевскихъ Владиміромъ Святымъ; она горѣла при Ярославлѣ Мудромъ, который, устраивая въ матери градовъ русскихъ, по подобію Византіи, Святую Софію и Золотыя ворота, придавалъ ему видъ новаго Цареграда; свѣтъ этой свѣщи отражался и на Мономаховой шапкѣ на головѣ Владиміра Всеволодовича и таился на головѣ Александра Невскаго...

Московскіе же князья, среди усобицъ и подъ грозой Золотой орды, должны были также таить подъ спудомъ этотъ свѣтъ, дабы бури его не угасили. Но не противъ ихъ мыслей и преданій было то, что хранитель и исполнитель ихъ завѣтовъ Іоаннъ III, вмѣсто упавшаго Кіева и при отцѣ его завоеванной турками Византіи, сталъ дѣлать изъ Москвы для Руси мать ея градовъ, а для всего восточнаго міра новый Цареградъ. Женившись на царевнѣ греческой, Софіи Палеологъ, онъ сталъ считать себя наслѣдникомъ не только преданій, но и самыхъ земель ея, и принялъ гербъ Греческой имперіи—двоеглаваго орла, который очень дружно сжился съ Московскимъ гербомъ—Георгіемъ Побѣдоносцемъ, поражающимъ змія. Такъ

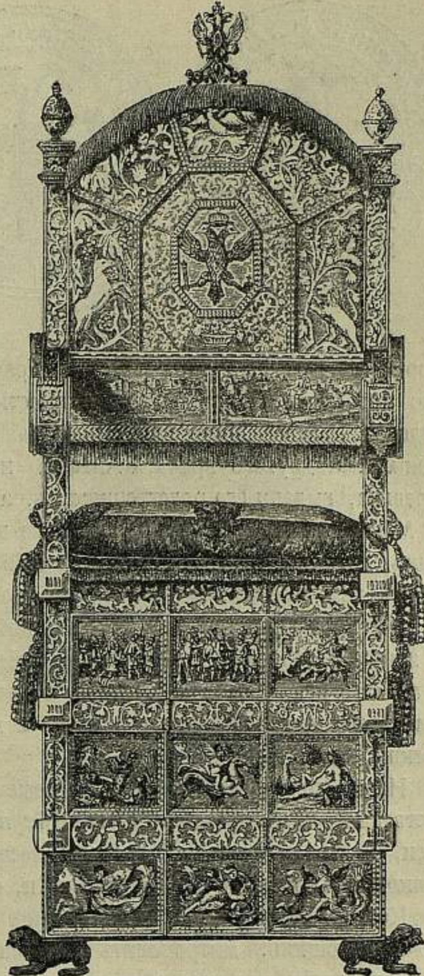


Вѣнецъ Владиміра Мономаха.

и на Западѣ стали смотрѣть на Іоанна III и на Россію: начали возлагать на насъ миссію изгнанія изъ Европы турокъ, которое было не по плечу Германо-Римской имперіи, именуемой Священной и принявшей такой же орлиный византійскій гербъ. Въ это время у насъ стало слагаться вѣрованіе, что Русь водворится въ седьмихолмномъ Цареградѣ и сниметъ магометанскій полумѣсяцъ со св. Софіи.

Не противорѣчили завѣтамъ Московскихъ князей и стремленія Іоанна III завести сношенія съ западными государствами. Сознавая величіе и могущество своего государства, желая занять для нея подобающее мѣсто въ системѣ государствъ Европы, онъ съ многоразличными цѣлями велъ эти сношенія, пользуясь для этого и иностранцами, и своими русскими дипломатами, каковыми у него, кромѣ грековъ и нѣмцевъ, были Григорій Истома, Ѳедоръ Курицынъ, Алексѣй Голохвастовъ, Михайла Плещеевъ, Михайла Еропкинъ, Власій Герасимовъ, Семенъ Толбузинъ и другіе. Москва въ это время видѣла у себя много чужестранныхъ посольствъ, и сама отправляла въ чужія страны свои дипломатическія миссіи. У насъ въ эту пору завязались сношенія съ императоромъ Германскимъ, папою Римскимъ, королями Датскимъ и Венгерскимъ, Венеціанскимъ дожемъ, султаномъ Турецкимъ, шахомъ Персидскимъ и другими. Примѣчателенъ духъ и тонъ этихъ сношеній; соображаясь съ нимъ, иностранные послы уже величаютъ Іоанна царемъ и цезаремъ. Государь всея Руси давалъ иностраннымъ посламъ довольно рѣзко чувствовать свое недовольство, если они допускали что-либо хоть сколько-нибудь невмѣстное съ достоинствомъ Россіи. Когда германскій посолъ Поппель предложилъ Московскому государю выхлопотать у императора королевскій титулъ, Іоаннъ сказалъ: «Мы, Божіею милостію, государь на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, и поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, и просимъ Бога, чтобы и впредь далъ Богъ и намъ и нашимъ дѣтямъ до вѣка такъ быть, какъ мы теперь есть государи въ своей землѣ, а поставленія ни отъ кого не хотѣли и теперь не хотимъ». Въ переговорахъ съ Ѳеодоромъ Курицынымъ Поппель заговорилъ, чтобы государь отдалъ свою дочь или за маркграфа Баденскаго, или за курфюрста Саксонскаго. Отправляя свое отвѣтное посольство къ Германскому императору (грека Трахоніата и при немъ двоихъ русскихъ), съ подарками (собольи и горностаевыя шубы), государь по поводу этого сватовства велѣлъ сказать, что Московскому государю

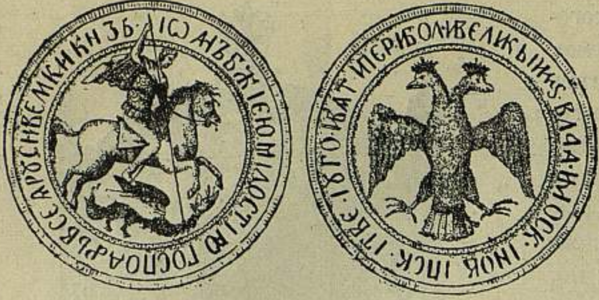
отдавать дочь свою за какого-нибудь маркграфа непригоже, потому что отъ давнихъ лѣтъ прародители Московскаго государя были въ пріятельствѣ и любви съ знатнѣйшими Римскими царями, которые Римъ отдали папамъ, а сами царствовали въ Византіи; но, если бы захотѣлъ посватать дочь государя сынъ цезаря (впослѣдствіи императоръ Максимиліанъ I), то нашъ посолъ долженъ былъ изъявить надежду, что государь захочетъ вступить въ такое дѣло съ цезаремъ. Бракъ этотъ не состоялся; но Максимиліанъ отправилъ въ Москву посольство и просилъ здѣсь бѣлыхъ соколовъ и кречетовъ, которыхъ и получилъ. Не имѣя другого подходящаго жениха, Іоаннъ выдалъ дочь за своего подданнаго, князя Василія Холмскаго, сына побѣдителя новгородцевъ на Шелони, а сына своего Василія женилъ на Софьѣ Юрьевнѣ Сабуровой, которая была вызвана въ Москву на смотрины въ числѣ 1500 лучшихъ дѣвицъ всего государства. Другая дочь его выдана была за великаго князя литовскаго; но отецъ выговорилъ, чтобъ она отнюдь не мѣняла своей православной вѣры на папизмъ, не была принуждаема ходить въ костелъ, была вѣнчана по православному обряду, носила бы и въ Литвѣ русскую одежду и имѣла русскихъ слугъ*). Сына своего Іоанна онъ женилъ на дочери Волошскаго господаря Еленѣ. Вообще Іоаннъ III высоко держалъ себя передъ иностранными государями. Мелкіе изъ нихъ писали ему очень почтительныя грамоты. Такъ князь Иверской земли (Грузіи) Александръ называлъ Іоанна «звѣздою христіанскаго міра, всесвѣтлымъ и грознымъ государемъ, справедливой управой всѣмъ князьямъ»



Тронъ изъ слоновой кости Іоанна III.

---

*) Княжна Елена вѣнчана была въ Вильнѣ священникомъ Ѳомою въ русской одеждѣ. Предъ вѣнчаніемъ были соблюдены всѣ русскіе обычаи: расплетеніе косы, осыпаніе хмелемъ и проч.



Печать Іоанна III.

и проч. Съ иностранцами въ Москвѣ обращались строго, а иногда съ достойною порицанія безпощадною жестокостію; такъ, доктора Леона, родомъ жидовина, невылѣчившаго государева сына, князя Іоанна Молодого, казнили, а другого врача, Антона, невылѣчившаго одного татарскаго царевича, выдали его родственникамъ, а тѣ ножомъ зарѣзали несчастнаго на Москвѣ-рѣкѣ, по выраженію того времени, «какъ овцу». Напуганный этимъ, знаменитый итальянскій зодчій Аристотель Фіоравенти хотѣлъ уѣхать изъ Москвы, но его здѣсь удержали насильно.

Мы не имѣемъ въ виду излагать внѣшніе факты правленія Іоанна III и, какъ ни интересны перипетіи паденія вѣчевого Новгорода, сверженія татарскаго ига, борьбы съ Литвою и проч.,—обратимся къ бытовымъ сценамъ этого примѣчательнаго времени и къ тому, что составляетъ исторію Москвы, какъ города.

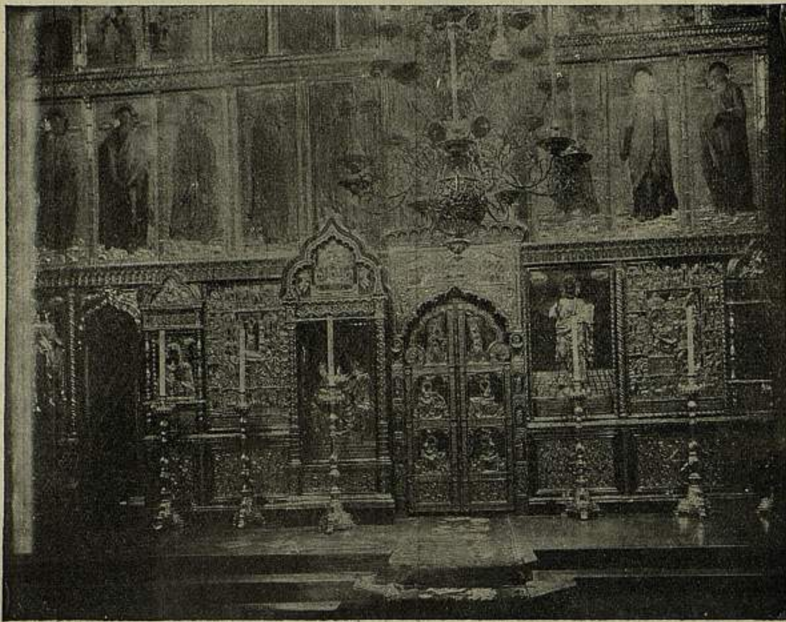
Наша столица въ эту пору впервые видѣла особаго рода болѣе торжественное, чѣмъ прежде, поставленіе первосвятителя—митрополита всея Руси, затѣмъ, подобное царскому посажденіе на престолъ и вѣнчаніе шапкою Мономаха внука государева и, наконецъ, казни еретиковъ.

Когда сочувствовавшій занесенной къ намъ изъ Новгорода ереси жидовствующихъ, митрополитъ Зосима принужденъ былъ отказаться отъ митрополіи, при чемъ всенародно положилъ свой омофоръ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ, великій князь созвалъ въ Москвѣ соборъ епископовъ, и они, вѣроятно, не безъ вліянія Іоанна, избрали въ митрополиты игумена Троицкаго монастыря Симона (1496 г.). Иванъ Васильевичъ предъ хиротоніей въ Успенскомъ соборѣ лично и торжественно принялъ участіе въ его нареченіи. При этомъ государь обратился къ избранному съ слѣдующею рѣчью: «Всемогущая и животворящая Святая Троица, дающая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ сій святый великій престолъ архіерейства, митрополію всея Руси, рукоположеніемъ и освященіемъ святыхъ отецъ—архіепископовъ и епископовъ Русскаго царства, и жезлъ пастырства, отче, воспріими и на сѣдалище старѣйшинства, во имя Господа Іисуса и Его Пречистыя Матери, взыди и моли Бога и Пречистую Его Матерь о насъ и о нашихъ дѣтяхъ и о всемъ православіи, и подастъ ти Богъ здравіе и долголѣтство». Поставляемый въ митрополиты отвѣчалъ слѣдующею рѣчью: «Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранитъ Богомъ поставленное царство твое, Самодержавный Государь

Св. Георгій Побѣдоносецъ. Рѣзное изображеніе въ Успенскомъ соборѣ.

и Владыко! Мирно да будетъ и многолѣтно твое государство и побѣдно, со всѣми повинующимися тебѣ и съ христолюбивыми воинствами, да пребываетъ въ вѣкъ вѣка; во вся дни живота здравъ, здравъ, здравъ буди, добро творя, животоносенъ, Владыка,—Самодержецъ, многолѣтенъ».

Но еще торжественнѣе было посажденіе на престолъ или вѣнчаніе короною Мономаха въ Успенскомъ соборѣ внука Іоанна, Димитрія, который ставился въ соправители своего дѣда. Памятники того времени сохранили намъ любопытныя подробности этого торжественнаго священнодѣйствія, которыя въ основныхъ чертахъ сдѣлались какъ бы обязательными для послѣдующихъ русскихъ коронацій. Торжество происходило 4 февраля 1498 года. Посреди Успенскаго собора, на особомъ возвышеніи, на такъ называемомъ чертожномъ мѣстѣ, поставили три сѣдалища: для государя, митрополита Симона и Димитрія. Первые двое сѣли на свои мѣста, а Димитрій сталъ предъ ними у верхней ступени помоста. Великій князь обратился къ первосвятителю съ слѣдующими словами: «Отче митрополитъ! Божіимъ повелѣніемъ—отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша; оттоль и до сихъ мѣстъ отцы—великіе князи сынамъ своимъ первымъ давали великое княженіе, и язъ былъ своего сына перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ. Божія паки воля сталася: сына моего въ животѣ не стало, и у него остался сынъ первой—Димитрій, и язъ нынѣ его благословляю при себѣ и послѣ себѣ великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ. И ты бы его, отче, на великое княженіе благословилъ». При этомъ Димитрій приблизился и преклонилъ голову. Осѣнивъ его крестомъ, митрополитъ положилъ руку на его голову



Успенскій соборъ. Внутренній видъ.

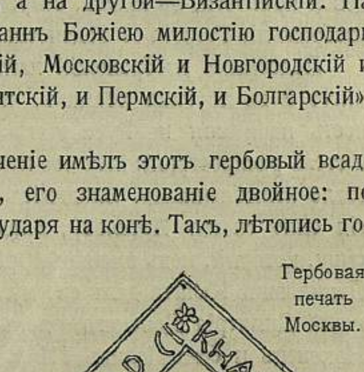
и произнесъ благословенную молитву. Потомъ великій князь возложилъ на внука бармы и шапку Мономаха. Тогда архидіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе великому князю Димитрію. Обоимъ великимъ князьямъ приносили поздравленія іерархи, родственники, князья, бояре и прочіе дворскіе люди. Въ заключеніе митрополитъ и государь сказали Дмитрію свои поученія, потомъ началась литургія, послѣ коей Димитрій вышелъ изъ собора въ коронѣ и бармахъ. Въ дверяхъ Успенскаго собора дядя его князь Юрій Ивановичъ трижды осыпалъ его золотыми и серебряными деньгами; то же самое повторилъ онъ передъ соборами Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ. Вообще Іоаннъ III окружалъ себя царскою пышностью. Онъ слѣдовалъ въ обрядахъ своего двора примѣрамъ Византіи, отъ коей принялъ гербъ—двоеглаваго орла, который былъ соединенъ съ Московскимъ гербомъ—Георгіемъ Побѣдоносцемъ, скачущимъ на конѣ и поражающимъ копьемъ дракона.

Московскій гербъ окончательно сложился, какъ геральдическое изображеніе, лишь въ правленіе Іоанна III. Всаднику, поражающему змія, предшествовали приведенныя прежде слѣдующія изображенія на монетахъ и печатяхъ: пѣшій витязь, поражающій дракона (на монетахъ Іоанна II) и всадники: конный ловчій съ соколомъ въ рукѣ, всадникъ съ копьемъ въ рукѣ, но безъ дракона (на монетахъ и печатяхъ Василія I), и всадникъ-мечникъ съ поднятою надъ головою саблей и, наконецъ, уже всадникъ, поражающій дракона. (На монетахъ Василія II.) Іоаннъ III первый перенесъ это послѣднее изображеніе на государственную печать. Приводимъ ее въ томъ видѣ, какъ она была приложена къ грамотѣ этого великаго князя въ Ревель (по-русски—Колывань).

Грановитая палата и Красное крыльцо.

На двойной кормчей печати, привѣшенной къ договорной грамотѣ (1504 г.) сыновей этого государя Василія и Юрія Ивановичей, на одной сторонѣ изображенъ Московскій гербъ, а на другой—Византійскій. На этой печати титулъ написанъ такъ: «Іоаннъ Божіею милостію господарь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій и Новгородскій и Псковскій, и Тверской, и Угорскій, и Вятскій, и Пермскій, и Болгарскій». Воспроизведена эта печать выше.

Чрезвычайно любопытно, какое значеніе имѣлъ этотъ гербовый всадникъ.—По древне-русскимъ понятіямъ, его знаменованіе двойное: по однимъ—всадникъ этотъ изображаетъ государя на конѣ. Такъ, лѣтопись говоритъ, что при Іоаннѣ IV (въ 1536 г.) учинено было знамя на деньгахъ: «великій князь на конѣ и имѣя копье въ руцѣ, и оттолѣ прозвашася деньги копѣйныя».



Гербовая печать Москвы.

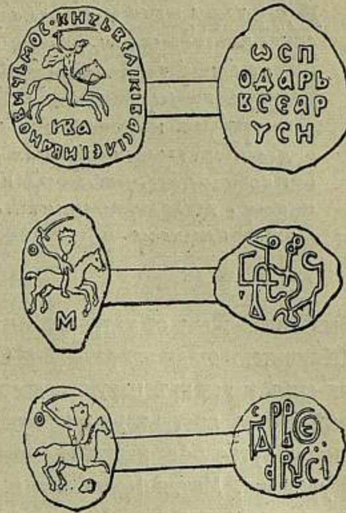
Но эмблема государя, торжествующаго надъ противогосударственнымъ зломъ, которое изображалось въ зміи или драконѣ, уже съ древнихъ временъ, при глубокой религіозности нашихъ предковъ, стала сливаться въ Москвѣ съ иконографическимъ изоб-

Св. Георгій Побѣдоносецъ въ Рюриковой крѣпости въ Ладогѣ. XII вѣка.

раженіемъ Георгія Побѣдоносца, который пользовался, какъ олицетвореніе священной храбрости и побѣды, глубокимъ почитаніемъ въ Россіи. Рѣдкій изъ древнѣйшихъ храмовъ у насъ не имѣлъ изображеній святого Георгія, поражающаго змія. Въ Староладожской, такъ называемой Рюриковой крѣпости, въ храмѣ, современномъ основанію Москвы, мы находимъ изображеніе Георгія Побѣдоносца.

Подобныхъ изображеній какъ рѣзныхъ, такъ и иконописныхъ, было много и въ другихъ храмахъ, что указываетъ на силу и распространенность почитанія на Руси этого святого. Подъ вліяніемъ столь сильнаго и столь распространеннаго его культа, въ княжескихъ семьяхъ имя Георгія стало излюбленнымъ. Владиміръ Равноапостольный нарекаетъ имя Георгія сыну своему Ярославу; Владиміръ Мономахъ даетъ то же имя тому сыну, который, подъ именемъ Юрія Долгорукаго, основалъ Москву; Іоаннъ Даниловичъ Калита далъ своему сыну опять то же имя, и одинъ изъ сыновей Димитрія Донского отданъ подъ покровительство этого же святого. Наконецъ и самъ Іоаннъ III выбираетъ въ патроны одному изъ своихъ сыновей того же Георгія Побѣдоносца. Примѣчательно, что въ это правленіе въ Москвѣ появляются два иконографическихъ изображенія Георгія. Одно поставлено было въ Успенскомъ соборѣ надъ гробницею митрополита Ѳеогноста; изъ латинской надписи на немъ видно, что оно прежде было на тріумфальныхъ воротахъ, построенныхъ сенатомъ и народомъ римскимъ. Изваяно оно изъ бѣлаго камня и представляетъ всадника, поражающаго копьемъ змія. Другое подобное изваяніе Іоаннъ III приказалъ поставить на возвышенномъ мѣстѣ у Фроловскихъ, или Спасскихъ, воротъ.

Здѣсь Василій III построилъ уже церковь въ честь этого патрона Москвы и ея государства, и гербовое изваяніе было поверстано, въ качествѣ храмовой иконы, въ иконостасѣ. По упраздненіи этой церкви, изображеніе было перенесено въ Вознесенскій монастырь, въ трапезу построенной Михаиломъ Ѳеодоровичемъ церкви Михаила Малеина. Указанныя иконографическія изображенія имѣютъ большое значеніе въ геральдической исторіи нашего герба.

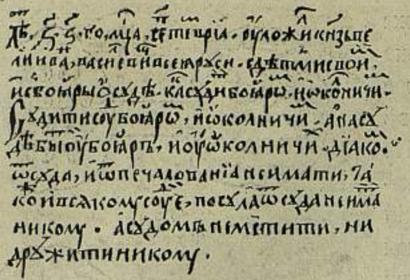


Монеты Іоанна III.

При всей религіозности великаго князя Іоанна Васильевича, при всей его преданности восточному православію, которую онъ выразилъ, не допустивъ введенія въ Россіи уніи, для чего папа и сосваталъ Софію Палеологъ за нашего государя, при немъ, не безъ успѣха, однако, пропагандировалась въ Москвѣ ересь жидовствующихъ. Она была занесена изъ Кіева ученымъ евреемъ Схаріей. Сей очень начитанный, особенно въ астрологіи и каббалистикѣ, еретикъ распространилъ въ Новгородѣ свое лжеученіе, отвергавшее Пресвятую Троицу, Божество Христа Спасителя, таинства, мощи, иконы и монашество и отдавалъ предпочтеніе Ветхому Завѣту предъ Новымъ.—Главными послѣдователями ереси были священники Діонисій и Алексѣй. Въ бытность Іоанна III въ Новгородѣ, они понравились ему и были взяты въ Москву. Первый былъ сдѣланъ протопопомъ въ Архангельскомъ соборѣ, второй—въ Успенскомъ. Ересь стала распространяться и въ Москвѣ. Между ея послѣдователями были симоновскій архимандритъ Зосима и лица, принадлежавшія къ господствовавшей тогда придворной партіи: ученый дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, братъ его Иванъ Волкъ и невѣстка великаго князя супруга Іоанна Молодого Елена, мать объявленнаго наслѣдника престола. Ересь сталъ обличать архіепископъ Новгородскій Геннадій, но ему сперва не внимали въ Москвѣ и даже возвели на митрополичью каѳедру сочувствовавшаго ереси архимандрита Зосиму. Только посланіями ко всѣмъ епископамъ и самому государю Геннадій довелъ дѣло до созванія въ Москвѣ собора, который и осудилъ ересь. Но она подверглась преслѣдованію пока только на Волховѣ, гдѣ еретиковъ возили на клячахъ, лицомъ къ хвосту, въ вывороченномъ платьѣ, въ берестовыхъ шлемахъ и соломенныхъ вѣнкахъ, съ надписями: «се есть сатанино воинство».

Вскорѣ ересь нашла поводъ къ торжеству. Прошелъ 1492 годъ, которымъ оканчивалась седьмая тысяча лѣтъ, отъ сотворенія міра, и который, подъ вліяніемъ очень распространеннаго убѣжденія, народъ православный проводилъ въ страшной тревогѣ, въ ожиданіи кончины міра и второго

Изъ Судебника Іоанна III.



пришествія Христова. Даже церковная пасхалія не составлялась на восьмое тысячелѣтіе. Но, когда миноваль роковой семитысячный годъ, еретики стали глумиться надъ православными. Тогда къ обличителю ереси архіепископу Геннадію присоединился съ своими проповѣдями Іосифъ Волоколамскій. Зосима былъ низложенъ съ митрополіи и замѣненъ, какъ говорено выше, Симономъ. Обличители стали опираться на Софію Палеологъ и ея сына Василія. Елена, ея сынъ и вся ихъ партія подверглась опалѣ. Въ 1504 г. созванъ былъ новый соборъ противъ жидовствующихъ, и Москва видѣла подобныя испанскому ауто-да-фе казни еретиковъ: въ клѣткахъ сожгли дьяка Волка Курицына, Митяя Коноплева и Ивашку Максимова; другіе еретики были отправлены въ заточеніе. Елена же скончалась въ Москвѣ въ заключеніи.

Іоаннъ III является примѣчательнымъ организаторомъ нашего государственнаго быта въ духѣ сложившихся или еще слагавшихся русскихъ обычаевъ. Окружая себя царственною обстановкою, онъ организуетъ служилое сословіе. При немъ, кромѣ бояръ, достоинство коихъ теперь жалуется государемъ, являются уже и окольничіе; появляются и придворные чины постельничаго, конюшаго, ясельничаго, оружничаго, ловчаго и др. Ясно выступаетъ система помѣстная, обращавшая на началахъ государева жалованья низшіе классы служилыхъ людей въ помѣщиковъ, рядомъ съ вотчинниками. Развиваются приказы съ ихъ дьяками. Впервые появляется «разрядъ», наблюдавшій надъ порядкомъ государевой службы; былъ и посольскій приказъ, что можно заключать изъ того, что теперь существовалъ посольскій дьякъ. Земли дѣлятся уже всюду на сохи и обжи и облагаются налогомъ, который опредѣляется писцовыми книгами. Переходы крестьянъ съ одной земли на другую разрѣшаются въ теченіе двухъ недѣль, послѣ Юрьева (осенняго) дня. Для организаціи суда Іоаннъ издаетъ Судебникъ, который въ нашемъ законодательствѣ составляетъ шагъ впередъ, по сравненію съ Русской Правдой, которая допускала и кровавую месть и дозволяла деньгами отдѣлываться за убійство даже знатныхъ людей (80 гривенъ за голову). Судебникъ же устанавливаетъ государственныя наказанія за всѣ уголовныя преступленія: казнь смертную или торговую, т.-е. тѣлесное наказаніе. Приводимъ, какъ палеографическій обращикъ того времени, отрывокъ изъ Судебника Іоанна.

Соотвѣтственно съ выросшимъ могуществомъ Москвы, этотъ государь произвелъ въ столицѣ всея Руси громадныя перестройки. Можно сказать, онъ разобралъ весь Кремль и перестроилъ его заново, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Но государь историческихъ народныхъ преданій, онъ далъ всѣмъ своимъ постройкамъ привычный русскому глазу типъ. Это примѣчательно особенно потому, что всѣ почти его архитекторы, какъ Аристотель Фіоравенти, Алевизъ, Маркъ Руфъ, Петръ-Антоній Фрязинъ, были иностранцы, выписанные изъ Италіи, гдѣ господствовало возрожденіе

Іоаннъ III и ханскіе послы.

наукъ и искусствъ. Государь однако не позволялъ имъ строить на Москвѣ зданія въ западныхъ стиляхъ: ни въ готическомъ, ни въ стилѣ возрожденія. Они должны были возводить строенія въ русскомъ стилѣ, примѣняясь къ древне-русскимъ деревяннымъ постройкамъ и ихъ орнаментаціи, или въ византійскомъ, для чего ихъ посылали изучать каменные храмы Владиміра и другихъ городовъ.

Просуществовавшій сто лѣтъ каменный Кремль Димитрія Донского, обветшавшій и уже тѣсный, былъ теперь, по приказу государя срытъ, и заложены были новыя стѣны «не по старой основѣ, а града прибавиша». Чтобы обезопасить его отъ пожаровъ, велѣно было вокругъ Кремля снести церкви и дворы, чтобы между его стѣнами и посадскими постройками оставалось полое мѣсто, застѣнье въ 110 саженей. «Противъ такой нечести великой, что церкви старыя извѣчныя выношены изъ города вонъ, да и монастыри старые извѣчные съ мѣста переставлены, и кости мертвыхъ выношены въ Дорогомилово», возставалъ архіепископъ Геннадій, указывая на то, что даже въ Кіевѣ шелъ слухъ, будто «князь великій на Москвѣ церкви всѣ выметалъ».

Петръ-Антонъ Фрязинъ выстроилъ слѣдующія новыя кремлевскія стрѣльницы, или башни: Свибловскую (подъ нею тайникъ), Фроловскую (Спасскія ворота), Никольскую, Боровицкую и Константино-Еленинскую, Троицкую, а Маркъ Фрязинъ построилъ стрѣльницу Беклемишевскую;

Печати Новгорода.

всего числомъ восемнадцать. Эти башни въ своемъ стилѣ и украшеніяхъ подражали древне-русскимъ деревяннымъ крѣпостнымъ башнямъ. На Спасской башнѣ сохранилась слѣдующая латинская надпись: «Іоаннъ Васильевичъ, Божіею милостію, великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Тверской, Псковскій, Вятскій, Угорскій, Пермскій, Болгарскій и иныхъ и всея Россіи государь, въ лѣто тринадцатое государствованія своего, велѣлъ построить сію башню, а строилъ ее Петръ-Антоній Селярій Медіоланскій, въ лѣто воплощенія Господня 1491».

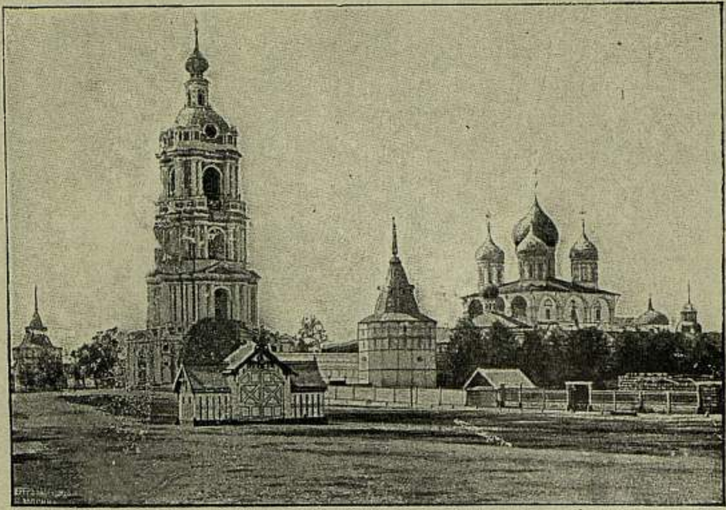
Троицкая башня, при Іоаннѣ III, не имѣла такого высокаго верха, какой мы видимъ теперь и который былъ надстроенъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Башня Кутафья имѣла тогда крытый верхъ.

Громадныя постройки и внутри самаго Кремля предприняты были Іоанномъ III. Такъ, здѣсь вновь были выстроены три главныхъ собора: Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій.

За ветхостью и тѣснотою Успенскій соборъ былъ разобранъ, въ 1472 году, до самаго основанія, при чемъ были обрѣтены мощи св. Петра митрополита. Но построенный псковскими мастерами Кривцовымъ и Мышкинымъ соборъ, возведенный до сводовъ, рухнулъ. Нанятый въ Италіи, съ платою по 10 рублей въ мѣсяцъ, зодчій Аристотель Фіоравенти получилъ порученіе выстроить его снова. Но заграничный мастеръ долженъ былъ строить не по своему плану, а по образцу Успенскаго собора во Владимірѣ, куда онъ для изученія былъ отправленъ. Итальянецъ разобралъ всю стройку, при чемъ употреблялъ невиданные въ Москвѣ тараны и блоки, устроилъ кирпичный заводъ у Андроньева монастыря и, употребляя особую клеевитую известь, чрезъ четыре года выстроилъ новый храмъ. Въ 1479 году митрополитъ Геронтій совершилъ его освященіе. Великій князь при этомъ роздалъ бѣднымъ богатую милостыню и устроилъ большой пиръ для духовенства. Мощи, находившіяся во время стройки въ церкви «св. Ивана подъ колоколы», перенесены были въ соборъ.

Іоаннъ III, въ память покоренія Новгорода, какъ священный трофей этого, поставилъ въ иконостасѣ Успенскаго собора принесенную оттуда икону Всемилостиваго Спаса, находившуюся въ Софійскомъ соборѣ и писанную греческимъ императоромъ Мануиломъ. Въ ризницу собора въ то же время поступили и драгоцѣнные Новгородскіе сосуды св. Антонія римлянина. Одинъ сосудъ сдѣланъ изъ яшмы, другой изъ оникса и оба украшены драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. «Бысть же та церковь,—говоритъ

Новоспасскій монастырь.



лѣтописецъ объ Успенскомъ соборѣ,—чудна весьма величествомъ, высотою, свѣтлостью и пространствомъ».

Въ послѣдній годъ правленія Іоанна былъ разобранъ и Архангельскій соборъ и въ болѣе обширномъ объемѣ построенъ былъ Алевизомъ; гробы государей, числомъ 24, стояли на время въ храмѣ «св. Ивана, что подъ колоколы». Благовѣщенскій соборъ, построенный Висиліемъ I, былъ вновь перестроенъ. Онъ былъ украшенъ 9-ю главами и соединенъ сѣнями съ набережными государевыми палатами, а на мѣстѣ ханскаго подворья построена была вновь церковь Николы Льняного. Софья Ѳоминишна выпросила это мѣсто у ханши, жены Ахмата. Эту деревянную обыденную, изъ еловаго лѣса, церковь велѣлъ замѣнить каменною Василій III и перенесъ сюда изъ села Гостуни чудотворный образъ Николая Чудотворца. На постройку женщины жертвовали ленъ и полотна.

Въ Чудовомъ монастырѣ, по повелѣнію Іоанна III, была разобрана церковь Михаила Архангела, и на ея мѣстѣ была выстроена новая, которая была освящена въ 1504 году.

Сгорѣвшая въ 1470 году кремлевская церковь свв. Константина и Елены была тоже выстроена вновь.

Русскіе мастера, выписанные изъ Пскова для постройки Успенскаго собора, не остались безъ дѣла: они построили храмы—въ Златоустовскомъ (въ честь ангела великаго князя и дня его рожденія во имя апостола Тимоѳея) и Срѣтенскомъ монастыряхъ, Богоявленія Господня, на Троицкомъ подворьѣ, въ Кремлѣ, Косьмы и Даміана (противъ Чудова монастыря).

Монастырь у Спаса на Бору былъ перенесенъ за Таганку, въ основанный въ 1491 году Новоспасскій монастырь, съ соборомъ Преображенія Господня. Здѣсь на иконѣ изображенъ Іоаннъ III со своимъ сыномъ. На Красномъ холму, въ Чигасахъ, въ 1483 году построена была церковь Происхожденія Честныхъ Древъ и при ней монастырь.

Грановитая палата.

Гребенская, или Гребневской Божіей Матери церковь, при входѣ на Мясницкую улицу, на Лубянской площади, построена въ 1478 году, въ память покоренія Новгорода. Прежде церковь носила названіе Успенія на Бору. Названіе Гребневской получила отъ иконы, поднесенной Димитрію Донскому жителями города Гребня и прежде стоявшей въ Успенскомъ соборѣ. Іоаннъ III, бравшій эту икону съ собою въ походы, перенесъ ее въ эту церковь.

Новгородскіе переселенцы въ 1480 году построили церковь св. Софіи въ память о родномъ своемъ соборѣ. Мѣстность, гдѣ построена эта церковь, называлась Лубянкой, потому что здѣсь торговали лубяными санями и телѣгами. Мы воспроизвели выше печати Великаго Новгорода, его посадника и тысяцкаго.

Въ память уничтоженія татарскаго ига основанъ былъ у воротъ, прежде называвшихся Смоленскими, Ѳедоровскій женскій монастырь, на мѣстѣ существовавшей здѣсь часовни Ѳеодора Студита. На Дмитровкѣ была построена церковь св. Георгія Побѣдоносца, впослѣдствіи обратившаяся въ монастырь.

Іоаннъ III предпринялъ постройку новаго каменнаго дворца, при чемъ, какъ сказано, была разобрана до основанія церковь Благовѣщенія на Сѣняхъ. Она была поставлена на подклѣтѣ, который былъ окруженъ палатами, для храненія государевой казны. Между этой церковью и Архангельскимъ соборомъ построена была кирпичная палата, также съ казнами

Іоаннъ III.
По
Титулярнику.

и большимъ бѣлокаменнымъ погребомъ, называвшаяся впослѣдствіи Казеннымъ дворомъ.

Въ 1487 году, съ западной стороны Благовѣщенскаго собора, на великокняжескомъ дворѣ, вѣроятно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ набережный златоверхій теремъ при Димитріи Донскомъ, Фрязинъ Маркъ Руфъ заложилъ каменную палату. Въ 1491 году тотъ же Руфъ съ Петромъ-Антоніемъ выстроили на соборной площади большую палату, извѣстную подъ именемъ Грановитой (стѣны ея граненыя). Въ 1492 году Іоаннъ переѣхалъ со своимъ семействомъ изъ своего стараго двора въ новыя хоромы Ивана Юрьевича Патрикѣева, у церкви Іоанна Предтечи подъ Боромъ, повелѣлъ «старый деревянный дворъ разобрать и нача ставити каменный», и еще за Архангельскимъ соборомъ временный деревянный. Но 28 іюня 1493 года начался страшный пожаръ. Загорѣлось за Москвой-рѣкой и, при ужасной бурѣ, въ одно мгновеніе «нечисленно загорѣлось во мнозѣхъ

мѣстахъ». Въ Кремлѣ, у Боровицкихъ воротъ, загорѣлся дворъ (Патрикѣевскій), гдѣ жилъ великій князь, занялись житницы подъ горою на подолѣ Кремля, сгорѣла церковь Іоанна Предтечи, подъ коей хранилась казна Софьи Ѳоминишны. Запылалъ и новый дворъ Іоанна за Архангельскимъ соборомъ. «По лѣтописцамъ, и старые люди сказываютъ, какъ стала Москва, таковъ пожаръ не бывалъ», говорили современники.

Великій князь съ своимъ сыномъ много помогалъ тушить пожаръ и разламывать горѣвшія зданія. Внѣ Кремля выгорѣли многія улицы: Арбатъ, Неглинная, Срѣтенка, Петрова слобода, улица отъ Боровицкихъ воротъ до церкви Зачатія, на востромъ концѣ (Стоженка), за Москвой-рѣкой все пространство, отъ церкви Софіи до церкви Іоакима и Анны. Погибло при этомъ 200 человѣкъ, а также безчисленное множество лошадей и домашняго скота.

Великій князь выѣхалъ за Яузу, къ Николѣ Подкопаеву, и поселился «на крестьянскихъ дворахъ» и стоялъ тамъ до ноября, пока на пожарищѣ не приготовили новыхъ деревянныхъ хоромъ. Пожаръ и заботы о градѣ затормозили дворцовыя стройки. Въ этомъ году велѣно было очистить отъ строеній и церквей Занеглименье. Несмотря на жалобы, всѣ хоромы и церкви были отнесены здѣсь отъ кремлевской стѣны на 100 саженъ. Послѣ пожара за Москвой-рѣкой очищена была отъ строеній часть Замоскворѣчья противъ Кремля, и тамъ былъ разведенъ садъ, называвшійся государевымъ Краснымъ садомъ. Къ сооруженію каменнаго дворца приступили только черезъ шесть лѣтъ; именно въ 1499 году Іоаннъ снова «заложилъ дворъ свой каменъ, полаты каменныя и кирпичныя, съ ними погребы и ледники, да и стѣну каменную отъ двора до Боровицкихъ воротъ». Постройку велъ итальянскій зодчій Алевизъ Фрязинъ. Великій князь, не дождавшись окончанія постройки, умеръ.

Подражая государю, митрополитъ, нѣкоторые бояре и богатые люди построили себѣ также каменные дома, какъ, напримѣръ, бояринъ Василій Образецъ, купецъ Тараканъ и другіе.

Іоаннъ III не мало заботился и о развитіи промышленности. При немъ мы начали разрабатывать за Ураломъ, въ Сибири, и въ Печерскомъ краѣ серебро и стали чеканить монету изъ своего русскаго металла. Процвѣтала въ Москвѣ выдѣлка изъ золота и серебра сосудовъ, чаръ, братинъ и т. п. Особенно былъ искусенъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, по имени Трифонъ. Работы этого рода славились на всемъ Востокѣ. Продолжала также развиваться и чеканка монеты.

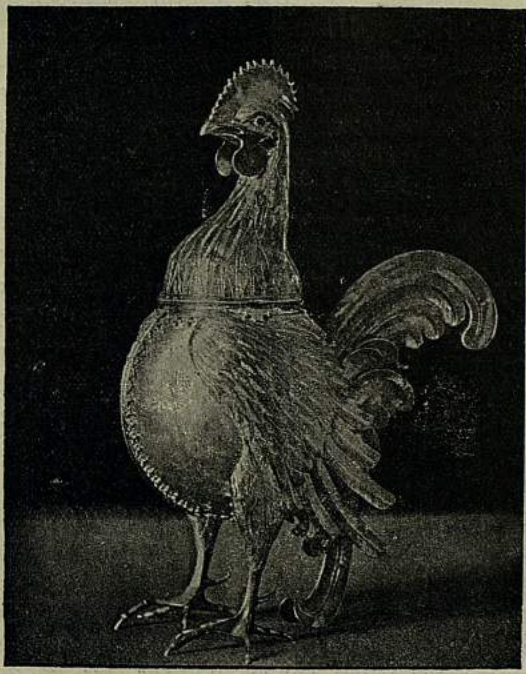
При Іоаннѣ III много иностранцевъ—посланниковъ и техниковъ разнаго рода, пріѣзжало въ Москву; и въ свою очередь и русскіе отправлялись въ чужія земли, какъ на Западъ, такъ и на Востокъ. Въ это время русскій купецъ Аѳанасій Никитинъ проникъ въ Индію ранѣе, чѣмъ открылъ ее Васко де-Гама, и мы имѣли описаніе этой страны ранѣе, чѣмъ народы Запада.

Іоаннъ III былъ высокаго роста и худощавъ; онъ имѣлъ, особенно, когда «воспалялся гнѣвомъ», грозный взглядъ. Женщины при видѣ вели-

каго князя нерѣдко падали въ обморокъ. Характеръ суровости отражаетъ и воспроизведенный выше портретъ этого великаго князя (со старинной иноземной гравюры, находящейся среди «Портретовъ Русскихъ государей» Ровинскаго.

Въ послѣдніе годы Иванъ Васильевичъ «сталъ приходить въ изнеможеніе» и скончался 26 октября 1505 года, 66 лѣтъ отъ роду. Передъ смертью онъ собралъ дѣтей своихъ и бояръ и приказалъ громко читать свое духовное завѣщаніе; принявъ таинство причащенія и соборованіе, онъ, однако, отказался отъ обычнаго тогда иноческаго постриженія и пожелалъ умереть государемъ, а не монахомъ. Его погребли въ только что строившемся Архангельскомъ соборѣ. Надгробная надпись гласитъ: «въ лѣто 7013—1505, преставися благовѣрный и христолюбивый князь великій Иванъ III Васильевичъ всея Россіи». Исторія усвояетъ Іоанну наименованіе Великаго, а Карамзинъ въ своей «Запискѣ о Древней и Новой Россіи» отдаетъ ему предпочтеніе передъ Петромъ I за то, что онъ, возвысивши могущество Россіи и заводя сношенія съ Западомъ, не нарушилъ ея историческаго народнаго строя.

Серебряный пѣтухъ Іоанна III.



VI.

При великомъ князѣ Василіи III.

Время Василія III (1505—1533) составляетъ послѣдовательное продолженіе процесса, совершавшагося въ княженіе его отца Іоанна III и прямой переходъ къ царскому періоду нашей столицы. Сынъ царевны Софіи Палеологъ, онъ былъ не только послѣднимъ собирателемъ удѣловъ Сѣверо-восточной Руси (вѣчевого Пскова, Рязани и Новгорода-Сѣверскаго) и борцомъ за возсоединеніе Западно-русскихъ княжествъ (Смоленска и другихъ), но и, будучи единодержцемъ, во всемъ—и въ отношеніяхъ къ боярамъ, духовенству и въ самой придворной обстановкѣ,—является болѣе царемъ, чѣмъ его отецъ. Его чаще называютъ царемъ, и онъ уже самъ именуетъ себя Самодержцемъ. Царское титло его уже выбивается на монетахъ, рядомъ съ наименованіемъ господаря всея Руси. Иностранные послы удивляются величію и власти Русскаго государя и силѣ Россіи. Соотвѣтственно этому, растетъ у насъ чувство собственнаго достоинства, и занимается заря сознанія того, что нашему отечеству предлежитъ важное всемірно-историческое призваніе. Русскіе люди съ особымъ сочувствіемъ читали въ это время въ повѣсти о взятіи Цареграда: «свершится пророчество, свершатся предзнаменованія: Русскій родъ, предызбранный отъ Бога, возьметъ седмихолмный Цареградъ и воцарится въ немъ». «Солнце евангельское,—пишетъ Іосифъ Волоцкой въ своемъ «Просвѣтителѣ»,—освѣщаетъ нашу землю, громъ апостольскій оглашаетъ насъ. Устроились божественныя церкви, составились честные монастыри, святители и преподобные чудотворцы наши взлетѣли, какъ бы на золотыхъ крыльяхъ, на небеса». Власть государя въ глазахъ народа все болѣе получаетъ священное значеніе, и русскіе люди говорятъ уже: «такъ угодно Богу и государю». Когда нѣмецъ-посолъ императора Священной Римской имперіи,

Великій князь
Василій III.

не понимавшій духа нашего народа и смотрѣвшій на Россію западными глазами, позволилъ себѣ высказать одному старику, служилому человѣку, что его усердіе къ службѣ государевой—раболѣпно, этотъ москвичъ сказалъ Герберштейну: «нѣтъ, господинъ баронъ, не по-вашему мы служимъ своимъ государямъ».

Идея святой и царской Руси продолжала воплощаться въ самой внѣшности Москвы, окончательно преобразовывая ее изъ княжескаго стольнаго города въ царствующій православный градъ всея Россіи и всего православнаго Востока.

Покойный государь императоръ Александръ Александровичъ, смотря на Москву съ высоты Кремля, сказалъ, что наша первопрестольная столица—«это храмъ всея Руси, а Кремль—алтарь этого храма». Но такое обращеніе срединнаго града нашего въ величавый домъ Божій совершилось не вдругъ, а вѣками. И храмовая исторія правленія Василія Ивановича много способствовала умноженію въ ней числа церквей, дошедшаго впослѣдствіи до сорока сороковъ и сдѣлавшаго ее столицей восточного православія.

При Василіи III кипѣла работа въ кремлевскихъ соборахъ, и строились храмы внѣ Кремля. Въ годъ своей смерти Іоаннъ III, посѣтивъ усыпальницу своихъ предковъ—Архангельскій соборъ, гдѣ стояло 24 гроба нашихъ государей, нашелъ его слишкомъ тѣснымъ и приказалъ разобрать его до основанія, державные гробы перенести въ церковь Іоанна, «что подъ колоколы», и заложить новый, болѣе обширный соборъ. Два года строилъ его Алевизъ Фрязинъ. Въ 1507 году онъ былъ оконченъ и расписанъ русскими живописцами. Освященіе совершалъ митрополитъ Даніилъ, въ присутствіи великаго князя, его семьи и двора. Не съ этого ли времени начали ставить въ Архангельскомъ соборѣ портретныя изображенія похороненныхъ здѣсь государей? Между ними находится и портретъ самого Василія III, въ иноческомъ одѣяніи, которое онъ принялъ предъ смертью, подъ именемъ Варлаама. Въ большомъ Успенскомъ соборѣ происходило, какъ говорятъ лѣтописи, «велелѣпное украшеніе» фресковою живописью, оконченное въ 1514 году, и первопрестольный соборъ Россіи принялъ тотъ видъ, который онъ, при всѣхъ перестройкахъ, сохраняетъ и донынѣ.

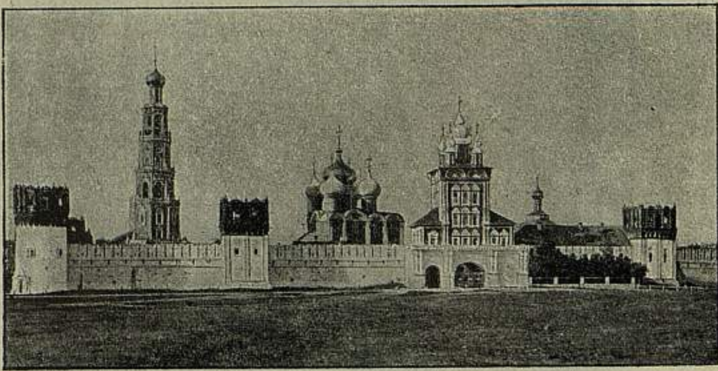
Тогдашнее «величество» Успенскаго собора соотвѣтствовало его новому значенію. Онъ уже былъ въ то время не только церковной каѳедрой и усыпальницей первосвятителей всея Руси, но и храмомъ «посажденія на престолъ и вѣнчанія государей» и вмѣстѣ символомъ единства Россіи, единодержавства Москвы и церковною лѣтописью ея политической исторіи. Въ знакъ того, что сюда, въ Московскій Кремль, тянули всѣ области Руси, наши государи, по мѣрѣ присоединенія къ обще-русскому средоточію удѣльныхъ княжествъ, переносили изъ нихъ главныя святыни и помѣщали ихъ въ соборѣ всея Руси, въ храмѣ Пречистыя. Тутъ собраны были наиболѣе чтимыя иконы удѣльныхъ княженій—Владиміра Залѣсскаго, Новгорода Великаго, Пскова, Смоленска и другихъ. Каждый государь, жертвуя сюда икону, изображавшую его ангела, какъ бы записывалъ свое правленіе на эту церковную скрижаль нашей исторической жизни. Каждое важное

событіе увѣковѣчилось здѣсь или новою иконою, или церковными сосудами, или евангеліемъ, или хоругвью, или дорогимъ облаченіемъ для священнослужителей.

Успенскій соборъ. Внутренній видъ.

Митрополитъ Филаретъ говоритъ: «глубокая была мысль соединить въ одномъ святилищѣ мѣстную святыню удѣльныхъ княжествъ: жители ихъ, разставаясь со своимъ завѣтнымъ сокровищемъ, невольно привязывались къ мѣсту его будущаго храненія; сердце ихъ какъ бы отходило туда за иконою, и родовое къ ней усердіе служило лучшимъ залогомъ вѣрности. Такъ изъ Владиміра, Новгорода, Пскова, Устюга, Смоленска собрался иконостасъ Успенскаго собора». Что этотъ первопрестольный храмъ всея Руси служилъ залогомъ ея единодержавія,—свидѣтельствовалъ и слѣдующій обычай, существовавшій у насъ до Петра I. Вечеромъ, часовъ въ 8 или 9, когда запирались кремлевскія ворота, сторожевые стрѣльцы перекликались между собою. Близъ Успенскаго собора часовой начиналъ громко и протяжно, нараспѣвъ, возглашать: «Пресвятая Богородица, спаси насъ». Другой продолжалъ: «Св. Московскіе чудотворцы, молите Бога о насъ». Послѣ молитвенныхъ возгласовъ, другіе часовые перекликаются слѣдующимъ характернымъ образомъ: «Славенъ городъ Москва»; другой отвѣчалъ: «Славенъ городъ Кіевъ»; третій—Владиміръ и т. д., пока не будутъ перечтены важнѣйшіе города Московскаго государства.

Не обойденъ былъ державнымъ храмоздателемъ и благоукрасителемъ и придворный Благовѣщенскій соборъ, вновь перестроенный въ это время. «Василій Ивановичъ, по словамъ лѣтописца, повелѣлъ подписать Благовѣщеніе на своемъ дворѣ златомъ, иконы всѣ велѣлъ обложить серебромъ и златомъ верхъ церковный позлатити». Повелѣніе государево было исполнено русскимъ мастеромъ Ѳедоромъ Еникѣевымъ съ братіей.



Новодѣвичій монастырь.

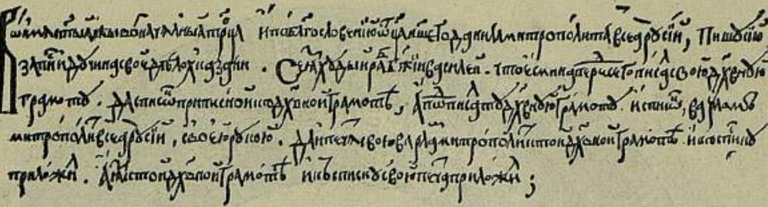
Примѣчательно, что на паперти вмѣстѣ со святыми были изображены древне-греческіе мудрецы: Аристотель, Зенонъ, Плутархъ, Ѳукидидъ, Менандръ и другіе. Мастеръ Бонъ Фрязинъ окончилъ церковь Іоанна «подъ колоколы», а мастеръ Николай слилъ колоколъ «большой благовѣстникъ» въ тысячу пудовъ; помѣщенъ онъ былъ на особой «деревянной колокольницѣ».

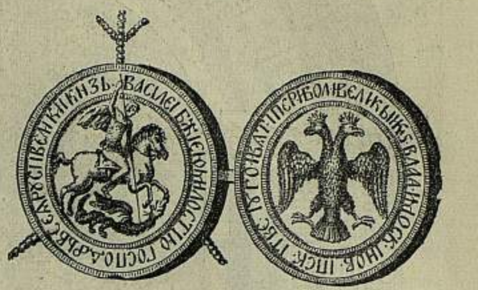
И внѣ Кремля храмоздательство государя оставило не мало памятниковъ. Самолично завоевавъ Смоленскъ у поляковъ, Василій III, въ память возвращенія этого «ожерелья Россіи», воздвигъ на берегу Москвы-рѣки, въ виду Воробьевыхъ горъ, Новодѣвичій монастырь, въ 1525 году. Василій III перестроилъ Петровскій монастырь въ Высоцкой слободѣ.

Лѣтопись говоритъ, что онъ «повелѣ заложити и дѣлати церкви каменныя и кирпичныя на Москвѣ, на большомъ посадѣ за торгомъ (внѣ Китая города): Введеніе Святѣй Богородицы, Владиміръ Святый въ Садѣхъ, Благовѣщеніе Св. Богородицѣ въ Воронцовѣ (нынѣ Ильи пророка), да въ городѣ на своемъ дворѣ церковь Святыя Богородицы рождество, у нея же предѣлъ святый Лазарь,—за Неглинною Леонтій чудотворецъ Ростовскій (не существуетъ съ 1812 года), на Ваганьковѣ св. Богородицы Благовѣщеніе, за Черторьей (Пречистенкой) въ Дѣвичьемъ монастырѣ Алексѣй—человѣкъ Божій, за Неглинкой св. Петръ, митрополитъ всея Руси, на Устретенской улицѣ Введеніе Богородицы. Да Варвару св. поставилъ Василій Бобръ, съ братьею съ Вепремъ да Юшкомъ, да Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ поставилъ Юрій Григорьевъ, сынъ Бобынинъ, у Фроловскихъ воротъ. Обыденкой, на Старомъ Ваганьковѣ, въ память рожденія Іоанна IV, построенъ былъ деревянный храмъ Іоанна Предтечи, при чемъ въ работѣ участвовалъ самъ великій князь».

Какую важность придавалъ обѣтному дѣлу—построенія Новодѣвичьяго монастыря государь, видно изъ того, что, отправляясь въ походъ на Казань, онъ далъ, въ дополненіе къ духовному своему завѣщанію, особую запись, въ коей говорилось: «да коли есми язъ Божіею волею досталъ своей отчины города Смоленска и земли Смоленскіе, и язъ тогда обѣщалъ поставити на Москвѣ, на посадѣ, Дѣвичъ монастырь, а въ немъ храмы во имя Пречистыя, да происхожденія Честнаго Креста и иные храмы; а которые

Грамота Василія III.

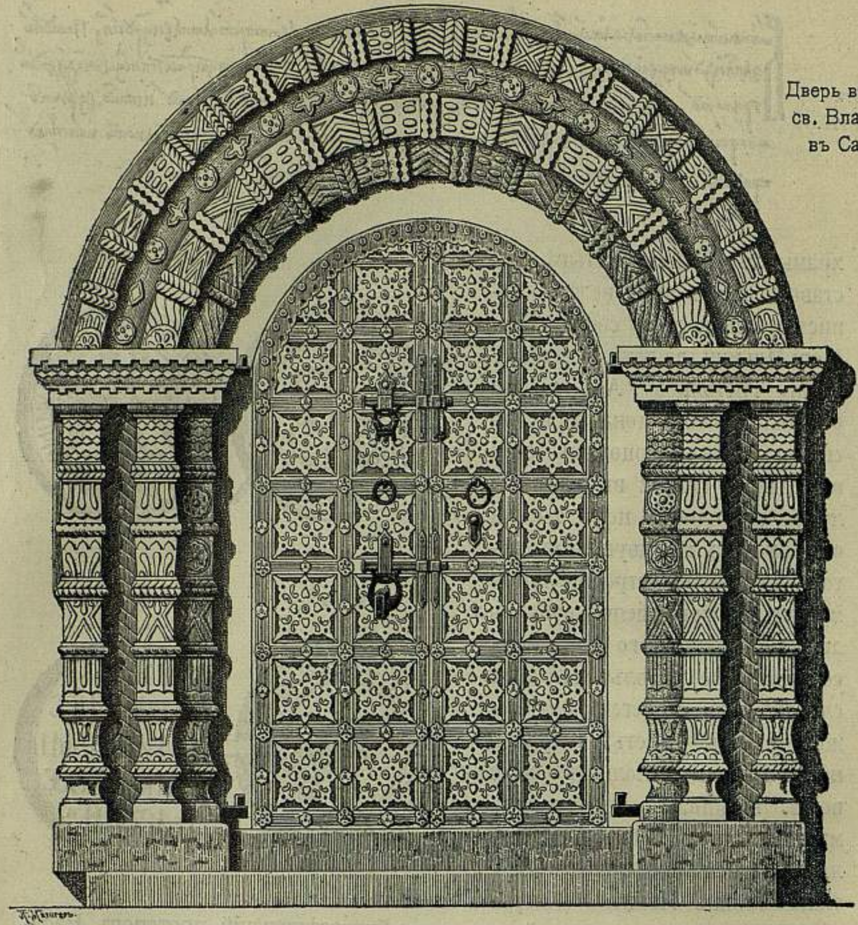




храмы въ томъ монастырѣ поставити, и язъ тому велѣлъ написати запись діаку своему Трvфону Ильину, да дати печатнику Ивану Третьякову. А дати есми обѣщалъ въ тотъ монастырь изъ своихъ селъ дворцовыхъ село или два, а пашни въ тѣхъ селѣхъ, въ одномъ полъ тысяча четвертей, а въ двуполяхъ потому-жъ; да на строеніе тому монастырю три тысячи рублевъ денегъ. И нынѣ того монастыря состроити не успѣлъ». На тотъ случай, если станется воля Божія, и онъ умретъ, государь приказываетъ исполнить свою волю. Подписалъ эту грамоту митрополитъ Даніилъ. Свидѣтелями записи были старецъ Вассіанъ—княжъ Ивановъ (Патрикѣевъ), да отецъ духовный государя, благовѣщенскій протопопъ Василій. Грамоту же писалъ дьякъ Меншикъ Путятинъ. Воспроизводимъ палеографическій снимокъ съ этой записи и привѣшенныя къ ней на шнуркахъ печати митрополита и самого великаго князя.

Однако Василій III не умеръ на походѣ и, одержавъ побѣду надъ казанцами на Свіягѣ, построилъ, по выраженію Степенной книги, преименитую вобчую (общежительную) обитель; собралъ туда множество инокинь дѣвическаго чину; начальницей надъ ними поставилъ благовѣрную и благочинную инокиню Елену Дѣвочкину, изъ Суздальскаго Покровскаго монастыря, которая, окончивъ жизнь схимонахиней, была погребена въ новомъ монастырѣ и записывалась въ старинныхъ святцахъ наряду съ московскими святыми. Въ 1525 году, 28 іюля, торжественно перенесенъ былъ въ крестномъ ходу изъ Благовѣщенскаго собора въ Новодѣвичій монастырь списокъ съ чудотворной иконы Смоленской Божіей Матери—Одигитріи.

Очень любопытенъ относительно зодчества своего построенный въ 1515 году Алевизомъ Фрязинымъ храмъ благовѣрнаго князя Владиміра, что въ Старыхъ Садѣхъ. Въ этой мѣстности долгое время находились



Дверь въ храмѣ св. Владиміра въ Садѣхъ.

большіе фруктовые великокняжескіе сады, простиравшіеся отъ Ивановскаго монастыря до Васильева луга, т. е. до нынѣшняго Воспитательнаго дома. Особенно интересны здѣсь входныя западныя ворота, очень искусной работы. Даемъ снимокъ съ этого образчика старо-московской техники.

Великій князь достроилъ заложенный при Іоаннѣ III дворецъ, украсилъ его и поселился въ немъ, 7 мая 1508 года. По объясненію И. Е. Забѣлина, между Грановитой палатой и Благовѣщенскимъ соборомъ находилась средняя палата, къ коей примыкало Красное крыльцо. Далѣе шла столовая палата, съ особою лѣстницей на Спасовъ дворъ. Постельныя или жилыя хоромы и княгинина половина примыкали къ церкви Рождества Богородицы и были на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь теремной дворецъ. Ровъ, шедшій вокругъ кремлевскихъ стѣнъ, государь приказалъ Алевизу Фрязину обложить камнемъ и кирпичемъ и выкопать при впаденіи Неглинной въ Москву-рѣку, за Боровицкими воротами, прудъ, названный Лебединымъ, потому что на немъ плавали лебеди. Здѣсь была построена каменная мельница, и вода изъ пруда проводилась во рвы. У каждыхъ воротъ

перекинуты были мосты, носившіе имена соотвѣтствующихъ башенъ. Вообще Кремль, со всѣхъ сторонъ опоясанный водой, въ то время выглядѣлъ красивѣе, чѣмъ теперь.

Печать псковская.

Съ этого княженія начинается особое почитаніе Фроловскихъ, или Спасскихъ, воротъ. Это было въ нашествіе на Москву татаръ въ 1521 году. По свидѣтельству стольника Лызлова, занесенному въ Минею, слѣпая инокиня Вознесенскаго монастыря имѣла во время этого нашествія видѣніе: при колокольномъ звонѣ, изъ Кремля, чрезъ Фроловскія ворота, видѣла она, вышли почивающіе въ соборахъ святители, неся икону Владимірской Божіей Матери. Навстрѣчу имъ (изъ Китай-города) вышли Сергій Радонежскій и Варлаамъ Хутынскій и спросили святителей, куда они идутъ? Тѣ отвѣтили, что Господь повелѣлъ имъ уйти изъ града сего, потому что люди презрѣли страхъ Божій и о заповѣдяхъ вознерадѣли, за это Онъ предастъ Русскую землю иноплеменникамъ. Преподобные стали просить святителей помолиться милосердному Богу о прощеніи грѣшныхъ москвичей. Святители вняли ихъ просьбѣ, вознесли вмѣстѣ съ ними молитвы Всевышнему и воротились назадъ въ Кремль въ свои гробницы. Въ предвратной иконѣ Фроловскихъ воротъ изображены святые въ молитвенномъ положеніи у ногъ Спасителя. Съ этого времени, какъ полагаютъ, и начинается то почитаніе Спасскихъ воротъ, въ силу коего всѣ проходящіе чрезъ нихъ обязаны снимать свои шапки. Василій III мыслилъ ставить градъ (крѣпостныя стѣны) вокругъ большого посада (впослѣдствіи Китая-города), но не успѣлъ осуществить этого.

Москва въ это время росла въ своемъ объемѣ и числѣ жителей. Послѣ уничтоженія вѣча въ Псковѣ, оттуда было переселено въ Москву 300 семействъ, кои были водворены на Варваркѣ, близъ церкви Георгія Великомученика, и эта мѣстность стала называться Псковской горой. Приводимъ печать Пскова. Возникла въ Москвѣ и новая за рѣкой слобода «Наливки». Происхожденіе ея баронъ Герберштейнъ объясняетъ такъ: Василій III подтвердилъ запрещеніе своего отца относительно пьянства и вольной продажи вина, пива и меда; но такъ какъ это запрещеніе не распространялось на великокняжескихъ тѣлохранителей, то онъ выстроилъ для нихъ за рѣкой особую слободу «Наливки» (отъ слова наливай). Вообще за это время Москва значительно выросла въ своемъ объемѣ и населеніи. По современнымъ свидѣтельствамъ, всѣхъ дворовъ въ Москвѣ было 41,500, а жителей болѣе 100 тысячъ. Улицы при Василіи III на ночь запирались рогатками. Выходить на улицу дозволялось только по крайней необходимости и то съ фонаремъ.

Москва, въ это правленіе, продолжала развиваться и въ другихъ различныхъ отношеніяхъ: и въ сферѣ техники, и въ сферѣ образованія и въ самомъ быту своемъ. Особенно процвѣтала живопись, находившаяся въ рукахъ чисто русскихъ мастеровъ, тогда какъ зодчествомъ еще владѣли иностранцы. Объ успѣхахъ живописнаго искусства въ Москвѣ свидѣтель-

Василій III, съ древней гравюры.

ствуютъ недавно очищенныя отъ позднѣйшихъ наслоеній примѣчательныя фрески Благовѣщенскаго собора. Въ это время впервые упоминается производившаяся въ Москвѣ реставрація древнѣйшихъ иконъ, коей занимался митрополитъ Варлаамъ, самъ нечуждый иконописанія. Такъ, въ Успенскомъ соборѣ реставрированъ былъ знаменитый образъ Владимірской Божіей Матери, писанный евангелистомъ Лукою, и на него, по повелѣнію великаго князя, сдѣланъ былъ новый кіотъ, украшенный московскими ювелирами. Даже древнія, но обветшавшія иконы Владиміра Залѣсскаго поновлялись въ Москвѣ, при чемъ названный митрополитъ принималъ въ этомъ участіе собственноручною работою. Какъ мы сказали, въ это время архитектура находилась въ рукахъ иностранцевъ, но они должны были строить въ русскомъ и византійскомъ стиляхъ, а совсѣмъ не въ западныхъ. Чеканка монеты, какъ и серебряное дѣло, продолжали развиваться; пушечное, литейное и пороховое дѣло велось попрежнему; но съ порохомъ вышла бѣда: на Успенскомъ врагѣ, на дворѣ, гдѣ приготовляли зелье (порохъ) въ 1531 году произошелъ взрывъ и пожаръ, отъ чего погибло 200 рабочихъ.

Образованность въ Москвѣ развивалась въ прежнемъ церковномъ направленіи. Въ это время продолжали писать Іосифъ Волоцкой, Вассіанъ Патрикѣевъ и попрежнему, велись лѣтописи. Искусство письма и украшенія его орнаментами и миніатюрами дѣлало новые успѣхи. Но въ это время не мало появляется русскихъ, особенно служившихъ въ посольскомъ приказѣ, знающихъ латинскій и другіе иностранные языки. Кромѣ того, въ Москву вызывается ученый аѳонскій инокъ Максимъ грекъ, учившійся въ Италіи и Франціи и стоявшій на высотѣ образованія эпохи возрожденія наукъ и искусствъ. Онъ писалъ противъ жидовствующихъ, противъ папизма или собственно противъ нѣмчина Николая, который былъ придворнымъ врачомъ и дѣлалъ попытки латинской пропаганды, а также противъ ереси лютеровой и армянскаго зловѣрья и проч.

Успѣхи въ культурѣ Москвы замѣтны и въ развитіи ея торговли. Иностранцы вывозили отсюда дорогіе мѣха, кожи, воскъ, лѣсъ и другіе продукты. Количество денегъ въ Москвѣ увеличилось. Московскіе купцы въ это время стали ѣздить, вмѣсто Казанской ярмарки, на Макарьевскую, возникшую, по распоряженію Василія III, въ Нижегородской области, близъ монастыря св. Макарія.

Самый бытъ московскій совершенствовался, въ особенности въ придворной жизни. Въ торжественныхъ случаяхъ, какъ напр. при выходахъ въ соборы, при пріемахъ пословъ, государь являлся во всемъ блескѣ цар-

ской обстановки, окруженный большой свитой. Около него находились рынды, красивые молодые бояре въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, опушенныхъ дорогимъ соболемъ.

Сокольничій.

Иностраннымъ посламъ импозировали величіемъ государя и Россіи. Какъ видно изъ описанія Москвы германскаго посла барона Герберштейна, наши служилые люди не хотѣли прежде него снять шапку или сойти съ коня, чтобы не сдѣлать и этимъ порухи для чести государевой. На тѣ улицы, по коимъ проѣзжалъ посолъ, а особенно въ Кремль, скликался народъ, чтобы иностранецъ могъ видѣть, какъ многолюдна наша столица. Посла окружали приставники такъ, чтобы онъ самъ ничего не могъ вызнать и высмотрѣть.

Аудіенціи послу въ Грановитой палатѣ происходили при самой внушительной и роскошной обстановкѣ. Послѣ одного такого пріема германское посольство получило приглашеніе къ обѣду. Когда иностранцевъ ввели въ обѣденную залу, государь и бояре, въ богатыхъ золотыхъ одѣяніяхъ, уже сидѣли за столами, которые были разставлены вокругъ залы; посрединѣ находилась горка, обремененная золотыми и серебряными чашами и кубками искусной работы. Великій князь сидѣлъ за особымъ столомъ; ближе къ нему помѣщались его братья, за ними слѣдовали бояре и другіе придворные, по степени своей знатности и милости государевой. Предъ началомъ обѣда, государь, если хотѣлъ кому оказать почетъ, посылалъ хлѣбъ, а еще почетнѣй была посылка отъ него соли. Посылались также блюда съ кушаньями, при чемъ надобно было вставать и кланяться государю и на всѣ стороны. Первымъ блюдомъ подавались жареные лебеди и журавли; приправою служили сметана, моченыя груши и соленые огурцы. Вначалѣ подавали водку, а потомъ мальвазію, греческое вино и меды. Слуги, разносившіе кушанья и напитки, были одѣты въ изящные терлики, украшенные жемчугомъ и дорогими каменьями, чего не бывало въ прежнія княженія. Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. Таково было русское хлѣбосольство въ Москвѣ.

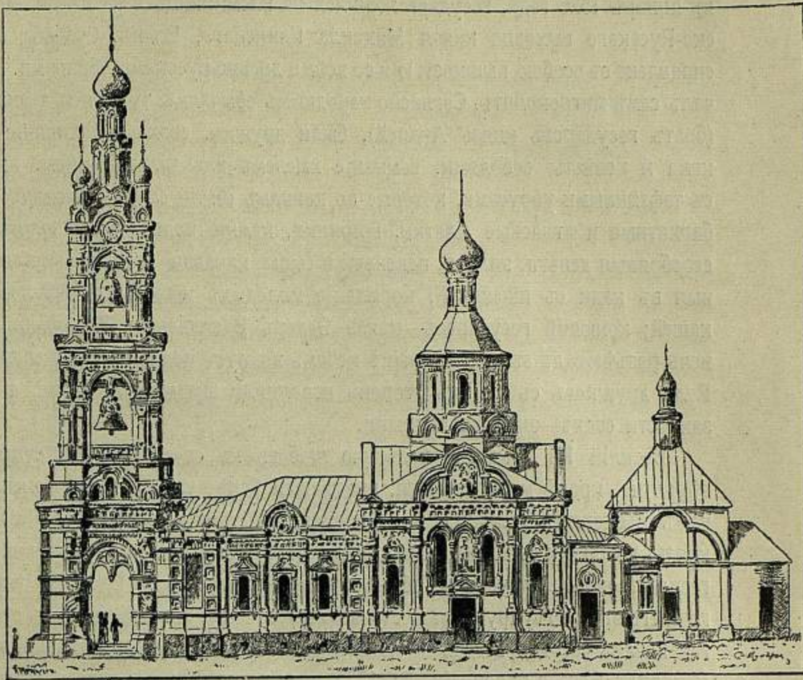
Василій III много заботился и о войскѣ. При немъ оно простиралось до 150,000. Каждые два года производилась перепись ратныхъ людей Онъ первый завелъ у себя конную артиллерію. Отъ его времени осталось въ Кремлѣ нѣсколько большихъ пушекъ,вылитыхъ итальянскими мастерами.

Великій князь любилъ тѣшиться охотою на мокрую, или водяную, и верховую птицу съ соколами и кречетами, и псовую на зайцевъ и другую дичь. Въ «Царственной книгѣ» находится миніатюра, изображающая поѣздку Василія III на охоту. Нѣмецкіе послы были приглашены на заячью охоту, которая происходила близъ Москвы, на одной покрытой кустарникомъ, заповѣдной полянѣ, гдѣ въ изобиліи водились зайцы. Сюда, кромѣ того, приносили еще зайцевъ и во время охоты выпускали ихъ изъ мѣшковъ. Великій князь сидѣлъ на богато убранномъ аргамакѣ; голова Василія III была покрыта шапкой, съ поднятыми на лбу и на затылкѣ козырьками, на которыхъ качались золотыя пластинки наподобіе перьевъ; на немъ былъ родъ терлика, вышитаго золотомъ; на поясѣ висѣли кинжалъ и два ножа, а сзади изукрашенная золотомъ палица, въ родѣ кистеня. Справа ѣхалъ бывшій казанскій царь Шигъ-Алей съ колчаномъ и налучникомъ за плечами, а съ боку два молодые князя, изъ которыхъ одинъ держалъ сѣкиру съ рукоятью изъ слоновой кости, а другой—булаву или шестоперъ. Всадниковъ было до трехсотъ. Сперва спустилъ свою собаку Шигъ-Алей, а затѣмъ и другіе охотники и межъ нихъ великій князь. Зайцевъ было затравлено до 300. По окончаніи охоты всѣ отправились въ шатры, раскинутые около какой-то деревянной башни. Князь угощалъ охотниковъ вареньями и печеньями, а также миндалемъ, орѣхами, сластями и напитками...

Государь, хотя и былъ ласковъ, не терпѣлъ противорѣчій,—«встрѣчи», рѣдко собиралъ боярскую думу и самъ рѣшалъ дѣла, при чемъ присутствовали двое дьяковъ—Шигона Поджогинъ и Меньшой Путятинъ.

Семейная жизнь Василія III сложилась несчастливо и не чужда была трагическихъ подробностей. Супруга его Соломонія, изъ рода Сабуровыхъ, въ двадцатилѣтнее свое замужество была безчадна. Великій князь печалился объ этомъ, въ сознаніи государственной важности прямого престолонаслѣдія отъ отца къ сыну и по естественному желанію имѣть дѣтей. Это отражалось на великой княгинѣ. Она прибѣгала къ знахаркамъ: призывала къ себѣ женку Стефаниду, прозваніемъ рязанку, и какую-то черницу безносую; первая наговаривала воду, которою велѣла великой княгинѣ смачивать себя и бѣлье государя; вторая наговаривала масло и медъ для натиранья. Но это не помогало, и великій князь все скорбѣлъ. Во время объѣзда своихъ областей, однажды увидалъ государь на деревѣ птичье гнѣздо и сказалъ: «горе мнѣ! Кому уподобляюсь? Ни птицамъ небеснымъ, ни звѣрямъ земнымъ, ни рыбамъ: всѣ они плодовиты... И землѣ сей не уподобился я, ибо земля во всякое время приноситъ плоды свои». Въ Москвѣ государь говорилъ боярамъ со слезами: «кому по мнѣ царствовать на Русской землѣ? Братьямъ ли? Но они и своихъ удѣловъ устроить не умѣютъ». Нѣкоторые бояре сказали на это: «Великій государь! Неплодную смоковницу посѣкаютъ и измещутъ изъ винограднника». Но разводъ

Храмъ св. Трифона, что въ Напрудной, въ Москвѣ*).



не былъ одобренъ ни митрополитомъ Варлаамомъ, ни восточными патріархами и встрѣтилъ осужденіе въ Максимѣ-грекѣ, Вассіанѣ Патрикѣевѣ и многихъ другихъ. Митрополитъ былъ низложенъ. Максимъ-грекъ и Вассіанъ, обвиненные, что хулили русскихъ чудотворцевъ, называя ихъ «смутотворцами» за то, что имѣли села и крестьянъ, а также и за то, что будто испортили своимъ исправленіемъ церковныя книги,—поплатились заточеніемъ. На многихъ бояръ легла опала. Соломонія, въ ноябрѣ 1525 г., была силою приведена въ нашъ Рождественскій монастырь; самъ митрополитъ обрѣзалъ ей волосы; надѣли на нее монашескую мантію и нарекли ей имя Софіи, а потомъ она была отправлена въ Суздальскій Покровскій женскій монастырь. Герберштейнъ, повторяя разсказы враговъ этого развода, говоритъ, что Соломонія сопротивлялась постригу; дворецкій Иванъ Юрьевичъ Шигона будто при этомъ ударилъ ее; а насильственно постригаемая сказала: «Богъ отмститъ моему гонителю». Мало того, враждебная сторона утверждала, что Соломонія родила въ монастырѣ сына Юрія и, съ затаенною местью, въ духѣ ея, воспитала его.

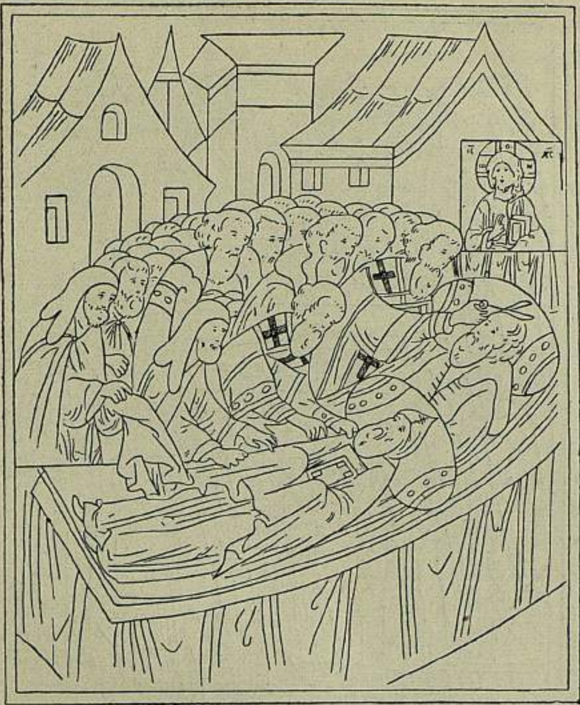
Въ «свадебницы (такъ называлось время отъ святокъ до масленицы)»,

*) Построеніе этого храма археологи относятъ къ царствованію то Грознаго, то Алексѣя Михайловича. Но еще при Калитѣ существовало село Напрудское, конечно, съ храмомъ и появленіе на монетахъ ловчаго съ соколомъ въ рукѣ, совпадающее съ иконографическимъ изображеніемъ мученика Трифона въ видѣ коннаго сокольника, еще при Василіи I, указываетъ на болѣе раннее построеніе этой церкви, на что указываетъ псковскій стиль первоначальнаго храма, изображеннаго на приведенномъ рисункѣ справа.

въ январѣ 1526 года, государь женился на племянницѣ извѣстнаго Литовско-Русскаго выходца князя Михаила Глинскаго, Еленѣ. Свадьба была справлена съ особою пышностью и со всѣми древне-русскими обрядами. Вѣнчалъ самъ митрополитъ. Согласно народнымъ обычаямъ, тутъ былъ тысяцкій (братъ государевъ князь Андрей), были дружки, свахи, опахиваніе жениха и невѣсты соболями, осыпаніе хмелемъ изъ золотой мисы, иконы съ тафтянными убрусами, которые по концамъ «были сажены жемчугомъ», бархатные и атласные платки, ширинки, камки подножныя, золотыя и серебряныя деньги, калачи, перепечи и сыры, караваи и свѣчи, поставленныя въ кади съ пшеницей, кормленіе молодыхъ жаренымъ пѣтухомъ и кашей; конюшій государевъ—князь Ѳедоръ Васильевичъ Телепневъ всю ночь разъѣзжалъ съ обнаженнымъ мечомъ вокругъ подклѣти, или спальни. Роли дружковъ съ обѣихъ сторонъ исполняли знатнѣйшіе бояре, а обязанности свахъ—знатныя боярыни.

Василій III выказалъ большую любовь къ своей молодой супругѣ, вѣроятно, кромѣ миловидности, владѣвшей болѣе утонченными манерами, чѣмъ московскія женщины того времени. Желая нравиться ей, великій князь, которому было подъ пятьдесятъ лѣтъ, сбрилъ свою бороду, вопреки господствовавшему у насъ обычаю. Но, къ огорченію Василія, первые годы его второго супружества оставались бездѣтны; великій князь съ супругою началъ усердно ѣздить по монастырямъ, раздавалъ щедрую милостыню и молилъ Бога о чадородіи. Въ 1529 году государь построилъ церковь въ селѣ Дьяковѣ, близъ Коломенскаго, гдѣ молился о дарованіи ему сына. Одинъ изъ придѣловъ этого примѣчательнаго, по своему самобытно русскому стилю, храма посвященъ зачатію св. Анны, а другой—зачатію Іоанна Предтечи. Говорятъ, будто юродивый Дементій предсказалъ беременной Еленѣ, что отъ нея «родится Титъ—широкій умъ». Ростовская лѣтопись говоритъ, что въ ту минуту, когда, 25 августа 1330 года, родился Іоаннъ, воздухъ былъ потрясенъ неслыханными ударами грома, слѣдовавшими одинъ за другимъ, при ослѣпительной молніи. Обрадованный отецъ повезъ младенца въ Троицкую лавру, и тамъ окрестили его у гроба св. Сергія; воспріемниками отъ купели были два извѣстныхъ подвижника: столѣтній старецъ Касьянъ Босой и игуменъ Даніилъ Переяславскій. Новорожденный былъ положенъ въ раку преподобнаго. По этому случаю, для мощей святителей Петра и Алексія были отчеканены новыя великолѣпныя раки — для перваго золотая, для второго — серебряная. Въ слѣдующемъ году великая княгиня родила второго сына Георгія. Тогда Василій III, обезпеченный въ престолонаслѣдіи собственнымъ потомствомъ, разрѣшилъ младшему брату своему вступить въ бракъ и женилъ его на княжнѣ Хованской. Отъ этого времени до насъ дошли письма государя къ своей супругѣ: въ нихъ обнаруживается его заботливость о дѣтяхъ и женѣ. Князь Василій, напримѣръ, встревожился и засыпалъ жену вопросами о вередѣ на шеѣ, появившемся у сына Ивана; онъ поручаетъ Еленѣ посовѣтоваться объ этомъ предметѣ съ опытными боярынями.

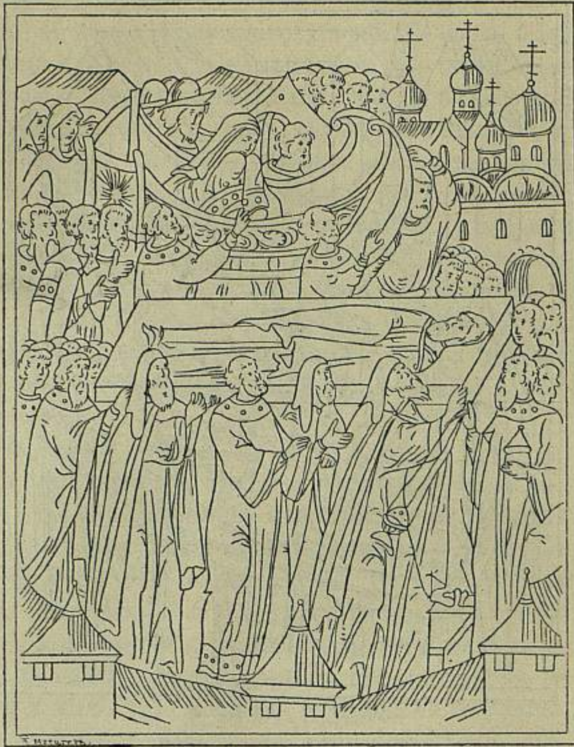
Любопытны въ бытовомъ отношеніи подробности сказанія о кончинѣ



Постриженіе въ иноки Василія III.

государя. Ихъ интересъ возвышается современными иллюстраціями, которыя находимъ въ лицевой «Царственной книгѣ». Лѣтомъ великій князь, проводившій время въ своихъ подмосковныхъ селахъ, каковы: Коломенское, Воробьево, Воронцово, Островъ, Озерецкое, часто ѣздилъ на богомолье по монастырямъ и на охоту псовую и соколиную. Въ сентябрѣ 1533 года великій князь, побывавъ у Троицы, поѣхалъ со своей семьей въ Волоколамскъ, чтобы тамъ «тѣшиться осеннею охотой». На дорогѣ, на лѣвомъ стегнѣ у государя появился небольшой, но злокачественный нарывъ. Несмотря на это, послѣ Покрова великій князь былъ въ Волоколамскѣ на пиру у своего любимца Шигоны Поджогина и, не утерпѣвъ, поѣхалъ съ собаками и ловчими въ поле. Но съ охоты его принесли дѣти боярскія, на носилкахъ, въ Волоколамскъ. Вызванные изъ Москвы придворные врачи: нѣмецъ Николай Булевъ и Ѳеофилъ прикладывали къ нарыву пшеничную муку съ медомъ и лукомъ и какую-то мазь, отъ которой пошелъ гной. Больному становилось хуже, и онъ дѣлалъ предсмертныя распоряженія. Дьякъ Меньшой Путятинъ со стряпчимъ Мансуровымъ привезли прежнюю духовную государя, которая, по его распоряженію, была сожжена. Все это было сдѣлано тайкомъ отъ братьевъ государевыхъ и бояръ. Начали составлять новую духовную. Посовѣтовавшись со своими любимцами, Василій III призвалъ въ послухи, или свидѣтели, находившихся при немъ князей: Бѣльскаго, Шуйскаго, Глинскаго, Кубенскаго и Шигону; изъ Москвы вызвали еще Михаила Юрьевича Захарьина-Кошкина.

Выносъ
тѣла
Василія III.



Государь хотѣлъ умереть въ Москвѣ, но заѣхалъ въ Іосифовъ монастырь, гдѣ, лежа на одрѣ, слушалъ литургію; подлѣ него стояла великая княгиня съ дѣтьми, проливая слезы. Въ Москву везли больного уже недвижимаго въ каптанѣ, или возкѣ, и въ немъ переворачивали его князья Палецкой и Шкурлятевъ. Въ селѣ Воробьевѣ, куда явились митрополитъ и бояре, была двухдневная остановка. Противъ Новодѣвичьяго монастыря навели чрезъ рѣку мостъ. Но четверка лошадей, везшая возокъ, провалилась; дѣти боярскія подхватили возокъ и обрѣзали гужи у оглобель. Государь покручинился на городничихъ (Волынскаго и Хохрикова), переправился подъ Дорогомиловымъ на паромѣ и въѣхалъ въ Кремль рано утромъ, чтобы не оглашалось его безнадежное состояніе. Окончивъ духовное завѣщаніе, государь, открывъ митрополиту и своему духовнику о желаніи постричься въ монахи и посхимиться, обратился съ слѣдующими словами къ боярамъ: «вѣдаете сами, отъ великаго князя Владиміра Кіевскаго ведется наше государство Владимірское, Новгородское и Московское. И вы, братіе, постойте крѣпко, чтобы мой сынъ учинился на государствѣ государемъ; была бы въ землѣ правда, и въ васъ бы розни не было никоторыя. Да приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго, онъ человѣкъ къ намъ пріѣзжій, но вы не называйте его пріѣзжимъ, а держите за здѣшняго урожденца, зане онъ мнѣ прямой слуга; и были бы вы всѣ сообща, земское дѣло и дѣла сына моего зѣло берегли и дѣлали за одинъ. А ты

бы, князь Михайло Глинскій, за моего сына князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и за моего сына князя Юрія, кровь свою проліялъ и тѣло свое на раздробленіе далъ».

3-го декабря умиравшій государь вторично причастился святыхъ таинъ и назначилъ правительницей государства Елену. Лѣтописецъ изображаетъ трогательное прощаніе государя съ трехлѣтнимъ сыномъ Иваномъ, котораго принесли на рукахъ, и съ великою княгинею, которую держали подъ руки, а она вопила и билась. Ивана онъ благословилъ на государство крестомъ Петра чудотворца, коимъ благословленъ былъ Іоаннъ Калита. Отпуская сына, государь сказалъ его нянѣ, боярынѣ Челядниной: «смотри, Аграфена, отъ сына моего Ивана не отступи ни пяди». Затѣмъ Василій благословилъ и однолѣтняго сына Юрія. Чувствуя приближеніе смерти, великій князь приказалъ митрополиту начать постригъ и посхимленіе. Но тутъ вдругъ выступили братъ его Андрей, Михайло Воронцовъ и самъ Шигона съ возраженіями, что Владиміръ Кіевскій не чернецомъ умеръ, а сподобился быть праведнымъ, такъ же какъ другіе князья. Поднялся споръ; но умирающій, лишившійся уже языка и рукъ, взоромъ просилъ пострига. Митрополитъ, какъ видно на приведенномъ иконописнаго характера рисункѣ, совершилъ постриженіе, возложилъ на него парамонатку, ряску, мантію, наконецъ, схиму и евангеліе на грудь и нарекъ его иноческимъ именемъ Варлаама. «Царственная книга» говоритъ: «стоящи же близъ него Шигона, какъ положили евангеліе на грудѣхъ, видѣ духъ его отшедшій, аки дымецъ малъ». Дворецъ огласился рыданіемъ. Митрополитъ тотчасъ сталъ приводить находившихся во дворцѣ къ присягѣ, а иноки Троицкаго и Іосифова монастыря, отославъ стряпчихъ, овладѣли тѣломъ великаго князя и стали приготовлять его къ погребенію. Настало утро 5-го декабря. Въ Архангельскомъ соборѣ готова была могила, и тѣло великаго князя, при звонѣ колоколовъ и рыданіи народа, перенесено было изъ дворца въ эту державную усыпальницу. Великую княгиню, какъ видно на приведенномъ выше рисункѣ, изображающемъ выносъ въ Архангельскій соборъ, несли на саняхъ. Погребеніе было совершено съ обычными обрядами.

VII.

При царѣ Іоаннѣ IV.

Первое въ нашей исторіи царствованіе государя Іоанна IV составляетъ примѣчательную эпоху въ исторіи Москвы. Но мы не станемъ останавливаться на личности и казняхъ его. Объ этомъ слишкомъ ужъ много было писано у насъ. Да и западные историки, имѣя дѣло съ не менѣе жестокими, чѣмъ онъ, современными ему правителями, каковыми были Филиппъ II Испанскій, Генрихъ VIII и Марія Тюдоръ въ Англіи, совершавшіе свои кровавыя казни, при свѣтѣ возрожденія наукъ, при наличіи парламентскаго режима, не такъ уже, какъ у насъ, копаются въ жестокостяхъ. И самъ Іоаннъ IV получилъ за нихъ тяжкія воздаянія отъ нашихъ историковъ. Нашъ же народъ, терпѣливо перенесшій всю тяжесть второй половины его правленія, назвалъ его только Грознымъ. Въ этомъ онъ проявилъ совсѣмъ иное отношеніе къ своему царю, чѣмъ англичане, которые свою королеву, современницу Іоанна IV, назвали «кровавой» Маріей. И въ памяти народной тѣнь Іоанна живетъ болѣе въ образѣ славнаго покорителя Казани, Астрахани и Сибири, чѣмъ въ видѣ облитаго кровью тирана.

Тринадцать лѣтъ (съ 1533 года) шло регентство сперва матери государя, великой княгини Елены, а затѣмъ боярской думы, пока наконецъ юный Іоаннъ не принялъ въ свои руки бразды правленія. Мы не станемъ также описывать отрицательныя явленія этой поры, а лучше обратимся къ исторіи Москвы, какъ города, къ дальнѣйшимъ успѣхамъ ея быта.

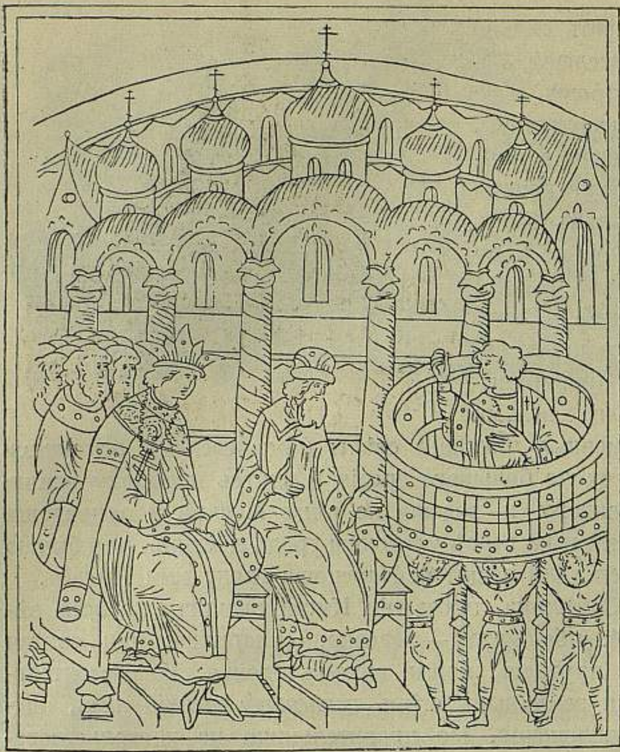
Памятникомъ регентства Елены была постройка крѣпостныхъ стѣнъ Китай-города. Въ виду того, что Кремль, въ случаѣ осады, не могъ уже

за своими стѣнами вмѣщать сильно увеличившееся народонаселеніе, Василій III желалъ построить еще новую крѣпость. Осуществленіемъ этой мысли занялась великая княгиня. Именно работы были начаты въ 1534 г. Сперва «сдѣланъ бысть въ Москвѣ градъ земляной по тому мѣсту, гдѣ мыслилъ ставить великій князь Василій Ивановичъ». «Градъ былъ сдѣланъ на большее пространство Москвы. Хитрецы (розмыслы-инженеры) устроиша его вельми мудро, наченъ отъ каменныя большія стѣны (кремлевской), *исплетаху тонкій лѣсъ* (хворостъ) около большого древія и внутрь насыпаху землю и вельми крѣпко утверждаху и ведоша по рѣцѣ Москвѣ и приведоша къ той же каменной стѣнѣ и на версѣ устроиша градъ древянъ, по обычаю (т.-е. помостъ съ кровлею, для защиты). Нарекоша граду имя Китай».

Башня Китай-города.

По мнѣнію И. Е. Забѣлина, прозваніе Китай значитъ, по всей вѣроятности, плетеничный: ибо китай — веревка, сплетенная или свитая изъ травы, соломы или прутьевъ, коими вяжутъ одонья. То обстоятельство, что для постройки земляныхъ стѣнъ *исплетаху тонкій лѣсъ*, подтверждаетъ такое предположеніе. Но правительница не удовольствовалась этими деревянно-земляными стѣнами и повелѣла «на бо̀льшее утвержденіе, градъ каменъ ставити, а подлѣ земляной городъ». Въ 1535 году, вдоль рва, по совершеніи митрополитомъ Даніиломъ крестнаго хода, заложена была каменная стѣна, съ башнями и воротами (Срѣтенскія, Ильинскія или Троицкія, Варварскія и Козьмодемьянскія, выходившія на Большую улицу къ Москвѣ-рѣкѣ). Митрополитъ своею рукою клалъ краеугольные камни стрѣльницъ. Издержки на эти сооруженія, были возложены на бояръ, духовенство и торговыхъ людей. Населеніе привлекалось даже къ самой стройкѣ стѣнъ. «Строилъ Петръ Фрязинъ, подошву градную основавъ». Новыя стѣны охватили часть Большого посада, гдѣ производилась торговля. Приступлено было и къ постройкѣ каменныхъ лавокъ, число которыхъ къ началу XVII столѣтія уже было весьма значительно; въ нихъ производилась торговля европейскими и азіатскими товарами, что видно изъ названій: Фряжскихъ погребовъ, Суровскаго и Панскаго рядовъ и проч. Другимъ памятникомъ правленія Елены было построеніе церкви Іоанна Предтечи, близъ Солянки, и основаніе при ней Ивановскаго женскаго монастыря, въ который впослѣдствіи были заключаемы знатныя затворницы.

Немаловажную реформу произвела Елена въ чеканкѣ монеты. Въ предшествующее время распространились обрѣзываніе монеты и даже ея поддѣлка, хотя фальшивыхъ монетчиковъ жестоко казнили, заливая имъ горло растопленнымъ металломъ. Правительница велѣла отбирать всю старую испорченную монету и чеканить новую. Изъ фунта серебра, или гривны, теперь вычеканивалось три рубля, или 300 денегъ. Три деньги



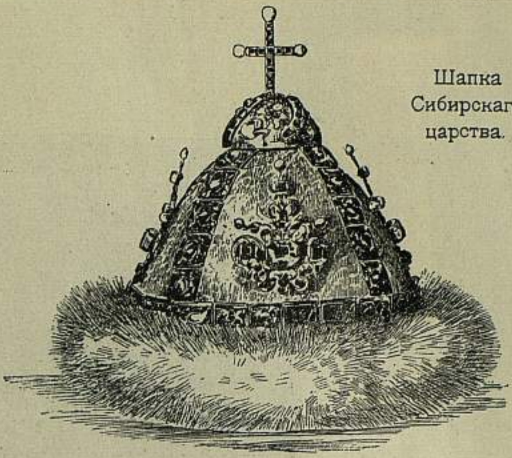
Вѣнчаніе на царство Іоанна IV. По Царственной книгѣ.

составляли алтынъ, пятьдесятъ денегъ полтину. Окончательно былъ установленъ штемпель Московской монеты. Мы знаемъ, что на ней съ давняго времени стали господствовать всадники: то ловчій съ соколомъ въ рукѣ, то всадникъ съ копьемъ, то всадникъ-мечникъ. Въ это время возстановленъ былъ появившійся при Василіи Темномъ конный копейщикъ. Объ этомъ лѣтописецъ говоритъ: «великій князь Иванъ Васильевичъ учини знамя на деньгахъ: князь великій на конѣ и имѣя копье въ руцѣ, и оттолѣ прозвашася деньги копейныя». Такимъ образомъ, установившійся съ Іоанна III, только на государственныхъ печатяхъ, гербъ сдѣлался окончательно монетнымъ штемпелемъ, пока не былъ замѣненъ двуглавымъ орломъ. Денежный дворъ находился на Яузѣ, въ Денежной слободѣ, гдѣ теперь церковь Троицы въ Серебреникахъ.

Въ 1540 году принесена была изъ Ржева чудотворная икона и встрѣчена была великимъ княземъ и митрополитомъ близъ Новинскаго монастыря (который былъ основанъ еще митрополитомъ Фотіемъ, при Василіи Темномъ), и здѣсь была устроена придѣльная церковь, въ память этого событія. Названіе мѣстности Новинское происходитъ отъ села Новинки, упоминаемаго при Василіи III, а другіе производятъ отъ существовавшаго будто здѣсь храма Іисуса Навина.

Минуемъ, какъ слишкомъ извѣстныя, дѣтство и отрочество Іоанна и времена боярскаго управленія и обращаемся къ первымъ проявленіямъ

самостоятельной дѣятельности Іоанна, имѣвшимъ важное значеніе въ исторіи Москвы: вѣнчанію его на царство и женитьбѣ.

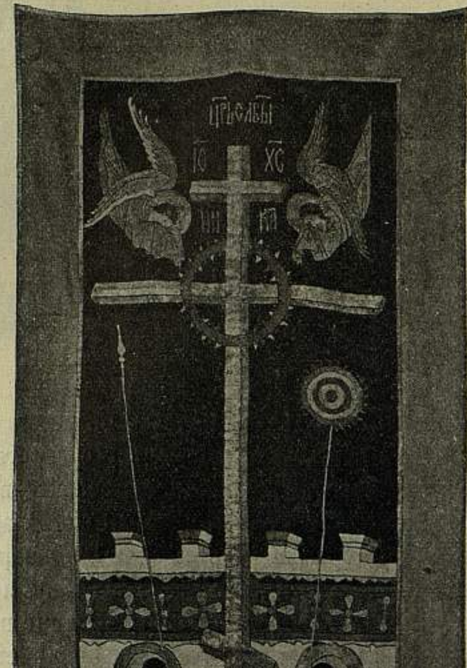


Шапка Сибирскаго царства.

Въ 1547 году, когда Іоанну было 17 лѣтъ, онъ объявилъ митрополиту Макарію о намѣреніи своемъ жениться. По этому случаю былъ отслуженъ торжественный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ этого молодой государь, созвавъ своихъ бояръ, объявилъ и имъ о своемъ намѣреніи, при чемъ сказалъ, что хотѣлъ искать невѣсту въ иномъ царствѣ, но оставилъ эту мысль и хочетъ жениться въ своемъ государствѣ. При этомъ государь сказалъ боярамъ и другое важное рѣшеніе—вѣнчаться на царство, по примѣру своихъ прародителей, начиная отъ Владиміра Мономаха. Это священное коронованіе было совершено 16 января въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ Макаріемъ, по тому же чину и почти съ такими же обрядами, какъ уже извѣстное читателямъ вѣнчаніе внука Іоанна III—Димитрія. Важнымъ же отличіемъ этого священнодѣйствія было то, что теперь къ прежнему титулу великаго князя государь присоединилъ новый, высшій прежняго, титулъ царя. Такимъ образомъ Московское государство всея Руси стало царствомъ. Царскій титулъ прилагался иногда къ дѣду Іоанна IV; отецъ его Василій III уже чаще именовался царемъ. Но съ коронаціи Іоанна Васильевича употребленіе царскаго титула сдѣлалось постояннымъ, и государь именовался царемъ во всѣхъ государственныхъ актахъ. Русскіе люди того времени придавали важное значеніе этой перемѣнѣ. По понятіямъ книжныхъ людей, Русскій царь является прямымъ преемникомъ православныхъ царей Греческихъ, отъ которыхъ онъ происходилъ и по бабкѣ своей Софьѣ Ѳоминишнѣ и по прародительницѣ Аннѣ, супругѣ Равноапостольнаго Владиміра. Русскіе современники писали, что теперь царство Россійское есть третій Римъ, оно является преемникомъ двухъ прежнихъ: «два убо Рима падоша, третій стоитъ, а четвертому не быть». Единственнымъ авторитетомъ, къ которому Іоаннъ обратился за подтвержденіемъ новаго титула, или его благословеніемъ, былъ Цареградскій патріархъ. Отъ него была получена благословенная грамота.

Въ «Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ» приведенъ самый чинъ этого вѣнчанія на царство, съ его обрядами и молитвами. Послѣ пѣнія «трисвятаго» на государя возложенъ былъ сперва животворящій крестъ, затѣмъ бармы и вѣнецъ Мономаха. И царь возсѣлъ затѣмъ на тронъ, поставленный на амвонѣ, рядомъ со святительскимъ сѣдалищемъ.

Воспроизведенная изъ «Царственной книги» миніатюра относится къ



Покровъ на мощи Преподобнаго Сергія Царя Іоанна Васильевича и Царицы Анастасіи Романовны.

Основанный Анастасіею Романовною на Б. Дмитровкѣ Георгіевскій монастырь.

этому. Она представляетъ намъ слѣдующій моментъ: «и по молитвѣ сѣлъ царь на своемъ столѣ, а митрополитъ на своемъ, и вшелъ на амвонъ архидіаконъ, глаголя велегласно многолѣтіе царю Іоанну Васильевичу Русскому, и весь освященный соборъ Русскія митрополіи». Амвонъ устроенъ здѣсь по-новгородски: «человѣчки деревянные на главахъ держатъ его». Очень хорошо бы сдѣлали наши художники, посвящающіе себя исторической живописи, если бы, какъ эту, такъ и другія историческія миніатюры, подвергли художественной транскрипціи, придавъ имъ перспективу и фигурамъ живость и естественность и т. д.

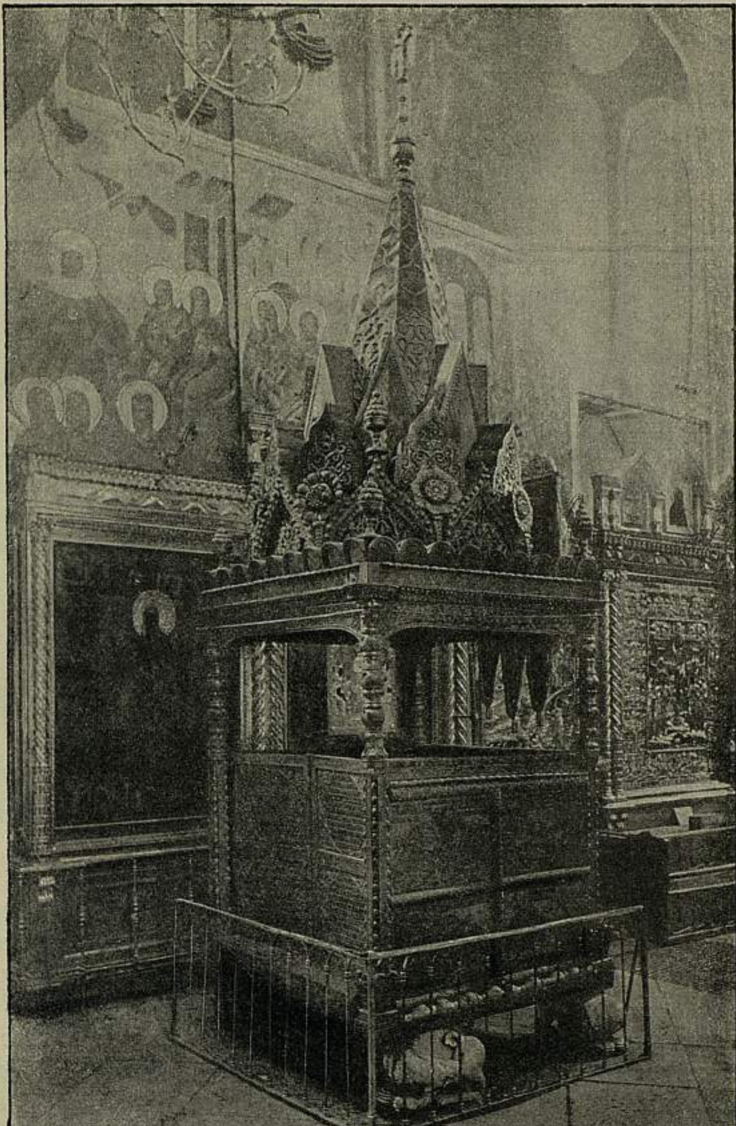
Іоаннъ IV въ 1551 г., когда онъ хлопоталъ объ утвержденіи за собою царскаго титула, соорудилъ себѣ царское мѣсто, находящееся теперь въ Успенскомъ соборѣ. Оно устроено въ видѣ шатровой сѣни, на четырехъ столбахъ, наподобіе тѣхъ сѣней, кои устраиваются надъ престолами. Сѣнь поддерживаютъ четыре символическихъ животныхъ: левъ, или скиментъ, гіенна и еще два, называвшіяся строганами. На самомъ тронѣ сдѣланы надписи и вырѣзаны изображенія изъ жизни Владиміра Мономаха и среди нихъ касающіяся принесенія изъ Византіи царскихъ регалій.

Послѣ коронаціи были разосланы грамоты, чтобы князья, бояре и дворяне прислали своихъ дочерей-дѣвицъ на смотръ намѣстникамъ; послѣдніе дѣлали наборъ: отдѣляли изъ нихъ красивыхъ и отсылали въ Москву для избранія царю невѣсты. Выборъ Іоанна Васильевича остановился на Анастасіи Романовнѣ Захарьиной-Юрьевой, происходившей отъ рода боярина временъ Семеона Гордаго—Андрея Кобылы. Внукъ его Иванъ Ѳедоровичъ Кошкинъ, ближній бояринъ Василія I, въ числѣ другихъ сыновей имѣлъ Захарію; его сынъ Юрій, бояринъ Іоанна III, былъ родоначальникомъ линіи Захарьиныхъ-Юрьевыхъ. Изъ нихъ Романъ Юрьевичъ оставилъ послѣ себя вдову Юліанію Ѳедоровну съ сыновьями Даніиломъ и Никитою и дочерьми Анной, вышедшей за князя Сицкаго, и Анастасіей Романовной, ставшей царской невѣстой. Она воспитывалась въ домѣ дѣда, подъ руководствомъ тетки своей Ѳеодосіи Юрьевны, въ приходѣ Георгія на Дмитровкѣ, за Житной площадкой, гдѣ построена была церковь Юріемъ Захарьинымъ. Впослѣдствіи царица Анастасія Романовна родительскій домъ обратила въ Георгіевскій монастырь.

Бракосочетаніе царя и Анастасіи Романовны было совершено митрополитомъ Макаріемъ 3-го февраля, въ Успенскомъ соборѣ. При этомъ первосвятитель произнесъ рѣчь новобрачнымъ, увѣщавая ихъ прилежать церкви, творить милостыню, заступаться за вдовъ и сиротъ, не слушаться злыхъ навѣтовъ и льстецовъ, бояръ и боярскихъ дѣтей жаловать и т. д.

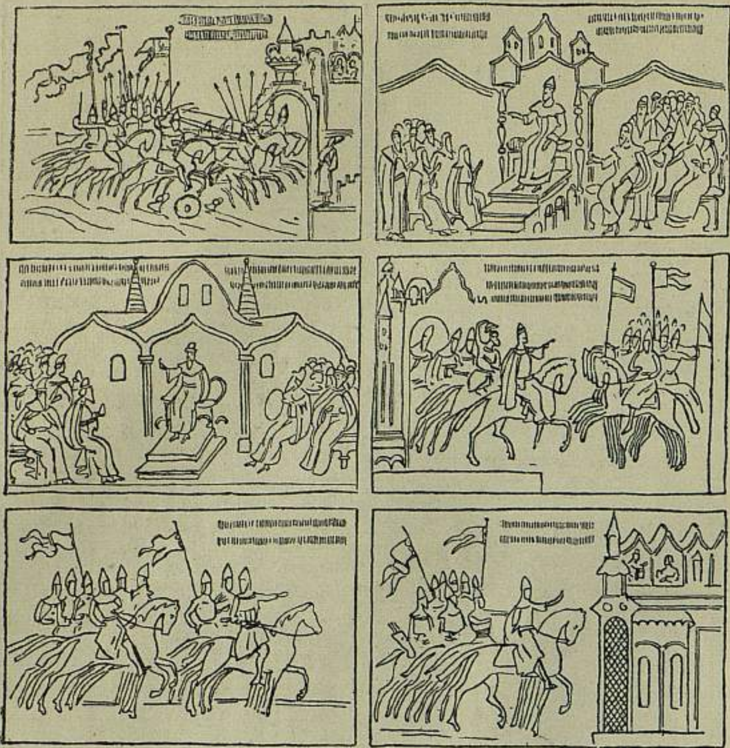
Свадьба была справлена со всѣми народными обычаями, посаженой матерью была княгиня Евфросинія Старицкая, а тысяцкимъ—ея сынъ, князь Владиміръ Андреевичъ. Родной братъ царя Юрій въ первый разъ сидѣлъ за столомъ «въ большомъ мѣстѣ», конюшій Михайло Глинскій ѣздилъ во всю ночь около подклѣти. Юрій Глинскій «слалъ постели и водилъ новобрачнаго въ мыльню». Черезъ двѣ недѣли, послѣ свадьбы, новобрачные отправились къ Троицѣ на богомолье, при чемъ царь, несмотря на зиму, шелъ пѣшкомъ.

Тронъ Мономаха.



Кромѣ этихъ двухъ событій: царскаго вѣнчанія и свадьбы государя, въ этомъ году въ исторіи Москвы пріобрѣли особое, чрезвычайное значеніе пожары. Огонь ихъ поставилъ Іоанна на путь иной, сдвинувъ съ того, который предопредѣляло для него его печальное дѣтство и который отмѣченъ казнями, во вторую половину его царствованія, послѣ смерти царицы Анастасіи.

Весною, 12-го апрѣля, выгорѣла часть Китай-города, примыкавшая къ Москвѣ-рѣкѣ, съ нѣкоторыми церквами, гостинымъ дворомъ и другими



Рѣзныя изображенія на тронѣ Мономаха.

лавками. Одна крѣпостная башня, служившая пороховымъ складомъ, взлетѣла на воздухъ съ немалой частью китайской стѣны. Затѣмъ, 20-го апрѣля, выгорѣла часть посада, около устья Яузы, на Болвановкѣ, гдѣ жили кожевники и гончары. Но вотъ, 3-го іюня, въ Кремлѣ, съ деревянной звоницы, упалъ большой колоколъ «Благовѣстникъ» («напрасно отпаде»), когда начали звонить въ него къ вечерни. При паденіи у этого колокола отбились уши. Всѣ встревожились этимъ, какъ недобрымъ предзнаменованіемъ. Даже Іоаннъ, жестоко расправлявшійся съ псковскими «жалобными людьми» въ Коломнѣ, получивъ это тревожное извѣстіе, бросилъ все, прискакалъ въ Москву и приказалъ, какъ можно скорѣе, придѣлать къ колоколу уши. Какъ близко принимали это въ то время къ сердцу, видно изъ того, что «Царственная книга» посвящаетъ особый рисунокъ этому исправленію колокола, совершонному въ присутствіи царя и царицы... Предзнаменованіе, повидимому, оправдалось. 21-го іюня вспыхнулъ новый еще невиданный съ изначала Москвы пожаръ. Онъ пошелъ отъ Воздвиженья на Арбатѣ и сжегъ все Занеглименье. Поднявшаяся буря и погнала отсюда огонь на Кремль: тамъ загорѣлся верхъ Успенскаго собора, крыша царскихъ палатъ, дворъ царской казны, Благовѣщенскій соборъ съ его драгоцѣнными иконами греческаго и русскаго письма (Андрея Рублева), митрополичій дворъ и царская конюшня. Погорѣли монастыри—Чудовъ и Вознесенскій, и погибли всѣ

боярскіе дома въ Кремлѣ. Одна пороховая башня съ частью стѣны взлетѣла на воздухъ. Пожаръ перешелъ въ Китай-городъ и истребилъ оставшееся отъ перваго пожара. На Большомъ посадѣ сгорѣли: Тверская, Дмитровка до Николо-Грачевскаго монастыря, Рождественка, Мясницкая до Флора и Лавра, Покровка до несуществующей теперь церкви св. Василія, со многими храмами, при чемъ погибла масса древнихъ книгъ, иконъ и драгоцѣнной церковной утвари. Около двухъ тысячъ народу сгорѣло живьемъ, митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыму въ Успенскомъ соборѣ, откуда

Походъ на Казань. По Царственной книгѣ.

онъ своими руками вынесъ образъ Богоматери, написанный святителемъ Петромъ. Владыка, въ сопровожденіи протопопа Гурія, несшаго Кормчую книгу, взошелъ на Тайницкую башню, охваченную густымъ дымомъ. Макарія стали спускать съ башни на канатѣ на Москворѣцкую набережную, но тотъ оборвался, и владыка такъ ушибся, что едва пришелъ въ себя и былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Царь съ семьей и боярами уѣхалъ за городъ, въ село Воробьево.

Интрига пустила въ народъ молву, что Москва сгорѣла отъ Глинскихъ, родственниковъ царя. Бабка его, княгиня Анна, будто разрывала могилы и изъ покойниковъ сердца вынимала, высушивъ ихъ, толкла, порошокъ сыпала въ воду, а тою водою, ѣздя по Москвѣ, улицы кропила, отъ того-де Москва и сгорѣла. Громадный пожаръ 1547 года имѣлъ чрезвычайную важность не только потому, что потребовалъ отъ Іоанна IV большой строительной дѣятельности, по возстановленію Москвы, но и потому, что произвелъ благодѣтельный переворотъ въ душѣ царя, сблизилъ его съ протопопомъ Сильвестромъ, авторомъ знаменитаго «Домостроя», Алексѣемъ Адашевымъ и другими благомыслящими людьми, въ главѣ которыхъ стоялъ митрополитъ Макарій, и побудилъ Іоанна къ личной работѣ по управленію государствомъ. Съ этой катастрофы начинается блестящій 13-лѣтній періодъ царствованія Іоанна, прославленный завоеваніемъ огромнаго Поволжскаго пространства, отъ Казани до Астрахани, счастливой войной съ Ливоніей, изданіемъ Судебника и цѣлымъ рядомъ правительственныхъ преобразованій. Москва въ это время видѣла впервые

земскій соборъ, слушала рѣчь государя къ народу съ Лобнаго мѣста *), была свидѣтельницей чрезвычайно важнаго церковнаго собора, такъ называемаго Стоглаваго. Но все это, равно какъ и страшный новый переломъ въ характерѣ Іоанна, завоеваніе Сибири и прочія политическія событія, болѣе относится къ обще-государственной нашей исторіи, чѣмъ къ исторіи Москвы, какъ города, и по своей общеизвѣстности уже давно стало общимъ мѣстомъ. Для насъ же представляетъ болѣе интереса то, что касается собственно памятниковъ Москвы за это время, ея быта, ея тогдашней культуры. По приказанію царя, были отстроены пострадавшіе отъ пожара Успенскій и Благовѣщенскій соборы, Грановитая палата и дворецъ. Верхъ Успенскаго собора покрытъ былъ вызолоченными мѣдными листами.

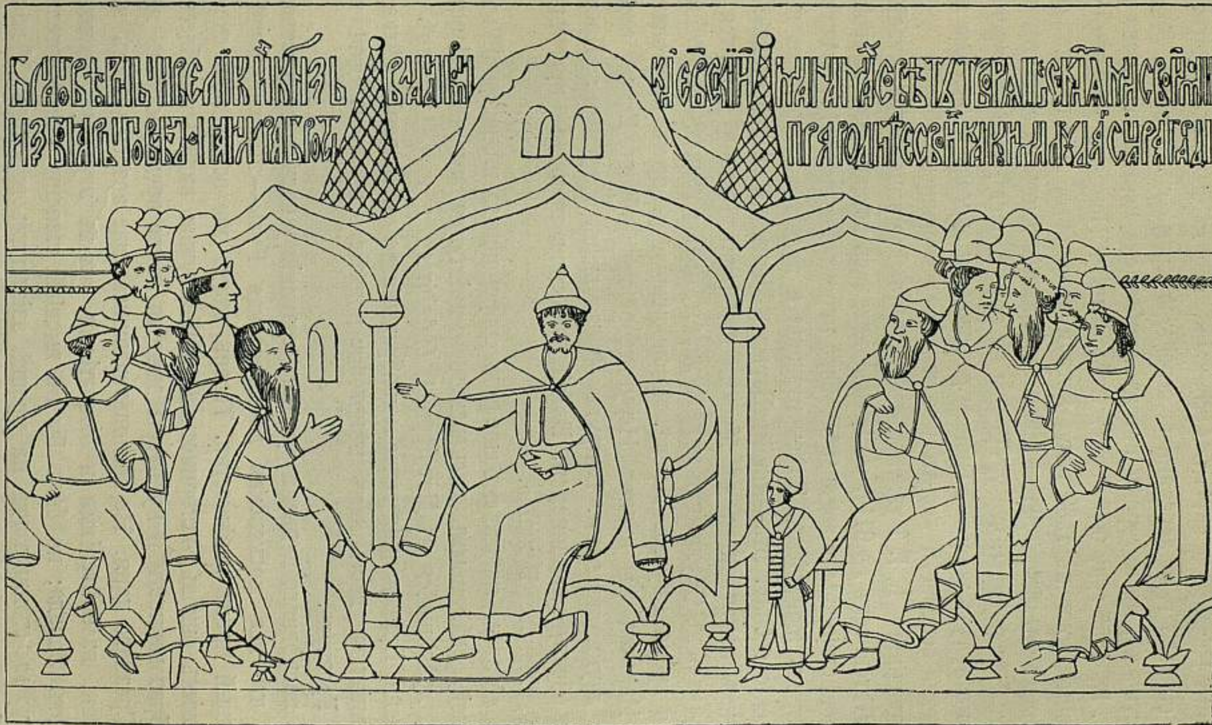
Самое покореніе Казани отразилось въ Москвѣ особыми памятниками. Приведенный выше рисунокъ изображаетъ отправленіе войскъ изъ Москвы подъ Казань. Съ великимъ торжествомъ послѣ взятія Казани государь возвратился въ Москву. Народъ встрѣтилъ его на Яузѣ, въ Ростокинѣ. Митрополитъ Макарій—у Срѣтенскаго монастыря и сказалъ царю рѣчь, на которую отвѣчалъ и Іоаннъ. Здѣсь онъ облачился въ царскія одежды и шапку Мономаха и пѣшкомъ съ крестнымъ ходомъ вступилъ въ Кремль. Прежде всего покореніе Казани дало Москвѣ соборъ Покрова Богородицы, или храмъ Василія Блаженнаго, построенный молодымъ царемъ въ память присоединенія къ Россіи царства Казанскаго. «Извѣстный всему свѣту этотъ памятникъ,—говоритъ И. Е. Забѣлинъ,—по своей оригинальности занялъ свое мѣсто и въ общей исторіи зодчества и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ какъ бы типической чертой самой Москвы, особенной чертой самобытности и своеобразія, какими Москва, какъ старый русскій городъ, вообще отличается отъ городовъ Западной Европы. Въ своемъ родѣ это—такое же, если еще не большее московское, при томъ народное диво, какъ Иванъ Великій, царь-колоколъ, царь-пушка. Западные путешественники и ученые изслѣдователи исторіи зодчества, очень чуткіе относительно всякой самобытности и оригинальности, давно уже оцѣнили по достоинству этотъ замѣчательный памятникъ русскаго художества» («Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ»).

Чужедумные же люди, во что бы то ни стало, стараются отвергнуть всякую самобытность и оригинальность въ русскомъ народѣ и пытаются доказать, что и храмъ Василія Блаженнаго построенъ или въ индійскомъ или въ арабскомъ и мавританскомъ стилѣ. Но теперь уже доказано, что всѣ его элементы самобытно-русскаго характера, проявлявшагося въ русскомъ теремномъ, церковномъ и крѣпостномъ (башенномъ) творчествѣ. («Образцы древнерусскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ» Н. Султанова». «Памятники древней письменности».)

---

*) При этомъ случаѣ въ первый разъ упоминается Лобное мѣсто, названное такъ по тому взлобью, или возвышенности, на коей находится, или въ память Лобнаго мѣста въ Іерусалимѣ. Отсюда объявлялись царскіе указы, митрополиты и патріархи, во время крестныхъ ходовъ, благословляли народъ и служили здѣсь молебны.

Владимиръ Мономахъ,
по рѣзному
изображенію на тронѣ
Іоанна IV.



Ходъ постройки Покровскаго собора представляется такимъ. Въ память завоеванія Казани, а затѣмъ Астрахани, начата была эта многосложная работа съ 1553 года деревянною стройкою храма св. Троицы, что *на рву* (крѣпостномъ), къ которому потомъ прибавлена церковь Покрова съ придѣлами. Въ 1555 году былъ заложенъ каменный Покровъ о девяти верхахъ, оконченный уже въ 1559 году, хотя и не совсѣмъ. Лѣтописецъ записалъ слѣдующее: «въ лѣто 7068 октября, совершена бысть на Москвѣ церковь Покровъ Богородицы, что у Троицы на рву, и послѣ того сотворена бысть тое церковь; тутъ же у св. Троицы *различными образцы и многими переводы* на одномъ основанiи девять престоловъ совершено».

Священникъ I. I. Кузнецовъ нашелъ въ Румянцевскомъ музеѣ рукопись: «Лѣтописецъ № 611», въ коемъ оказалась вставка изъ другой рукописи, повѣствующая о закладкѣ собора царемъ Iоанномъ IV, вмѣстѣ съ митрополитомъ Макарiемъ. Здѣсь названы и зодчiе, коимъ было поручено сооруженiе собора. Это—нѣкiй «Барма и Постникъ съ товарищи».

Другимъ памятникомъ въ Москвѣ покоренiя Казани является хранящееся у насъ въ Оружейной палатѣ знамя, подъ которымъ стоялъ молодой царь во время штурма города. Воспроизводимъ этотъ примѣчательный стягъ. На немъ мы видимъ Нерукотворенный образъ Спаса, поддерживаемый двумя ангелами. Вокругъ образа вышитъ тропарь: «Пречистому Твоему образу покланяемся, Благiй, просяще прощенiя прегрѣшенiямъ нашимъ, Христе Боже...»

Кромѣ этого, мы имѣемъ еще рядъ современныхъ иллюстрацiй къ войнѣ казанской, сдѣланныхъ московскими миніатюристами къ «Царственной книгѣ», хранящейся въ Патрiаршей библiотекѣ и въ Лѣтописцѣ той же библiотеки. Приведенная выше и изображающая отправленiе войска въ Казань миніатюра даетъ намъ нѣкоторое понятiе о военномъ бытѣ времени Iоанна Грознаго.

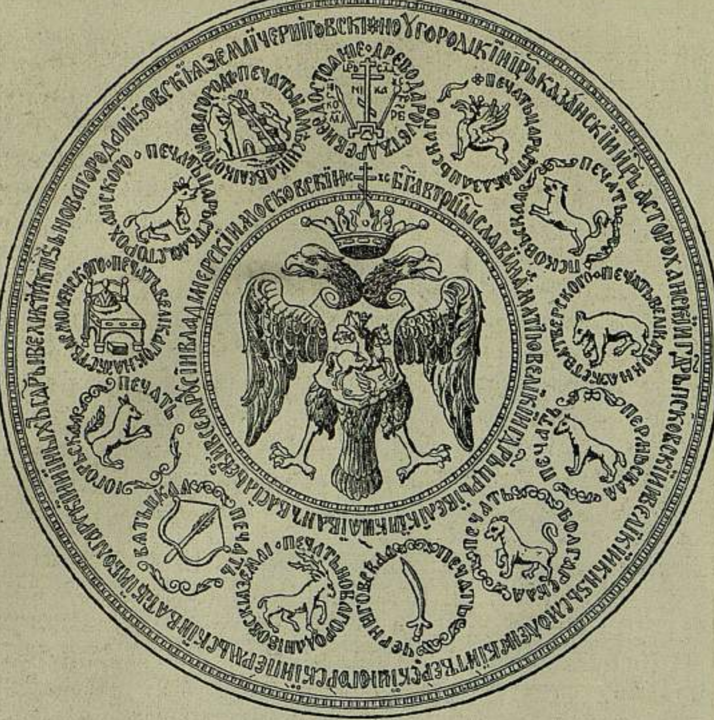
До послѣдняго подъема русскаго сознанiя у насъ господствовали тенденцiи, что вся московская до-петровская Русь — это сплошной и безразсвѣтный мракъ невѣжества. Теперь, когда мы освободили свои глаза отъ чужихъ очковъ, историческое зрѣнiе лучше видитъ проблески русской образованности и культуры даже въ такое время, какимъ является эпоха Грознаго царя. Не воспользовавшись еще возрожденiемъ наукъ и искусствъ, изобрѣтенiями и открытiями, мы въ эту пору, конечно, отстали отъ Запада; но было бы въ высшей степени неосновательно думать, что мы стояли тогда на уровнѣ азiатскихъ народовъ. У насъ была своя образованность. Представителями ея были ученый Максимъ-грекъ, митрополитъ Макарiй, составитель громаднаго сборника произведенiй письменности, извѣстнаго подъ именемъ «Великихъ Четьихъ-Миней», и лѣтописнаго свода — «Степенной книги», протопопъ Сильвестръ, авторъ «Домостроя», князь Курбскiй, наконецъ, самъ Iоаннъ IV и др. Громадная библiотека Грознаго, которую недавно отыскивали въ подземныхъ тайникахъ Кремля, представляла богатѣйшiй фондъ для русскаго образованiя.

Разсмотрѣвши это драгоцѣнное собранiе книгъ—на греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ языкахъ, замурованное въ сводчатыхъ подвалахъ,

Храмъ
Василія
Блаженнаго.

нѣмецъ Веттерманъ пришелъ въ неизъяснимый восторгъ: онъ увидалъ здѣсь много даже классическихъ сочиненій, кои совсѣмъ были неизвѣстны западной учености.

Къ царствованію Іоанна IV относится и введеніе въ Москвѣ книгопечатанія. Юный царь еще въ 1548 году велѣлъ Іоанну Шлитте привезти въ Москву изъ-за границы, вмѣстѣ съ другими техниками, типографщиковъ. Но нѣмцы, завистливо опасаясь подъема образованности въ Россіи, не пропустили ихъ къ намъ. Только съ помощью датчанъ, въ 1553 году, устроена была у насъ типографія. Царь далъ изъ собственной казны средства на устройство книгопечатной палаты. Немедленно нашлись русскіе люди, способные къ типографскому искусству и стали нашими первопечатниками. То были дьяконъ отъ церкви Николы Гостунскаго Иванъ Ѳедоровъ, товарищъ его Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ и Маруша Нефедьевъ. Спустя 10 лѣтъ, въ 1664 году, въ Москвѣ появилась первая печатная книга «Апостолъ», довольно красивая, по своей бумагѣ и печати, а въ слѣдующемъ



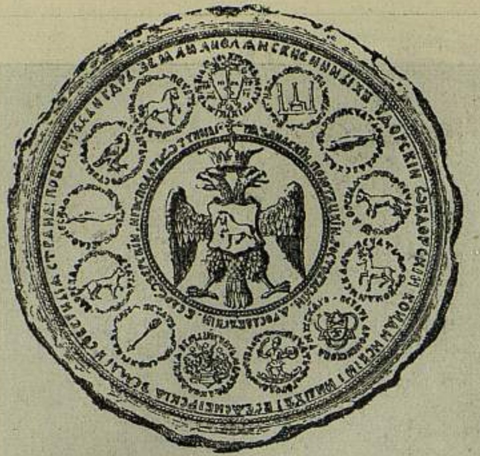
Большая царская печать Іоанна IV.

году «Часословъ». Но многочисленный классъ переписчиковъ, видя со стороны типографіи подрывъ своему ремеслу, началъ смущать чернь, обвиняя книгопечатниковъ въ ереси. Чернь подожгла ночью печатный дворъ, и первопечатники спаслись изъ Москвы бѣгствомъ. Однако начатое ими дѣло не погибло: царь велѣлъ возобновить типографію, и печатаніе книгъ продолжалъ ихъ ученикъ Андроникъ Невѣжа.

Искусство письма къ этому времени достигло высокой степени процвѣтанія. Рукописи этого времени, какъ напримѣръ «Царственная книга» и такъ называемый «Синодальный Лѣтописецъ», а равно множество другихъ украшены миніатюрами, а другія великолѣпнымъ въ краскахъ и золотѣ орнаментомъ, заставками и причудливыми заглавными буквами.

Живопись также продолжала развиваться. Въ эту эпоху появляются у насъ лицевые подлинники, составлявшіе руководства для нашихъ иконописцевъ. Во время большого пожара 1547 года погибли, между прочимъ, и произведенія кисти знаменитаго Андрея Рублева, и пришлось много работать по возстановленію живописи въ кремлевскихъ соборахъ. Стоглавый соборъ старался упорядочить нашу иконографію; онъ опредѣлилъ поставить надъ иконниками четырехъ старостъ—смотрѣть, чтобы иконы писались вѣрно съ установленныхъ образцовъ, чтобы неискусные въ этомъ дѣлѣ перестали имъ заниматься и чтобы молодые ученики были

Знамя
Грознаго.



Оборотная сторона печати въ уменьшенномъ размѣрѣ.

отдаваемы къ добрымъ мастерамъ. Но московская школа живописи была не въ силахъ одна справиться съ этой задачей. Митрополитъ Макарій, самъ искусный въ иконописаніи, и протопопъ Сильвестръ, будучи новгородцами, посовѣтовали царю призвать на подмогу иконописцевъ изъ Новгорода и Пскова. На время работъ привезли въ кремлевскіе соборы иконы изъ разныхъ городовъ: Новгорода, Звенигорода, Смоленска и другихъ. Выписанные иконники рисовали по образцамъ монастырей Троицкаго и Симонова, славившихся произведеніями старой московской школы. Изъ псковскихъ мастеровъ извѣстны Останя, Яковъ, Семенъ, Глаголь. Одновременно съ писаніемъ новыхъ иконъ новгородско-псковскіе мастера расписывали своды и стѣны царскихъ палатъ священными изображеніями бытейскимъ письмомъ, какъ, напримѣръ, Христа и святыхъ или символическихъ фигуръ: мужества, разума, чистоты, правды и проч. Въ это время выступилъ дьякъ Висковатый съ заявленіемъ, что новые образа написаны несогласно съ церковными преданіями. «Въ палатѣ царской притчи,—говорилъ онъ,—писаны не по подобію: написанъ образъ Спасовъ, да ту-то же близко него написана жонка, спустя рукава, кабы пляшетъ; а подписано подъ нею: блуженіе, а иное—ревность и иныя глумленія». Созванный въ это время Стоглавый соборъ обсудилъ это, и митрополитъ объяснилъ Висковатому, что въ палатѣ было написано *приточно*—Спасово человѣколюбіе, еже о насъ, ради покаянія.

Стоглавый соборъ, учинивъ по этому поводу розыскъ, оправдалъ живописцевъ и осудилъ обвинителя. Митрополитъ Макарій объявилъ Висковатому, что онъ «мудрствуетъ объ иконахъ негораздо». «Зналъ бы ты,—говорилъ владыка,—свои дѣла, которыя на тебя положены,— не разроняй списковъ разрядныхъ».

Изъ описанія, составленнаго при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1572 году, видно, что на сводахъ и стѣнахъ Грановитой палаты были слѣдующія изображенія: Господь Саваоѳъ, твореніе ангеловъ и человѣка и разныя

Первопечатный
Апостолъ 1564 года.

Пѐрвое ѹбо слово сотворихъ ѡ всѣхъ, ѡ Ѳеѡфиле. ѡ нихже нача Іс҃ъ творити же и ѹчити. до негоже дне, заповѣдавъ ап҃ломъ дх҃омъ ст҃ымъ, ихже избра вознесеся. предними же и постави себе жива по страданіи своемъ. во многихъ истинныхъ знаменіихъ. деньми четыредесятьми являяся имъ и глаголя яже о ц҃ртвіи б҃жіи. и съ ними же ядыи, повелѣваше имъ ѿ Іерусалима не ѿлучатися. но ждати обѣтованіе ѻ҃ча, еже слышасте ѿ мене. яко Іѡаннъ ѹбо крстилъ есть водою. вы же имате креститися дх҃омъ ст҃ымъ.

событія Ветхозавѣтной исторіи,—какъ-то, раздѣленіе вселенной между тремя сыновьями Ноя и Руси между тремя сыновьями Владиміра Равноапостольнаго. Русскіе князья Ярославъ, Всеволодъ и Владиміръ Мономахъ были изображены въ вѣнцахъ, или митрахъ, въ камчатныхъ одеждахъ съ бармами и золотыми поясами, вообще въ видѣ Византійскихъ царей. Затѣмъ слѣдовали основатель Москвы Юрій Долгорукій и родоначальникъ Московскихъ князей Александръ Невскій и другіе наши государи.

Разбираясь въ памятникахъ при Грозномъ, мы должны обратить вниманіе на тѣ измѣненія, кои при немъ потерпѣлъ нашъ государственный гербъ. Измѣненія эти представляютъ намъ его новую геральдическую фазу и заключаются въ слѣдующемъ: на большой государственной печати «Царства Всероссійскаго» «Московскій всадникъ, поражающій дракона» помѣщается теперь на груди императорскаго орла. Вокругъ него, ниже осьмиконечнаго креста съ надписью: «древо даруетъ древнее достояніе», размѣщаются гербы объединенныхъ подъ властью Москвы княжествъ и царствъ. Выбитый круговою надписью титулъ своими размѣрами уже превосходитъ титулъ отца и дѣда государя. Онъ начинается словами: «Бога въ Троицѣ славимаго милостію, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, и Владимірскій, и Мо-

Іоаннъ IV. По Титулярнику.

сковскій государь и великій князь Новаго-города, Низовскія земли и проч.».

Дѣлала при Іоаннѣ Васильевичѣ успѣхи и пышность придворной обстановки. Особенно любилъ царь удивлять этимъ иностранныхъ пословъ. Такъ, въ 1576 году, при пріемѣ польскаго посла, присланнаго Стефаномъ Баторіемъ, не только дворецъ переполненъ былъ боярами въ блестящихъ одеждахъ, но на крыльцѣ и въ переходахъ до Набережной палаты, у перилъ до Благовѣщенскаго собора, размѣщены были во множествѣ гости, купцы и приказные, всѣ въ золотыхъ одеждахъ; на площади разставлено было возникшее при Іоаннѣ новое войско—стрѣльцы съ ружьями. На придвор-

Памятникъ первопечатнику
у стѣны Китай-города.

ные обѣды при Іоаннѣ IV приглашались уже громадныя массы служилыхъ людей, по 600 и 700 человѣкъ. Однажды, во время войны съ ливонскими нѣмцами, устроенъ былъ придворный обѣдъ на 2,000 человѣкъ. Царь дивилъ иностранцевъ обиліемъ во дворцѣ своемъ золота, самоцвѣтныхъ камней, жемчуга и прочихъ драгоцѣнностей.

Но, при всѣхъ этихъ успѣхахъ, Москва при Іоаннѣ IV мало обстраивалась новыми постройками. Кромѣ упомянутаго выше Покровскаго собора, при немъ, въ 1543 году, говоритъ лѣтопись, додѣлали церковь Воскресенія на площади, возлѣ Ивана «святый подъ колоколы» (начатую Петромъ Фрязинымъ при Василіи III); а лѣстницу и двери придѣлали въ 1552 году мастера московскіе; въ 1555 году царь и митрополитъ въ ту церковь «принесли Рождество Христово отъ Мстиславскаго двора и соборъ уставили». Въ 1547 году близъ Тайницкихъ воротъ былъ построенъ соборъ Черниговскихъ Чудотворцевъ, гдѣ были положены принесенныя тогда въ Москву мощи св. князя Михаила и его боярина Ѳеодора. Въ память побѣды надъ крымцами, въ 1573 году, была построена церковь Рождества Христова въ Палашахъ, близъ Тверской улицы, гдѣ находится чудотворная икона Божіей Матери «Взысканіе погибшихъ». Въ 1582 году, на мѣстѣ приходской церкви св. Никиты, бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, братъ царицы Анастасіи и отецъ патріарха Филарета, построилъ Никитскій женскій монастырь. Въ 1583 году у Іоанна отъ седьмой его жены Маріи Нагой родился сынъ Димитрій—Уаръ (Угличской). Въ память этого былъ построенъ придѣлъ мученика Уара, при церкви Іоанна Предтечи, у Боровицкихъ воротъ. Здѣсь была поставлена икона этого святого въ мѣру роста царевича. Предъ иконой лежалъ камень, служившій ступенью для прикладывавшихся. Сюда, когда Димитрій царевичъ былъ причтенъ къ святымъ, матери клали грудныхъ болящихъ дѣтей. Позади большой Набережной царской палаты въ 1560 году былъ вновь перестроенъ Срѣтенскій соборъ, основанный Василіемъ I.

Изъ дворцовыхъ построекъ этого времени извѣстны слѣдующія: въ 1560 году, около упомянутаго Срѣтенскаго собора, царь «повелѣлъ дѣлати дворъ особный дѣтемъ своимъ». При учрежденіи опричнины, въ которую были отобраны улицы: Чертолье (Пречистенка), Арбатская съ Сивцевымъ врагомъ, Сенчинское (Остоженка) и половина Никитской, съ разными слободами до всполья Дорогомиловскаго, царь велѣлъ выстроить для себя новый дворецъ за Неглинной (на нынѣшней Воздвиженкѣ) и обнести его высокою стѣной.

Столь небольшая сравнительно строительная дѣятельность Грознаго нѣкоторыми историками объясняется тѣмъ, что онъ будто былъ поглощенъ казнями. Но это невѣрно. Москва въ его время двукратно была опустошена громаднѣйшими пожарами, въ 1547 и 1571 годахъ: Іоанну было слишкомъ много дѣла по одному только возстановленію сгорѣвшихъ зданій.

Въ послѣдній изъ указанныхъ годовъ, 24 мая, крымскіе татары подступили къ Москвѣ и зажгли ея посады. При сильномъ вѣтрѣ, пожаръ распространился быстро и поглотилъ собою всѣ деревянныя зданія Китай-

города и посадовъ. Много народу при этомъ погибло. Главный воевода И. Д. Бѣльскій задохся у себя на дворѣ въ каменномъ погребѣ; та же участь постигла и многихъ изъ знати. Москва-рѣка была запружена трупами искавшихъ въ ней спасенія, такъ что надобно было поставить людей съ баграми, чтобы сплавлять трупы внизъ по теченію. Въ Кремлѣ выгорѣлъ дворъ государевъ. По свидѣтельству лѣтописи, въ «Грановитой, Проходной, Набережной и иныхъ палатахъ, прутье желѣзное, толстое, что кладено крѣпости для, на связки, перегорѣло и переломалось отъ жару». Дворъ государя, уже по смерти его, былъ возобновленъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ и Борисомъ Годуновымъ. Іоанномъ IV былъ выстроенъ загородный дворецъ въ селѣ Воробьевѣ.

Съ иконы Симона Ушакова.

Около вышеупомянутаго времени въ Москвѣ былъ сильный голодъ. Четверть ржи стоила 60 алтынъ, по тому времени цѣна неслыханная; затѣмъ открылся сильный моръ, продолжавшійся до 1572 года. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ бѣдствій населеніе Москвы сильно уменьшилось въ своемъ числѣ. Если должно съ большой осторожностью принимать свидѣтельство Антонія Поссевина, потерпѣвшаго неудачу по части пропаганды у насъ папизма и уніи и не получившаго отъ царя позволенія построить въ Москвѣ костелъ католическій, будто въ Москвѣ въ 1581 году насчитывалось жителей не болѣе 30,000, то, несомнѣнно, отъ упомянутыхъ катастрофъ, отъ казней и перенесенія царской резиденціи въ Александровскую слободу, Москва сильно сократилась въ своихъ размѣрахъ и самомъ числѣ жителей.

Разсказы современниковъ о наружности Іоанна IV отличаются разнообразіемъ и даже противорѣчіями, потому что относятся къ разнымъ періодамъ его жизни. Англичанинъ Горсей говоритъ, что онъ былъ красивой и величественной наружности, съ пригожими чертами лица, съ высокимъ челомъ. Другой иностранецъ, Даніилъ изъ Бухова, передаетъ, что онъ былъ очень высокаго роста, тѣло имѣлъ полное, глаза большіе, постоянно бѣгающіе, все высматривающіе. Но, когда Іоаннъ въ первый разъ пріѣхалъ изъ Александровской слободы, москвичи были поражены, что у него на головѣ и въ бородѣ волоса почти всѣ вылѣзли и онъ сильно похудѣлъ и постарѣлъ. Хронографъ XVII вѣка, извѣстный подъ именемъ Кубасовскаго, говоритъ, что «царь имѣлъ очи сѣры, носъ протягновенъ, возрастомъ великъ бяше, сухо тѣло имѣя, плеща высоки, груди широки, мышцы толстыя».

Невоздержанный образъ жизни и постоянное тревожное состоянiе духа тяжело отразились на Грозномъ. Въ 50 лѣтъ онъ совершенно разстроилъ свое здоровье и прежде времени состарился. Зимою 1584 года у него открылась тяжкая болѣзнь: его внутренности стали гнить, и все тѣло пухнуть. По монастырямъ разослали грамоты съ просьбой молиться объ исцѣленiи болящаго царя. Во время облегченiя отъ болѣзни Iоаннъ развлекался разсматриванiемъ своихъ драгоцѣнностей или игрою въ шахматы и разговорами съ знахарями и шутами или же слушалъ былины и сказки. 18 марта, послѣ трехчасовой теплой ванны, онъ потребовалъ шахматы и хотѣлъ играть съ бояриномъ Бѣльскимъ, но вдругъ упалъ. Пока иностранные врачи хлопотали, митрополитъ Дiонисiй совершилъ надъ нимъ обрядъ постриженiя и нарекъ его Iоной. Новый царственный инокъ былъ погребенъ въ дiаконникѣ Архангельскаго собора. Надъ гробницей сдѣлана надпись: «Въ лѣто 7002—1584, марта въ 19 день, на память свв. мученика Хрисанѳа и Дарiи, преставися благовѣрный государь, царь и великiй князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, а въ иноцѣхъ Iона». Вблизи этой гробницы находится прахъ его сына, царевича Ивана Ивановича.

Iоаннъ IV.
Статуя
Антокольскаго.

VIII.

При царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ.

По смерти Грознаго, Москва присягнула сыну его Θеодору Іоанновичу, который совершенно не походилъ на своего отца и на старшаго брата Ивана: онъ былъ слабъ тѣлесными и душевными силами, малъ ростомъ, блѣденъ лицомъ, съ котораго почти никогда не сходила простодушная улыбка; ходилъ онъ тихими неровными шагами; былъ очень набоженъ и походилъ скорѣе на инока, чѣмъ на царя; нравомъ былъ чрезвычайно добродушенъ, привѣтливъ и кротокъ.

На слѣдующей страницѣ воспроизводимъ иконописный портретъ его, перенесенный теперь изъ Архангельскаго собора въ Историческій музей. Лицо у царя продолговатое, худощавое, изжелта-смуглое, носъ длинный, загнутый, волосы темнорусые, курчавые; лобъ высокій, брови тонкія, глаза большіе, на выкатѣ. Одежда царя состоитъ изъ станового кафтана, украшеннаго дорогими камнями, со стоячимъ пристяжнымъ ожерельемъ. Θеодоръ на портретѣ былъ изображенъ безъ царской короны, но съ вѣнцомъ святыхъ, такъ какъ, хотя и не былъ причисленъ къ лику святыхъ, признанъ былъ таковымъ патріархомъ Іовомъ, который составилъ его житіе. Въ рукописныхъ святцахъ XVII столѣтія, онъ, упоминается въ ряду святыхъ, какъ «святый благовѣрный царь и великій князь Θеодоръ Іоанновичъ», а въ рукописныхъ подлинникахъ этого времени именуется «новымъ всея Россіи чудотворцемъ».

Уже въ ночь, послѣ смерти Грознаго, сторонники Θеодора Іоанновича распорядились отправить маленькаго его брата Димитрія, съ его матерью и родственниками Нагими, въ Угличъ, данный ему отцомъ. Скоро затѣмъ

Царь Θеодоръ Іоанновичъ.

поднялся въ Москвѣ мятежъ; въ народѣ распространили слухъ, будто бояринъ Богданъ Бѣльскій, сторонникъ Нагихъ, отравилъ покойнаго царя и хочетъ извести и самого Θеодора. Тысячныя толпы бросились къ Кремлю, овладѣли въ Китай-городѣ пушкою и направили ее на Спасскія ворота. Царь Θеодоръ выслалъ къ мятежникамъ бояръ Мстиславскаго и Романова и приказалъ объявить, что Бѣльскій будетъ немедленно высланъ изъ Москвы. Мятежъ прекратился.

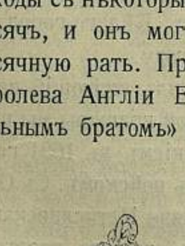
Черезъ шесть недѣль по смерти Грознаго, 31 мая 1584 года, происходило царское вѣнчаніе Θеодора. Второе коронованіе, если не считать коронованія князя Димитрія, при Іоаннѣ III, отличалось большею торжественностью, чѣмъ то, какое видѣла Москва въ 1547 году, какъ это явствуетъ изъ подробнаго описанія этого торжества въ особомъ чинѣ, напечатанномъ въ «Собраніи грамотъ и договоровъ. Т. II».

Царскій выходъ изъ дворца въ Успенскій соборъ отличался выдающимся многолюдствомъ и блескомъ. Во время шествія шуринъ царскій Борисъ Годуновъ несъ скипетръ государевъ. Въ соборѣ устроено было высокое чертожное мѣсто. Всероссійскій митрополитъ Діонисій возложилъ на царя нынѣ хранящійся въ Благовѣщенскомъ соборѣ животворящій крестъ и вѣнецъ Мономаха и надѣлъ святыя бармы. Послѣ вѣнчанія на царство, государь слушалъ литургію въ коронѣ и со скиптромъ,—«хоругвями правленія», какъ сказано въ коронаціонномъ чинѣ. Въ концѣ литургіи митрополитъ совершилъ надъ государемъ священное мνропомазаніе изъ особаго сосуда или крабицы, которая принадлежала Августу и была принесена Владиміру Мономаху изъ Византіи, вмѣстѣ съ царскими регаліями, и причастилъ его святыхъ тайнъ; во время этого Борисъ держалъ скипетръ, а Димитрій Годуновъ и бояринъ Юрьевъ держали вѣнецъ царскій на золотомъ блюдѣ. Въ коронаціонномъ чинѣ приведены произнесенныя царемъ и митрополитомъ рѣчи. Изъ Успенскаго собора Θеодоръ ходилъ въ Архангельскій, для поклоненія гробницамъ предковъ, и Благовѣщенскій соборъ, а потомъ чрезъ Красное крыльцо возвратился во дворецъ, гдѣ бояре и другіе служилые люди цѣловали вѣнчанному и мνропомазанному царю руку. Къ обѣденному столу приглашенъ былъ весь дворъ и освященный соборъ съ митрополитомъ во главѣ. Пиры во дворцѣ и народныя гулянья, по случаю коронаціи, продолжались цѣлую недѣлю и закончились военнымъ праздникомъ за городомъ.

Иконное изображеніе Симона Ушакова.

Во время коронаціонныхъ пировъ посыпались милости царя: онъ въ самомъ дворцѣ надѣлилъ богатыми подарками митрополита, святителей и другихъ лицъ, и самъ въ свою очередь принялъ дары отъ бояръ, купцовъ и гостей, русскихъ и иностранныхъ; выпустилъ на свободу много заключенныхъ, освободилъ военноплѣнныхъ; уменьшены были налоги; нѣсколько заслуженныхъ сановниковъ возведены въ боярскій санъ, а Ивану Петровичу Шуйскому пожалованы были всѣ доходы отъ Пскова. Но никто не былъ осыпанъ такими милостями, какъ Борисъ Годуновъ: онъ получилъ не только высокій санъ конюшаго, но и титулъ ближняго великаго боярина, намѣстника царствъ Казанскаго и Астраханскаго; ему даны были громадныя помѣстья, всѣ луга на берегу Москвы-рѣки, сборы съ цѣлыхъ областей, доходы съ нѣкоторыхъ промысловъ и проч. Всѣ же доходы его достигли 100 тысячъ, и онъ могъ на свой счетъ снарядить изъ своихъ крестьянъ сто тысячную рать. Правительственное значеніе его было такъ велико, что королева Англіи Елизавета называла его въ грамотахъ своихъ «любительнымъ братомъ» и «лордомъ-протекторомъ».

Сосудъ священнаго мνропомазанія государей.



Быстро Москва стала обстраиваться послѣ разореній и невзгодъ во времена Грознаго. Сгорѣвшій при немъ дворецъ въ царствованіе Θеодора, судя по отзывамъ иностранцевъ, опять былъ приведенъ въ цвѣтущее состояніе. Всѣ пріемныя палаты въ это время были великолѣпно украшены стѣнописью, подобною той, какая была здѣсь въ царствованіе Алексѣя Михайловича и была возстановлена при покойномъ Императорѣ Александрѣ III. Въ это, вѣроятно, время была построена и пріемная Золотая палата для супруги Θеодора, царицы Ирины. При

Бояринъ Годуновъ.

Покровскомъ соборѣ царь построилъ особый придѣлъ въ честь св. Василія Блаженнаго, мощи котораго были обрѣтены въ 1588 году; для него была устроена новая гробница, и надъ нею повѣшены его тяжелыя желѣзныя вериги.

Въ Москвѣ въ это царствованіе были выстроены каменныя стѣны вокругъ Бѣлаго или Царева города, начиная отъ Тверскихъ воротъ, а выходившіе за Бѣлый городъ посады — деревянными. Они составили такъ называемый «Скородомъ». Работой въ Бѣломъ городѣ завѣдывалъ русскій зодчій Ѳеодоръ Конь. Здѣсь въ это время были слѣдующія улицы: Арбатъ, Смоленская, Покровка, Дмитровка, Тверская, Никитская, Чертольская (Пречистенка), Рождественка. Работы начались въ 1587 году и кончены съ небольшимъ въ два года. Стѣна и валъ начаты отъ нынѣшняго Яузскаго моста, неправильною дугою, чрезъ Покровку, Мясницкую, Срѣтенку, Петровку, Тверскую, Никитскую, Арбатъ и Пречистенку, гдѣ у нынѣшняго храма Спасителя упирались въ Москву-рѣку. Стѣна Бѣлаго города имѣла 28 башенъ и 9 воротъ, сходныхъ съ воротами Китай-города. У воротъ стояли воротники и запирали ихъ на ночь. Обветшавшія стѣны Бѣлаго-города были разобраны при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, а при Екатеринѣ II замѣнены бульварами. Послѣдній остатокъ Бѣлаго-города — башня у Арбатскихъ воротъ была разобрана въ 1792 году.

Ѳеодоръ Іоанновичъ, внѣ стѣнъ Скородома, построилъ имѣющій важное значеніе Донской монастырь, видъ коего со старинной гравюры мы воспроизводимъ дальше. Основаніе его связано съ нападеніемъ въ 1691 году на Москву крымскаго хана Казы-Гирея со 150-тысячнымъ войскомъ. Съ Оки были отозваны къ Москвѣ войска подъ начальствомъ князя Мстиславскаго. Самая столица была объявлена въ осадномъ положеніи; защита разныхъ частей ея, начиная съ Кремля и Китай-города, поручена была воеводамъ. Монастыри: Даниловскій, Новоспасскій, Симоновъ и Новодѣвичій снабжены были пушками и военными снарядами. Предмѣстья Москвы наскоро были укрѣплены деревянными стѣнами съ бойницами («Скородома»). Между Калужской и Тульскою дорогами, на пространствѣ между Даниловымъ монастыремъ и Воробьевыми горами, въ двухъ верстахъ отъ города, расположилось войско. Какъ средства защиты, были построены подвижной городокъ на колесахъ и походная церковь преподобнаго Сергія. Сюда была принесена икона Богоматери, бывшая съ Димитріемъ Донскимъ на

Θеодоръ Іоанновичъ.
Изображеніе
на Царь-пушкѣ.

Куликовскомъ полѣ. Епископъ Суздальскій Іовъ крестнымъ ходомь обнесъ чудотворную икону вдоль воинскаго стана и городскихъ стѣнъ и затѣмъ поставилъ ее въ походную церковь. Самъ царь Θеодоръ Іоанновичъ съ большою свитою, въ сопровожденіи назначеннаго главнымъ начальникомъ Годунова, объѣхалъ войска, ободрялъ ихъ и, повидимому, не испытывалъ никакого страха передъ врагомъ, возлагая всю надежду на Бога. Годуновъ уступилъ главное начальство Мстиславскому, а самъ занялъ второе мѣсто въ большомъ полку. Государь съ царицей и духовенствомъ началъ молиться во дворцѣ.

4-го іюля непріятель достигъ Поклонной горы за Серпуховской заставой. Татары устремились на наши войска отъ села Котловъ и отъ Воробьевыхъ горъ. Съ нашей стороны загремѣли орудія съ бойницъ новыхъ стѣнъ, съ башенъ монастырей и съ кремлевской крѣпости. Битва закипѣла отчаянная. Ядра и пули осыпали непріятелей. Колокольни, башни, крыши домовъ унизаны были народомъ, слѣдившимъ за битвой. Въ церквахъ совершались моленія. Молился усердно и набожный Царь Θеодоръ. Гирей разсчитывалъ захватить Москву врасплохъ, но встрѣтилъ энергичный отпоръ и потерялъ массу убитыми. Царь былъ настолько спокоенъ, что заснулъ въ полдень и предъ этимъ будто сказалъ: «не бойтесь, завтра поганыхъ не будетъ». И ночью продолжалась пальба. Съ разсвѣтомъ въ Москвѣ разнеслась радостная вѣсть, что ханъ бѣжалъ. При красномъ звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ и радостныхъ кликахъ народа конные полки кинулись въ погоню за татарами. Воеводы награждены были шубами съ царскаго плеча, золотыми медалями, помѣстьями и т. д. Годуновъ получилъ особый титулъ «слуги», который до него носили трое—князь Ряполовскій да два Воротынскихъ. На мѣстѣ укрѣпленнаго стана, гдѣ стояла походная цер-

ковь, царь Θеодоръ выстроилъ Донской монастырь въ честь той иконы, которая была на Куликовскомъ полѣ и теперь явилась спасительницей Москвы.

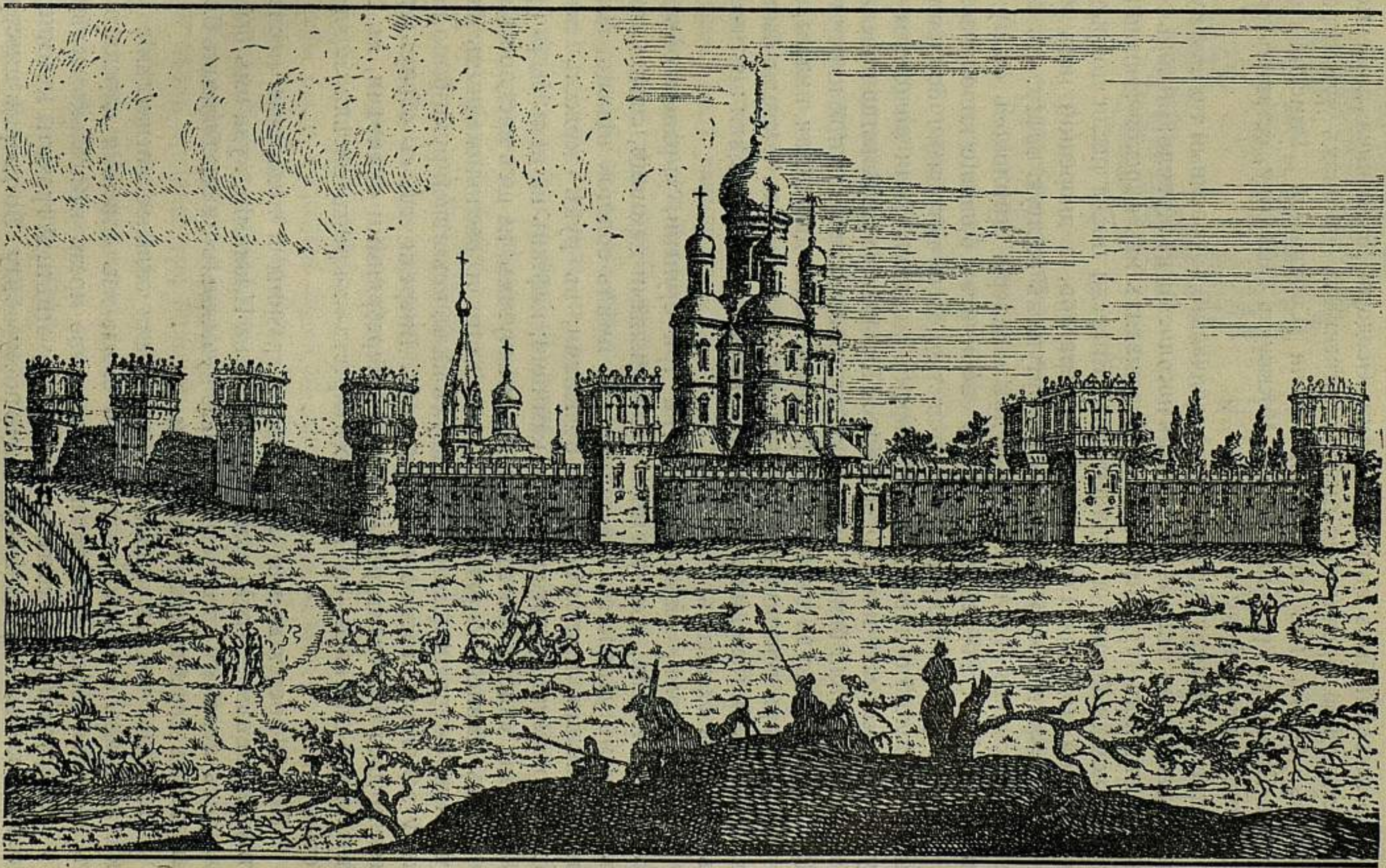
Несмотря на то, что незадолго предъ этимъ былъ большой пожаръ, опустошившій Арбатъ, Никитскую, Тверскую, даже Китай-Городъ, Москва опять выглядѣла огромнымъ городомъ. Флетчеръ говоритъ, что она въ это время была больше Лондона. Немного позднѣе французъ Маржеретъ писалъ: «Москва—городъ обширный; среди него течетъ рѣка, которая шире нашей Сены; весь городъ обнесенъ деревянной оградой, въ окружности, какъ я думаю, болѣе парижской; внутри его другая стѣна (Бѣлаго-города) наполовину меньше первой». Всего болѣе Москва богата была церквами, коихъ во всемъ городѣ было уже болѣе 400 съ 5000 колоколовъ на колокольняхъ.

Военное искусство въ это царствованіе совершенствовалось; особенно умножалась артиллерія. Въ это время была отлита въ Москвѣ Царь-пушка, или дробовикъ. Вѣсъ ея 2,400 пудовъ; каждое ядро для заряда вѣситъ 120 пудовъ, а зарядъ пороху 30 пудовъ. Она отлита русскимъ мастеромъ; ее дѣлалъ, какъ гласитъ надпись, пушечный литецъ Андрей Чоховъ. Выше мы воспроизвели съ этой пушки изображеніе Θеодора Іоанновича.

Различныя стороны быта Москвы продолжали развиваться и укрѣпились до такой степени, что послѣдовавшая затѣмъ смута и польское владычество нисколько его не поколебали, и онъ самъ собою органически возстановился при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ.

Бытъ государя представляется въ такомъ видѣ. Царь Θеодоръ вставалъ очень рано, около четырехъ часовъ утра. Къ нему являлся его духовникъ, протопопъ Благовѣщенскаго собора, съ крестомъ, и вносилась икона святого, который праздновался въ тотъ день. Предъ нею и домашними богато украшенными иконами затепливались свѣчи. Царь молился съ четверть часа, прикладывался ко кресту и иконамъ, а духовникъ окроплялъ его святою водою, которую въ серебряной чашѣ ежедневно приносили свѣжую и даже присылали изъ далекихъ монастырей. Затѣмъ государь шелъ къ царицѣ здороваться и съ нею отправлялся въ домовую церковь къ заутренѣ. По возвращеніи оттуда, царь садился въ большомъ покоѣ, куда къ нему приходили на поклонъ бояре. Около девяти часовъ государь шелъ въ другую домовую церковь или въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ. Возвратившись, бесѣдовалъ съ боярами и другими сановниками и, послѣ отдыха, въ полдень обѣдалъ. Каждое кушанье предварительно отвѣдывали разные придворные, а подавалъ кравчій. Число блюдъ,—печеній, жареныхъ и похлебокъ—доходило до семидесяти. Невдалекѣ отъ обѣденнаго мѣста находился столъ съ дорогой посудой и мѣднымъ чаномъ со льдомъ, гдѣ стояли разные напитки. Послѣ обѣда царь почивалъ около трехъ часовъ, меньше—въ томъ только случаѣ, когда ходилъ въ баню или отправлялся на какую-либо потѣху, въ родѣ боя съ медвѣдями, кулачнаго боя и т. п. Царь каждый день бывалъ на вечернѣ и послѣ нея оставался во внутреннихъ покояхъ и развлекался чѣмъ-нибудь; напримѣръ, разсматривалъ издѣлія своихъ мастеровъ, золотыя и серебряныя вещи; тѣшился шутами, карликами; слушалъ сказателей былей или чтеніе книгъ и т. д.

Донской монастырь. Съ древней гравюры.



Московскій бытъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича особенно ярко и блистательно проявлялся въ торжественныхъ пріемахъ чужестранныхъ пословъ. Одинъ изъ спутниковъ посла Священной Римской имперіи Марка Варкоча, пріѣзжавшаго въ Москву въ 1593 году, оставилъ описаніе сдѣланнаго посольству пріема.

Описавъ Москву, какъ городъ величавый и красивый по своему виду, иностранецъ такъ описываетъ въѣздъ посольства въ Кремль: «посолъ со своей свитой въѣхалъ туда верхомъ на 18 лошадяхъ изъ царской конюшни. Его сопровождали бояре на 30 лошадяхъ. Впереди посла несли покрытые синей тафтой подарки Германскаго императора, а дворецкій несъ императорскую вѣрительную грамоту, обернутую въ желтую тафту. Въ Кремлѣ стояли тысячныя толпы народа и двѣ шпалеры стрѣльцовъ съ ружьями, въ числѣ 4000. Во всѣхъ церквахъ звонили въ большіе колокола».

На дворцовомъ крыльцѣ посольство было встрѣчено боярами, одѣтыми въ золотую парчу. Императорскіе подарки были положены на подушки, чтобы нести ихъ къ государю. Послѣ этого посольство повели чрезъ покой, гдѣ сидѣли бояре, одѣтые въ прекрасныя изъ золотой парчи платья. Другой покой, куда ввели иностранцевъ, была дворцовая палата, въ которой государь принималъ поздравленія; въ ней полъ и столы были покрыты богатыми коврами и столешниками, а кругомъ сидѣли знатные бояре въ золотыхъ одеждахъ.

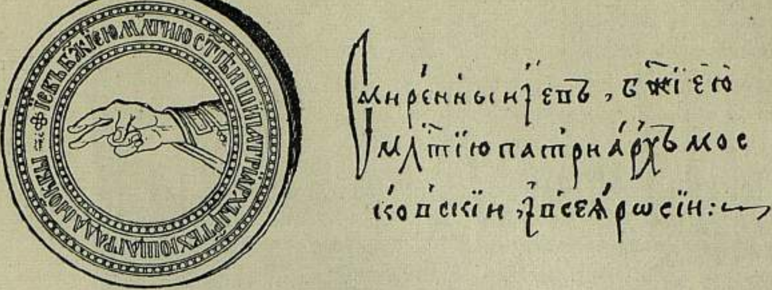
На престолѣ, возвышенномъ на три ступени, украшенномъ сверху до низу золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, сидѣлъ государь въ царскомъ убранствѣ; на головѣ онъ имѣлъ золотой вѣнецъ, выложенный алмазами, притомъ очень большими; въ рукѣ держалъ скипетръ, тоже украшенный драгоцѣнными камнями; кафтанъ на немъ былъ красный бархатный, сплошь шитый крупнымъ жемчугомъ; на шеѣ висѣло нѣсколько дорогихъ камней, оправленныхъ въ золото и расположенныхъ въ видѣ цѣпи или ожерелья (бармы). На двухъ пальцахъ лѣвой руки было по большому золотому перстню со смарагдомъ. Впереди его, съ обѣихъ сторонъ, стояли двое благородныхъ юношей съ серебряными сѣкирами, въ бѣлыхъ атласныхъ платьяхъ, на которыхъ крестъ-на-крестъ висѣли золотыя цѣпочки.

Послѣ представленія и передачи грамоты и подарковъ послы были отпущены въ посольскій домъ (у Троицы на Ильинкѣ), куда имъ былъ присланъ съ царскаго стола обѣдъ въ 150 кушаньевъ на серебряныхъ блюдахъ, закрытыхъ серебряными крышками.

Замѣтно, что на посольство произвели сильное впечатлѣніе московская роскошь и хлѣбосольство. Это видно изъ описанія царскаго обѣда, къ которому было приглашено посольство чрезъ нѣсколько недѣль.

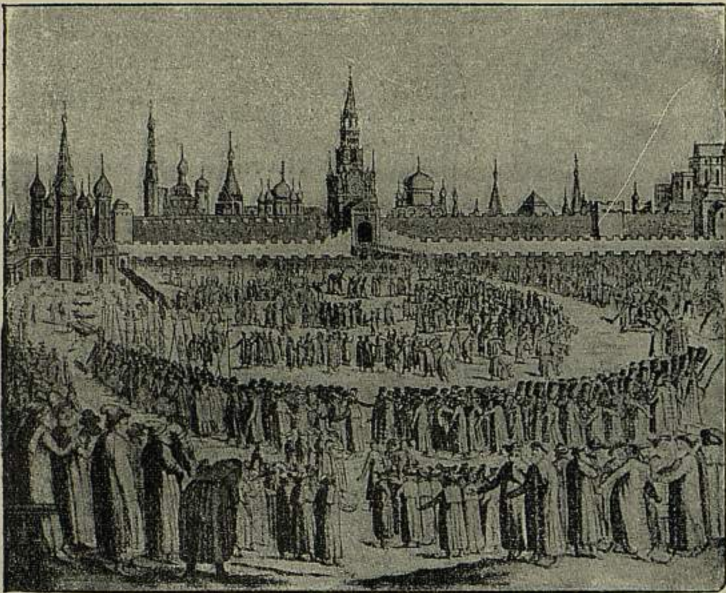
По врученіи царемъ нѣмецкому послу отвѣтной грамоты къ императору, посольство было приглашено къ царскому обѣду. Во дворцѣ иностранцевъ проводили въ залу совѣта (думы), гдѣ они оставались съ своими приставами и толмачами добрыхъ полчаса. Потомъ ихъ перевели въ другую палату, гдѣ кругомъ по стѣнамъ стояли длинные поставцы, съ тремя высокими ступенями: всѣ они были, по словамъ нѣмцевъ, «такъ уставлены

Печать и подпись перваго патріарха Іова.



безчисленными серебрянными и золотыми кубками, что и представить себѣ трудно, а въ Германіи, пожалуй, и не повѣрили бы такому богатству. На нижнихъ ступеняхъ поставлено множество большихъ блюдъ и стопъ изъ золота, серебрянный левъ, въ его природную величину, нѣсколько серебрянныхъ братинъ и чашъ, настолько большихъ, что одному человѣку невозможно было поднять ихъ, не то что употреблять въ качествѣ посуды для питья; все это было выставлено, чтобы показать намъ, нѣмцамъ, великія сокровища и богатства казны». Обѣденная зала, куда введены были послы, четвероугольная, въ 70 саженей въ объемѣ, вверху и по стѣнамъ расписана картинами и много украшена серебромъ и золотомъ; полъ вымощенъ бѣлымъ камнемъ очень искусными узорами. Посрединѣ залы толстый каменный столбъ, или колонна, на коей лежалъ весь сводъ. Кругомъ столба поставцы съ драгоцѣнной посудой. Въ залѣ четыре большихъ окна. На высокомъ сѣдалищѣ, сплошь вызолоченномъ, за столомъ, который стоялъ на ступень выше другихъ, сидѣлъ царь, одѣтый въ кафтанъ изъ серебряной парчи; голову его покрывала золотая московская шапочка, унизанная драгоцѣнными каменьями и крупнымъ жемчугомъ; на шеѣ богатое ожерелье. Другіе столы занимали князья и бояре, одѣтые въ бѣлыя одежды, отороченныя бобромъ, въ высокихъ чернобурыхъ шапкахъ; стольники въ золотыхъ кафтанахъ подавали кушанья на золотыхъ блюдахъ. Во время пира наступилъ вечеръ, и понадобилось зажечь свѣчи въ четырехъ люстрахъ. На посольскій столъ поставлены были восковыя свѣчи въ яшмовыхъ и хрустальныхъ подсвѣчникахъ, въ серебряной оправѣ. Государь подзывалъ къ себѣ посла и въ знакъ своей милости изъ своихъ рукъ давалъ ему маленькую золотую чару, осыпанную дорогими каменьями, съ превосходнымъ виномъ. На посольскій столъ поданы три большія круговыя братины: онѣ были такъ велики, что едва было подъ силу подносить ихъ ко рту. Во время стола звонили во всѣ колокола кремлевскихъ церквей. Возвратный путь пословъ былъ освѣщенъ плошками и смоляными бочками. Впереди посольства несли фонари и факелы. Обѣдавшихъ во дворцѣ было 1000 человѣкъ.

Церковный бытъ Москвы завершился въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича учрежденіемъ патріаршества. Могущественное царство Русское имѣло цвѣтущую церковь, коей невмѣстно было составлять часть Константинопольскаго патріархата, находившагося въ упадкѣ подъ властью



Патріаршая процессія въ Вербное воскресенье.

турокъ и еще недавно показывавшаго въ дѣлѣ уніи уступчивость папизму.

Прибывшему въ это время въ Москву за милостыней Цареградскому патріарху Іереміи было предложено царемъ стать Всероссійскимъ патріархомъ. Ему была устроена въ Кремлѣ торжественная встрѣча. Первосвятитель Греческой церкви въѣхалъ въ городъ на осляти, а за нимъ ѣхали на лошадяхъ митрополитъ Мальвазійскій Іерофей и архіепископъ Элассонскій Арсеній. Царь принялъ патріарха въ Золотой палатѣ и посадилъ его по правую руку отъ своего трона. При этомъ Іеремія поднесъ Ѳеодору Іоанновичу хранимыя теперь въ Успенскомъ соборѣ частицы животворящаго креста, крови и ризы Христовой и части отъ терноваго вѣнца Спасителя, частицы мощей Константина Равноапостольнаго и св. Іакова, а царицѣ Иринѣ—золотую панагію съ мощами Іоанна Златоуста.

Какъ извѣстно, Іеремія посвятилъ въ патріархи Всероссійские митрополита Іова. Это священнодѣйствіе совершено было съ особенною торжественностью, хотя обряды и совпадали съ поставленіемъ нашихъ митрополитовъ. Патріархъ Іовъ, послѣ своего поставленія, совершилъ въ нашемъ первопрестольномъ соборѣ литургію, вмѣстѣ съ Цареградскимъ патріархомъ. По окончаніи обѣдни царь возложилъ на святѣйшаго патріарха Іова драгоцѣнный крестъ съ животворящимъ древомъ, бархатную мантію съ «источниками», низанными жемчугомъ, и бѣлый клобукъ съ крестомъ, затѣмъ онъ подалъ ему жезлъ св. Петра митрополита и поздравилъ его «отцемъ отцевъ и патріархомъ всѣхъ сѣверныхъ земель». Послѣ этого, было пропѣто многолѣтіе царю и патріархамъ Цареградскому и Московскому. Оба они въ это время сидѣли на каѳедрѣ рядомъ съ трономъ царя. Послѣ этого Іовъ объѣхалъ на осляти вокругъ Кремля,

окропляя его стѣны святою водою. Выше мы воспроизвели позднѣйшій, впрочемъ, рисунокъ Олеарія, изображающій патріаршую процессію въ Вербное воскресенье въ Іерусалимъ, или храмъ Василія Блаженнаго. Патріархи въ этотъ день обѣдали у государя.

Царевичъ Димитрій.

Патріархъ Іеремія прожилъ въ Москвѣ до мая 1587 года и уѣхалъ въ Царьградъ, щедро награжденный драгоцѣнными кубками, ковшами, жемчугомъ, шелковыми тканями, соболями и деньгами. Царь Ѳеодоръ написалъ грамоту султану, убѣждая его не тѣснить православныхъ и далъ 1,000 руб. и 2,000 венгерскихъ золотыхъ на построеніе новаго патріаршаго храма въ Константинополѣ. Восточные патріархи особой грамотой подтвердили учрежденіе патріаршества въ Москвѣ, значеніе коей еще болѣе поднялось въ Россіи и на всемъ востокѣ, гдѣ православіе находилось въ упадкѣ.

Мы минуемъ другія событія этого царствованія, даже отмѣну Юрьева дня, или прикрѣпленіе крестьянъ, потому, что они не скоро еще оказали воздѣйствіе свое на бытъ Москвы.

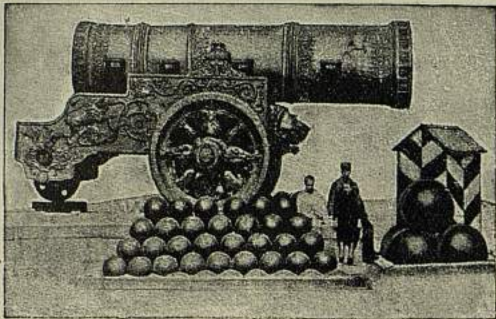
Для нея, какъ источникъ потрясеній и всего смутнаго времени, имѣло ближайшее значеніе убіеніе царевича Димитрія въ Угличѣ и смерть самого Ѳеодора Іоанновича, прекратившія ту династію, которая правила Россіей болѣе семи вѣковъ.

Тяжкій вопросъ созданія достойной Русскаго царства новой династіи едва не погубилъ великое, строившееся съ такимъ громаднымъ трудомъ и кровавымъ пòтомъ государство и его столицу Москву.

Ѳеодоръ Іоанновичъ долго былъ бездѣтенъ. У царицы Ирины родилась дочь Ѳеодосія, но она скончалась десяти мѣсяцевъ. Чрезъ пять лѣтъ послѣ этого, въ 1597 году, царь Ѳеодоръ заболѣлъ, а въ Крещенье 1598 года стало ясно, что болѣзнь его смертельна. Патріархъ Іовъ подошелъ тогда къ умирающему и спросилъ его: «Государь, кому приказываешь царство, насъ сирыхъ и свою царицу?» Ѳеодоръ отвѣчалъ: «во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ; какъ Ему угодно, такъ и будетъ; и въ царицѣ моей воленъ Богъ; а какъ ей жить, объ этомъ у насъ улажено».

На другой день, 7-го января, царь скончался. Народъ глубоко горевалъ объ его смерти, любя его за доброту и благочестіе и приписывая миръ и тишину при немъ Божьему благоволенію. Тѣло Ѳеодора Іоанновича было положено въ гробъ и вынесено въ Архангельскій соборъ. Вдовствующая

царица своей неутѣшной скорбью вызывала общее сочувствіе. На другой день, 8-го января, было совершено погребеніе. Всѣ присутствовавшіе громко рыдали, и духовенство нѣсколько разъ прерывало службу; царя Θеодора положили рядомъ съ его Грознымъ отцомъ.



Царь—пушка.

IX.

При Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ.

По смерти Ѳеодора Іоанновича, послѣдняго представителя царствовавшей династіи св. Владиміра, начинается для Москвы и для всей Россіи смутное время, длившееся до избранія въ 1613 году на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Эти пятнадцать лѣтъ, особенно тяжкія въ періодъ междуцарствія, въ пору нашего лихолѣтья, едва не погубили всего того, что создала для себя Россія и Москва въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ своей страдной работы, и едва не обратили самую нашу столицу въ тотъ незначительный городъ Суздальской области, какимъ она вышла изъ рукъ своего основателя,—великаго князя Юрія Долгорукаго.

Какъ ни важна въ политическомъ и національномъ отношеніи эта эпоха, какъ ни обильна она глубоко-драматичными моментами, она въ исторіи Москвы, имѣетъ скорѣе отрицательное чѣмъ положительное значеніе.

Сущность и происхожденіе смуты заключались въ томъ, что Россія пыталась на мѣсто угасшей династіи св. Владиміра создать новую; въ качествѣ основателей новаго царствующаго дома выступали Годуновъ и Шуйскій. Когда для перваго шапка и бармы Мономаховы оказались непосильно тяжелыми, явился мнимый, самозванный возстановитель старой династіи—Лжедимитрій I, который сталъ орудіемъ порабощенія Россіи польщизной и папизмомъ. Но и второй династъ, т.-е. князь Шуйскій, оказался не сильнымъ основать новый царствующій домъ и былъ поколебленъ въ своемъ положеніи другимъ самозванцемъ Лжедимитріемъ и поляками. Смута расшатала все до такой степени, что ея орудіемъ становится даже не даровитый и энергическій человѣкъ, какимъ былъ первый самозванецъ, но темная во всѣхъ отношеніяхъ личность, названная народомъ «воромъ тушинскимъ».

Низложеніе же Шуйскаго поставило Россію подъ тяжкій вопросъ: стать ли ей изъ Русскаго царства польской или шведской провинціей, подъ властью ли Сигизмунда III, или Густава Адольфа? Но то ли, или другое западное владычество было для насъ страшнѣе ига монгольскаго: ибо это оставляло нетронутыми ни вѣру нашу, ни государственность, ни національность. Подъ тяжкой же пятой надменныхъ западныхъ сосѣдей своихъ тогда еще не окрѣпшая Россія потеряла бы все, что она самобытнымъ органическимъ творчествомъ создала себѣ и что составляетъ ея всемірно-историческую личность.

Слѣдя за исторіей собственно Москвы, какъ города, въ это тяжелое время, мы не станемъ говорить подробно о смутѣ, разыскивать, какіе общественные элементы болѣе виновны въ ней: многія проявленія ея мы оставимъ въ сторонѣ, частію какъ общеизвѣстныя, частію какъ имѣющія общеисторическое значеніе.

Воля Божія, коей поручалъ Россію царь Ѳеодоръ, не благоизволила найти для себя орудіе промышленія о ней въ Борисѣ Годуновѣ, хотя онъ обладалъ и умомъ, и богатствомъ, и опытностью въ государственномъ управленіи, пріобрѣтенной при Грозномъ и особенно при Ѳеодорѣ. Не помогли Годунову ни патріархъ Іовъ, ни избраніе земскимъ соборомъ, ни щедрая благотворительность, по отношенію къ народу, удержаться на престолѣ: тяжелы были для Бориса шапка и бармы Мономаха потому, что ножемъ убійцы проложилъ онъ себѣ кровавый путь къ престолу.

Мы не станемъ описывать, какъ отрекался Борисъ отъ избранія своего на престолъ предъ патріархомъ и народомъ московскимъ, а потомъ и земскимъ соборомъ. Въ этихъ выборныхъ махинаціяхъ и ихъ сценичной обстановкѣ видна была тенденція получше обставить себя въ незаконно пріобрѣтенномъ положеніи. Неправедность способа въ достиженіи верховной власти слышалась и при коронованіи Годунова, который, при требующемъ безмолвнаго сознанія великомъ актѣ, изливался, если не въ искреннихъ, то, во всякомъ случаѣ, въ нервозныхъ обѣщаніяхъ, что при немъ не будетъ нищихъ и убогихъ и т. д. При этомъ Годуновъ брался за воротъ своей рубашки. Коронованіе Бориса было совершено патріархомъ въ новый годъ, 1 сентября 1598 года. Въ память своего восшествія на престолъ Борисъ построилъ церковь Симеона Столпника за Яузой.

Въ это время Годунову было сорокъ семь лѣтъ, и онъ былъ полонъ жизни и силъ: высокій ростомъ, плотный, плечистый, круглолицый, съ черными волосами и бородой, онъ имѣлъ внушительный видъ и величавую осанку; глаза его внушали страхъ и повиновеніе.

До насъ дошло нѣсколько его портретовъ, сдѣланныхъ, впрочемъ, иностранцами за границей. Сомнѣнія нѣтъ, что въ нихъ не мало фантастическаго, ибо сниманіе портретовъ съ нынѣшними сеансами было, конечно, не въ ходу на тогдашней Руси. Но все-же иностранцы, коими всегда любилъ окружать себя Годуновъ, должны были хорошо знать его лицо. Мы раньше воспроизвели изъ «Русской Иконографіи» Ровинскаго портретъ Бориса, сдѣланный, замѣтно, въ ту пору, когда онъ былъ еще только бояриномъ. Отъ этого портрета, при всѣхъ возможныхъ его неточностяхъ,

Борисъ Θеодоровичъ
Годуновъ.
По Титулярнику.

до нѣкоторой степени вѣетъ правдою. Онъ былъ напечатанъ за границей въ книгѣ Кевенгюллера. Изъ русскихъ портретовъ мы имѣемъ иконнаго характера изображенiе Годунова въ извѣстной книгѣ «Титулярникъ».

Борисъ умно и дѣятельно правилъ государствомъ: довершилъ покоренiе Сибири, основалъ въ ней города: Томскъ, Туринскъ, Верхотурье и друг.; строилъ новые города въ Россiи; заботился о народной нравственности, преслѣдуя пьянство и кабаки, коихъ немало, подъ именемъ кружалъ, было въ Москвѣ; вызывалъ изъ-за границы разныхъ техниковъ, въ особенности лѣкарей и аптекарей; задумалъ вызвать въ Россiю изъ Францiи, Англiи и Германiи образованныхъ людей для заведенiя у насъ школъ съ иностранными языками. Но, когда этому воспротивилось духовенство, онъ отправилъ для этой цѣли 18 дворянъ за границу. Но тѣ, прижившись тамъ, не возвратились на родину. Онъ далъ прекрасное образованiе своему сыну Θеодору и дочери Ксенiи. Въ Москвѣ продолжали развиваться разныя мастерства; серебряное, напримѣръ, дѣло велось очень успѣшно; у Бориса была громадная масса серебряной посуды русскаго, а не иностраннаго дѣла *).

Онъ обстраивалъ Москву новыми зданiями. Такъ, для того, чтобы дать

*) По словамъ Маржерета, во время похода Бориса противъ Крымскихъ татаръ къ Серпухову, въ станѣ новаго царя угощали подъ шатрами ежедневно, въ теченiе шести

народу въ голодные годы заработки, выстроилъ для себя большія каменныя палаты, гдѣ предъ этими были хоромы царя Ивана. Эти палаты существовали до XVIII столѣтія и стояли противъ Чудова монастыря, гдѣ теперь Кремлевскія казармы.

Но главнымъ памятникомъ Борисова зодчества въ Москвѣ былъ Иванъ Великій, превысившій всѣ зданія Россіи и долго соперничавшій съ самыми высокими зданіями за границей. Эта грандіозная колокольня строилась для того, чтобы дать въ голодное время населенію заработокъ и упрочить въ далекихъ поколѣніяхъ славу Бориса и Годуновской династіи. Надпись подъ золоченой главой Ивана Великаго гласитъ: «Изволеніемъ Св. Троицы повелѣніемъ великаго государя, царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца, и сына его, благовѣрнаго великаго государя царевича великаго князя Ѳеодора Борисовича всея Россіи, храмъ совершенъ и позлащенъ во второе лѣто государства ихъ 108 (1600) года». Въ высоту колокольня съ крестомъ имѣетъ 46½ саженей. Царь приказалъ отлить громадный колоколъ въ 10,000 пудовъ, который былъ перелитъ впослѣдствіи въ Царь-колоколъ. Въ настоящее время весь звонъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ состоитъ изъ 34 колоколовъ и вѣситъ 16,000 пудовъ.

Но ничто не могло упрочить на царствѣ Бориса и его родъ. Москву и Россію начали посѣщать бѣдствія: въ 1601 году начался страшный трехлѣтній голодъ. По словамъ Маржерета, мѣра хлѣба съ 15 копѣекъ повысилась въ цѣнѣ до 3 рублей.

Чѣмъ больше Борисъ помогалъ народу раздачей денегъ и хлѣба, тѣмъ больше приходило съ разныхъ сторонъ въ Москву голодающихъ. Здѣсь начались грабежи и убійства изъ-за куска хлѣба; люди стали питаться нечистыми животными, даже падалью и человѣческими трупами. Начался моръ, уносившій десятками тысячъ людей. За это время въ Москвѣ умерло, по однимъ сказаніямъ, 120,000 народу, а по другимъ—до полумилліона. «У народа,—говоритъ Авраамій Палицынъ,—явилась мысль, что беззаконія Бориса навлекаютъ бѣдствія на его народъ». Смутно стало на душѣ царя и народа...

Въ самой природѣ замѣчались какія-то зловѣщія явленія, наводившія на всѣхъ страхъ. Иностранецъ Беръ говоритъ, что по ночамъ на небѣ видны были огненные столбы, которые, сталкиваясь между собою, какъ будто вели битвы. Иногда всходили двѣ или три луны сразу. Бури низвергали колокольни и ворота; рождалось множество уродовъ; появилась масса волковъ; въ самую Москву стали, чего не бывало прежде, забѣгать чернобурыя лисицы. Подъ Москвой поймали большого орла. Наконецъ, появилась комета съ большимъ хвостомъ. Напуганный Борисъ призвалъ къ себѣ одного старика-иностранца и спрашивалъ, что она вѣщаетъ; тотъ сказалъ: «тебѣ грозитъ великая опасность».

Разсказываютъ, что смущенный Борисъ сталъ ходить къ колдуньѣ,

---

недѣль, 10.000 служилыхъ людей на массивной серебряной посудѣ русской работы. Тутъ были громадныя яндовы изъ серебра, кои ставили на столы четверо прислужниковъ, серебряные боченки по нѣскольку ведеръ вмѣстимостью и проч.

Колокольня
Ивана
Великаго.

извѣстной подъ именемъ Елены юродивой, жившей въ землянкѣ. Однажды она принесла въ свою пещеру бревно и позвала священника служить надъ нимъ панихиду, предвѣщая этимъ Борису кончину.

Борисъ омрачился и ожесточился. Всюду стали ему чудиться измѣна и крамола. Вездѣ распространились доносчики и шпіоны. Пошли опалы, заточенія и даже тайныя казни. Подъ вліяніемъ подозрительности, Борисъ велѣлъ нѣмцу-хирургу выщипать Бѣльскому, прежнему своему другу, бороду по волоску, а затѣмъ сослалъ его въ заточеніе въ одинъ изъ Низовыхъ городовъ. Скоро открылись, къ великому огорченію народному, гоненія на неповинныхъ бояръ Романовыхъ, стоявшихъ чрезъ царицу Анастасію въ родствѣ съ угасшимъ царскимъ родомъ и въ большой близости къ престолу. Они были отправлены въ заточеніе въ разные отдаленные города. Особенно тяжкимъ сдѣлано было положеніе наиболѣе царственнаго изъ Романовыхъ Ѳеодора Никитича, котораго, какъ говорили, хотѣлъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. Онъ отличался

Печать Бориса Годунова.

царственной красотой, умомъ и высокимъ благородствомъ своего характера. Всѣ чувствовали на себѣ его обаяніе и особенно любовались имъ, когда онъ ѣздилъ верхомъ. Этого-то боярина и его супругу Борисъ велѣлъ постричь въ монашество и отправилъ въ заточеніе на сѣверъ, но ничто не помогало.

Самъ царь и народъ въ тяжкомъ предчувствіи ждали страшной грозы, и она скоро воплотилась въ самозванцѣ, въ коемъ возникло орудіе кары убійцѣ царевича-отрока и средоточіе всего недовольства противъ похитителя престола. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лжедимитрій сталъ орудіемъ польщизны и іезуитскаго папизма для порабощенія русскаго православнаго царства.

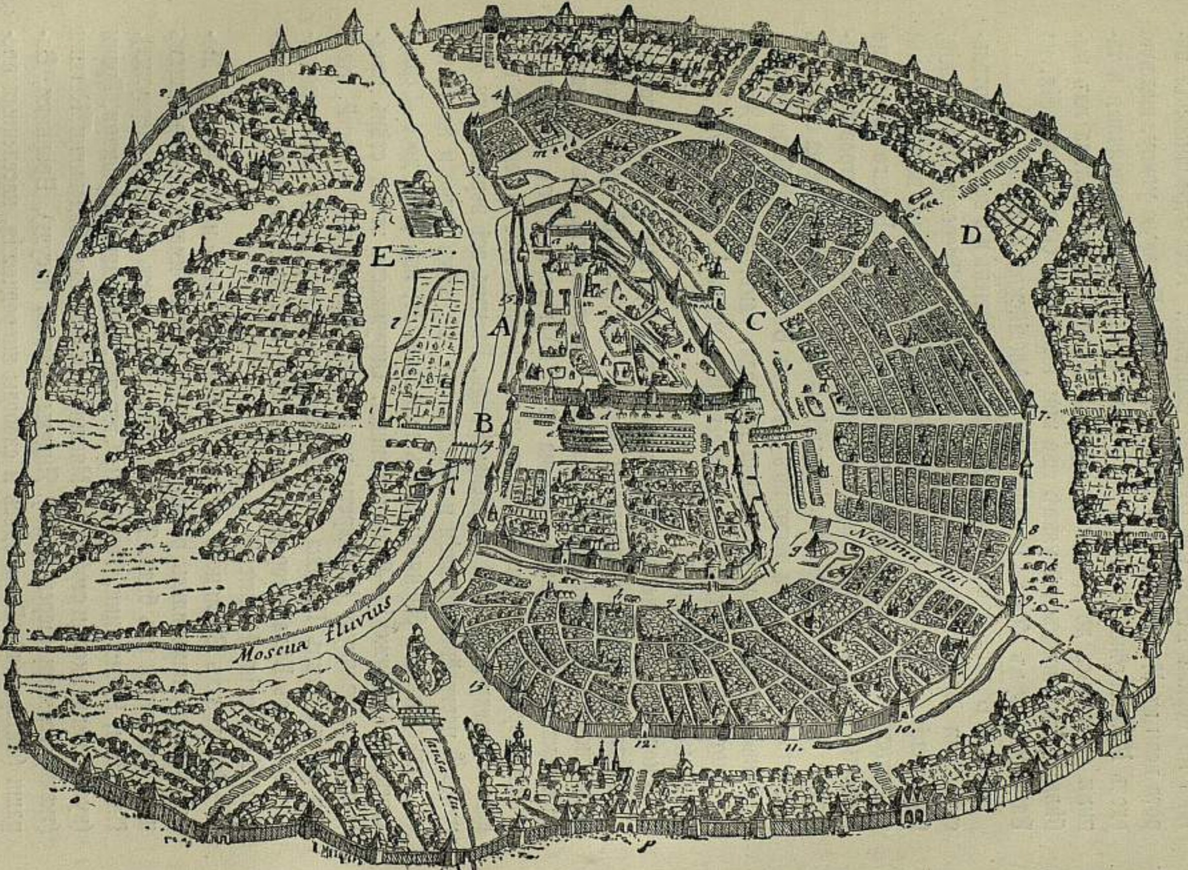
Мы не станемъ пересказывать извѣстные факты о появленіи самозванца, о житьѣ его въ Чудовомъ монастырѣ и т. д. Его сила заключалась не въ немъ самомъ и даже не въ польской поддержкѣ, а въ слабости Бориса, въ той смутѣ, которая крылась въ его душѣ, запятнанной неповинной царственной кровью. Эта смута охватила и весь народъ русскій. «Шатость» въ умахъ, сомнѣніе, не поднять бы рукъ противъ законнаго и прирожденнаго своего царя, въ защиту похитителя вѣнца Мономахова, лишала всѣхъ рукъ для борьбы съ дерзкимъ пройдохой. Эти «шатость и колебанія» причиняли Борису глубочайшія волненія и дѣлали неизбѣжною его трагическую гибель.

Царствованіе Бориса Годунова важно для насъ и потому, что отъ него дошли до насъ важные для изученія топографіи Москвы два плана, кои свидѣтельствовали, что основной типъ ея уже сложился и въ послѣдующее время испытывалъ только второстепенныя измѣненія.

Первый изъ этихъ плановъ начерченъ Ѳеодоромъ Борисовичемъ и воспроизводился въ XVII столѣтіи въ амстердамскихъ изданіяхъ иностранныхъ сочиненій о Россіи; онъ представляетъ намъ Москву въ чертѣ Земляного города, или вала, который совпадаетъ съ нынѣшней Садовой улицей. Правда, этотъ планъ далеко несовершенъ и сдѣланъ безъ соблюденія масштаба, но очевидно онъ снятъ съ натуры и опредѣляетъ положеніе всѣхъ стѣнъ, окружавшихъ Кремль, Китай, Бѣлый и Земляной городъ, а также взаимное отношеніе нѣкоторыхъ улицъ. Основной недостатокъ этого плана заключается въ расширеніи Кремля и Китай-города въ ущербъ остальному и въ приданіи земляному валу овальной формы вмѣсто круглой. Здѣсь буквой А обозначенъ Кремль, В—Китай-городъ, С—Бѣлый-городъ, D—Земляной городъ, Е—Замоскворѣчье. На планѣ показаны: Москва-рѣка, Неглинная и Яуза. Составленіе этого плана относится ко времени до 1605 года, когда былъ убитъ Ѳеодоръ Борисовичъ.

На этомъ планѣ не трудно уже разсмотрѣть нѣкоторыя главнѣйшія подробности топографіи Москвы. Въ Китай-городѣ уже намѣчаются три главныхъ улицы: Никольская, шедшая до такъ называемыхъ Срѣтенскихъ

Планъ Москвы
въ Годуновское
время.



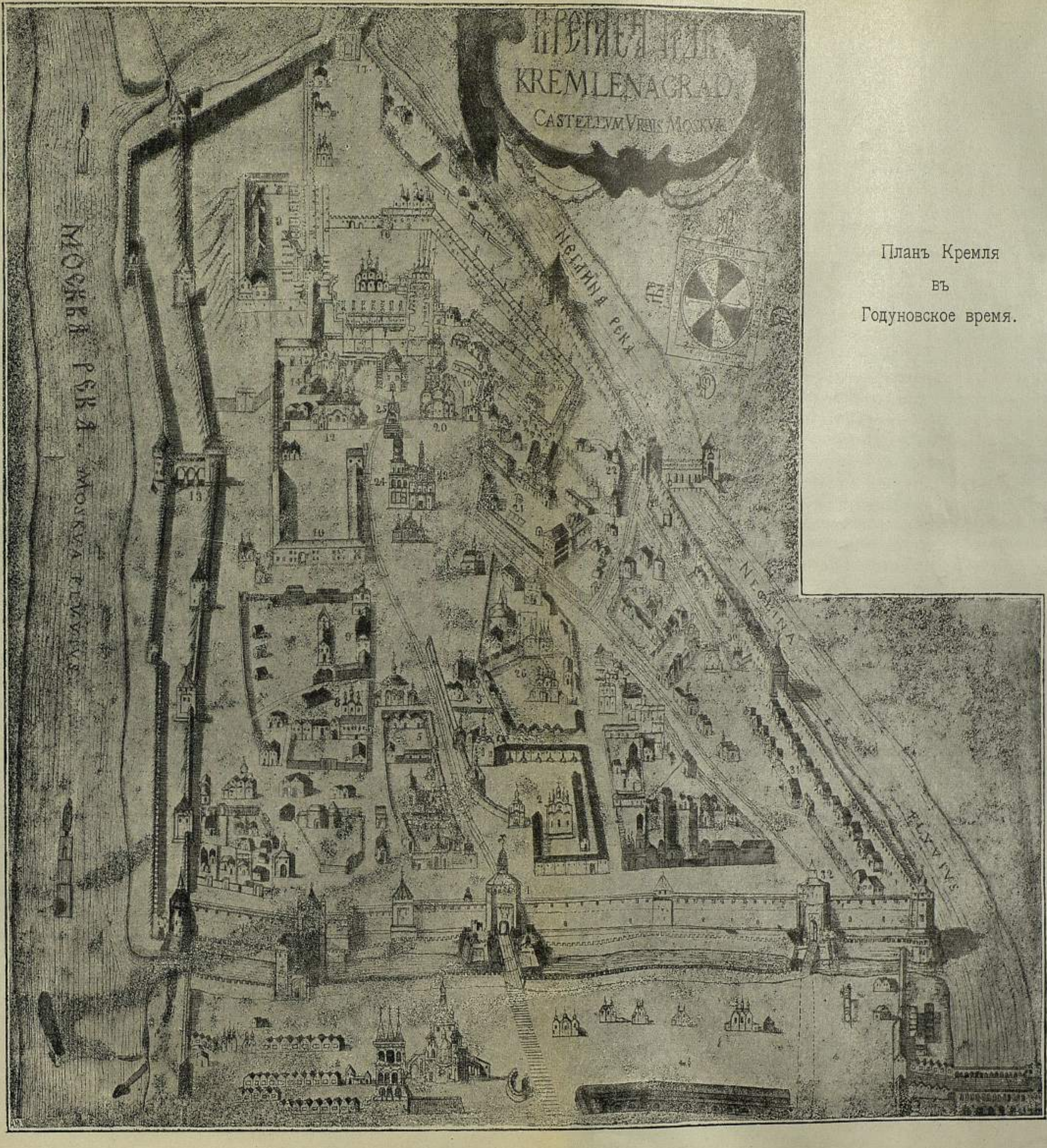
(теперь Никольскихъ) воротъ, Троицкая, со временъ Алексѣя Михайловича—Ильинка, Варварка, шедшая до Всѣсвятскихъ воротъ, названныхъ такъ по церкви Всѣхъ Святыхъ (на Солянкѣ). Косьмодаміановскія ворота вели къ Москвѣ-рѣкѣ на такъ называемую Великую улицу, шедшую вдоль Москвы-рѣки. Стѣны Китай-города были красныя кирпичныя и такими оставались до правленія царевны Софьи, которая велѣла ихъ выбѣлить. На Никольской улицѣ еще при Іоаннѣ IV была типографія, на Варваркѣ, домъ бояръ Романовыхъ и Англійское подворье.

Стѣна Бѣлаго, или Царь-города, имѣла 28 башенъ и 9 воротъ: Чертольскія, или Пречистенскія, Арбатскія, Никитскія, Тверскія, Петровскія, Срѣтенскія, Мясницкія, Покровскія и Яузскія. Къ этимъ воротамъ вели соотвѣтствующихъ названій улицы. Ворота и стѣны Бѣлаго города по ветхости были разобраны при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Екатерина II приказала заровнять и шедшій вокругъ стѣнъ ровъ и на его мѣстѣ устроить бульвары. При постройкѣ стѣнъ въ Бѣломъ городѣ было не мало свободныхъ мѣстъ, кои образовали площади, какъ, напримѣръ, Житную (въ Охотномъ ряду), гдѣ былъ Моисеевскій монастырь, Коневскую, между Варваркой и Ильинкой.

Скородомъ (отъ легкихъ, скорыхъ построекъ), или Земляной городъ, представлялъ кругъ неправильной формы, охватывавшій самую Москву, за исключеніемъ подмосковныхъ слободъ и селъ. Одинъ изъ спутниковъ германскаго посла Марка Воркоча (1593 г.) говоритъ, что деревянныя стѣны Скородома были очень толсты и имѣли множество башенъ, что придавало городу величавый и красивый видъ. Въ немъ всѣ ворота были одинаковой постройки, большія и красивыя, и всѣ, какъ видно и на планѣ, съ трехконечными башнями; всѣхъ ихъ было 34; изъ нихъ двое—Серпуховскія и Калужскія—были каменныя. Окружность этихъ стѣнъ представлялась французу Маржерету, во времена Лжедмитрія, большей, чѣмъ окружность стѣнъ Парижа. Нѣкоторыя ворота, къ коимъ вели продолжавшіяся изъ Бѣлаго города улицы, носили ихъ названія, какъ Чертольскія, Арбатскія, Никитскія и т. п.

Въ стѣнахъ Земляного города, включая въ него и Зарѣчье, за Москвой-рѣкой, находились разныя слободы, давшія имена ихъ урочищамъ и опредѣлявшія ихъ бытъ. Таковы: Могильцы (близъ Мертваго переулка), Плотники, Кречетники, Трубники, Сторожи, Воротники, Пушкари, Грачи (куски свинца, коими стрѣляли), Мясники, Огородники, Садовники, Каташи (ткачи), Толмачи (переводчики), Яндовы (мѣдная посуда), Бронники, Бараши (шатерники). Были здѣсь и слободы инородческія, населенныя преимущественно татарами, какъ Татарская слобода, Балчугъ, Таганка, Ордынка, въ Наливкахъ жили выходцы съ запада и т. д. За Землянымъ городомъ шли уже села, скоро обратившіяся въ слободы и вошедшія въ составъ города, какъ Напрудское, Елохово, Рубцово, Образцово и другія. Эти селенія впослѣдствіи были замкнуты новымъ, болѣе обширнымъ концентрическимъ кругомъ,—Камеръ-коллежскимъ валомъ.

Этотъ общій топографическій обзоръ Москвы можетъ быть пополненъ подробнымъ планомъ Кремля, относящимся ко времени Годуновыхъ. Онъ



План Кремля

въ

Годуновское время.

напечатанъ былъ въ XVII столѣтiи въ Geographie Blaviane, изданной въ Амстердамѣ. Надпись на этомъ планѣ показываетъ, что онъ посвященъ царю Алексѣю Михайловичу, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ составленъ «подъ державой царя Бориса Θеодоровича». Такъ какъ на планѣ этомъ имѣется колокольня Ивана Великаго, то онъ составленъ въ промежутокъ времени отъ 1600 года по 1605 годъ. В. Е. Румянцевъ, въ изданiи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: «Видъ Кремля въ самомъ началѣ XVII вѣка», говоритъ: «этотъ видъ Кремля, ревнѣйшiй, послѣ фантастическаго вида Герберштейна, превосходитъ другiе, позднѣйшiе, и своимъ размѣромъ и болѣе подробнымъ указателемъ мѣстъ и строенiй и тщательной вырисовкой предметовъ, которая даетъ понятiе о самой фигурѣ зданiй съ мелкими подробностями ихъ архитектурной отдѣлки.

Подъ цифрами: 1) поставлены Фроловскiя, впослѣдствiи Спасскiя ворота, 2) Вознесенскiй монастырь, 3) дворъ Θ. И. Шереметева, 4) Кирилло-Бѣлозерское подворье (съ церковiю Аθанасiя и Кирилла), 5) Крутицкое подворье, 6) Ховринъ дворъ (каменныя палаты построены въ 1485 г.), 7) Разбойный приказъ. Цифра на планѣ, къ сожалѣнiю, пропущена; 8) дворъ князя Сицкаго съ палатами и какой-то церковью, 9) дворъ князя Θ. И. Мстиславскаго съ одноглавой церковью, выходящей на Ивановскую площадь, 10) приказы—двухъярусное строенiе въ видѣ буквы П; отъ нихъ идетъ къ дворцу зубчатая стѣна, 11) Посольскiй приказъ, 12) Архангельскiй соборъ, 13) Тайницкiя ворота, 14) Казнохранилище царя, 15) Благовѣщенскiй соборъ, 16) Царскiй дворъ.

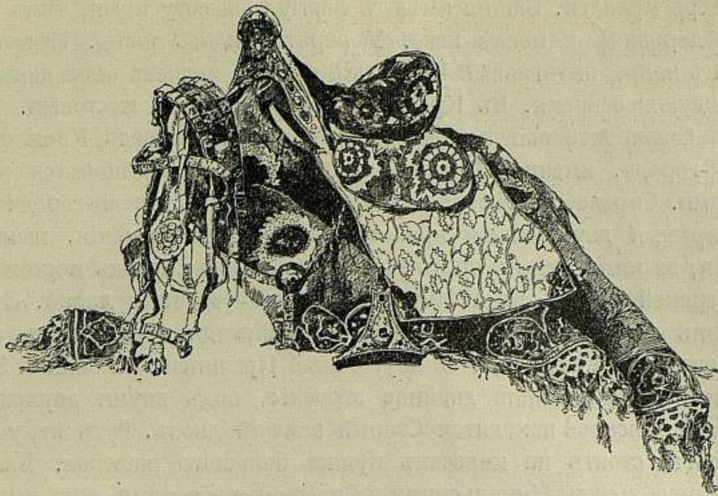
Зданiя на самомъ царскомъ дворѣ изображены здѣсь въ слѣдующемъ видѣ. Между Благовѣщенскимъ соборомъ и Грановитою палатой, къ западу отъ нихъ, показана чертами Средняя или Большая Золотая палата, построенная въ началѣ XVI вѣка. Передъ нею выступъ, или Красное крыльцо, на которое ведутъ съ соборной площади три лѣстницы: одна къ сѣверной паперти Благовѣщенскаго собора, другая, средняя, передъ входомъ въ сѣни Золотой палаты, и третья у южной стѣны Грановитой палаты (см. ниже картину изъ книги: «Избранiе и вѣнчанiе на царство Михаила Θеодоровича»). За Среднею палатою, внутри двора, противъ алтарей Спасо-Преображенскаго собора, находится столовая изба, подъ двумя четырехскатными крышами, построенная на кружалахъ, или аркахъ, опирающихся на столбахъ. Грановитая палата, сооруженная фряжскими архитекторами Маркомъ и Петромъ Антонiемъ въ 1491 году, выдвигается во всю длину на соборную площадь. Подлѣ нея, къ сѣверу, показана контуромъ Золотая палата, меньшая, подъ двухскатною крышею, перестроенная или вновь выстроенная, вѣроятно, при царѣ Θедорѣ Ивановичѣ для его супруги—Ирины. У сѣвернаго угла этой палаты стоитъ двухглавая церковь, съ закомарами на крышѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ въ нынѣшнемъ дворцѣ находится церковь великомученицы Екатерины. Позади меньшей Золотой палаты простирается къ западу продолговатое четыреугольное зданiе, на которомъ, при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, въ 1635 и 1636 годахъ, надстроенъ нынѣшнiй теремъ. Оно примыкаетъ къ пятиглавой церкви

Рождества Богородицы, съ придѣломъ св. Лазаря, сооруженной фрязиномъ Алевизомъ, въ 1514 году. У сѣверной стѣны этого зданія находятся: крыльцо съ лѣстницею, спускающеюся подлѣ стѣны на западъ, къ церкви Рождества Богородицы, и небольшія пристройки, соединенныя съ длиннымъ одноэтажнымъ строеніемъ, идущимъ на сѣверо-западъ. За церковью Рождества Богородицы, далѣе на западъ, показаны продольными линіями какія-то постройки, простирающіяся до внутренняго угла большого строенія съ тремя надстройками, подъ двухскатными крышами, которое протягивается отсюда по направленію къ Троицкимъ воротамъ, но, не доходя до нихъ, поворачиваетъ на юго-востокъ подлѣ Троицкаго подворья. Затѣмъ царскій дворъ граничитъ съ Царе-Борисовскимъ дворомъ и съ дворомъ патріаршимъ.

По другую сторону западныхъ дверей Благовѣщенскаго собора, на югъ, къ Москвѣ-рѣкѣ, выступаетъ двухъярусная палата, подъ двухскатною крышей, обращенная своею длинною лицевою стороною на востокъ, а за нею простирается на западъ палата большаго размѣра, также подъ двухскатною крышей (см. Избр. и вѣнч. на царство Михаила Ѳеодоровича). Это—двѣ Набережныя палаты: одна малая, а другая большая, вѣроятно, та самая, которую, по повелѣнью великаго князя Ивана Васильевича, основалъ Марко Руфъ фрязинъ, въ 1487 году («на великаго князя дворѣ, гдѣ теремъ стоялъ»). Позади Набережной палаты находится Срѣтенскій пятиглавый соборъ, построенный второй разъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, на взрубѣ, въ 1560 году; подъ нимъ видны, съ обѣихъ боковыхъ сторонъ, кружала или арки на столбахъ. За Срѣтенскимъ соборомъ, далѣе на западъ, означены чертами строенія, составляющія продолговатый четыреугольникъ, отъ которыхъ идетъ зубчатая стѣна, примыкающая къ кремлевской близъ Боровицкихъ воротъ; эта стѣна построена Алевизомъ въ 1499 году. Отъ тѣхъ же строеній простирается другая зубчатая стѣна на сѣверъ, съ воротами и калиткою посрединѣ ея, ограждающая царскій дворъ съ запада, и примыкаетъ къ большому строенію, съ тремя верхними надстройками, подъ двухскатными крышами, о которомъ упомянуто выше. Посреди этого двора стоитъ Спасо-Преображенскій соборъ, называвшійся въ XVII столѣтіи Спасъ на дворцѣ, т.-е. на дворикѣ царскаго двора; это—Спасъ-на-Бору.

Подъ лит. а) показаны новыя постройки на царскомъ дворѣ. Онѣ занимаютъ четыреугольное пространство на южномъ выступѣ кремлевской горы, противъ конца Большой Набережной палаты, Срѣтенскаго собора и находящихся на западъ отъ него строеній. Здѣсь царь Иванъ Васильевичъ, еще въ 1560 году, «дѣтямъ своимъ повелѣ дѣлати дворъ особный на взрубѣ, позади Набережной большой палаты, и на дворѣ у нихъ храмъ большой Срѣтеніе». Царь Борисъ Ѳеодоровичъ въ 1601 и 1602 гг., во время голода, «повелѣ дѣлати каменное дѣло многое, чтобы людемъ питатися, и сдѣлаша каменныя палаты большія на взрубѣ, гдѣ были царя Ивана хоромы». Вѣроятно двѣ большія каменныя палаты Борисовы и изображены тутъ на окраинахъ южнаго выступа кремлевской горы, съ особымъ дворомъ, съ котораго лѣстница о двухъ всходахъ ведетъ вверхъ, по на-

Сѣдельный приборъ Бориса Годунова.



правленію къ западнымъ дверямъ Срѣтенскаго собора. Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ былъ набережный Красный садъ. Обращаемся къ дальнѣйшему обозрѣнію плана Кремля; на немъ обозначены подъ цифрами:

17) Боровицкія ворота. Здѣсь, кромѣ двухъ зданій, ближе къ дворцу, намѣчена двуглавая церковь Іоанна Предтечи, древнѣйшая въ Москвѣ. Она вначалѣ, по словамъ лѣтописи, «бѣ древянная», каковой оставалась до Василія Темнаго, который построилъ здѣсь каменную церковь. 18) Каменный мостъ чрезъ Неглинную съ воротами, кои прежде назывались Богоявленскими (по храму), потомъ Куретными, а при Алексѣѣ Михайловичѣ—Троицкими, по Троицкому подворью. Предъ мостомъ башня—безъ готическаго верха, за мостомъ башня кутафья, покрытая шатровымъ верхомъ. 19) Дворъ патріарха, огибающій своею оградой съ воротами Успенскій соборъ съ сѣверо-западной стороны, по направленію къ церкви Положенія ризы Богоматери. Съ сѣверной стороны патріаршихъ палатъ видна одноглавая церковь. На востокѣ зданіе замыкается одноглавою церковью, обращенной алтаремъ на площадь, 20) Успенскій соборъ, 21) боярскій дворъ Бориса Годунова, 22) Троицкое подворье, мѣсто коего было подарено Дмитріемъ Донскимъ преподобному Сергію. Здѣсь показаны двѣ церкви—Богоявленія и преподобнаго Сергія, 23) Храмъ Рождества Христова, рядомъ съ колокольней, 24) Иванъ Великій, 25) Большой колоколъ на шатровой колокольницѣ, 26) Чудовъ монастырь, 27) дворъ Богдана Бѣльскаго, 28) дворъ Клешнинъ, 29) дворъ Семена Годунова, 30) дворъ Димитрія Годунова, 31) дворъ Григорія Годунова, 32) Никольскія ворота.

Чрезвычайно интересно пристальнѣе всмотрѣться въ этотъ планъ и произвести его транскрипцію въ большихъ размѣрахъ. Кремль представляется здѣсь въ видѣ неправильнаго треугольника; онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ не только стѣнами, но и водою: Москвы, Неглинной и особаго водяного рва. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ идетъ не одна стѣна, а двѣ и даже три. Большая стѣна покрыта двухскатной, не существующей

теперь кровлей. Башни имѣютъ форму и высоту иныя, чѣмъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и послѣ него. У воротъ видны мосты. Нѣкоторые храмы, какъ напр., пятиглавый Чудовскій соборъ, имѣютъ иной видъ, чѣмъ въ последующее время. Въ Кремлѣ были деревянныя мостовыя.

Очень любопытно изображеніе на планѣ передъ Кремлемъ части Китай-города, именно—Красной площади съ находящимися на ней строеніями. Справа, на сѣверной сторонѣ, въ стѣнѣ Китай-города возвышаются покрытыя двухскатной кровлей ворота Неглиненскія, нынѣ Воскресенскія; за ними виденъ чрезъ Неглинную мостъ; передъ мостомъ, со стороны Тверской улицы, по обѣимъ сторонамъ—торговыя лавки. Отъ Неглиненскихъ воротъ стѣна Китай-города, переходя черезъ ровъ, смыкается съ кремлевскою стѣною, у ея наугольной Неглиненской башни. Здѣсь, внутри Китай-города, видно двойное строеніе, подъ двумя двухскатными крышами: здѣсь же находится Старый земскій дворъ. Тутъ же, у Никольскихъ воротъ, стоитъ на колесахъ пушка большого размѣра. Далѣе, къ югу, «на рву», между Никольскими и Спасскими воротами, пять малыхъ церквей. Противъ нихъ, на противоположной сторонѣ Красной площади, съ востока, выдвигается передняя сторона каменныхъ торговыхъ рядовъ, построенныхъ въ 1596 году. За рядами, противъ Спасскихъ воротъ, видно Лобное мѣсто, обнесенное круглой оградой. Близъ него, «на рву» знаменитый Покровскій соборъ о девяти верхахъ. Соборъ изображенъ съ открытыми лѣстницами въ верхній ярусъ и съ главками вокругъ средняго шатроваго верха, какъ на рисункахъ Олеарія и Мейерберга, нынѣ уже не существующими. Подлѣ него трехъ-ярусная колокольница, покрытая тремя шатровыми верхами, въ которыхъ видны колокола. Далѣе, къ Москворѣцкимъ воротамъ,—четыре ряда торговыхъ лавокъ, въ которыхъ продавались сапоги. За этими лавками—двѣ небольшія церкви, вѣроятно, Николы Москворѣцкаго и Спаса Смоленскаго. Наконецъ, у Москвы-рѣки, въ стѣнѣ Китая намѣчены Москворѣцкія ворота также, какъ и Неглиненскія, подъ двухскатною крышей. Отъ нихъ стѣна идетъ черезъ ровъ и примыкаетъ къ Кремлю у Беклемишевской угловой башни...

Возвращаемся затѣмъ къ концу царствованія Годунова.

13 апрѣля 1505 года Борисъ Ѳеодоровичъ всталъ съ постели, повидимому, здоровымъ и казался бодрымъ и за обѣдомъ ѣлъ охотно и много. Послѣ обѣда онъ взошелъ на вышку, съ которой часто любовался Москвою; но вдругъ спустился оттуда и сказалъ, что ему дурно, что у него сильное колотье внутри. Бросились за врачомъ. Видно было, что приходилъ смертный часъ. У царя хлынула кровь изъ носа и ушей, и онъ упалъ безъ чувствъ. Прибѣжали патріархъ и духовенство, едва успѣли пріобщить умиравшаго; наскоро совершили надъ полумертвымъ обрядъ иноческаго постриженія и нарекли его Боголѣпомъ. На другой день его, безъ всякой пышности, похоронили въ Архангельскомъ соборѣ; но здѣсь недолго оставался въ покоѣ злосчастный царь. Лжедимитрій I приказалъ вытащить его тѣло изъ собора (чрезъ пробитую нарочито стѣну) и похоронить, вмѣстѣ съ сыномъ и женой, въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, что на Убогихъ домахъ. Но и здѣсь не оставили въ покоѣ несчастнаго праха Бориса: отсюда

онъ былъ переправленъ къ Троицѣ, гдѣ, разлученный отъ другихъ царей, пребываетъ и доселѣ. Но ему и не подобаетъ лежать подъ сводами того собора, гдѣ почіетъ св. Димитрій царевичъ.

Борисъ умеръ 55 лѣтъ. Предъ смертью ото всѣхъ несчастій онъ сильно посѣдѣлъ.

Приводимъ выше снимокъ съ золотой печати (буллы) царя Бориса, привѣшенной къ договору между Россіей и Даніей (1602 года). Примѣчательно, что въ титулѣ, выбитомъ на этой печати, Борисъ именуетъ себя самодержцемъ. Сохранилась и печать его сына Өеодора Борисовича, приложенная къ грамотѣ, хранящейся въ Вѣнѣ, въ королевскомъ архивѣ (1604 года).

X.

Москва въ смутное время при самозванцахъ, Василіи Шуйскомъ и въ междуцарствіе.

Наступившая великая смута, въ видѣ самозванщины, междуцарствія и польскаго владычества, имѣла значеніе въ нашей исторіи истребительнаго пожара, — испытанія русскаго народа и его созданій огнемъ. Этотъ пожаръ своимъ всепоражающимъ пламенемъ уничтожилъ, казалось, все—не только нечистое, но и чистое—и оставилъ изъ многовѣковой Россіи и Москвы только однѣ развалины, изъ коихъ готовились строить новое, уже не-русское зданіе поляки. Но подъ углемъ и пепломъ разрушенія таились живыя и зиждительныя силы, кои поднялись на пожарищѣ, чтобы изгнать изъ Русской земли ея новыхъ хозяевъ-властителей, чтобы возстановить Русское государство, ея столицу, весь нашъ бытъ. Нужно ли говорить, что эти силы заключались въ русской народности и въ нашей вѣрѣ православной?

Исторія Москвы въ эпоху нашего лихолѣтья была лѣтописью ея быстраго и прогрессивнаго разрушенія.

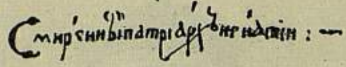
Низверженіе Годуновыхъ, со скоропостижною смертью Бориса и убіеніемъ Θеодора Борисовича, произошло не въ видѣ революціи, передающей верховную власть какому-либо изъ ея вождей, а въ видѣ возвращенія престола будто спасшемуся отъ смерти, его законному наслѣднику,— царевичу Димитрію. Чрезвычайно характерно, что даже противъ непра-

Лжедимитрій I.

Марина Мнишекъ.

ведно захватившаго власть Годунова можно было возмутить народъ только именемъ законнаго государя. И тѣ, кто подготовилъ самозванца, дѣйствовали съ тонкимъ разумѣніемъ государственнаго духа русскаго народа, чуждаго революціонному и анархическому.

Послѣ убіенія Ѳеодора и супруги Бориса Маріи и низверженія патріарха Іова, 20 іюня, въ чудный лѣтній день, 1605 года, вступилъ самозванецъ въ присягнувшую ему Москву. Народъ, вѣрившій, что это приходитъ истинный царь Димитрій, громадными толпами наполнилъ улицы и площади и покрылъ крыши домовъ и колокольни и радостно привѣтствовалъ новаго властителя, не подозрѣвая въ немъ похитителя престола. Вступленіе его въ Москву было необычайнымъ: впереди ѣхали польскіе латники, въ ихъ крылатыхъ шлемахъ и панцыряхъ, польскіе паны въ кунтушахъ и конфедераткахъ; вокругъ самозванца было много нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ; сзади же его шли русскіе бояре и русскіе полки. Лжедимитрій ѣхалъ на бѣломъ конѣ, въ великолѣпной одеждѣ, въ блестящемъ ожерельѣ цѣною во 150,000 червонныхъ. Звонъ колоколовъ сливался съ привѣтственными кликами народа; но уже чувствовалось что-то неладное. Когда самозванецъ выѣзжалъ изъ Москворѣцкихъ воротъ на Красную площадь, поднялся страшный вихрь; всадники едва усидѣли на лошадяхъ; колокола сами собою зазвонили у св. Софіи, что на набережной; покрытое тучами пыли шествіе остановилось. Народъ увидѣлъ въ этомъ недоброе предзнаменованіе. Кромѣ того, онъ былъ недоволенъ, что въ ту минуту, когда Димитрій, встрѣченный духовенствомъ, прикладывался къ образамъ на Лобномъ мѣстѣ, на Красной площади гремѣла музыка: трубы и литавры заглушали церковное пѣніе. Въ то время, какъ самозванецъ проявлялъ притворное волненіе предъ гробомъ Грознаго въ Архангельскомъ соборѣ, князь Василій Шуйскій уже говорилъ народу, что это—не истинный Димитрій, а самозванецъ, за что едва не поплатился головою, помилованный самозванцемъ уже на самой плахѣ.



Подпись патріарха Игнатія.

Трудно было держаться на престолѣ Лжедимитрію, хотя на его сторонѣ было расположеніе народа, въ своемъ большинствѣ простодушно вѣрившаго, что онъ—подлинный Дмитрій Іоанновичъ, и хотя онъ обладалъ умомъ и энергіей. Если кровь Димитрія царевича погубила Годунова съ его родомъ, то тѣмъ паче измѣна русскому духу Лжедимитрія, сѣвшаго на престолъ, правда, не насиліемъ, а только обманомъ, должна была погубить новаго похитителя шапки Мономаха. Самозванецъ купилъ поддержку Польши, въ лицѣ ея короля, духовенства и пановъ, цѣной тайнаго принятія папизма и обязательства ввести его въ Россію. Кромѣ того, онъ вводилъ въ православный Кремль, въ качествѣ Русской царицы, католичку, польскую панну Марину Мнишекъ. Нѣкоторые историки сильно налегаютъ на то, что Лжедимитрій легкомысленно относился къ русскимъ обычаямъ, давая этимъ понять, будто онъ удержался бы на престолѣ, если бы освободился отъ своего безпечнаго легкомыслія. Но притворное уваженіе къ русскимъ обычаямъ не могло бы надолго укрыть въ самозванцѣ болѣе существеннаго, именно того, что онъ идетъ противъ самой коренной основы нашей жизни,—противъ православія, что онъ не—«царь православный». Не одѣвайся онъ въ польскій костюмъ, ходи въ баню, не ѣшь телятины въ постные дни, не дѣлай и другихъ нарушеній нашего быта,— народъ своимъ вѣщимъ чутьемъ разгадалъ бы, кто—онъ и что—онъ, и убѣдился бы, что онъ ошибся, признавъ въ немъ истиннаго сына царя Іоанна IV.

На мѣсто сверженнаго патріарха Іова былъ возведенъ самозванцемъ грекъ Игнатій, бывшій архіепископомъ въ Рязани. Онъ первый изъ архіереевъ призналъ Лжедимитрія царемъ. Вслѣдъ затѣмъ новый придворный сановникъ—великій мечникъ, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, привезъ изъ Выксинскаго монастыря (въ 500 верстахъ отъ Москвы) царицу-инокиню Мароу. Несчастная вдова Грознаго должна была, послѣ свиданія съ мнимымъ сыномъ въ шатрѣ близъ села Тайнинскаго, признать самозванца своимъ порожденіемъ. Вдовствующая царица была поселена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

30-го іюля, Лжедимитрій, по установленному чину, вѣнчался на царство въ Успенскомъ соборѣ. Но къ древне-русскому священнодѣйствію примѣшалось нѣчто чужое, непріятно поражавшее народъ. Въ храмѣ Пречистыя польскій іезуитъ Николай Черниковскій привѣтствовалъ рѣчью новаго царя. По случаю коронаціи, послѣдовали царскія милости: пожалованъ былъ, какъ мнимый дядя государя, Михаилъ Нагой саномъ великаго конюшаго; Романовы были возвращены изъ заточенія, Филаретъ Никитичъ посвященъ былъ въ митрополиты Ростовскіе, а Иванъ Никитичъ Романовъ получилъ санъ боярина.

Но Москва уже стала замѣчать въ новомъ властителѣ, въ его дѣйствіяхъ и самой обстановкѣ, нѣчто фальшивое, нѣчто не-русское. Кромѣ

упомянутаго нарушенія русскихъ обычаевъ, всѣхъ поражала невиданная расточительность Лжедимитрія, въ пользу чужихъ, дававшаго иноземнымъ музыкантамъ такое жалованье, какого не получали и первые сановники государства. Называя себя «непобѣдимымъ императоромъ», самозванецъ сдѣлалъ себѣ изъ чистаго золота богатѣйшій тронъ со львами и большимъ орломъ и увѣшалъ его брильянтовыми и жемчужными кистями. Одѣтый въ польскій костюмъ, онъ бѣшено ѣздилъ верхомъ по Москвѣ и даже къ Успенскому собору, чего не бывало прежде, подъѣзжалъ на сѣдлѣ. Устраивая травли медвѣдей и волковъ, съ невиданнымъ въ Москвѣ задоромъ, участвовалъ въ нихъ самъ. Не ложась спать послѣ обѣда, онъ ходилъ пѣшкомъ къ полякамъ и нѣмцамъ; и боярамъ, недосмотрѣвшимъ выхода его изъ дворца, приходилось разыскивать его по городу; поляки пировали въ Москвѣ, высокомѣрно обращались съ русскими и обижали ихъ. Воспроизводимъ выше изъ «Матеріаловъ для Русской иконографіи» Д. А. Ровинскаго портретъ Лжедимитрія, выгравированный Лукой Киліаномъ, въ Аугсбургѣ, въ 1606 году.

Печать Лжедимитрія I.

По свидѣтельству современниковъ, первый самозванецъ былъ сильный и широкоплечій человѣкъ, мрачный и задумчивый, безъ бороды и усовъ. Лицо у него было широкое, желтовато-смуглое, уши длинныя, волосы русые, рыжеватые; глаза темно-голубые, большой ротъ, толстыя губы и крупный носъ.

Чѣмъ дальше шло, тѣмъ было хуже.

Въ Ивановской колокольнѣ ксендзы стали совершать католическія обѣдни. Появился въ Кремлѣ папскій легатъ. Въ Москвѣ пошли приготовленія къ пріѣзду царской невѣсты Маріи Мнишекъ.

3-го мая, она прибыла въ Москву; на ея пути сдѣланы были большія приготовленія.

Не принявъ православія, она была вѣнчана въ Успенскомъ соборѣ царскою короной и въ тотъ же день совершено было ея бракосочетаніе съ Лжедимитріемъ.

Начались праздники и пиры въ Кремлевскомъ дворцѣ, выражавшіе въ похитителѣ власти настроеніе, несвойственное сыну Грознаго и вообще русскому человѣку. На обѣдахъ самозванецъ садился лицомъ къ польскимъ панамъ, а спиной къ русскимъ боярамъ.

Самозванцу изъ медоваго мѣсяца пришлось прожить только одну недѣлю и слишкомъ скоро оставить Марину вдовою. Его полякующій образъ дѣйствій, антирусское его настроеніе готовили ему гибель: разоблачавшему всѣмъ, что онъ обманщикъ, князю Василію Ивановичу Шуйскому не трудно было при помощи заговора подготовить гибель самозванца. Конецъ его былъ кровавый...

Такимъ образомъ кончился второй актъ смуты, если за первый считать гибель Годуновыхъ.

Василій Ивановичъ Шуйскій, провозглашенный въ Москвѣ царемъ, не обладалъ силами, необходимыми для подавленія смуты. Престарѣлый, вдовый, бездѣтный, обладавшій умомъ, годнымъ для царедворца, или министра, онъ совсѣмъ лишенъ былъ тѣхъ качествъ, кои необходимы царю, а особенно основателю новой царской династіи, въ такое тяжелое время. Напротивъ того, въ немъ было немало такого, что дѣлало его положеніе на престолѣ шаткимъ, колеблющимся. Избранный только Москвою, а не всею Русью, онъ въ глазахъ народныхъ былъ запятнанъ ложью, что царевичъ Димитрій самъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ падучей болѣзни. Но лишенный нравственнаго довѣрія, онъ не обладалъ всей силой и полнотой власти, къ коей привыкъ народъ и которую онъ ставилъ выше всего. Онъ не былъ самодержецъ, а былъ только, по выраженію современниковъ, полу-царь, потому что далъ боярамъ обязательство и клятву въ Успенскомъ соборѣ—не рѣшать ничего важнаго, безъ ихъ согласія. Каждое дѣйствіе Василія, хотя бы оно и было вполнѣ самостоятельнымъ, представлялось народу внушеннымъ Шуйскому не его царскою совѣстью и чувствомъ долга предъ Богомъ и государствомъ, а дѣломъ невольнаго соглашенія съ думой боярской.

Совершенно естественно, что смута, пустившая корни при Годуновыхъ и Лжедимитріи I, не преминула воспользоваться слабостью Василія Ивановича, и въ его личности, и въ самой его умаленной власти.

1 іюня 1606 года, Василій Іоанновичъ вѣнчался на царство, а 3 іюня, ради предотвращенія самозванства, были принесены въ Москву мощи св. царевича Димитрія. Царь, инокиня-царица Марѳа, духовенство, бояре и народъ встрѣтили ихъ за городомъ, при чемъ удостовѣрились въ нетлѣніи мощей. Самъ царь несъ раку царевича, прославляя его святость и, въ обличеніе себя самого, свидѣтельствуя, что царственный отрокъ убитъ былъ, по приказанію Бориса Годунова.

Въ грамотѣ царя Василія говорится объ обрѣтеніи мощей слѣдующее: «послали мы по мощи царевича Димитрія Ивановича митрополита Ростовскаго Филарета, и Астраханскаго епископа Ѳеодосія, и Спасскаго архимандрита Сергія, и Андроньевскаго архимандрита Авраамія, и бояръ: князя Ивана Михайловича Воротынскаго, и Петра Никитича Шереметева, и Григорія и Андрея Ѳеодоровича Нагого; писали изъ Углича богомольцы и наши бояре, что они мощи благовѣрнаго князя Димитрія Ивановича обрѣли; мощи его цѣлыя, ничѣмъ невредимыя, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ немножко тѣло вредилось; и на лицѣ плоть и на головѣ волосы цѣлы и крѣпки; и ожерелье жемчужное съ пуговицами все цѣло; въ рукѣ лѣвой полотенце тафтяное, шитое золотомъ и серебромъ, цѣлое; кафтанъ на плечахъ и сапожки на немъ цѣлы, только подошвы на ногахъ попоролись; и на персѣхъ орѣшки положенные—горсть. Сказываютъ, что коли онъ игралъ, тѣшился орѣхами и ѣлъ; и въ ту пору его убили, и орѣхи кровью омочились; и того дня тые орѣхи ему въ горсть положили и тые орѣхи цѣлы. И которые были разслабленные различными болѣзнями уздо-

Царь
Василій
Ивановичъ
Шуйскій.

ровилися отъ раки его, царевича...» Сперва мощи были поставлены въ храмѣ св. Уара, у Боровицкихъ воротъ, а потомъ въ Архангельскомъ соборѣ. Серебряную раку для нихъ соорудилъ царь Михаилъ Өеодоровичъ.

Напрасно Шуйскій усиливался предотвратить самозванщину: это не успокоило смуты. Сперва зашевелились области, не участвовавшія въ избраніи его и подвергшіяся интригѣ бояръ: князь Шаховской возмутилъ противъ Шуйскаго Сѣверскую Украйну, а Ляпуновъ и Сумбуловъ— Рязанскую область. Но наиболѣе смуты производили народные подонки, выразителемъ коихъ явился бѣглый холопъ князя Телятевскаго Иванъ

Чудовъ монастырь.

Болотниковъ. Однако эта смута и слякоть не вдругъ могла выставить изъ своей среды самозванца, хотя дѣятельно повсюду распускались слухи, что Димитрій Ивановичъ не былъ убитъ въ Москвѣ, какъ раньше и въ Угличѣ, а что вмѣсто него убили другого и, чтобы обмануть де народъ, лицо убитаго покрыли маскою.

Первая волна смуты, подъ водительствомъ Ивана Болотникова, Шаховскаго и Ляпунова, докатилась до Москвы, и войскамъ Шуйскаго приходилось биться съ мятежниками, и подъ самой Москвой, и у рѣчки Пахры, въ селѣ Троицкомъ, и близъ деревни Котлы. Однако положеніе Василія Шуйскаго еще не расшаталось, особенно благодаря поддержкѣ новопоставленнаго патріарха Гермогена; и смутчики—одни принесли, какъ Ляпуновъ, повинную царю, другіе отброшены были отъ Москвы и, послѣ осады въ Тулѣ, должны были сдаться Шуйскому.

Но за первой волною смуты катился второй валъ ея: въ Стародубѣ объявился Лжедимитрій II, котораго одни называли поповичемъ отъ Знаменья на Арбатѣ, другіе—сыномъ Курбскаго, а нѣкоторые—даже жидовиномъ. Между тѣмъ, Шуйскій не проявлялъ и въ самой Москвѣ царственной силы. Москвичи въ это время видѣли, какъ выкопали изъ земли тѣло первыхъ жертвъ самозванства—Годуновыхъ и какъ повезли ихъ для новыхъ похоронъ у Троицы; неутѣшный плачъ дочери Годуновыхъ Ксеніи, теперь инокини Ольги, глубоко трогалъ народъ. Вызванъ былъ въ Москву низложенный самозванцемъ патріархъ Іовъ и, вмѣстѣ съ новымъ патріархомъ Гермогеномъ, далъ въ Успенскомъ соборѣ разрѣшеніе народу отъ клятвопреступленія при первомъ самозванцѣ Ѳедору Борисовичу. По этому поводу, обнародована была отъ имени двухъ патріарховъ грамота съ изложеніемъ событій, отъ смерти Грознаго, до воцаренія Шуйскаго включительно. Но все же власть не обнаруживала энергіи, не смотря на то, что Москва была встревожена видѣніемъ одного старца, коему во снѣ явился Христосъ и въ Успенскомъ соборѣ грозилъ московскому народу страшною казнью за всѣ его неправды. Патріархъ Гермогенъ приказалъ объявить народу объ этомъ видѣніи и назначилъ, по этому поводу, постъ отъ 14 до 19 октября. Между тѣмъ, зимою ничего не предпринималось противъ

Св. Гермогенъ, патріархъ всероссійскій. Съ иконы *В. М. Васнецова.*

самозванца; пользуясь бездѣйственнымъ затишьемъ, Василій Ивановичъ отпраздновалъ свою свадьбу съ княжною Буйносовой-Ростовскою.

Между тѣмъ, второй самозванецъ окрѣпъ: къ нему пристали польскіе отряды, подъ начальствомъ пановъ Мѣховецкаго и Рожинскаго, донскіе казаки съ атаманомъ Заруцкимъ и немало русскихъ людей, успѣвшихъ порядочно испортиться или, какъ говорили тогда, «измалодушествоваться» отъ смуты. Пропущенъ былъ моментъ нападенія, и пришлось защищаться.

Города стали сдаваться самозванцу, и даже войска измѣняли Шуйскому... И вотъ самозванецъ, далеко уступавшій первому Лжедимитрію и называемый народомъ просто воромъ, подошелъ къ Москвѣ и расположился станомъ въ селѣ Тушинѣ. Сюда привезена была перехваченная по дорогѣ въ Польшу панна Марина, и эта авантюристка не посовѣстилась признать своимъ мужемъ самозванца, нисколько не походившаго на перваго Лжедимитрія. Хотя тушинцы не чувствовали силы осадить Москву, но и полу-царь не имѣлъ энергіи ударить на Тушинскій станъ. Происходившія, между рѣчками Ходынкой, Всходней и Химкой, битвы не приводили не къ чему; поляки подъ начальствомъ пановъ Лисовскаго и Сапѣги осадили Троицкую лавру. Но ея иноки геройски защищали обитель преподобнаго Сергія. Великая лавра показывала, что Богъ, по молитвамъ преподобнаго, не отступился отъ царя. Но все же, поддерживаемая слабостью въ немъ власти, смута все росла и росла. Въ самой Москвѣ было ненадежно: въ ней плодились такъ называемые перелеты; характернымъ проявленіемъ смуты было появленіе людей, кои стали торговать своею вѣрностью, измѣняя то Шуйскому, то самозванцу. Торговый человѣкъ, желая стать дворяниномъ, дворянинъ получить помѣстье, или боярство, бѣжали изъ Москвы въ Тушинскій станъ и здѣсь присягали Лжедимитрію, а, получивъ отъ него жалованье, возвращались въ Москву и здѣсь притворнымъ покаяніемъ вымогали себѣ новыя награды. Но это не все: Москва видѣла не одну бунтовскую вспышку противъ Шуйскаго.

17 февраля 1609 года, Сумбуловъ, Гагаринъ и Грязной, составивъ заговоръ, потребовали отъ бояръ, чтобы они низложили царя, а когда тѣ, выжидая, что будетъ дальше, разошлись по домамъ, бунтовщики грубо и насильственно вывели патріарха Гермогена изъ Успенскаго собора на Лобное мѣсто и стали кричать, что Шуйскій незаконно избранъ одной Москвой и притомъ своими потаковниками. Патріархъ сказалъ, что до сего времени ни Тверь, ни Псковъ, ни Новгородъ, ни другіе города Москвѣ не указывали, а имъ всѣмъ Москва указывала, и, напомнивъ имъ о присягѣ на вѣрность царю, удалился съ Красной площади въ Кремль. Заговорщики бросились за нимъ. Народъ не удерживалъ ихъ, но и не помогалъ имъ. Василій Ивановичъ на этотъ разъ показалъ себя и твердымъ и мужественнымъ, хотя и не схватилъ бунтовщиковъ. Онъ спросилъ ихъ, зачѣмъ они, клятвопреступники, дерзко врываются во дворецъ? Если они хотятъ убить его, то онъ не боится смерти; но низложить его безъ большихъ бояръ не могутъ. Заговорщики оторопѣли и убѣжали въ Тушино.

Второй заговоръ былъ составленъ Крюкомъ-Колычевымъ, замыслившимъ убить Шуйскаго на Вербное воскресенье. Но заговоръ былъ открытъ, его глава былъ казненъ, а сообщники поплатились заточеніемъ. Началось волненіе въ народѣ отъ страшной дороговизны хлѣба, происшедшей отъ того, что тушинцы, осадивъ Коломну, пріостановили подвозъ хлѣба въ Москву. Цѣна на него поднялась до 7 руб. (нынѣшнихъ $23\frac{1}{3}$ руб.) за четверть. Но, по просьбѣ царя, келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ пустилъ въ продажу монастырскій хлѣбъ, по 2 руб. за четверть.

Скоро однако сквозь тучи смуты проглянуло было на Шуйскаго солнце:

его молодой племянникъ, доблестный князь Михаилъ Васильевичъ Шуйскій, собралъ ополченіе сѣверо-восточныхъ городовъ, получилъ отъ шведовъ вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ Делагарди и, двинувшись къ Москвѣ, разбилъ по дорогѣ поляковъ и подходилъ къ первопрестольной столицѣ, когда Лисовскій и Сапѣга уже сняли осаду Троицкой лавры, а самозванецъ бѣжалъ изъ Тушинскаго лагеря въ Калугу, и самое это гнѣздо распалось. Король польскій Сигизмундъ III, подступивъ къ Смоленску, потребовалъ къ себѣ изъ Тушина поляковъ. Лжедимитрій, оскорбляемый своими приверженцами, не чувствовалъ себя безъ поляковъ безопаснымъ въ Тушинѣ и бѣжалъ, а его станъ самъ собою распался.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Народныя надежды въ это время покоились на Михаилѣ Скопинѣ, въ которомъ всѣ хотѣли видѣть наслѣдника несчастливаго и бездѣтнаго его дяди. Народъ приписывалъ ему освобожденіе Троицкой лавры и распаденіе Тушинскаго лагеря. Прокопій Ляпуновъ на возвратномъ пути Скопина чрезъ своихъ посланныхъ предложилъ ему престолъ, но тотъ съ благороднымъ гнѣвомъ разорвалъ присланную ему грамоту.

Однако, среди общаго расположенія народа, царственнаго юношу стерегли въ Москвѣ зависть и ненависть. Братъ Василія Дмитрій Шуйскій, питавшій надежду, послѣ его смерти, наслѣдовать престолъ, не могъ не видѣть въ Скопинѣ-Шуйскомъ помѣху своимъ планамъ.

12 марта, князь Михаилъ Васильевичъ торжественно, вмѣстѣ съ Делагарди, вступилъ въ Москву. Народъ тысячными толпами вышелъ встрѣтить молодого героя, въ коемъ видѣли всѣ спасителя государства. У воротъ «Скородома», по приказанію царя Василья, князю Скопину была поднесена хлѣбъ-соль. Народныя толпы на пути его въ Кремль земно кланялись ему и со слезами благодарили его за освобожденіе отъ враговъ. Зная о затаенной враждѣ къ князю Михаилу, Делагарди торопилъ его итти на поляковъ подъ Смоленскъ, и тотъ сталъ готовиться къ походу. Но смерть неожиданно прервала жизнь народнаго любимца. 23 апрѣля, на крестинномъ пиру у князя Воротынскаго, хлынула у него кровь носомъ, и чрезъ двѣ недѣли онъ умеръ. Народъ съ ужасомъ встрѣтилъ эту вѣсть и заговорилъ, что онъ отравленъ. Пошли толки, что жена Димитрія Шуйскаго, дочь Малюты-Скуратова, поднесла ему ядъ въ чашѣ съ виномъ. Народъ внесъ это въ свою пѣсню. Вотъ что князь Михаилъ говоритъ въ ней «своей матушкѣ» «о стопѣ зелья лютаго».

Охъ ты, гой еси, матушка родимая,
Сколько я по пирамъ не ѣзжалъ,
А таково еще пьянъ не бывалъ;
Съѣла меня кума крестовая,
Дочь Малюты-Скурлатова!

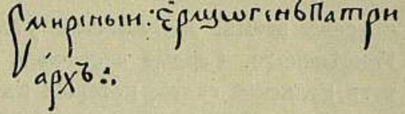
Объ этомъ тяжкомъ для народа времени псковскій лѣтописецъ говоритъ, что въ Архангельскомъ соборѣ слышны были шумъ, гласы и плачъ, предвѣщавшіе раззореніе царства Московскаго. Князь Скопинъ-Шуйскій былъ,—при общемъ плачѣ, подобнымъ тому, который былъ по царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ,—погребенъ въ царской усыпальницѣ. Воспроизводимъ выше его иконописный портретъ, стоявшій въ Архангельскомъ соборѣ надъ гробомъ царственнаго юноши.

Со смертью его порвалась послѣдняя связь народная съ несчастнымъ Василіемъ Ивановичемъ; нуженъ былъ только поводъ, чтобы совершилось его паденіе, и онъ не замедлилъ. Бездарный, но честолюбивый Димитрій Шуйскій, почти съ пятидесятитысячнымъ войскомъ, былъ разбитъ паномъ Жолкѣвскимъ подъ Клушинымъ: чаша несчастій полу-царя переполнилась. Захаръ Ляпуновъ поднялъ противъ Шуйскаго толпы народа, пошелъ во дворецъ и сталъ требовать отъ Василія, чтобы онъ отрекся отъ престола. Тотъ схватилъ ножъ и замахнулся имъ на Ляпунова, который хотѣлъ отвѣчать тѣмъ же; но товарищи увели его изъ дворца. Они пошли на Лобное мѣсто, куда двинулись народныя массы и пріѣхалъ патріархъ Гермогенъ. Толпы не умѣщались на Красной площади, и Ляпуновъ съ Салтыковымъ и Хомутовымъ закричали народу, чтобы всѣ шли къ Серпуховскимъ воротамъ, гдѣ больше мѣста. Здѣсь рѣшились просить Шуйскаго сойти съ престола, такъ какъ и родъ его несчастенъ, и изъ-за него понапрасну льется кровь. Патріархъ Гермогенъ противился этому, но совѣта святѣйшаго на этотъ разъ не послушали и послали въ Кремль свояка Васильева, князя Воротынскаго, сказать обо всемъ Шуйскому. Тотъ, не видя нигдѣ опоры, согласился и переѣхалъ съ женою въ свой боярскій домъ на Арбатъ. Чтобы сдѣлать невозможнымъ для него возвратъ на царство, Ляпуновъ съ князьями Засѣкинымъ, Волконскимъ и Тюфякинымъ потребовалъ, чтобы Шуйскій постригся. Когда онъ не захотѣлъ сдѣлать это, его насильно свезли въ Чудовъ монастырь и тамъ его постригли въ иноки. Съ паденіемъ этого государя, хотя онъ былъ только полу-царемъ, стало Москвѣ еще смутнѣе, и наступалъ послѣдній, самый тяжкій актъ смуты—междуцарствіе.

Василій Ивановичъ не могъ оставить по себѣ много памятниковъ въ Москвѣ. Впрочемъ, при немъ переведенъ былъ съ иностраннаго уставъ ратныхъ дѣлъ, сдѣланный Михаиломъ Юрьевымъ, построенъ былъ новый домъ для типографіи на Никольской улицѣ, и въ годъ низложенія (1610), близъ Патріаршихъ прудовъ, на Козьемъ болотѣ, была выстроена церковь священномученика Ермолая, по преданію построенная патріархомъ Гермогеномъ, носившимъ въ міру имя Ермолая.

Роковое, по всей видимости, безысходное время наступаетъ для Москвы и всей Россіи въ 1610 году, когда палъ Василій Шуйскій. Безгосударье было неизмѣримо тяжелѣе правленія полу-царя, теперь развѣнчан-

Подпись
патріарха Гермогена.



наго и постриженнаго въ иноки. При немъ все же былъ, хотя и въ колеблющемся престолѣ, государственный центръ, все же еще горѣлъ, хотя и мерцая, огонь народнаго единенія.

Передача регентства боярской думѣ, впредь до избранія царя, была скачкомъ въ неизвѣстность. Ежели было немыслимо, чтобы бояре рѣшились изъ Руси надѣлать вѣчевыя народоправства, или даже воскресить удѣльную систему, съ ея небольшими княжествами и князьями, то все же предъ расшатанными смутой Москвой и Россіей зіяли двѣ пропасти: или разбойническое владычество сидѣвшаго въ Калугѣ самозванца, съ его приспѣшниками, или польское владычество, надвигавшееся на Москву, съ войскомъ пана Жолкѣвскаго, дошедшаго уже до Можайска.

То и другое грозило конечнымъ разрушеніемъ всего того, надъ чѣмъ болѣе семи вѣковъ работалъ народъ, и для чего особенно потрудилась Москва.

Семибоярщина правительствующей думы, дабы предотвратить обращеніе Россіи въ провинцію Рѣчи Посполитой, придумала избрать въ цари польскаго королевича Владислава. Возсталъ противъ этого доблестный патріархъ Гермогенъ, требовавшій, чтобы царь былъ избранъ изъ русскихъ бояръ, причемъ указывалъ на юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова и на князя Василія Голицына, какъ на достойныхъ занять престолъ. Но его успокоили тѣмъ, что избираемый инородецъ приметъ православную вѣру и ограничитъ власть свою въ томъ отношеніи, что не приведетъ на Москву поляковъ и не будетъ ничего рѣшать, безъ согласія земскаго собора и боярской думы. Патріархъ же настоялъ, чтобы Владиславъ отрекся отъ католичества и принялъ православіе. Не могъ быть по душѣ русскимъ людямъ новый полу-царь, да притомъ польской крови. Но страхъ предъ тушинскимъ воромъ и обращеніемъ Руси въ польскую провинцію заставилъ умолкнуть недовольство. Жолкѣвскій стоялъ уже на Поклонной горѣ за Дорогомиловомъ...

27 августа, Москва присягала королевичу Владиславу, какъ Русскому царю, и сердце Москвы—Кремль былъ сданъ полякамъ. Хитрый и ловкій полякъ Жолкѣвскій извивался змѣей предъ москвичами и сумѣлъ ослабить нерасположеніе къ ляхамъ даже патріарха Гермогена. Но, дабы удалить изъ Москвы людей, опасныхъ для кандидатуры королевича Владислава, онъ выбралъ въ члены великаго посольства къ королю князя Голицына и митрополита Филарета Никитича Романова, какъ представителей тѣхъ родовъ, кои ближе другихъ были къ престолу и могли быть въ рукахъ поляковъ заложниками за Русь, въ пользу Владислава. Когда уполномоченные прибыли подъ Смоленскъ, фанатичный ученикъ іезуитовъ Сигизмундъ III сразу проявилъ намѣреніе поработить Россію: требовалъ, чтобы послы заставили смолянъ сдаться ему и вмѣсто сына признали его самого царемъ Россіи. Тѣ, видя въ этомъ гибель самостоятельности Россіи, ея независимости, стойко воспротивились этому. Узнавъ

о всемъ этомъ, Жолкѣвскій уѣхалъ изъ Москвы, оставивъ ее во власти Гонсѣвскаго. Сердце восточной Россіи сразу стало испытывать на себѣ тотъ польскій гнетъ, который въ это время такъ давилъ Кіевъ и всю юго-западную Русь. Поляки въ Москвѣ стали теперь обращаться съ русскимъ народомъ, какъ съ «быдломъ», какъ съ рабами Рѣчи Посполитой, заносчиво, дерзко и жестоко. Москва и Россія начинаютъ судорожныя движенія, чтобы освободиться отъ польскихъ сѣтей...

Смерть самозванца, убитаго крещенымъ татариномъ Урусомъ, развязала русскимъ людямъ руки въ Москвѣ и другихъ городахъ. Патріархъ Гермогенъ убѣдился, что поляки не отпустятъ Владислава и, поработивъ Россію, погубятъ въ ней и государство, и народность, и самую вѣру православную. Гонсѣвскій, засѣвшій на Кремлѣ, въ домѣ Годунова, сталъ вмѣстѣ съ измѣнникомъ Ѳедоромъ Андроновымъ отсылать къ Сигизмунду русскія царскія сокровища: короны, сосуды, драгоцѣнныя одежды и проч. Сколько въ это время погибло вѣковыхъ сокровищъ Москвы! Къ счастію, стольникъ Трахоніатовъ успѣлъ часть сокровищъ скрыть въ подземномъ тайникѣ Кремля.

Когда Жолкѣвскій, захвативъ съ собою постриженнаго въ иноки Василія Шуйскаго, уѣхалъ изъ Москвы, а поляки, хозяйничавшіе въ Кремлѣ, снявъ съ себя маску, стали тѣснить москвичей,—поднимаетъ голосъ противъ иноплеменниковъ патріархъ Гермогенъ. Онъ началъ открыто говорить, что Владислава нельзя признать Русскимъ царемъ, потому что онъ не приметъ православія; а польскіе люди именемъ своего королевича заполнили все московское государство, и въ самомъ Кремлѣ уже раздается папское латинское пѣніе. Патріархъ далъ православнымъ людямъ разрѣшеніе отъ данной королевичу присяги и въ своихъ грамотахъ благословлялъ ихъ подняться на иноземныхъ, иноплеменныхъ и иновѣрныхъ пришельцевъ. Слово Св. Гермогена развязывало русскимъ людямъ руки. Къ этому присоединились еще грамоты изъ-подъ Смоленска которыя призывали всѣхъ на защиту вѣры православной, поруганной поляками. Москвичи, съ благословенія Гермогена, присоединили къ этой грамотѣ свою, призывавшую къ освобожденію самой Москвы и ея святынь отъ иноплеменниковъ.

«Здѣсь,—говорилось въ грамотѣ о Кремлѣ,—образъ Божіей Матери, заступницы христіанской, который евангелистъ Лука написалъ, здѣсь великіе святители и хранители—Петръ, Алексій и Іона чудотворцы». Грамоты вызвали патріотическое движеніе народа, и Сѣверо-восточные города стали ополчать ратниковъ. Во главѣ ихъ сталъ даровитый Прокопій Ляпуновъ. Но русскіе люди еще не освободились отъ смуты очистительнымъ огнемъ страданій. Народное ополченіе смѣшалось съ отрядами прежнихъ тушинцевъ, находившихся подъ начальствомъ Заруцкаго, Просовецкаго и Трубецкого.

Измѣнники стали требовать отъ патріарха, чтобы онъ церковнымъ проклятіемъ вернулъ назадъ уже двинувшееся къ Москвѣ ополченіе, но онъ мужественно сказалъ: «если всѣ измѣнники и королевскіе люди выйдутъ изъ Москвы вонъ, то я отпишу ратнымъ людямъ, чтобы они верну-

Панагія патріарха Гермогена.
Внѣшняя сторона.

лись назадъ». Великій старецъ не устрашился и ножа, которымъ замахнулся на него Салтыковъ. Поляки стали держать его подъ стражей. Въ Вербное воскресенье его освободили, ради шествія на осляти.

Народъ отсутствовалъ на помянутомъ торжествѣ и, очевидно, настороживался,—былъ въ ожиданіи событій. Поляки начали готовиться къ встрѣчѣ подходившаго народнаго ополченія. Они стали втаскивать пушки на башни и крѣпостныя стѣны и послали на рынокъ звать къ себѣ на помощь русскихъ извозчиковъ. Тѣ не послушались, завязался споръ, поднялся шумъ и сбѣжался густыми толпами народъ. Нѣмцамъ, находившимся на службѣ у поляковъ, показалось, что это—народное возстаніе, котораго уже всѣ ждали со дня на день. Они, вмѣстѣ съ поляками, бросились съ оружіемъ на народъ безоружный. 7,000 человѣкъ москвичей пало подъ ударами иноземцевъ.Но народъ въ Бѣломъ городѣ сталъ готовиться къ энергической защитѣ: улицы были перегорожены бревнами, столами и чѣмъ попало. Къ горожанамъ выходили ратные люди въ вооруженіи. На улицахъ закипѣли битвы. Особенно горячъ былъ бой на Срѣтенкѣ и Лубянкѣ. Имъ распоряжался князь Д. М., Пожарскій пришедшій въ Москву ранѣе Ляпунова; онъ отбилъ здѣсь поляковъ и заставилъ ихъ уйти въ Китай-городъ. У Введенія на Лубянкѣ, во Псковичахъ, или въ Опасовичахъ, онъ поставилъ, вблизи своего дома (на мѣстѣ нынѣшней 3-й гимназіи) и богадѣльни, построенной имъ, при существовавшей здѣсь церкви св. Ѳеодосія, укрѣпленіе. Бутурлинъ бился съ поляками у Яуз-

скихъ воротъ, Колтовской—въ Замоскворѣчьи. Общими силами русскихъ поляки были вогнаны въ Китай-городъ и Кремль. Тогда они рѣшили сжечь Москву и подожгли сперва Бѣлый городъ. Вѣтеръ благопріятствовалъ пожару. Проникли поляки, не смотря на сопротивленіе москвичей, и въ Замоскворѣчье, подожгли и его въ нѣсколькихъ концахъ. Польскій отрядъ, среди пылавшихъ улицъ, обошелъ князя Пожарскаго и ударилъ ему въ тылъ. Этотъ защитникъ Москвы цѣлый день геройски отбивался отъ поляковъ, но былъ раненъ и отвезенъ въ Троицкую лавру. Москва горѣла до четверга Страстной недѣли. Одновременно съ этимъ, она подвергалась страшному разграбленію отъ поляковъ и нѣмцевъ. «Имъ,—говоритъ въ своей Московской лѣтописи Беръ,—не нужно было ни дорогихъ полотенъ, ни олова, ни мѣди; они брали однѣ богатыя одежды, бархатныя, шелковыя, парчевыя, серебро, золото, жемчугъ, дорогіе камни; снимали съ образовъ драгоцѣнныя ризы; иному нѣмцу, или поляку доставалось отъ 10 до 12 фунтовъ чистаго серебра. Тотъ, кто прежде не имѣлъ ничего, кромѣ окровавленной рубахи, теперь носилъ богатѣйшую одежду; на пиво и медъ уже не глядѣли: пили только самыя рѣдкія вина, коими изобиловали боярскіе погреба,—рейнское, венгерское, мальвазію. Поляки стрѣляли въ русскихъ жемчужинами, величиною съ добрый бобъ, и проигрывали въ карты дѣтей, отнятыхъ у бояръ и именитыхъ купцовъ»... Въ нѣсколько дней большая часть Москвы выгорѣла. Лишь обгорѣлые остовы церквей да трубы торчали среди углей и пепла, на коихъ лежали массы мертвыхъ тѣлъ. Мрачно смотрѣли поляки со стѣнъ Кремля и Китай-города на пепелище Москвы, поджидая народныхъ ополченій и слушая по ночамъ вой собакъ, глодавшихъ человѣческія кости. Святѣйшій патріархъ Гермогенъ, брошенный въ подземелье Чудова монастыря, былъ низвергнутъ и замѣненъ лжепатріархомъ Игнатіемъ.

На третій день Святой, въ сожженную Москву вступили ратники подъ начальствомъ Ляпунова. На слѣдующій день привелъ сюда Заруцкій казаковъ, а Трубецкой—калужанъ. Но тѣ русскіе, кои занявъ Бѣлый городъ, окружили поляковъ, не были готовы на совершеніе великаго и святого дѣла. Среди нихъ кипѣли раздоры, а казаки по-разбойнически относились къ родной землѣ и ея народу. Этимъ воспользовался коварный Гонсѣвскій и подбросилъ въ казачій станъ подложную грамоту отъ имени Ляпунова, требовавшую, чтобы русскіе люди избивали казаковъ, какъ собакъ. Казаки призвали къ отвѣту Ляпунова и изрубили его саблями. Ополченіе городовъ, лишившееся авторитетнаго предводителя, разошлось по домамъ, и подъ Москвой остались казаки да бывшіе тушинцы.

Между тѣмъ, и патріархъ Гермогенъ томился въ подземельѣ Чудова монастыря, гдѣ этого святого мученика за Русь святую, православную, мучили голодомъ и терзали нравственно. Его призывный голосъ уже не былъ слышенъ изъ-подъ сводовъ подземелья. Даже въ Успенскомъ соборѣ не совершалась уже служба. Наступалъ самый ужасный моментъ въ нашей исторіи. Разоренной Москвѣ и Россіи, казалось, уже неоткуда было ждать спасенія.

Съ картины В. М. Васнецова.

Троицкая лавра.

Но живъ еще былъ Русскій народъ, жива была его душа православная. Ея свѣтлое, ея святое, все объединяющее проявленіе мы видимъ въ обители преподобнаго Сергія, въ ученикахъ первосвятителя Гермогена.

Изъ Москвы и изъ другихъ центровъ разоренной и умиравшей Руси потянулся въ 1611 году страшный, можно сказать, Голгоѳскій крестный ходъ: подъ сѣнь Троицкой лавры шли орошенные кровавымъ потомъ русскіе люди, ограбленные, голодные, страшно изувѣченные (у иныхъ были ремни на спинахъ выкроены и глаза изъ глазницъ вырваны). Они шли подъ кровъ святой обители уже безъ всякой мысли о земной жизни, съ однимъ желаніемъ помолиться и по-христіански встрѣтить здѣсь свой смертный часъ.

Въ толпѣ двигавшихся сюда людей видѣлась вся ужасающая картина погибавшей Москвы и всея Руси, но и все величіе и зиждительная сила ея историческаго духа, заключавшаяся въ неизмѣнной до смерти вѣрности своему отечеству, его православію, его народности, его царству. Духъ этотъ воспрянулъ во весь ростъ свой въ игуменѣ Троицкой лавры—архимандритѣ Діонисіи и келарѣ Авраамін Палицынѣ. Они поняли, что ихъ задачи не въ благотворительности только измученнымъ Русскимъ людямъ, не въ напутствіи только ихъ въ иную жизнь, но въ призывѣ всѣхъ Русскихъ людей, кто въ силахъ, еще разъ подняться, съ мечомъ въ рукахъ, на спасеніе отечества.

Чѣмъ менѣе земныхъ надеждъ на это представляла окружающая дѣйствительность, тѣмъ животворнѣе была вѣра патріотовъ, что рука Божія не оставила Россіи на погибель. Кто не знаетъ, что сдѣлали Троицкія грамоты, какъ воскресили онѣ всю Русь, ополчили ее на враговъ, воздвигли и гражданина Минина, и князя Пожарскаго, и ихъ сподвижниковъ.

Мы не станемъ передавать извѣстныхъ подробностей объ этомъ народномъ ополченіи, которое изъ глуби—подземелья благословилъ умиравшій въ Чудовомъ монастырѣ патріархъ Гермогенъ.

Но мы обязаны внести здѣсь въ лѣтопись Москвы недавнія знаменательныя чествованія этого величайшаго изъ русскихъ патріотовъ и самаго выдающагося изъ числа десяти нашихъ патріарховъ, запечатлѣвшаго высокую святость своей жизни великимъ подвигомъ мученичества за вѣру и отечество.

Князь
Пожарскій
въ битвѣ
подъ Москвой.

17 февраля 1912 года въ Москвѣ было торжественно совершено церковное, государственное и народное чествованіе трехсотлѣтія съ кончины этого іерарха. Въ слѣдующемъ 1913 году 12 мая, на 302 году, послѣ его мученической смерти, по опредѣленію высшей церковной власти, съ еще большею торжественностью, было совершено причисленіе къ лику святыхъ священно-мученика и чудотворца. Это торжество, принявъ народный характеръ, привлекло къ себѣ сочувствіе не только властей, но и науки и искусства: появилось множество историческихъ изслѣдованій о новопрославленномъ патріархѣ и изданій, посвященныхъ ему, какъ, напр., напечатанныя Церковной юбилейной комиссіей его «Творенія», фототипическое воспроизведеніе его собственной рукописи: «Явленіе Казанской иконы Божіей Матери» и друг. Живопись дала множество изображеній первосвятителя, среди которыхъ первенствуютъ посвященныя ему и воспроизводимыя выше произведенія В. М. Васнецова. Отъ живописи не отставала и музыка, перелагавшая въ свои звуки въ честь святѣйшаго патріарха пѣснопѣнія, среди которыхъ особенно выдаются произведенія М. М. Ипполитова-Иванова. Все это не должно быть обойдено молчаніемъ въ лѣтописи Москвы.

Но возвратимся къ тому великому дѣлу, на которое вдохновилъ св. Гермогенъ Минина и Пожарскаго и ихъ народныя ополченія.

18 августа ополченіе подошло къ Москвѣ. Князь Трубецкой прислалъ звать князя Пожарскаго и его ратниковъ въ свой станъ. Но тотъ, зная духъ казаковъ, отказался отъ этого и расположился станомъ у Арбатскихъ воротъ. Въ это время подошли къ Москвѣ и поляки, подъ начальствомъ пана Ходкѣвича, и остановились на Поклонной горѣ. Пожарскій, по лѣвому берегу Москвы, двинулъ свое ополченіе къ Новодѣвичьему монастырю, а Трубецкой со своими казаками сталъ на правомъ берегу у Крымскаго брода (гдѣ теперь Крымскій мостъ), чтобы не

Стягъ князя
Д. М. Пожарскаго.

Первый храмъ во имя Святителя Ермогена въ подземельѣ Чудова монастыря, гдѣ онъ скончался.

Казанская икона Божіей Матери XVII-го вѣка *).

пропускать Ходкѣвича къ Кремлю на соединеніе съ польскимъ гарнизономъ.

22 августа, переправившись чрезъ рѣку, поляки напали на Пожарскаго. Хотя русскіе храбро отбивались, но едва не были подавлены. Казаки Трубецкого злонамѣренно бездѣйствовали, не подавая помощи своимъ. Но, въ самое критическое мгновеніе, посланные Пожарскимъ на помощь казакамъ, по просьбѣ Трубецкого, нѣсколько сотъ ополченцевъ, несмотря на запретъ, вырвались отъ казаковъ и поспѣшили на выручку товарищей; къ нимъ присоединились нѣкоторые казаки. Прибывшее подкрѣпленіе дало перевѣсъ русскимъ, и побитые поляки отступили на Поклонную гору. Въ то же время были отбиты и поляки, сдѣлавшіе вылазку изъ Кремля; при этомъ у нихъ отняты были знамена и много провіанта, доставленнаго имъ.

23 августа, поляки сдѣлали вылазку изъ Кремля и въ этотъ разъ захватили укрѣпленіе у церкви Георгія въ Яндовѣ, за Москвой-рѣкой, а Ходкѣвичъ съ Поклонной горы перешелъ къ Донскому монастырю. Теперь противъ него были только казаки; но князь Пожарскій, не помня зла, перешелъ къ нимъ съ большею частью своего войска. 24 августа, съ разсвѣтомъ, поляки ударили на нашихъ съ такою силою, что ихъ смяли; Пожарскій перешелъ назадъ чрезъ рѣку, а казаки ушли въ свои таборы. Но келарь Авраамій Палицынъ уговорилъ казаковъ не покидать общерусскаго дѣла. Общими силами отнято было занятое поляками укрѣпленіе у церкви Климента на Пятницкой, и затѣмъ пѣхота залегла по ямамъ, чтобы не пропускать непріятеля въ Кремль.

Въ это время Мининъ съ тремя стами охотниковъ изъ дворянъ и рот-

---

*) Съ этой иконой приходили на освобожденіе Москвы сперва Прокопій Ляпуновъ, а потомъ князь Пожарскій. Знаменательно, что патріархъ Гермогенъ «первый взялъ ее отъ земли», когда она явилась во градѣ Казани. Въ 1612 году она сопутствовала ополченіямъ при штурмѣ Китай-Города; въ память этого Пожарскій далъ обѣтъ построить на Красной площади Казанскій Соборъ, что было исполнено царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Романовымъ.

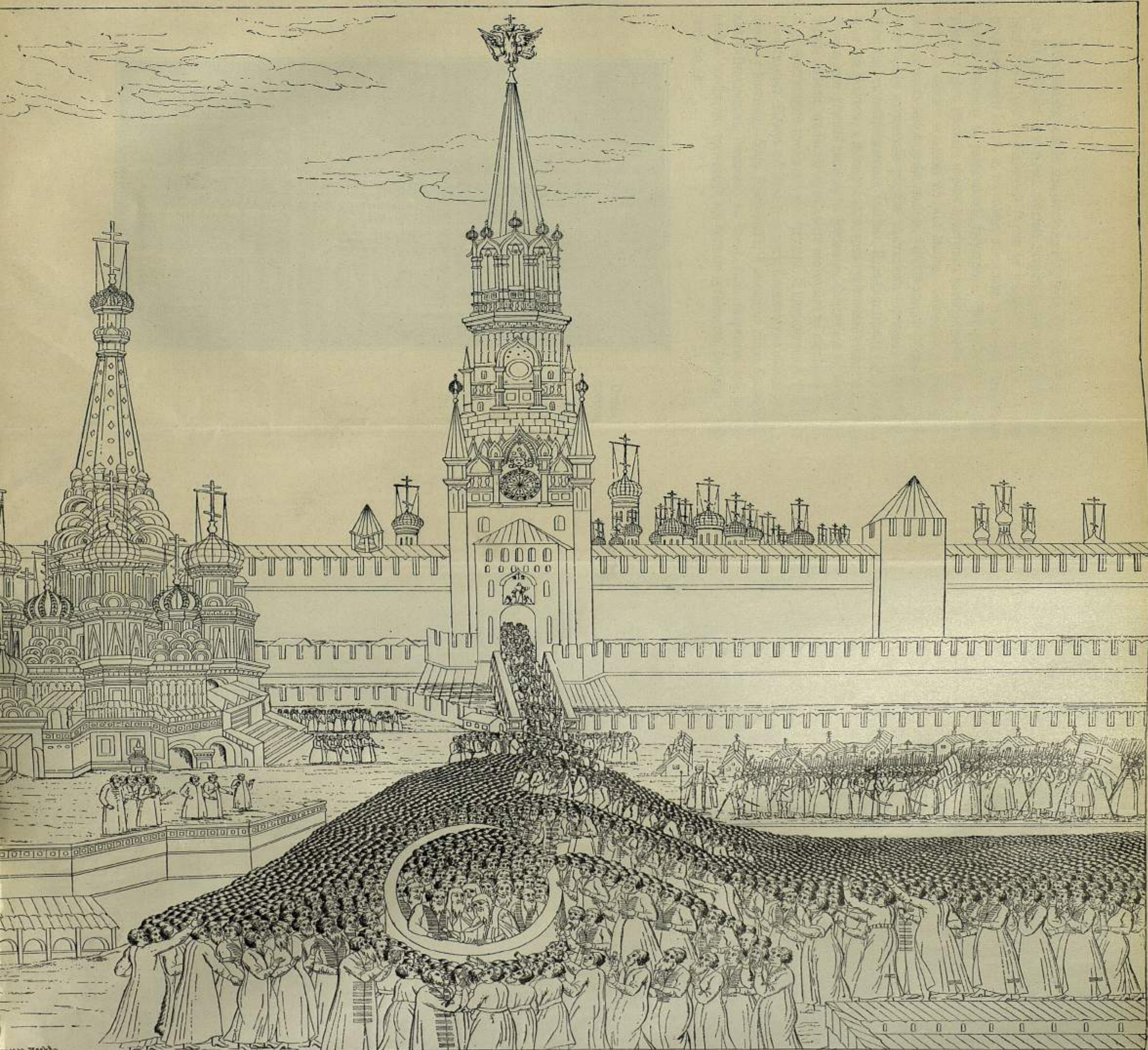
Красная площадь.

мистромъ Хмелевымъ перешелъ чрезъ Москву-рѣку и ударилъ на стоявшія тамъ у Крымскаго двора двѣ польскихъ роты. Тѣ были смяты и побѣжали. Тогда залегшіе въ ямахъ ратники, вмѣстѣ съ конницей, бросились на поляковъ. Эти, потерявъ 500 человѣкъ убитыми, направились къ Воробьевымъ горамъ и на разсвѣтѣ ушли отъ Москвы, по Можайской дорогѣ. Воспроизводимъ выше то знамя, подъ коимъ Русское ополченіе сражалось за Русь святую и за освобожденіе Москвы. Внизу этого достопамятнаго и драгоцѣннаго стяга изображены сабли Пожарскаго и Минина.

Такимъ образомъ, панъ Хоткевичъ былъ прогнанъ отъ Москвы; но нужно было очистить сердце ея—Кремль отъ поляковъ, сидѣвшихъ здѣсь съ полковникомъ Струсемъ. И въ это время открывается рознь между ополченіемъ и казаками, кои хотѣли опять уйти изъ Москвы. Архимандритъ Троицкой лавры св. Діонисій прислалъ казакамъ послѣднія монастырскія ризы, епитрахили и стихари. Но тѣ устыдились и, возвративъ къ Троицѣ присланное, обѣщали не покидать общаго дѣла. Разногласіе воеводъ, составившихъ правительство, было устранено; они рѣшили съѣзжаться на Неглинной (гдѣ теперь Труба) для совѣщаній.

Стали дружно готовиться къ осадѣ Китай-города и Кремля. Поставили туры: одинъ на Софійкѣ, у Пушечнаго двора, другой—у Георгіевскаго монастыря, сзади нынѣшняго дворянскаго собранія, третій—у Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ. Окопали рвомъ Замоскворѣцкій полуостровъ и загородили его плетнемъ. Осажденные терпѣли голодъ, питались трупами, но не сдавались. 22 октября, казаки приступомъ взяли Китай-городъ, но поляки держались еще въ Кремлѣ, выпустивъ оттуда боярскихъ женъ. Наконецъ, томимые голодомъ, осажденные начали переговоры о сдачѣ и, когда имъ обѣщано было сохраненіе жизни, прежде всего выпустили изъ Кремля бояръ, въ числѣ коихъ были Иванъ Никитичъ Романовъ и его племянникъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, съ матерью инокиней Марѳой, вынесшіе много ужасовъ отъ поляковъ и отъ самой осады. На слѣдующій день сдались и поляки съ паномъ Николаемъ Струсемъ во главѣ.

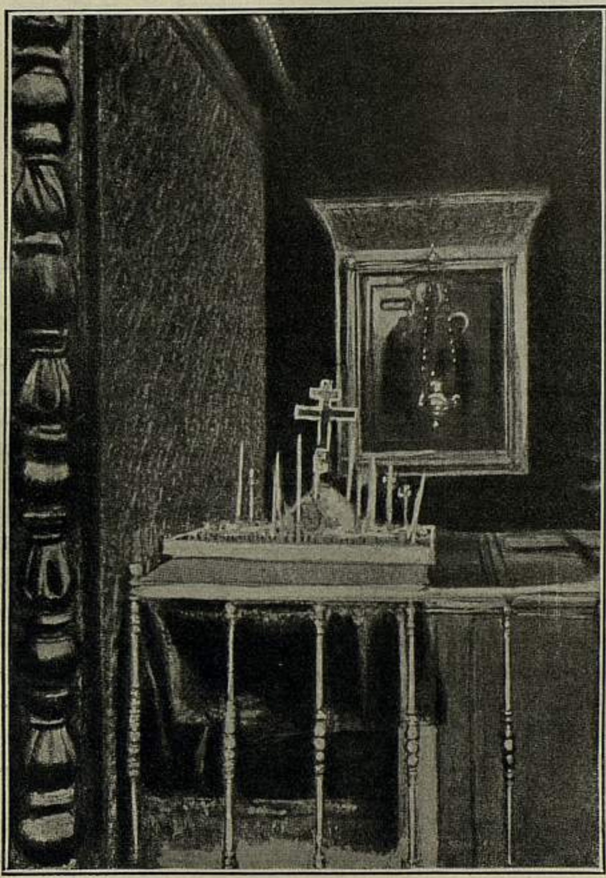
27 октября 1612 года, на Красную площадь двинулось ополченіе князя Пожарскаго отъ церкви Іоанна Милостиваго (на Кисловкѣ, существовала до 1812 года), а казаки князя Трубецкого—отъ церкви Казанской за Покровскими воротами. Когда рать, сопровождаемая народомъ, съ крестами и образами, подошла къ Лобному мѣсту, и святой Діонисій началъ служить здѣсь благодарственный молебенъ, изъ Спасскихъ воротъ показались кремлевскія хоругви и духовенство, несшее икону Владимірской Божіей Матери. Глубоко растроганный народъ, при видѣ этой великой святыни,—«Знамени отечества», залился слезами радости и въ чувствѣ невыразимаго умиленія палъ на колѣни предъ этимъ крестнымъ ходомъ. По окончаніи молебна на Лобномъ мѣстѣ, войска и народъ радостно вступили въ Кремль. Онъ былъ страшно опустошенъ. Въ Успенскомъ соборѣ совершено было молебствіе, и затѣмъ началась литургіи, несовершавшаяся здѣсь въ теченіе осады. Въ это тяжкое время первопрестольный соборъ всея Руси замѣнялся соборомъ Успенія на Крутицахъ, бывшимъ каѳедрой митрополитовъ Сарскихъ и Подонскихъ.



Провозглашеніе царемъ Михаила Θеодоровича Романова на Красной площади.

Изъ книги: «Избраніе на царство», XVII вѣка.

Такъ начался великій день освобожденія Россіи. Сброшено было съ Россіи польское иго, и началось дѣйствіе зиждительныхъ силъ Русскаго народа. Никто изъ освободителей Россіи не подумалъ захватить въ свои руки верховную власть и, по своимъ замысламъ и планамъ произвольно строить лежавшее въ развалинахъ государство. Воспрянувшій государственный духъ Русскаго народа приступилъ къ воскрешенію только того, что было создано страдною исторіей Москвы. Созванные въ Москву изъ всѣхъ городовъ излюбленные люди на великій земскій соборъ единодушно и безусловно добровольно рѣшили возстановить прежнюю національную монархію, съ неограниченною властью Царя-Самодержца, какъ созданы были онѣ Москвою, и въ такомъ видѣ, какъ существовали онѣ, испытанныя вѣками, при угасшей династіи св. Владиміра. Сошедшіеся въ Москвѣ выборные заявили, что Россіи прежде всего необходимъ не патріархъ, а царь, и не иностраннаго происхожденія государь, а прирожденный Русскій и Православный. Выборъ остановили на родѣ, близкомъ уже прежде этого къ царскому престолу,—бояръ Романовыхъ, и именно на юномъ бояринѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Романовѣ, къ коему было снаряжено отъ Москвы великое посольство, состоявшее изъ высшаго духовенства, боярства и другихъ людей.



Старая гробница Св. Гермогена въ Успенскомъ соборѣ.

Царь Михаилъ Θеодоровичъ.

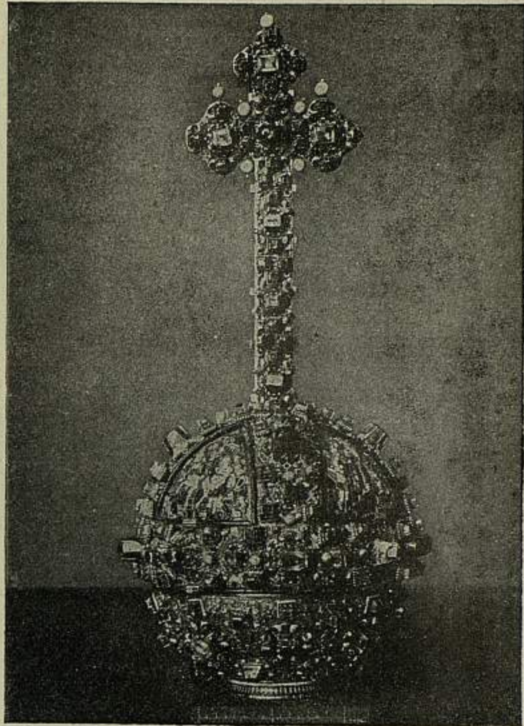
XI.

Москва въ царствованіе Михаила Θеодоровича Романова.

Божіе Провидѣніе спасло Россію отъ погибели въ тяжкую годину нашего лихолѣтья, — разрушительной смуты, не оставившей камня на камнѣ въ Москвѣ и Россіи. Вотъ почему достопамятнѣйшій день — 21 января 1613 года, когда подписанъ сохранившійся до нашихъ дней актъ избранія на царство Михаила Θеодоровича, коему предназначено было основать національную династію и возстановить разрушенное до основанія Русское государство, такъ же важенъ, какъ и тотъ день, когда, въ 862 году, наши предки, отказавшись отъ вѣчевого уклада, порѣшили создать у себя государство и призвали къ себѣ первыхъ князей—государей. Въ минувшемъ 1913 году, исполнилось триста лѣтъ, какъ совершилось это событіе, которое является какъ бы вторымъ основаніемъ Русскаго государства. Россія съ своимъ Царемъ во главѣ, съ знаменательной торжественностью, отмѣтила это событіе, съ коего начинается царствованіе Династіи Романовыхъ.

Съ выдающеюся торжественностью отпразднованъ былъ этотъ трехвѣковой юбилей въ Костромѣ, гдѣ совершилось восшествіе въ Ипатьевскомъ мона-

Царская
держава
Михаила
Θеодоровича.



стырѣ на престолъ Михаила Θеодоровича, и въ Москвѣ, гдѣ онъ родился и былъ вѣнчанъ на царство. Государь Императоръ, въ сопровожденіи Своей Царственной Семьи и Особъ Царствующаго Дома, въ майскіе дни минувшаго года, посѣтилъ Кострому и всѣ историческіе города, съ которыми связаны событія воцаренія Его пращура, какъ Нижній-Новгородъ, Владиміръ, Ярославль, Троицкую Лавру, Ростовъ и Суздаль. Радостно встрѣчалъ Его Величество на всемъ пути историческихъ воспоминаній народъ. Болѣе продолжительнымъ было пребываніе Государя въ древнепрестольной Москвѣ, куда онъ вступилъ, какъ и царь Михаилъ Θеодоровичъ, чрезъ Красную площадь въ вѣковѣчный Кремль. У Спасскихъ воротъ Его Величество встрѣченъ былъ крестнымъ ходомъ съ главнѣйшими нашими святынями и вступилъ пѣшкомъ въ сердце Москвы, гдѣ молился у гробницъ своихъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ и у святынь первопрестольнаго Успенскаго собора, гдѣ совершилось призваніе на царство Родоначальника Дома Романовыхъ. На другой день Его Величество посѣтилъ Чудовъ монастырь, гдѣ устроена была примѣчательная выставка церковно-историческихъ памятниковъ царскаго періода Дома Романовыхъ, и гдѣ незадолго предъ тѣмъ освященъ былъ извѣстный уже намъ храмъ во имя новопрославленнаго святителя Ермогена. Отсюда Его Величество направился въ Знаменскій монастырь и боярскій домъ Романовыхъ, а потомъ посѣтилъ Новоспасскій монастырь, гдѣ находится

Царскій вѣнецъ Михаила Ѳеодоровича.

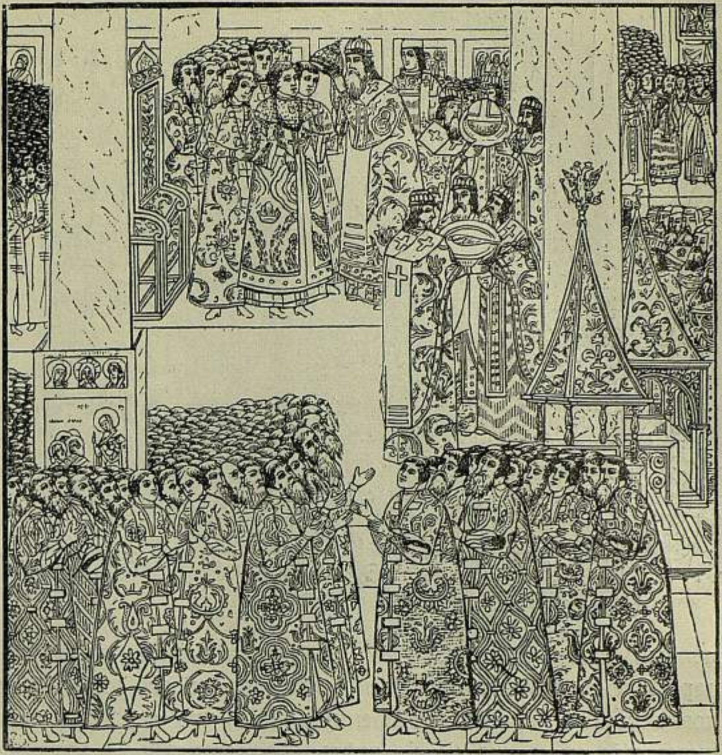
«усыпальница Его пресвятыхъ предковъ». Глубоко знаменательныя воспоминанія обвѣвали царя и народъ въ эти дни...

Молодой царь и основатель новой династіи Михаилъ Ѳеодоровичъ долженъ былъ одновременно возстановить— разрушенныя государство и его столицу Москву. Но задача нашего труда не позволяетъ намъ останавливаться на общеисторическихъ событіяхъ этого царствованія, какъ напр. на очищеніи Россіи отъ разныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, ни на возсозданіи ея учрежденій: мы должны обратиться къ исторіи собственно Москвы, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Чтобы судить о силѣ ея органическаго творчества, въ дѣлѣ собственнаго возсозданія, достаточно сопоставить то, чѣмъ явилась она предъ народнымъ ополченіемъ князя Пожарскаго, съ тѣмъ, что говорятъ о ней иностранцы въ срединѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Прибывшій— черезъ двадцать лѣтъ, по его вступленіи на престолъ, гольштинецъ Олеарій уже нашелъ ее большимъ и цвѣтущимъ городомъ, неносившимъ слѣдовъ страшной «разрухи». Между тѣмъ, въ 1612 году, совершилось истребленіе огнемъ трехъ четвертей города; уцѣлѣли только Кремль и Китайгородъ; а три концентрическихъ круга или пояса Москвы погибли; выжжены были: Бѣлый городъ, затѣмъ охватывавшій его деревянный городъ, или «Скородомъ», и, наконецъ, болѣе широкій поясъ окружавшихъ Москву слободъ и селъ.

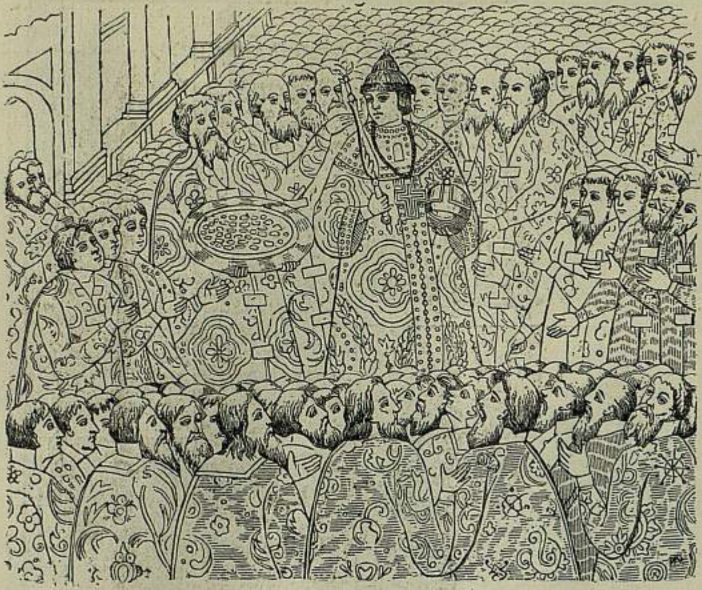
Трудно и представить себѣ, что представляли Китай-городъ и Кремль предъ приходомъ сюда князя Пожарскаго. Что и говорить о первомъ, если во второмъ «всѣ царскія палаты и хоромы стояли безъ кровель, безъ половъ и лавокъ, безъ окошекъ и дверей, такъ что молодому царю негдѣ было поселиться» (Дворц. Разряды. II. 1850. Т. I, стр. 1154). Михаилъ Ѳеодоровичъ, съ пути своего въ Москву, писалъ боярамъ, чтобы они приготовили для него палату царицы Ирины съ мастерскими палатами и сѣнями, а для его матери деревянныя хоромы супруги Василія Шуйскаго; бояре отвѣчали, что «приготовили для государя только комнаты царя Ивана да Грановитую палату, а для матери его хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ; тѣхъ же хоромъ, что государь приказалъ, скоро отстроить нельзя, да и нечѣмъ: денегъ въ казнѣ нѣтъ и плотниковъ мало; палаты и хо-

Вѣнчаніе на царство.



ромы всѣ—безъ крышъ, половъ, лавокъ, дверей и окошекъ нѣтъ, надобно дѣлать все новое, а лѣсу пригоднаго скоро не добыть». Но Михаилъ Ѳеодоровичъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ и вновь въ концѣ апрѣля писалъ боярамъ: «по прежнему и по этому нашему указу, велите устроить намъ Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей—хоромы царицы Маріи; если лѣсу нѣтъ, то велите строить изъ брусяныхъ хоромъ царя Василія. Вы писали намъ, что для матери нашей изготовили хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ; въ этихъ хоромахъ жить матери нашей не годится».

Кипучая дѣятельность, по очищенію Россіи отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, по возстановленію разрушеннаго государства, по исцѣленію язвъ, произведенныхъ въ немъ временемъ смуты, нѣтъ сомнѣнія, сильно задерживала возстановленіе Москвы, какъ города, но также несомнѣнно, что и этотъ процессъ совершался съ необыкновенной энергіей и быстротой. Воскресшій и олицетворившійся въ молодомъ государѣ духъ народа, какъ сила пластическая, поразительно скоро создалъ себѣ скорлупу или оболочку въ Москвѣ, возстановленной, въ главныхъ чертахъ, въ томъ же національно-своеобразномъ видѣ, въ какомъ она существовала, при послѣднемъ представителѣ прекратившейся династіи св. Владиміра. Отвлеченные болѣе важными явленіями, современники Михаила Ѳеодоровича мало даютъ намъ свѣдѣній о его строительной дѣятельности въ Москвѣ. Но она была несравненно обширнѣе того, что говорятъ о ней современныя пись-



Выходъ изъ Успенскаго собора послѣ вѣнчанія на царство.

менныя свидѣтельства. Сынъ родоначальника династіи Романовыхъ— царь Алексѣй Михайловичъ принялъ отъ своего отца Москву уже возстановленную и хорошо обстроенную, такъ что ему на долю выпало только украшеніе ея и умноженіе здѣсь второстепенныхъ уже сооруженій.

Такимъ образомъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ: 1) выстроился вновь круговой поясъ московскихъ слободъ; 2) полукругъ «Скородома» и Замоскворѣчье, въ коихъ деревянныя стѣны были замѣнены землянымъ валомъ; 3) возстановленъ Бѣлый городъ; 4) обстроенъ Китай-городъ и 5) реставрированъ Кремль.

Само собою разумѣется, что болѣе всего мы имѣемъ свѣдѣній о строительной дѣятельности Михаила Ѳеодоровича въ Кремлѣ. Она сильно проявилась въ этомъ центрѣ Москвы.

Прежде всего работа зодчихъ коснулась Фроловскихъ воротъ, кои со времени царя Алексѣя Михайловича стали называться Спасскими. Построенныя при Іоаннѣ III Антоніемъ Соляріемъ, они, какъ видно на изображеніи Кремля въ царствованіе Бориса Годунова, приведенномъ нами выше, представляли четыреугольное невысокое зданіе, покрытое четырехскатною крышей, подъ которой устроена вышка съ четырьми фронтонами, увѣнчанная двухглавымъ орломъ. На вышкѣ былъ повѣшенъ колоколъ. Въ 1624 году, по указу царя Михаила Ѳеодоровича, надъ Фроловскими воротами построена была шестигранная высокая башня, а на ней поставлены были часы, существовавшіе въ своемъ первоначальномъ видѣ до Петра I, который замѣнилъ ихъ другими. Строителемъ башни и часовщикомъ былъ англичанинъ Христофоръ Галловей. Воспроизводимъ на особомъ листѣ изъ книги: «Объ избраніи на царство Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича» рисунокъ, на

Великая инокиня
Мареа Іоанновна,
мать царя
Михаила Феодоровича.

коемъ башня имѣетъ тотъ видъ, который она сохраняетъ и теперь; но окружающая ее обстановка уже не—та, что при Михаилѣ Феодоровичѣ. Такъ, предъ нею мы видимъ на рисункѣ мостъ, перекинутый чрезъ ровъ, наполненный водой. Самая главная кремлевская стѣна покрыта двухскатною крышей. Сосѣднія башни, какъ, напримѣръ, та, на которой висѣлъ всполошный (набатный) колоколъ, имѣютъ другой, чѣмъ теперь видъ. Предъ главной стѣной выведены еще двѣ невысокія стѣны; предъ ними изображенъ рядъ небольшихъ, теперь несуществующихъ, деревянныхъ церквей. На другой сторонѣ виденъ Покровскій соборъ, или храмъ св. Василія Блаженнаго. Въ самомъ Кремлѣ нарисованы: за всполошной башней верхъ несуществующей теперь церкви Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Съ другой стороны Спасской башни видны верхи Вознесенскаго и Чудова монастыря и Иванъ Великій.

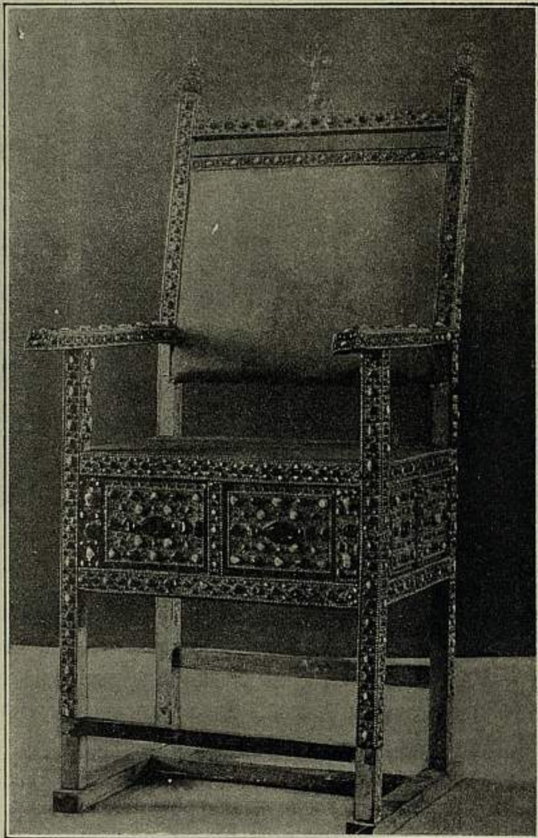
На первомъ планѣ рисунка изображено провозглашеніе съ Лобнаго мѣста царемъ Михаила Феодоровича; здѣсь мы видимъ Рязанскаго архіепископа Феодорита, со свиткомъ въ рукѣ, Авраамія Палицына, боярина Василія Морозова и другихъ. Вокругъ Лобнаго мѣста народъ и войско. Рисунокъ дозволяетъ видѣть одежду и вооруженіе изображенныхъ здѣсь людей.

Въ самомъ Кремлѣ въ царствованіе Михаила Феодоровича кипѣла огромная работа по возстановленію его храмовъ и дворцовъ. Въ Успенскомъ соборѣ были возстановлены испорченные въ междуцарствіе своды и настѣнная иконопись. По современнымъ свѣдѣніямъ, это послѣднее дѣло было поручено псковскому иконописцу Ивану Паисену,

Скипетръ Михаила Өеодоровича.

Наверщье. Оконечность.

Тронъ Михаила Өеодоровича.



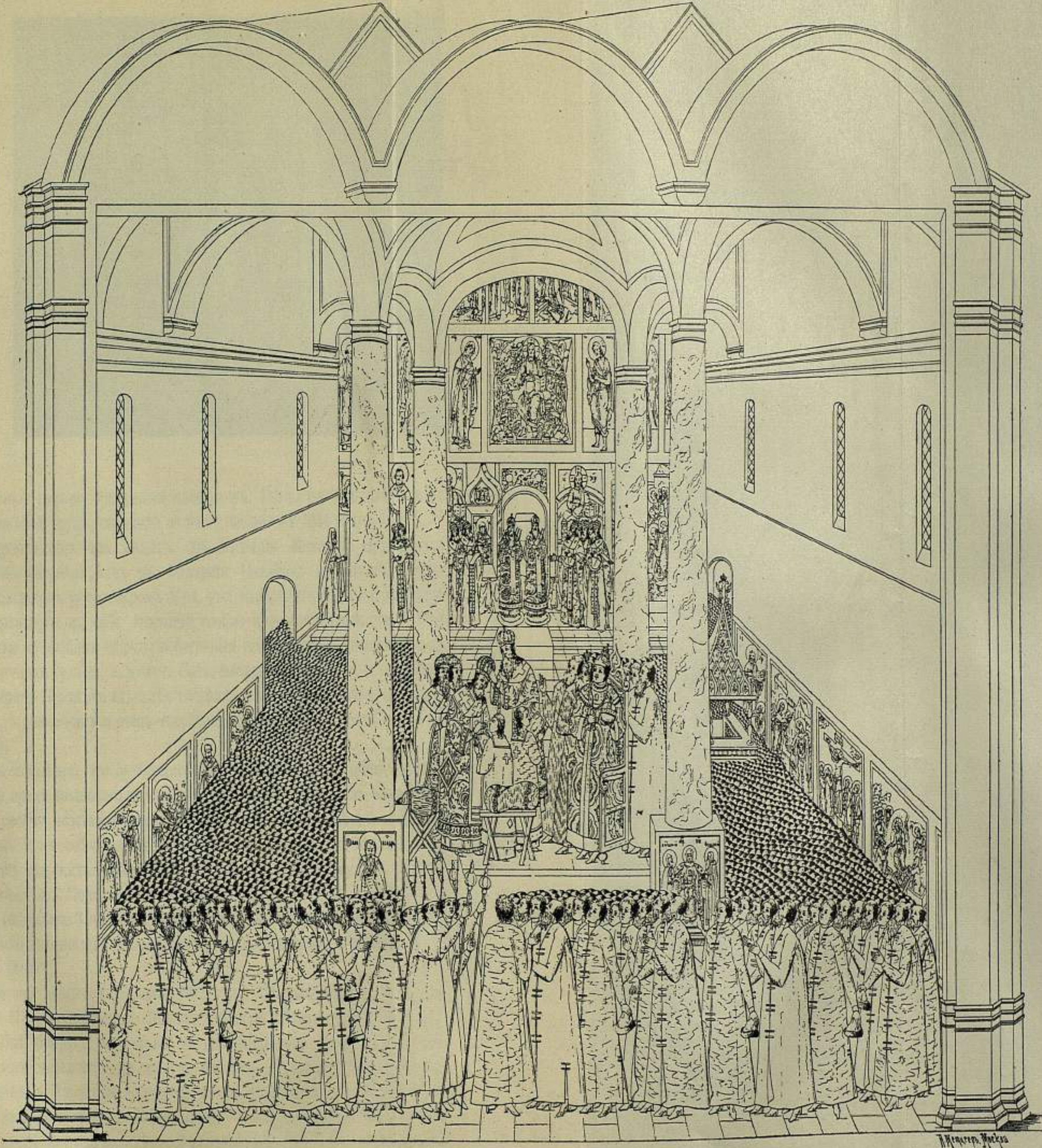
вмѣстѣ съ московскими иконописцами, кои въ точности снимали на листы старую живопись. Возобновленіе ея совершалось, подъ наблюденіемъ боярина Бориса Рѣпнина, стольника Григорія Пушкина и дьяка Степана Угодскаго. Золота употреблено было 210,000 листовъ, на 1,721 червонецъ (около 20,000 руб.). Государь указалъ брать деньги на этотъ предметъ изъ печатнаго и монетнаго дворовъ и изъ приказа Казанскаго дворца. Однако въ возобновленіи собора участвовали патріархъ, давшій на этотъ предметъ 1,000 червонцевъ, и торговый человѣкъ Толечовъ—164 червонца.

«По учиненіи смѣты, поданной государю за руками иконописцевъ Ивана Паисена съ товарищами, оказалось, что если собрано будетъ государевымъ изволеніемъ знаменщиковъ и иконописцевъ шестьдесятъ человѣкъ, то всю соборную церковь уповательно можно подписать въ два лѣта. По приготовленіи красокъ и всего матеріала, потребнаго къ сему дѣлу, начали

Святѣйшій патріархъ
Филаретъ Никитичъ.
По Титулярнику.

левкасъ дѣлать изъ старой извести, которую возили изъ Ростова. Въ привозѣ оной значится 200 бочекъ, цѣною каждая по 50 коп., и притомъ за провозъ 50 же. Оную же известь въ левкасъ претворяли слѣдующимъ образомъ: смѣшавъ съ водою, цѣдили въ 20 творилъ черезъ рѣшето, въ творилахъ гребками мѣшали и изъ Москвы-рѣки воду въ опредѣленные часы перемѣняли; емжугъ же, или соръ съ пѣною съ извести снимали и потомъ оную со льномъ сбивали; а ленъ пріуготовляли такъ: оный на мельницахъ терли и выбирали изъ него кострицу, а потомъ сушили въ ведренное и теплое время на шестахъ, а въ ненастное время нарочно избы топили, изсуша, вили веревки, и, изрѣзавъ ихъ, въ творилахъ же, съ известью мѣшали; такимъ образомъ, пріуготовивъ левкасъ, снимали со стѣнъ старое иконное письмо на бумажные листы; потомъ старый левкасъ сбивали и, гдѣ оказывались сверху на сводахъ трещины, заливали ихъ вареною смолою. Очистивъ стѣны, набивали оныя для укрѣпленія новаго левкаса гвоздями, гдѣ же гвозди въ стѣну не входили, то навертывали нарочно сдѣланными пробоями, а потомъ левкасили вновь стѣны и, чтобы гладокъ былъ левкасъ, потирали оный ветошками. Учредивъ все такимъ образомъ, писали иконописцы на стѣнахъ безъ свѣчъ, а по необходимости и при свѣчахъ, противъ снятыхъ стараго письма рисунковъ, растворяя краски на яйцѣ, да на пшеничной вареной водѣ, въ киноварь же и сурикъ—масло, а въ баканъ и ярь—нефть и скипидаръ клали, золотили же только на олифѣ, и

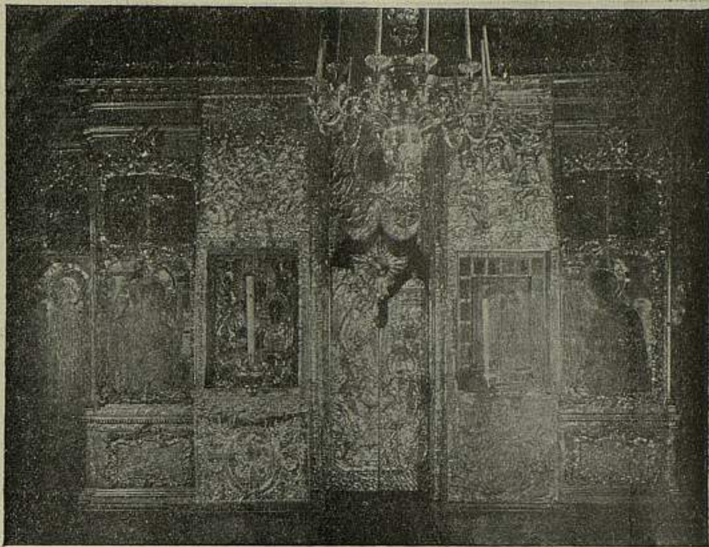
Коронаціонный обѣдъ
Михаила Θеодоровича
въ Грановитой палатѣ.



Посвященіе въ патріархи Филарета Никитича. (Къ стр. 193.)

(Изъ «Книги объ избраніи на царство Михаила Θеодоровича»).

3



Дворцовая церковь Спаса «за золотою рѣшеткою».

оное стѣнное письмо покрывали олифою-жъ. Ревностно продолжая симъ порядкомъ свой трудъ, окончили иконное писаніе въ 1644 году».

Воспроизводимъ изъ «Книги объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство» рисунокъ, какъ на Филарета Никитича возлагаетъ іерусалимскій патріархъ митру. Кромѣ царя, уже возмужавшаго, и патріарховъ, здѣсь обращаютъ на себя вниманіе особые чиновники—огненники. Они были одѣты въ красныя одежды и багряныя остроконечныя шапки и держали въ рукахъ булавы, а, можетъ быть, фонари съ огнемъ, т.-е. свѣчами.

Филаретъ Никитичъ сдѣлался соправителемъ сына своего и, въ этомъ качествѣ, а равно какъ и отецъ государя, пользовался титуломъ «великаго государя».

Нѣтъ сомнѣнія, что и Архангельскій соборъ, подвергшійся опустошенію во время польскаго владычества въ Москвѣ, требовалъ немало работъ по своему возстановленію. Но объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Въ исторіи этого собора это царствованіе отмѣчено, кромѣ вкладовъ, богомольныхъ царскихъ выходовъ и погребенія самого государя, перенесеніемъ сюда изъ Польши гроба развѣнчаннаго царя и невольнаго инока Василія Ивановича Шуйскаго. При заключеніи Поляновскаго мира, польскій король Владиславъ IV согласился отпустить гробы Шуйскаго и его жены въ Москву

Сюда они прибыли 10 іюня 1635 года. Народъ вышелъ встрѣтить гробы на Поклонную гору за Дорогомиловскую заставу. Ихъ несли на головахъ дѣти боярскіе до церкви Николы Явленнаго на Арбатѣ. Отсюда ихъ понесли московскіе дворяне на плечахъ. Патріархъ Іосафъ, преемникъ Филарета Никитича, встрѣтилъ печальную процессію у несуществующей теперь церкви Николая Зарайскаго, у Каменнаго моста, и, отслуживъ литію, пошелъ за ними вмѣстѣ съ духовенствомъ. Гробы внесли въ Кремль

Екатерининская церковь.

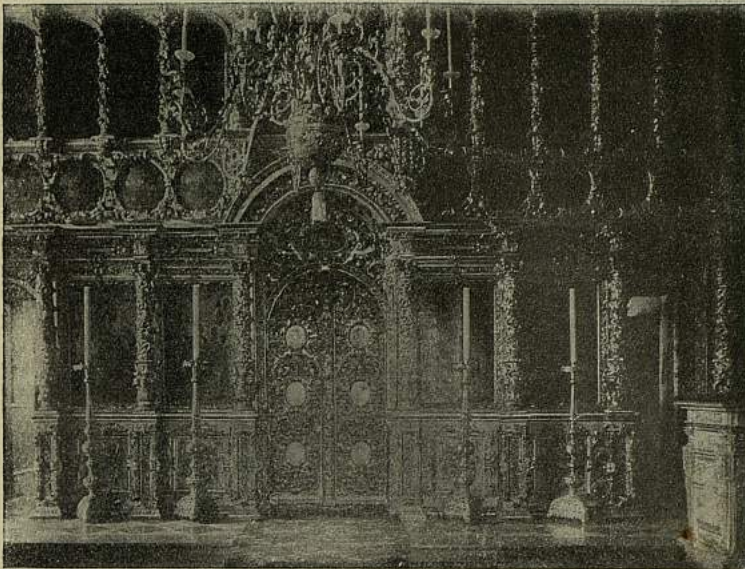
чрезъ Ризположенскія ворота и, когда проходили около двора Бориса Годунова, зазвонили во всѣ колокола. Царь съ боярами были всѣ въ «смирныхъ», или траурныхъ одеждахъ. На другой день происходило погребеніе царя Василія Ивановича въ соборѣ Архангела Михаила. Гробъ его былъ поставленъ у сѣверной стѣны. Надпись гласитъ: «7121—1613 сентября, въ двѣнадцатый день, на память священномученика Автонома, преставился благовѣрный и христолюбивый великій государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Россіи самодержецъ, въ польскомъ королевствѣ въ 65 лѣтъ живота его, а въ Польшѣ лежало его тѣло 23 года.

О Благовѣщенскомъ соборѣ извѣстно только, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ устроить въ немъ новый каменный полъ, существующій доселѣ. Онъ сдѣланъ изъ набора яшмъ и перенесенъ, по приказанію отца государя, изъ Ростовскаго собора.

Въ это же царствованіе, по благословенію патріарха Филарета, рядомъ съ Ивановскимъ столпомъ Годунова была построена колоколенная пристройка большихъ размѣровъ для помѣщенія колоколовъ. Но это зданіе было взорвано Наполеономъ въ 1812 году и возстановлено было уже послѣ Отечественной войны и доселѣ носитъ названіе Филаретовской постройки.

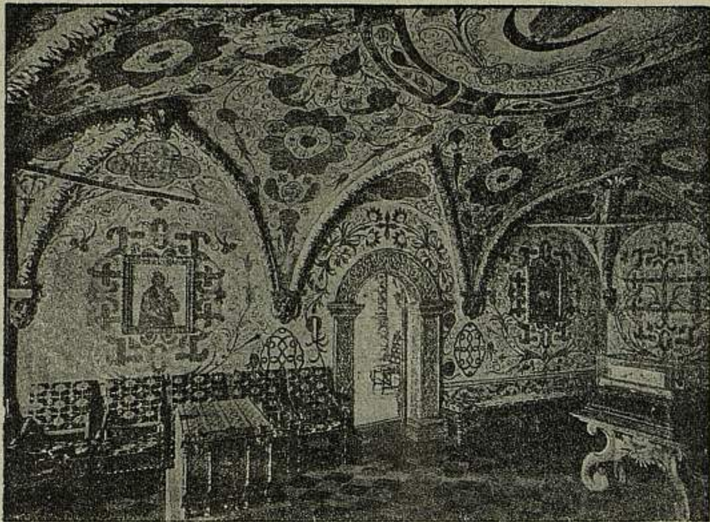
Являясь возстановителемъ прежнихъ храмовъ Кремля, Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ и храмоздателемъ новыхъ. Патріархъ Филаретъ Никитичъ, около 1630 года, построилъ въ Кремлѣ, надъ Тайницкими воротами, первый на Руси храмъ (соборный) во имя Александра Невскаго. Какъ видно изъ дѣлъ патріаршаго приказа, въ этомъ году, 7 іюня, по указу патріарха, «впервые выдано двумъ священникамъ и діакону 8 алтынъ и 2 деньги». Вотъ нѣкоторыя подробности объ Александров-

Церковь Воскресенія Словущаго.



скомъ соборѣ, уничтоженномъ въ концѣ XVII столѣтія. Въ описываемое время для него «поволакивалъ бархатомъ червчатымъ» евангеліе переплетчикъ Ермолаевъ, «знаменилъ и золотилъ евангелистовъ и крестъ знаменщикъ Петръ Матвѣевъ. За кіотъ и образъ св. Александра Невскаго, для ношенія въ крестныхъ ходахъ, заплочено иконнику Ондрюшкѣ Ондрееву 16 алтынъ 4 деньги. За кадило заплочено 2 руб., 3 алтына, 2 деньги. Надъ царскими вратами были поставлены образа: Всемилостиваго Спаса, Знаменія, Пречистыя Одигитріи, Пречистыя Владимірскія, Страстотерпца Өеодора и Михаила Малеина, писанныя иконописцемъ Назаріемъ Истоминымъ». Протопопъ собора съ причтомъ на праздникъ св. Александра Невскаго ходилъ къ святѣйшему патріарху со святою водою два раза въ годъ: 30 августа и въ ноябрѣ.

Изъ другихъ храмовъ, построенныхъ Михаиломъ Өеодоровичемъ въ Кремлѣ, извѣстны: 1) находящійся теперь внутри дворца Верхоспасскій соборъ, или Спасъ за золотою рѣшеткою. Онъ назывался также Спасомъ Нерукотвореннымъ на сѣняхъ, или на верху. Построеніе этого храма относится къ 1635—1636 году, ко времени увеличенія царскихъ теремовъ. Строитель храма былъ подмастерье каменныхъ дѣлъ Огурцовъ. Въ этомъ храмѣ говѣли и причащались цари, начиная отъ Михаила Өеодоровича и до Петра I, были крещены ихъ дѣти, и совершалось молебствіе въ день совершеннолѣтія царевичей, когда они объявлялись наслѣдниками престола. Около этого храма, на верху теремной лѣстницы, была боярская площадка, на коей собирались наши сановники прежде, чѣмъ являться къ государю. Церковь Спасова была отдѣлена отъ нея вызолоченною рѣшеткою. 2) «У царицы на сѣняхъ» въ 1626 году, по повелѣнію Михаила Өеодоровича, была построена зодчимъ Джономъ Тайлеромъ церковь велико-



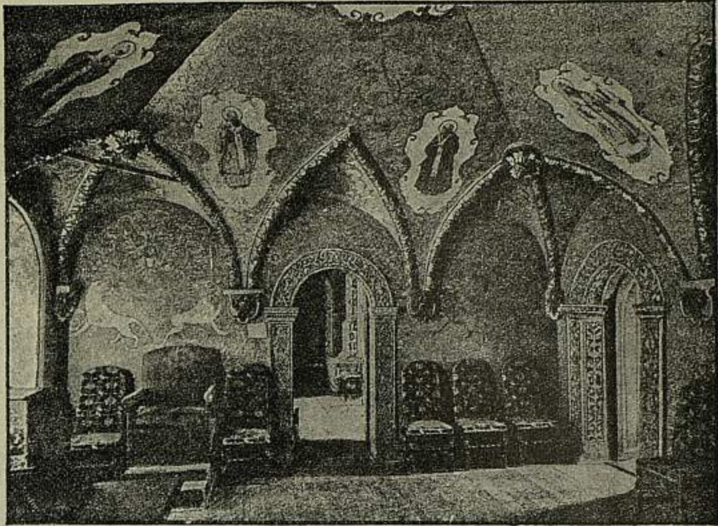
Крестовая палата въ Теремномъ дворцѣ.

мученицы Екатерины и 3) церковь Воскресенія Славущаго, существовавшая съ 1635 года и, по стилю и украшеніямъ, сходная съ Верхоспасскимъ соборомъ.

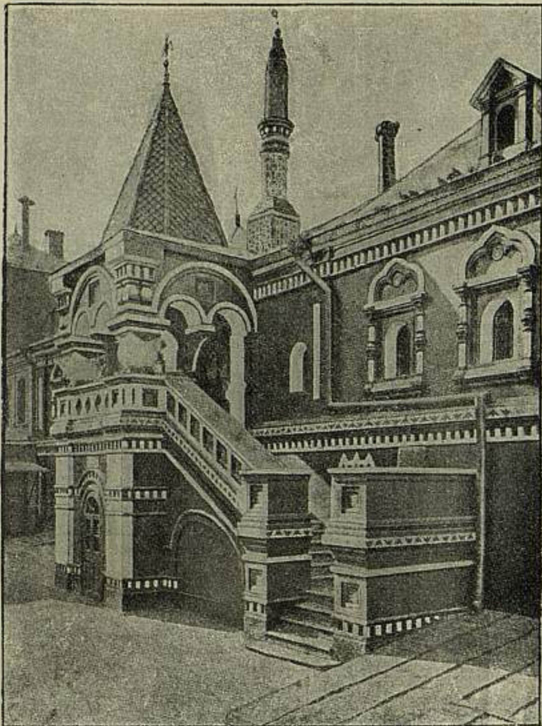
Исторія Московскаго Кремля при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ представляется очень оживленной, не по одному только его храмоздательству, но и по обширному строительству дворцовъ.

По изысканіямъ знаменитаго знатока исторіи Москвы И. Е. Забѣлина, эту сторону дѣятельности молодого царя можно представить въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1614 году были выстроены большія государевы хоромы, а въ слѣдующемъ году ихъ расписывали разными орнаментами и картинами иконописцы Ивашка да Ондрюшка Моисѣевы. Въ 1616 году въ тѣ же хоромы Серебряной палаты сторожъ Михалка Андреевъ дѣлалъ литую висячую подволоку, которая была вызолочена. Въ январѣ государь справлялъ здѣсь новоселье и далъ награду плотникамъ. Затѣмъ надъ царицыной и проходной палатами и на постельномъ крыльцѣ котельные мастера устроили новыя металлическія кровли. Но, 14 февраля 1619 года, въ царскихъ хоромахъ случился пожаръ, и дворцовый плотничный мастеръ строилъ новыя государевы хоромы, столовую избу и постельную комнату; а въ 1621 году ихъ украшали «знаменьемъ и письмомъ» лучшіе иконописцы Чиринъ, Савинъ, Паисѣинъ, Поспѣевъ и травникъ Лука Трофимовъ и другіе. Въ ноябрѣ въ столовой было справлено новоселье. Въ 1624 году Михаилъ Ѳеодоровичъ къ своимъ хоромамъ прибавилъ двѣ мыленки, избушку и сѣнничекъ. Въ слѣдующемъ году, онъ возобновилъ церковь Рождества Богородицы на сѣняхъ, съ придѣломъ св. Лазаря. Послѣ того построены были каменные ледники и поварни, а надъ Куретными воротами свѣтлица мастерицамъ, золотымъ и бѣлымъ швеямъ. Но, 3 мая 1626 года, случился новый пожаръ. Въ Кремлѣ, кромѣ монастырей Вознесенскаго и Чудова, «дворъ государевъ и патріаршій и въ приказѣхъ каменныхъ

Престольная палата въ Теремномъ дворцѣ.



всякія дѣла погорѣша, и казна, и конюшни, и житницы, и всѣ «жила» государевы погорѣша». Опять поднялась стройка, и въ лѣто пожара Первуша Исаевъ поставилъ государю новыя постельныя хоромы. Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, построена была брусяная столовая изба, гдѣ, 23 ноября, на новосельѣ государь угощалъ бояръ обѣдомъ, а тѣ подносили ему хлѣбъ-соль и соболей. Иноземецъ—палатный мастеръ Джонъ Тайлеръ—въ этомъ же году возобновлялъ Кремлевскій Срѣтенскій соборъ и строилъ помянутую выше церковь св. Екатерины. Послѣ этого пожара каменныя стройки слѣдуютъ одна за другой. По государеву указу, собраны были изъ Ростова, Суздаля, съ Бѣла-Озера и изъ другихъ мѣстъ всѣ каменщики и кирпичники, «для многихъ церковныхъ, дворцовыхъ и палатныхъ каменныхъ дѣлъ». Выписанъ былъ также «Голландскія земли нѣмчинъ—кирпичный мастеръ Редерикъ Матрысъ», который устроилъ кирпичный заводъ въ Даниловской слободѣ, «по своему нѣмецкому образцу». Въ 1631 году, на кормовомъ дворѣ выстроена была русскими каменщиками каменная поварня, на которую посредствомъ водоподъемной машины была проведена изъ Москвы-рѣки вода, а въ 1633 году прежде упоминавшійся Галловей взвелъ воду на Свибловскую башню, а оттуда въ поварни, въ сытный и кормовый дворецъ. Въ 1633—1636 годахъ, государь для себя и для дѣтей своихъ выстроилъ каменныя жилыя хоромы, хотя до этого, какъ болѣе пригодныя для здоровья, предпочитались деревянныя. Онѣ были построены надъ выстроенною еще при Іоаннѣ III мастерскою палатою и подклѣтными палатами, рядъ которыхъ тянулся къ церкви Рождества Богородицы. Возведены были теперь три новыхъ этажа подъ лицо съ царицыными пріемными палатами. Верхній этажъ съ теремомъ на верху былъ назначенъ для малолѣтнихъ царевичей, Алексѣя и Ивана, что значится и въ надписи, сохранившейся и донынѣ. Все зданіе сохранило типъ



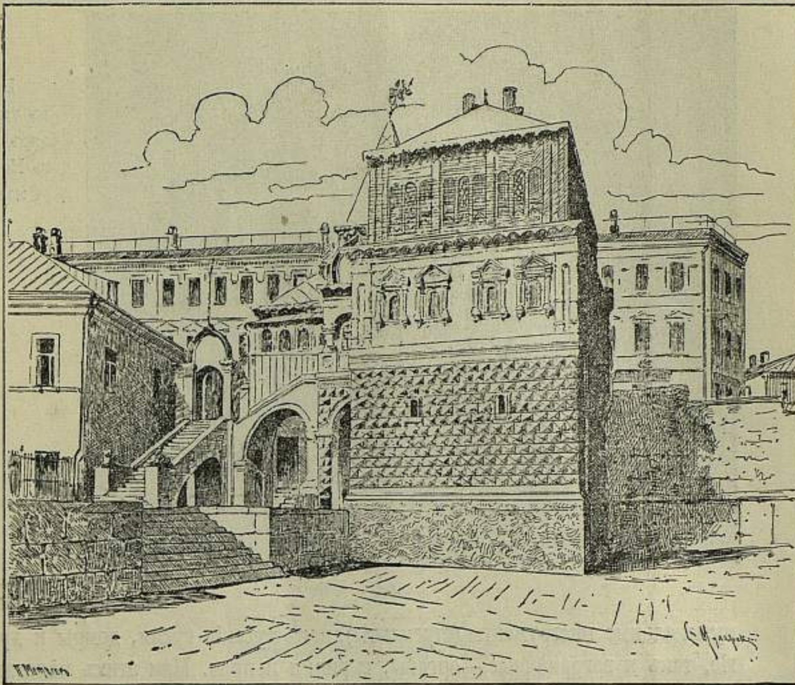
Печатный дворъ.

деревянныхъ жилыхъ хоромъ. Кромѣ каменныхъ растесокъ и рѣзей, напоминающихъ деревянную рѣзьбу, терема въ своемъ внутреннемъ устройствѣ напоминаютъ русскія деревянныя постройки. Почти всѣ комнаты теремнаго дворца одинаковой мѣры, каждая съ тремя окнами, что напоминаетъ великоруссую избу. Въ послѣдніе три года своего царствованія Михаилъ Θеодоровичъ выстроилъ еще какія-то дворцовыя палаты на Цареборисовскомъ дворцѣ для Датскаго королевича Вольдемара, за котораго хотѣлъ выдать дочь свою Ирину.

Такимъ образомъ, царь Михаилъ въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ своего царствованія, успѣлъ не только возстановить старый дворецъ, но и увеличить его новыми каменными и деревянными постройками, выроставшими, по мѣрѣ умноженія царской семьи и потребностей быта. Его сыну царю Алексѣю Михайловичу оставалось немного дѣла, въ отношеніи основныхъ сооруженій дворца.

Но, безъ сомнѣнія, въ царствованіе Михаила Θеодоровича много сдѣлано было и для внутренняго украшенія дворцовыхъ палатъ, на что есть не мало письменныхъ указаній, кои, впрочемъ, не опредѣляютъ того, что дѣлалось именно въ это время. Но, конечно, это было возстановленіемъ того, что было во дворцовыхъ палатахъ при Іоаннѣ IV и Θеодорѣ Іоанновичѣ. Если работы иконописцевъ по фресковымъ украшеніямъ дворцовыхъ палатъ уже при Алексѣ Михайловичѣ возстановляли «тѣ же вещи, что прежде были писаны», то при Михаилѣ его царскіе иконописцы:

Палаты бояръ Романовыхъ.



«Чиринъ, Назарьевъ, Савинъ, Паисѣинъ, Поспѣевъ, подписывавшіе и жилые и парадные царскіе покои, лишь возстановляли то, что было уничтожено или испорчено смутнымъ временемъ, не внося, конечно, ничего новаго.

На основаніи этого, мы можемъ утверждать, что, напр., Грановитая палата была вѣрно расписана по своимъ потолкамъ и стѣнамъ, какъ она реставрирована была, при въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Александровичѣ, на основаніи описанія фресокъ, сдѣланнаго при Алексѣѣ Михайловичѣ знаменитымъ русскимъ художникомъ Симономъ Ушаковымъ. Здѣсь въ разсматриваемое время красовались иконописныя изображенія изъ св. исторіи Ветхаго и Новаго завѣта и изъ Русской исторіи, портреты русскихъ государей, начиная съ Рюрика, и картины, въ родѣ присылки изъ Византіи Владиміру Мономаху царскихъ регалій, также аллегорическія изображенія мужества, правды и т. д.; подобнаго же религіознаго, аллегорическаго и историческаго характера была стѣнопись въ Золотой палатѣ, святыхъ сѣняхъ и жилыхъ покояхъ, гдѣ такую живопись не замѣняла орнаментація, болѣе или менѣе затѣйливаго характера.

Михаилу Θеодоровичу пришлось возстановлять во дворцѣ царскіе троны и мѣста, ободранные въ эпоху московской разрухи. Вообще молодому царю привелось не мало потрудиться, по возстановленію разореннаго царскаго обихода.

Михаиломъ Θеодоровичемъ были построены при дворцѣ потѣшныя палаты, гдѣ устраивались различныя увеселенія и хранились различные

Церковь въ усыпальницѣ бояръ Романовыхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

музыкальные инструменты (стременты), какъ русскіе гусли, домры и другіе, такъ и заграничные,—органы, скрипки и проч. При этихъ палатахъ находились бахари, или сказочники, пѣсенники, домрачеи, гусляры, скрыпотчики. Изъ гусляровъ этого времени извѣстенъ Любимъ Ивановъ; изъ органистовъ Томила Бѣсовъ и Мелентій Степановъ. На свадьбѣ царя тѣшили молодыхъ скрыпотчики: Богдашка Акатьевъ, Ивашка Ивановъ, Онашка да новокрещенный нѣмчинъ Арманка. Во дворцѣ стоялъ органъ съ соловьемъ и кукушкой, пѣвшими своими голосами. Органисту Ансу Луну повелѣно было научить русскихъ людей дѣлать такіе «стременты», кои посылались въ подарокъ восточнымъ государямъ, какъ, напр., Персидскому шаху. При Михаилѣ Θеодоровичѣ, на мѣстѣ нынѣшней думы, содержались львы и медвѣди; въ Старомъ Ваганьковѣ, на мѣстѣ Румянцевскаго музея,—большой «псаренный дворъ».

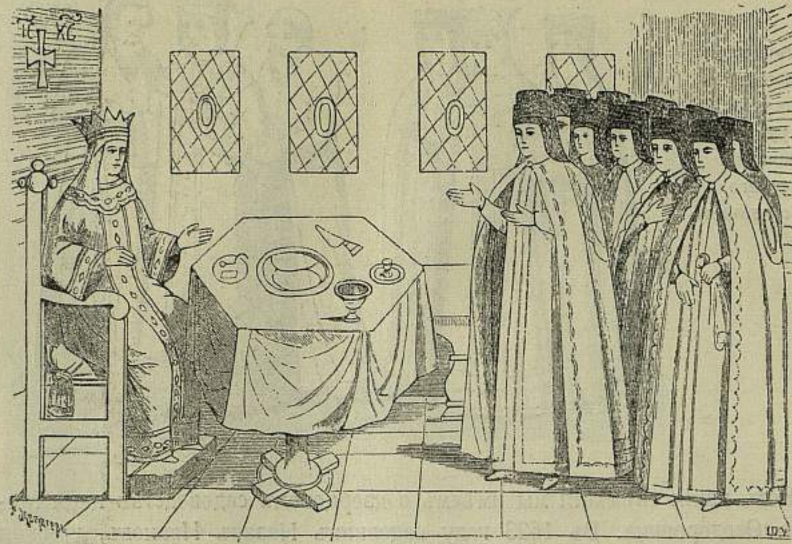
Михаилъ Θеодоровичъ много заботился объ устройствѣ садовъ дворцовыхъ. Эти сады, по мнѣнію И. Е. Забѣлина, были двухъ родовъ: одни верховые, какъ бы домовые, другіе—внѣшніе, или обыкновенные. Первые устраивались въ видѣ, такъ называемыхъ, висячихъ садовъ на какихъ нибудь подклѣтяхъ или сводахъ, кои покрывались свинцовыми досками; на нихъ насыпалась земля и сажались фруктовыя деревья: яблони, груши, вишни, сливы, грецкіе орѣхи, даже виноградъ и цвѣты: лиліи, розы, нарциссы, гвоздика, иссопъ и т. д. Въ этихъ внутреннихъ садахъ вѣшались клѣтки съ соловьями, канарейками, перепелами и даже попугаями. Во внѣшніе сады посредствомъ водопроводовъ проводилась вода и устраивались большаго или меньшаго размѣра пруды, на коихъ плавали лебеди и даже потѣшныя лодки, какъ, напр., въ послѣдующее время, при Θеодорѣ Алексѣевичѣ, для его брата царевича Петра. Здѣсь же стояли бесѣдки (чердаки), раскрашенныя разными узорами и даже картинками.

Кремлевскіе дворцы и соборы при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ. (Къ стр. 203.)

Изъ книги: «Избраніе его на царство».

Шествіе царя и царицы къ бракосочетанію. Изъ рукописи «Описаніе царскаго бракосочетанія»

Вотъ какія свѣдѣнія мы имѣемъ о дворцовомъ садоводствѣ царя Михаила Өеодоровича. Въ 1623 году садовникъ Назаръ Ивановъ, уряжая государевъ «садъ на верху», т.-е. во дворцѣ, выискивалъ по всѣмъ садамъ Москвы лучшія яблони и высадилъ здѣсь три собственныя яблони большія, наливъ, да грушу царскую. Вѣроятно, на этихъ яблоняхъ росли тѣ яблоки, о коихъ Олеарій говоритъ, что они такъ нѣжны и бѣлы, что, если держать ихъ противъ солнца, внутри ихъ можно видѣть зерна. Не въ этомъ ли саду посажена была махровая роза, впервые привезенная въ Москву изъ Готорпа Петромъ Марцеліемъ? Затѣмъ, извѣстно, что въ 1635 году садовники Иванъ Телятевскій да Титъ Андреевъ строили сады въ верху и на Цареборисовскомъ дворѣ, а садовникъ Никита Родіоновъ, въ это же время, ударилъ челомъ царю Михаилу и царевичу Алексѣю въ ихъ сады яблонями и грушами. Далѣе, въ слѣдующемъ году «въ новый государевъ садъ» обито сукномъ, багрецомъ червчатымъ, на хлопчатой бумагѣ, государево мѣсто. На внутреннемъ дворѣ, близъ Спаса на Бору, со стороны его алтарей, находился особый садъ, который примыкалъ къ столовой избѣ и постельной государевой комнатѣ. Въ этомъ саду въ 1643 году, послѣ кровопусканія Михаилу Өеодоровичу, хоронили въ ямку его царскую руду (Акты истор. II. № 228). Воспроизводимъ изъ «Книги объ избраніи на царство Михаила Өеодоровича» рисунки Кремлевскихъ дворцовъ и соборовъ, во время коронаціоннаго перенесенія регалій. Этотъ рисунокъ очень любопытенъ потому, что представляетъ намъ рядъ дворцовыхъ храмовъ и зданій XVII вѣка. За Успенскимъ соборомъ стоитъ храмъ св. Евдокіи и справа какая-то деревянная постройка, слѣва теремъ и предъ нимъ Спасъ Золотая рѣшетка. За теремами храмъ Рождества Богородицы. На Соборную площадь выдвигается Грановитая палата съ крытыми шатровыми башенками и крыльцомъ. Далѣе идетъ Золотая палата съ открытымъ краснымъ крыльцомъ. За нею видны шатровые верхи столовой палаты, а вдали Колымажныя ворота. Лѣвѣй отъ нихъ Срѣтенскій соборъ и, наконецъ, набережныя палаты. Рисунки этихъ зданій любопытно сопоставить съ помѣщеннымъ выше планомъ Кремля Годуновскаго времени.



Обѣдъ царицы.

Съ коронаціоннымъ обѣдомъ государя, воспроизводимымъ выше, интересно сопоставить обѣдъ царицы, изображенный въ рукописи: «Описаніе бракосочетанія царя Михаила Ѳеодоровича».

Царствованіе Михаила Ѳеодоровича оставило по себѣ немало памятниковъ и въ Китаѣ-городѣ. Самыми примѣчательными изъ нихъ являются Казанскій соборъ и Знаменскій монастырь. Первый изъ нихъ построенъ былъ, по обѣту князя Пожарскаго и освященъ святѣйшимъ патріархомъ въ 1633 году. Въ немъ поставлена была чудотворная икона Казанской Божіей Матери, сопутствовавшая народному ополченію въ 1612 году. Со времени освященія этого собора, были установлены сюда два крестныхъ хода: 8 іюля и 22 октября.

Въ 1631 году, въ память кончины матери царя, инокини Марѳы Ивановны, на мѣстѣ сгорѣвшаго въ смутное время и существовавшаго на Варваркѣ со временъ Грознаго двора бояръ Романовыхъ, гдѣ родился Михаилъ Ѳеодоровичъ, близъ уцѣлѣвшей каменной палаты, былъ построенъ Знаменскій монастырь. Въ главномъ храмѣ, въ иконостасѣ этого монастыря, находится икона Знаменія Богородицы, передъ которой молился Филаретъ Никитичъ, и серебрянная лампада, даръ его супруги. Кромѣ бывшей здѣсь прежде домовой церкви, была построена церковь во имя Аѳанасія Аѳонскаго, ученика и постриженника преподобнаго Михаила Малеина, ангела царя, въ честь коего въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ жила его мать, былъ выстроенъ особый придѣлъ.

Кромѣ этого въ Китаѣ-городѣ выстроены были при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ: сгорѣвшія церкви пророка Иліи на Новгородскомъ подворьѣ (1626 г.) и Николая Чудотворца, «Красный звонъ», и перестроена потерпѣвшая при полякахъ церковь Зачатія св. Анны, что въ углу. Царь бывалъ здѣсь на храмовыхъ праздникахъ, а князь Д. М. Пожарскій, на

поминъ своихъ родителей, пожертвовалъ сюда колоколъ. У Варварскихъ воротъ въ 1626 году вновь построена была церковь св. Климента, а храмъ Троицы въ Никитникахъ, деревянный, замѣненъ каменнымъ. Онъ называется и церковью Грузинской Богоматери.

Царица Евдокія Лукьяновна (Стрешнева).

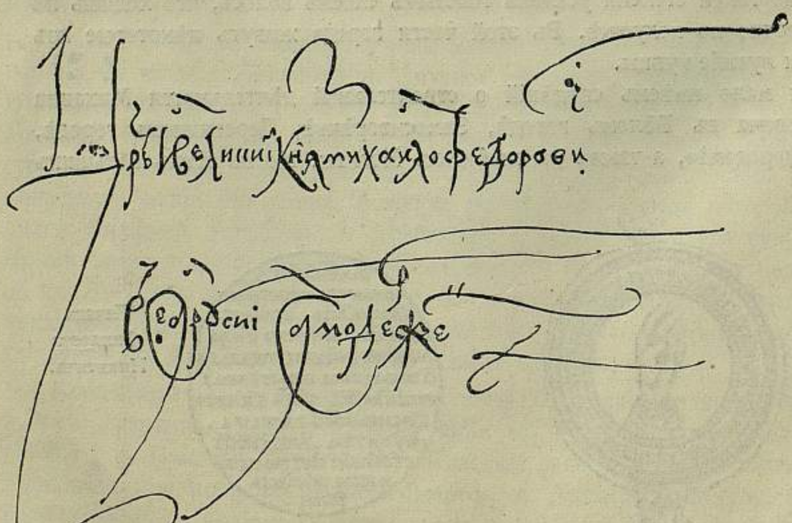
Еще въ 1616 году Михаилъ Ѳеодоровичъ возстановилъ сгорѣвшій печатный дворъ и въ 1645 на немъ построилъ особую палату, какъ то значится въ надписи надъ воротами. По описанію Адама Олеарія, въ Китай-городѣ, отъ Василія Блаженнаго, въ это царствованіе шелъ самый большой и лучшій рынокъ, полный по цѣлымъ днямъ торговцевъ и народу. На рынкѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ улицахъ устроены были лавки и мѣста для торговли всякаго рода товаровъ. Продавцы шелковыхъ и суконныхъ тканей, золотыхъ дѣлъ мастера, сапожники, скорняки, сѣдельники, портные и другіе—всѣ имѣли здѣсь особые ряды. Въ улицѣ, идущей направо отъ Кремля, находился иконный рядъ, гдѣ вымѣнивались образа.

Далѣе, находится особая площадка, на которой москвичи, подъ открытымъ небомъ, стригутся и бреются. Рынокъ этотъ, называемый вшивымъ, до такой степени устланъ толстымъ слоемъ волосъ, что ходишь по немъ, точно по подушкѣ. Въ этой части города живутъ нѣкоторые изъ бояръ и лучшіе купцы.

Мы мало имѣемъ свѣдѣній о строительной дѣятельности Михаила Ѳеодоровича въ Бѣломъ городѣ, Замоскворѣчьѣ, Деревянномъ городѣ, или «Скородомѣ», а также въ слободахъ Москвы. Но въ этихъ большихъ

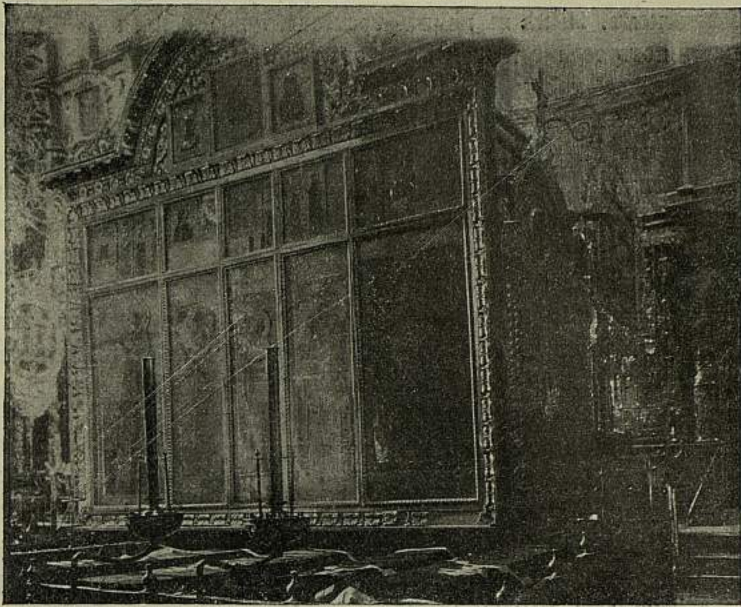
Печати Филарета Никитича.

Михаилъ Θеодоровичъ въ концѣ царствованія.



Подпись Царя Михаила Θеодоровича

Гробницы первыхъ царей изъ дома Романовыхъ въ Архангельскомъ соборѣ.



концентрическихъ кругахъ, почти сплошь истребленныхъ «разрухой» междуцарствія, работа кипѣла громадная. По описнымъ книгамъ патріаршаго приказа временъ Филарета Никитича, значится уже множество прежде существовавшихъ и новыхъ церквей. Но храмовая исторія Москвы не можетъ съ достаточною точностью указать, что именно возстановлено и что построено здѣсь первымъ царемъ изъ дома Романовыхъ. По свидѣтельству Олеарія, въ это царствованіе во всей Москвѣ было до 2.000 церквей, монастырей и часовенъ.

Немало памятниковъ строительной дѣятельности царствованіе это оставило въ Замоскворѣчьѣ, для соединенія коего съ Бѣлымъ городомъ начато было сооруженіе Каменнаго моста, для чего изъ Страсбурга былъ вызванъ (въ 1643) мастеръ Анце Кристлеръ, привезшій съ собою мѣдныя и желѣзныя снасти и инструменты. Сдѣлана была деревянная модель моста, и начаты работы на рѣкѣ, но онѣ были остановлены смертью царя, и сооруженіе было окончено только при Софьѣ Алексѣевнѣ. Многія церкви Замоскворѣчья были возобновлены послѣ разоренія, а другія построены вновь, какъ, напр., Михаила Архангела, въ Овчинникахъ.

Въ деревянномъ городѣ возобновлено было много старыхъ церквей и немало было построено новыхъ, каковы: Знаменія за Петровскими воротами (каменная, вмѣсто деревянной), Пимена въ Старыхъ Воротникахъ, Іоанна Богослова въ Бронной, Преображенія и Сергія чудотворца въ Пушкаряхъ. Въ селахъ и слободахъ Московскихъ, вошедшихъ затѣмъ въ черту города, Михаилъ Ѳеодоровичъ тоже построилъ не мало храмовъ; такъ, въ селѣ Рубцовѣ-Покровскомъ, родовомъ владѣніи бояръ Романовыхъ, гдѣ нынѣ Покровская община, построена была церковь Покрова, въ па-

мять отраженія отъ Москвы поляковъ, а также храмъ Введенія въ Семеновскомъ. Нынѣ въ память трехсотлѣтняго юбилея въ бывшей вотчинѣ царя построена большая Романовская больница.

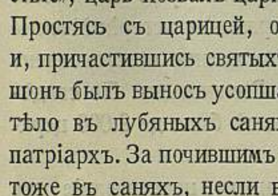
Вообще царствованіе Михаила Ѳеодоровича, какъ возстановителя первопрестольной столицы, въ высокой степени важно для Москвы. Образованность ея въ это время значительно подвинулась. Филаретъ Никитичъ, владѣвшій образованіемъ (онъ при Грозномъ отъ англичанъ научился по-латыни), заботился объ его развитіи: въ Чудовомъ монастырѣ, ранѣе Заиконоспасской академіи, онъ учредилъ славяно-греко-латинскую школу; собиралъ рукописи и книги; поощрялъ ученье; заботился объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ; довелъ типографское дѣло въ Москвѣ до того, что иностранцы находили, что печатавшіяся тогда у насъ книги не уступали иностраннымъ. Ювелирное дѣло, чеканка монеты (впервые золотой), литье (колоколовъ и пушекъ), живопись и архитектура процвѣтали въ это время въ Москвѣ.

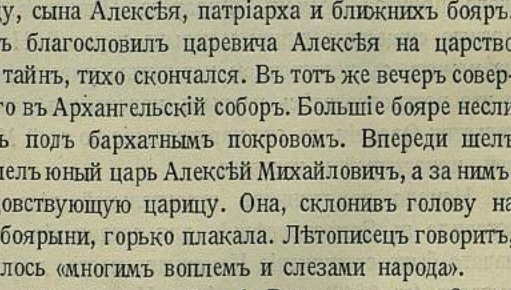
Въ качествѣ памятника XVII вѣка, воспроизводимъ печать матери царя инокини Марѳы.

Въ апрѣлѣ 1645 года Михаилъ Ѳеодоровичъ тяжко занемогъ. Его лѣчили иностранные врачи. Въ іюлѣ больному стало легче. Наступало 12-е іюня, день памяти св. Михаила Малеина и царскихъ именинъ. Набожный государь хотѣлъ отстоять заутреню въ Благовѣщенскомъ соборѣ, но во время службы съ нимъ сдѣлался обморокъ, и его на рукахъ отнесли въ опочивальню. На слѣдующую ночь, «уразумѣвъ свое къ Богу отшествіе», царь позвалъ царицу, сына Алексѣя, патріарха и ближнихъ бояръ. Простясь съ царицей, онъ благословилъ царевича Алексѣя на царство и, причастившись святыхъ тайнъ, тихо скончался. Въ тотъ же вечеръ совершонъ былъ выносъ усопшаго въ Архангельскій соборъ. Большіе бояре несли тѣло въ лубяныхъ саняхъ подъ бархатнымъ покровомъ. Впереди шелъ патріархъ. За почившимъ шелъ юный царь Алексѣй Михайловичъ, а за нимъ, тоже въ саняхъ, несли вдовствующую царицу. Она, склонивъ голову на грудь поддерживающей ее боярыни, горько плакала. Лѣтописецъ говоритъ, что погребеніе сопровождалось «многимъ воплемъ и слезами народа».

Государь Императоръ поставилъ на гробницѣ Родоначальника Своего Дома драгоцѣнную лампаду и самъ затеплилъ ее въ память трехвѣкового юбилея, а великій князь Петръ Николаевичъ устроилъ по собственному чертежу сѣнь надъ гробницей Михаила Ѳеодоровича.

Москва и Кострома ставятъ у себя монументы въ память Михаила Ѳеодоровича.





Печать царя Михаила Ѳеодоровича

XII.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

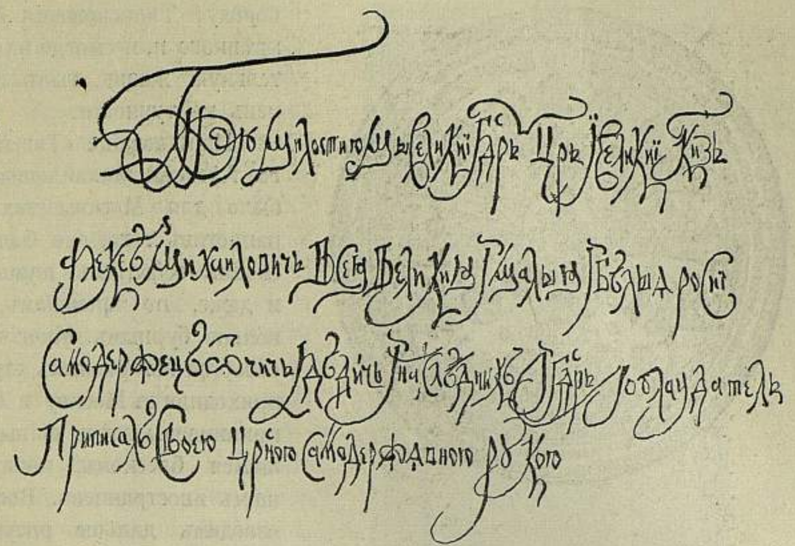
Прежде, чѣмъ обратиться къ исторіи Москвы, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, мы должны всмотрѣться въ его личность и характеръ, кои отпечатлѣвались на самой Москвѣ, ея бытѣ и даже самой внѣшности.

Шестнадцатилѣтнимъ юношей вступилъ на престолъ этотъ государь, и, по самому возрасту своему и душевнымъ свойствамъ, мягкимъ и податливымъ, подчинялся вліянію окружающихъ его, сперва воспитателя своего боярина Морозова, потомъ патріарха Никона и, наконецъ, боярина Матвѣева. Но эти вліянія не исключали въ немъ, особенно въ пору зрѣлости, самостоятельности, которая сказалась и въ его борьбѣ съ своимъ прежде «собиннымъ другомъ» и даже «соправителемъ» и которая сломила этого «великаго государя» и могучаго человѣка. Мягкость характера Алексѣя Михайловича сказывалась въ его благотворительности нищимъ, въ посѣщеніи заключенныхъ въ тюрьмахъ и въ помощи прочимъ страждущимъ, въ его ласковости и, наконецъ, въ данномъ ему народомъ названіи «тишайшаго». Во многихъ его письмахъ отражается его теплое участіе къ людямъ, ихъ горю и нуждѣ. Но, при всемъ этомъ, онъ бывалъ и строгъ къ виновнымъ и немало лицъ чувствовали на себѣ тяжесть царской опалы. Бывали даже случаи самоличной расправы государя. Такъ, выведенный изъ терпѣнія хвастовствомъ въ боярской думѣ боярина Милославскаго, Алексѣй Михайловичъ надралъ ему бороду и вытолкалъ его за дверь. Если отрѣшимся отъ мелочныхъ фактовъ, то мы увидимъ въ Алексѣѣ Михайловичѣ человѣка принципа и сознанной теоріи. Власть свою

Царь Алексѣй Михайловичъ по Титулярнику.

самодержавную государь ставилъ очень высоко, хотя, какъ и отецъ его, созывалъ земскіе соборы. Въ кругу книгъ, находившихся «на верху» у царя, мы встрѣчаемъ и сочиненія Юрія Крижанича, который, обращаясь къ государю, говорилъ: «въ твоихъ рукахъ, царь, чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, посредствомъ котораго ты можешь творить дивныя чудеса,— въ твоихъ рукахъ самодержавіе,—совершенная покорность и послушаніе подданныхъ. Уже давно на свѣтѣ не было такого царя, который имѣлъ бы силу творить такія чудныя дѣла, какія ты можешь легко дѣлать и пріобрѣсти за нихъ у всего славянскаго народа (Крижаничъ былъ провозвѣстникомъ славянскаго единства и врагомъ нѣмцевъ) нескончаемое благословеніе, у другихъ народовъ безсмертную славу, а у Бога, послѣ земного царствованія, царство небесное». Сознавая свое царское величіе, Алексѣй Михайловичъ окружалъ себя необычайномъ блескомъ и великолѣпіемъ. Пріемы пословъ, выходы царскіе и торжественные обѣды отличались удивительнымъ великолѣпіемъ. «Дворъ Московскаго государя, писалъ въ то время англичанинъ Карлейль, такъ красивъ и держится въ такомъ по-

Почеркъ царя Алексѣя Михайловича.



рядкѣ, что едва ли найдется хоть одинъ изъ всѣхъ христіанскихъ монарховъ, который бы превосходилъ въ этомъ Московскаго». Онъ былъ очень начитанъ, писалъ прекраснымъ почеркомъ, образчикъ котораго мы привели выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ была замѣтна склонность къ авторству, что выразилось тѣмъ, что онъ писалъ записки о своихъ походахъ, написалъ уставъ соколиной охоты и въ письмахъ далъ немало картинныхъ описаній разныхъ обстоятельствъ, какъ, напр., смерти патріарха Іосифа и разныхъ удачъ и неудачъ на охотѣ, особенно съ любимыми имъ соколами и кречетами (при немъ на стрѣлецкихъ знаменахъ часто изображали св. мученика Трифона на конѣ и съ соколомъ въ рукѣ).

Онъ не чуждался иностранцевъ и дозволялъ имъ жить въ Москвѣ, но только въ одной Нѣмецкой слободѣ, но, желая пользоваться успѣхами западной образованности, онъ не такъ, какъ его сынъ Петръ I, преклонялся предъ иностранцами. Боясь того, что Крижаничъ называетъ чужебѣсіемъ, онъ предпочиталъ иностранцамъ русскихъ образованныхъ людей, въ родѣ Симеона Полоцкаго, Епифанія Славинецкаго, Ѳедора Ратищева, Ордина-Нащокина и боярина Матвѣева. Цѣня образованность, Алексѣй Михайловичъ своею набожностью былъ образцомъ царя православнаго: каждый день бывалъ на церковныхъ службахъ и съ необыкновенною строгостью соблюдалъ посты. Въ Великомъ посту обѣдалъ только три раза въ недѣлю, а въ остальные дни кушалъ по куску чернаго хлѣба, по соленому грибу и огурцу. Въ домашней жизни своей государь былъ образцовымъ семьяниномъ. Глубоко трудолюбивый, онъ однако не прочь былъ отъ увеселеній и устроилъ «комедійныя храмины» въ Преображенскомъ и въ Кремлѣ, гдѣ давались представленія, въ родѣ Навуходоносора, царя Вавилонскаго, и Юдиѳи и Олоферна и т. п.

Наружность его, судя по описанію современниковъ, была такова: онъ былъ бѣлолицъ, румянъ, темнорусъ, имѣлъ красивую окладистую

Печать царя Алексѣя Михайловича.

бороду. Тѣлосложенія былъ крѣпкаго и, несмотря на дѣятельную жизнь, былъ склоненъ къ тучности.

Царствованіе «Тишайшаго» Алексѣя Михайловича не было для Москвы тихимъ; напротивъ того, оно было по своимъ событіямъ шумнымъ и даже, по временамъ, довольно бурнымъ. Многія посольства изъ разныхъ странъ приходили въ Москву и были принимаемы здѣсь съ выдающимся блескомъ, поражавшимъ иностранцевъ. Воспроизводимъ дальше рисунокъ дома въ Москвѣ, гдѣ останавливались чужестранные послы, какъ онъ представленъ въ «Путешествіи въ Московію» нѣмецкаго посла барона Меерберга. Въ свою очередь, царь часто отправлялъ русскихъ пословъ въ другія государства, даже въ Испанію, Италію и пограничный съ Сибирью Китай. Видѣла Москва въ это царствованіе и малороссійское посольство отъ гетмана Богдана Хмельницкаго и всего казачества, пришедшее бить челомъ, чтобы государь принялъ Малую Русь «подъ свою высокую руку»; видѣла также она, какъ царь снаряжалъ на возникшую изъ-за этого присоединенія войну съ Польшей свои рати, какъ напутствовалъ воеводъ своихъ (наказъ имъ положенъ былъ къ иконѣ Владимірской Божіей Матери и оттуда былъ переданъ патріархомъ князю Трубецкому); слышала напутственныя рѣчи царя къ своимъ воинамъ и видѣла, какъ онъ самъ отправился на эту побѣдоносную войну съ Польшей, поручивъ управленіе государствомъ патріарху Никону.

Немало однако и смутнаго видѣла Москва въ это царствованіе: и народный бунтъ—противъ Морозова и Милославскихъ, кончившійся смертью Плещеева и дьяка Трахоніатова, и такъ называемый монетный, вызванный вздорожаніемъ всего, вслѣдствіе замѣны серебряной монеты мѣдной, съ принудительнымъ курсомъ первой. Это условливалось тѣмъ, что притокъ изъ-за границы неразрабатывавшагося еще въ Россіи серебра прекратился, такъ какъ англичанамъ была воспрещена безпошлинная торговля, ибо русскіе купцы жаловались на нихъ за то, что они захватили всю торговлю въ свои руки и готовы русскимъ оставить одну только торговлю лаптями.

Но самымъ важнымъ потрясеніемъ этого времени былъ церковный расколъ старообрядства, вызванный исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, которое предпринялъ патріархъ Никонъ. Немало волновало москвичей низложеніе этого «собиннаго друга» государя, и соборный судъ надъ нимъ, въ коемъ участвовали восточные патріархи. Какъ памятникъ этого вре-

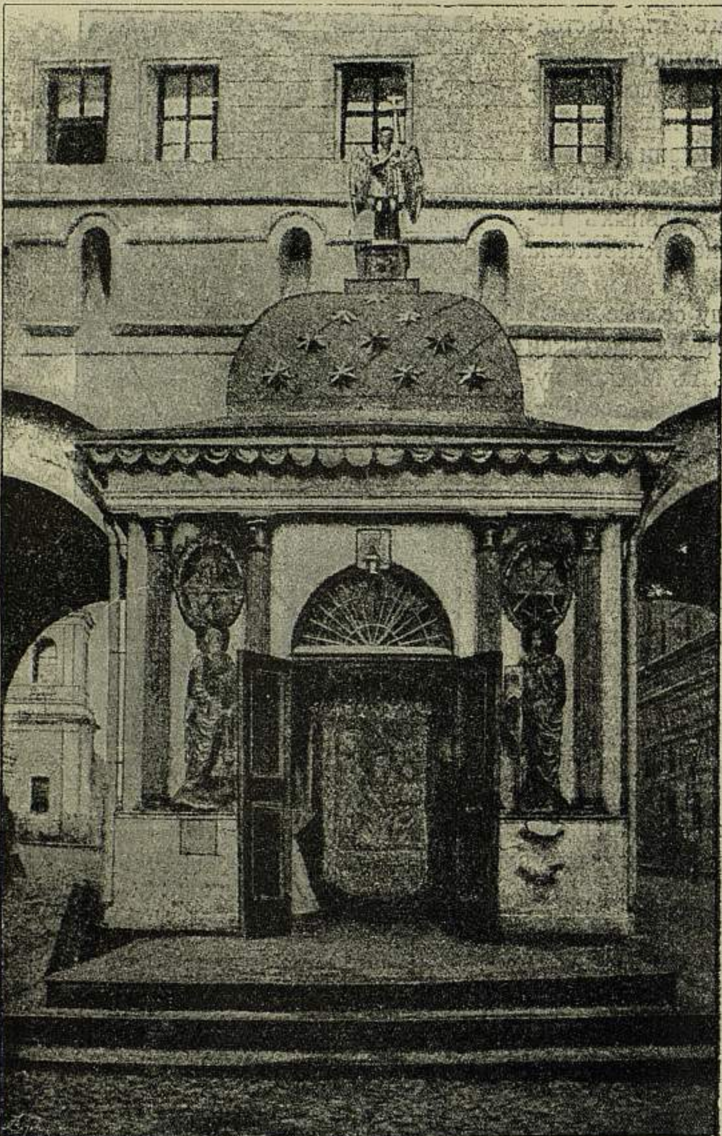
мени, приводимъ въ настоящемъ очеркѣ портретъ Никона, Видѣла также Москва эпилогъ страшнаго поволжскаго бунта, въ видѣ казни (четвертованія) Стеньки Разина, испытала нѣсколько сильныхъ пожаровъ и, наконецъ, перенесла тяжелую чуму.

Патріархъ Никонъ.

Въ 1654 году осенью, когда царь находился на польской войнѣ, началась въ Москвѣ чума и страшная отъ нея смертность. Царица съ дѣтьми и патріархъ уѣхали въ Калязинъ монастырь. Зараза уничтожила большую часть жителей Москвы. Массы москвичей отъ страха разбѣжались. Въ грамотахъ царю писали, что почти вся Москва вымерла. Въ лавкахъ никто не сидитъ, преступники изъ тюремъ убѣжали, начались грабежи. Кремль былъ запертъ, и оставлена была открытой одна калитка на Боровицкомъ мосту. Множество труповъ валялось не только по домамъ, но и на улицахъ. Гробовъ для покойниковъ не хватало, и ихъ прямо зарывали въ ямы. По списку сдѣланному царскимъ намѣстникомъ княземъ Пронскимъ, умерло въ одно лѣто 400,800 человѣкъ. Въ Успенскомъ соборѣ остался въ живыхъ одинъ только священникъ. Въ Чудовомъ монастырѣ умерло 182 монаха и осталось въ живыхъ 16. Во время заразы принимались карантинныя мѣры и дезинфекція, въ видѣ окуриванія полынью и можжевельникомъ и сожженія зачумленнаго платья; но все это мало помогало.

При Алексѣѣ Михайловичѣ, Москва умножила число своихъ святынь. По старанію Никона, 13 октября 1648 года, въ Москву привезена была изъ Цареграда копія съ иконы Иверской Божіей Матери, находящейся на Аѳонѣ, въ Иверскомъ монастырѣ. Встрѣченная царемъ, его семействомъ и патріархомъ Іосифомъ съ духовенствомъ, она сначала была поставлена въ монастырѣ Николая Стараго на Никольской улицѣ, потомъ въ Успенскомъ соборѣ. Въ 1654 году Алексѣй Михайловичъ отпускалъ икону съ войскомъ въ походъ противъ поляковъ; а въ 1669 году велѣлъ построить для нея часовню въ главныхъ воротахъ Китай-города, потому что на Аѳонѣ икона стоитъ въ монастырскихъ воротахъ и называется «вратарницей».

Въ 1651 году, по совѣту Никона, бывшаго тогда митрополитомъ Новгородскимъ, перенесены были въ Успенскій соборъ гробы: патріарха Гер-



Иверская часовня.

могена изъ Чудова монастыря и Іова—изъ Старицы. Въ слѣдующемъ году Никонъ съ княземъ Хованскимъ и Василіемъ Отяевымъ былъ посланъ въ Соловецкій монастырь за мощами св. Филиппа митрополита. По совѣту Никона, царь написалъ къ этому святителю покаянное посланіе, въ которомъ говорилъ: «молю тебя, святой отецъ, и желаю твоего пришествія сюда, чтобы разрѣшить прегрѣшеніе прадѣда нашего, царя Ивана, совершенное противъ тебя неразсудно, завистію и несдержаніемъ гнѣва...» Митрополитъ Никонъ читалъ эту грамоту предъ ракой святителя въ Соловкахъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ и царица Марія Ильинична, на иконѣ Симона Ушакова.

Царь съ духовенствомъ и дворомъ встрѣтилъ мощи святителя Филиппа въ Неглиненскихъ, или Воскресенскихъ, воротахъ. «Народу, какъ говорилъ самъ царь въ своемъ письмѣ, было такъ много, что онъ не вмѣстился, отъ Тверскихъ воротъ до Неглиненскихъ; и по кровлямъ и по переулкамъ яблоку негдѣ было упасть; нельзя было ни пройти ни проѣхать»... Мощи были принесены на Лобное мѣсто, гдѣ отъ нихъ получила исцѣленіе одна дѣвица; потомъ на площадь противъ Грановитой палаты, гдѣ опять совершилось исцѣленіе, и въ Успенскій соборъ, гдѣ 10 дней онѣ стояли среди церкви, причемъ уже множество больныхъ получили исцѣленіе. Всѣ эти дни производился звонъ во всей Москвѣ, какъ на святой недѣлѣ; при этомъ митрополитъ Никонъ былъ избранъ въ патріархи, вмѣсто умершаго Іосифа. Въ память перенесенія мощей царь Алексѣй Михайловичъ построилъ церковь св. Филлипа митрополита, на нынѣшней 2-й Мѣщанской улицѣ.

Москва, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, представлялась иностранцамъ, пріѣзжавшимъ въ Россію, огромнымъ и благоустроеннымъ городомъ, который выдержитъ сравненіе съ любою изъ западно-европейскихъ столицъ, какъ по количеству своего населенія, такъ и по своимъ огромнымъ размѣрамъ. Что касается до ея живописной и своеобразной панорамы, то иностранцы сильно восхищались въ этомъ отношеніи нашей первопрестольной столицей.

Изъ многихъ описаній внѣшности Москвы въ это царствованіе мы обратимся къ двумъ: къ путешествію въ Россію Антіохійскаго патріарха Макарія, описанному на арабскомъ языкѣ его архидіакономъ Павломъ Алепскимъ, и къ сдѣланному нѣмцемъ, барономъ Мейербергомъ.

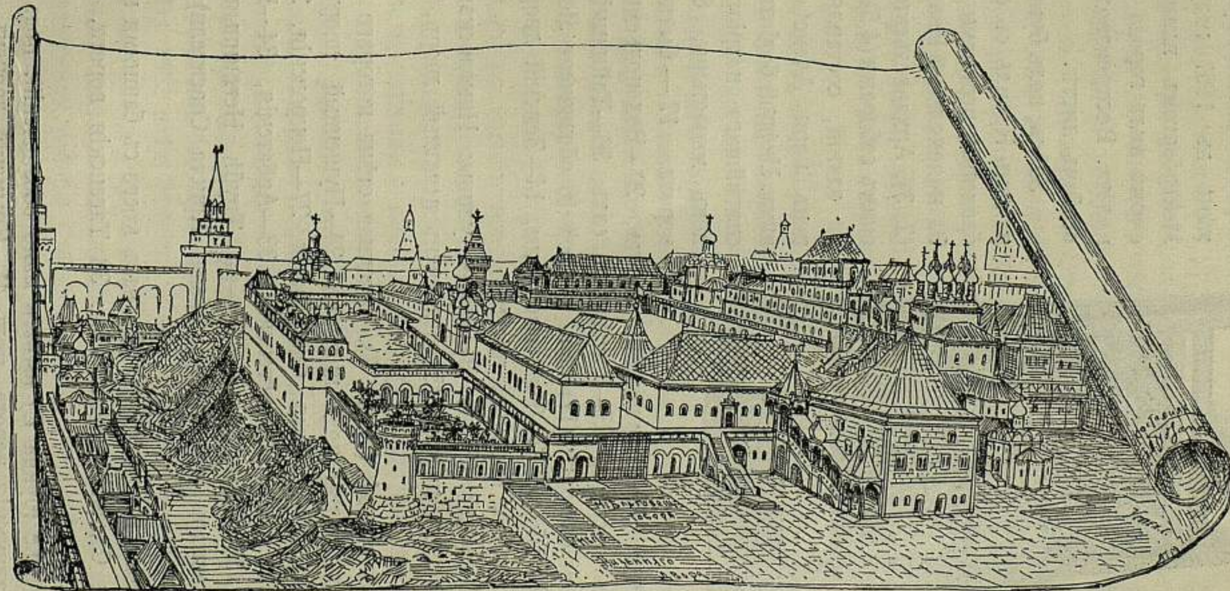
Первый изъ нихъ такъ описываетъ наружный видъ ея: «Москва— городъ открытый и очень привлекательный. Когда вы идете, передъ вами постоянно видъ полей, луговъ и селъ. Городъ расположенъ на нѣсколь-

кихъ холмахъ, особенно высоко стоитъ Кремлевскій дворецъ. Всякій домъ съ прилежащимъ къ нему садомъ, заключенъ въ стѣнахъ двора. Вокругъ всего города идетъ тридцативерстный валъ, укрѣпленный деревянными башнями и глубокимъ рвомъ; за нимъ, внутри, на семь верстъ въ окружности (по линіи нынѣшнихъ бульваровъ), идетъ каменная стѣна, а въ самой срединѣ находится еще Кремль (Китай-городъ опущенъ), построенный изъ кирпича и камня, защищенный глубокимъ рвомъ со стѣнами по краямъ; всѣ амбразуры въ Кремлевской стѣнѣ расположены рядами, другъ надъ другомъ, съ наклономъ ко-внѣ, и построены такъ искусно, что невозможно никому ни скрыться подъ стѣной, ни приблизиться незамѣченнымъ съ какой-либо стороны.

«Противъ водяныхъ воротъ Кремлевскихъ стѣнъ, за рѣкой, находится много садовъ, принадлежащихъ государю, и громадная площадь для ученія конницы, уставленная многими рядами пушекъ. Передъ восточной стороной лежитъ большая площадь (Красная), застроенная рядами лавокъ. Большая часть ихъ построена изъ камня и снабжена желѣзными ставнями и дверями; напротивъ ихъ винные погреба, каменные и кирпичные, которые теплы зимой и холодны лѣтомъ. Между рядами лавокъ есть книжныя лавки, иконныя, лавки для продажи платья, колоколовъ, ладана, посуды и т. д. Въ каждомъ ряду для охраны держатъ собакъ, которыя привязаны на длинныхъ веревкахъ и бѣгаютъ на блокѣ вдоль всего ряда. Дворцы въ Москвѣ очень новы и построены изъ камня и кирпича. Мы съ удивленіемъ любовались на ихъ архитектуру и украшенія, на ихъ прочность, искусное расположеніе частей, множество оконъ и столбовъ на каждой сторонѣ, на высоту ихъ, на громадныя башни и разнообразіе красокъ внутри и внѣ; можно подумать, что стѣны ихъ обложены плитами настоящаго разноцвѣтнаго мрамора или мелкой мозаикой. Кирпичъ здѣсь очень хорошъ и гладокъ и къ тому же чрезвычайно дешевъ; каменщики высѣкаютъ изъ кирпича фигуры, которыя не отличишь отъ каменныхъ.

«Каждый домъ въ Москвѣ снабженъ большими желѣзными засовами. Двери и ставни дѣлаются изъ прекраснаго обдѣланнаго свѣтлаго желѣза. Лѣстницы въ домахъ москвичи строятъ обыкновенно высокія, на четырехъ столбахъ, съ арками. Относительно числа домовъ въ Москвѣ и количества населенія надо сказать, что здѣсь есть дворцы и дома даже за землянымъ валомъ; быть можетъ, тамъ ихъ болѣе, чѣмъ внутри города, потому что здѣшнее населеніе очень любитъ поля. Много разъ, когда мы выѣзжали съ нашимъ патріархомъ за городъ,—говоритъ Павелъ Алепскій,—я замѣчалъ, что отъ монастыря въ Кремлѣ (Св. Аѳанасія и Кирилла) до землянаго вала нужно ѣхать болѣе часа, а пѣшкомъ, вѣроятно, не пройдешь и полтора; слѣдовательно, длина всего города отъ востока къ западу, по моему счету, равна тремъ часамъ пути. Сельскихъ же домовъ, примыкающихъ къ городу, на разстояніи версты, двухъ, трехъ, даже семи, безчисленное множество, какъ это видно даже изъ самого города».

Особенно поражало иностранцевъ множество церквей съ ихъ высокими колокольнями, очень красивой архитектуры, что придавало Москвѣ чрезвычайно живописный видъ.



Царскіе дворцы
въ XVII вѣкѣ.
По рисунку
А. А. Потапова.

Тронъ царя
Алексѣя
Михайловича.

Это описаніе Москвы очень хорошо иллюстрируется сдѣланнымъ въ 1661 году барономъ Мейербергомъ планомъ ея, въ формѣ вида города съ птичьяго полета. Воспроизводимъ его на особомъ листѣ.

Здѣсь, подъ буквою А, изображенъ Кремль съ его стѣнами, башнями, церквами и дворцами. За колокольней Ивана Великаго (2, 3), Архангельскимъ и Успенскимъ соборами (4,5) видна группа зданій, составлявшихъ дворецъ царя Алексѣя Михайловича. Цифрой 6 обозначенъ домъ святѣйшаго патріарха, 7—Чудовъ монастырь, 8 — Спасскія ворота, 17 — Сытный дворъ, 18—Конюшенный, 19—Боровицкія ворота, 20—Водоподъемная башня, 22—Набережный теремъ, 23—Государевъ садъ, 30—Тайницкія ворота.

На Красной площади (11) подъ цифрой 10 обозначено Лобное мѣсто, 9—Покровскій соборъ, 12—Торговые ряды, 14—Земскій дворъ, 29—Москворѣцкія ворота и пловучій мостъ.

Въ Китаѣ-городѣ (буква В) видны улицы: Никольская, Ильинка и Варварка, и подъ цифрой 15 обозначенъ печатный дворъ, 16—посольскій дворъ.

Въ Бѣломъ городѣ (буква С), каменная стѣна котораго шла по линіи бульваровъ, видны подъ цифрами: 24—Пушечный дворъ, 25—Срѣтенскія ворота, 26—Вторыя Фроловскія, 27—Покровскія, 28—Яузскія 32—Чертольскія, или Пречистенскія, 33—Арбатскія, 34—Никольскія, 35—Тверскія, 36—Дмитровскія, 37—на Трубѣ Неглинныя, 44—Алесѣевскій монастырь (гдѣ теперь храмъ Христа Спасителя), 45—Лебеиный прудъ.

Въ земляномъ городѣ (буква Д), валъ коего съ башнями шелъ по линіи нынѣшней Садовой, обозначены: 38 Таганскія ворота, 39—Нѣмецкое кладбище.

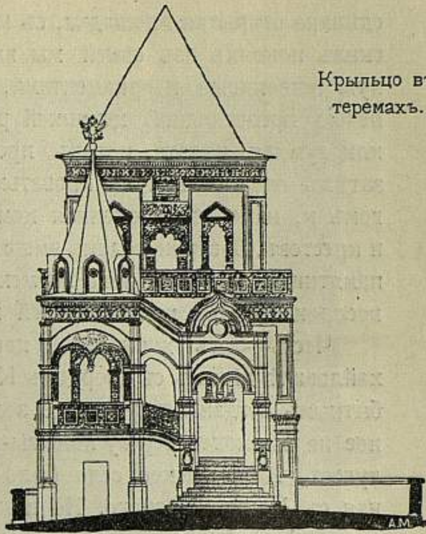
Замоскворѣчье (буква Е) имѣетъ мало обозначеній: подъ 40 цифрой поставлены Калужскія ворота, подъ 41—Крымскій дворецъ.

Этотъ планъ показываетъ, что Москва времени Алексѣя Михайловича была такою же, какою была до смутнаго времени и выглядѣла на планѣ, составленномъ царевичемъ Ѳедоромъ Борисовичемъ Годуновымъ.

Что касается въ частности вида Кремля, то онъ на приводимомъ рисункѣ того же Меерберга представляется со стороны Москвы-рѣки такимъ: отъ Тайницкой башни, гдѣ находится на Москвѣ-рѣкѣ Іордань, видны: Спасъ на Бору, затѣмъ Срѣтенскій соборъ и разныя дворцовыя зданія,

Иванъ Великій съ соборами. Дальше, вправо отъ нихъ, идутъ разныя зданія и, вѣроятно, приказы (въ углу рисунка, ближе къ Спасской башнѣ).

Строительная дѣятельность царя Алексѣя Михайловича уступала, въ количественномъ отношеніи, строительству его отца Михаила Ѳеодоровича, которому пришлось возстановлять Москву, послѣ ея разоренія въ смутное время. Но и при этомъ его преемникъ оставилъ въ своей столицѣ не мало строительныхъ слѣдовъ.



Крыльцо въ теремахъ.

Начнемъ съ Кремля и дворцовъ. Въ 1646 году Алексѣй Михайловичъ построилъ себѣ новыя «потѣшныя хоромы», которыя строилъ дворцовый плотникъ Васька Романовъ; здѣсь давались театральныя представленія. Въ 1660 году была возобновлена палата, въ коей помѣщался аптекарскій приказъ. Послѣ передѣлки въ ней оконъ, дверей и сводовъ, знаменщикъ (живописецъ) писалъ въ ней стѣнное письмо. Она находилась близъ церкви Рождества Богородицы. Въ 1661 году, вмѣсто старой столовой избы, государь выстроилъ новую и великолѣпно украсилъ ее рѣзьбой, золоченьемъ и живописью, въ новомъ заморскомъ вкусѣ, по вымыслу инженера и полковника Густава Дикенпина. При этомъ работали, вмѣстѣ съ русскими мастерами, и иноземные, вызванные изъ Польши и причисленные къ Оружейной палатѣ, которая сдѣлалась учрежденіемъ и художественнымъ и ремесленнымъ. Широкое новоселье царь справилъ въ новыхъ хоромахъ, 1 апрѣля 1662 года, въ царицыны именины. Украшена была живописью и новая столовая царевича Алексѣя Алексѣевича, построенная въ 1667 году. Въ 1674 году построены были новыя постельныя хоромы; плафоны ихъ были расписаны притчами пророковъ Моисея и Іоны и Эсѳири. Въ 1663 году, Никита Шурутинъ починивалъ въ верху у государя церковь Спаса Нерукотвореннаго и трапезу въ ней дѣлалъ наново. Такъ какъ Алексѣй Михайловичъ жилъ въ теремахъ, то храмъ этотъ для двора замѣнилъ соборы Спасопреображенскій, Срѣтенскій и Благовѣщенскій. Около этого времени произведены были передѣлки въ теремномъ зданіи, а въ 1670 году верхняя его площадка, находившаяся между царскими покоями и церковью Спаса, была украшена мѣдною вызолоченною рѣшеткой, запиравшею лѣстницу съ постельнаго крыльца. Эта прекрасная рѣшетка сохранилась до нынѣ и была перелита изъ тѣхъ мѣдныхъ денегъ, кои замѣняли серебряныя и вызвали столько смутъ. Зданіе это состоитъ изъ пяти этажей. Нижніе служили мастерскими палатами, третій помѣщалъ царскихъ дѣтей, въ четвертомъ жилъ самъ государь, а самый верхній представлялъ одну только палату, вокругъ которой

сдѣлана открытая площадка, съ коей видна вся панорама Москвы. Въ царскихъ покояхъ изъ сѣней мы входимъ въ столовую горницу, расписанную живописью и орнаментами, по стѣнамъ и сводамъ, съ изразчатой печью превосходной ценинной работы; за трапезной слѣдуетъ соборная, или думная, палата, потомъ престольная, служившая кабинетомъ царя; затѣмъ опочивальня съ кроватью его и стариннымъ глазетовымъ пологомъ и, наконецъ, моленная комната съ цѣлымъ иконостасомъ образовъ и крестовъ. Воспроизводимъ выше крыльцо Теремнаго дворца, какъ изящный памятникъ зодчества того времени. Общій же видъ Теремнаго дворца мы воспроизвели въ началѣ нашей книги.

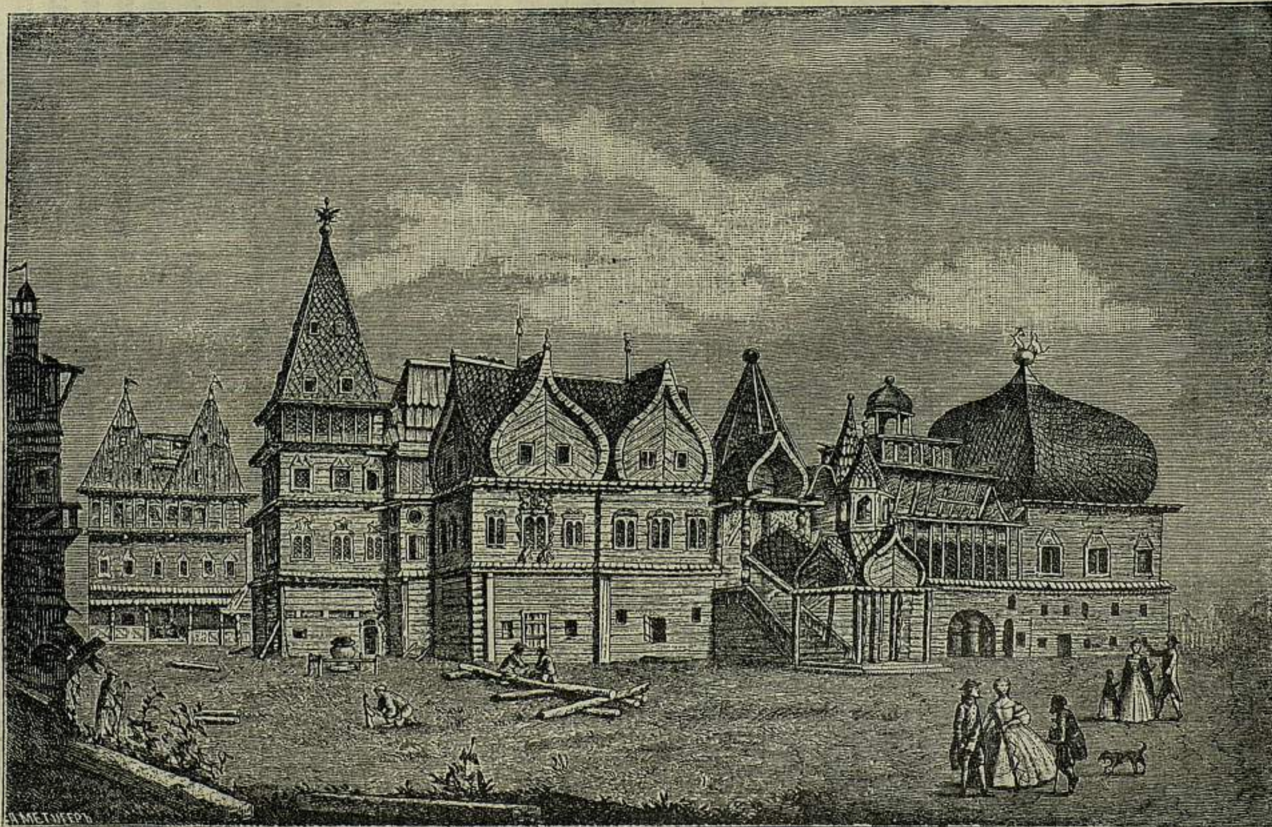
Честь—быть жилищемъ царя-теремной дворецъ при Алексѣѣ Михайловичѣ дѣлилъ съ дворцомъ Коломенскимъ, этимъ прелестнымъ и самобытнымъ созданіемъ русскаго зодчества, въ XVII столѣтіи. Расположенное на высокомъ берегу Москвы-рѣки, съ громадной панорамой поемныхъ луговъ, Коломенское село было любимой дачей Русскихъ царей, начиная съ Іоанна Грознаго. Но никто изъ нихъ не потрудился столько для устроенія здѣсь ухиченной и изящной усадьбы, какъ «тишайшій» Алексѣй Михайловичъ. Въ окрестностяхъ Коломенскаго царь этотъ особенно любилъ тѣшиться «красною охотой соколиною». Одно изъ урочищъ села Коломенскаго до сихъ поръ называется Кречетовымъ, а одна изъ башенъ называлась соколиною.

Въ 1649 году онъ построилъ тамъ новыя хоромы и церковь, которыя ставилъ дворцовыхъ плотниковъ староста Смирной-Ивановъ. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ въ 1657 году царь велитъ ставить здѣсь еще новыя хоромы. Проходитъ еще десять, и строится новый еще болѣе обширный дворецъ, для всего многочисленнаго царскаго семейства. Строили его русскіе мастера—плотничій староста Сенька Петровъ и стрѣлецъ Ивашка Михайловъ. Дерево, въ особенности дубъ, привозили сюда издалека; для затѣйливой рѣзьбы изъ Новаго Іерусалима привозили «мастерскія книги по рѣзному дѣлу», принадлежавшія патріарху Никону; котельные мастера дѣлали крыши съ прихотливыми гребнями и подзорами. Золото для золоченья выписывалось изъ-за границы. Внутренность палатъ украшалась «добрымъ письмомъ», подъ наблюденіемъ знаменитаго живописца—Симона Ушакова, который расписывалъ Грановитую палату, и подъ руководствомъ боярина Богдана Салтыкова. Самъ царь нерѣдко ходилъ смотрѣть за работами.

Со своими оригинально сведенными чешуйчатыми крышами, изящными башенками, удивительными крыльцами, причудливыми окнами, рѣзными узорочными подзорами, разноцвѣтной раскраской и позолотой, это произведеніе русскаго искусства производило чарующее впечатлѣніе не только на русскихъ, но и на иностранцевъ. Блистая золотомъ, пестрѣя красками, представляя самыя прихотливыя сочетанія архитектурныхъ линій, постройки Коломенскаго дворца показались Рейтенфельсу «игрушкой, только-что вынутой изъ ящика». Симеонъ Полоцкій, очарованный видомъ дворца, писалъ:

Седмь дивныхъ вещей древній міръ читаше,
Осьмый дивъ—сей домъ—время имать наше.

Коломенскій
дворецъ.



Польскіе послы, восхищаясь этимъ дворцомъ, говорили русскимъ людямъ, что здѣсь «мѣсто зѣло весело: хорошо видѣть далече поля, всю Москву—монастыри и рѣку, подъ самымъ дворцомъ текущую... Сѣнокосы едва окомъ презрѣти мочно, по которымъ, егда разольется рѣка, множество птицъ, которымъ Царское Величество тѣшится, и соколовъ на птицъ пускаетъ»...

Всю жизнь свою царь украшалъ любимое Коломенское и оберегалъ его отъ пожаровъ, на случай коихъ было приготовлено здѣсь пять металлическихъ пожарныхъ трубъ. Въ 1673 году, часовой мастеръ Оружейной палаты Петръ Высоцкій устроилъ для этого дворца рыкающихъ и движущихся (при помощи особой механики) львовъ, а на дворцовую башню часы.

Великій грѣхъ лежитъ на XVIII вѣкѣ, преклонявшемся предъ Западомъ, за то, что онъ не только допустилъ до разрушенія этотъ памятникъ самобытной русской культуры, но и, не дождавшись постепеннаго разрушенія, разрушилъ его, по причинѣ ветхости. Выше мы воспроизводимъ коломенскій дворецъ царя Алексѣя Михайловича съ рѣдкой гравюры, сдѣланной за годъ до сломки.

Существуй этотъ дворецъ до нашего времени, сколько бы плодотворныхъ мотивовъ давалъ онъ для дальнѣйшаго развитія на Руси архитектуры, рѣзьбы, орнаментаціи, живописи и т. п.

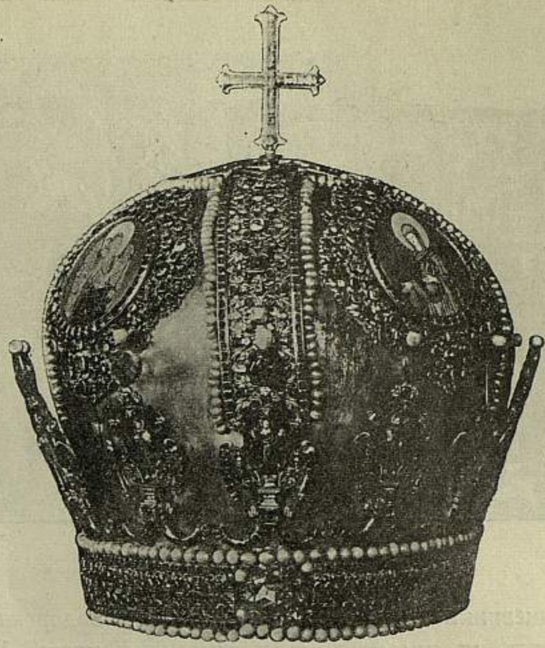
Кромѣ Коломенскаго, царь Алексѣй Михайловичъ заботился и объ обстройкѣ своихъ подмосковныхъ селъ—Измайлова и Преображенскаго. Точно также немало заботъ было посвящаемо и многочисленнымъ Кремлевскимъ садамъ: нижнему, верхнему, аптекарскому и внутреннимъ, собственно дворцовымъ. Давались царскіе указы и «дохтору», а не простымъ только садовникамъ, чтобы въ этихъ садахъ были разныя растенія; строились въ нихъ бесѣдки и другія украшенія, ставились тамъ клѣтки съ соловьями и другими птицами.

Въ это царствованіе патріархъ Никонъ построилъ для себя новыя великолѣпныя патріаршія палаты, среди коихъ отличалась своими украшеніями Крестовая палата, со времени императрицы Екатерины II, обращенная въ мvроварную. Окружавшій себя необычайнымъ великолѣпіемъ Никонъ неоднократно принималъ въ своемъ домѣ царя Алексѣя Михайловича.

Москва, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ своихъ трехъ концентрическихъ кругахъ: въ Кремлѣ съ Китай-городомъ, въ Бѣломъ городѣ и, наконецъ, въ Земляномъ городѣ съ Замоскворѣчьемъ, достигаетъ окончательнаго своего развитія. Даже процессъ образованія пригородныхъ слободъ, которыя послѣ Петра I замкнулись въ еще болѣе широкій поясъ Камеръ-коллежскаго вала, въ это время почти окончился.

Въ этомъ уже послѣднемъ поясѣ мы въ разсматриваемое время отмѣчаемъ присоединеніе къ древнимъ слободамъ—Сущевской, Напрудной, Кречетниковской и т. д. еще слѣдующихъ: Пушкарской, Новоротниковской, Мѣщанской, которая была названа по множеству переселенцевъ изъ городовъ (място—попольски) Западной Руси, гдѣ они назывались «мѣщанами», соотвѣтствовавшими нашимъ посадскимъ, и, наконецъ, Нѣмецкой

Митра—корона Никона.



слободы. По указу царя, стрѣльцы-пушкари помѣщены были изъ разныхъ мѣстъ въ одно, близъ церкви св. Сергія, которая стала съ этого времени называться «въ Пушкаряхъ». Здѣсь находился литейно-пушечный заводъ, а также и колокольный. Завѣдывавшіе воротами воротники были перемѣщены отъ церкви св. Пимена, близъ Малой Дмитровки, въ Сущево, гдѣ они построили храмъ св. Пимена, въ Новыхъ Воротникахъ.

До царя Алексѣя Михайловича иностранцы селились близъ Спаса въ Наливкахъ и въ другихъ мѣстахъ, но, по повелѣнію государя, для иностранцевъ (офицеровъ и техниковъ разнаго рода), отведено было на Яузѣ особое мѣсто, которое стало называться Нѣмецкою слободою, сыгравшею столь важную роль, въ годы молодости Петра I. Здѣсь построены были кирки и костелы, и возникъ центръ новыхъ вѣяній, кои при Петрѣ I привели къ огромному перевороту въ исторіи Москвы и всей Россіи, къ цѣлому ряду преобразованій, по западнымъ образцамъ.

Но прежде, чѣмъ обратиться къ этому послѣднему предмету, мы должны еще разъ вглядѣться въ личность и бытъ отца преобразователя Россіи, въ то старое, чего онъ держался, и въ то новое, что при немъ зачинается въ Москвѣ.

Кротостью своего характера, склонностью подчиняться вліянію окружающихъ и глубокою набожностью онъ похожъ былъ на своего родителя. Но онъ отличался отъ него большей подвижностью, что выражалось его личнымъ участіемъ въ первой польской войнѣ и весьма частыми поѣздками на охоту. Онъ превзошелъ страстью къ ней Василія III и Іоанна Грознаго. По его приказанію, въ интересахъ охоты, во дворцѣ веденъ былъ

Царскій охотничій поѣздъ.
В. М. Васнецова.

дневникъ погоды. Самъ государь, съ задоромъ истиннаго охотника, описывалъ въ письмахъ свои охотничьи удачи. Какъ увлекался онъ поэзіей охоты, видно изъ его собственноручныхъ писемъ къ ловчему А. И. Матюшкину. Въ одномъ изъ нихъ онъ описываетъ, какъ, раннею весною 1657 года (10 апрѣля), поѣхалъ онъ «отвѣдывать птицу на добычахъ и между Сущевымъ и Напруднымъ наѣхалъ прыскъ (мѣсто, залитое вешней водой); тамъ были утки, многіе шилохвосты, свіязи и чирята. Пустили на нихъ одного сокола; онъ высоко взмылъ, но не спустился. Пустили другого Дикомыта; онъ добылъ, къ радости охотника, хорошую добычу и потѣшилъ всѣхъ хорошимъ летомъ».

Въ другомъ письмѣ къ завѣдывавшимъ соколинымъ путемъ царь выражаетъ радость, что улетѣвшаго сокола поймали около Рязани, и пишетъ: «я теперь кладуся на васъ во всемъ, какъ лучше, такъ и дѣлайте; а будетъ вашимъ небреженіемъ Адаръ, Муратъ, Лихачъ, Стрѣляй или Салтанъ (ловчія птицы) умрутъ, и вы меня, не встрѣчайте, а сокольниковъ всѣхъ велю перепороть; а если убережете и васъ милостиво пожалую, и сокольниковъ тоже».

Царь засвидѣтельствовалъ свою любовь къ соколиной охотѣ составленіемъ устава, или «Урядника сокольничьяго пути». Здѣсь онъ называетъ ее «красною и славною птичьею охотою», ибо «красносмотрителенъ и радостенъ высокій сокола летъ». Поощряя служилыхъ людей къ ней, онъ собственноручно приписываетъ слѣдующій «прилогъ»: «дѣлу время, потѣхѣ часъ». Посолъ германскаго императора баронъ Меербергъ, желая снискать царское расположеніе, всячески выказывалъ свой интересъ къ этой охотѣ. Царь, награждая его за это своимъ вниманіемъ, посылалъ къ нему своихъ сокольниковъ, для показу, съ лучшими кречетами и другими ловчими птицами. Этотъ дипломатъ даже снялъ съ любимаго государева

Патріаршее шествіе въ Вербное воскресенье.

Царица
Наталья
Кирилловна.

кречета портретъ и приложилъ его къ описанію своего путешествія въ Московію.

Но, предаваясь охотничьей потѣхѣ, государь прилежно занимался государственными дѣлами; онъ высоко ставилъ свою Царскую самодержавную власть и оберегалъ ее отъ всякихъ посягательствъ на нее, хотя бы они шли отъ «собиннаго друга» и патріарха всѣхъ сѣверныхъ странъ, какимъ былъ Никонъ. Государь всея Руси, онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ ея собирателей, присоединивъ отъ Польши къ Москвѣ Малую Русь. Своимъ законодательствомъ («Соборнымъ уложеніемъ»—подлинникъ его въ видѣ столбцовъ хранится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), онъ продвинулъ впередъ русское право вообще, и въ особенности государственное, оградивъ Царское Величество не только отъ возстанія на него и неповиновенія, но и отъ малѣйшаго его оскорбленія. На Москву свою онъ смотрѣлъ, какъ на новый Цареградъ, и былъ очень радъ помѣстить въ первопрестольномъ соборѣ икону Влахернской Богоматери, которая считалась покровительницею второго Рима. Относительно блеска своей обстановки, онъ для Восточной Европы былъ тѣмъ же, чѣмъ для Западной былъ Людвигъ XIV. Ни одинъ изъ государей не окружалъ себя такимъ величавымъ этикетомъ и такой ослѣпительной роскошью, какъ Алексѣй Михайловичъ. Это уславливалось не однимъ только накопленіемъ царскихъ сокровищъ въ Москвѣ, но и самыми воззрѣніями и чувствованіями государя. Онъ внесъ живую мысль и искреннее настроеніе въ тѣ величавые и роскошные об-

ряды царскихъ выходовъ, прiемовъ пословъ и церковныхъ празднествъ, кои, будучи совершаемы безъ подобающаго одушевленiя, обращаются въ блестящiй формализмъ. Въ этомъ, какъ и въ семейной жизни, государь былъ вѣренъ завѣтамъ и уставамъ своихъ царственныхъ предшественниковъ.

Медаль на рожденiе Петра I.

Государь былъ любящимъ супругомъ и примѣрнымъ отцомъ своей семьи. Мы привели уже портретъ первой его супруги царицы Марiи (Милославской). Воспроизводимъ портретъ и второй супруги его Натальи Кириловны (Нарышкиной). Она, по словамъ одного иностранца (Рейтенфельса), была блестящей красоты, стройная станомъ, съ челомъ возвышеннымъ, плѣняла звонкою сладостною рѣчью.

Алексѣй Михайловичъ много заботился объ обученiи не только своихъ сыновей, но и дочерей, коимъ въ учителя далъ ученаго Симеона Полоцкаго. Въ новый (1 сентября) 1674 годъ онъ объявилъ старшаго сына, 13-лѣтняго царевича Ѳеодора, своимъ наслѣдникомъ. «Дѣйство (церковно-государственный обрядъ)» происходило въ этотъ разъ на Красной площади, въ присутствiи двора, духовенства, народа и иноземцевъ. При этомъ царевичъ поздравлялъ отца и патрiарха съ Новымъ годомъ и говорилъ рѣчь. Царевича показывали въ этотъ день въ Архангельскомъ соборѣ иностраннымъ посламъ и находившимся въ Москвѣ малороссiянамъ (сыновьямъ гетмана Самойловича).

За два года передъ тѣмъ, 30 мая 1672 года, родился царевичъ Петръ. Народъ въ своей пѣснѣ такъ сказывалъ объ этомъ событiи:

Какъ свѣтелъ, радостенъ въ Москвѣ
Благовѣрный государь Алексѣй, царь Михайловичъ,
Народилъ Богъ ему сына, царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора на землѣ...

Раннимъ утромъ колокола Кремля и Москвы разнесли повсюду вѣсть объ этомъ событiи, и царь-отецъ уже въ 5 часовъ утра былъ на благодарномъ молебнѣ въ Успенскомъ соборѣ и ходилъ къ Михаилу Архангелу и въ Вознесенскiй и Чудовъ монастыри. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ—возвелъ въ окольничьи отца царицы Кирилла Нарышкина и ея воспитателя Матвѣева. Во дворцѣ въ этотъ день угощали бояръ и думныхъ людей и другихъ поздравителей водкой, фряжскими винами и плодами, а 1-го iюля былъ обѣдъ для бояръ въ царицыной палатѣ. 29-го iюня въ Чудовомъ монастырѣ происходило крещенiе младенца; крестнымъ отцомъ былъ братъ

царевича Өеодоръ, а крестной матерью тетка, царевна Ирина Михайловна. На слѣдующій день былъ крестильный столъ въ Грановитой палатѣ. Такъ встрѣченъ былъ въ Москвѣ на зарѣ своей жизни Петръ I...

Царь Алексѣй Михайловичъ еще съ пятилѣтняго возраста началъ учиться грамотѣ. Съ этого времени, кромѣ разныхъ игрушекъ и музыкальныхъ инструментовъ, дѣдушка его Филаретъ Никитичъ и бояре стали дарить ему книги, а отецъ приставилъ къ нему въ учителя дьяка Василія Прокофьева, который прилежно училъ его чтенію, письму и даже церковному пѣнію. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, ученье его заключалось въ чтеніи книгъ Св. Писанія и церковнаго богослуженія. При живыхъ способностяхъ и любознательности царственнаго ученика, учебные годы не пропали для него даромъ. Разнообразнымъ чтеніемъ и бесѣдами съ образованными людьми, онъ всю жизнь свою пополнялъ свои познанія. По смерти своего отца, онъ замѣтно выдавался изъ ряда своихъ современниковъ своимъ умомъ и интересомъ къ образованію. Молодой государь не только писалъ отличнымъ, какъ мы видѣли, почеркомъ, но имѣлъ склонность къ писательству. Онъ любилъ писать длинныя письма, выражавшія способность живо подмѣтить и картинно передавать свои мысли и чувства. Не мало осталось отъ него записокъ, замѣтокъ и даже описаній походовъ, московскихъ событій и даже случаевъ на охотѣ и т. д. Государь любилъ и устно говорилъ рѣчи, какъ, напримѣръ, при отпускѣ воеводъ въ походъ и при другихъ торжественныхъ случаяхъ. Даже въ одномъ письмѣ его къ Ромодановскому мы видимъ опытъ царя писать стихами...

Царь сочувствовалъ развитію на Руси образованія и ея сношеніямъ съ государствами Запада, начиная съ Франціи и Германіи, и Востока, кончая Китаемъ и Индіей, и не чуждался перемѣнъ и нововведеній.

Нечего и говорить о томъ, что царь Алексѣй Михайловичъ не могъ быть сторонникомъ того умственнаго застоя, который выразился въ расколѣ, въ протопопѣ Аввакумѣ и имъ подобныхъ, и готовъ былъ содѣйствовать насажденію въ Россіи школъ и разныхъ нововведеній, поддерживалъ и приближалъ къ себѣ лицъ такого же направленія.

Представителями ихъ являются патріархъ Никонъ, Ө. М. Ртищевъ, А. Л. Ординъ-Нащокинъ и А. С. Матвѣевъ. Предъ этими русскими людьми открывались два пути образованія: одинъ греко-славянскій, вѣрный началамъ православія, другой путь—западный, проложенный въ чуждомъ намъ католическомъ и протестантскомъ мірѣ.

Западъ пережилъ уже къ этому времени эпохи открытій и изобрѣтеній, возрожденія наукъ и искусствъ и реформаціи. Ко времени Алексѣя Михайловича, Италія, напр., выставила уже не только предтечъ возрожденія, какими были Данте, Петрарка и Боккачіо, и великихъ художниковъ возрожденія, какими являются Рафаэль, Микель Анджело, Леонардо да-Винчи, такихъ представителей науки, какъ Макіавели и Галилей; Германія—Эрамза и Рейхлина, Коперника и Кеплера; Франція—Декарта и Рабле, а тамъ начался славный вѣкъ Людовика XIV, съ Корнелемъ, Расиномъ, Мольеромъ и друг.; Англія уже имѣла Шекспира, Бэкона, Мильтона, Ньютона и др.

Бояринъ Матвѣевъ.

Ордынъ-Нащокинъ.

Но русскіе люди, въ силу историческихъ условій, отдѣленные отъ общей жизни Запада, опасливо относились къ западно-европейской образованности, какъ основанной на католическомъ и протестантскомъ инославіи. Однакожъ потребность въ образованіи чувствовали самъ царь и тѣ люди, коихъ онъ приближалъ къ себѣ; но всѣ боялись учиться у людей Запада, какъ у инославныхъ. Предпочтеніе оказывалось грекамъ и западно-русскимъ ученымъ, усвоившимъ западно-европейскую образованность, потому что тѣ и другіе были православными и не могли стирать особенностей въ вѣрованіяхъ, воззрѣніяхъ и обычаяхъ русскихъ людей. Только нѣкоторые обращались къ полякамъ и западнымъ славянамъ, неправославнымъ. Патріархъ Никонъ входитъ въ сношенія съ греческими патріархами и посылаетъ на Востокъ за древними греческими и славянскими рукописями Арсенія Суханова.

Съ разрѣшенія государя и по благословенію патріарха, Ѳ. М. Ртищевъ вызвалъ изъ Малороссіи нѣсколькихъ ученыхъ людей, съ Епифаніемъ Славинецкимъ во главѣ. Эти люди, сначала составившіе ученое общество въ Андреевскомъ монастырѣ и затѣмъ переведенные въ Чудовъ монастырь, въ основанную тамъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ славяно-греческую школу, и привлеченные къ дѣлу исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, старались проводить у насъ «ясные лучи греческаго ученія, чтобы разсѣять тьму мрачнаго невѣдѣнія». Но они шли противъ латинской образованности, которая взяла верхъ даже въ Кіевѣ, въ тамошней академіи Петра Могилы, такъ какъ она, по ихъ мнѣнію, вела къ сближенію съ католичествомъ. Это греко-славянское образованіе поддерживали патріархъ и духовенство. Такого же рода ученіе преподавалось и въ основанной при типографіи школѣ, которую вели греки Тимоѳей и Мануилъ.

Другое образованіе, возникшее въ Москвѣ въ это время, было латин-

Бояре.

скаго характера. Оно насаждено было западно-русскимъ ученымъ Симеономъ Полоцкимъ, который основалъ школу въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ учились подьячіе изъ приказа тайныхъ дѣлъ. Этотъ ученый сдѣлался воспитателемъ царскихъ дѣтей: царевичей Алексѣя и Ѳеодора и царевны Софьи, основалъ новую типографію на верху у государя и, будучи сторонникомъ латинскаго образованія, шелъ противъ представителей греческаго у насъ образованія. Онъ былъ не чуждъ латинскихъ мнѣній въ дѣлѣ вѣры, писалъ свѣтскіе стихи и сочинялъ театральныя пьесы.

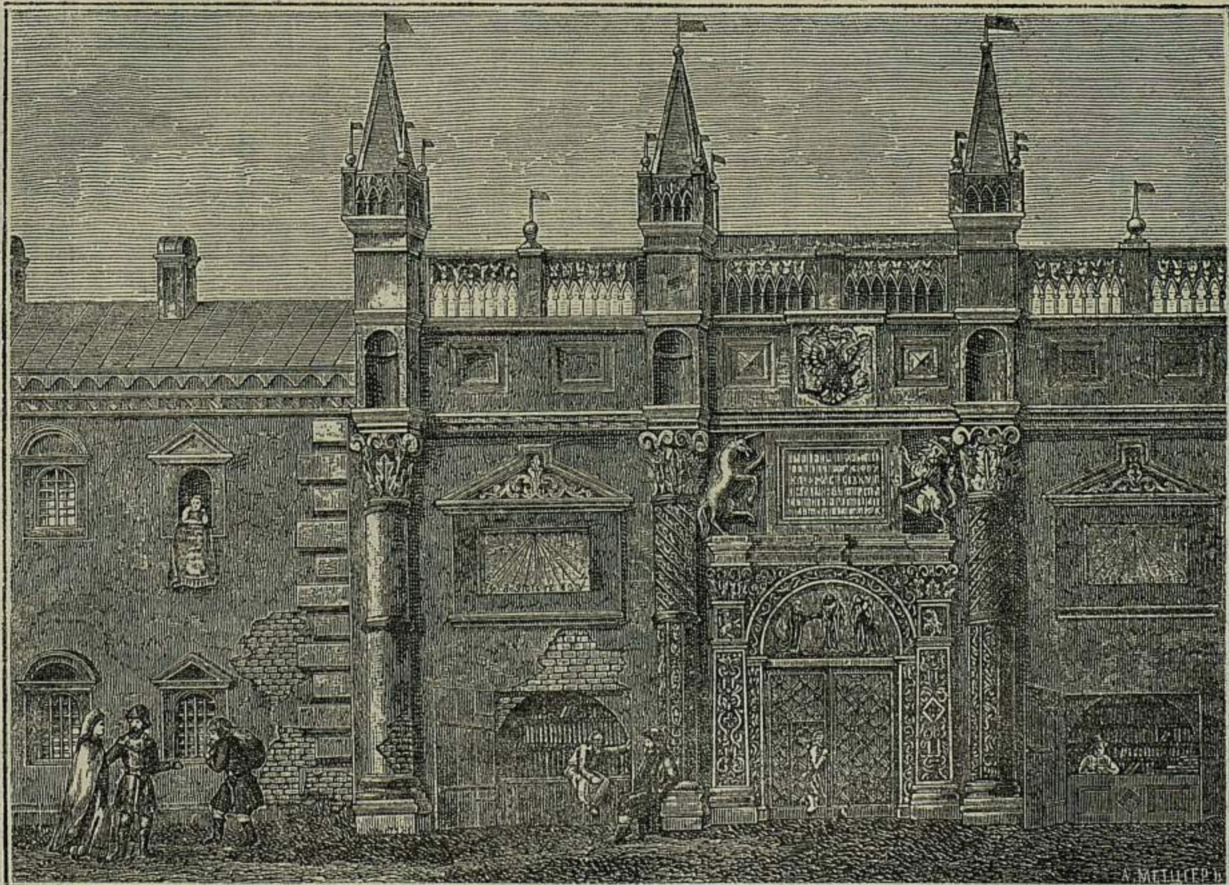
Но были люди, кои хотѣли еще болѣе западнаго образованія. Таковъ замѣчательный дипломатъ и начальникъ посольскаго приказа (царственныя большія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегатель) А. Л. Ординъ-Нащокинъ. Онъ зналъ не только латинскій языкъ, но и нѣмецкій и польскій языкъ, сближался съ иностранцами, завелъ у насъ заграничную почту и рукописную газету «Куранты», сообщавшія извѣстія о западно-европейскихъ событіяхъ, далъ при посредствѣ поляковъ хорошее образованіе своему сыну, который, впрочемъ, наслушавшись много о Западѣ, бѣжалъ за границу. Въ домѣ своемъ онъ держался иноземныхъ обычаевъ. Но западничество не пустило однако слишкомъ глубокихъ корней въ этого человѣка: онъ окончилъ свою жизнь инокомъ...

Другой начальникъ посольскаго приказа и также любимецъ Алексѣя Михайловича, А. С. Матвѣевъ, женился на иностранкѣ изъ Нѣмецкой слободы, родомъ шотландкѣ, присоединенной однако къ православію. Онъ также сочувствовалъ западной наукѣ и искусству и завелъ у себя дома западную обстановку, устраивалъ у себя собранія, своего рода ассамблеи, на коихъ бывали и женщины, не державшіяся прежняго затворничества.

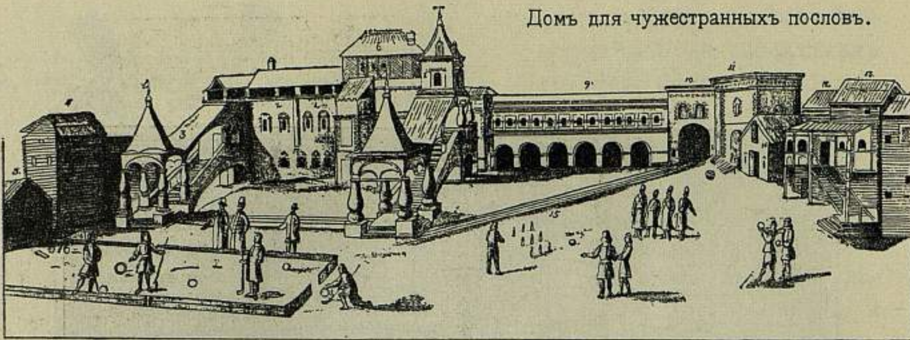
Эти элементы отразились и на нашей литературѣ и даже начали вліять на нравы въ Москвѣ.

Памятниками этого являются произведенія свѣтскаго характера. Е. Славинецкій, по просьбѣ Ртищева, составилъ греко-славяно-латинскій лексиконъ. Въ 1653 году въ Москвѣ была напечатана славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго. Для исторіи Русской царствованіе Алексѣя Михайловича не осталось безплоднымъ. Кромѣ сдѣлавшихся уже обычными у насъ лѣтописныхъ сводовъ (Никоновской, Воскресенской и др.), укажемъ на слѣдующее. Въ посольскомъ приказѣ, по приказанію боярина Матвѣева, была составлена «Государственная Большая книга», представляющая Русскую исторію съ портретами государей и патріарховъ. Въ томъ же посольскомъ приказѣ и при томъ же Матвѣевѣ была составлена

Печатный дворъ
въ XVII столѣтіи.



Домъ для чужестранныхъ пословъ.



«Книга объ избранiи на царство Михаила Ѳеодоровича». Она, по указанiю этого начальника приказа и самого царя Алексѣя Михайловича, была писана подьячимъ Иваномъ Верещагинымъ. Для иллюстрацiи ея былъ вытребованъ отъ князя Василiя Васильевича Голицына изъ Пушкарскаго приказа иконописецъ Иванъ Максимовъ, который и нарисовалъ 21 листъ рисунковъ, относящихся къ этой коронацiи и къ поставленiю въ патрiархи Филарета Никитича. Не лишено интереса для Русской исторiи и сочиненiе Катошихина: «О Россiи въ царствованiе Алексѣя Михайловича». Этотъ эмигрантъ-подьячiй очень критически относится къ московскому боярству, но все же въ его сочиненiи немало правдиваго, напр. что «многiе изъ бояръ грамотѣ неученые и нестудированные». Юрiй Крижаничъ, родомъ хорватъ, переселившiйся къ намъ, чтобы послужить своей ученостью одноплеменному народу, самому могущественному между славянами, написалъ сочиненiе: «Русское государство во второй половинѣ XVII вѣка». Это сочиненiе трактуетъ о народномъ богатствѣ, о силѣ государства, преимущественно военной и, наконецъ, о мудрости, преимущественно политической. Онъ выставлялъ необходимость для Россiи науки и школъ и коритъ нѣмцевъ за то, что они намѣренно держали славянъ въ невѣжествѣ. Но, желая для Россiи образованiя, Крижаничъ доказываетъ, что для нея необходимо самостоятельное нацiональное просвѣщенiе. Привязанность къ иностранцамъ, «чужебѣсiе», онъ считаетъ величайшимъ бѣдствiемъ для русскихъ и всѣхъ славянъ. Въ эпиграфѣ къ своей книгѣ онъ говоритъ: «хочу вытѣснить всѣхъ инородныхъ мастеровъ и ратниковъ и поднимаю всѣхъ днѣпрянъ, поляковъ, сербовъ и кто только есть славянскаго рода за одно ратовать со мною». Крижаничъ предлагаетъ крѣпкiй союзъ со своими одноплеменниками. Славянскiе народы, утратившiе политическую самостоятельность, должны возвратить свою «слободину». Нѣмцы притѣсненiями довели большую часть славянъ до такого отчаянiя, что послѣднiе стыдятся своего рода и языка; многiе изъ нихъ скрываютъ свое славянское происхожденiе и выдаютъ себя за людей иного народа. Кому же предлежитъ великiй подвигъ освобожденiя славянъ? «На тебѣ одномъ, пресвѣтлый царь, попеченiе о всемъ славянскомъ народѣ,—говоритъ Крижаничъ, обращаясь къ Алексѣю Михайловичу.—Ты, какъ отецъ,

Печать царя
Алексѣя
Михайловича.

долженъ нести заботу и чинить промыселъ о разсыпанныхъ дѣтяхъ, да соберешь ихъ воедино. Ты одинъ поставленъ отъ Бога, да начнутъ они промышлять о просвѣщенiи и о сверженiи нѣмецкаго ига». Крижаничъ является антагонистомъ всѣхъ инородцевъ, среди единопленныхъ славянъ. Въ славянской странѣ, говоритъ онъ, куда наплывутъ нѣмцы, по наружности, явится много лучшаго; но это лучшее будетъ служить только для пользы тѣхъ же нѣмцевъ, а славяне станутъ у нихъ рабочею силою. Обезьяническое перениманiе чуждой образованности мало можетъ содѣйствовать самобытному развитiю народнаго творчества. Защищая славянскую самобытность, Крижаничъ является убѣжденнымъ сторонникомъ принципа Царскаго самодержавiя. Превосходство его, по мнѣнiю Крижаница, видно изъ того, что Самодержавный государь можетъ лучше всѣхъ исправлять пороки и дурные обычаи своего государства. При этомъ онъ указываетъ на безурядицы Польши, гдѣ нѣтъ единства и крѣпости власти, гдѣ столько маленькихъ королей, сколько пановъ.

Болѣе влiятельнымъ распространителемъ у насъ образованности является западно русскiй ученый Симеонъ Полоцкiй. Онъ сдѣлался учителемъ царскихъ дѣтей, придворнымъ проповѣдникомъ и поэтомъ. Онъ въ самомъ дворцѣ устроилъ новую (вторую въ Москвѣ) типографiю. Въ одной изъ проповѣдей своихъ на Рождество Христово, отъ лица вселенскихъ патрiарховъ, съѣхавшихся тогда въ Москву, онъ обращается къ царю съ моленiемъ заводить училища греческiя и славянскiя и другiя, умножать число учащихся, отыскивать благоискусныхъ учителей и всѣхъ «честьми поощрять на трудолюбiе». Онъ написалъ чрезвычайно много различныхъ сочиненiй, не только духовнаго содержанiя, но и свѣтскаго и притомъ въ стихотворной формѣ. Кромѣ псалтыря, онъ излагалъ въ стихахъ предметы не—религiознаго характера, такъ, напр.: его «Риѳмологiонъ» содержитъ въ себѣ стихи разнообразнаго содержанiя: похвальные, поздравительные, элегическiе, драматическiе. Здѣсь помѣщены: праздничныя привѣтствiя

Выходъ царицы Марьи Ильиничны въ церковь.

царю и царицѣ отъ имени царевича Өеодора Алексѣевича, «Орелъ Россійскій»—обширная похвала царю Алексѣю Михайловичу, утѣшительное посланіе къ нему по кончинѣ его первой супруги и поздравленіе со вторымъ бракомъ и двѣнадцать драматизированныхъ плачей, по кончинѣ этого царя. Наконецъ, несмотря на свой монашескій санъ, Симеонъ написалъ для театра драматическіе пьесы: «О блудномъ сынѣ» и «Царѣ Навуходоносорѣ». Направленіе Полоцкаго было латинскаго характера, и онъ, и его ученики не убереглись отъ нѣкоторыхъ католическихъ мнѣній, что вызывало неудовольствіе въ представителѣ греческаго у насъ образованія Епифаніи Славинецкомъ и патріархѣ.

Чисто же католическая и протестантская образованность въ православныхъ людяхъ возбуждала большія опасенія. Отсюда можно было, по понятіямъ того времени, заимствовать только одни техническія усовершенствованія. Но наши крайніе западники, чтобы выше поставить реформы Петра I, преувеличенно рисуютъ отсталость допетровской Руси въ дѣлѣ техническомъ, хотя это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

При Алексѣ Михайловичѣ процвѣтали многіе прежніе виды промысловъ, какъ то: ювелирное дѣло (золотое и серебряное), литейное, строительное. Но онъ особыя заботы прилагалъ къ развитію у насъ металлическаго производства. При немъ добывалась мѣдь близъ Соликамска и продавалась по 4 р. съ полтиною за пудъ. Въ концѣ этого царствованія, еще была найдена мѣдная руда близъ Олонца и на Мезени. Обработка желѣза производилась близъ Тулы и Каширы. Самый большой желѣзный заводъ находился близъ первой и принадлежалъ Марселису. Другой,—на рѣкѣ Протвѣ, находился въ завѣдываніи Акемы. На заводахъ выдѣлывалось полосовое, листовое и прутовое желѣзо, якори, гвозди, мельничные снаряды, ставни, ступы, ядра и даже пушки. Сибирскимъ удальцамъ, отправлявшимся для открытія новыхъ земель, давался приказъ высматривать, нѣтъ ли гдѣ золотой и серебряной руды, слюды, драгоцѣнныхъ камней и проч. Въ селѣ Измайловѣ царь завелъ стеклянный заводъ, посуда коего славилась и во время Петра I и представляетъ не мало прекрасныхъ образцовъ въ нашей Оружейной палатѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, названное село сдѣлалось образцовой сельскохозяйственной фермой, гдѣ уже примѣнялись разныя земледѣльческія машины. Примѣчательно, что

эти машины устраивали не иностранцы, а русскіе мастера. Однѣ машины молотили хлѣбъ силой воды, другія — колесами безъ воды. Кромѣ того, Алексѣй Михайловичъ завелъ въ этомъ селѣ ботаническій, аптекарскій и другіе сады; въ нихъ аклиматизировались иноземныя фруктовыя деревья, имѣлись виноградники и даже шелководство.

Портреты царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича на иконѣ Новоспасскаго монастыря.

Особенное вниманіе обращалъ царь на начавшееся еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ устройство войскъ, по иностраннымъ образцамъ. Вмѣсто наемныхъ полковъ изъ иностранцевъ, Алексѣй Михайловичъ сталъ заводить такіе же изъ русскихъ людей. Изъ служилыхъ людей онъ набиралъ конницу, полки рейтарскіе и драгунскіе. Они были обучаемы инструкторами иноземцами, носившими чины полковниковъ, полуполковниковъ, майоровъ и ротмистровъ. Въ 1649 году, царь начинаетъ заводить солдатскіе пѣхотные полки. Они раздѣлялись на роты и были вооружены мушкетами и саблями. Петръ I въ своихъ солдатскихъ полкахъ только продолжалъ начатое его отцомъ дѣло. Не ограничиваясь этимъ, Алексѣй Михайловичъ дѣлалъ попытки завести и русскій флотъ. Въ 1662 году Московскій посолъ, проѣзжая въ Англію чрезъ Курляндію, много говорилъ тамъ, нельзя ли въ Курляндскихъ гаваняхъ завести намъ корабли. Курляндскій канцлеръ отвѣчалъ, что великому государю пристойнѣе заводить корабли у своего города Архангельска. Ординъ-Нащокинъ, управляя Ливоніей, завелъ флотилію на Западной Двинѣ, уничтоженную Кардисскимъ договоромъ. Но Алексѣй Михайловичъ не опускалъ рукъ отъ этихъ неудачъ и въ 1667 году издалъ указъ: «въ селѣ Дѣдиновѣ, на Окѣ (въ Зарайскомъ уѣздѣ), строить корабли для посылокъ изъ Астрахани на Хвалынское (Каспійское) море и то корабельное дѣло вѣдать боярину Ордину-Нащокину». Въ этомъ году нанятъ былъ въ Голландіи Давыдъ Бутлеръ «служити Царскому Величеству на морѣ Хвалынскомъ капитаномъ и кормщикомъ—генераломъ. Бутлеръ бывалъ во многихъ краяхъ свѣта и разумѣетъ многіе индѣйскіе языки и торги, и извычаи индѣйскіе, и небесное теченіе и какъ водится моремъ кораблямъ ходить». Въ Дѣдиновѣ построенъ былъ первый русскій корабль, за 9.000 руб. (100 тысячъ по нынѣшнему курсу), и названъ былъ «Орломъ». Но этотъ родоначальникъ Русскаго флота былъ сожженъ Стенькой Разинымъ.

Даже въ сферахъ установившихся на Руси искусствъ, начинаютъ замѣчаться различныя нововведенія. Такъ, напр., въ зодчествѣ появляются новые способы рѣзьбы. Вмѣсто русской рѣзьбы, по одной только поверхности дерева, появляется фигурная нѣмецкая работа, во вкусѣ бароко. Самые столярные инструменты начинаютъ носить нѣмецкія названія; появляются шерхебли, гзымзубли, нашляхтебли и проч. Окрѣпшая уже и развившаяся русская живопись проявляетъ нѣчто новое. Для плафонной живописи выписываются мастера изъ Польши. У природныхъ же русскихъ живописцевъ измѣняется пошибъ. Лучшимъ представителемъ нашей иконописи временъ царя Алексѣя Михайловича является царскій иконописецъ Симонъ Ушаковъ, стремившійся къ ея усовершенствованію. Онъ писалъ въ двоякомъ стилѣ: въ собственно такъ называемомъ иконописномъ и во фряжскомъ и соединялъ въ своихъ произведеніяхъ византійское преданіе съ усовершенствованною на Западѣ техникою Но его стремленіе усовершенствовать иконопись въ правильности рисунка, въ перспективѣ и ландшафтѣ, въ живомъ колоритѣ, большей естественности, не только не противорѣчитъ роднымъ преданіямъ этого искусства, но и вполнѣ съ нимъ согласуется. До насъ дошли его превосходныя иконы, по грудь, въ медальонахъ, въ церкви Грузинской Богоматери, изображающія Іисуса Христа въ святительскомъ облаченіи, Діонисія Ареопагита, Григорія Нисскаго, Амвросія Медіоланскаго и другихъ и Нерукотвореннаго Спаса.

Въ самыхъ обычаяхъ высшаго класса въ Москвѣ зачинаются нововведенія. Въ домахъ бояръ появляется заграничная мебель, часы, картины, даже статуи, и, наконецъ, русскіе люди начинаютъ курить табакъ и даже одѣваться въ иноземное платье. Но противъ этого вооружались не только старообрядцы, но такіе люди, кои были въ своемъ родѣ передовыми, какъ напр., патріархъ Никонъ. Подъ вліяніемъ Матвѣева и другихъ сторонниковъ иноземныхъ обычаевъ, новшества начинаютъ проникать въ самый дворецъ. Эти нововведенія поддерживаетъ и молодая царица Наталья Кирилловна, являвшаяся народу открыто въ своей каретѣ. Въ разрядныхъ записяхъ мы находимъ любопытное описаніе одного вечерняго кушанья у великаго государя, въ Потѣшныхъ хоромахъ (Потѣшный дворецъ). Перечисливъ, кто изъ бояръ приглашенъ былъ къ этому кушанью (въ ихъ числѣ духовникъ царскій—протопопъ Андрей Савиновичъ), запись говоритъ, что «послѣ кушанья государь изволилъ тѣшить себя великими игры: и въ органы играли (нѣмчинъ), и въ сурну, и въ трубы трубили и по накрамъ (бубнамъ) и литаврамъ били во-вся. Да жаловалъ великій государь своего духовника, бояръ дьяковъ думныхъ водками и ренскими и руманеей и всякими разными питьи; и пожаловалъ ихъ своею государскою милостію: напоилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ»... Подъ вліяніемъ Матвѣева, который завелъ у себя домашній театръ, построили сперва въ Преображенскомъ, а потомъ и въ Кремлѣ комедійную храмину. И то тамъ, то здѣсь государь съ царицей, царевичами и царевнами, подъ звукъ фіолей и другихъ «страментовъ» смотритъ дѣйства (драмы), взятыя изъ Библіи (Юдиѳь и Олофернъ, Аманъ и Мардохей и проч.), или изъ миѳологіи (Орфей). Здѣсь

Храмъ
Грузинской
Божіей Матери,
въ
Никитникахъ.

на сценѣ играютъ, а иногда и танцуютъ актеры или изъ нѣмцевъ или изъ дворовыхъ боярина Матвѣева. Во главѣ труппы и оркестра стоятъ иноземцы Нѣмецкой слободы Яганъ Готфридъ, Грегори, Рингуберъ, органистъ Симонъ Гутовскій и другіе.

Но, несмотря на всѣ эти нововведенія, попрежнему сохранились всѣ національныя основы царскаго быта, всѣ его торжественные религіозные обряды и даже мелкіе обычаи, до выслушиванія отъ верховыхъ старцевъ былинъ и преданій. Уваженіе царя къ русскому быту сказалось всенароднымъ указомъ, отъ 6 августа 1674 г.: «Князя Андрея Княжъ Михайлова сына Кольцова-Мосальскаго изъ стряпчихъ записать по жилецкому списку за то, что онъ на головѣ волосы у себя подстригъ. А стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ указалъ великій государь свой государевъ указъ сказать, чтобъ они иноземскихъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосовъ у себя на головѣ не подстригали, такожъ и платья, кафтановъ и шапокъ съ иноземскихъ

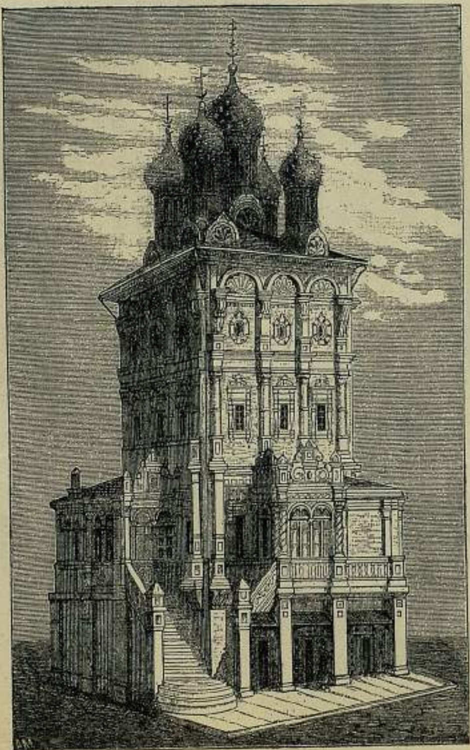
Пелена
пожертвованная
царемъ въ
Успенскій соборъ.

образцовъ не носили, и людямъ своимъ потому жъ носить не велѣли. А будетъ кто впредь учнетъ волосы подстригать и платья носить съ иноземнаго образца, и такое-жъ платье объявится на людѣхъ ихъ, и тѣмъ отъ великаго государя быть въ опалѣ, и изъ вышнихъ чиновъ написаны будутъ въ нижніе чины». Замѣчательный указъ этотъ былъ однимъ изъ послѣднихъ распоряженій царя Алексѣя Михайловича.

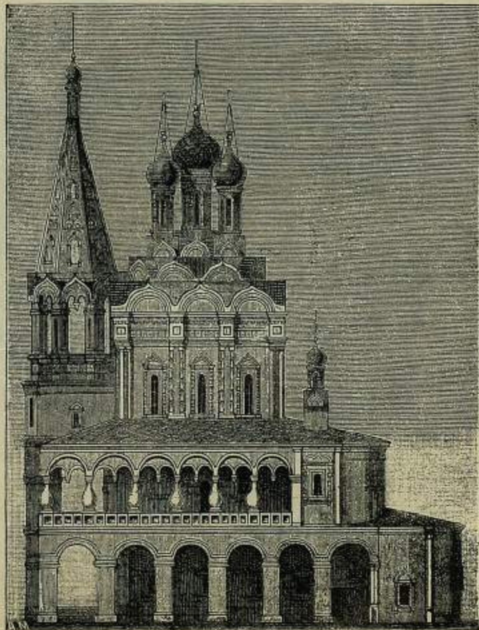
Царь Михаилъ Өеодоровичъ, возстановивъ раззоренные въ смутное время кремлевскіе храмы, оставилъ уже немного заботъ о нихъ своему преемнику; и царь Алексѣй Михайловичъ, по отношенію къ первымъ, является не столько храмоздателемъ, сколько вкладчикомъ.

Въ первопрестольномъ Успенскомъ соборѣ этотъ государь оставилъ по себѣ память слѣдующимъ. Въ придѣлѣ апостоловъ Петра и Павла Алексѣй Михайловичъ поставилъ замѣчательную по древности и сдѣланную изъ особаго рода мастики икону Влахернской Божіей Матери. Она была нѣкогда покровительницей Цареграда и привезена была оттуда въ даръ государю. Въ 1653 году царь принесъ въ даръ Успенскому собору серебряное въ 2 пуда блюдо и при немъ ведро, съ коимъ онъ самъ ходилъ на Іордань и зачерпалъ имъ только-что освященную воду. Его же пожертвованіе—великолѣпныя золотыя, украшенныя жемчугомъ священнослужительскія облаченія и пелена къ Владимірской Богоматери, «на поминъ родителей». Царица Наталья Кирилловна пожертвовала громадное евангеліе, оправленное массивнымъ золотомъ и разнообразными драго-

ЦЕРКОВНОЕ ЗОДЧЕСТВО XVII ВѢКА



Храмъ Николая Чудотворца на Ильинкѣ.



Храмъ св. Николая на Столпахъ.

Церковь въ селѣ Останкинѣ.

Храмъ въ селѣ Тайнинскомъ.

(Къ стр. 238—239.)

Царь
Алексѣй
Михайловичъ.
Со старинной
гравюры.

цѣнными камнями. При Императрицѣ Екатеринѣ II, оно было оцѣнено въ два милліона рублей. Своякъ государя, по первой его супругѣ, бояринъ Морозовъ, пожертвовалъ къ Успенію огромное паникадило въ 60 пуд. серебра, висѣвшее посрединѣ собора до 1812 года. Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ перенести изъ церкви Рождества Богородицы въ Успенскій соборъ царицыно мѣсто и поставить его противъ лѣваго клироса. Оно рѣзное изъ дерева, вызолочено, и верхъ его на четырехъ углахъ увѣнчанъ двуглавыми орлами. Никонъ въ это время поновилъ патріаршее мѣсто.

Архангельскій, Благовѣщенскій и другіе соборы Кремля получали также, какъ и придворные храмы, разные болѣе или менѣе цѣнные вклады набожнаго царя Алексѣя Михайловича. Изъ дворцовыхъ храмовъ особенной заботой его пользовалась церковь Екатерины великомученицы, «у царицы на сѣняхъ», гдѣ въ это время былъ устроенъ придѣлъ въ память матери царя (Евдокіи Лукьяновны); здѣсь царицы брали молитву послѣ родовъ и причащались постомъ. Въ церкви Распятія надъ жертвенникомъ находится икона, на коей изображены св. Константинъ и Елена, а также Алексѣй Михайловичъ, его супруга Марья Ильинишна и патріархъ Никонъ.

«Тишайшій царь» не оставилъ безъ вниманія и колокольню Ивана

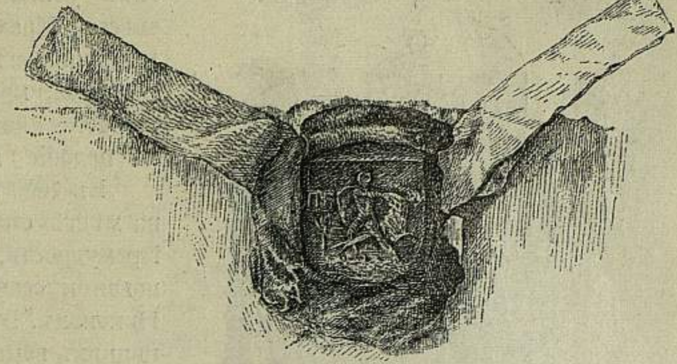
Великаго. Находившаяся при немъ звоница съ громаднымъ колоколомъ Годунова сгорѣла, и самый колоколъ разбился. Царь приказалъ воспользоваться его осколками и отлить новый. Баронъ Мейербергъ, видѣвшій его въ 1661 году, говорилъ, что онъ былъ вылитъ русскимъ литейщикомъ 24 лѣтъ, вѣситъ 8,000 пудовъ и поставленъ былъ на новой звоницѣ. Въ пожаръ 1701 года онъ разбился, но, при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, былъ вылитъ снова и сдѣлался слѣдовательно отцомъ царя-колокола; къ осколкамъ этого произведенія XVII вѣка прибавлено было еще 2,000 пудовъ мѣди. Въ память царя Алексѣя Михайловича сдѣлано было на царь-колоколѣ его изображеніе рядомъ съ изображеніемъ названной императрицы. Чудовская обитель св. Алексѣя митрополита, гдѣ воспріялъ крещеніе Алексѣй Михайловичъ, и Вознесенскій монастырь, гдѣ онъ самъ хоронилъ свою первую супругу и дочерей, пользовались вкладами этого государя. Въ Вознесенскомъ монастырѣ и до сихъ поръ сохраняется большая серебряная водосвятная чаша, даръ царя.

Заботясь о храмахъ и дворцахъ, государь подъ конецъ своего царствованія обратилъ вниманіе и на приказы. Къ 1670 году кремлевскія палаты разныхъ приказовъ «обветшали гораздо и порушились во многихъ мѣстахъ; сидѣть въ нихъ было опасно». Поэтому приказы съ ихъ дѣлами были переведены изъ Кремля въ Китай и Бѣлый городъ и размѣщены тамъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1675 году каменный (строительный) приказъ началъ постройку новыхъ приказовъ въ Кремлѣ, по горѣ, начиная отъ Архангельскаго собора къ Спасскимъ воротамъ. По чертежу, который былъ присланъ изъ польскаго приказа, предполагалось выстроить: Разрядъ, Посольскій приказъ съ четвертьми, Большую казну, Помѣстный и Стрѣлецкій приказы и Казанскій дворецъ. Денегъ на постройку исчислено было 24,806 руб., 3 алтына, 5 денегъ. Но эти стройки были исполнены уже при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

Не мало хлопотъ доставлялъ ему и Китай-городъ. Въ заботѣ о благообразіи Красной площади было повелѣно сломать и убрать разсѣянные на ней и ея перекресткахъ торговые шалаши и скамьи и было предписано «всякими товары торговать въ рядѣхъ, въ которыхъ коимъ указано и гдѣ кому даны мѣста». По Соборному Уложенію, оптовая торговля должна производиться только въ Гостинномъ ряду (между Ильинкой и Варваркой), а «въ розни товаровъ тамъ не продавать». Розничная торговля была исключительно рядскою. Алексѣй Михайловичъ далъ указъ, чтобы гостинный дворъ и ряды не торговали въ субботу, какъ станутъ звонить къ вечернѣ, и въ воскресенье, до окончанія литургіи.

У Неглиненскихъ (Воскресенскихъ воротъ) государь построилъ часовню для Иверской Божіей Матери. Въ Казанскомъ соборѣ онъ оставилъ по себѣ память вкладами. Въ Покровскомъ—постройкой новыхъ придѣловъ. Въ Богоявленскомъ монастырѣ, благодаря пожертвованію боярыней Рѣпниной земли, выходившей на Никольскую улицу, построены существующія и теперь ворота съ храмомъ Іоанна Предтечи. Въ Заиконоспасскомъ монастырѣ построена была двухъ-этажная соборная церковь, освященная въ 1661 году. Здѣсь въ 1666 году поселенъ былъ западно-русскій

Печать царицы Маріи Милославской.



ученый Симеонъ Полоцкій, и построено было за счетъ государя зданіе для него и учениковъ, которыхъ онъ долженъ былъ учить «полатынямъ». Начали учиться здѣсь молодые подъячіе изъ приказа тайныхъ дѣлъ. Изъ этой школы возникла знаменитая славяно-греко-латинская академія. Въ 1653 году Алексѣй Михайловичъ дозволилъ въ Никольскомъ (Аѳонскомъ) монастырѣ совершать богослуженіе на греческомъ языкѣ.

Въ опустошительный пожаръ 1668 года сильно пострадалъ Знаменскій монастырь. Царь и его родственники на свой счетъ возобновили его. Не только были возстановлены старинныя Романовскія палаты, но и были построены вновь другія зданія и, вмѣсто прежней деревянной ограды, была возведена каменная. Сложена была новая церковь Знаменія, а подъ нею теплая во имя Аѳанасія Аѳонскаго. Постройки продолжались и по смерти Алексѣя Михайловича.

Изъ приходскихъ церквей Китай-города много заботъ этотъ государь посвятилъ Зачатію св. Анны, что въ углу. Здѣсь, по случаю рожденія дочери, онъ построилъ придѣлъ во имя св. Екатерины, а въ 1668 году, по случаю пожара, возобновилъ и украсилъ всю церковь.

Вообще царь любилъ эту церковь и въ праздники съ своимъ семействомъ слушалъ здѣсь литургію, которую совершалъ патріархъ. Рядомъ съ этимъ храмомъ въ 1664 году построена была церковь св. Николая, существовавшая до конца прошлаго столѣтія. Въ 1657 году бояриномъ Салтыковымъ построена была церковь Троицы на Поляхъ, гдѣ раньше была церковь св. Георгія.

Не мало памятниковъ это царствованіе оставило и въ стѣнахъ Бѣлаго города. Алексѣй Михайловичъ въ 1649 году приказалъ принести въ Москву чудотворную икону Страстной Богоматери изъ вотчины князя Лыкова, въ Нижегородской области (Палицы), и, встрѣтивъ ее съ крестнымъ ходомъ, приказалъ построить для нея Страстной монастырь съ двухъэтажнымъ въ немъ храмомъ.

Изъ приходскихъ храмовъ Бѣлаго города особенно хорошо былъ обстроенъ въ это царствованіе основанный еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ храмъ св. Николая на Столпахъ, гдѣ былъ домъ боярина Матвѣева, гдѣ жила прежде Наталья Кирилловна Нарышкина и гдѣ послѣ похороненъ

Стрѣльцы.

былъ убитый стрѣльцами Матвѣевъ. Храмъ двухъ-этажный. Надъ нижнею церковью сдѣлана галлерея, кровля коей поддерживается каменными столбами на подобіе кувшиновъ.

Въ 1650 году, на Лубянкѣ, на мѣстѣ старой церкви Софіи-Премудрости, построена была новая и освящена патріархомъ Никономъ. Въ 1657 году, у Мясницкихъ воротъ построена была церковь Флора и Лавра. Въ 1649 году близъ Покровскихъ воротъ построена была церковь Троицы на Грязяхъ, какъ значится на одномъ изъ крестовъ, находящихся въ церкви. Въ Охотномъ ряду въ 1667 году, построенъ храмъ преподобной Парасковіи - Пятницы. Въ 1647 году, Григоріемъ Горихвостовымъ поставлено было, на Успенскомъ Вражкѣ, Успеніе Богоматери. На Большой Дмитровкѣ въ 1652 году— Преподобн. Сергія.

Въ стѣнахъ Земляного города были построены слѣдующіе храмы: въ 1656 году Св. Николая на Берсеневкѣ; въ 1650 году, деревянная церковь Троицы на Листахъ замѣнена каменной, которую достраивали стрѣльцы, усмирявшіе бунтъ Стеньки Разина; въ 1653 г.—Георгія Побѣдоносца въ Яндовѣ; въ 1649 году—Петра и Павла на Якиманкѣ; въ 1660 году—Казанской Богоматери тамъ же; въ 1652 году—Харитонія въ Огородникахъ; въ 1676 году—Апостола Іакова въ Казенной; въ 1647 году—Введенія въ Барашахъ, въ 1653 году Благовѣщенія на Воронцовомъ полѣ (взамѣнъ старой); въ 1657 году—Косьмы и Даміана въ Кузнецкой (взамѣнъ старой); въ 1656 году того же имени, но въ Таганской слободѣ; въ 1654 году—Успенія въ Гончарахъ; въ 1671 году—Воскресенія въ Таганкѣ; въ 1652 году—Филиппа митрополита на Мѣщанской; въ 1650 году—Георгія на Всполье (деревянная); въ 1653 году—Ржевскія Пресвятыя Богородицы на Поварской; въ 1670 году—Николая Чудотворца въ Плотникахъ; въ 1650 году—Св. Николая на Щепахъ, (здѣсь былъ царскій дровяной дворъ); въ 1658 году—Воздвиженія на Вражкѣ (Пометномъ); въ 1647 году—Николая Чудотворца въ Пыжахъ.

Чрезвычайно было бы полезно для исторіи Москвы этимъ, а равно и всѣмъ вообще приходскимъ церквамъ нашимъ издать свои историческія описанія, съ видами и планами самихъ храмовъ, снимками иконографическими, археологическими, палеографическими и проч. Это значительно подвинуло бы дальнѣйшую разработку исторіи Москвы.

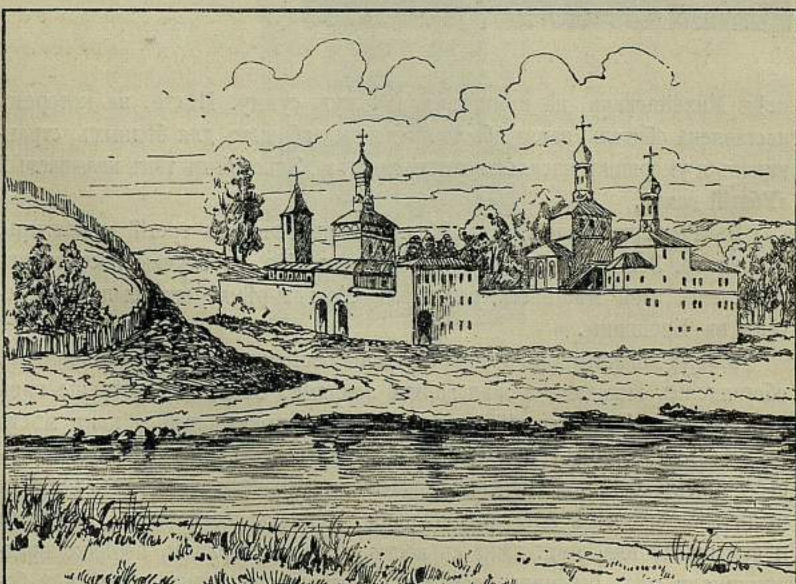
Изъ монастырей, находившихся на окраинахъ Москвы, три были построены при Алексѣѣ Михайловчѣ: Андреевскій въ Плѣнницахъ,

Покровскій на Убогихъ домахъ и Зосимо-Савватіевскій у Краснохолмскаго моста.

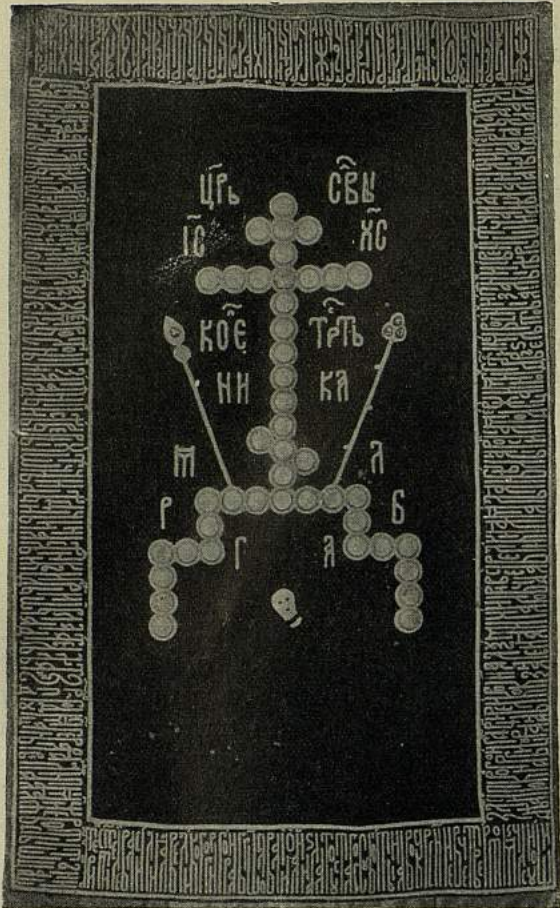
Воевода.

Въ мѣстности, между Калужской заставой и Воробьевыми горами, въ 1648 году любимцемъ и окольничьимъ царя Ѳ. М. Ртищевымъ возстановленъ упраздненный древній Андреевскій монастырь, ставшій къ этому времени богадѣльней. Строитель назвалъ его Преображенскою пустынью и основалъ здѣсь ученое общество и школу. Онъ вызвалъ сюда изъ Кіева ученыхъ: Епифанія Славинецкаго, Арсенія Сатановскаго, Дамаскина Птицкаго и Ѳеодосія Сафоновича, для перевода греческихъ книгъ и обученія русскихъ людей свободнымъ наукамъ. Труженики эти въ три года изготовили огромные фоліанты, и въ 1649 году выпущена была изъ печати книга: «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей». Это учрежденіе Ѳ. М. Ртищева много сдѣлало для исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и подготовило открытіе славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ.

Покровскій монастырь построенъ былъ въ 1655 году, по указу Але-



Андреевскій монастырь.



Покровъ на гробницу царя Алексѣя Михайловича.

ксѣя Михайловича, на комнатную царскую сумму. Мѣсто, на которомъ поставлена обитель, занято было прежде кладбищемъ для бѣдныхъ, странниковъ и умершихъ насильственною смертью. Здѣсь былъ такъ называемый «Убогій домъ».

Въ Гончарной слободѣ, у Холма, царь основалъ третій монастырь, во имя св. Зосимы и Савватія Соловецкихъ. Но, по случаю постояннаго затопленія этой мѣстности разливами Москвы-рѣки, онъ былъ перенесенъ въ Бронницы.

Старые монастыри въ это царствованіе обстраивались новыми храмами, обогащались вкладами и жаловались землями. Особенное вниманіе царь обращалъ на Новоспасскій монастырь, какъ придворный и какъ мѣсто погребеніе своей бабушки—царственной инокини Мареы и своихъ родственниковъ бояръ Романовыхъ. Мы воспроизвели видъ находящейся въ этомъ монастырѣ ихъ усыпальницы. Царь съ своей семьей, боярами и духовными властями, даже съ восточными патріархами, нерѣдко предпринималъ сюда богомольные походы. Государь достраивалъ здѣсь и бо-

гато украшалъ заложенный еще его отцомъ новый соборный храмъ и въ 1673 году построилъ церковь Покрова Богородицы.

Въ Даниловскомъ монастырѣ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, совершилось открытіе мощей св. благовѣрнаго князя Даніила, и построена была Покровская церковь. Въ Донскомъ монастырѣ построены два придѣла, при трапезной церкви. Ризницы монастырей получили въ это время не мало богатыхъ царскихъ вкладовъ.

Русское зодчество въ царствованіе Алексѣя Михайловича сдѣлало еще шагъ въ дальнѣйшемъ своемъ самобытномъ развитіи. Отличаясь отъ построекъ чисто византійскаго стиля, оно очень разнообразно и стройно разрабатывало русскіе мотивы въ устройствѣ колоколенъ, главъ, крышъ, крылецъ, галлерей, разнообразныхъ украшеній и т. д. Мотивы ихъ взяты изъ чисто самобытно-русскихъ деревянныхъ построекъ.

Скончался «Тишайшій Царь» съ 29 по 30 января 1676 года. Его тѣло, какъ и вдовствующую царицу, несли на слѣдующій день въ Архангельскій соборъ стольники. За усопшимъ несли въ креслѣ больного ногами царя Ѳеодора Алексѣевича. Послѣ отпѣванія, совершоннаго патріархомъ, съ великимъ соборомъ, всѣ присутствовавшіе въ смирныхъ одеждахъ прощались съ царемъ, цѣлуя его руку. Народъ, наполнявшій Кремль, горючими слезами оплакалъ свое «Красное Солнышко», своего любимаго Самодержца, съ которымъ жилъ душа—въ душу.

Храмъ Рождества въ Путникахъ.

XIII.

При Θеодорѣ Алексѣевичѣ и въ правленіе царевны Софіи.

Наша исторія въ царствованіе Θеодора Алексѣевича, не богата фактами: потому что оно продолжалось всего шесть лѣтъ (1676—82). Онъ вступилъ на престолъ 14 лѣтъ и былъ очень хилаго сложенія. Въ день кончины отца своего онъ лежалъ больной въ постели, и его на рукахъ принесли въ Грановитую палату и посадили на престолъ.

Самая кратковременность этого царствованія и сходство его по духу съ послѣдними годами правленія царя Алексѣя Михайловича условливали то, что оно не дало много новаго.

Хотя Матвѣевъ и Нарышкины подверглись въ это время опалѣ и удаленію отъ двора, но начавшееся сближеніе съ Западомъ продолжалось. Питомецъ прежде упомянутаго Симеона Полоцкаго, научившійся отъ него по-латыни и по-польски, самъ писавшій вирши, или стихи, царь Θеодоръ не чуждался нововведеній въ духѣ Запада.

Въ придворной верхней типографіи Симеонъ Полоцкій дѣятельно, безъ разрѣшенія патріарха, печаталъ свои книги. Такъ, въ 1680 году былъ напечатанъ въ этой типографіи тестаментъ Василія, царя греческаго, а затѣмъ стихотворная псалтырь. При типографіи находилось училище, помѣщавшееся въ трехъ палатахъ, коимъ завѣдывалъ монахъ Тимоθей, а учителями приглашены были два грека Лихуды. Въ 1684 году училище было переведено въ Богоявленскій монастырь. Въ 1685 году патріархъ Іоакимъ перевелъ это училище въ Заиконоспасскій монастырь.

Симеонъ Полоцкій выработалъ проектъ преобразованія этой школы въ высшее училище—въ Славяно-греко-латинскую академію, въ коей должны систематически изучаться богословіе, философія, піитика, реторика и всѣ части грамматики. Она должна быть не только разсадникомъ науки, но и охранительницей православія: наблюдать за инославными иностранцами и судить еретиковъ. Но академія была открыта, по смерти

Портретъ царя Θеодора Алексѣевича.

Θеодора Алексѣевича, въ правленіе царевны Софьи. Большой портретъ этого царя до сихъ поръ находится въ Заиконоспасскомъ училищѣ. Симеонъ Полоцкій похороненъ въ Чудовомъ монастырѣ.

При Θеодорѣ Алексѣевичѣ продолжалось начатое еще при Михаилѣ Θеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ преобразованіе нашего войска по западно-европейскимъ образцамъ. Это обсуждалось на земскомъ соборѣ, высказывавшемся въ пользу уничтоженія мѣстничества и старинныхъ родовыхъ счетовъ бояръ. И Москва была свидѣтельницей сожженія разрядныхъ книгъ и заведенія новыхъ родословныхъ. Въ это время число полковъ иноземнаго строя у насъ было болѣе 60, а именно 25 конныхъ (рейтарскихъ и копейныхъ) и до 40 пѣшихъ солдатскихъ. Душой этого преобразованія былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, любимецъ царевны Софьи. Онъ продолжалъ дѣйствовать въ духѣ Ордина-Нащокина, который желалъ, чтобы мы учились хорошему у иностранцевъ, и совѣтовалъ царю Алексѣю Михайловичу завоевать Нарву, Орѣшекъ (Шлиссельбургъ) и все теченіе Невы до Ньешанца, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ Петербургъ, и въ особенности Ригу, какъ важную пристань близъ моря, что пролагало намъ пути на западъ.

Преемникъ при Θеодорѣ Алексѣевичѣ было отмѣнено мѣстничество, т.-е. право занимать придворныя, военныя и другія должности, запрещены были споры изъ-за нихъ, уничтожены были разрядныя книги и замѣнены родословными. Замѣнившій Нащокина, по управленію посольскимъ приказомъ,

Богоявленскій и Греческій монастырь.

Видъ Китай-города.

Заиконоспасскій монастырь и его училище.

князь В. В. Голицынъ, былъ горячимъ поклонникомъ Запада, нерѣдко забывавшимъ русскую старину. Въ его домѣ, въ Охотномъ ряду, все было устроено на европейскій ладъ: въ большихъ залахъ простѣнки были заставлены зеркалами, на стѣнахъ висѣли портреты (парсуны) русскихъ и иностранныхъ государей и нѣмецкія географическія карты. У него была значительная библіотека, въ коей русскій лѣтописецъ стоялъ рядомъ съ нѣмецкой геометріей. Въ библіотекѣ Голицына были и «Политичныя думы» Крижанича. Голицынскій домъ былъ центромъ для пріѣзжавшихъ въ Москву образованныхъ иностранцевъ. Онъ, вмѣстѣ съ другими придворными, игралъ въ хоромахъ царевны Софьи «Доктора поневолѣ» Мольера и часто говорилъ о необходимости для бояръ ѣздить за границу и отдавать дѣтей для обученія въ польскія школы. Отъ Голицына иностранцы были безъ ума...

Подъ западнымъ вліяніемъ въ Москвѣ начинаютъ замѣчаться въ это время и бытовыя перемѣны. Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ первый разъ былъ женатъ на Агафьѣ Семеновнѣ Грушецкой, польскаго происхожденія. Ея вліянію приписываютъ то, что въ Москвѣ начали въ то время брить бороды, носить польскіе кунтуши и сабли.

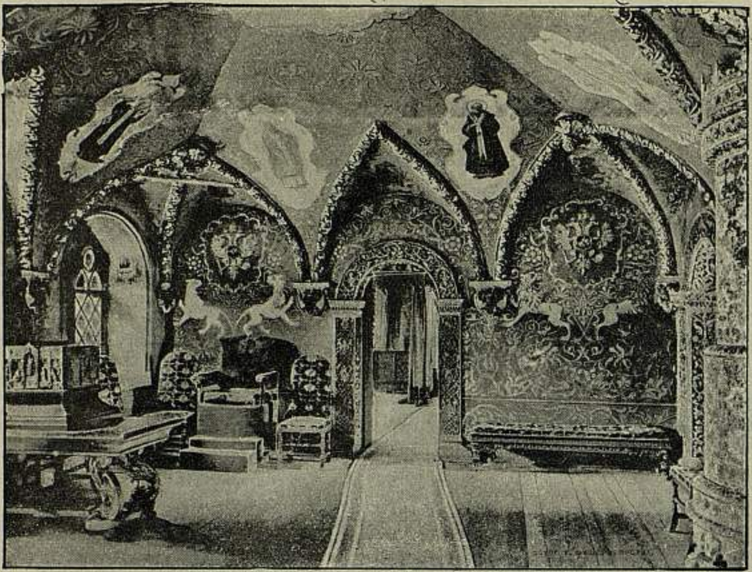
Въ то же время царь, замѣтивъ безпорядки въ ѣздѣ по Москвѣ, повелѣлъ боярамъ, окольничьимъ и думнымъ людямъ ѣздить въ городѣ на двухъ лошадяхъ. Въ праздничные дни боярамъ дозволялось ѣздить на четырехъ лошадяхъ, а въ случаѣ свадьбы—шестерикомъ. Въ это время у насъ появляются кареты.

При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ московскія церкви были раздѣлены на сороки, или заказы, и поставлены были подъ вѣдѣніе закащиковъ, нынѣшнихъ благочинныхъ. Сороковъ было шесть: Китайскій (159 церквей), Пречистенскій (210), Никитскій (176), Срѣтенскій (150), Ивановскій (117) и Замоскворѣцкій (131). Во всѣхъ сорокахъ было 943 церкви, въ томъ числѣ во имя св. Николая 128.

Въ Кремлѣ, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, строились палаты для приказовъ. Такъ, въ 1677 году готовы были нижніе этажи 28 палатъ и стали строить верхнія. На проѣзжихъ воротахъ была построена церковь Трехъ Исповѣдниковъ. Въ 1680 году царь указалъ въ новопостроенныхъ палатахъ учинить приказы: отъ Архангельскаго собора Польскій съ четвертьми (4 палаты), у проѣзжихъ воротъ Большая казна и Новгородскій приказъ съ четвертьми. На Мстиславскомъ дворѣ, отъ проѣзжихъ воротъ, Помѣстный приказъ съ четвертьми (4 палаты), рядомъ Казанскій дворецъ (въ одной палатѣ здѣсь былъ устроенъ колодезь). Рядомъ съ помѣстнымъ приказомъ помѣстился Стрѣлецкій. Въ Китаѣ-городѣ, на Ильинкѣ, былъ выстроенъ храмъ св. Николая (Большой крестъ).

Патріархъ Іоакимъ въ своей слободѣ, на Козьемъ болотѣ, откуда текъ ручей въ рѣчку Прѣсню, неподалеку отъ тамошнихъ прудовъ, приказалъ вырыть нѣсколько прудовъ, изъ коихъ одинъ существуетъ до сихъ поръ и называется Патріаршимъ. Въ 1681 году на Прѣснѣ былъ выстроенъ государевъ дворецъ и при немъ каменная церковь Воскресенія, отчего государево село стало называться Новымъ Воскресенскимъ. Въ томъ же году сюда была перенесена деревянная церковь Николы Чудотворца «съ Курьей ножки», близъ Поварской.

Въ это царствованіе построена Дмитріемъ Калошинымъ, близъ Дѣвичьяго поля, церковь Неопалимой Купины. Этотъ бояринъ особенно



Государевъ кабинетъ въ теремахъ.

чтилъ икону Неопалимой Купины, находившуюся въ Святыхъ сѣняхъ предъ Грановитою палатой. Однажды онъ подпалъ царскому гнѣву, хотя и не зналъ за собою никакой вины, и сталъ молиться предъ этой иконой о небесномъ заступничествѣ. Богоматерь, явившись во снѣ царю, возвѣстила ему о невинности опальнаго. Освободившись отъ своей невзгоды, бояринъ въ благодарность за это построилъ Неопалимовскій храмъ.

27 апрѣля 1682 года ударъ колокола на Иванѣ Великомъ возвѣстилъ Москвѣ о кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича. Во дворецъ отправились патріархъ Іоакимъ съ архіереями и бояре. Собравшіеся прежде всего поклонились усопшему царю, а затѣмъ цѣловали руки его двумъ братьямъ, царевичамъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ. Приходилось рѣшать вопросъ, кому наслѣдовать престолъ послѣ бездѣтнаго Ѳеодора. Старшій его братъ былъ болѣзненъ, подслѣповатъ и слабоуменъ (скорбенъ главою). Десятилѣтній Петръ былъ крѣпокъ тѣломъ и уже обнаруживалъ замѣчательныя способности. Немедленно духовныя лица и бояре собрались, для рѣшенія вопроса, въ передней палатѣ. Большинство бояръ, прибывшихъ, на случай смятенія, въ панцыряхъ, было на сторонѣ Петра, но и немало было и на сторонѣ Іоанна. Чтобы прекратить недоумѣніе, по предложенію патріарха, рѣшено было предложить это дѣло людямъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства. Въ Москвѣ находились призванные Ѳеодоромъ (по вопросу о податяхъ и отправленіи выборной службы) выборные люди. Народъ собрался предъ церковью Спаса за Золотою рѣшеткою и на предложенный патріархомъ вопросъ провозгласилъ царемъ Петра. Онъ находился въ это время у гроба брата. Освященный соборъ и бояре нарекли его здѣсь царемъ. Патріархъ благословилъ государя-отрока крестомъ, и его посадили на тронъ. Бояре, дворяне и люди всякихъ чи-

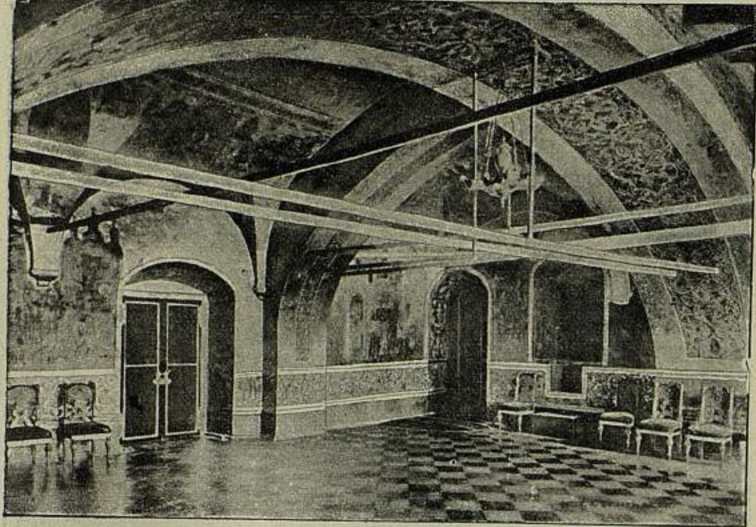
Смерть царя Өеодора. Съ картины художника *Лебедева*.

новъ принесли ему присягу, поздравляли его съ восшествіемъ на престолъ и цѣловали царскую руку.

На другой день происходило погребеніе царя въ Архангельскомъ соборѣ. Тѣло его несли въ саняхъ стольники, а за нимъ въ другихъ саняхъ несли молодую вдовствующую царицу Марөу Матвѣевну Апраксину. За гробомъ шелъ царь-отрокъ. Но рядомъ съ Петромъ, вопреки обычаю, шла дѣвица-царевна Софья. Она громко голосила и покрывала своими воплями причитанья цѣлой толпы черницъ. Она была уже 25 лѣтъ и отличалась дородствомъ и еще при покойномъ братѣ покинула теремъ и, владѣя не малымъ образованіемъ, принимала участіе въ дѣлахъ правленія. По окончаніи погребенія, царевна Софья, возвращаясь во дворецъ, всенародно вопила: «братъ нашъ, царь Өеодоръ, нечаянно отошелъ со свѣта отравою отъ враговъ. Умилосердитесь, добрые люди, надъ нами, сиротами. Нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата-царя. Иванъ, нашъ братъ, не избранъ на царство. Если мы чѣмъ передъ вами, или боярами провинились, отпустите насъ живыхъ въ чужую землю, къ христіанскимъ королямъ».

Это показывало, что Софья уже въ этотъ моментъ готовилась вырвать правительственную власть изъ рукъ Нарышкиныхъ и овладѣть ею. Ея агенты, съ первыхъ же дней, стали шнырять въ Стрѣлецкихъ слободахъ, за Москвой-рѣкой: въ приходахъ Троицы въ Вишнякахъ, Петра и Павла на Калужской улицѣ и Казанской у Калужскихъ воротъ, въ Земляномъ городѣ, у Пимена въ Воротникахъ, у Сергія въ Пушкаряхъ, у Троицы на Листахъ, у Николая Чудотворца въ Воробинѣ, у Спаса въ Чигасахъ за Яузой.

Мы не станемъ описывать извѣстныя подробности Стрѣлецкаго бунта, отмѣченнаго кровавыми явленіями и утихшаго, къ концу мая 1682 года, государственнымъ переворотомъ, выразившимся провозглашеніемъ первымъ



Патріаршая палата въ Кремлѣ XVII вѣка.

царемъ Іоанна, вторымъ—Петра, а правительницей Софьи. Упоминаемъ бунтъ раскольниковъ, опиравшихся на стрѣльцовъ и дошедшихъ до дерзкаго требованія, чтобы цари вѣнчались по старымъ обрядамъ. Памятниками этого смутнаго времени въ Москвѣ явились столбъ на Красной площади, поставленный, по требованію стрѣльцовъ, съ именами убитыхъ ими бояръ и съ перечисленіемъ мнимыхъ ихъ винъ, и гробница убитаго тогда предъ Краснымъ крыльцомъ боярина Матвѣева, у Николы на Столпахъ.

Смута еще не улеглась, а вѣнчаніе на царство обоихъ государей было совершено 25 іюня. Все происходило по установившемуся обряду. Первымъ лицомъ при коронаціи былъ князь Василій Голицынъ. Передъ возложеніемъ на государей вѣнцовъ патріархъ, облаченный въ саккосъ митрополита Фотія, спросилъ царей, «како они вѣруютъ и исповѣдаютъ Отца и Сына и Святаго Духа?» Государи въ отвѣтъ на это прочитали вслухъ символъ вѣры. Коронаціонный обѣдъ, по установившемуся обычаю, происходилъ въ Грановитой палатѣ.

Недолгое и смутное время правленіе царевны Софьи не могло оставить по себѣ многихъ памятниковъ въ Москвѣ.

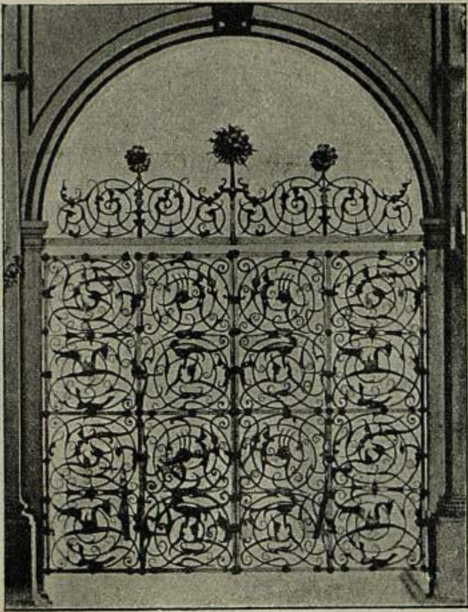
Въ ноябрѣ 1682 года въ Кремлѣ произошелъ большой пожаръ; сгорѣли выстроенныя Ѳеодоромъ деревянныя хоромы Петра Алексѣевича и царевенъ; загорѣлся Успенскій соборъ, на которомъ сгорѣла мѣдная кровля и въ главахъ оконницы; всѣ значительныя иконы и мощи были вынесены въ Архангельской соборъ на то время, пока шли работы по возстановленію первопрестольнаго собора. Въ возобновленномъ Успенскомъ соборѣ патріархъ поставилъ епископа Луцкаго и Острожскаго Гедеона (князя Святополка-Четвертинскаго) въ митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Черезъ три года, на мѣстѣ погорѣвшихъ, выстроены были новыя, для царя Петра и его матери, деревянныя хоромы (въ дворцовомъ при нихъ саду Петръ пускалъ на пруду маленькіе кораблики), а для царевны Со-

Царская опочивальня.

фіи и другихъ меньшихъ царевенъ были возведены трехъ-этажныя каменныя палаты; въ нижнемъ этажѣ ихъ была устроена, по приказанію Софьи, комната, «гдѣ сидѣть съ боярами и слушать всякія дѣла». Въ то же время на кормовомъ дворѣ, возлѣ верхняго краснаго сада и новыхъ хоромъ царя Петра, построена церковь свв. Петра и Павла. Для подкрѣпленія Верхоспасскаго собора въ Меньшой Золотой палатѣ подведены были подъ своды крестообразныя каменныя «перететивы». Возобновлены были Грановитая, Золотая (средняя), Отвѣтная и другія палаты. Вообще предъ единодержавіемъ Петра Кремль достигъ апогея своего величія. Царскіе дворцы находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, до какого не достигали ни въ одно изъ предыдущихъ царствованій. Въ это время обширность и великолѣпіе дворцовъ вполнѣ выражали характеръ царской жизни, во всемъ ея блескѣ и пышности.

Въ 1686 году было окончено построеніе церкви во имя святителя Алексѣя въ Чудовомъ монастырѣ, по чертежу, данному Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи собственными руками перенесли мощи святителя Алексія изъ храма Михаила Архангела, во вновь построенную церковь, гдѣ онѣ стоятъ и нынѣ. Царевна Софья участвовала, вопреки обычаю, въ этомъ торжественномъ шествіи. При большомъ звонѣ во всѣ колокола, правительница вышла съ обоими царями изъ дворца и прошла съ ними въ Чудовъ монастырь. Здѣсь она, во время службы, стояла рядомъ съ ними, а когда цари, вмѣстѣ съ патріархомъ, понесли угодника, она одна изъ всего царскаго семейства слѣдовала за ними. Съ этихъ поръ она не пропускала уже ни одного торжества, или крестнаго хода, чтобъ показаться народу. Этимъ она старалась достичь того, чтобы всѣ привыкли смотрѣть на нее, какъ на свою царицу и самодержицу.

Памятникомъ въ Москвѣ правленія царевны Софьи былъ Каменный

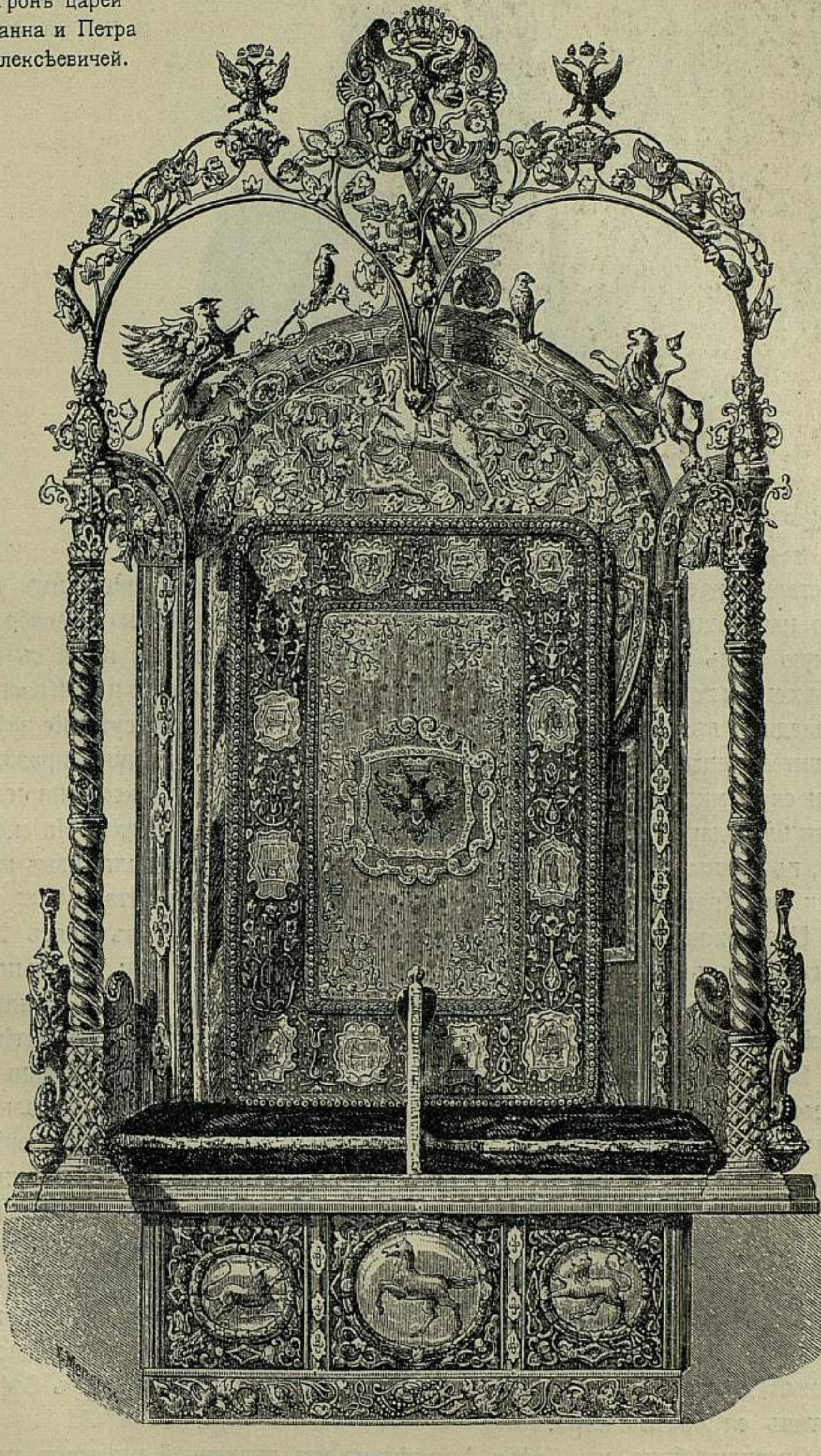


Золотая рѣшетка
въ теремахъ.

мость чрезъ Москву-рѣку, считавшійся чудомъ нашей столицы наравнѣ съ Иваномъ Великимъ. До этого времени Замоскворѣчье соединялось съ Кремлемъ и Бѣлымъ городомъ, посредствомъ такъ называемыхъ «живыхъ мостовъ», кои составлены были изъ плотовъ и разводились въ половодье. Мы видѣли, что Михаилъ Ѳеодоровичъ, для постройки постояннаго каменнаго моста, вызвалъ изъ-за границы инженера Ягана Кристлера, который сдѣлалъ модель этого моста и началъ его постройку. Но она остановилась за смертью царя, возобновилась только при Софьѣ Алексѣевнѣ и продолжалась пять лѣтъ, отъ 1682 года по 1687 годъ. Строитель моста былъ какой-то монахъ, имя котораго, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ. Вбивали дубовыя сваи въ русло рѣки и, настлавъ ихъ брусьями, выводили на нихъ каменныя сооруженія. Постройки стоили такъ дорого, что тогда сложилась пословица: «дороже каменнаго моста». На лѣвомъ берегу рѣки, съ двухъ сторонъ къ этому мосту, называвшемуся Всесвятскимъ, примыкали вторая кремлевская стѣна и стѣна Бѣлаго города, сходившіяся у Всесвятской стрѣльницы съ проѣзжими воротами. У отводныхъ его быковъ пристроены были водяныя мукомольныя мельницы съ плотинами. На самомъ мосту стояли палаты Предтеченскаго монастыря, еще четыре небольшія палатки и деревянныя лавки. На южномъ концѣ моста были ворота и палаты, надъ коими возвышались два шатровые верха, увѣнчанные двуглавыми орлами. Подъ ними находились галлереи, изъ коихъ деревянный сходъ велъ на набережную, къ Царицыну лугу и Берсеневкѣ. Здѣсь находились каменномостскія бани.

Правленіе царя-дѣвицы было смутно. Оно, какъ извѣстно, началось

Тронъ царей
Іоанна и Петра
Алексѣевичей.

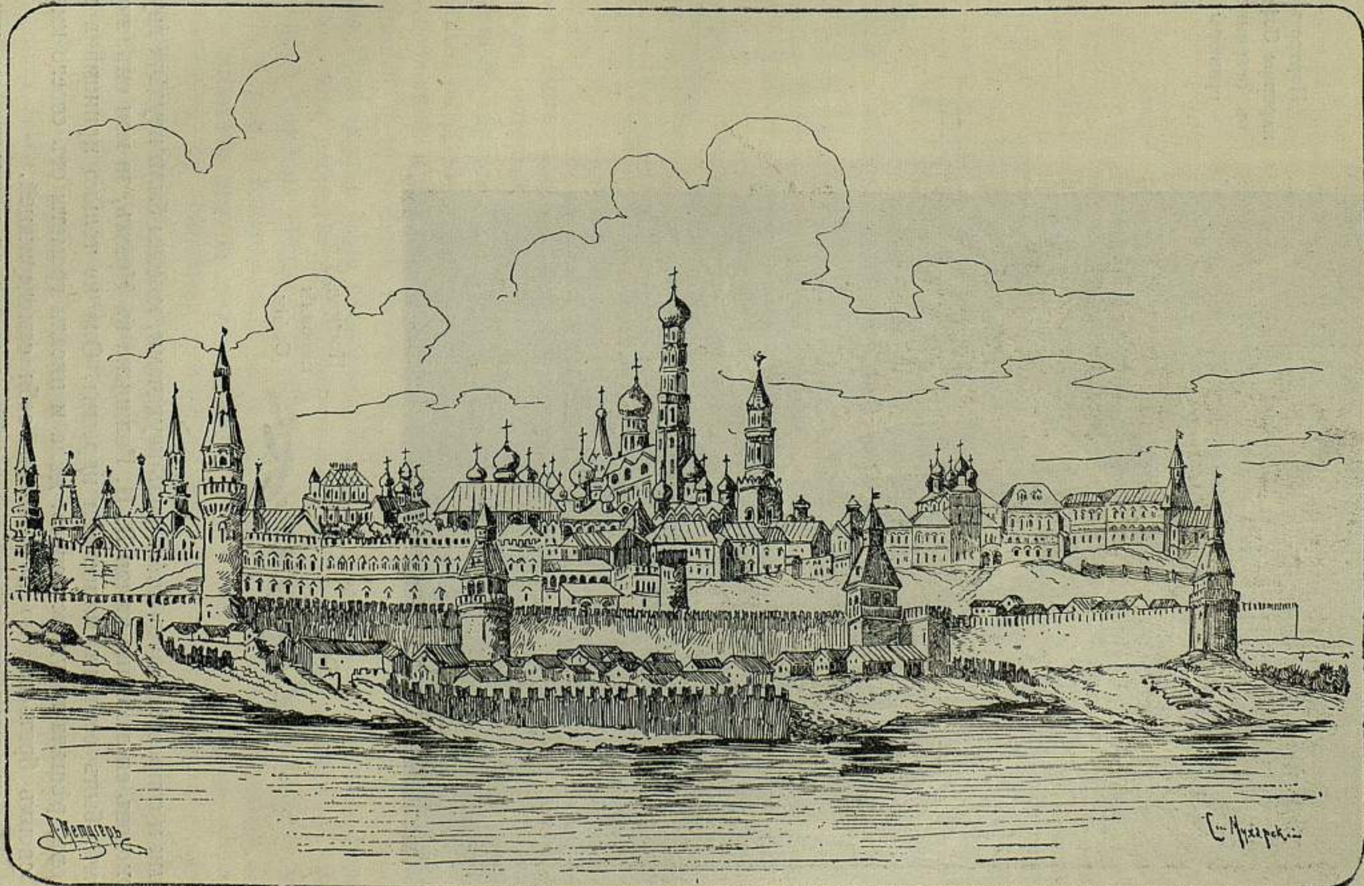


Князь
В. В. Голицынъ.

буйствомъ раскольниковъ, кои, опираясь на сочувствовавшаго имъ новаго начальника Стрѣлецкаго приказа князя Хованскаго и старообрядческую часть мятежнаго войска, подъ предлогомъ преній о вѣрѣ съ патріархомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, совершили буйство и на Красной площади и въ самой Грановитой палатѣ, не смотря на присутствіе здѣсь правительницы и обоихъ царей. Торжествовавшіе раскольники праздновали свою мнимую побѣду и при колокольномъ звонѣ торжественно служили благодарственный молебенъ въ церкви Спаса въ Чигасахъ. Но скоро они, по приказанію царевны, были схвачены, и Москва видѣла, какъ казнили на Красной площади ихъ вожака Никиту Пустосвята.

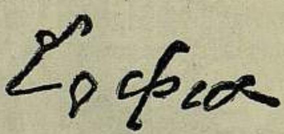
Поддерживавшій раскольниковъ и мутившій стрѣльцовъ князь Хованскій сталъ подозрителенъ для двора, а волненія среди стрѣльцовъ все росли. Эти обстоятельства принудили царевну со всѣмъ царскимъ семействомъ уѣхать изъ Москвы, сперва въ село Коломенское, а затѣмъ въ Воздвиженское близъ Троицы. Обвиненный въ цареубійственныхъ замыслахъ Хованскій съ сыномъ былъ вызванъ туда и казненъ. Стрѣльцы было захватили Кремль и готовились къ вооруженному сопротивленію, но когда Софья, на защиту царской семьи, созвала къ Троицѣ служилыхъ людей, стрѣльцы одумались и принесли чрезъ своихъ выборныхъ повинную. Царевна-правительница отправила часть стрѣлецкихъ полковъ въ Кіевъ и приказала снять поставленный на Красной площади столбъ, на коемъ написано было оправданіе мятежныхъ дѣйствій стрѣльцовъ, 15, 16 и 17 мая. Начальникомъ стрѣлецкаго приказа былъ назначенъ думный дьякъ Ѳедоръ Шакловитый, ставшій опаснымъ орудіемъ Софьи противъ ея брата Петра.

Очевидно было, что Софья Алексѣевна изъ временной регентши стремилась стать царицей, хотя ея правленіе и не было благословлено успѣ-



Кремль въ XVII вѣкѣ, по и ностранной гравюрѣ.

Портретъ царевны Софьи, съ старинной гравюры.

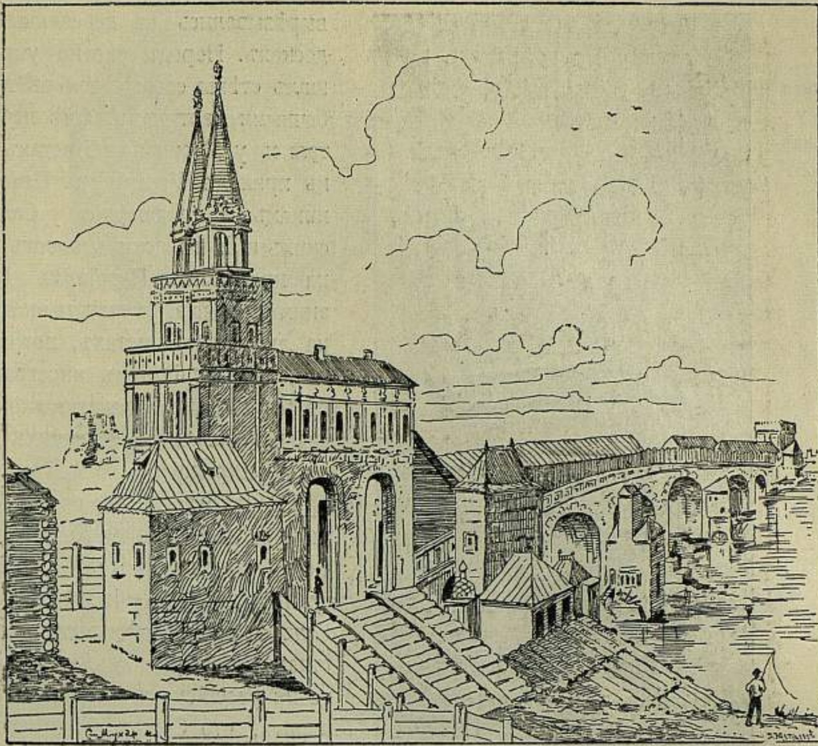


Почеркъ царевны Софіи.

хами и сопровождалось много разъ неудачами, каковы были неудачи двухъ походовъ ея любимца князя В. В. Голицына въ Крымъ, за кои онъ, впрочемъ, былъ осыпанъ милостями царевны. Она не только принимала пословъ, рѣшала государственныя дѣла и писала грамоты отъ своего имени и своихъ братьевъ, но и называла себя самодержицей.

Памятникомъ этихъ ея стремленій остаются ея портреты, на коихъ она изображается въ коронѣ, со скипетромъ и державой въ рукахъ и во всемъ царскомъ облаченіи, какимъ является приведенное нами ея изображеніе на императорскомъ орлѣ. Портретъ ея выгравиро-

Каменный мостъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ.



ванъ былъ вызваннымъ изъ Чернигова сихъ дѣлъ мастеромъ Тарасевичемъ, который, какъ говорилось тогда, «умѣлъ печатать парсоны». Названный Тарасевичъ занялся этимъ дѣломъ въ загородномъ домѣ Шакловитаго, на Дѣвичьемъ полѣ. Царевна была вырѣзана въ царской коронѣ, съ державою и скипетромъ въ рукахъ и въ царской одеждѣ. Вокругъ нея длинный и подробный титулъ ея, съ наименованіемъ ея самодержицей всея Руси; далѣе были сдѣланы аллегорическія изображенія семи даромъ Духа, или добродѣтелей правительницы. Внизу были помѣщены стихи ученика Симеона Полоцкаго,—Сильвестра Медвѣдева, восхвалявшіе мудрость Софьи и сравнивавшіе ее съ различными славными царицами древняго міра. На другой доскѣ тотъ же Тарасевичъ вырѣзалъ св. Ѳеодора Стратилата, съ воинскими доспѣхами у ногъ, съ литаврами, знаменами, копьями и другимъ оружіемъ, вѣроятно, въ честь Ѳеодора Алексѣевича. Оттиски съ этихъ портретовъ раздавались многимъ лицамъ, а одинъ былъ посланъ въ Голландію для печатанія тамъ, но съ подписями и виршами на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Болѣе сотни экземпляровъ этого портрета были присланы изъ Голландіи въ Москву.

Вообще въ это время въ Москвѣ начинаетъ прививаться гравированіе. Такъ, въ 1685 году была выпущена у насъ иллюстрированная «Комидія-причтъ о блудномъ сынѣ». Одновременно съ этимъ образовалась особенная вѣтвь гравированья,—такъ называемыя лубочныя картины, которыя

Боголюбская часовня у Варварскихъ воротъ.

вырѣзывались на деревянныхъ доскахъ. Народъ охотно украшалъ стѣны своихъ домовъ лубочными картинами. Онѣ печатались у Троицы на Листахъ и въ приходѣ Успенія въ Печатникахъ, а продавались у Спасскихъ и Варварскихъ воротъ и на крестцахъ. Патріархъ Іоакимъ запрещалъ печатать иконы на лубочныхъ листахъ, потому что, подъ вліяніемъ иностранцевъ, появились отпечатки иконъ «на подобіе лицъ нѣмецкихъ и въ своестранскихъ одеждахъ».

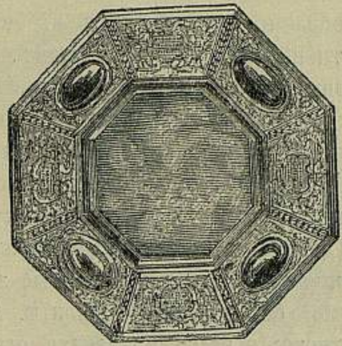
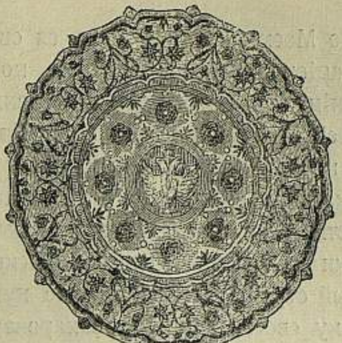
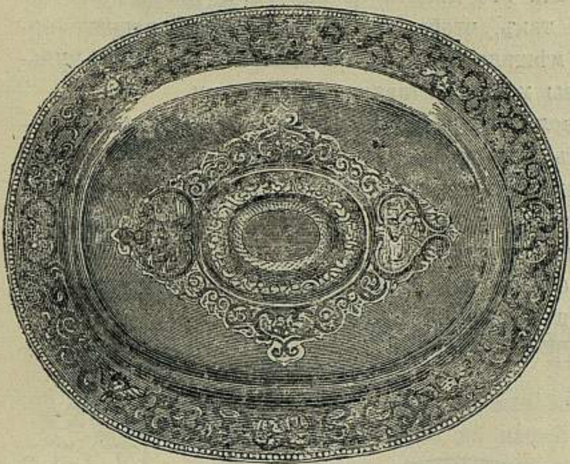
Софья Алексѣевна очень любила садоводство и въ кремлевскихъ садахъ заводила рѣдкія тропическія растенія. Она любила также театральныя представленія. Карамзинъ въ «Пантеонѣ россійскихъ авторовъ» говоритъ, что Софья занималась литературою: писала трагедіи и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ. А. Шаховской, на основаніи семейныхъ преданій, увѣрялъ, что она написала духовную драму «Екатерина великомученица», которая ставилась у нея въ терему. Петръ отрокомъ присутствовалъ будто на театральныхъ представленіяхъ своей сестры. Вообще Софья Алексѣевна проявляла значительное образованіе, начало коему было положено ея учителемъ Симеономъ Полоцкимъ.

Но дни ея владычества были сочтены: въ селѣ Преображенскомъ росла, въ лицѣ ея брата, страшная гроза для похитительницы власти.

Ко времени Петра I Москва вполнѣ выработала свой типъ и создала свою своеобразную физіономію, которая, не смотря на всѣ послѣдующія воздѣйствія на нее, отличаетъ ее не только отъ иностранныхъ столицъ, но и отъ новыхъ городовъ самой Россіи, начиная съ Петербурга.

Обозрѣнныя нами эпохи создали изъ Москвы столицу Русскаго Царства и средоточіе нашего православія, государственно-церковный и вмѣстѣ народный центръ. Это давало и самой ея внѣшности и всей ея жизни особый національно-самобытный характеръ, Какъ престолъ и жилище Русскихъ царей, она была, соотвѣтственно своему времени, блестяще и великолѣпно обстроена, особенно въ своемъ сердцѣ Кремлѣ, съ Китаемъ-городомъ, и въ Бѣломъ городѣ. При тѣсномъ у насъ союзѣ государства съ Церковью, Москва, будучи резиденціей первосвятителя Всероссійской Церкви, представляла собою столицу Русскаго православія. Религіозное усердіе царей,

Старинная серебряная посуда.

боярства и самого народа создали въ Москвѣ столько храмовъ, сколько нельзя найти ни въ одномъ городѣ на свѣтѣ. Въ Бозѣ почившій Государь Александръ Александровичъ, смотря на Москву съ высоты Кремля, съ глубокой мѣткостью сужденія, какъ мы говорили прежде, сказалъ: Москва—это храмъ Россіи, а Кремль—это его алтарь». Дѣйствительно, то, что прежде всего поражаетъ въ Москвѣ, это—кажущееся несчетнымъ число главъ ея храмовъ и поразительный звонъ колоколовъ этого, по выраженію народному, «Златоглаваго» города... Кажется, Москва готова была сдѣлаться храмовыми святцами, минеями-четьими, кои читаются не въ книгахъ, а въ ея церквахъ, посвященныхъ не только всѣмъ двунадесятымъ праздникамъ, но и огромному числу святыхъ, память коихъ празднуется въ будни. Чуть не въ каждый день цѣлаго года, въ до-Петровской Руси, въ Москвѣ, то въ томъ, то въ другомъ концѣ ея, слышался красный звонъ храмового праздника. Величественна была обстановка царской жизни съ множествомъ дворцовъ не въ одномъ Кремлѣ, а и въ разныхъ частяхъ города, съ громаднымъ дворомъ, съ великолѣпными царскими выходами. Все это, въ связи съ другими особенностями нашей жизни, налагало на бытъ москвичей свой особый отпечатокъ.

Но Москву, и при этомъ ея своеобразіи, нельзя винить въ безусловной національной замкнутости, по отношенію къ иностранцамъ, въ отчужденіи отъ просвѣщенія, развивавшагося на Западѣ. Вѣдь, Москва въ своей Заиконоспасской академіи, еще до Петра, создала уже, на основаніи началъ возрожденія наукъ и искусствъ, высшее училище, начинала допускать у себя вліяніе не одной техники, а и западно-европейскаго искусства, до театральнаго включительно. Объ усвоеніи иностранной техники и говорить нечего; Москва завела у себя западно-европейскій военный строй, устраивала уже пушечно-литейные и стеклянные заводы, выдѣлку своего оружія, сахареваніе, ботаническіе сады и т. д. Она готова была и на дальнѣйшее заимствованіе всего полезнаго отъ иностранцевъ, но только желала это дѣлать не вдругъ, а постепенно, не огуломъ, а съ разборомъ, такъ, чтобы это не нарушало народнаго органическаго творчества, не мѣшало бы развитію нашего національно-культурнаго типа, чтобы основы жизни оставались прежними.

Но подъ Москвой, на вольномъ воздухѣ села Преображенскаго, выросталъ тотъ, кто развѣнчаетъ Москву, кто перенесетъ изъ нея мѣстопребываніе царей на берегъ Варяжскаго моря, вмѣстѣ съ средоточіемъ государственнаго церковнаго управленія, кто прорубитъ тамъ окно въ Западную Европу, для широкихъ заимствованій оттуда, кто обрѣжетъ въ Москвѣ русскія бороды и длинные старорусскіе полы и рукава одеждъ и заставитъ насъ жить и дѣйствовать на западно-европейскій ладъ.

Печать
Петра
Великаго.

XIV.

Москва при Петрѣ I.

Съ царствованіемъ Петра I, начавшаяся новая эпоха въ исторіи Россіи отразилась на нашей Москвѣ множествомъ глубокихъ внѣшнихъ и внутреннихъ перемѣнъ.

Но примѣчательно, что Москва сама приготовила преобразователю Россіи многіе элементы его западничества: она представила ему уже въ самомъ Кремлѣ зачатки западныхъ обычаевъ и образованія, въ Нѣмецкой слободѣ—иностранныхъ инструкторовъ; на маленькихъ прудахъ въ Кремлѣ, гдѣ пущены были первые потѣшные кораблики, и на Яузѣ, гдѣ былъ спущенъ англійскій ботикъ, воспитала въ юномъ царѣ стремленіе къ морю, а на Сухаревой башнѣ дала даже первое адмиралтейство...

Опальный, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и Софьѣ, царевичъ, а за тѣмъ и царь, не могъ получить хорошаго учителя, въ родѣ учившаго его старшихъ братьевъ и сестеръ и владѣвшаго значительнымъ образованіемъ Симеона Полоцкаго, а долженъ былъ довольствоваться учителемъ простой грамоты—дьякомъ Зотовымъ. Мало того, царица Наталья Кирилловна съ своимъ царственнымъ сыномъ должна была покинуть Кремлевскій дворецъ и проживать въ селѣ Преображенскомъ, дворъ коего мало кѣмъ посѣщался и часто заросталъ травою. Здѣсь трудно было поддерживать не только тотъ этикетъ, который господствовалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, но и простой порядокъ... Одаренному живою, кипучей природой, царственному отроку—Петру трудно было усидѣть въ уныломъ Преображенскомъ

Петръ въ юности,
съ иностраннаго
портрета.

дворцѣ, а удержать его тамъ было некому. И вотъ онъ начинаетъ пользоваться свободою,—не только бѣгать въ окрестностяхъ Преображенскаго, но и заводить знакомства, съ кѣмъ придется. Эта свобода движеній на чистомъ воздухѣ была, конечно, полезна въ физическомъ отношеніи, но она могла стать вредною въ нравственномъ и умственномъ.—Но Провидѣніе, бодрствующее надъ Россіей, обратило къ пользѣ Россіи эти несчастливыя обстоятельства отрочества и юности Петра. Отыскивая выходъ своей энергіи, онъ затѣвалъ непрерывныя игры и, томимый любознательностью, самъ находилъ себѣ учителей.

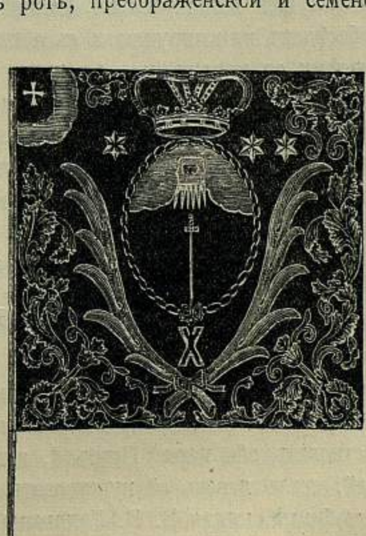
Село Преображенское, на сѣверно-восточной сторонѣ Москвы, направо отъ Сокольничьяго лѣса, можетъ быть названо мѣстомъ воспитанія Петра I, колыбелью его преобразованій, родиной императорской гвардіи, начиная съ ея Преображенскаго полка. Недаромъ здѣсь въ 1883 году въ дни св. коронованія императора Александра III, праздновалось двухсотлѣтіе существованія двухъ старѣйшихъ полковъ нашей гвардіи.

Къ сожалѣнію, здѣсь не сохранился ни дворецъ, построенный еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, ни деревянная церковь св. Петра и Павла, построенная преобразователемъ Россіи. Здѣсь-то Петръ собиралъ вокругъ себя сверстниковъ—дѣтей боярскихъ и даже служительскихъ сыновей

Гвардейцы Петра I.

и обучалъ ихъ новому солдатскому строю. Первымъ солдатомъ Преображенской роты считался придворный конюхъ Сергѣй Бухвостовъ. Здѣсь Петръ, съ помощью иностранныхъ инструкторовъ изъ Нѣмецкой слободы, производилъ правильныя ученья своимъ потѣшнымъ ротамъ, и самъ прилежно упражнялся съ ними, строилъ земляныя укрѣпленія и бралъ ихъ приступомъ. Какъ въ Преображенскомъ возникли преобразованія нашего войска и самая русская гвардія, такъ здѣсь же зародился и нашъ флотъ. Найденный въ селѣ Измайловѣ, среди вещей боярина Никиты Романова, англійскій ботикъ, былъ спущенъ на Яузу, вблизи Преображенскаго. Воспроизводимъ дальше этотъ начальный моментъ въ исторіи нашего флота съ рисунка художника М. В. Нестерова.

Для обученія своихъ потѣшныхъ ротъ, преображенской и семеновской и спуска ботика на Яузу, пришлось Петру обращаться за инструкторами въ Нѣмецкую слободу, гдѣ царь Алексѣй Михайловичъ поселилъ всѣхъ иностранцевъ, находившихся на московской службѣ. При Петрѣ она великолѣпно обстроилась, но при Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ видно на рисункѣ барона Мейерберга, она была далеко не такъ внушительна. Тутъ жили офицеры, разные техники, врачи, ремесленники, купцы, и было нѣсколько кирокъ и костеловъ, господствовали пестрые заграничные нравы, совсѣмъ не схо-



Знамя Преображенскаго полка.

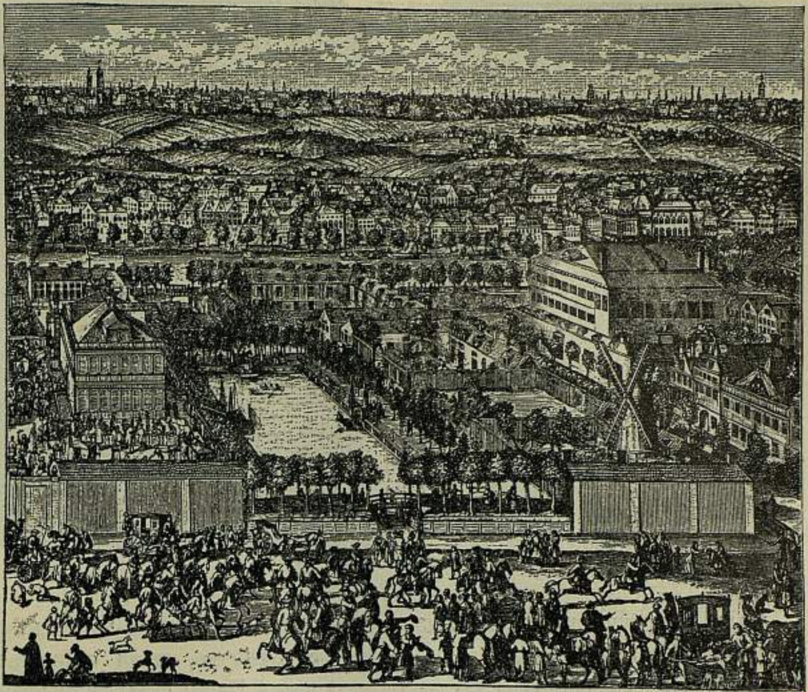
Измайловскій ботикъ.

жіе съ обычаями Москвы. Жившіе здѣсь голландцы, нѣмцы, англичане, швейцарцы и т. д., владѣли, конечно, не Богъ знаетъ какимъ образованіемъ, но все же это былъ на Востокѣ кусочекъ культурнаго Запада Европы. Въ Нѣмецкой слободѣ, въ лицѣ ея наиболѣе серьезнаго представителя, шотландца генерала Гордона, Петръ нашелъ себѣ учителя военнаго искусства, въ Тиммерманѣ — математики и фортификаціи, въ голландцѣ Брантѣ—учителя морского дѣла, а во Францѣ Лефортѣ—того друга, который освоилъ его съ обычаями Запада и зажегъ любовь къ нему. Правда, всѣ эти инструкторы едва ли годятся теперь для нашихъ, средней руки, училищъ, но геніальный ученикъ извлекалъ и изъ нихъ много для себя пользы, обучившись у нихъ военному дѣлу, во всѣхъ его отрасляхъ, до артиллеріи, осады крѣпостей, управленія кораблями и постройкѣ ихъ включительно. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ, часто проводя время въ бесѣдахъ или пирушкахъ съ обитателями Нѣмецкой слободы, сживался со всѣми ея хорошими и плохими обычаями и переставалъ походить, въ своей жизни, наружности и одеждѣ, не только на тѣхъ русскихъ, кои строго держались своихъ обычаевъ, но и на тѣхъ, кто усвоилъ себѣ не мало иностраннаго. Однимъ словомъ, Нѣмецкая слобода стала для Петра первою станціей на пути его на Западъ... Воспроизводимъ съ старинной гравюры видъ этой слободы.

Софья Алексѣевна думала, что маневры и ученье съ потѣшными солдатами, потѣхи на водѣ и пирушки въ Нѣмецкой слободѣ только отвлекаютъ Петра отъ правленія государствомъ. Но она ошиблась: Петръ обратилъ свои потѣхи въ серьезную науку и въ настоящее дѣло,—быстро зрѣлъ для того, чтобы взять въ свои руки бразды правленія.

Пріѣзжая въ Москву на разныя торжества, въ коихъ должны были участвовать оба царя, Петръ I, видя властолюбивыя стремленія сестры своей, сталъ давать ей чувствовать гнѣвъ свой, напримѣръ, не принявъ ея любимца, князя В. В. Голицына, по его возвращеніи изъ Крымскаго

Нѣмецкая слобода въ Москвѣ.



похода. Чрезъ 7 лѣтъ, послѣ своего воцаренія, Петръ вступилъ даже въ открытое столкновеніе съ сестрою. 8 іюля, въ день Казанской Богоматери, оба царя были на обѣднѣ въ Успенскомъ соборѣ и должны были идти, въ крестномъ ходу, въ Казанскій соборъ. Петръ сказалъ Софьѣ, чтобы она не ходила въ этотъ крестный ходъ, но она не послушалась и взяла икону: «О Тебѣ радуется», и пошла за крестами и хоругвями. Царь, крайне разгнѣванный этимъ, ушелъ въ Архангельскій соборъ, а отсюда уѣхалъ въ Преображенское; Софья поняла, что ей предстоитъ борьба, и рѣшилась не уступать. Наканунѣ Смоленской Божіей Матери, она отправилась въ Новодѣвичій монастырь ко всенощной. Ее сопровождали пятисотенники и пятидесятники всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ. По окончаніи службы она стала жаловаться имъ, что царица Наталья Кирилловна затѣваетъ на нее зло, и прибавила: «годны ли вы намъ? Буде годны, то вы за насъ постойте, а буде не годны, мы оставимъ государство». Стрѣльцы отвѣчали, что готовы исполнить ея приказаніе. «Ждите повѣстки»,—сказала Софья.

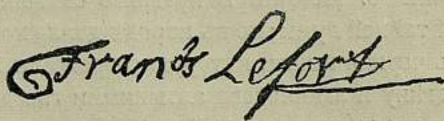
7 августа, Шакловитый, начальникъ стрѣлецкаго приказа, собралъ стрѣльцовъ въ Кремль, чтобы отсюда вести ихъ на Преображенское, поджечь его и убить Петра съ его семействомъ. Но семеро стрѣльцовъ рѣшились извѣстить объ этомъ Петра. Двое изъ нихъ, Мельновъ и Ладогинъ, около полуночи разбудили его страшною вѣстью. Петръ вскочилъ съ постели, неодѣтый сѣлъ на коня и ускакалъ въ ближайшій лѣсъ, куда принесли ему одежду. Отсюда, съ страшной быстротой, уѣхалъ онъ въ Троицкую

Гордонъ.

Францъ Тиммерманъ.

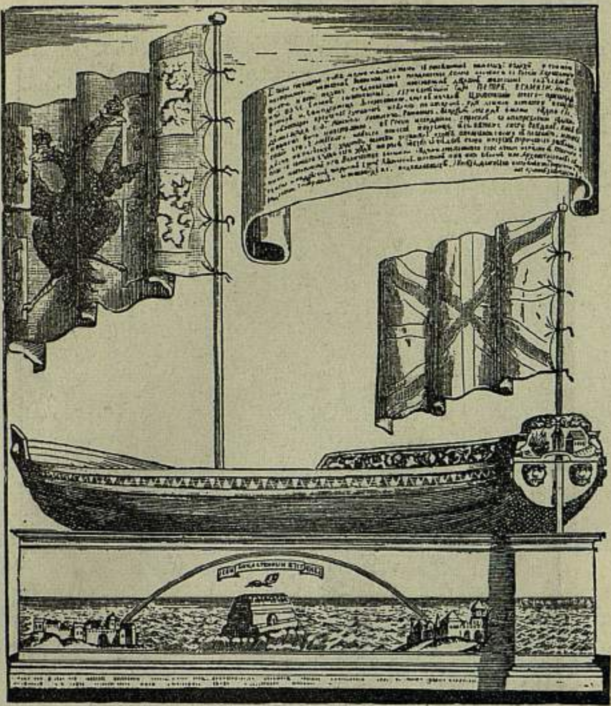
лавру, куда прибылъ въ такомъ изнеможенiи, что его сняли съ коня и положили въ постель. Сюда прибыло царское семейство, стали собираться служилые люди и прибылъ оставшiйся вѣрнымъ Петру стрѣлецкiй полкъ Лаврентiя Сухарева. Въ честь этого полка, царь построилъ Сухареву башню, у Срѣтенскихъ воротъ Земляного города, гдѣ полкъ имѣлъ свое пребыванiе; его полковою церковью былъ храмъ св. Троицы на Листахъ. Слѣдующая лѣтопись о построенiи сего памятника высѣчена на двухъ каменныхъ доскахъ, вставленныхъ надъ воротами съ южной стороны: «повеленiемъ благочестивѣйшихъ, тишайшихъ, самодержавнѣйшихъ великихъ государей, царей и великихъ князей Iоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея Великiя, и Малыя, и Бѣлыя Россiи самодержцевъ, по стрѣлецкому приказу, при сидѣньи въ томъ приказѣ Ивана Борисовича Троекурова, построены во второмъ стрѣлецкомъ полку, по Земляному городу, Срѣтенскiя ворота, а надъ тѣми вороты палаты и шатеръ съ часами, да каменный амбаръ, а позади воротъ, къ Новой Мѣщанской слободѣ часовня съ кельями къ Николаевскому монастырю, что на Перервѣ; а начато то строенiе строить въ лѣто 7,200 (1692), а совершено 7, 203 (1695), а въ то время будущаго у того полка стольника полковника Лаврентья Панкратьева сына Сухарева». Такимъ образомъ, въ 1895 году, Сухаревой башнѣ исполнилось ровно двѣсти лѣтъ. Другимъ памятникомъ въ Москвѣ этого доблестнаго полка являются хранящiяся въ Оружейной палатѣ два знамени его. На одномъ изъ нихъ изображенъ Всемилостивый Спасъ, съ припавшими къ Его стопамъ св. Николаемъ и преп. Сергiемъ, и образъ Знаменiя съ четырьмя московскими святителями; на другой—Покровъ Богородицы. Вышина Сухаревой башни 30 саженей. Съ нею связано много любопытныхъ преданiй Петровскаго времени. Здѣсь часто бывалъ Петръ, для совѣщанiя съ своими сотрудниками, и помѣстилъ колыбель Русскаго

Францъ
Лефортъ.



флота—адмиралтейское управленіе и первую навигацкую (мореходную) школу, родоначальницу высшаго морского училища въ Петербургѣ. На Сухаревой башнѣ находилась обсерваторія, съ коей, по порученію Петра, наблюдали солнечное затменіе и дѣлали съ него рисунокъ. Сюда былъ перенесенъ съ Ивановской колокольни громадный глобусъ, подаренный Голландскими штатами царю Алексѣю Михайловичу. Здѣсь жилъ знаменитый ученый и составитель прославленнаго календаря Яковъ Брюсъ, котораго народъ считалъ чернокнижникомъ.

Въ рапирной (фехтовальной) залѣ Сухаревой башни, по преданію, происходили тайныя засѣданія какого-то Нептунова общества, очевидно, имѣвшаго мореходныя цѣли; тамъ предсѣдательствовалъ Лефортъ, портретъ коего воспроизводимъ съ стариннаго оргинала. Самъ царь былъ первымъ надзирателемъ, а архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ ораторомъ этого общества. Первый адмиралъ флота Апраксинъ, а также Брюсъ, Фергюсонъ (Фар-



Ботикъ
Петра
Великаго.

мазонъ), князь Черкасскій, Голицынъ, Меншиковъ, Шереметевъ и другіе близкіе къ государю люди были членами этого общества, похожаго на масонское. Исторія и преданіе скрыли отъ насъ происхожденіе и цѣль этой тайной думы; но въ народѣ долго ходила молва, будто на башнѣ хранилась черная книга, которую сторожили 12 духовъ и которая была заложена въ стѣну и заколочена алтынными гвоздями. По другому преданію, въ восточную стѣну рапирной залы была замуравлена чугунная доска съ правилами и именами членовъ Нептунова общества. Однимъ изъ учителей мореходной школы на Сухаревой башнѣ былъ Леонтій Магницкій, составившій ариѳметику, напечатанную изобрѣтеннымъ Петромъ новымъ гражданскимъ шрифтомъ и арабскими цифрами. Русскій математикъ придаетъ особое значеніе своему труду и выражается о немъ въ стихахъ:

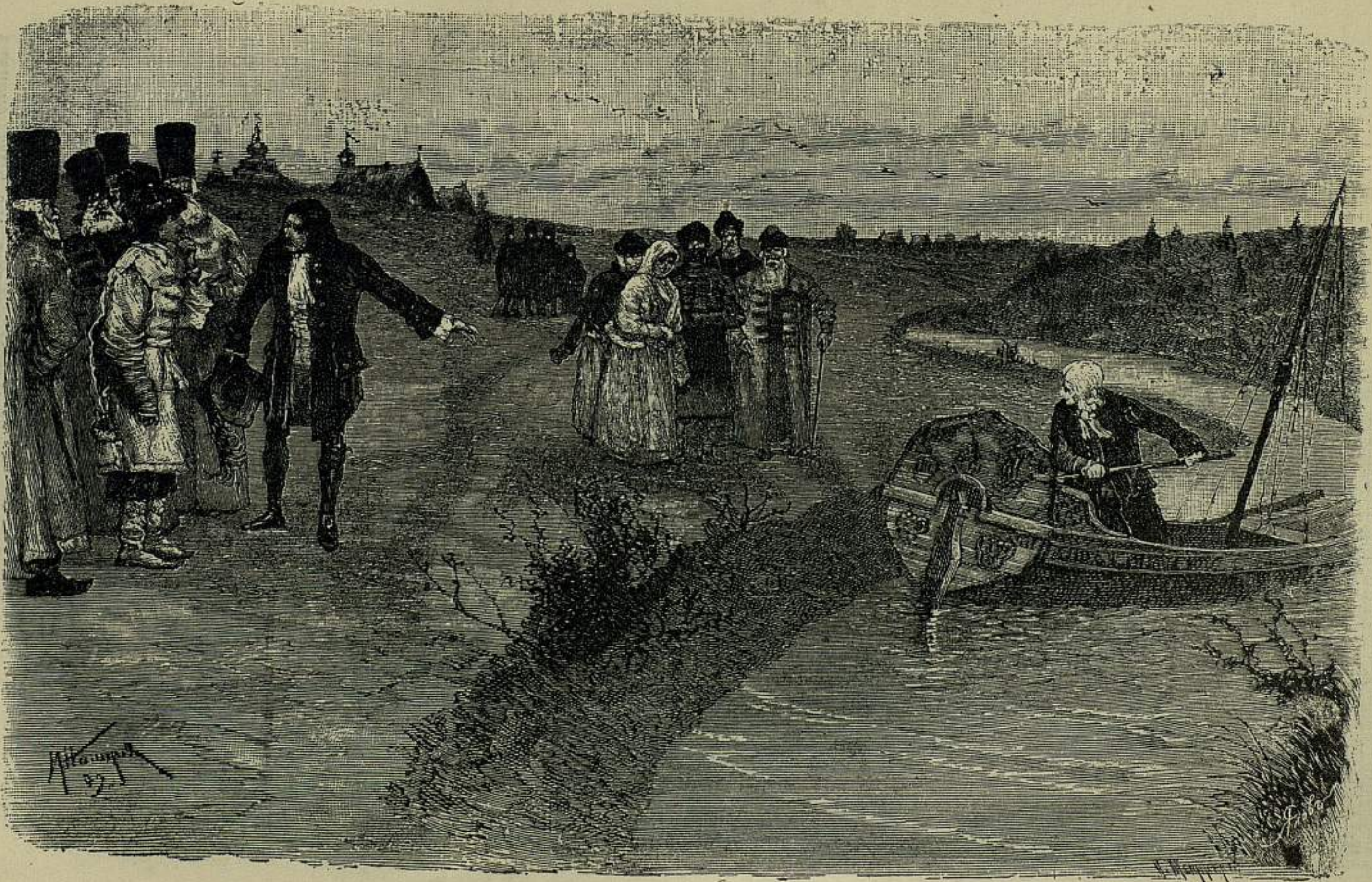
Зане разумъ весь собралъ и чинъ
Природный русскій, не нѣмчинъ *).

Въ Сухаревой башнѣ происходили и театральныя представленія. Здѣсь же хранился маскарадный корабликъ съ 8-ю мѣдными пушечками, который возили, въ торжественныхъ процессіяхъ по Москвѣ, то на саняхъ, то на колесахъ.

---

*) Много нѣмцы, писалъ Посошковъ, умнѣе насъ науками, а наши остротою ума не хуже ихъ; они ругаютъ насъ напрасно.

Спускъ ботика на Яузу.

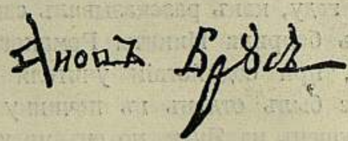


Сухарева башня.

Но возвратимся назадъ.

На другой же день, по своемъ прiѣздѣ въ Троицкую лавру, Петръ послалъ къ Софьѣ запросъ, для чего былъ сдѣланъ, ночью 7 августа, сборъ стрѣльцовъ въ Кремлѣ. Отвѣтъ былъ полученъ—«для богомолья царевны». Тогда государь потребовалъ къ себѣ изъ Москвы полковника Циклера и 50 стрѣльцовъ. Онъ, съ товарищами и многими другими лицами, открылъ замыслы царевны и стрѣльцамъ наказы. Видя, что къ Петру стекается все болѣе народа, Софья думала помириться съ братомъ, при помощи посланнаго къ Троицѣ патрiарха. Но онъ, прочитавъ показанiя объ умыслахъ царевны, перешелъ на сторону Петра. Когда же въ Москвѣ были получены его грамоты стрѣльцамъ и народу—идти къ Троицѣ на защиту царя, а ряды приверженцевъ царевны все рѣдѣли, тогда она сама рѣшилась ѣхать къ брату, но передъ Троицей, въ селѣ Воздвиженскомъ, получила приказъ не ѣхать туда, иначе «съ нею нечестно поступлено будетъ». Когда она возвратилась въ Москву, къ ней пришло требованiе выдать Шакловитаго, монаха Сильвестра Медвѣдева и ихъ сообщниковъ. Шакловитый съ нѣкоторыми стрѣльцами былъ казненъ. Медвѣдевъ же былъ сначала посаженъ въ заключенiе и только впослѣдствiи, когда явились новыя

Яковъ
Брюсъ.



противъ него улики,—былъ казненъ; князь В. В. Голицынъ отправленъ въ заточенiе; сама Софья Алексѣевна заключена въ Новодѣвичiй монастырь, гдѣ впослѣдствiи была насильственно пострижена, подъ именемъ Сусанны.

Съ 1689 года начинается правленiе Петра, въ которое не вмѣшивается его слабый братъ Iоаннъ, умершiй двѣсти лѣтъ тому назадъ, въ 1696 году. Въ теченiе шести недѣль, надъ его гробомъ, въ Архангельскомъ соборѣ, денно и нощно, стояли бояре, окольничье, думные люди, стольники и т. д.

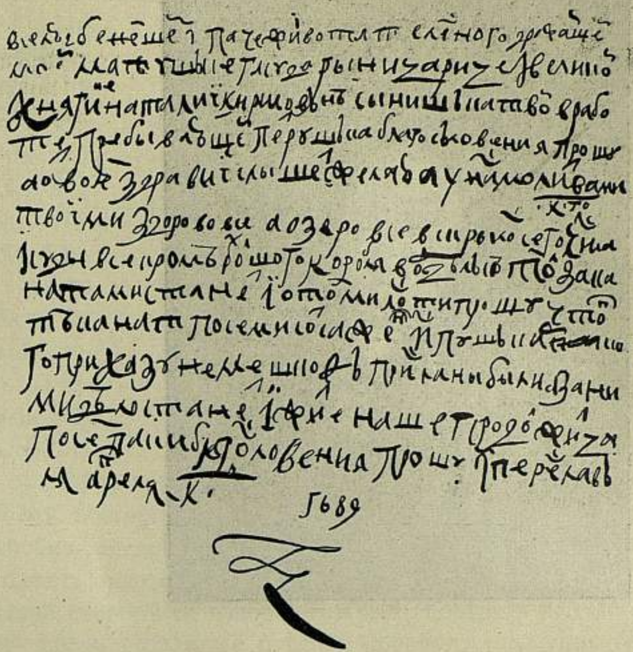
Но молодой царь еще мало занимался государственными дѣлами, продолжая предаваться своимъ сухопутнымъ и водянымъ учебнымъ потѣхамъ.

Еще лѣтомъ 1684 года, когда царю было всего 12 лѣтъ, онъ недалеко отъ отцовскаго дворца, въ Преображенскомъ, построилъ потѣшную крѣпостцу, которая была названа Пресбургомъ, или Прешпуромъ. Петръ, съ заступомъ въ рукахъ, самъ работалъ надъ этимъ укрѣпленiемъ и втаскивалъ на него пушки. Здѣсь были башни, свѣтлицы съ часами, бившими перечасье, и столовая, гдѣ обѣдали. Крѣпостца была предметомъ воин-

Портретъ
Іоанна
Алексѣевича.

скихъ упражненій: потѣшные Преображенцы и Семеновцы брали ее приступомъ. Недалеко отъ потѣшнаго городка Яуза была запружена, и тамъ стояла мельница. Здѣсь въ 1686 году были спущены небольшія суда—карбусы и лодки, на которыхъ плавали по Яузѣ въ Нѣмецкую слободу. Въ 1688 году, какъ разсказывалъ самъ Петръ, въ Измайловѣ, въ старыхъ амбарахъ боярина Никиты Романова, былъ найденъ англійскій ботикъ, который, при содѣйствіи учителя фортификаціи Франца Тиммермана, тогда же былъ отданъ въ починку мастеру Карштену Бранту. Ботикъ былъ спущенъ на Яузу, но онъ по узости ея толкался въ берега и послѣ того спущенъ былъ на Просяное озеро въ Измайловѣ. Когда Петру пошелъ 17-й годъ, царица Наталья Кирилловна женила его на боярышнѣ, дочери окольничьяго, Евдокіи Өеодоровнѣ Лопухиной. Старше Петра на три года, она была воспитана въ отеческихъ обычаяхъ и отличалась смиреннымъ характеромъ и набожностью. Свадьба совершилась скромно, 27 января 1689 года; небольшое число приглашенныхъ было поражено красотой новобрачныхъ. Петръ, съ его богатырскимъ сложеніемъ, съ огненно-черными глазами, съ черными вьющимися волосами, являлся уже олицетвореніемъ красоты и силы. Но, къ несчастью, онъ не любилъ своей жены. Женитьба не уменьшила страсти Петра къ излюбленнымъ его воинскимъ потѣхамъ: потѣшные походы и маневры дѣлаются все чаще. 6 августа 1690 года, царь устроилъ на поляхъ Преображенскихъ примѣрное сраженіе между потѣшными полками и стрѣльцами; послѣдніе были побиты народившеюся гвардіей—Преображенцами и Семеновцами. 4 сентября, здѣсь происходила новая битва, генералъ Гордонъ говоритъ о ней: «мы бились партіями и цѣлыми корпусами до темной ночи и съ такою запальчивостью, что многіе были ранены и обожжены порохомъ». Самъ Гордонъ былъ раненъ въ ногу. Въ слѣдующемъ 1691 году опять было сраженіе. И самъ

Письмо Петра къ матери *).



Петръ писалъ о немъ: «и тотъ бой ровнялся судному дню». Ближній стольникъ князь И. Д. Долгоруковъ «отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ Божіимъ, переселился въ вѣчны кровы, по чину Адамову». На штурмѣ полкового двора, въ селѣ Семеновскомъ, бросая гранаты, царь сильно опалилъ себѣ лицо. Но частыхъ фейерверковъ и примѣрныхъ сраженій для Петра было мало. Онъ самъ строитъ ботики и яхты, ѣдетъ на нихъ съ потѣшными и стрѣльцами, по Москвѣ-рѣкѣ, на Угрѣшу, отправляется на Переяславское озеро, гдѣ устраиваетъ цѣлую флотилію. Наконецъ, подъ предлогомъ богомолья въ Соловкахъ, ѣдетъ въ Архангельскъ и, вопреки запрету матери, плаваетъ на настоящихъ корабляхъ, по настоящему морю.

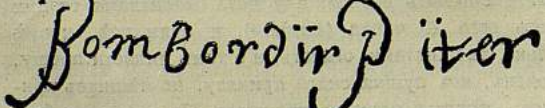
Всѣ эти занятія отвлекали Петра отъ матери и жены и вообще отъ семейной жизни, хотя царь очень обрадовался рожденію перваго сына, царевича Алексѣя. Крещеніе его происходило 23 февраля 1690 года, въ Чудовомъ монастырѣ. Крестнымъ отцомъ былъ патріархъ Іоакимъ, а крестной матерью царевна Татьяна Михайловна. Къ родильному столу былъ

*) Это письмо съ Переяславскаго озера говоритъ слѣдующее: «Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, гусударынѣ-царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кириловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу и о твоемъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа (апрѣля), и суды всѣ, кромѣ большого корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ; и о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семи сотъ саженъ, изъ пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ присланы были. А за ними дѣло станетъ, и житье наше продолжится. По семъ паки благословенія прошу. Переяславль. Мѣсяца апрѣля 20. 1689».

Царица
Наталья
Кирилловна.

приглашенъ и генералъ Гордонъ; но патріархъ рѣшительно заявилъ, что иноземцамъ, при такихъ случаяхъ, быть неприлично, и тотъ долженъ былъ оставить дворецъ; зато на другой день онъ обѣдалъ съ Петромъ за городомъ. Въ этомъ же году скончался и патріархъ Іоакимъ; въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ просилъ царей не допускать православныхъ сближаться съ иновѣрцами и не отдавать первыхъ подъ начальство вторыхъ. Въ преемники ему былъ поставленъ Адріанъ, митрополитъ Казанскій.

Посѣтивъ Архангельскъ, Петръ думалъ было основать здѣсь торговый и военный портъ, но, уже въ 1694 году, обратилъ свои взоры для этой цѣли на югъ, именно, на принадлежавшій туркамъ Азовъ. Въ слѣдующемъ году объявленъ походъ, и на югъ отправлено было войско подъ начальствомъ Лефорта, Гордона и Головина. Съ нимъ отправился и самъ царь, въ чинѣ бомбардира Преображенской роты, подъ именемъ Петра Михайлова. Несмотря на то, что онъ напрягалъ всѣ свои усилія взять Азовъ, проводя ночи въ траншеяхъ и наводя пушки на осажденный городъ, предпріятіе его, по неопытности войска и особенно за отсутствіемъ флота, который обложилъ бы крѣпость съ моря, окончилось неудачно,—осада была взята. Но Петръ рѣшилъ построить флотъ на рѣкѣ Воронежѣ, гдѣ были корабельные лѣса, и жили русскіе судовщики-строители и куда созваны



Собственноручная
подпись Петра.

были годные для дѣла иностранцы изъ Москвы и Архангельска. Подъ руководствомъ самого Петра, взявшагося за циркуль и топоръ, здѣсь закипѣла невиданная работа. Царь писалъ о ней Стрѣшневу: «Мы, по приказу Божію къ праотцу нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой». Зато, къ апрѣлю 1696 года, была готова цѣлая эскадра въ 30 галеръ, и она по Дону явилась подъ стѣнами Азова. Окруженный и съ суши, и съ моря, городъ долженъ былъ сдаться Петру, не знавшему границъ своему восторгу. Исторія Петра, въ ея важнѣйшихъ событіяхъ, очень подробно представлена въ многочисленныхъ, въ ихъ честь, медаляхъ. Въ память построенія флота на рѣкѣ Воронежѣ была выбита медаль; на лицевой сторонѣ ея изображенъ былъ портретъ молодого царя, а на оборотной—вновь созданные русскіе корабли, плывущіе по морю подъ русскимъ флагомъ. Надпись гласитъ: «небываемое—бываетъ». Въ честь взятія Азова выбита была медаль, съ портретомъ царя и съ изображеніемъ города, блокируемаго съ суши и съ моря; надпись гласитъ: «молніями (артиллерійскими) и волнами (корабельными) побѣдитель».

Медаль въ память первой постройки кораблей на рѣкѣ Воронежѣ.

Царь, по случаю этого радостнаго событія, устроилъ въ Москвѣ никогда невиданное торжество—тріумфальное вступленіе въ столицу побѣдоносныхъ русскихъ войскъ.

30-го сентября, изъ села Коломенскаго двинулось тріумфальное шествіе. На Всесвятскомъ (каменномъ) мосту были построены тріумфальныя ворота. На правой сторонѣ ихъ была поставлена статуя Марса, бога войны; на щитѣ его сдѣлана надпись: «Марсовою храбростью»; у ногъ его лежалъ татарскій мурза съ двумя татарами; подпись гласила:

Прежде на степяхъ мы ратовались,
Нынѣ же отъ Москвы едва бѣгствомъ спасались.

На лѣвой сторонѣ воротъ была поставлена статуя Геркулеса съ палицей и вѣткой, на коей была сдѣлана надпись: «Геркулесовой крѣпостью». У ногъ его лежалъ азовскій паша и два турка въ цѣпяхъ. Подписанные здѣсь стихи говорили:

Ахъ! Азовъ мы потеряли
И тѣмъ бѣдствъ себѣ достали.

Предъ входомъ въ ворота висѣли парчевыя полости, съ золотыми кистями и съ надписями: «побѣда царя Константина надъ нечестивымъ Максентіемъ» и «возвратъ съ побѣдою царя Константина». Внутренность

Взятіе Азова. Съ современной гравюры.

воротъ была обтянута шелковою матеріей, на коей были вытканы русскія побѣды прежнихъ государей, и между ними взятіе Казани Іоанномъ IV. По своду воротъ написаны были золотомъ слова Цезаря: «прійдохъ, увидѣхъ, побѣдихъ». Со свода спускался лавровый вѣнокъ. Ворота были увѣнчаны двуглавымъ орломъ подъ тремя коронами. На спускавшихся съ воротъ флагахъ нарисована была артиллерія и корабли съ подписью: «Богъ съ нами, никтоже на ны» и «достоинъ дѣлатель мзды своея».

Около тріумфальной арки стояли перевитыя зеленью двѣ пирамиды съ двумя надписями: «въ похвалу прехрабрыхъ воевъ полевыхъ» и «въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ». Отъ пирамидъ шли большія картины, изображавшія: штурмъ Азова, морское сраженіе и бога морей Нептуна, сидящаго на морскомъ тритонѣ съ надписью: «се и азъ поздравляю со взятьемъ Азова и вамъ покоряюсь». Перила моста были увѣшаны персидскими коврами. Во главѣ процессіи шли государевы пѣвчіе, за ними ѣхали въ каретахъ: думный дьякъ, учитель Петра—Никита Моисеичъ Зотовъ, бояринъ Головинъ и кравчій Кириллъ Нарышкинъ. Въ открытой тріумфальной колесницѣ, на подобіе раковины, окруженный тритонами и наядами, ѣхалъ генералъ-адмиралъ Францъ Лефортъ въ бѣломъ нѣмецкомъ мундирѣ; предъ нимъ несли новый русскій морской флагъ: бѣлый, синій и красный. За адмираломъ шли 3000 матросовъ. Послѣ ряда каретъ и колясокъ, шли полки: Преображенскій и Семеновскій. Солдаты по землѣ влекли турецкія знамена и вели связаннаго плѣннаго турка. Передъ преображенцами, въ мундирѣ капитана, шелъ самъ Петръ. Когда адмиралъ подъѣзжалъ къ тріумфальной аркѣ, съ нихъ въ мѣдную трубу были прочитаны стихи, начинавшіеся словами:

Генералъ-адмиралъ, морскихъ силъ всѣхъ глава,
Пришелъ, узрѣлъ, побѣдилъ прегордаго врага...

Послѣ этого привѣтствія, послѣдовали выстрѣлы изъ пушекъ, поставленныхъ у тріумфальныхъ воротъ. Затѣмъ загрохотала артиллерія, стоявшая у Бархатнаго двора, заиграли трубы, забили барабаны, литавры, бубны, раздался колокольный звонъ по всей Москвѣ. Такъ Петръ праздновалъ въ нашей столицѣ взятіе приморскаго Азова.

Вслѣдъ за описаннымъ тріумфальнымъ вступленіемъ въ Москву, съ войсками, взявшими Азовъ, у Петра I возникъ планъ о созданіи для Россіи, на счетъ землевладѣльцевъ, большого флота, и въ связи съ этимъ явилась мысль о путешествіи за-границу. Самъ царь, во введеніи къ морскому регламенту, такъ объясняетъ причины своего путешествія: «дабы новое дѣло (строеніе флота) вѣчно утвердилось въ Россіи, государь умыслилъ искусство дѣла того ввести въ народъ свой и того ради многое число людей благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектурѣ и управленію корабельному». «И что дивнѣе всего: монархъ не захотѣлъ отстать отъ подданныхъ своихъ въ ономъ искусствѣ и самъ воспріялъ маршъ въ Голландію».

Медаль на взятіе Азова.

XV.

Москва въ эпоху преобразованій Петра I.

Молодой царь сталъ снаряжать на Западъ невиданное у насъ великое посольство. 6 декабря 1696 года, думный дьякъ объявилъ царскую волю объ этомъ въ посольскомъ приказѣ. Во главѣ посольства были поставлены Лефортъ, сибирскій намѣстникъ бояринъ Головинъ и думный дьякъ Возницынъ. Свита ихъ состояла изъ 200 человѣкъ, въ числѣ коихъ было 30 «волонтеровъ», отправлявшихся съ цѣлью изученія морского дѣла. Десятникомъ во второмъ ихъ десяткѣ былъ дворянинъ Петръ Михайловъ, т.-е. самъ государь. На цѣлыхъ полтора года онъ покинулъ Москву и Россію. Такое отсутствіе, какъ и временное регентство, составляли нѣчто невиданное и неслыханное на Руси. Мы не станемъ описывать путешествіе Петра за-границей, по Германіи, Голландіи, Англіи и Австріи, не будемъ пересказывать, какъ онъ изучалъ тамъ военное, а особенно морское дѣло и разныя отрасли техники, чтобы все это пересадить въ свою Россію, вмѣстѣ съ западно-европейскими обычаями и нѣкоторыми новыми образовательными и правительственными учрежденіями. Что цѣль великаго посольства и самаго путешествія царя была учебная,—это показываетъ печать, которою онъ запечатывалъ свои письма въ Москву. На приводимой здѣсь, этой достопамятной печати былъ изображенъ молодой плотникъ, окруженный корабельными инструментами и военными орудіями,

съ выразительной надписью: «Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую».

Учебная печать Петра I.

Но это путешествіе царя за-границу, укрѣплявшее его планы о преобразованіяхъ въ Россіи на западный ладъ, неожиданно закончено было въ Вѣнѣ, откуда предполагалась поѣздка еще въ Италію, потому что получены были тревожныя вѣсти о новомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, который привелъ къ уничтоженію стрѣлецкаго войска, существовавщаго у насъ со временъ Іоанна IV.

Царь возвратился въ Москву 25 августа 1698 года, и отправился не въ Кремль, а въ село Преображенское, и въ тотъ же день побывалъ въ Нѣмецкой слободѣ. На другой день, рано утромъ, въ Преображенскій дворецъ бояре пришли поклониться государю. Онъ ласково привѣтствовалъ, обнималъ и цѣловалъ ихъ и разсказывалъ о своемъ заграничномъ путешествіи. Но на этомъ же пріемѣ сразу показалъ всѣмъ, что начинаетъ эру преобразованій Россіи, и именно съ внѣшности бояръ. Къ неописанному ихъ изумленію, онъ собственноручно обстригалъ имъ ножницами бороды. Сначала онъ остригъ генералиссимуса Шеина, потомъ кесаря Ромодановскаго, а затѣмъ и другихъ вельможъ. Пощажены были только бороды у боярина Стрѣшнева и князя Черкасскаго... Это было началомъ преобразованій, которыя столь многое измѣнили на Руси и такъ много дали ей новаго. Но систематическое ихъ проведеніе останавливается сначала страшнымъ розыскомъ, по упомянутому стрѣлецкому бунту, а потомъ приготовленіями къ Великой Сѣверной войнѣ со Швеціей, ради возвращенія Россіи Балтійскихъ береговъ.

Москва не безъ ужаса увидѣла развязку послѣдняго стрѣлецкаго бунта. Еще до отъѣзда царя былъ раскрытъ заговоръ на его жизнь стрѣлецкаго полковника Циклера, Алексѣя Соковнина, сочувствовавшаго раскольникамъ, и Өедора Пушкина, нехотѣвшаго посылать своихъ сыновей за-границу. Казнь ихъ совершилась 4 марта 1697 года, въ Преображенскомъ, при чемъ тѣло дяди царевны Софьи, Ивана Милославскаго, было выкопано изъ могилы и привезено туда на свиньяхъ. Гробъ его былъ поставленъ у плахъ казнимыхъ, и, когда имъ сѣкли головы, кровь ихъ лилась на трупъ Милославскаго. Гнѣвъ Петра отразился на стрѣлецкомъ войскѣ: тотчасъ послѣ этого стрѣльцы были смѣнены съ дворцовыхъ и кремлевскихъ карауловъ,

Старо-русскій
бояринъ.

кои отселѣ держали служилые люди, Преображенскіе и Семеновскіе солдаты. Послѣ взятія Азова, часть стрѣльцовъ была отправлена на южныя границы для ихъ охраны, другіе же—на польско-литовскую окраину. Стрѣльцы были сильно недовольны этимъ, какъ и устанавливавшимися въ Москвѣ порядками, особенно новыми войсками и подъемомъ значенія здѣсь иностранцевъ. Среди волновавшихся на западѣ стрѣльцовъ пошли злонамѣренные толки, что государя за моремъ не стало, а сына его Алексѣя Петровича хотятъ удушить бояре; только и думы было у стрѣльцовъ—итти къ Москвѣ, бояръ перебить, Кукуй съ нѣмцами разорить и т. д. Со всѣмъ этимъ сплетались сношенія съ заключенной въ Новодѣвичьемъ монастырѣ царевной Софьей. Стрѣльцы двинулись на Москву. Но Гордонъ, Шеинъ и князь Кольцо-Мосальскій пошли противъ нихъ съ войсками, и они были разбиты подъ Новымъ Іерусалимомъ. По распоряженію временнаго правительства, 56 стрѣльцовъ были казнены. Но возвратившійся въ Москву Петръ остался этимъ недоволенъ, главнымъ образомъ потому, что сдѣланный розыскъ не раскрылъ участія въ этомъ мятежномъ дѣлѣ руки Софьи. Около половины сентября 1698 года, подъ личнымъ наблюденіемъ государя, начался въ Преображенскомъ новый, болѣе строгій розыскъ. Суровые и при Алексѣѣ Михайловичѣ розыски сдѣлались теперь грозными. Въ Преображенскомъ работало до 14 застѣнковъ. Патріархъ Адріанъ для смягченія гнѣва Петра отправился туда съ иконой Богоматери. Государь, увидѣвъ патріарха, сказалъ ему: «къ чему эта икона? Развѣ твое дѣло приходить сюда? Уходи скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть-можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ». Не станемъ описывать извѣстныя подробности безпощаднаго наказанія стрѣльцовъ. Достаточно сказать, что число казненныхъ, въ сентябрѣ и октябрѣ, доходило до тысячи. Трупы казненныхъ долгое время оста-

вались на мѣстахъ казней. Немало стрѣльцовъ повѣшено было подъ окнами кельи царевны Софьи въ Новодѣвичьемъ монастырѣ съ челобитными въ рукахъ. Извѣстно, что она, содержалась здѣсь подъ строгимъ присмотромъ, до своей смерти въ 1704 году и была погребена здѣсь. Ее могли навѣщать сестры только въ Свѣтлое Воскресенье и въ храмовой праздникъ монастыря (28 іюля). Супруга Петра, царица Евдокія, уже послѣ его смерти, докончила свою иноческую жизнь въ томъ же монастырѣ.

Бородовой знакъ.

Вслѣдъ за Софьей была пострижена и царевна Марѳа. Скоро послѣдовало уничтоженіе самаго стрѣлецкаго войска,—«скасовано было»,—по выраженію Петра,—10 полковъ; у нихъ отобрано было оружіе, и стрѣльцы разосланы были по городамъ, откуда повелѣно было не отпускать ихъ безъ «проѣздныхъ листовъ» и гдѣ они обратились въ простыхъ посадскихъ.

Теперь прослѣдимъ тѣ преобразованія, коими отмѣтилъ Петръ I въ Москвѣ конецъ XVII и начало XVIII столѣтія.

Мы видѣли, что бритье бороды и ношеніе иностранной одежды у насъ замѣчалось еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, и уже слышались теоретическія оправданія этихъ новшествъ. Такъ, Юрій Крижаничъ говоритъ, что «русскій строй власовъ, брады и платья является непристойнымъ и непригожимъ къ храбрости»; въ характерѣ русскаго платья онъ не находитъ «рѣзвости» и «свободы» и совѣтуетъ слѣдовать примѣру «наиплеменитыхъ европцевъ».

Въ 1681 году царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ—всему синклиту, служилымъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны, вмѣсто прежнихъ длинныхъ охабней и однорядокъ, и запретилъ въ этихъ одеждахъ являться въ Кремль. Многіе стали брить себѣ бороды и подстригать волосы. Но приверженцы русскихъ обычаевъ возставали противъ этого. Такъ патріархъ Іоакимъ, сильно порицая обычай брадобритія, говорилъ, что онъ, послѣ запрещенія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, «паки нынѣ нача губити образъ, отъ Бога мужу дарованный». Онъ даже отлучалъ отъ Церкви не только тѣхъ, кто брилъ бороды, но и тѣхъ, кто съ брадобрейцами общеніе имѣлъ. Преемникъ Іоакима патріархъ Адріанъ издалъ посланіе противъ брадобритія,—«еретическаго безобразія, уподоблявшаго человѣка котамъ и псамъ». Несмотря на это, Петръ, и до отъѣзда за границу, уже въ Москвѣ одѣвался въ нѣмецкое платье. Но за-границей онъ рѣдко надѣвалъ русское платье, а, по возвращеніи въ Москву, уже совсѣмъ не надѣвалъ его.

Чрезъ пять дней, по пріѣздѣ своемъ, государь былъ на пиру у боярина Шеина. Гостей было множество; нѣкоторые явились бритыми, но немало было и бородачей. Среди всеобщаго веселья, царскій шутъ, съ ножницами въ рукахъ, хваталъ за бороду то того, то другого и мигомъ ее об-

Ассамблея.

рѣзывалъ. Три дня спустя, на ассамблеѣ у Лефорта, гдѣ было немало дамъ, уже не было видно бородачей.

Дошла очередь и до русскихъ кафтановъ. По разсказу одного иностранца, Петръ въ февралѣ 1699 года, на одномъ пиру, замѣтивъ, что у нѣкоторыхъ изъ гостей были, по тогдашнему обычаю, очень длинные рукава, взялъ ножницы, обрѣзалъ рукава и сказалъ, что такое платье мѣшаетъ работать, что такими рукавами легко задѣть и опрокинуть что-либо. До насъ не дошли первые законодательные акты относительно брадобритія. Но уже въ 1698 году установлена была бородовая пошлина. Впослѣдствіи (1705 года) платили за бороду: люди гостинной сотни 100 рублей; бояре, служилые люди и торговые—второй статьи 60 рублей; посадскіе люди, ямщики, извозчики и т. д.—30 рублей. Съ крестьянъ, при въѣздѣ въ городъ, брали по 2 деньги за бороду. Стоимость рубля въ то время была очень значительна: за рубль можно было купить двѣ четверти ржи. Уплатившимъ пошлину выдавались особые бородовые знаки. Воспроизводимъ одинъ изъ такихъ знаковъ съ надписями: «съ бороды пошлина взята», «борода лишняя тягота». Приверженцы старины отрѣзанную бороду носили подъ сорочкой на груди и приказывали класть ее съ собою въ гробъ...

Первый дошедшій до насъ указъ о ношеніи иностранной одежды относится къ январю 1700 года. Въ этомъ актѣ приказано: «боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ, стольникамъ, дворянамъ московскимъ и всѣхъ чиновъ людямъ въ Москвѣ и въ городѣхъ носить платья—венгерскіе кафтаны—верхніе, длиною по подвязку, а исподніе—короче верхнихъ, тѣмъ же подобіемъ». До масляницы каждый долженъ озаботиться о пріобрѣтеніи такого платья. Лѣтомъ всѣ должны носить нѣмецкое платье. И женщины высшихъ классовъ должны участвовать въ этой бытовой перемѣнѣ, а также являться на ассамблеи для танцевъ и другихъ увеселеній.

Но русскіе люди съ трудомъ и неохотой разставались съ своей національной одеждой. Царю докладывали уже въ томъ же году, что надобно

Преслѣдованіе въ Москвѣ русской одежды.

возобновить указы о платьѣ, хотя бы «съ пристрастіемъ», потому что думаютъ, что все будетъ попрежнему. Пришлось повторять указы, выставлять на улицахъ чучела въ нѣмецкихъ, венгерскихъ, французскихъ и другихъ платьяхъ и прямо запрещать носить и продавать въ лавкахъ русское платье. Съ ослушниковъ брали пошлину въ воротахъ, съ пѣшихъ 40 коп., съ конныхъ по 2 руб. съ человѣка.

Желая разграничить рѣзкою чертою старое время отъ новаго, царь, 20 декабря 1699 года, повелѣлъ, по примѣру западныхъ народовъ, ввести лѣтосчисленіе, не отъ сотворенія міра, какъ было доселѣ, а отъ Рождества Христова, и Новый годъ начинать и праздновать не 1 сентября, а 1 января. «Въ знакъ того добраго начинанія и новаго столѣтняго (XVIII) вѣка, —говорится въ Петровскомъ указѣ,—въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ должнаго благодаренія къ Богу и молебнаго пѣнія въ церкви, и кому случится и въ дому своемъ, по большимъ проѣзжимъ и знатнымъ улицамъ, людямъ знатнымъ и у домовъ нарочитыхъ духовнаго и мірского чину, передъ воротами, учинить нѣкоторыя украшенія отъ древъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ, противъ образцовъ, каковы сдѣланы на гостинномъ дворѣ и у нижней аптеки, или кому какъ удобнѣе и пристойнѣе, смотря по мѣсту и воротамъ учинить возможное; а людямъ скуднымъ комуждо, хотя по деревцу, или вѣтви надъ воротами или надъ хороминою своею поставить; и чтобъ то поспѣло нынѣ будущаго января къ 1 числу». Далѣе было предписано, какъ въ этотъ день всѣ должны поздравлять другъ друга «съ новымъ годомъ» и «столѣтнимъ вѣкомъ», «какая должна быть стрѣльба изъ пушекъ и мушкетовъ и какая иллюминація». Пальба изъ 200 пушекъ, стоявшихъ на Красной площади, а по всему городу изъ ружей, не умолкала цѣлую недѣлю. Ночью по Москвѣ горѣли потѣшные огни и хлопали ракеты. Торжество кончилось только въ Крещенье крестнымъ ходомъ на Іордань, на Москвѣ-рѣкѣ. Но, въ отмѣну прежняго обычая, царь не пошелъ въ крестномъ ходу, а въ офицерскомъ мундирѣ стоялъ при своемъ полку, построенномъ съ другими—на рѣкѣ. Всѣ солдаты были прекрасно обмундированы и вооружены, но красивѣе всѣхъ былъ царскій «лейбъ-региментъ» (Преображенскій полкъ) въ темно-зеленыхъ кафтанахъ. Такъ вступала Москва въ новое XVIII столѣтіе. Въ это время угасъ старо-московскій церковный обрядъ встрѣчи новаго года, въ видѣ молебствія на площади предъ Успенскимъ соборомъ, которое совершалось, 1 сентября, въ день Симеона-лѣтопроводца.

Въ октябрѣ 1700 года скончался святѣйшій Адріанъ, коему суждено быть послѣднимъ всероссійскимъ патріархомъ. Царь получилъ объ этомъ событіи извѣщеніе подъ Нарвой, гдѣ началась Великая Сѣверная война. Петръ разсудилъ не назначать новаго патріарха, памятуя недовольство на нововведенія западнаго характера, со стороны двухъ послѣднихъ патріарховъ, и столкновеніе Никона съ отцемъ его; 16 декабря состоялся указъ: «Патріаршему приказу и разряду не быть; дѣла же о расколѣ и ересяхъ вѣдать преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому», который съ тѣхъ поръ назывался «экзархомъ святѣйшаго патріаршаго престола, блюстителемъ и администраторомъ». Мѣстоблюсти-

Петръ Великій.

тель патріаршаго престола жилъ на Мясницкой на подворьѣ, находившемся на мѣстѣ нынѣшней Духовной Консисторіи. Новый монастырскій приказъ отданъ въ завѣдываніе боярину И. А. Мусину-Пушкину. Перемѣна эта послѣ повела къ учрежденію коллегіи духовныхъ дѣлъ, или св. Синода. Отмѣна же патріаршества сказалась въ Москвѣ прекращеніемъ многихъ величавыхъ обрядовъ, начиная съ шествія въ Вербное воскресенье на осляти, дѣйства Страшнаго суда, на Ивановской площади, въ недѣлю мясопустную, пещного дѣйства и т. п. Начавшаяся огромная война, до Полтавской битвы, затормозила нѣсколько преобразованія, но все же они шли понемногу: множились ассамблеи, гдѣ собирались мужчины и женщины для различныхъ увеселеній на западный ладъ, чѣмъ кончалось те-

Медаль въ память основанія Петербурга, 1703.

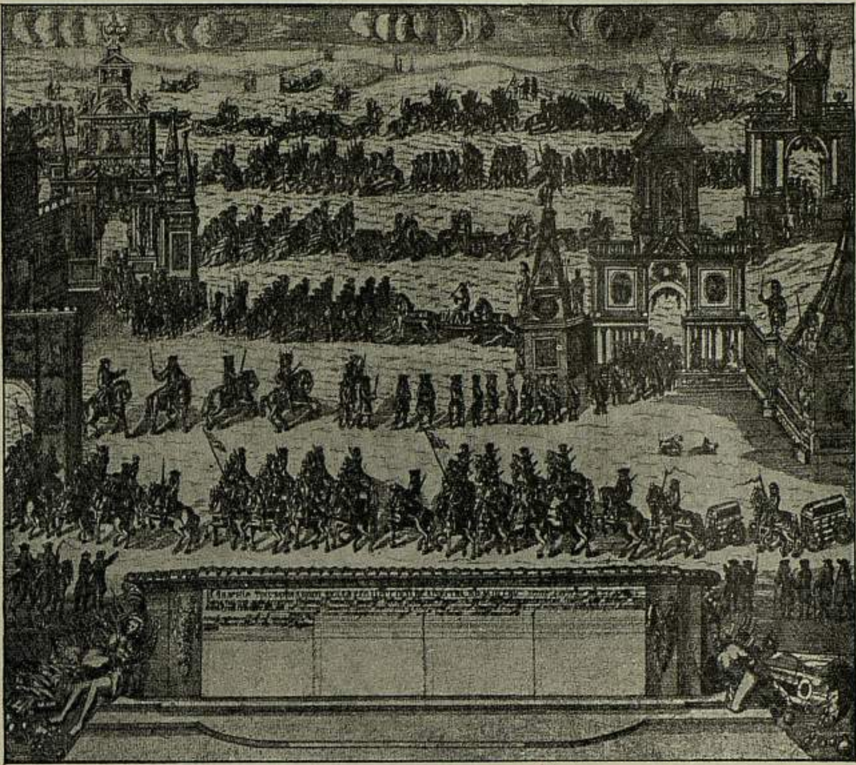
ремное затворничество женщинъ; было запрещено вѣнчать, безъ согласія брачащихся и ранѣе 6 недѣль, послѣ обрученія. Въ Москвѣ появляются новыя лавки для продажи иноземнаго платья, а также открытая продажа недавно еще запрещеннаго табаку; начинаются маскарадныя комическія процессіи, въ коихъ князь Ромодановскій ѣздитъ, наряженный въ царскую одежду, а дьякъ Зотовъ—папой, или патріархомъ, пресбургскимъ, заяузскимъ и всего Кокуя (Нѣмецкой слободы). Вводится невиданная въ Москвѣ гербовая или орленая бумага, учреждается орденъ Андрея Первозваннаго. Въ 1703 году, когда былъ основанъ Петербургъ, въ типографіи на Никольской, по указу царя, печатаютъ первую на Руси газету, или Вѣдомости, въ 1000 экземплярахъ. Вѣдомости печатались церковнымъ шрифтомъ и составлялись, при участіи самого государя, который правилъ первый листъ этого періодическаго изданія, хранящійся донынѣ въ Синодальной типографіи. Скоро затѣмъ царь въ Москвѣ, съ справщикомъ Ѳедоромъ Поликарповымъ, принимается въ Москвѣ за изобрѣтеніе новаго гражданско-русскаго шрифта, который знаменуетъ новую эпоху въ нашей печати, отличную отъ прежней церковно-славянской. Окончивъ это изобрѣтеніе, царь заказалъ новый шрифтъ въ Голландіи и, получивъ его оттуда, много разъ исправлялъ его. Памятникомъ этого нововведенія Петра въ Москвѣ, по дѣламъ печати, хранится въ Синодальной типографіи первый станокъ, печатавшій указы и другія произведенія новымъ гражданскимъ шрифтомъ. Общество любителей древней письменности издало fac-simile корректуру первой гражданской азбуки Петра Великаго.

Но основаніе Петромъ новой столицы Петербурга было громаднымъ по своимъ послѣдствіямъ переворотомъ въ жизни Москвы.

Самъ Петръ Великій съ большимъ вниманіемъ относился къ вдовствующей столицѣ. И это было не только тогда, когда вторгшійся въ предѣлы Россіи шведскій король рѣшился двинуться на самую Москву и здѣсь продиктовать намъ миръ. Въ эту пору, опустошивъ дороги къ древней столицѣ, Петръ сталъ укрѣплять ее и надзоръ за устройствомъ артиллерійскихъ фортецій поручилъ царевичу Алексѣю. Не довольствуясь этимъ, онъ, въ страдную пору Великой Сѣверной войны, урвалъ время лично посѣтить родимый городъ и поднять духъ москвичей встревоженныхъ ожидаемымъ нашествіемъ. Въ это время вокругъ Кремля и Китай-города строились укрѣпленія, а на Балканѣ на литейномъ заводѣ дѣятельно отливались пушки, и здѣсь же при пробахъ грохотали, отъ чего произошло и названіе «Грохольской улицы».

Полтавская побѣда, 27 іюня 1709 года, дала царю особыя побужденія подѣлиться радостью по случаю этой «великой викторіи» именно со своими земляками въ древне-престольной столицѣ. Ибо предъ Полтавской битвой

Еступленіе нашихъ войскъ въ Москву.



Петру стало извѣстнымъ, что горячій Карлъ XII уже назначилъ шведскаго генералъ-губернатора Москвы и думаетъ здѣсь произвести раздѣлъ Россіи съ возстановленіемъ въ ней удѣльныхъ княжествъ, о чемъ чрезъ 100 лѣтъ думалъ также Наполеонъ I. Объ этихъ планахъ шведа царь счелъ нужнымъ предъ битвой освѣдомить своихъ генераловъ.

Этимъ объясняется, почему именно онъ съ выдающимся тріумфомъ въ декабрѣ этого года вступилъ въ Москву въ сопровожденіи гвардіи, арміи и 5½ тысячъ плѣнныхъ шведовъ, съ ихъ фельдмаршаломъ Реншельдомъ и съ первымъ министромъ Пиперомъ во главѣ. Бояре и другіе москвичи построили 7 великолѣпныхъ тріумфальныхъ арокъ, украшенныхъ всевозможными эмблемами и аллегорическими картинами. По пути тріумфальнаго шествія разставлены были оркестры музыки и хоры пѣвчихъ, прославлявшіе побѣдителя. Предъ домами стояли ихъ владѣльцы съ хлѣбомъ, солью и виномъ, которымъ угощали самого Петра и его сподвижниковъ. Цѣлыхъ двѣ недѣли продолжались празднества, съ обѣдами, фейерверками и угощеніями войска и народа. Предъ началомъ этихъ празднествъ въ Москвѣ родилась царевна Елизавета Петровна.

Въ 1712 году царская семья окончательно переселилась изъ Москвы въ Петербургъ, и съ этого времени, по приказу государя въ церквахъ на ектеньяхъ стали возглашать моленія «о царствующемъ градѣ С.-Петербургѣ».

Въѣздъ Петра въ Москву.

Въ 1714 году въ новую столицу были переведены сенатъ и приказы, преобразованные тамъ въ коллегіи съ 1712 года.

Правда, съ этого времени Москва, сильно погорѣвшая, перестаетъ обстраиваться каменными зданіями: потому что, ради скорѣйшей обстройки Петербурга, во всей Россіи запрещены были каменныя постройки, и въ новую столицу отовсюду стягивались каменщики. Но это отнюдь не значитъ, что Петръ совсѣмъ забылъ про Москву.

Онъ строилъ здѣсь храмы, какъ, напр., св. Николая на Мясницкой, Іоанна Воина на Якиманкѣ, Пресв. Троицы на Капелькахъ, на 1-ой Мѣщанской, Петра и Павла, на Басманной. Двѣ первыя церкви были построены по планамъ самого Петра, а третья на пожертвованіе царицы Екатерины Алексѣевны; на четвертую же самъ Петръ пожертвовалъ 2 тысячи рублей.

Въ 1722 году, по окончаніи Великой Сѣверной войны, заключеніи Ништадскаго мира и принятіи Императорскаго титула, Петръ I прибылъ въ Москву и еще торжественнѣе, чѣмъ послѣ побѣды подъ Полтавой, отпраздновалъ здѣсь блистательные успѣхи своего царствованія. Устраивались балы, маскарады, обѣды и даже потѣшная прогулка по Москвѣ флота (на колеса ставились съ поднятыми парусами суда, оснащенныя по корабельному, и ихъ возили по улицамъ на удивленіе народа). Во главѣ этой процессіи ѣхалъ въ лодкѣ князь-кесарь Ромодановскій, въ мантіи подбитой горностаемъ. Спереди и сзади на лодкѣ поставлены были медвѣди (чучела). Неподалеку отъ этой лодки шесть живыхъ медвѣдей везли сани, а ими правилъ человѣкъ искусно наряженный тоже медвѣдемъ.

Въ 1823 году; 18-го августа, Москва, крестнымъ ходомъ, при звонѣ

Медальный портретъ Екатерины I.

колоколовъ и громадномъ стеченіи ннрода, встрѣчала перевозимыя, по желенію царя изъ Владиміра въ новую столицу, въ Александроневскую лавру, мощи Благовѣрнаго Александра Невскаго. Но громадный катафалкъ надъ ракой родителя перваго изъ московскихъ князей св. Даніила не могъ пройти въ Спасскія ворота, и, мощи, не побывавъ въ Кремлѣ, были перевезены въ новую столицу.

За годъ до своей смерти, въ 1724 году. Петръ I прибылъ изъ Петербурга въ Москву со своимъ дворомъ и устроилъ въ Успенскомъ соборѣ торжественное коронованіе императрицы Екатерины Алексѣевны, сопровождавшееся также большими празднествами. Ради этихъ торжествъ былъ произведенъ значительный ремонтъ дворцовыхъ зданій въ Кремлѣ.

Но Петръ не любилъ поддерживать въ Москвѣ старинныя зданія и старался построить въ ней новыя и вообще придать ей, по мѣрѣ возможности, видъ западно-европейскихъ городовъ. Но всѣ его заботы о насажденіи въ древней столицѣ «новаго регулярства», мало измѣнили ея традиціонный видъ.

Вѣками строилась она безъ плановъ, съ неправильными улицами и переулками и издавна представляла смѣшеніе городскихъ построекъ (крѣпостныхъ, дворцовыхъ, монастырскихъ и церковныхъ), съ сельскими и просто деревенскими. Громадное большинство ея зданій были деревянныя: то дворянскія усадьбы, съ помѣщичьими домами среди двора и большими садами, то простыя избы, въ родѣ крестьянскихъ.

Петръ до средины своего царствованія, когда сталъ запрещать всюду, кромѣ Петербурга, каменныя постройки, много хлопоталъ о сокращеніи

Семейная группа Петра I. Съ фамильнаго портрета.

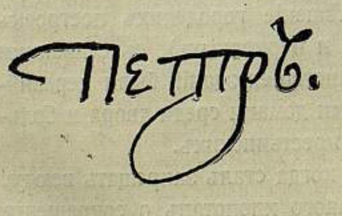
въ Москвѣ деревянныхъ построекъ. Для борьбы съ разорявшимъ Москву «Вулканусомъ», онъ въ 1704 году издалъ указъ о строеніи каменныхъ домовъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ. У бѣдныхъ домохозяевъ отбирались здѣсь земли и передавались богатымъ, а первымъ давались земли въ другихъ частяхъ города, гдѣ они могли строить деревянные дома, но непремѣнно подъ черепичною или земляною крышей. Дома предписывалось строить не внутри дворовъ, а по линіи (линейно) улицъ и переулковъ. Этотъ указъ былъ повторенъ въ 1722 году.

Съ 1705 года Петръ принялся за упорядоченія городскихъ проѣздовъ; онъ требовалъ, чтобы домовладѣльцы держали въ порядкѣ деревянныя мостовыя, а гдѣ не было таковыхъ, улицы мостить камнемъ.

Въ Кремлѣ и Китай-городѣ деревянныя мостовыя замѣнялись каменными плитами, а всѣ остальныя части Москвы должны быть вымощены мелкимъ камнемъ. Для этого на все государство наложена была особая каменная повинность. Сборъ камня распредѣленъ былъ по всей землѣ: съ дворцовыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ земель и вотчинъ служилыхъ людей требовалось, по числу крестьянскихъ дворовъ, съ перваго ихъ десятка одинъ камень въ квадратный аршинъ, со второго по два камня, по полуаршину, съ третьяго десятка аршинный кубикъ мелкаго камня, однако не меньше гусинаго яйца. Та же повинность налагалась и на купечество, а крестьяне, пріѣзжавшіе въ Москву для торгу, должны были къ заставѣ привозить каждый разъ по три ручныхъ камня, также въ гусиное яйцо, и песокъ.

Вотъ важнѣйшіе событія въ Москвѣ въ петровское время.

«19 іюня 1701 года, въ 11-мъ часу, волею Божіею учинился пожаръ: загорѣлись (въ Кремлѣ) кельи въ Новоспасскомъ подворьѣ; и разошелся огонь по всему Кремлю, выгорѣлъ царевъ дворъ весь безъ остатку; деревянныя хоромы и въ каменныхъ всѣ нутры, въ подклѣтяхъ и въ погребахъ— всѣ запасы и питья. Льду много растаяло отъ великаго пожара, не въ единомъ ледникѣ человѣку стоять было невозможно. Ружейная и мастерская палаты, святыя церкви на государе-



Подпись Государя.

Рубль Петра I.

вомъ дворѣ, кресты и кровли, иконостасы и всякое деревянное строеніе сгорѣло безъ остатку; также и домъ святѣйшаго патріарха и монастыри, а на Иванѣ Великомъ колоколы многіе отъ того пожара разсѣлись. И всѣ государевы приказы, многія дѣла и всякая казна погорѣли. Дворы духовенства и бояръ всѣ погорѣли безъ остатка. Во время пожара монаховъ, монахинь, священниковъ и мірскихъ людей погибло много въ пламени. Огонь былъ такъ великъ, что имъ уничтожены были Садовническая слобода и государевы палаты въ саду. Даже струги и плоты на Москвѣ-рѣкѣ погорѣли безъ остатку. Въ Кремлѣ невозможно было ни проѣхать на конѣ, ни пѣшкомъ пробѣжать отъ великаго вѣтра и вихря: съ площади поднявъ, да ударитъ о землю и несетъ далеко, справиться не даетъ долго. И земля сырая горѣла на ладонь толщиною».

Во время угрожавшаго нашествія на Москву Карла XII, вокругъ Кремля были возведены бастіоны: Боровицкій, Неглинный, Троицкій, Воскресенскій и Никольскій. Со стороны Москвы-рѣки между Тайницкими воротами и Водовзводной башней были устроены болверки. Китай-городъ былъ также укрѣпленъ бастіонами.

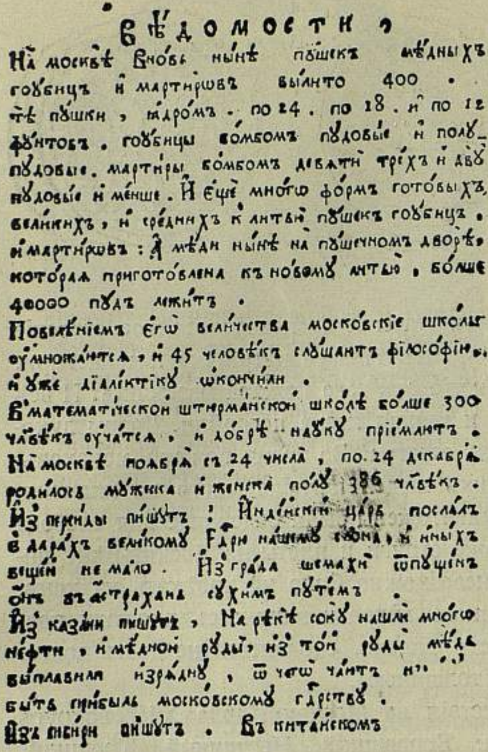
Въ Кремлѣ Петръ началъ строить, на мѣстѣ выгорѣвшихъ въ 1701 году боярскихъ деревянныхъ домовъ, арсеналъ или цейхгаузъ, который долженъ былъ быть не только складомъ для оружія, но и воинскимъ музеемъ, гдѣ должны были храниться побѣдные трофеи, въ родѣ непріятельскихъ знаменъ и отбитаго оружія.

На Красной площади Петръ устроилъ «Комедійную храмину», или театръ, который, въ отличіе отъ прежняго, былъ открытъ (за плату) для всѣхъ желающихъ, гдѣ подвизались антрепренеры, сперва Куншть, а потомъ Фортъ.

Въ Китай-городѣ Петръ обратилъ посольскій дворъ въ шелковую и парчевую фабрику; кромѣ того, онъ устроилъ еще другія фабрики, разбросанныя въ разныхъ концахъ Москвы; такъ, при немъ возникли шелковыя фабрики Шафирова и Милютина, суконная Щеголина, сахарный, парусный и другіе заводы.

Много Петръ занимался на прежнемъ царскомъ печатномъ дворѣ на Никольской улицѣ, гдѣ онъ, какъ сказано выше, печаталъ и даже самъ набиралъ и корректировалъ нашу первую газету «Вѣдомости» и гдѣ онъ впервые пробовалъ изобрѣтенный имъ и отлитый въ Голландіи «гражданскій» шрифтъ.

Но все же не въ Кремлѣ и не въ Китай-городѣ, и не въ другихъ централь-



Вѣдомости.
На москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ
гаубицъ и мартиръ вылито 400.
тѣ пушки, ядромъ - по 24. по 18. и по 12
фунтовъ. гаубицы бомбомъ пудовые и полу-
пудовые. мартиры бомбомъ девяти трехъ и двух
пудовые и менше. И еще много формъ готовыхъ,
великихъ, и среднихъ к литью пушекъ гаубицъ.
и мартиръ: А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ,
которая приготовлена къ новому литью, больше
40000 пуд лежитъ.
Повелѣніемъ его величества московскіе школы
умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію.
и уже діалектику окончили.
В математической штюрманской школѣ больше 300
человѣкъ учатся, и добрѣ науку пріемлютъ.
На москвѣ ноября съ 24 числа, по 24 декабря
родилось мужеска и женска полу 386 человѣкъ.
Из персиды пишутъ: Индѣйской царь послалъ
в дарахъ великому государю нашему слона, и иныхъ
вещей немало. Из града Шемахи отпущенъ
онъ въ Астрахань сухимъ путемъ.
Из Казани пишутъ, На рѣкѣ Соку нашли много
нефти, и мѣдной руды, из той руды мѣдь
выплавили изрядно, от чего чаютъ немалую
быть прибыль московскому государству.
Из Сибири пишутъ. Въ китайскомъ

Первый оттискъ Петровскихъ Вѣдомостей.

ныхъ мѣстахъ Москвы бился въ это царствованіе пульсъ вдовствующей столицы. Ея центромъ Петръ сдѣлалъ при-яузскія палестины. Кромѣ Преображенскаго и Семеновскаго, гдѣ онъ выросъ и воспріялъ первоначальную науку, онъ больше всего любилъ Нѣмецкую слободу и Лефортово. Здѣсь нерѣдко пребывалъ онъ самъ со своими птенцами. Здѣсь, хотя и временно, находились центральныя государственныя учрежденія, основывались разныя школы, заводы и другія учрежденія.

Типографскій станокъ Петра.

Такъ въ селѣ Преображенскомъ былъ выстроенъ деревянный дворецъ и особое помѣщеніе для Преображенскаго приказа тайныхъ дѣлъ, которымъ управлялъ Ромодановскій и остатки котораго видѣлъ здѣсь нашъ исторіографъ Н. М. Карамзинъ. Въ Преображенскомъ размѣстился первый полкъ гвардіи Преображенскій и была устроена полотняная фабрика.

Въ селѣ Семеновскомъ также былъ выстроенъ небольшой дере-

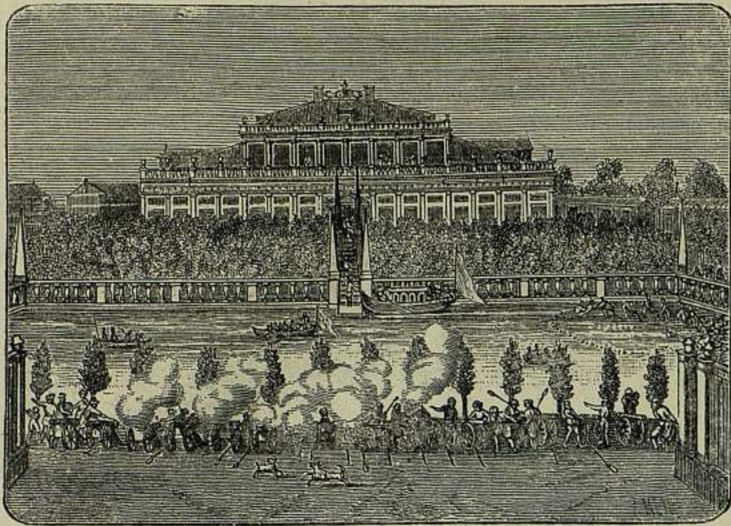
Азбука
[и]справленная
Петромъ.

вянный дворецъ, откуда Петръ, вмѣстѣ съ своими птенцами и пріятелями изъ Нѣмецкой слободы, отправлялся 1-го мая въ сосѣднюю рощу справлять начало весны; отсюда-то майское гулянье перешло послѣ въ Сокольники и сдѣлалось народнымъ.

Но позднѣе и эти родовыя царскія села были поставлены въ тѣнь Лефортовымъ и Нѣмецкой слободой.

Первое было названо, по имени любимца Петра—Франца Лефорта, который имѣлъ въ смежной Нѣмецкой слободѣ отстроенный по западноевропейскому образцу великолѣпный домъ съ садомъ. Послѣ его смерти это владѣніе перешло къ русскому любимцу Петра А. Д. Меньшикову, а послѣ него въ казну и сдѣлалось дворцомъ.

Здѣсь же за Яузой, противъ Нѣмецкой слободы, рядомъ съ домомъ графа Головина, былъ тоже небольшой дворецъ Петра, вокругъ котораго Брандгофъ разводилъ садъ. Но оба эти владѣнія были соединены въ одно и при помощи новыхъ строекъ, при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, обращены были въ Анненгофскій дворецъ, около котораго была разведена Анненгофская роща. Послѣ многихъ эволюцій здѣсь, наконецъ, создалось зданіе 1-го Кадетскаго корпуса.



Лефортовскій дворецъ въ Нѣмецкой слободѣ.

За Яузой, за Лефортовскимъ мостомъ, Петръ въ 1706 году построилъ Военный Госпиталь и при немъ учредилъ медико-хирургическую школу, въ своемъ родѣ медицинскую академію, которая подъ управленіемъ доктора Бидлоу выпускала врачей, вербовавшихся преимущественно изъ сыновей духовенства, учившихся въ славяно-греко-латинской академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Для медицинскихъ цѣлей Петръ устроилъ недалеко отъ Сухаревой башни на Мѣщанской Аптекарскій или Ботаническій садъ, гдѣ самъ сажалъ деревья и копалъ пруды.

Въ Нѣмецкой слободѣ былъ временно помѣщенъ сенатъ, для котораго было построено особое зданіе. Но отсюда онъ скоро былъ переведенъ въ Петербургъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ уголокъ Западной Европы въ Москвѣ давалъ пріютъ почти всѣмъ первымъ петровскимъ школамъ, какъ штатскимъ, такъ и военнымъ. Такъ, напр., здѣсь первоначально помѣщалась устроенная при помощи англичанъ навигацкая школа. Отсюда она была переведена на Сухареву башню, а потомъ въ Петербургъ, гдѣ получила названіе «Морской Академіи».

Тамъ же помѣщена была первая общеобразовательная гимназія, какъ подготовительная къ университетскому образованію школа. Въ ней преподавались древніе и новые языки и всѣ общеобразовательные предметы германской гимназіи. Въ качествѣ директора управлялъ этой школой нѣмецъ Швиммеръ, а потомъ пасторъ Глюкъ. Отсюда эта гимназія была переведена на Покровку къ церкви Николы, что «у Столпа», въ боярскія палаты Нарышкиныхъ (нынѣ Елисаветинская гимназія). Сначала она процвѣтала, а потомъ захирѣла.

Государь поощрялъ также устройство въ этомъ районѣ фабрикъ: шелковыхъ, суконныхъ и полотняныхъ. Въ Красномъ селѣ графъ Апра-

Коронованіе Екатерины I.

ксинъ по приказанію Петра въ 1712 году устроилъ бумажную мельницу для выдѣлки писчей бумаги. Въ Нѣмецкой слободѣ появилось не мало хорошихъ магазиновъ на западно-европейскій ладъ, какими послѣ славился Кузнецкій Мостъ.

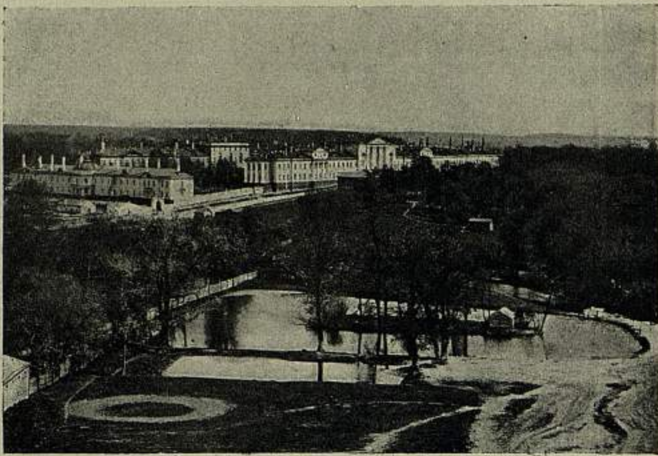
Понятно, что образованіе такого правительственнаго и культурнаго центра повлекло въ эту сторону на жительство знатныхъ и выдающихся людей, и они начинаютъ въ прилегающихъ мѣстностяхъ Покровки, Разгуляя, Басманной и Мясницкой строить свои дома. Такъ, Меньшиковъ построилъ великолѣпный домъ съ церковью (Меньшикова башня) близъ Чистыхъ прудовъ, которые, углубивъ и очистивъ отъ прежняго сильнаго засоренія, впервые и назвалъ этимъ именемъ. У Харитонія въ Огородникахъ поселились Юсуповы. Послѣ того сюда потянулись Куракины, Гендриковы и другіе.

Такъ эта прежде пустынная сторона быстро заселилась, и получила характеръ иноземческо-аристократическій и вмѣстѣ промышленно-торговый.

Такимъ образомъ императоръ Петръ I не мало внесъ новаго въ жизнь Москвы, но передѣлать ее въ ея существенныхъ особенностяхъ, пересоздать ее, онъ, конечно, не могъ, да и не думалъ: иначе ему не для чего было создавать на берегахъ Балтійскаго моря новую столицу, а не морской портъ и крѣпость, которые, не будучи столицей, могли бы имѣть значеніе «окна въ западную Европу».

Царь заботился о сокращеніи въ Москвѣ уличнаго нищенства и требовалъ устройства для неспособныхъ къ труду бѣдняковъ богадѣленъ при приходскихъ церквахъ. Къ 1717 году въ Москвѣ было устроено 90 такихъ богадѣленъ.

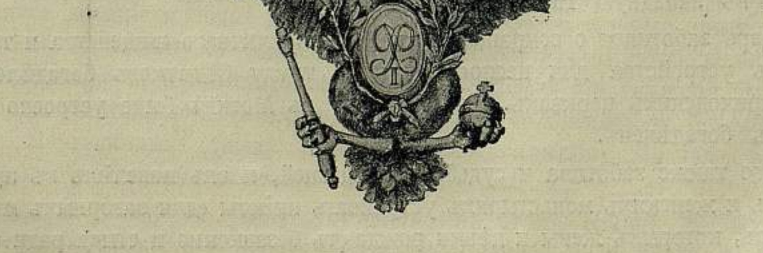
Его также заботила и судьба подкидышей, и онъ повелѣлъ въ приходахъ и женскихъ монастыряхъ устраивать пріюты «для зазорныхъ младенцевъ, которыхъ жены и дѣвки рождаютъ беззаконно и стыда ради отметываютъ въ разныя мѣста». Въ 1723 году было подобрано такихъ



Военный госпиталь.

младенцевъ 934, и они взяты были на воспитанiе. При нихъ кормилицъ было 218.

Въ Москвѣ въ 1701 году было 16.358 дворовъ. Въ царствованiе Петра это число дворовъ повысилось на нѣсколько тысячъ. Такъ, въ 1732 году ихъ насчитывалось уже 19.417.



Орелъ Петра Великаго.

XVI.

Москва, при преемникахъ Петра I въ XVIII столѣтіи.

По смерти Петра, сразу же возникъ вопросъ: не возвратить ли Москвѣ ея до-петровское значеніе, развѣнчавъ новый царствующій градъ Петербургъ. И вопросъ этотъ висѣлъ надъ обѣими столицами, и старой и новой, болѣе пяти лѣтъ, до времени переселенія изъ московскаго Анненгофа на берега Невы императрицы Анны Іоанновны.

Дѣло въ томъ, что Петръ, въ силу своего новаго закона о престолонаслѣдіи, долженъ былъ назначить себѣ преемника, но не успѣлъ этого сдѣлать, и высшія правительственныя учрежденія и приближенный къ престолу правящій классъ поставлены были въ необходимость самимъ разрѣшить вопросъ о переходѣ императорской власти.

Старая боярская партія желала провозгласить императоромъ десятилѣтняго сына, несчастнаго царевича Алексѣя Петра, на котораго возложили надежды, что при немъ можно сокрушить дѣло Петра и ниспровергнуть значеніе прорубленнаго имъ окна въ Европу. Конечно, это отвѣчало бы чувствамъ массы населенія, которыхъ «тянулъ» въ гору своихъ преобразованій скончавшійся императоръ «самъ-десятъ», со своими немногочисленными птенцами. Вождямъ реставраціи чудилось, что сынъ Алексѣя Петровича, враждебно относившійся и къ Петербургу и ко всякому западничеству, уже въ силу наслѣдственности, будетъ склоненъ итти къ московской ста-

Императоръ Петръ II.

ринѣ, да и самая молодость его давала надежду подготовить его къ царствованію въ этомъ именно направленіи, лишь бы получить въ руки регентство до его совершеннолѣтія. Эти замыслы питали Долгоруковы, Голицыны и другіе бояре стараго закала.

Но сотрудники Петра, возвышеніе которыхъ и дальнѣйшее значеніе неразрывно связано было съ его дѣломъ, при помощи гвардіи, провозгласили царствующей императрицей Екатерину. Всемогущимъ при ней сталъ А. Д. Меньшиковъ, и при этомъ временщикѣ нечего было думать о возвращеніи Москвѣ ея прежняго значенія. Онъ даже прибралъ къ своимъ рукамъ и юнаго Петра Алексѣевича, склонивъ Екатерину I передать ему престолъ, при условіи его регентства до совершеннолѣтія будущаго императора и его женитьбы на дочери своей Маріи Александровнѣ Меньшиковой. По смерти Екатерины, юный государь перевезенъ былъ даже въ домъ своего будущаго тестя и находился въ его власти.

Однако такое положеніе дѣлъ не заставило старыхъ бояръ отказаться отъ ихъ плановъ. Воспользовавшись болѣзнью регента и антипатіей къ нему,

А. Д.
Меншиковъ.

Петра они низвергли всемогущаго временщика и, при помощи молодого князя Ивана Долгорукова, захватили царственнаго юношу въ свои руки.

Пользуясь тѣмъ, что онъ, какъ и его отецъ, не любилъ моря и очень увлекался охотой, для которой были неудобны окрестности Петербурга, они перевезли его въ Москву и здѣсь отвлекали несовершеннолѣтняго государя отъ ученья и занятія дѣлами и всячески разжигали въ немъ страсть къ охотѣ, для которой представлялось столько удобствъ въ окрестностяхъ Москвы. Они уговорили государя не возвращаться въ Петербургъ и навсегда остаться въ старой столицѣ. Чтобы упрочить свою власть Долгоруковы сосватали за 14-лѣтняго Петра одну изъ сестеръ ставшаго его любимцемъ князя Ивана.

Но Петръ II не тяготѣлъ къ самой Москвѣ; на самое короткое время останавливался онъ въ запущенныхъ кремлевскихъ дворцахъ и все стремился на окраины столицы, чтобы отсюда поскорѣе уѣхать въ лѣсъ и въ поле, на охоту съ гончими и борзыми. Понятно, что въ двухлѣтнее пребываніе свое онъ не оставилъ по себѣ прочныхъ слѣдовъ въ Москвѣ. По свѣдѣніямъ того времени, онъ останавливался на короткое время то въ Слободскомъ дворцѣ (на его мѣстѣ теперь стоитъ Техническое училище), то въ Лефортовскомъ, то въ Головинскомъ, то въ Семеновскомъ, то въ Измайловскомъ. Да и отсюда, окруженный Долгоруковыми и ихъ приспѣшниками, спѣшилъ на охоту, иногда направлявшуюся далеко отъ подмосковныхъ селъ къ Александрову, Ростову и Тулѣ. Кремль видалъ его только въ дни

коронованія, рожденія, именинъ да пріема пословъ. Въ послѣдній разъ его видѣли въ Москвѣ, сопровождавшаго свою нареченную невѣсту княжну Долгорукову, въ Крещенье 1730 года. На этомъ праздникѣ онъ сильно простудился и слегъ въ постель; у него началась сильная оспа; но онъ не поберегся и съ нею сидѣлъ у открытаго окна и скончался.

Единственный изъ русскихъ императоровъ онъ былъ среди прежнихъ царей погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ. Для него вынули здѣсь два гроба сибирскихъ царевичей и вмѣсто нихъ опустили его гробъ.

Брошенная на произволъ судьбы верховная власть была подобрана къ рукамъ временщиками, выходившими изъ учрежденнаго, послѣ смерти императора Петра I, верховнаго тайнаго совѣта; при Екатеринѣ, она была захвачена Меньшиковымъ, при Петрѣ II Долгоруковыми. И они одинаково направляли ее и номинальныхъ носителей ея въ свою пользу, а не въ интересахъ государственныхъ.

Новые верховники, по смерти Петра II, «прибавили и еще себѣ воли»: а) они отстранили отъ наслѣдованія престола двухъ дочерей Петра Великаго, Елизавету Петровну и Анну Петровну, бывшую замужемъ за герцогомъ Голштинскимъ, вмѣстѣ съ ея сыномъ и внукомъ Петра Великаго, Петромъ Ѳеодоровичемъ, впослѣдствіи царствовавшимъ съ именемъ Петра III; б) произвольно передали императорскій престолъ въ колѣно царя Іоанна Алексѣевича, ничѣмъ не связанное съ преобразованіями Петра I, въ лицѣ вдовствующей герцогини Курляндской Анны Іоанновны; в) при этомъ единую и недѣлимую, въ силу всѣхъ требованій нашей исторіи, Самодержавную Верховную власть раздробили между верховнымъ тайнымъ совѣтомъ и будущей императрицей, для которой выработали особыя условія, или кондиціи, ограничивающія ея власть. Ограниченія эти заключались въ томъ, что призываемая государыня не могла ничего важнаго рѣшать безъ согласія помянутаго совѣта верховниковъ (относительно законовъ, войны и мира, новыхъ податей и налоговъ и верховнаго предводительства надъ войскомъ). При этомъ на новую императрицу возлагалось обязательство жить непремѣнно въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ. Такая узурпація верховной власти, при всей ея возмутительности, въ началѣ имѣла успѣхъ. Неимѣвшая правъ на престолъ Анна Іоанновна приняла предложенную ей власть надъ Россіей и подписала условія верховниковъ, оканчивавшіяся заявленіемъ, что въ случаѣ неисполненія ихъ она лишается престола.

Въ нашу задачу не входитъ изложеніе того, какъ новая императрица, прибывъ въ Москву, по ходатайству дворянства, высшаго духовенства и гвардіи, ниспровергла эту «затѣйку» олигарховъ, какъ разорвала въ Кремлѣ предложенныя ей кондиціи. Она вѣнчалась въ Успенскомъ соборѣ—Самодержавною императрицей. Эта коронація превзошла роскошью своихъ празднествъ всѣ предшествующія.

Два года прожила въ Москвѣ императрица Анна Іоанновна и, отъѣзжая отсюда въ 1732 году, она много разъ говорила, что не «останется въ Петербургѣ навсегда» и что «главная ея резиденція будетъ въ Москвѣ».

Въ теченіе же ея пребыванія въ первопрестольной при ней постоянно находился кабинетъ министровъ, замѣнившій уничтоженный ею

Императрица
Анна Іоанновна.

верховный тайный совѣтъ, а также сенатъ и гвардія, которая умножилась еще новымъ сформированнымъ ею Измайловскимъ полкомъ, который былъ названъ по имени любимаго ею стараго царскаго села этого имени. Москва при ней видѣла паденіе Долгоруковыхъ, изъ которыхъ одни отправлены были въ ссылку, а другіе на воеводства, а также возвращеніе изъ Березова семьи умершаго Меньшикова и начало быстро устанавливавшагося всемогущества Бирона. Но ревнители старины не увидали при дочери царя Іоанна Алексѣевича возврата къ до-петровскимъ порядкамъ; напротивъ того, въ указахъ новой императрицы весьма часто встрѣчались ссылки на распоряженія «блаженной памяти дяди» государыни.

Анна Іоанновна не оставила послѣ себя прочныхъ слѣдовъ въ постройкахъ Москвы, потому что возводила спѣшныя и притомъ деревянныя. Правда, при ней законченъ былъ въ Кремлѣ арсеналъ, но онъ начатъ и былъ строенъ при Петрѣ I и по его плану. Рядомъ съ этимъ зданіемъ, императрица, не могшая жить въ старыхъ запущенныхъ дворцахъ Кремля, велѣла построить небольшой деревянный дворецъ, названный «Анненгофомъ» и впослѣдствіи называвшійся «старымъ», когда былъ построенъ другой въ Лефортовѣ, названный тѣмъ же именемъ.

Въ Кремлѣ же Анна Іоанновна оставила надолго памятникъ въ Царѣ-колоколѣ, отлитомъ для Ивана Великаго. Этотъ единственный въ свѣтѣ гигантъ, въ 12.327 пудовъ, вышиной въ 19 футовъ, въ окружности въ 60 фут., съ толщиной стѣнокъ въ 2 фута, имѣлъ своего дѣда, отлитого Борисомъ Годуновымъ, въ нѣсколько тысячъ пудовъ. Этотъ послѣдній висѣлъ на не-

Царь-колоколъ.

высокой деревянной колокольнѣ, которая сгорѣла въ междуцарствіе, въ страшный пожаръ 1611 года. Изъ его осколковъ, съ прибавленіемъ мѣди, царь Алексѣй Михайловичъ отлилъ новый, большаго размѣра колоколъ въ 8000 пудовъ, также повѣшенный на особую деревянную колокольню. Но этого отца Царя-колокола постигла, въ пожаръ 1701 года, та же участь, и долго его громадные осколки дивили и русскихъ и иностранцевъ. Анна Іоанновна рѣшила на другой годъ своего прибытія въ Москву возсоздать этотъ колоколъ, но увеличивъ его размѣры. Отливка его поручена была колокольному мастеру Ивану Өедоровичу Моторину, который, послѣ огромныхъ приготовленій, растопилъ уже мѣдь въ печахъ. Но отливка не удалась, потому что расплавленный металлъ ушелъ подъ землю, а деревянныя сооруженія сгорѣли. Только въ слѣдующемъ 1735 году послѣ смерти Ивана Моторина его сыномъ Михаиломъ отлитъ былъ колоколъ и покоился въ своей ямѣ на желѣзной рѣшеткѣ, утвержденной на 12 дубовыхъ сваяхъ, вбитыхъ въ землю. Для его прикрытія надъ ямой устроенъ былъ деревянный сарай. Но въ 1737 году, 29 мая, въ такъ называемый троицкій пожаръ, принявшій громадные размѣры, загорѣлся и этотъ сарай, и его бревна падали въ яму. Изъ опасенія, какъ бы колоколъ не расплавился, его стали поливать водою. Но, при охлажденіи раскалившагося гиганта, отъ него откололся одинъ край, и колоколъ остался въ ямѣ. Возбуждался вопросъ не разъ то о переливкѣ его, то о поднятіи. И это послѣднее исполнено было лишь чрезъ 100 лѣтъ, при императорѣ Николаѣ I въ 1836 году, когда французскій инженеръ Монферранъ (строитель въ Петербургѣ Александровской колонны и Исаакіевскаго собора) поднялъ его на тотъ каменный пьедесталъ, на которомъ онъ стоитъ и теперь. Такова судьба этого кремлевскаго памятника императрицы Анны Іоанновны.

Но Кремль и кремлевскій Анненгофъ не привязывали къ себѣ эту императрицу. Ее влекли къ себѣ окраина Москвы и подмосковныя села.

Она любила жить въ Лефортовѣ, въ Слободскомъ дворцѣ и въ Измайловѣ. Между прочимъ, тяготѣніе ея сюда объясняется ея любовью къ охотѣ, особенно соколиной. Не мало тратилось денегъ на возобновленіе окраинныхъ дворцовъ, а въ Лефортовѣ, близъ Головинскаго дворца, Анна Іоанновна приказала итальянцу Растрелли построить новый деревянный дворецъ, названный «Новымъ Анненгофомъ». Предъ этимъ дворцомъ разстилалась большая поляна. Однажды императрица, среди своихъ придворныхъ, высказала сожалѣніе, что здѣсь нѣтъ сада. Тѣ, тайкомъ отъ нея, раздѣлили между собою на участки всю поляну и заранѣе заготовили для посадки на ней деревья, которыя изъ разныхъ концовъ, въ сопровожденіи множества рабочихъ, свезены были сюда и въ одну ночь разсажены были большими аллеями. Не подозрѣвавшая этого императрица утромъ подошла къ окну дворца и поражена была безграничнымъ изумленіемъ, при видѣ выросшаго въ одну ночь большого парка. Каждый изъ вельможъ, создавшихъ этотъ грандіозный сюрпризъ, на своемъ участкѣ, на деревѣ вырѣзалъ свою фамилію. Императрица часто устраивала въ новомъ Анненгофѣ блиставшіе роскошью балы и маскарады, а въ паркѣ фейерверки, затмившіе «огненныя потѣхи» Петра Великаго. Впослѣдствіи этотъ паркъ обратился въ рощу.

Но императрица Анна Іоанновна, на которую расчитывали, что она перенесетъ навсегда столицу изъ Петербурга въ Москву, не прожила здѣсь полныхъ 4 лѣтъ и переѣхала на берега Невы въ 1738 году. Остальное время ея царствованія, когда возобладали нѣмцы и вошла во всю свою силу бироновщина, не оставило у насъ сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ въ Москвѣ.

Болѣе обильные и глубокіе слѣды наложила на Москву императрица Елизавета Петровна. Она, въ своемъ сильномъ расположеніи къ древнепрестольной столицѣ, скорѣе напоминала своего дѣда царя Алексѣя Михайловича, чѣмъ своего отца. Родившись въ Москвѣ въ годъ Полтавской битвы и въ самый день тріумфальнаго вступленія сюда Петра, въ 1709 году, она съ 1714 года жила въ Петербургѣ, но, по смерти родителя, съ 17-го года своей жизни, до своего воцаренія, т.-е. свою юность и часть зрѣлой жизни, до тридцатилѣтняго возраста, большею частью провела на своей родинѣ. Полная, румяная, веселая и вмѣстѣ съ тѣмъ искренно религіозная, она всѣмъ своимъ существомъ подходила болѣе къ Москвѣ, чѣмъ къ Петербургу. Будучи еще царевной, она живала по большей части въ Романовскихъ вотчинахъ: селахъ Покровскомъ и Измайловѣ. Отсюда она предпринимала свои богомольные походы, иногда пѣшкомъ, къ преподобному Сергію и въ другіе монастыри; здѣсь нерѣдко пѣвала пѣсни и водила хороводы съ крестьянскими дѣвушками. Преданіе даже приписываетъ ей народное пѣснотворчество, и пѣсня:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой
Разыгралась, расплясалась
Красна-дѣвица душа

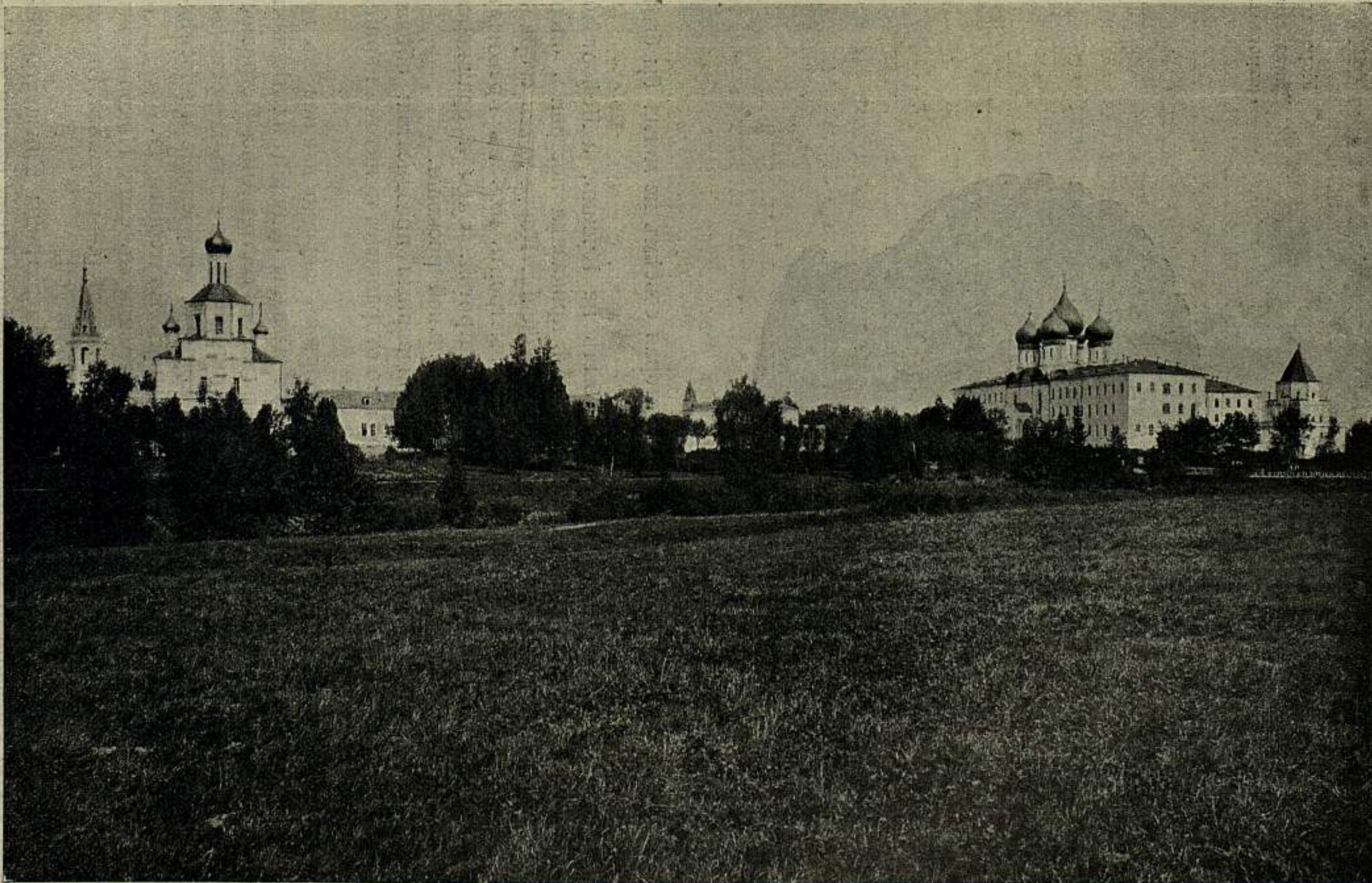
прямо-таки приписывается, какъ автору, Елизаветѣ Петровнѣ.

Императрица
Елизавета
Петровна.

Вступивши на престолъ, она много заботъ посвящала родному городу. Бывая часто въ Москвѣ, она съ 1741 по 1761 провела въ ней четыре слишкомъ года.

Она обратила въ Кремлѣ вниманіе на запущенные и разрушавшіеся дворцы. Въ 1743 году было приказано знаменитому архитектору графу Растрелли построить близъ Благовѣщенскаго собора каменный дворецъ въ четыре этажа и въ немъ сохранить, путемъ реставраціи, то, что изъ стараго могло быть возстановлено. Елизаветинскій дворецъ существовалъ до 1812 года и былъ разрушенъ взрывомъ, по приказанію Наполеона I. Но Грановитая палата и царскіе терема обязаны въ значительной степени своимъ сохраненіемъ именно этой императрицѣ, безъ которой они могли бы

Село
Измайлово.



Корона Елизаветы Петровны.

обратиться въ такую груду развалинъ, которая совсѣмъ не могла бы быть возстановлена.

Но все же главной ея резиденціей былъ не Кремль, а Лефортово. Здѣсь она въ тамошнемъ дворцовомъ городкѣ приказала построить оперный домъ, гдѣ устраивались нерѣдко представленія. Когда здѣсь сгорѣли зимнія хоромы Анненгофа, она приказала выстроить ихъ въ прежнемъ деревянномъ видѣ, но съ удивительной быстротой. Сады и оранжереи Лефортова при ней содержались въ поразительной роскоши.

Здѣсь именно устраивались разныя придворныя празднества: обѣды, балы, маскарады, куртаги. Лефортово было отправнымъ пунктомъ царицы и на охоту соколиную и псовую.

Съ пребываніемъ императрицы въ Лефортовѣ связано важное въ государственномъ отношеніи дѣло: сюда были вызваны будущій наслѣдникъ престола, племянникъ Елизаветы Петровны, сынъ ея сестры Анны Петровны, герцогини Голштинской и его невѣста принцесса Ангальтъ-Цербстская, Софія-Августа-Фредерика, которая здѣсь приняла православіе и впослѣдствіи возведена была на престолъ съ именемъ Екатерины II.

Въ 1742 году Елизавета Петровна построила въ селѣ Покровскомъ прекрасный деревянный дворецъ, а когда онъ сгорѣлъ—каменный. Внутри его комнаты были отдѣланы въ китайскомъ вкусѣ.

Но главнымъ памятникомъ въ Москвѣ императрицы Елизаветы Петровны былъ, основанный ею и открытый 12 января (день памяти св. Татіаны) 1756 года, Московскій Университетъ.

Московскій Университетъ.

По мысли Ломоносова, поддержанной графомъ И. И. Шуваловымъ, императрица, несмотря на неудачную дѣятельность въ Петербургѣ открытыхъ Екатериной I при Академіи Наукъ университета и академической гимназіи, Елизавета основала университетъ въ Москвѣ, «гдѣ бы,—какъ говорилось объ этомъ въ Высочайшемъ указѣ,—люди всякаго званія могли свободно пользоваться наукою». Къ университету должны были подготовлять двѣ гимназіи: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Эти заведенія учреждались именно въ Москвѣ, въ виду центральнаго ея положенія, дешевизны жизни и большого числа живущихъ въ ней дворянъ и разночинцевъ.

Пользу отъ основанія его правительство видѣло въ томъ, что «онъ дастъ возможность и *въ другихъ городахъ завести училища,* отъ которыхъ въ простомъ народѣ суевѣрія, расколъ, и тому подобныя, отъ невѣжества происходящія ереси истребятся». Вмѣстѣ съ тѣмъ, задачей университета, какъ говорится въ Высочайшемъ Указѣ объ его учрежденіи, ставится и то, чтобы онъ западныхъ иностранныхъ педагоговъ замѣнилъ достойными и свѣдущими въ наукахъ *національными людьми*, т.-е. русскими учителями.

Эта задача для новаго университета вызвана была слѣдующими условіями. Богатые дворяне воспитывали тогда дѣтей своихъ дома. Сначала воспитателями были нѣмцы, а при Елизаветѣ Петровнѣ стали нанимать французовъ-гувернеровъ. Объ этихъ послѣднихъ въ Высочайшемъ Указѣ объ основаніи Московскаго Университета было сказано: «въ Москвѣ, у помѣщиковъ, находится на дорогомъ содержаніи великое множество учителей, большая часть которыхъ не только наукамъ обучать не могутъ, но и сами къ тому никакихъ началъ не имѣютъ. Многіе, не сыскавъ себѣ хорошихъ учителей, принимаютъ такихъ, которые всю жизнь провождали парикмахерами, лакеями, кучерами и иными подобными ремеслами».

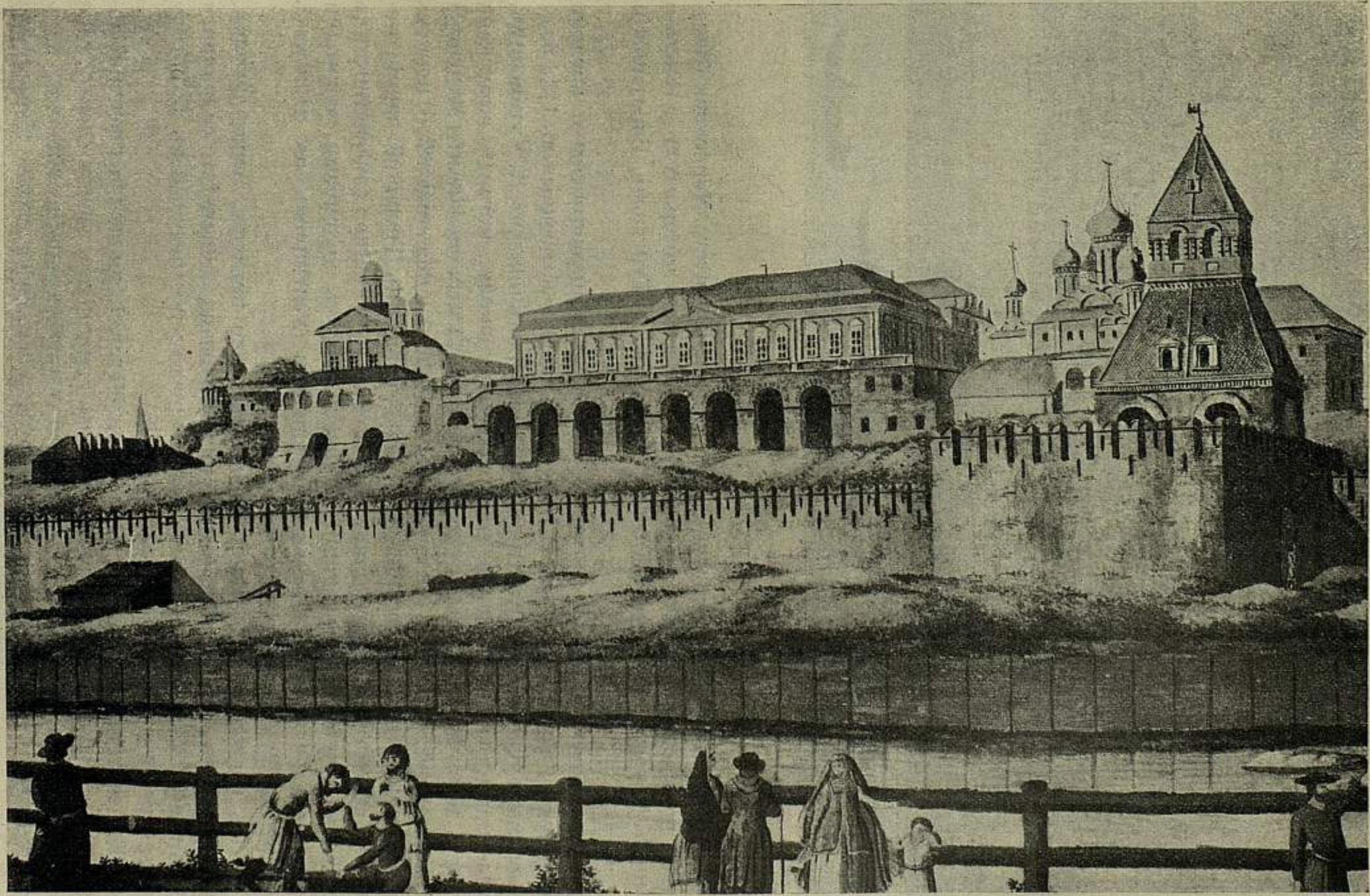
Университетъ первоначально помѣщался у Иверскихъ воротъ, гдѣ въ настоящее время находится Историческій музей. Отъ правительства

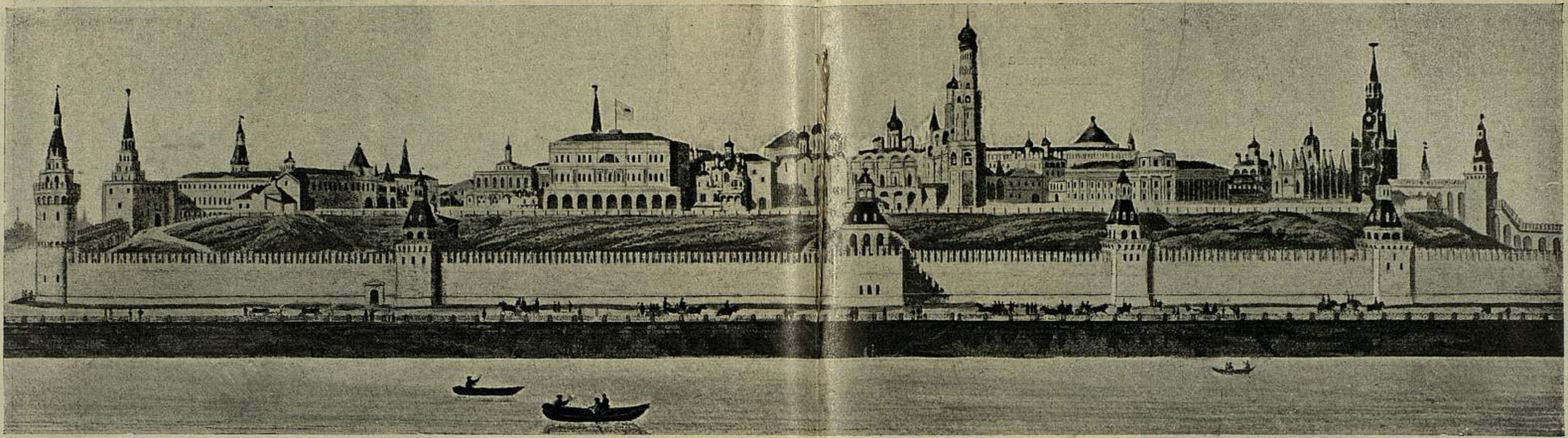
Красныя ворота.

и частныхъ лицъ на университетъ получено было 41.000 руб. Открыты были три факультета: юридическій, медицинскій и философскій. Ректоромъ былъ назначенъ А. А. Барсовъ, ученикъ Ломоносова. Въ 1759 году университетъ былъ переведенъ въ купленный у князя Волконскаго домъ на Моховой. Въ 1785 году императрица Екатерина II пожаловала университету другое мѣсто на Моховой, купленное у князя Барятинскаго, и 125.000 на постройку другого зданія. Въ этомъ домѣ построена была и церковь во имя св. Татіаны, которую расписывалъ художникъ Клауди и для которой писалъ иконы римскій художникъ Рубіо. Ранѣе этого Елизавета Петровна дала средства на заведеніе университетской типографіи и основаніе «Московскихъ Вѣдомостей», которыя сначала расходились въ 600 экземпляровъ, а потомъ, когда были арендованы Новиковымъ, печатались въ 4000 экземпляровъ, что казалось въ то время громаднымъ успѣхомъ.

Въ 1755 году, въ день коронаціи Елизаветы Петровны, были открыты у Иверскихъ воротъ двѣ университетскихъ гимназіи (для дворянъ и разночинцевъ), куда поступили 100 мальчиковъ, по 50 въ каждую. Однимъ изъ первыхъ учениковъ первой былъ Денисъ Фонвизинъ, выступавшій съ рѣчами на актахъ и диспутахъ. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» печатались списки воспитанниковъ, переводимыхъ въ университетъ и исключаемыхъ. Въ 1760 году въ число послѣднихъ попали Николай Новиковъ и Григорій Потемкинъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь.

Кремлевскій дворецъ въ XVIII вѣкѣ, съ старинной гравюры.





Панорама Кремля въ XVIII вѣкѣ.

Въ 1779 году, по иниціативѣ куратора университета Хераскова (писатель), возникъ еще и «Благородный пансіонъ», изъ котораго впослѣдствіи вышли Жуковскій, Грибоѣдовъ, кн. Одоевскій, А. Тургеневъ, Баратынскій и другіе.

Памятниками Елизаветинскаго зодчества Елизаветинскаго времени остаются до нашего времени: 1) Красныя ворота, выстроенныя въ 1742 году ко времени коронаціи императрицы архитекторомъ княземъ Д. Ухтомскимъ, создавшимъ у насъ первую архитектурную школу, которая выпускала своихъ зодчихъ ранѣе Академіи Художествъ; 2) церковь Никиты Мученика въ Басманной, съ красивыми куполомъ, порталомъ и колокольней; 3) церковь св. Климента за Москвой-рѣкой; 4) колокольня въ Троицкой лаврѣ, которую строилъ Н. Мичуринъ. Внутреннее убранство елизаветинскихъ храмовъ отличалось высокими иконостасами, съ колоннами, обвитыми гроздьями винограда, съ пухлыми лицами херувимовъ въ завиткахъ орнамента. Это было время стиля барокко.

Изъ гражданскихъ зданій елизаветинскаго времени лучше другихъ, кромѣ дворца въ Лаврѣ (нынѣшняя Духовная Академія), сохранился домъ графа А. Г. Разумовскаго на Покровкѣ, построенный въ 1742 году по проекту Растрелли (нынѣ 4 гимназія).

Императрица Екатерина II, какъ и Петръ I, понимала значеніе Москвы и, цѣня ее, не мало посвящала ей вниманія и заботъ своихъ. Она не только короновалась въ древне-престольной столицѣ, но сюда, какъ въ народный центръ Россіи, а не въ Петербургъ, созвала свою знаменитую комиссію для составленія, взамѣнъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, новаго Уложенія, и здѣсь, въ древней Грановитой палатѣ вручила выборнымъ людямъ свой «Наказъ», какъ руководство къ выработкѣ законовъ. Здѣсь же она велѣла судить Пугачева, потрясшаго своимъ бунтомъ Поволжье. Напряженно заботилась объ избавленіи Москвы отъ чумы, пославши сюда двухъ своихъ любимцевъ Орловыхъ. Украшала вдовствующую столицу великолѣпными зданіями, о которыхъ рѣчь впереди. Но, и цѣня народное значеніе и преданія Москвы, она, какъ послѣдовательница Петра, не мало однако сдѣлала для стиранія съ Москвы ея исторической окраски. Нельзя скрыть, что она увлекалась одно время мыслью уничтожить вѣковѣчныя стѣны нашего сѣдого Кремля и замѣнить ихъ исполинскимъ зданіемъ, которое вмѣстило бы въ себѣ правительственныя и образовательныя учрежденія Москвы и даже часть торговыхъ ея заведеній. Ученикъ Растрелли, архитекторъ Баженовъ, составилъ планъ и устроилъ громадную находящуюся въ Оружейной палатѣ модель зданія, которое должно было по линіи стѣнъ окружить весь Кремль. Но къ счастію недостатокъ средствъ и кипучая политическая дѣятельность помѣшали императрицѣ осуществить этотъ планъ. Преемники Петра попускали разрушаться прекраснымъ стѣнамъ, башнямъ и воротамъ Бѣлаго-города. Но только Екатерина II наложила руку на эти «историческія ветхости», изображенія которыхъ дожили до насъ въ «Книгѣ объ избраніи на царство Михаила Θеодоровича Романова», а память о которыхъ хранится доселѣ въ названіяхъ разныхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ никакихъ воротъ, «воротами» (Тверскія, Никитскія и т. д.). Она велѣла срыть всѣ крѣпостныя сооруженія Бѣлаго-города и на мѣсто ихъ, уподобляя Москву Парижу, устроить бульвары, правда красивые и гигіеничные, но существенно измѣнившіе историческую физіономію Москвы. При ней же

Императрица
Екатерина II.

та же участь постигла и всѣ крѣпостныя сооруженія Земляного-города съ его башнями и валами, которые придавали Москвѣ живописный видъ, восхищавшій иностранцевъ еще съ XVI вѣка. Правда, въ екатерининское время всѣ эти сооруженія были въ полуразрушенномъ видѣ, но все еще были хороши каменныя ворота съ бойницами (Калужскія, Серпуховскія, вторыя Тверскія, въ нынѣшней мѣстности старыхъ Тріумфальныхъ воротъ). Тяготѣвшая надъ Москвою западническая рука все это срыла и на мѣсто всѣхъ этихъ стародавнихъ сооруженій создала колоссальную круговую улицу, опоясывающую Москву, въ видѣ такъ называемой «Садовой», которая названа была по тѣмъ палисадникамъ, которые обязаны были устраивать обыватели предъ своими новыми домами на мѣстѣ прежняго земляного вала, прежде украшеннаго 34 деревянными башнями. При Екатеринѣ Москва была обведена Камеръ-Коллежскимъ валомъ и на главныхъ выѣздныхъ дорогахъ были устроены заставы, гдѣ собирались пошлины, поступавшія въ Камеръ-Коллегію.

Первоначальный видъ Воспитательнаго дома въ Москвѣ.

Но императрица Екатерина II сильно повліяла не на одну только внѣшнюю конфигурацію Москвы. Она дала ей сильный толчокъ на цѣлыя сто лѣтъ (1762—1862) и въ дѣлѣ ея санитарнаго упорядоченія, обстраиванія и самаго состава населенія и его быта.

Памятниками оздоровленія Москвы въ это царствованіе служитъ грандіозный водопроводъ на рѣдкость чудной воды изъ Мытищъ, который одинъ поилъ столицу до послѣдней четверти XIX столѣтія, устройство водоотводнаго канала (канавы) на Москвѣ-рѣкѣ, включеніе Неглинной въ подземныя трубы, при чемъ близъ Кузнецкаго Моста предполагалось устроить водоемъ съ монументомъ въ память «Преславной Созидательницы канала».

Екатерина, введя въ Москвѣ оспопрививаніе, много сдѣлала для организаціи больничнаго дѣла, построила здѣсь двѣ больницы, одну для чернорабочихъ (Старо-Екатерининская), другую для прочихъ классовъ населенія (Ново-Екатерининская).

Грандіознымъ памятникомъ ея благотворительности является Воспитательный домъ, строившійся подъ наблюденіемъ И. И. Бецкаго. На его постройку была употреблена часть стѣны Бѣлаго-города, шедшая вдоль Москвы-рѣки. Императрица первая пожертвовала на эту постройку изъ своихъ личныхъ средствъ 100 тысячъ, а цесаревичъ Павелъ Петровичъ 50 тысячъ. Закладка состоялась 21 апрѣля 1764 года. Именемъ наслѣдника была названа больница, близъ Серпуховской заставы.

Памятникомъ екатерининскаго зодчества является у насъ: громадное зданіе судебныхъ установленій въ Кремлѣ, оно построено знаменитымъ зодчимъ М. Ѳ. Казаковымъ и строилось въ теченіе 10 лѣтъ, съ 1776 года. Надъ куполомъ этого зданія стояла статуя Георгія Побѣдоносца, увезенная французами въ 1812 году. Въ среднемъ зданіи находится громадная круглая

Екатерининская зала, украшенная великолѣпными горельефами, изображающими дѣянія Екатерины II.

Примѣчателенъ стиль зодчества Екатерины II, долгое время, и послѣ ея смерти, оказывавшій вліяніе на строительство въ Москвѣ.

Стиль этотъ носилъ на себѣ значительные слѣды подражанія классическому, античному, въ духѣ ренессанса.

Если вы видите въ Москвѣ зданія съ колоннами, на фасадѣ, а за ними барельефы съ изображеніями фигуръ въ греческихъ гиматіяхъ, или римскихъ тогахъ, статуи античнаго характера, портики, на памятникахъ на кладбищахъ урны и т. д., то можете быть увѣрены, что все это выраженія склонности екатерининской эпохи къ ренессансу, который у насъ пошелъ въ ходъ, на смѣну тому барокко, съ его обиліемъ украшеній, прихотливаго характера, который выдвигался въ церковномъ и гражданскомъ зодчествѣ въ царствованіе Елизаветы Петровны. На Западѣ ренессансъ предшествовалъ барокко, а у насъ вышло наоборотъ. Проводниками у насъ классическаго стиля были архитекторъ Казаковъ и выписанные изъ-за границы Кваренги, Кампорези, де-Валли и друг.

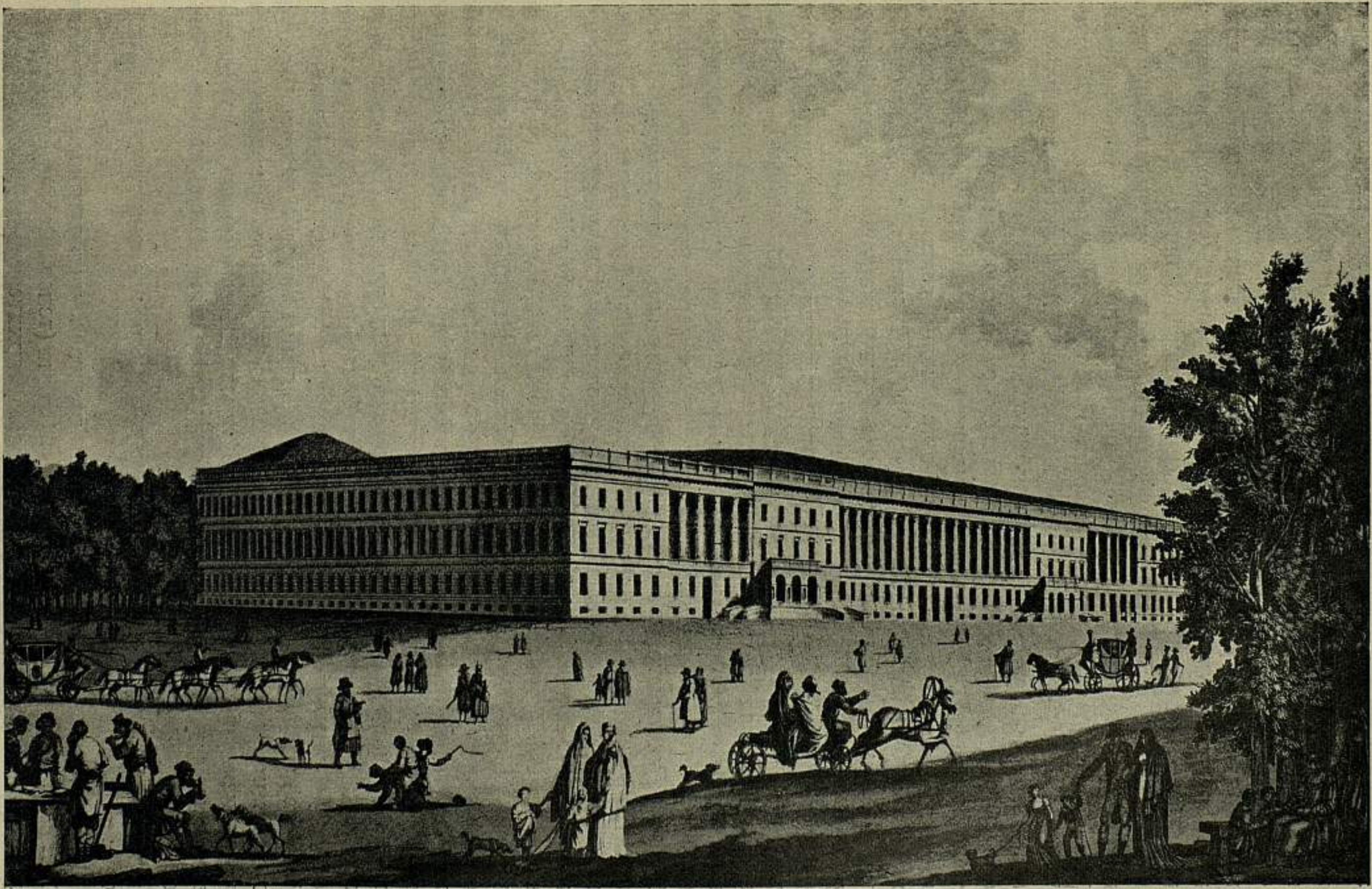
Екатерина II, въ пріѣзды свои въ Москву, также останавливалась въ Лефортовѣ, гдѣ она вмѣсто Анненгофскихъ дворцовъ, построила по плану Баженова при участіи Кампорези, великолѣпный каменный дворецъ, названный Екатерининскимъ. Павелъ Петровичъ обратилъ его въ казармы, а возобновленный послѣ пожара 1812 года, онъ отданъ былъ подъ 1 кадетскій корпусъ.

Уже съ Петра Великаго знать потянулась въ районы, примыкающіе къ Яузѣ. Въ елизаветинское время пріобрѣлъ здѣсь большія владѣнія канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, вблизи Анненгофа построивъ великолѣпный домъ, дивившій иностранцевъ. Императрица Екатерина купила этотъ домъ у наслѣдниковъ и подарила его своему канцлеру Безбородко. Онъ отстроилъ его съ помощью Кваренги еще лучше. Послѣдній король польскій Станиславъ Понятовскій говорилъ, что «во всей Европѣ не найдется другого, подобнаго ему по пышности и убранству». Части этого владѣнія перешли послѣ къ Слободскому дворцу, а затѣмъ къ Техническому училищу, гдѣ сохраняется лишь малая часть того, что было выстроено.

На Нѣмецкой улицѣ построились графы Зубовы; на Разгуляѣ явился великолѣпный домъ графа Мусина-Пушкина, сохранившійся донынѣ и занятый 2 гимназіей; на Басманной поселились Куракины; на Гороховомъ полѣ жилъ графъ А. К. Разумовскій (здѣсь теперь Николаевскій сиротскій институтъ). При домѣ былъ огромный садъ, примыкавшій къ садамъ богача Демидова, дома котораго перестроены для Елисаветинскаго института. Пассекъ держалъ домъ на Мясницкой (нынѣ Липгарда). Юшковъ—масонъ, по фамиліи котораго названъ переулокъ, построилъ домъ въ видѣ рога изобилія, гдѣ собирались московскіе масоны. Этотъ домъ принадлежитъ теперь училищу живописи и ваянія и построенъ по проекту Баженова.

Близъ Каретнаго ряда находился домъ съ громаднымъ садомъ, принадлежавшій Остерману-Толстому (теперь Духовной Семинаріи), а рядомъ съ нимъ и тоже съ громаднымъ садомъ (впослѣдствіи Эрмитажъ)—

Головинскій
дворецъ въ
Лефортовѣ.



Корсакова. Эта мѣстность изобиловала прекрасными прудами. У Старыхъ Тріумфальныхъ воротъ на Тверской стояли огромные дома съ классическими портиками кн. Гагарина, строившаго дома и въ другихъ, районахъ, князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго и т. д. Въ Петровскомъ паркѣ, на прежнемъ Петербургскомъ трактѣ Екатерина выстроила подъѣздный дворецъ, который, въ изъятіе отъ вліянія господствовавшаго стиля, носилъ характеръ смѣшенія готическаго стиля съ барокко.

И въ центрѣ города, но въ меньшемъ количествѣ, жили вельможи екатерининскаго времени. На Тверской улицѣ построилъ домъ фельдмаршалъ З. Г. Чернышевъ, занимавшій генералъ-губернаторскій постъ съ 1782 года по 1784—открывшій учрежденную Екатериной Московскую губернію, съ новыми губернскими и сословными учрежденіями. Для постройки этого дома послужилъ камень Бѣлаго-города. Огромное скопленіе его на пустырѣ Тверской улицы и дало толчокъ Чернышеву къ этой постройкѣ. Домъ этотъ былъ купленъ казною для постояннаго пребыванія генералъ-губернаторовъ. Первымъ по должности занялъ его въ 1786 году графъ Я. А. Брюсъ. На большой Дмитровкѣ, послѣ обнародованія жалованной грамоты дворянству, сословіе пріобрѣло для Благороднаго Собранія домъ у генералъ-аншефа В. М. Долгорукова. На Никитской улицѣ были дома Долгоруковыхъ и Лобановыхъ-Ростовскихъ. Домъ послѣднихъ понынѣ уцѣлѣлъ и перешелъ къ графамъ Бобринскимъ. На углу Знаменки и Арбатской площади стоялъ домъ Апраксина, съ большимъ театромъ, строенный архитекторомъ Кампорези. Теперь его занимаетъ Александровское военное училище. На Воздвиженкѣ выстроенъ былъ домъ Шереметевыхъ, существующій теперь. На Моховой существуетъ донынѣ и принадлежитъ Румянцевскому Музею домъ Пашкова. Его стройный фасадъ, украшенный скульптурными фигурами еще болѣе былъ привлекателенъ на фонѣ зеленыхъ газоновъ, на которыхъ прежде били фонтаны и на дорожкахъ которыхъ разгуливали павлины. Между Пречистенкой и Арбатомъ, Поварской и Никитской, а также по линіи строившихся бульваровъ селилось среднее дворянство, заводившее здѣсь свои усадьбы, отстроенныя въ стилѣ екатерининскаго классицизма. Вообще Москва при Екатеринѣ II была по преимуществу городомъ удалившихся отъ дѣлъ вельможъ и дворянства. Въ особенности здѣсь, подъ конецъ этого царствованія блисталъ своими празднествами и хлѣбосольствомъ поселившійся въ Нескучномъ Кн. Орловъ-Чесменскій. Съ столицей тѣсно связаны были подмосковныя помѣстья дворянства, изъ которыхъ многія блистали роскошью своихъ построекъ и великолѣпіемъ парковъ, какъ, напр., Останкино и Кусково Шереметевыхъ, Архангельское Юсуповыхъ, Кузьминки Голицыныхъ, Братцево Щербатовыхъ, Знаменское Трубецкихъ и т. д.

Церковными памятниками екатерининскаго времени являются слѣдующіе:

Въ память своего восшествія на престолъ императрица построила на Солянкѣ церковь во имя свв. Кира и Іоанна (теперь Сербское подворье). Строителемъ ея былъ ученикъ Растрелли архитекторъ Карлъ Бланкъ. Сынъ знаменитаго архитектора Казакова, Родіонъ создалъ прекрасную

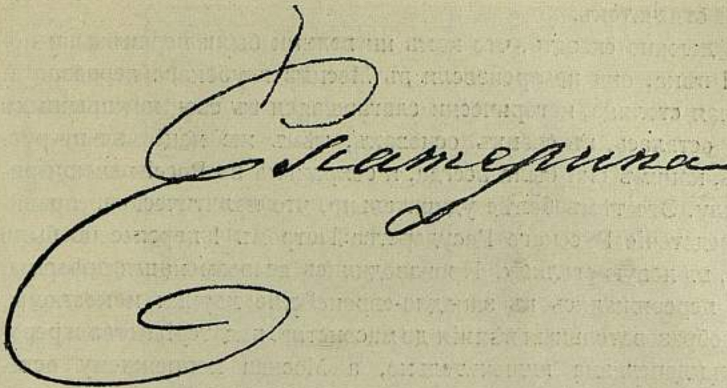
Деревянный дворецъ на Воробьевыхъ горахъ.

Коронаціонная медаль Екатерины II.

колокольню Андроньевскаго монастыря. Но императоръ Павелъ I не дозволилъ поставить надъ нею послѣдній этажъ, чтобы она не стала выше Ивана Великаго. Тому же архитектору принадлежатъ прекрасныя церкви Мартина Исповѣдника на Алексѣевской улицѣ и Филиппа Митрополита на 2-ой Мѣщанской. Но лучшею церковью эпохи екатерининскаго классицизма является красивый по своимъ пропорціямъ храмъ Большого Вознесенія на Никитской улицѣ, которая прежде называлась Царицынскою потому, что здѣсь были владѣнія царицъ Анастасіи Романовны и Наталіи Кирилловны, а Никитскою она именуется по Никитскому монастырю построенному бояриномъ Никитою Романовымъ.

У Никитскихъ воротъ, близъ церкви Өеодора Студита, находился родовой домъ героя екатерининской эпохи А. В. Суворова. Въ этой церкви онъ въ молодости читалъ апостола и при каждомъ посѣщеніи Москвы поминалъ своихъ родителей. Въ приходѣ же Большого Вознесенія провелъ свою юность другой знаменитый человѣкъ Екатерининскаго времени— Потемкинъ.

Но Москва того времени была не только центромъ барства, съ его праздниками, комфортомъ и роскошью, но и важнымъ просвѣтительнымъ пунктомъ. Помянемъ не многихъ, получившихъ еще въ елизаветинское время въ университетской гимназіи и пансіонѣ и самомъ университетѣ, свое образованіе, каковы Новиковъ и Карамзинъ, которые въ Москвѣ пріобрѣли большое просвѣтительное значеніе. Новиковъ, окончивъ университетъ, былъ офицеромъ Преображенскаго полка и былъ командированъ въ Москву, для письменныхъ занятій въ комиссіи по составленію проекта новаго уложенія. Сперва онъ составлялъ «дневыя записи» по VII отдѣленію комиссіи «о среднемъ родѣ людей», а потомъ и журналы общаго собранія комиссіи и докладывалъ ихъ императрицѣ лично. Еще болѣе выдвинувшись въ Петербургѣ изданіемъ такихъ сатирическихъ журналовъ, какъ «*Трутень*» и «*Живописецъ*» и началомъ такого историческаго изданія, какъ «*Россійская Вивліоѳика или Собраніе древностей Россійскихъ*», Новиковъ переселился въ Москву и арендовалъ здѣсь универси-



Подпись императрицы.

тетскую типографію и *«Московскія Вѣдомости»*. Здѣсь онъ чрезъ профессора Шварца сблизился съ масонами и вступилъ въ ихъ «Дружеское ученое общество». Въ Москвѣ Новиковъ развилъ чрезвычайно широкую просвѣтительную дѣятельность: кромѣ *«Московскихъ Вѣдомостей»*, выпускалъ еженедѣльныя приложенія къ нимъ, издавалъ журналы и книги для народа, завелъ въ Москвѣ нѣсколько книжныхъ лавокъ, одну при университетѣ, завелъ и другую типографію на Садовой, гдѣ теперь Спасскія казармы.

Вліяніе Новикова на Карамзина было очень сильнымъ. Въ его журналахъ онъ началъ печатать первыя свои произведенія. По его примѣру онъ началъ издавать *«Московскій Журналъ»*, въ которомъ помѣщалъ, кромѣ своихъ статей, произведенія, Хераскова, Державина, Дмитріева и другихъ лучшихъ писателей своего времени. «Письма Русскаго путешественника», и повѣсти: «Бѣдная Лиза» и «Наталья боярская дочь» доставили ему большую извѣстность. Здѣсь же въ Москвѣ онъ началъ свои архивныя занятія по Русской исторіи, которыя, послѣ изданія въ Петербургѣ *«Вѣстника Европы»*, привели его къ составленію его великаго труда: *«Исторія Государства Россійскаго»*, первые томы котораго онъ писалъ частью въ Москвѣ, частью въ подмосковной князя Вяземскаго—селѣ Астафьевѣ.

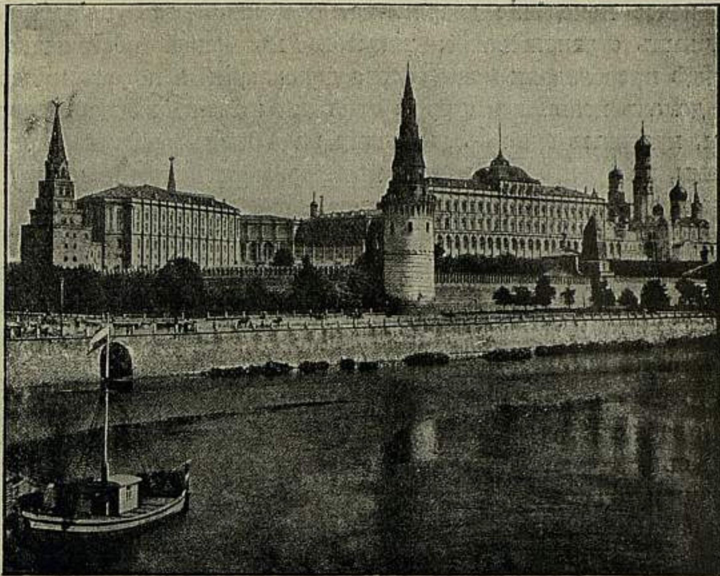
Въ противоположность этимъ просвѣтительнымъ теченіямъ при Екатеринѣ II въ Москвѣ взяли силу старообрядцы. Главарь безпоповцевъ Илья Ковылинъ, въ генералъ-губернаторство дряхлаго фельдмаршала Салтыкова, подъ благотворительнымъ предлогомъ устраивая карантинныя больницы во время чумы, создалъ Рогожскій раскольническій центръ подъ именемъ Преображенскаго кладбища, гдѣ перекрещивались въ Хапиловскомъ прудѣ умиравшіе православные и куда свозилось ихъ выморочное имущество. Раскольники были виновниками чумнаго бунта, жертвой котораго сдѣлался убитый чернью архіепископъ Амвросій.

Вліяніе на Москву царствованія Екатерины II, во многоразличныхъ отношеніяхъ, было значительно. Но оно не ограничилось только ея временемъ, а продолжалось цѣлое столѣтіе, до царствованія императора Александра II, или точнѣе, до освобожденія крестьянъ, съ котораго наша столица начинаетъ терять характеръ города по преимуществу дворянскаго,

съ его помѣщичьими особняками, съ ея особымъ бытомъ, налагавшимъ на все свой особый отпечатокъ.

Вообще же должно сказать, что какъ ни велики были перемѣны и потрясенія XVIII вѣка, они не произвели въ Москвѣ глубокаго переворота. Первопрестольная столица, исторически слагавшаяся въ своихъ коренныхъ особенностяхъ, осталась, въ своихъ основахъ, тѣмъ же національно-русскимъ центромъ, какимъ она была всегда, и сохранила въ Россіи свою притягательную силу. Это тѣмъ болѣе удивительно, что политическое, правительственное средоточіе Русскаго Государства Петромъ I перенесено было на берегъ Невы, въ новую столицу. Производились всевозможныя реформы, высшіе классы переряжались въ западно-европейскіе парики и костюмы, носились новыя образовательныя вѣянія до масонства, вольтеріанства и революціоннаго энциклопедизма включительно, а Москва попрежнему оставалась православно - русскимъ городомъ, въ громадномъ большинствѣ своего населенія. Перевоплощавшіеся то въ нѣмцевъ, то въ французовъ московскіе вельможи въ своихъ новыхъ палатахъ то стиля ренессансъ, то барокко, то рококо, оставались, по-старинному, русскими боярами, съ ихъ хлѣбосольствомъ, съ ихъ усердіемъ къ храмамъ Божіимъ, которые теперь они строили уже въ видѣ домовыхъ церквей, и вообще хранили старыя преданія. Въ томъ же духѣ хотя и въ меньшемъ размахѣ, жило среднее дворянство. О купечествѣ, сохранившемъ свои долгополыя одежды и дутые сапоги до 60-хъ годовъ XIX столѣтія, до временъ Островскаго, и говорить нечего. Оно составляло лишь верхушку нашего, до сего времени мало измѣняющагося крестьянства. А между тѣмъ, оно, какъ замѣтилъ еще покойный И. Е. Забѣлинъ, къ началу XIX столѣтія составляло ни больше ни меньше, какъ двѣ трети всего населенія нашей столицы. Этотъ почтенный историкъ Москвы говоритъ, что въ эту эпоху изъ трехъ Москвичей, двое были крестьяне, притомъ крѣпостные, изъ которыхъ одинъ былъ дворовый, а другой принадлежалъ къ крестьянской земледѣльческой семьѣ. Москва, имѣвшая зимой по 600 тысячъ жителей, лѣтомъ оставалась съ 300 тысячъ населенія: потому что съ весною помѣщики уѣзжали изъ своихъ барскихъ особняковъ и увозили въ помѣстья своихъ крестьянъ, составлявшихъ не только ихъ прислугу, но и разнородныхъ домашнихъ ремесленниковъ и музыкантовъ, хористовъ и даже актеровъ. Не мало, до половины прошлаго столѣтія, среди купечества было крѣпостныхъ, которые платили гильдію и наживали милліонные капиталы.

Точно также и новыя губернскія и сословныя учрежденія императрицы Екатерины II, только внѣшнимъ образомъ измѣняли конструкцію московской администраціи и разныхъ классовъ населенія, оставляя въ Москвѣ, въ ея глубинахъ, все по-старому.



XVII.

Москва въ XIX столѣтіи.

Въ кратковременное царствованіе императора Павла I и часть—Александра I, до великой войны 1812 года, Москва, какъ дворянскій центръ, продолжала обстраиваться и жить въ прежнемъ направленіи, на которомъ мало отразились и мрачный характеръ перваго правленія, и либеральный — второго. Классическій стиль продолжалъ попрежнему господствовать въ постройкахъ, хотя уже въ это время начинаютъ, по примѣру Франціи, примѣнять у насъ и стиль empire, проводниками котораго были строители Жилярди и Витали и ихъ русскіе ученики. Но расцвѣтъ и господство этого стиля относится уже къ эпохѣ, наставшей послѣ нашествія Наполеона. Въ это же время достраивались постройки прежняго царствованія, какъ церковь Мартина Исповѣдника, Андроніевская колокольня, и дома московской знати.

Въ это время начинаетъ проявляться отливъ дворянства изъ окрестностей Яузы въ центръ Москвы, къ Арбату, Пречистенкѣ, Знаменкѣ, Староконюшенной и прилежащимъ переулкамъ.

Екатерининскіе орлы, какъ Зубовъ, Мусинъ-Пушкинъ, Разумовскій, доживали свой вѣкъ вблизи Нѣмецкой слободы, а князь Орловъ гонялъ своихъ рысаковъ изъ Нескучнаго по Замоскворѣчью.

Но новое поколѣніе дворянства, особенно подъ вліяніемъ своихъ заграничныхъ странствованій, тянулось къ новой обстановкѣ жизни. Въ одеждѣ преобладали моды сперва директоріи, а потомъ имперіи.

На домахъ появились строгіе орнаменты античнаго характера, тонкіе карнизы, красивыя окна съ львиными надъ ними масками, барельефы за колоннами, на фронтонахъ вѣнки, въ простѣнкахъ свѣтильники и факелы и во всемъ изысканная симметричность.

Въ этомъ стилѣ empire въ то время подъ Новинскимъ князь Гагаринъ выстроилъ прекрасный, существующій доселѣ особнякъ, а Всеволожскій огромный домъ на Пречистенкѣ, теперь перестроенный для военнаго вѣдомства. Жилярди выстроилъ на Солянкѣ для Опекунскаго Совѣта красивое зданіе того же стиля.

Въ Екатерининское время Москвѣ давали тонъ вельможи, тонъ величественнаго великолѣпія. Дома-дворцы съ роскошными парками и большими прудами, съ великолѣпными картинными галлереями, съ театрами, съ своими оркестрами и хорами изъ крѣпостныхъ, съ лукулловскими обѣдами и феерическими балами, открытыми «для званныхъ и незванныхъ», сосредоточивали культурную жизнь Москвы, въ немногихъ домахъ знати и не давали возможности развиваться общественности въ среднихъ кругахъ. Не то стало при Александрѣ I. При немъ всѣ эти празднества у немногихъ раздробились между множествомъ жившихъ въ Москвѣ семействъ уже средняго дворянства. Стала развиваться клубная жизнь, общественныя увеселенія, театральныя зрѣлища за плату. Англійскій клубъ привлекалъ мужчинъ, не только своими обѣденными и карточными столами, но и своей читальней и политическими бесѣдами; а танцовальный клубъ—лицъ обоего пола. Бульвары, недавно обстроившіеся особняками по линіи своихъ проѣздовъ, переполнялись гуляющими. Кузнецкій мостъ, куда изъ Нѣмецкой слободы перешли заграничные магазины, сталъ не только мѣстомъ для покупокъ модницъ и модниковъ, но и мѣстомъ прогулокъ и всевозможныхъ свиданій. Балы, маскарады, рауты изъ домовъ Екатерининской знати раскинулись по множеству дворянскихъ домовъ Москвы и становились даже общественными и платными, когда устраивались въ клубахъ. Въ театрѣ на Арбатской площади шли всевозможныя представленія. Въ одни дни тамъ играла французская труппа съ знаменитой артисткой Жоржъ, а въ другіе—русская, съ артистками Семеновой и Сандуновой. Предъ самымъ вторженіемъ Наполеона репертуаръ, за отъѣздомъ французовъ, сталъ исключительно русскимъ и патріотическимъ. Ставилась сатирическая (по отношенію къ увлеченію иноземщиной) «Модная» лавка» Крылова и драмы—«Наталья боярская дочь», «Добрые солдаты», ораторія Дехтерева «Мининъ и Пожарскій» и оперы Кавоса «Илья Богатырь» и Шаховского «Иванъ Сусанинъ» въ которой послѣдній оставался живъ.

Въ Москвѣ возникали кружки для чтенія литературныхъ произведеній и бесѣдъ, которыя касались иностранной политики, особенно ослѣпительныхъ побѣдъ Наполеона I. Много было политическихъ разговоровъ въ Англійскомъ клубѣ, въ которомъ выписывались иностранные газеты и журналы.

Но Москва высшихъ и среднихъ классовъ ея населенія съ первыхъ

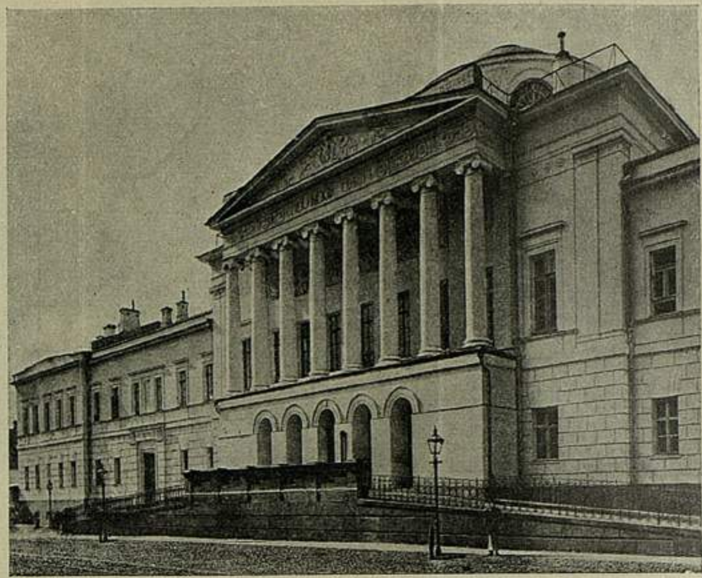
Александръ

Графъ
Ростопчинъ

лѣтъ царствованія Александра I неудержимо предавалась увеселеніямъ. Вигель въ своихъ запискахъ говоритъ: «каждая зима въ Москвѣ походила на шумную недѣлю масленицы». Его современникъ Булгаковъ пишетъ въ 1805 году сыну: «баламъ нѣтъ конца, и не понимаю, какъ могутъ выдерживать. Ежели сумасшествіе продолжится всю зиму, то всѣ переколѣютъ и къ будущей—нуженъ будетъ рекрутскій наборъ танцовщицъ». Примѣчательно, что такое беззаботное веселье царило въ Москвѣ до самаго лѣта 1812 года, хотя немногіе зоркіе люди уже ясно видѣли, что заключенный императоромъ Александромъ I въ 1807 году союзъ съ Наполеономъ I непроченъ и что война съ нимъ быстро надвигается на Россію.

Самое вторженіе въ Россію арміи двадесяти языкъ и манифестъ объ этомъ Русскаго царя были для огромнаго большинства москвичей неожиданностью. Правда, что простой народъ не безъ страха всматривался по ночамъ въ огромную комету, которая казалась мечеобразной и которую

ТИПЫ ПОСТРОЕКЪ ЕКАТЕРИНИНСКАГО И АЛЕКСАНДРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.



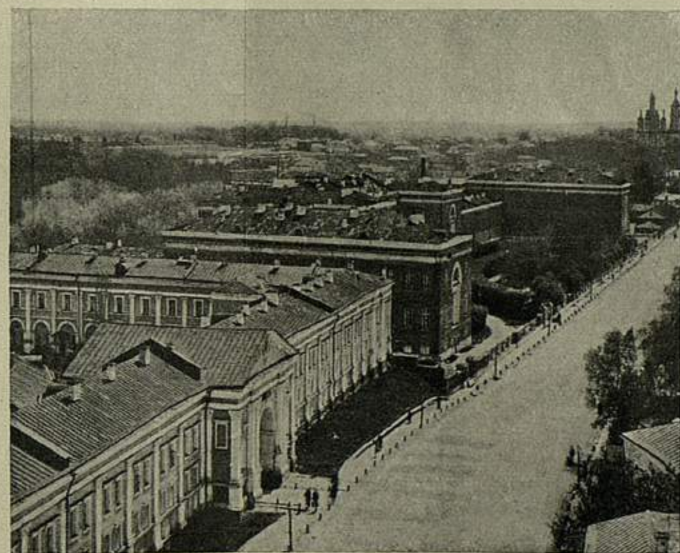
Опекунскій Совѣтъ.

Сенатъ.

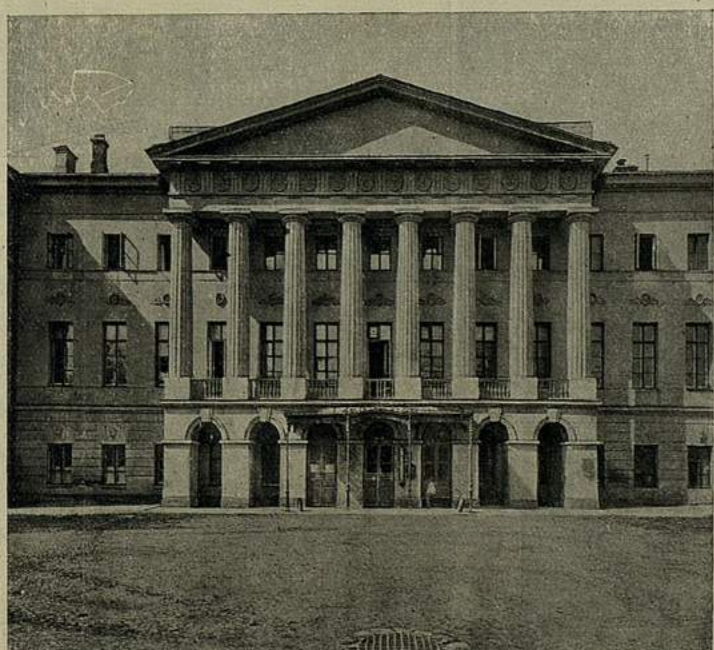
Благородное Собраніе.

Яузская больница.

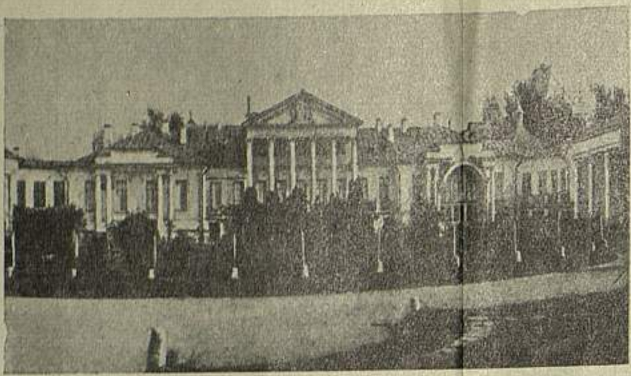
Екатерининскій Институтъ.



Остатки Слободского дворца.

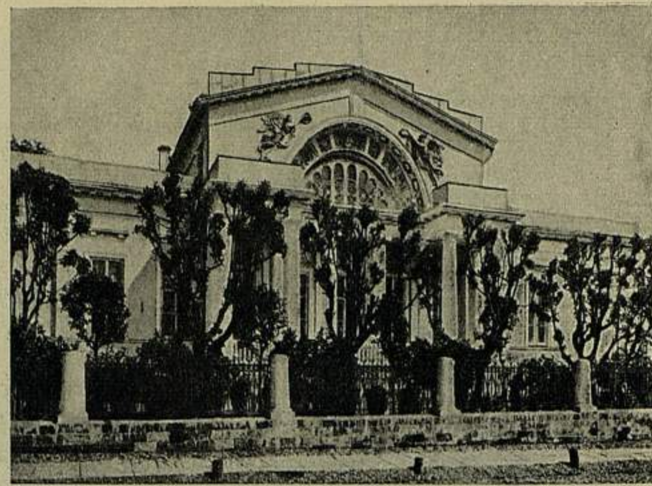


Англійскій клубъ.



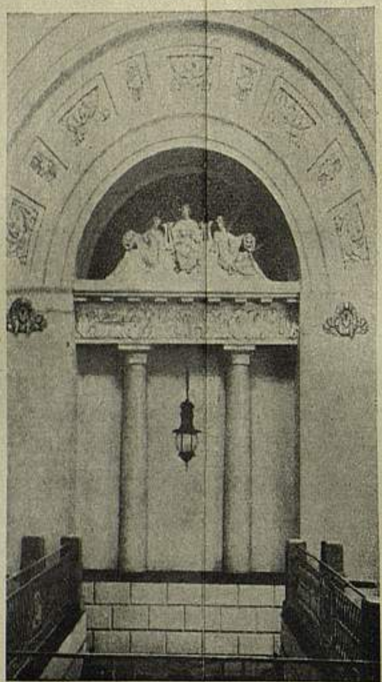
Барскій домъ на Поварской.

Нескучный дворецъ.



Барскій домъ на Новинскомъ бульварѣ.

Бесѣдка въ саду.



Верхъ лѣстницы.

Площадка лѣстницы.

Милосердіе. Витали.
На воротахъ Воспитательнаго дома.

ФАСАДЫ И ДЕТАЛИ ПОСТРОЕКЪ ЕКАТЕРИНИНСКАГО И АЛЕКСАНДРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

Барельефъ Слободского дворца, того же скульптора.

Наполеонъ называлъ «своей путеводной звѣздой въ Россію». Только немногіе, считавшіе Наполеона антихристомъ и апокалипсическимъ Аполіономъ, имя коего равняется звѣриному числу 666, сопоставляя его съ 665 годомъ съ основанія Москвы, ждали большой бѣды для самой нашей столицы. Вѣсть о вторженіи въ наши предѣлы непріятелей, конечно, заставила всѣхъ встрепенуться. Москвичи толпами собирались къ Казанскому собору, близъ котораго на

Медаль 1812 года.

Никольской находилась управская типографія, изъ которой выпускались военныя извѣстія. Но тогдашній генералъ-губернаторъ, называвшійся московскимъ главнокомандующимъ, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ принималъ всѣ мѣры сохранить въ народѣ духъ бодрости и готовности къ пожертвованіямъ. Въ выпущеной 1 іюня первой еще своей простонародной афишѣ онъ высмѣивалъ, какъ что-то невѣроятное, намѣреніе Бонапарта «итти на Москву». Онъ предсказывалъ, что русскіе морозы заморозятъ солдатъ Наполеона, что ихъ раздуютъ русскія щи и каша и вообще сулилъ врагамъ полную погибель. Уже съ появленіемъ этой еще анонимной афиши стали корить Ростопчина за шовинизмъ. Но, по правдѣ, ихъ приподнятый патріотическій тонъ принесъ много добра. Вотъ что говорилъ онъ, не безъ преувеличеній, впрочемъ, обращаясь отъ простыхъ русскихъ людей къ Наполеону: «а знаешь ли ты, что у насъ на Руси?—Выведемъ 600,000 войска, да забритыхъ молодыхъ рекрутъ 300,000, да старыхъ рекрутъ 200,000. А все молодцы: одному Богу вѣруютъ, одному царю служатъ, однимъ крестомъ молятся, всѣ братья родные. А коли понадобится, скажи намъ батюшка Александръ Павловичъ: *сила христіанская, выходи!, и высыпитъ безконечная, и свѣту Божьяго не увидишь*».

Конечно, можно корить графа Ростопчина и за невѣрное исчисленіе военныхъ силъ Россіи, цыфры коихъ едва ли кому были въ то время извѣстны, можно также критиковать и простонародный тонъ его афишъ, но нельзя не воздать ему должнаго за его вѣру въ непобѣдимость Россіи и въ то, что она не пожалѣетъ ничего для своего спасенія. Это-то въ значительной степени подготовило глубокое патріотическое одушевленіе Москвы, сказавшееся здѣсь незабываемой встрѣчей народной государя, громадными денежными пожертвованіями и поразительнымъ сборомъ ратниковъ ополченій.

Во время недавнихъ юбилейныхъ празднествъ въ память столѣтія отечественной войны, очень часто повторялись трогательныя подробности встрѣчи государя на Поклонной горѣ 10 іюля 1812 года и его выхода изъ

Митрополитъ.
Платонъ

дворца въ кремлевскіе соборы, а также пріема имъ въ Слободскомъ дворцѣ московскихъ сословій. Глубочайшій энтузіазмъ, охватившій все московское населеніе, былъ великимъ и спасительнымъ для всей Россіи примѣромъ. Хорошо было то, что москвичи и при извѣстіяхъ объ отступленіи нашихъ армій оставались покойными; одобрительно также и то, что Ростопчинъ тихо выпроваживалъ изъ Москвы иностранцевъ, въ особенности французовъ, вслѣдствіе чего съ Кузнецкаго моста исчезли французскіе магазины и замѣнились русскими; похвально и то, что главнокомандующій своими руками спасъ на Ильинкѣ двухъ нѣмцевъ, на которыхъ накинулись было толпы разъяренныхъ купцовъ. Но важнѣе всего, что только немногіе читавшіе иностранныя газеты въ кофейняхъ, какъ, напр., Верещагинъ, выданный Ростопчинымъ народу уже передъ самымъ оставленіемъ Москвы, рѣшались устрашающимъ образомъ говорить о Наполеонѣ, напр., объ его словахъ въ прокламаціи къ союзникамъ: «не пройдетъ и 6 мѣсяцевъ, какъ двѣ сѣверныя столицы (Москва и Петербургъ) узрятъ въ стѣнахъ своихъ побѣдителей всего міра»...

Съ глубокой вѣрой въ побѣду надъ врагами, въ Москвѣ добровольцы записывались въ ратники московскаго ополченія. На московскихъ гуляньяхъ, напр. у Новоспасскаго и Андроньева монастырей, были устроены палатки съ развѣшаннымъ въ нихъ оружіемъ. Посрединѣ находился столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ золотыми кистями и позументомъ. На немъ лежала бархатная пунцовая книга, куда

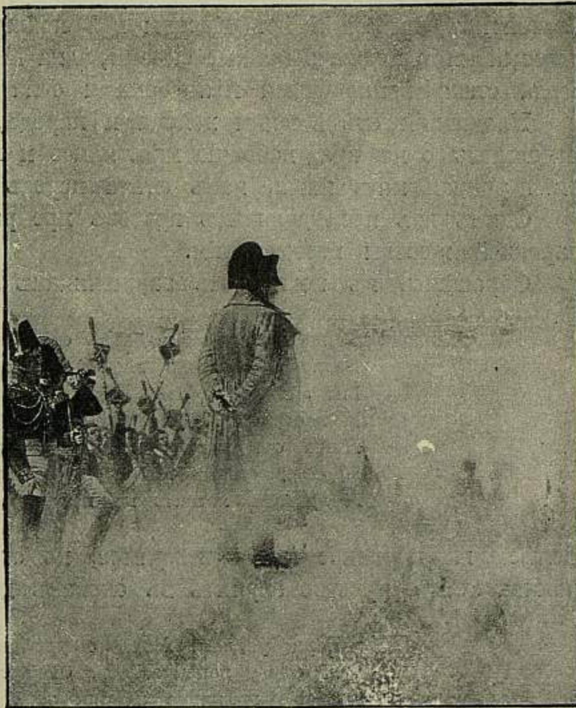
Архіепископъ
Августинъ.

записывали свои имена добровольцы, вступавшіе въ народное ополченіе. Первымъ добровольцемъ явился редакторъ «Русскаго Вѣстника» Ѳ. Глинка, а затѣмъ историкъ Калайдовичъ. Скоро на московскихъ улицахъ стали встрѣчаться новые ратники въ мундирахъ русскаго покроя съ крестами на шапкахъ и привлекали къ себѣ самое сочувственное вниманіе населенія. Чрезъ Москву проходили полки, среди которыхъ особое вниманіе провлекали конные отряды калмыковъ и киргизовъ въ ихъ своеобразныхъ народныхъ одеждахъ. 14 августа графъ Ростопчинъ, между Сухаревой башней и Спасскими казармами, дѣлалъ смотръ первому 6-тысячному отряду московскихъ ратниковъ. Замѣнявшій престарѣлаго митрополита Платона архіепископъ Августинъ отслужилъ имъ напутственный молебенъ, сказалъ прекрасную рѣчь и вручилъ имъ взятыя изъ сосѣдней церкви Спаса во Спасскомъ двѣ хоругви, такъ какъ ополченскія знамена еще не были готовы. Во многихъ домахъ кипѣла оживленная работа по изготовленію перевязочныхъ средствъ для раненыхъ; рѣдко, гдѣ не щипали корпіи. Москва радостно привѣтствовала побѣду Витгенштейна при Клястицахъ и назначеніе главнокомандующимъ Кутузова, тепло поминала она павшаго на полѣ битвы генерала Кульнева, и вообще сохраняла бодрое настроеніе. Только паденіе Смоленска, который считался воротами Москвы, сразу омрачило ея населеніе. Прибытіе первыхъ тран-

спортовъ раненыхъ, которыхъ стали привозить тысячами и которыхъ москвичи окружали самыми теплыми заботами, тревожно всколыхнуло освѣдомленные слои населенія, а большинство полагалось на увѣренія графа Ростопчина, которыя онъ разсыпалъ и на словахъ и въ афишахъ, и считало, что Москва внѣ опасности. Однако многія семьи стали уѣзжать изъ Москвы, чему Ростопчинъ не мѣшалъ, говоря, что хорошо дѣлаютъ нервныя дамы, что освобождаютъ городъ отъ своихъ разговоровъ, но жаль, что съ собою увозятъ мужчинъ. Самъ же въ августѣ подготовилъ транспортъ въ 15 тысячъ подводъ и сталъ тайно вывозить изъ Москвы ея государственныя и церковныя драгоцѣнности, правительственныя учрежденія и женскія учебныя заведенія. Выпроваживались также все еще оставшіеся иностранцы, коихъ эвакуировали въ поволжскіе города въ количествѣ 1600 человѣкъ.

Но съ другой стороны, Ростопчинъ съ громаднымъ напряженіемъ, старался уберечь народъ отъ паники. Въ своихъ афишкахъ онъ давалъ ему понять, что въ случаѣ надобности онъ самъ съ москвичами, наравнѣ съ регулярными войсками, будетъ защищать Москву. Чтобы поддержать бодрость духа, онъ вызвалъ изъ Виѳаніи митрополита Платона. Въ Кремлѣ на Сенатской площади воздвигнутъ былъ амвонъ, куда были принесены чтимыя святыни Москвы и хоругви. Сквозь громадныя толпы, въ каретѣ, шестерикомъ цугомъ, чрезъ Никольскія ворота въѣхалъ умиравшій первосвятитель. Онъ обѣими руками изъ оконъ кареты благословлялъ народъ. За нимъ въ открытой коляскѣ ѣхалъ генералъ-губернаторъ. Съ помощью иподьяконовъ съ трудомъ вышелъ у Чудова монастыря чтимый владыка. Лицо его было покрыто смертною блѣдностью. Народъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на возведеннаго на амвонъ въ бѣломъ клобукѣ и фіолетовой мантіи первосвятителя. Но онъ уже не въ силахъ былъ самъ говорить народу. Отъ его имени держалъ слово протодіаконъ. Владыка его устами умолялъ народъ не волноваться, довѣряться своимъ начальникамъ и покориться волѣ Божіей. По содрагавшемуся лицу старца лились слезы. Потрясенная площадь огласилась рыданіями «Владыка желаетъ знать», сказалъ протодіаконъ, «насколько успѣлъ онъ убѣдить васъ? Пускай всѣ тѣ, кто обѣщаетъ повиноваться, станутъ на колѣна». Живая стѣна въ слезахъ упала на колѣни. Взволнованный старецъ воздѣлъ руки къ небу и осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ. Поднялъ голосъ и Ростопчинъ: «населеніе не будетъ,—сказалъ онъ,—выдано врагу безоружнымъ. Разбирайте оружіе изъ арсенала, защита будетъ въ вашихъ рукахъ».

Церковь и власть спасли москвичей отъ опаснаго упадка духа. Но нѣкоторые историки язвительно подчеркиваютъ, что народъ разбиралъ изъ арсенала ружья и сабли старыя, къ дѣлу непригодныя. Это правда. Но была болѣе важная правда въ томъ, что народъ былъ спасенъ отъ ужасныхъ послѣдствій отчаянія. Приближались великіе и грозные дни Бородина и военнаго совѣта на Филяхъ объ оставленіи Кутузовымъ Москвы врагамъ. Крайне усиливался отливъ изъ Москвы множества семействъ, заполонившихъ всѣ дороги своими обозами, которые, благодаря предусмотрительности Ростопчина, выѣзжали изъ Москвы, при всѣхъ затрудненіяхъ, безопасно. Тѣ, кто выѣхать не могли, читая послѣднія афишки Ростопчина, утѣшали



Наполеонъ на Поклонной горѣ. Съ карт. *Верещагина.*

себя тѣмъ, что вотъ онъ созоветъ «на три горы» остававшихся въ Москвѣ молодцовъ и что еще разъ будетъ дана битва подъ Москвою.

Но битвы не было дано, и Кутузовъ, чтобы спасти войско, вынужденъ былъ сдать Наполеону Москву. Наступила трагедія, ужасная для первопрестольной столицы, но за то спасительная для Россіи и гибельная для самого западнаго завоевателя.

Не станемъ повторять извѣстныя подробности о выходѣ отсюда нашихъ войскъ, о вступленіи сюда Наполеона, о жуткомъ впечатлѣніи на него, что столица покинута населеніемъ и предана народомъ всесожженію. Эта высоко-нравственная и глубоко-патріотическая жертва показалась носителямъ кичливой западной культуры скиѳскимъ варварствомъ. Но они сами, въ теченіе недолгаго своего пребыванія въ Москвѣ, отъ 2 сентября по 11 октября, проявили неслыханную по дикости мстительную злобу и невѣроятное варварство.

Покинуть столицу 300-мъ тысячъ населенія, оставивъ врагамъ и дома свои и громадную недвижимость, среди которой находились богатства, денежныя и драгоцѣнныя картинныя галлереи и колоссальныя библіотеки, явилось подвигомъ, до котораго не дотянулась ни одна изъ столицъ Запада: всѣ онѣ раболѣпно подносили Наполеону отъ своихъ крѣпостей ключи. Но сила этого подвига возвышается еще тѣмъ, что сами москвичи сожгли свою создавшуюся вѣками столицу, чтобы она не доставалась наглому врагу. И это дѣло было всенароднымъ, починъ которому положилъ графъ

Ростопчинъ, вывезшій изъ Москвы всѣ пожарные обозы и приказавшій полицейскимъ поджечь винные склады, а на Москвѣ-рѣкѣ барки съ хлѣбомъ, ставшія пловучими платформами огня и пожаровъ...

Уходившія отъ Москвы войска и народъ, оглядываясь на зарево исполинскаго пожара, набожно крестились и трогательно говорили: «горитъ родная мать наша, какъ свѣча передъ Богомъ».

Одинъ изъ послѣдующихъ поэтовъ прекрасно выразилъ идею этой народной жертвы всесожженія.

Обращаясь къ погибшимъ защитникамъ отечества, онъ говоритъ:

У насъ не было вдоволь свѣчъ про васъ,
Вдоволь не было воску яраго:
Мы зажгли за васъ лишь одну свѣчу
И поставили въ храмѣ Божіемъ,
Лишь одну свѣчу—Москву-матушку,
Вамъ, друзьямъ нашимъ, въ упокой души,
А врагамъ лихимъ къ посрамленію.

Болѣе напряженное и непримиримое, по отношенію къ чужеземнымъ завоевателямъ, чувство звучитъ въ словахъ другого поэта:

Гори родная! Богъ съ тобою,
Я самъ, перекрестясь, съ мольбою,
Своею грѣшною рукою, тебя зажегъ.
Враги въ Москвѣ, Москва въ неволѣ.
Пусть гибнетъ все. Своей рукою
Свой домъ зажегъ. Гори со мною...
Москва пылаетъ за отчизну,
Кровавую готовьте тризну..

Если огонь московскаго пожара поднялъ въ русскомъ народѣ несокрушимую энергію для борьбы съ полчищами Наполеона не на животъ, а на смерть, то онъ же впервые сокрушилъ вѣру въ свою звѣзду этого гордаго побѣдителя въ 50 битвахъ.

Графъ Сегюръ былъ свидѣтелемъ того глубокаго потрясенія, какое испыталъ Наполеонъ на другой день послѣ своего перваго ночлега въ Кремлѣ, во дворцѣ Русскихъ царей. Проснувшись раньше обыкновеннаго, онъ сталъ было спокойно разсуждать съ своимъ лейбъ-медикомъ о причинахъ московскаго пожара. Но вдругъ въ окнѣ увидалъ страшное зарево, вскочилъ съ постели, толкнулъ мамелюка, надѣвавшаго ему сапоги, такъ что тотъ упалъ навзничь, и впился глазами въ бушевавшее по всему Замоскворѣчью море огня. Первымъ его движеніемъ, — говоритъ графъ Сегюръ,—былъ гнѣвъ: онъ хотѣлъ властвовать даже надъ стихіями. Но скоро онъ долженъ былъ преклониться передъ необходимостью. Удивленный тѣмъ, что, поразивъ въ сердце Русскую имперію, онъ встрѣтилъ не изъявленія покорности и страха, а совершенно иное, почувствовалъ онъ, что его побѣдили и превзошли въ рѣшимости. Это завоеваніе, для котораго онъ принесъ все въ жертву, исчезало въ его глазахъ въ облакахъ страшнаго дыма и моря пламени. Имъ овладѣло страшное безпокойство; казалось,

Вступленіе непріятеля въ Москву. Съ французской гравюры.

Французы въ Кремлѣ. Съ современной парижской гравюры.

его самого пожиралъ огонь, который окружалъ его въ Москвѣ. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ порывисто по дворцу, принимался за работу и бросалъ ее, чтобы посмотрѣть въ окно на море огня. Изъ груди его вырывались короткія восклицанія: «Какое ужасное зрѣлище: это они сами поджигаютъ городъ; сколько прекрасныхъ зданій, какая необычайная рѣшимость! Что за люди! Это скиѳы»...

И на островѣ св. Елены, доживая свою бурную жизнь, Наполеонъ каждый разъ при словѣ «Москва» испытывалъ глубочайшее волненіе, вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и однажды написалъ въ своихъ запискахъ:

«Никогда всѣ поэты, изображая сказочный пожаръ Трои, не могли въ своемъ изображеніи представить что-либо похожее на дѣйствительный пожаръ Москвы. Ужасающій вѣтеръ раздувался самымъ пожаромъ и производилъ огненные вихри. Предъ нами былъ буквально океанъ огня. Повсюду поднимались горы пламени, съ невѣроятной быстротой вздымались къ раскаленному небу и также быстро падали въ огненное море. Это величайшее и поразительнѣйшее и въ то же время ужаснѣйшее зрѣлище, какое мнѣ когда-либо приходилось видѣть»...

Такъ описываетъ онъ эту жертву всесожженія, которую русскій патріотизмъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, принесъ для спасенія своего отечества.

Отъ горѣвшаго Китай-города съ Никольской и Ильинкой и изъ громадныхъ товарныхъ складовъ, отъ горѣвшаго Замоскворѣчья, отъ пожара громадныхъ винныхъ казенныхъ складовъ, вслѣдствіе пожарныхъ вихрей, летѣли на Кремль не то, что искры, а громадныя головни, которыя едва успѣвали тушить солдаты расположенной въ Кремлѣ молодой гвардіи. Кремль былъ въ страшной опасности, потому что въ немъ было много пороховыхъ ящиковъ и взрывныхъ снарядовъ; онъ гудѣлъ отъ адской музыки, отъ свиста и рева огненныхъ смерчей, отъ грохота падавшихъ по всей Москвѣ стѣнъ, отъ жалобнаго стона разбивавшихся при паденіи колоколовъ. Но Наполеонъ, показывая наружное спокойствіе, не разставался съ дворцомъ.

Наконецъ раздались крики: «Горитъ Кремль!» Загорѣлась Троицкая башня и арсеналъ. Тогда только Наполеонъ вышелъ изъ дворца и самъ сталъ тушить пожаръ, но маршалы на колѣняхъ упросили его покинуть Кремль, изъ котораго онъ съ величайшимъ трудомъ выбрался въ Петровскій дворецъ; на пути онъ едва не погибъ въ огнѣ: его вывели изъ моря пламени повстрѣчавшіеся французскіе солдаты. Только послѣ продолжительныхъ блужданій Наполеону удалось добраться до Петровскаго дворца. Долго молча смотрѣлъ онъ отсюда на страшное пламя Москвы и глухо сказалъ: «это предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія»...

Чрезъ три дня, когда сгорѣло болѣе трехъ четвертей города, Наполеонъ вернулся въ Кремль.

Но съ начала московскаго пожара для него уже не было ни въ чемъ удачи, и ему пришлось видѣть, что все вокругъ него рушится, падаетъ и влечетъ его самого въ пропасть.

Онъ организовалъ въ Москвѣ свое управленіе, свой судъ и муниципальный совѣтъ. Но его управленію, съ генералъ-губернаторомъ Мортье

Пожаръ Москвы. Съ французской гравюры.

Бивакъ французовъ въ Москвѣ.

во главѣ и оберъ-полицеймейстеромъ Вильеромъ (бывшій лекторъ французскаго языка въ нашемъ университетѣ), нечего было дѣлать за отсутствіемъ населенія. Организованный здѣсь судъ ознаменовалъ себя только тѣмъ, что захватилъ нѣсколько десятковъ ни въ чемъ неповинныхъ москвичей, пугливо бродившихъ по пожарищамъ, обвинилъ ихъ въ поджогахъ Москвы и разстрѣлялъ ихъ, однихъ близъ Петровскаго монастыря, другихъ на Дѣвичьемъ полѣ. Совершенно было безполезно учрежденіе и муниципальной думы, съ городскимъ головой купцомъ Находкинымъ во главѣ. Эта дума собиралась на Маросейкѣ, въ домѣ графа Румянцева, но и ей нечего было дѣлать. Напрасно также Наполеонъ издавалъ прокламаціи, призывавшія скрывавшіеся остатки населенія не бояться ничего и стать подъ защиту новаго управленія. Напрасно также призывались къ возвращенію въ Москву тѣ, кто ее покинулъ до вступленія «великой арміи». Той же неудачѣ подверглись попытки добиться открытія здѣсь торговли на рынкахъ и въ лавкахъ. Обращеніе къ окрестнымъ населеніямъ продавать въ Москвѣ предметы продовольствія не нашли себѣ отклика; нѣсколько крестьянъ, сдѣлавшихъ попытку провезти сюда хлѣбъ, были ограблены непріятелемъ у самой столицы. Даже запрещеніе пускать въ народъ фальшивыя ассигнаціи, отпечатанныя Наполеономъ въ количествѣ $1\frac{1}{2}$ милліона, и приказъ разсчитываться за все настоящею монетой не давали результатовъ. Народъ, очевидно, занялъ непреклонно непримиримое положеніе по отношенію къ врагамъ.

Но они съ своей стороны не только не дѣлали ничего къ смягченію этой ненависти, но, напротивъ того, съ поразительнымъ ослѣпленіемъ и дикой жестокостью подливали въ огонь масла.

Носители западной культуры уже въ первые часы своего пребыванія въ Москвѣ начали возмутительные грабежи, и съ чрезвычайной быстротой *вся* великая армія, на собственную свою погибель обратилась въ шайки

Пожаръ Москвы.

мародеровъ, не знавшія никакой дисциплины, никакого удержу. Мы намѣренно говоримъ *вся*, потому что въ грабежѣ участвовали не только солдаты, но и генералы. Такъ современники отмѣтили грубый цинизмъ, съ какимъ наполеоновскіе генералы въ Каретномъ ряду разграбляли великолѣпныя кареты и коляски. Наполеонъ, не ради, разумѣется, гуманности и культурности, а ради спасенія своего войска отъ разложенія, своими приказами пытался остановить грабежи въ Москвѣ, но, онъ самъ засвидѣтельствовалъ, что имъ не повинуются, установилъ, что даже старая гвардія, охранявшая его особу, предавалась грабежамъ не только достоянія москвичей, но и складовъ самой великой арміи.

Самая картина грабежей представляла нѣчто невѣроятное: грабили рѣшительно все и всѣхъ, грабили не только покинутые подвалы богатыхъ людей, богатые магазины и лавки, но и отнимали послѣднюю одежду и снимали крестъ съ тѣхъ бѣдняковъ, которые укрывались въ землянкахъ или прятались въ обгорѣлыхъ сараяхъ и погребахъ. Съ несчастныхъ женщинъ снимали все до послѣдней нитки и обезчещенныхъ отпускали нагими, считая своею собственностью не только золото и драгоцѣнности, но и тряпье, прикрывающее холодающее тѣло.

Ужасную картину чудовищныхъ экспропріацій представляла Москва, когда 7 сентября Наполеонъ возвращался изъ Петровскаго дворца въ Кремль. Всюду онъ встрѣчалъ группы солдатъ, сидѣвшихъ у костровъ. Они были огорожены или великолѣпными въ золоченыхъ рамахъ картинами, или громадными зеркалами. Въ костры подбрасывалось полисандровое дерево

Наполеонъ среди развалинъ Москвы.

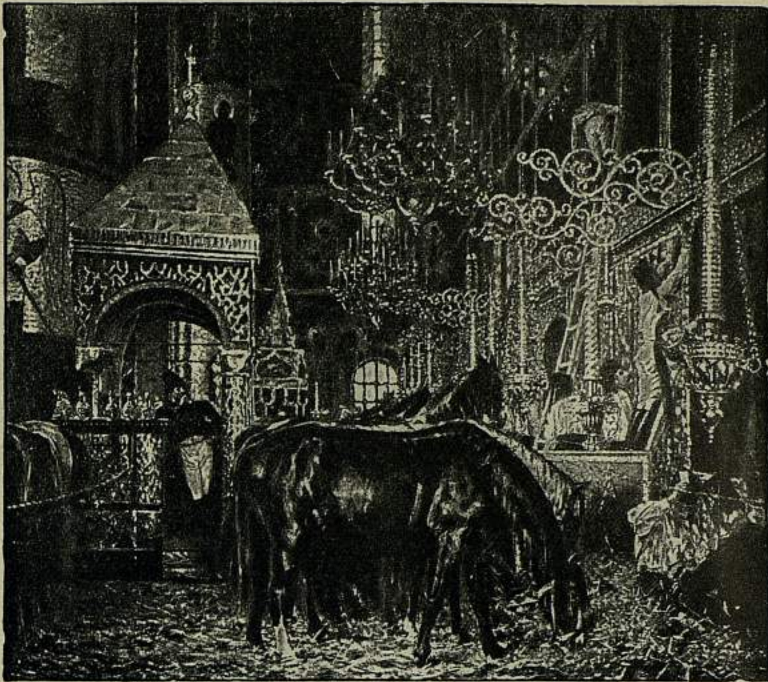
отъ клавикордовъ и художественной мебели, подъ ногами были разостланы богатые ковры.

Но было и худшее въ этихъ грабежахъ, что переполняло чашу терпѣнія народнаго: это разграбленіе храмовъ, откуда съ дикимъ кощунствомъ были уносимы священные сосуды, церковныя облаченія и ризы съ иконъ.

Это возмутительное святотатство соединялось съ тенденціозно-злобнымъ оскверненіемъ православныхъ святынь. Католики, протестанты и атеисты XVIII вѣка, съ особой демонстративностью, подчеркивали свое надругательство надъ религіознымъ чувствомъ Русскаго народа; обманутые въ разсчетахъ на его раболѣпство, они безъ всякой пользы для себя выкалывали на иконахъ глаза священныхъ изображеній, кололи на лучину иконы, выбрасывали мощи изъ ограбленныхъ ракъ, обращали въ конюшни именно алтари, на паникадилахъ вѣшали мясныя туши. Въ этой дикой злобности соревновали съ простыми фанатиками маршалы, обѣдавшіе на престолахъ Чудова монастыря и Кремлевскихъ соборовъ, и самъ Наполеонъ, устроившій свою кухню въ Архангельскомъ соборѣ и приказавшій снять съ Ивана Великаго его крестъ, чтобы водрузить его въ Парижѣ надъ домомъ инвалидовъ...

Но сколько при этомъ было замучено и перебито москвичей, за недостаткомъ документальныхъ данныхъ, установить нельзя. Свидѣтели иноземнаго владычества въ Москвѣ говорятъ о множествѣ пытокъ, которымъ подвергали остававшихся въ Москвѣ священниковъ и монаховъ, у которыхъ вымучивали указанія, гдѣ были скрыты церковныя и монастырскія сокровища. Мученическая смерть за это священника церкви Сорока Мучениковъ установлена: его истерзанное тѣло было похоронено въ Новоспасскомъ монастырѣ...

Въ Успенскомъ соборѣ.



Если москвичи и жители окрестныхъ селъ убивали не мало враговъ, то это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что творили послѣдніе.

Наполеонъ отлично понялъ все гибельное значеніе занятія Москвы и самъ сталъ предлагать императору Александру I заключить миръ. Глубоко взволнованный тѣмъ, что не получалъ отвѣта, онъ старался скрыть отъ окружающихъ свою тревогу разговорами, что предприметъ походъ на Петербургъ, что раздѣлитъ Россію на прежнія удѣльныя княжества и раздастъ ихъ своимъ маршаламъ и русскимъ боярамъ. Для демонстрированія своего мнимаго спокойствія, устраивалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ концерты, а на Никитской, въ домѣ Позднякова, французскіе спектакли, и самъ съ своими маршалами посѣтилъ на Преображенскомъ кладбищѣ раскольниковъ, которые присягнули ему на подданство. Втайнѣ же онъ приготовлялся покинуть Москву. Отправленіе изъ нея въ началѣ октября авангарда Мюрата было уже началомъ очищенія Москвы, но оно совершено было съ большою поспѣшностью, потому что 5 октября Мюратъ былъ разбитъ Кутузовымъ при Тарутинѣ.

На прощанье съ нашей столицей Наполеонъ обнаружилъ всю низость своего мстительнаго озлобленія: онъ отдалъ приказаніе приготовить громадный взрывъ Кремля, съ его соборами, дворцами, стѣнами и башнями, чтобы не оставить камня на камнѣ въ этомъ средоточіи нашей исторіи и всероссійскихъ святынь. Пикетамъ отданъ былъ заранѣе приказъ не допускать въ окрестности Кремля и тѣхъ немногихъ русскихъ, коимъ прежде были выданы пропуски. Въ самомъ Кремлѣ са-

Наполеонъ на Кремлевской стѣнѣ.

перы всюду копали траншеи и въ нихъ закладывали пороховыя мины съ фитилями.

Ночью на 7 октября началось выступленіе, представлявшее печальную картину выхода перегруженныхъ добычей грабителей, и окончилось 10 октября. Послѣднимъ выступилъ изъ Москвы отрядъ начальника аріергарда Мортье. Нѣкоторые изъ непріятелей, объятые жалостью, предупреждали, впрочемъ, глухо, москвичей, быть на слѣдующій день подальше отъ Кремля, а одинъ гвардеецъ даже прямо сказалъ городскому головѣ Находкину: «спасайтесь, если можете. Кремль будетъ взорванъ. Все приготовлено»... Страшная тревога распространилась среди оставшихся въ Москвѣ русскихъ.

На 11 октября на Москву налегла темная ночь съ ливнемъ. Вдругъ ночную тишь прорѣзали одинъ за другимъ три пушечныхъ выстрѣла. Это изъ-за Калужской заставы подавалъ сигналы маршалъ Мортье. Въ Кремлѣ раздался потрясшій всю Москву и ея землю первый взрывъ, за которымъ одинъ за другимъ слѣдовали 6 другихъ взрывовъ. Въ окрестныхъ домахъ провалились потолки, потрескались стѣны, не только полопались стекла, но и вылетѣли рамы. Отъ землетрясенія людей сбрасывало съ постелей. Охваченные страхомъ люди выбѣгали изъ своихъ убѣжищъ и подъ проливнымъ дождемъ стояли на площадяхъ и улицахъ и успокоились, когда стало свѣтать и когда заблестѣли кресты Кремлевскихъ соборовъ. Но скоро звонъ въ церквахъ, начавшійся съ Страстного монастыря, возвѣстилъ всѣмъ, что Москва свободна...

Выѣздъ
Наполеона
изъ
Москвы.

Хотя далеко не всѣ подкопы взорвались, но центръ Москвы носилъ страшные слѣды разрушенія. По берегу Москвы-рѣки дома были облѣплены вонзившимися въ стѣны осколками камней. Рѣка засеребрилась отъ множества мертвой всплывшей рыбы. Никольская башня наполовину была разрушена, но надъ ея воротами остался невредимымъ образъ Чудотворца Николая, даже стекло, покрывавшее его, и фонарь, висѣвшій предъ нимъ, были, къ изумленію всѣхъ, цѣлы. Арсеналъ былъ разрушенъ. Зданіе сената было сильно изуродовано, филаретовская пристройка къ Ивану Великому была взорвана. Но соборы были всѣ цѣлы: въ минныхъ подкопахъ фитили были потушены, вѣроятно, ночнымъ ливнемъ, и изъ траншей было вынуто 60 пудовъ пороху. Взорваны были: Грановитая палата, дворецъ, комендантскій домъ и Алексѣевская башня. Въ Кремлевскихъ стѣнахъ зіяло пять большихъ проломовъ.

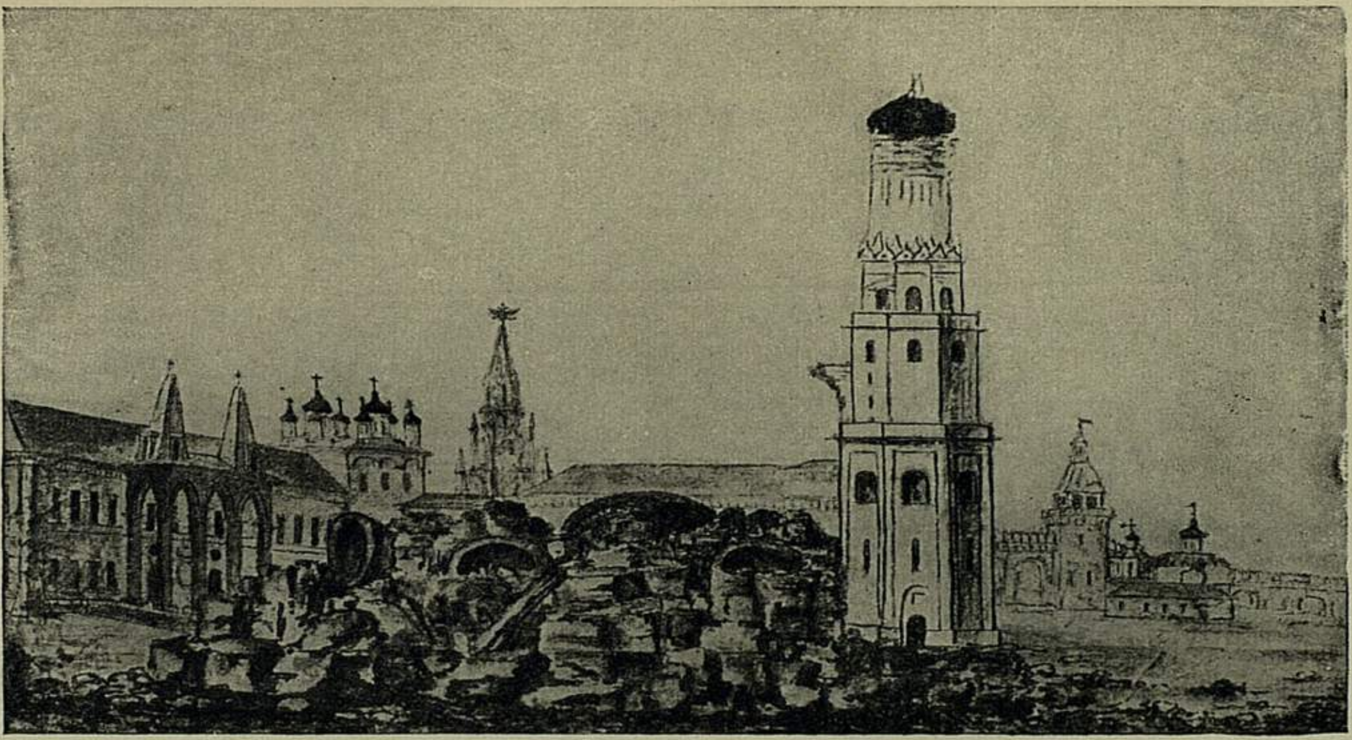
Несмотря на это, московскіе скитальцы собрались въ храмахъ и съ радостными слезами благодарили Бога за освобожденіе Москвы. Подошедшіе къ Москвѣ казаки генерала Иловайскаго заняли городъ, и скоро здѣсь началъ устанавливаться порядокъ. Возвратился сюда преосвященный Августинъ и привезъ святыни. Пріѣхалъ и графъ Ростопчинъ. Стало возвращаться населеніе. Но потребовалось нѣсколько лѣтъ, чтобы поднять Москву изъ пепла и развалинъ. И этотъ процессъ ея возсозданія былъ въ своемъ родѣ третьимъ ея основаніемъ, если за второе принять ея возстановленіе, за 200 лѣтъ передъ этимъ, при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, которому пришлось обстраивать Москву послѣ страшной разрухи междуцарствія и польскаго владычества.

Вотъ итоги лихолѣтья 1812 года: изъ 9158 домовъ уцѣлѣло 2626, а изъ 8520 магазиновъ—1368. Изъ 290 храмовъ сгорѣло 127, а остальные 115 были ограблены и изуродованы. Только на улицахъ (кромѣ колодцевъ, погребовъ и ямъ) валялось 11,959 человѣческихъ труповъ и 12,546 лошадиныхъ.

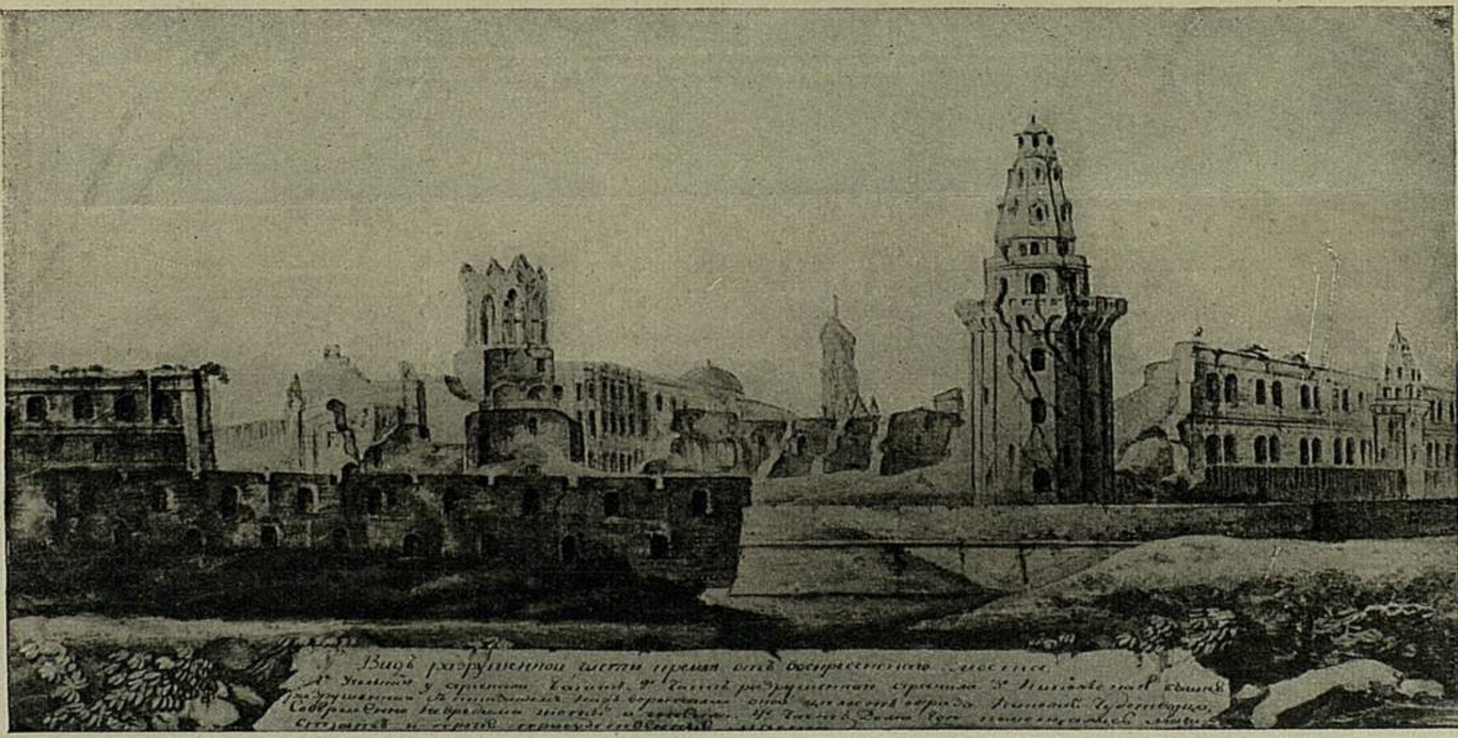
Видъ Москвы былъ ужасенъ: на мѣстѣ деревянныхъ домовъ стояли остовы печей и дымовыхъ трубъ; на мѣстѣ каменныхъ—обгорѣлыя стѣны; большая часть церквей стояли обезглавленныя, а колокольни безъ колоколовъ, или расплавленныхъ пожаромъ, или упавшихъ на землю.

Но поразителенъ и процессъ возрожденіе Москвы. Москва, не будучи правительственнымъ центромъ, а оставаясь только помѣщичьимъ и купеческимъ городомъ, обнаружила великую силу возсозданія, почти въ той же мѣрѣ, въ какой проявлялась она въ 1613 году, при первомъ Государѣ изъ Дома Романовыхъ, царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ. Уже въ 1812 году, когда архіепископъ Августинъ въ декабрѣ мѣсяцѣ устроилъ первый крестный ходъ изъ Кремля въ память освобожденія Москвы, кипѣли здѣсь плотничныя работы, а къ веснѣ 1613 года сюда стали стекаться огромныя массы каменщиковъ.

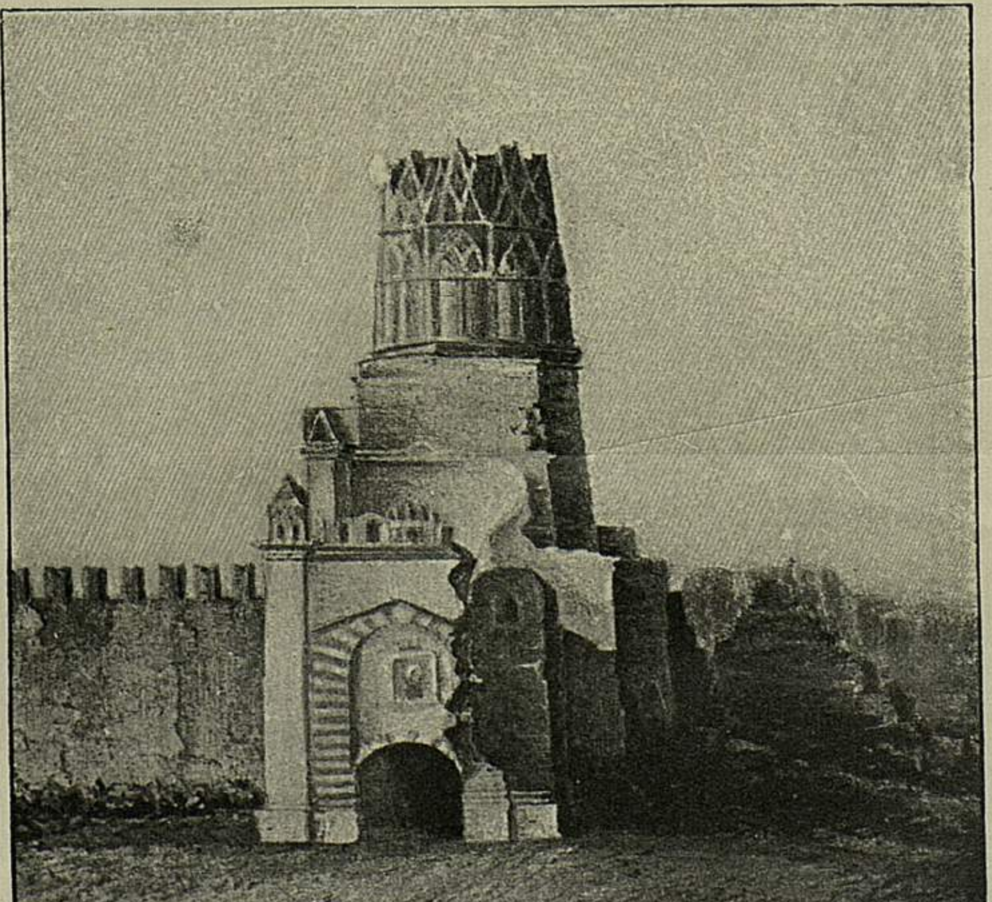
Начавшія снова выходить «Московскія Вѣдомости» писали о Москвѣ въ своемъ номерѣ отъ 25 декабря 1812 года слѣдующее: «Нѣтъ мѣста, годнаго для жилья, которое не было бы уже занято. Торговля и промышленность распространяются съ удивительной быстротой. Построено



Взрывъ Ивановской колокольни.

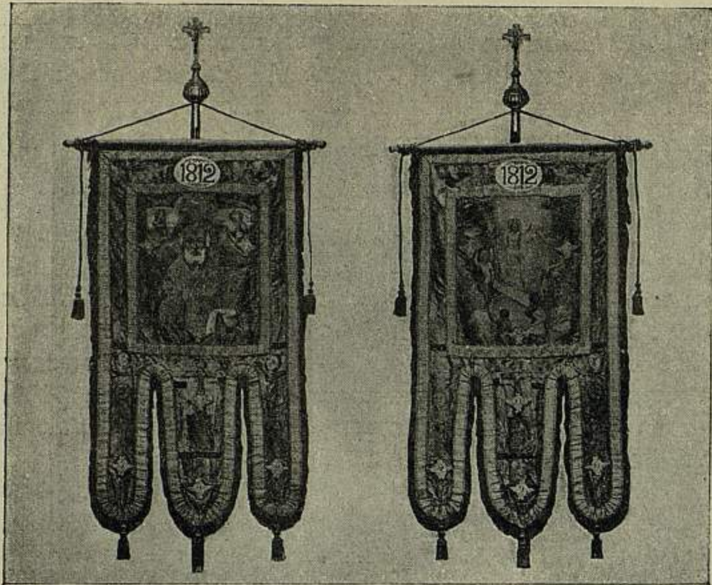


Взрывъ стѣнъ Кремлевскихъ.



Взорванная Никольская башня.

Вступленіе
Русскаго
войска въ
Кремль.
Современный
рисунокъ.



Знамя Московскаго ополченія.

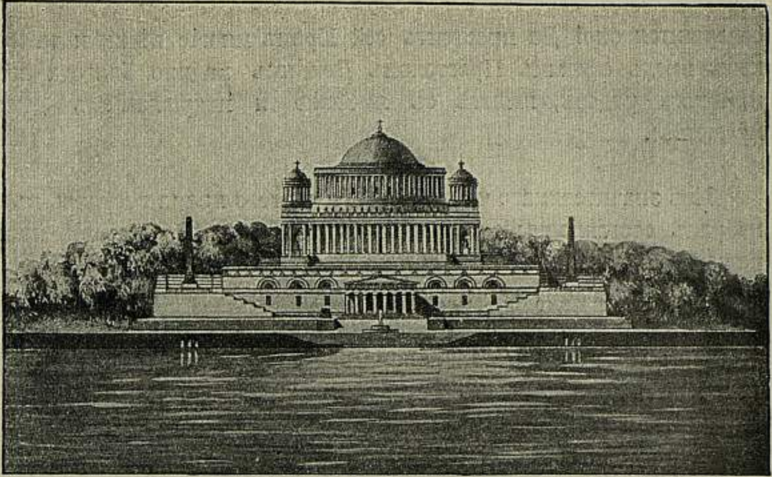
до 2800 временныхъ лавокъ, и вся торговая площадь наполнена безчисленнымъ множествомъ продавцовъ и покупателей».

Императоръ Александръ I высоко цѣнилъ жертвы и заслуги Москвы въ великомъ дѣлѣ освобожденія Россіи отъ нашествія «двадесяти языкъ», съ ихъ грознымъ предводителемъ. Онъ выразилъ это въ слѣдующемъ своемъ манифестѣ, 30 августа 1818 года.

Первопрестольной столицѣ Нашей Москвѣ.

Въ достопамятный навсегда 1812 годъ, когда настояла надобность спасти Отечество отъ нашествія сильнаго и многочисленнаго врага, Мы, во изъявленіе уваженія Нашего къ сей Первопрестольной, древней Россійской столицѣ обратились съ воззваніемъ Нашимъ наипервѣе къ ней и не умедлили Сами предстать посреди оной. Усердіе и ревность ея соотвѣтствовали Нашему ожиданію. Мы видѣли нещадящую никакихъ пожертвованій горячую любовь ея къ Намъ и отечеству. Претерпѣнное потомъ ею отъ руки злодѣйства крайнее бѣдствіе и разореніе уязвило сердце Наше глубокою печалію, Но управляющій судьбами народовъ, Всемогущій Богъ, избралъ ее, да страданіемъ своимъ избавитъ она не токмо Россію, но и всю Европу. Пожаръ ея былъ заревомъ свободы всѣхъ царствъ земныхъ. Изъ поруганія святыхъ храмовъ ея возникло торжество вѣры. Подорванный злобою Кремль, обрушась, раздавилъ главу злобы. Тако Москва и подвигами и вѣрностію и терпѣніемъ своимъ показала примѣръ мужества и величія. Имѣя все сіе запечатлѣннымъ въ умѣ и въ сердцѣ Нашемъ, Мы съ отеческою къ ней любовію даже и во время самой войны не преста-

Храмъ
Христа
Спасителя
по проекту
Витберга.



вали пещися о всевозможномъ воспоможенiи разоренным ея жителямъ и во всѣхъ повелѣнiяхъ Нашихъ главноначальствующему надъ Москвою о томъ подтверждали. Нынѣ же, по окончанiи столь многотрудной войны, по приведенiи въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ Европейскихъ и по нѣкоторомъ необходимо-нужномъ пребыванiи Нашемъ въ С.-Петербургѣ, восхотѣли Мы, какъ скоро могли, посѣтить сiю достопочтенную дѣлами и древностiю столицу Нашу, дабы лично обозрѣть ея состоянiе и нужды, а притомъ ознаменовать предъ цѣлымъ свѣтомъ незабвенныя заслуги ея, Божескимъ благословенiемъ осѣняемыя, чужеземными державами уважаемыя и толико достойныя любви и благодарности отъ Насъ и всего отечества. Для преданiя въ потомственныя времена толь достославныхъ ея дѣянiй, повелѣваемъ сiю грамоту, всенародно изъявляющую ей Нашу признательность, хранить въ Московскихъ департаментахъ Сената.

«АЛЕКСАНДРЪ».

Но еще ранѣе этого манифеста государь 25 декабря 1812 года рѣшилъ воздвигнуть въ Москвѣ, въ память отечественной войны всероссiйскiй памятникъ, въ видѣ храма Христа Спасителя, и въ манифестѣ своемъ высказалъ слѣдующее:

«Въ сохраненiе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердiя, вѣрности и любви къ Вѣрѣ и къ Отечеству, какими въ сiи трудныя времена превознесъ себя народъ Россiйскiй, и въ ознаменованiе благодарности Нашей къ Промыслу Божiю, спасшему Россiю отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились Мы въ Первопрестольномъ градѣ Нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа, подробное о чемъ постановленiе возвѣщено будетъ въ свое время. Да благословитъ Всевышнiй начинанiе Наше! Да

совершится оно! Да простоитъ сей Храмъ многіе вѣки, и да курится въ немъ предъ святымъ Престоломъ Божіимъ кадило благодарности позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ дѣламъ ихъ предковъ».

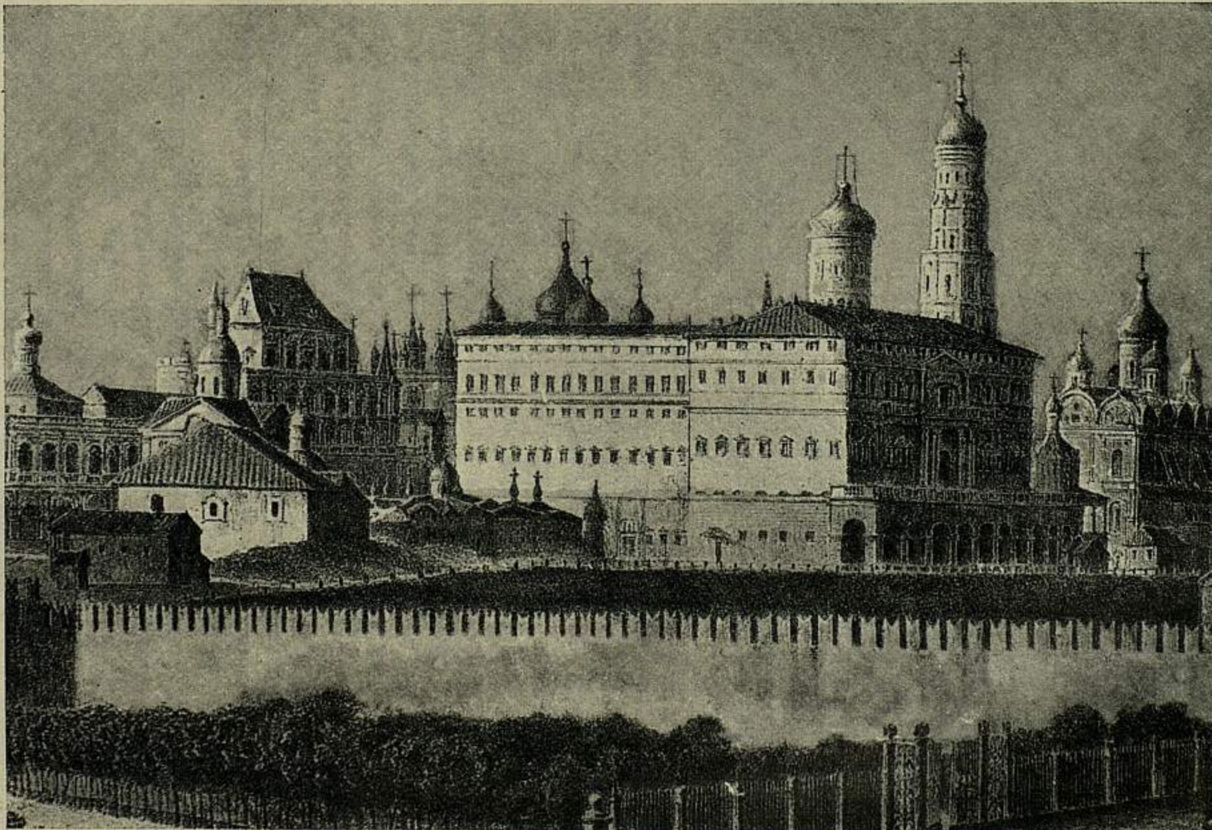
Изъ значительнаго числа проектовъ этого храма государь въ 1816 году избралъ составленный академикомъ живописи Витбергомъ проектъ, поражающій своей колоссальностью. Мѣстомъ для сооруженія храма были избраны Воробьевы горы, между Смоленскою дорогою, по которой пришелъ Наполеонъ, и Калужской, по которой ушелъ. Вышина храма отъ вершины горы до креста равнялась 80 саженямъ, а отъ подошвы горы 110. Храмъ долженъ былъ состоять изъ трехъ ярусовъ, или трехъ храмовъ. Нижній, въ видѣ параллелограмма, углублялся въ землю горы и посвящался Рождеству Христову. Въ его катакомбы предполагалось перенести кости убитыхъ въ 1812 году воиновъ. По обѣимъ сторонамъ нижняго храма, простиралась колоннада въ 300 саженъ, предназначенная для исторіи побѣдъ отечественной войны и манифестовъ того времени. На концахъ ея предполагалось поставить два памятника, изъ коихъ одинъ изъ пушекъ, отбитыхъ у Наполеона во время его похода по Россіи, а другой изъ взятыхъ во время нашихъ походовъ противъ него за границей до самаго взятія Парижа. Средній храмъ въ формѣ креста посвящался Преображенію Господню, а верхній въ видѣ круга Воскресенію Христову. Изображая всю земную жизнь Христа Спасителя, храмъ этотъ трехчастнымъ своимъ составомъ символизовалъ, по мысли художника, тѣло, душу и духъ человѣка. Исполинскій храмъ вѣнчался большою главой и четырьмя меньшими, на которыхъ предполагалось помѣстить 48 колоколовъ и подобрать ихъ такъ, чтобы звонъ ихъ составилъ четыре музыкальныхъ аккорда.

12 октября 1817 года, въ присутствіи государя, царской фамиліи и прусскаго принца Вильгельма, впослѣдствіи императора германскаго Вильгельма I, состоялась торжественная закладка храма-памятника. Начались уже работы по его постройкѣ, затрачены были 4 слишкомъ милліона на нее, но грунтъ для такого тяжелаго сооруженія оказался слабымъ, и послѣ смерти Александра I рѣшено было прекратить работы на Воробьевыхъ горахъ и избрать новое мѣсто для храма Христа Спасителя.

Императоръ Александръ I, не смотря на истощеніе государственной казны войнами, дѣятельно занимался возстановленіемъ Кремля, его башенъ, стѣнъ, дворца и соборовъ. Онъ приказалъ пріобрѣсти у митрополичьяго каѳедральнаго Чудова монастыря домъ митрополита Платона и, обратить его во дворецъ, подарилъ его своему брату великому князю Николаю Павловичу. Надъ этимъ зданіемъ былъ надстроенъ новый этажъ.

Съ любовью относясь къ возстановленію Москвы изъ развалинъ, Александръ Павловичъ, не смотря на множество дѣлъ, часто посѣщалъ ее. Такъ прибылъ онъ сюда послѣ Вѣнскаго конгресса 15 августа 1816 года и пробылъ здѣсь до своихъ именинъ, 30 числа, когда подписалъ вышеприведенный

Кремлевскій дворецъ при Императорѣ Александрѣ I. Съ старинной гравюры.



Николаев-
скій
дворецъ.

манифестъ. Эти двѣ недѣли сдѣлались однимъ сплошнымъ народнымъ праздникомъ въ честь освободителя отечества и умиротворителя Европы. Въ слѣдующемъ 1817 году онъ прибылъ сюда со всею царскою фамиліей и прожилъ здѣсь до описанной выше закладки храма Христа Спасителя. Въ февралѣ 1818 года онъ снова посѣтилъ Москву и 20 числа съ большимъ торжествомъ открылъ на Красной площади памятникъ Минину и Пожарскому, изваянный скульпторомъ Мартосомъ. Одинъ изъ барельефовъ памятника изображалъ сборъ пожертвованій въ Нижнемъ-Новгородѣ, а другой—выходъ въ 1612 году поляковъ изъ Кремля. Отсюда государь уѣхалъ въ Варшаву. Въ это время, именно 17 апрѣля, родился въ Николаевскомъ дворцѣ великій князь (будущій императоръ) Александръ Николаевичъ. Крещеніе, къ которому снова прибылъ государь, происходило 5 мая въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ новокрещеный былъ положенъ на мощи святителя Алексія.

16-го іюня прибылъ въ Москву Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ съ упомянутымъ выше принцемъ Вильгельмомъ.

При встрѣчѣ ихъ у дворца великая княгиня Александра Өеодоровна взяла у кормилицы новорожденнаго Александра Николаевича и передала его Фридриху Вильгельму, при чемъ императоръ сказалъ прусскому королю: «Этотъ ребенокъ родился въ Кремлѣ, въ древнемъ дворцѣ Русскихъ царей, недалеко отъ колыбели фамиліи Романовыхъ и близъ святыхъ Иверскихъ воротъ, гдѣ чудотворный образъ Богоматери бодрствуетъ и печется о судьбахъ этого города и Россіи». Эти слова государя произвели глубокое впечатлѣніе, и Фридрихъ Вильгельмъ много разъ повторялъ ихъ близкимъ людямъ. Прусскій король, прогуливавшійся по Москвѣ и верхомъ и пѣшкомъ, удивлялся городу, какъ фениксъ возрождавшемуся изъ пепла съ чрезвычайной быстротой. Однажды, любуясь

съ Краснаго крыльца видомъ Москвы и сiявшими на солнцѣ куполами церквей, онъ сказалъ: «съ Москвой не можетъ соперничать ни одинъ городъ». «Да, — сказалъ стоявшiй около него императоръ Александръ,—это—святой городъ».

Памятникъ Минину и Пожарскому.

Этотъ государь оставилъ въ Москвѣ по себѣ память еще слѣдующимъ: въ Кремлѣ, на мѣстѣ Царе-борисовскаго дворца, гдѣ нынѣ находятся казармы, предъ которыми разставлены огромныя орудiя, начиная съ царь пушки, былъ, подъ наблюденiемъ князя Цицiанова архитекторомъ Еготовымъ выстроенъ домъ для Оружейной палаты, которая и находилась здѣсь до 1851 года. Въ свое время это огромное зданiе, по карнизамъ, украшено было статуями и бюстами. Здѣсь были и Добрыня Никитичъ, и князь Холмскiй, и Ординъ-Нащокинъ, и бояринъ Матвѣевъ, и князь Голицынъ (времени царевны Софiи) и друг. На барельефахъ были изображены: прiемъ пословъ разныхъ исповѣданiй св. Владимiромъ, принесенiе Владимiру Мономаху царскихъ принадлежностей, покоренiе Казани, побѣды надъ турками при Чесмѣ и Кагулѣ. Впослѣдствiи всѣ эти украшенiя были сняты, и зданiе было обращено въ казармы.

При Александрѣ I были отстроены сожженный со всѣми вспомогательными учрежденiями, университетъ и университетская типографiя на Страстномъ бульварѣ. Заботясь о томъ, чтобы московское войско имѣло для своихъ упражненiй въ непогожее время крытое помѣщенiе, государь приказалъ построить на Моховой противъ университета экзерциргаузъ и изъ многихъ проектовъ этого зданiя избралъ составленный генераломъ Бетанкуромъ. Производство работъ было поручено генералу Карбоньеру, который построилъ это смѣлое и красивое по архитектурѣ зданiе въ полгода. Между тѣмъ оно охватываетъ почти 80 саженъ въ длину, 21 въ ширину и имѣетъ огромную потолочную площадь не поддерживаемую внутренними столбами. Ширина его стѣнъ $4^1/_4$ аршина, а фундаментъ углубленъ на 2 сажени. Въ царствованiе Александра I прiобрѣтено было у содержателя частнаго театра въ концѣ Петровки, Медокса мѣсто, гдѣ находилось его сгорѣвшее театральное зданiе. Здѣсь министерство двора въ 1824 году построило великолѣпное зданiе Большого театра, которое, перестраиваемое послѣ пожаровъ, существуетъ до сихъ поръ.

Въ чертѣ Земляного города въ царствованiе Александра Павловича въ 1805 году были построены слѣдующiя гражданскiя зданiя: Александров-

Великій Князь Александръ Николаевичъ.

скій институтъ, на который государь пожертвовалъ 400,000 тысячъ, его церковь во имя св. Александра Невскаго была освящена въ 1812 году; училище ордена св. Екатерины, въ память императрицы Екатерины II; Вдовій домъ, построенный на средства Воспитательнаго дома, въ память благотворительности императрицы Маріи Өеодоровны; Маріинская больница; Лазаревскій институтъ и, наконецъ, огромныя Покровскія казармы.

Въ это же царствованіе основаны страннопріимный домъ и больница графа Шереметева. Эти учрежденія, созданныя графомъ Николаемъ Петровичемъ, по мысли его супруги Прасковьи Ивановны, помѣщаются въ прекрасномъ, по архитектурному стилю, зданіи. Главный его корпусъ имѣетъ форму полукруга. Въ галлереяхъ на лицевую и заднюю сторону устроены палаты для призрѣваемыхъ. Въ самой срединѣ лицевого корпуса устроена изящная совнѣ и внутри церковь. Это стильное зданіе не было сожжено и обезображено въ 1812 году, потому что здѣсь жилъ какой-то изъ маршаловъ Наполеона.

Нашествіе на Россію полчищъ запада произвело у насъ немалый переворотъ, сказавшійся подъемомъ нашего національнаго духа въ государѣ, правящемъ классѣ и даже въ литературѣ, что особенно замѣтно на Карамзинѣ и Крыловѣ и друг.; но стиль построекъ александровскаго времени остался попрежнему подражательнымъ: дома строились и украшались совнѣ и внутри въ стиляхъ классическомъ и empire.

Москва горячо любила императора Александра Благословеннаго и трогательно встрѣтила и проводила его гробъ, когда онъ былъ перевозимъ въ Петербургъ изъ Таганрога, гдѣ скончался 19 ноября 1825 года этотъ освободитель Москвы, Россіи и Европы отъ владычества Наполеона. Незадолго до своей кончины государь назначилъ въ Москву, въ санѣ архіепископа, святителя Филарета, который, возведенный въ санъ митрополита, въ теченіе полувѣка оказывалъ сильное вліяніе на московскую религіозно-нравственную жизнь.

Въ память императора Александра I, его братъ и преемникъ на пре-

Оружейная палата Императора Александра I.

столѣ, Николай Павловичъ у Тверской заставы выстроилъ въ 1826 году Тріумфальныя ворота. Латинская и русская надпись гласитъ, что они посвящены «священной памяти императора Александра I, возстановившаго Москву изъ пепла и развалинъ».

Тріумфальныя ворота.

При императорѣ Николаѣ I въ Москвѣ изглаживались послѣдніе слѣды разрухи 1812 года; сама она ширилась въ своемъ пространствѣ и населеніи и дѣлала дальнѣйшіе успѣхи въ своей культурности. Правда, глубокихъ перемѣнъ въ ней не было: она попрежнему оставалась дворянско-купеческимъ центромъ, къ которому тяготѣла Россія. Но то, что было въ предшествующее царствованіе временнымъ взрывомъ и проявленіемъ русскихъ національныхъ стремленій, стало при національно-консервативномъ направленіи государя постояннымъ и господствующимъ ея направленіемъ. Въ эту пору образованность Москвы сильно подвинулась впередъ. Университетъ блисталъ такими профессорами, какъ Погодинъ, Шевыревъ, Соловьевъ, Грановскій, Катковъ, Леонтьевъ, Иноземцевъ и другіе. Журналистика Москвы подвинулась впередъ, благодаря журналамъ профессора Надеждина («Молва» и «Телескопъ») и Полевого («Московскій телеграфъ»). Сюда тяготѣли литературные урожденцы и не урожденцы Москвы, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Вяземскій, Батюшковъ, С. Аксаковъ, Кирѣевскій, Гоголь, Герценъ, Тургеневъ и другіе. Здѣсь сложились вліятельные кружки западниковъ и славянофиловъ. Во главѣ первыхъ стоялъ Станкевичъ и Грановскій, во главѣ вторыхъ Кирѣевскій, Аксаковъ и Самаринъ. Въ Москвѣ процвѣталъ и театръ, на которомъ блистали такія звѣзды, какъ Мочаловъ, Каратыгинъ, Щепкинъ, Садовскій, Шумскій и другіе. Вообще за это время Москва, какъ культурный центръ, стала вліятельнѣе Петербурга.

Николай I, любившій Москву, что онъ показалъ особенно своими заботами о ней въ холеру 1830 года, много трудовъ посвящалъ ея украшенію. Главными его постройками въ Москвѣ, характеризующими его, эпоху были Большой Московскій дворецъ и храмъ Христа Спасителя: они болѣе носятъ на себѣ русскій характеръ, чѣмь сооруженія XVIII и начала XIX вѣковъ.

Много заботъ посвятилъ императоръ Николай I Кремлю. Прежде всего онъ возстановилъ разрушенный Арсеналъ и вдоль стѣнъ его приказалъ разставить подъ русскими орлами трофеи 1812 года—пушки отбитыя у «великой арміи». Ихъ всего 875; принадлежали онѣ не однимъ французамъ, а и австрійцамъ, пруссакамъ, итальянцамъ и друг.

Императоръ Николай I.

Новою постройкою этого государя въ Кремлѣ является зданіе Оружейной палаты, на мѣстѣ древняго конюшеннаго приказа, куда были перенесены государственныя драгоцѣнности и древности изъ зданія, построеннаго императоромъ Александромъ I на мѣстѣ Царе-борисовскаго двора и обращеннаго въ казармы. Оно прежде не отапливалось и мало было приспособлено для храненія древностей. Николаевская Оружейная палата была окончена въ 1851 году. Ему же принадлежитъ и постройка кавалерскаго корпуса, размѣщающаго служащихъ при дворѣ.

Но самою главною и самою характерною для Николаевскаго стиля постройкой является Большой Кремлевскій дворецъ.

«Кремлевскій дворецъ мой,—писалъ императоръ Николай Павловичъ, по случаю освященія въ 1849 году своего новаго сооруженія,—изящное

Николай I
въ Москвѣ
въ холеру
въ 1831 году.

произведеніе зодчества, будетъ новымъ достойнымъ украшеніемъ любезной моей древней столицы, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ окружающимъ его зданіямъ, священнымъ для насъ и по соединеннымъ съ ними воспоминаніямъ вѣковъ минувшихъ и великихъ событій отечественной исторіи». Величаво глядитъ онъ въ высоты Кремлевскаго холма на разстилающіеся предъ нимъ городъ и рѣку и съ своимъ золотымъ куполомъ и шпилемъ очень издалека виденъ и гармонично сливается съ древними кремлевскими сооруженіями. Чѣмъ-то русскимъ, какъ и отъ музыки Глинки, вѣетъ отъ этого дворца.

Въ громадномъ четвероугольникѣ, занимающемъ десятину съ четвертью, дворецъ Николая I охватилъ собою древніе терема, старинныя дворцовыя церкви и находящійся на внутреннемъ дворѣ храмъ Спаса на Бору. Дворецъ заключаетъ въ себѣ до 700 комнатъ, которыя раздѣляются на парадныя, съ главными залами: Георгіевской, Александровской, Андреевской и Владимірской (въ два свѣта, почему дворецъ представляется трехъэтажнымъ), и жилыя (государя и государыни, наслѣдника, фрейлинъ и другихъ придворныхъ). Главный фасадъ обращенъ на югъ къ Москвѣрѣкѣ. Восточной стороной онъ соединяется съ Грановитой палатой, съ сѣверной стороны съ теремами, и западной съ Оружейной палатой, переходъ которой обращенъ въ зимній садъ. Нижній этажъ дворца устроенъ выступомъ, отъ чего во второмъ этажѣ образуется громадная терраса, съ которой открывается прекрасный видъ на Москву и ея окрестности. При закладкѣ дворца, 30 іюня 1838 года, подъ цоколь угла, гдѣ находится кабинетъ Его Величества, положена была металлическая доска съ надписью: «Заложенъ въ царствованіе Императора Николая I, подъ управленіемъ министра императорскаго двора генерала отъ-инфантеріи князя Петра Волконскаго и оберъ-гофмейстера барона Боде. Строителемъ былъ архитекторъ Константинъ Тонъ». Его проектъ лично разсматривалъ, исправлялъ и утверждалъ самъ государь. 3 апрѣля 1849 года, въ день

Большой Кремлевскій дворецъ (оконченъ въ 1849 году).

пасхи, въ присутствіи государя и всей царской фамиліи совершилось освященіе новаго дворца.

Въ остальныхъ частяхъ своихъ Москва не подражала примѣру императора Николая I, очевидно, желавшаго освободиться въ зодчествѣ отъ западныхъ стилей: она, по прежнему, въ частномъ строительствѣ, шла по линіямъ ренесанса, бароко, рококо и ампира, дѣлая иногда изъ нихъ антихудожественныя смѣшенія. Въ самомъ быту своемъ, въ высшихъ классахъ она западничала, а въ низшихъ слояхъ, за Москвой-рѣкой, придерживалась той старины, которую впослѣдствіи сталъ выводить Островскій въ своихъ комедіяхъ изъ московскаго купеческаго быта. Попытка К. С. Аксакова, уже послѣ смерти императора Николая Павловича, ходить въ русскаго покроя одеждѣ, напоминавшей русское обмундированіе ратниковъ ополченія въ Севастопольскую войну, считалась въ интеллигентной средѣ чудачествомъ и кривляньемъ.

Но, несомнѣнно, самъ государь тяготѣлъ къ старинѣ, что видно изъ того, что онъ очень заботливо относился къ реставраціи старинныхъ придворныхъ храмовъ и царскихъ теремовъ. Тѣ же его влеченія сказались и въ выработкѣ новаго плана для постройки на новомъ мѣстѣ обѣтнаго храма Христа Спасителя въ память войны 1812 года.

Прекративъ въ 1827 году всѣ работы по постройкѣ этого храма на Воробьевыхъ горахъ, государь самъ выбралъ мѣсто для новаго сооруженія, вблизи Кремля на Волхонкѣ, на берегу Москвы-рѣки, гдѣ стоялъ Алексѣевскій женскій монастырь, перенесенный по Высочайшему повелѣнію за Красный прудъ. Составленіе проекта храма поручено было архитектору Тону, а провѣрка его и осуществленіе особому комитету.

Отвѣчая мыслямъ государя, зодчій этотъ отрѣшился отъ колоннъ и обелисковъ Витберговскаго проекта, а также отъ его мистическо-христіанскихъ идей и въ основу своего плана положилъ близкіе нашему народу образцы русско-византійскихъ храмовъ и, примѣняясь къ нимъ, выработалъ совсѣмъ иной храмъ-памятникъ. Основаніе храма представляетъ квадратъ,

Митрополитъ Филаретъ.

имѣющій съ каждой стороны по выступающему порталу, что придаетъ ему видъ четырехконечнаго креста. Зданіе увѣнчивается пятью главами, изъ которыхъ средняя превосходитъ остальныя своими грандіозными размѣрами: она поставлена на огромной круглой съ большими окнами трибунѣ и видна за много верстъ отъ Москвы. Двѣ четырехъ-угольныя трибуны меньшихъ главъ служатъ колокольнями. Внѣшнія стѣны храма украшаются мраморными горельефами, избрать содержаніе коихъ было представлено митрополиту Филарету, а исполненіе скульпторамъ Рамазанову, Логиновскому и Клодту. Бронзовыя двери съ изображеніемъ святыхъ были поручены скульптору графу Толстому. Алтари должны быть устроены изъ бѣлаго мрамора, внутреннія стѣны а также коридоры облицованы разноцвѣтными мраморами.

Высота храма опредѣлена въ 48½ саженъ, пространство, занимаемое имъ, въ 1500 саженъ, а стоимость въ 15 милліоновъ.

10-го сентября была торжественно совершена закладка грандіознаго храма. Но императору Николаю I суждено было лишь выстроить наружныя

Николаевскій вокзалъ.

стѣны его, а сложная внутренняя отдѣлка выпала на долю его сына императора Александра II и внука—Александра III.

Важное значеніе для Москвы имѣла постройка Николаевской желѣзной дороги, перваго, если не считать Царскосельскую вѣтку, рельсового пути въ Россіи. Она, вмѣсто нѣсколькихъ сутокъ путешествія въ сѣверную столицу на лошадяхъ, приблизила ее къ намъ до одного суточнаго переѣзда, чрезъ что вліяніе Петербурга на Москву очень усилилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ это сооруженіе Императора Николая I положило начало созданію у насъ цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, средоточнымъ узломъ которыхъ сдѣлалась наша столица, вслѣдствіе чего увеличилось ея притягательное значеніе для всѣхъ отраслей русской жизни, на югѣ, западѣ и востокѣ, до Сибири включительно. Но прежде дальнѣйшаго соединенія Москвы рельсовыми путями со всѣми окраинами Россіи, москвичамъ пришлось пережить Севастопольскую войну, повлекшую за собою очень много перемѣнъ въ нашемъ отечествѣ.

Москва патріотически встрѣчала и провожала войска и ратниковъ разныхъ ополченій въ Крымъ, прилежно изготовляла перевязочныя средства для раненыхъ, собирала для нихъ щедрыя пожертвованія, но мало думала о готовившихся важныхъ перемѣнахъ въ Россіи.

Для нея самая кончина Николая I въ разгаръ Севастопольской войны была неожиданностью. Равнымъ образомъ для громаднаго большинства нашего населенія неожиданна была и перемѣна консервативнаго направленія скончавшагося императора на новое, проводникомъ коего явился его благостный сынъ, москвичъ, по рожденію, Императоръ Александръ II. Радостными надеждами на реформы встрѣтила его въ Москвѣ интелигенція, какъ западническаго, такъ и славянофильскаго типа.

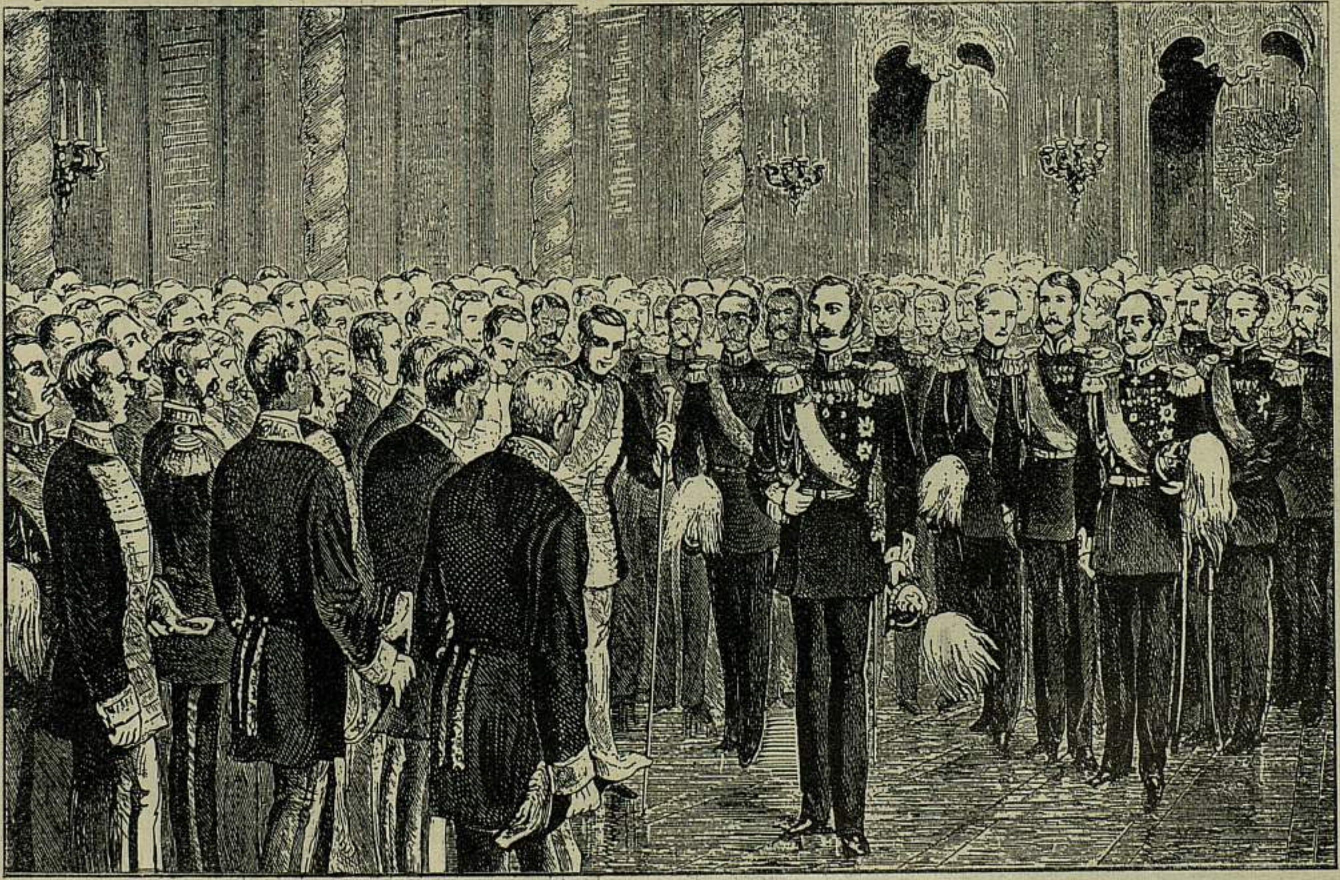
Послѣ заключенія Парижскаго мира и коронаціи новаго Государя, среди сверхнародныхъ элементовъ, повѣяло новымъ духомъ; Московское общество, въ клубахъ, открытыхъ домахъ, и московская печать, сильно заговорили о преобразованіяхъ, главнымъ базисомъ которыхъ должно было стать освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Однако иниціатива этого важнаго дѣла принадлежала самому Государю. 30-го марта 1856 года, принимая въ Москвѣ предводителей дворянства, Александръ Николаевичъ передалъ имъ, что положеніе крестьянъ не останется неизмѣннымъ и что дворянству необходимо принять это въ соображеніе. Большинство московскаго дворянства стало на сторону этого преобразованія и изъ своей среды выставило такихъ работниковъ по подготовкѣ этой реформы, какъ князь Черкасскій, Юрій Самаринъ и другіе. 5-го марта 1861 года, въ прощенное воскресенье, былъ объявленъ въ Москвѣ мани-

Храмъ
Христа Спасителя.

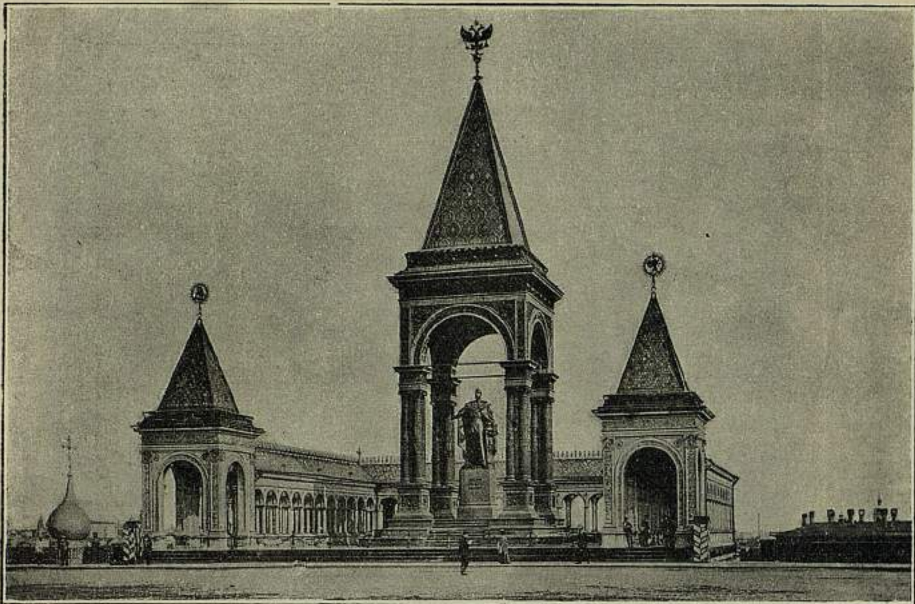
Императоръ Александръ II.

фестъ, 19-го февраля, изложенный, по порученію Государя знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ. Вопреки опасеніямъ мирно прошло въ Москвѣ и объявленіе манифеста и его осуществленіе въ Московской губерніи. Точно также высшіе слои московскаго общества очень сочувственно относились и къ дальнѣйшимъ реформамъ этого царствованія, какъ созданіе новаго гласнаго суда, земство, городовое положеніе, всеобщая воинская повинность, расширеніе свободы печати и проч. Было, конечно, недовольство ими въ крайне консервативныхъ кругахъ и въ радикальныхъ элементахъ. Послѣдніе жаждали полнаго ниспроверженія существующаго государственнаго и общественнаго строя, по теоретическимъ тенденціямъ, не находящимъ осуществленія и на своей родинѣ, западѣ, гдѣ онѣ остаются мечтаніями разныхъ революціонеровъ. Однако московскіе революціонеры вы-

Императоръ Александръ II говоритъ въ Кремлевскомъ дворцѣ о намѣреніи освободить крестьянъ.



Памятникъ Царю-
Освободителю въ Москвѣ.



ставили изъ своей среды такихъ людей крови и насилія, какъ, Каракозовъ, Нечаевъ и Гартманъ. Но это были элементы наносные, чуждые коренной Москвѣ.

Государь же былъ не склоненъ дѣлать уступки, даже умѣреннымъ западникамъ и желалъ оставаться на національно-исторической почвѣ. Въ одномъ изъ московскихъ адресовъ (онъ былъ написанъ М. Н. Катковымъ) было сказано: «Въ твоихъ, Государь, новизнахъ наша старина слышится»...

И Москва чутко откликалась на національные тоны царствованія императора Александра II. Уже выборъ имъ для коронаціи своей дня Бородинской годовщины звучалъ этими тонами. Тоже послышалось въ Москвѣ и при возстановленіи на Варваркѣ палатъ бояръ Романовыхъ, гдѣ была колыбель родоначальника Царствующаго Дома Михаила Ѳеодоровича. Особенно силенъ былъ въ Москвѣ подъемъ національнаго чувства, когда поляки, поддерживаемые Наполеономъ III и англичанами, подняли мятежъ ради отбудованія не только своей ойчизны, но и всей западной Россіи съ Кіевомъ и Смоленскомъ. Выраженіемъ воззрѣній коренной Москвы явился въ это время М. Н. Катковъ, въ своихъ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, ярко и сильно разработавшихъ польскій вопросъ, въ его кровавой призрачности. Государь, вопреки господствовавшимъ въ Петербургѣ космополитическимъ вѣяніямъ, враждебнымъ русскому патріотизму, мощной политикой своей одобрилъ стремленія и настроенія Москвы. И въ семидесятыхъ годахъ Москва, выразителемъ воззрѣній который сталъ И. С. Аксаковъ, горячо стала на сторону славянъ Балканскаго полуострова, подняв-

шихся противъ угнетавшихъ ихъ турокъ. Сербы начали войну съ ними, благодаря поддержкѣ Москвы и денежными средствами и добровольцами, и во главѣ своей арміи поставили генерала М. Г. Черняева. Когда сербы были разгромлены, императоръ Александръ II прибылъ въ Москву и въ Кремлевскомъ дворцѣ объявилъ собравшимся чинамъ и сословіямъ, что онъ, щадившій долго русскую кровь, потребовалъ теперь отъ Турціи, чтобы она прекратила войну съ Сербіей и обезпечила славянъ отъ угнетенія. Москва съ энтузіазмомъ отнеслась къ скоро начавшейся нашей войнѣ съ турками въ 1877—1878 годахъ, которая привела къ созданію Болгаріи, расширенію Сербіи и Румыніи и улучшенію положенія всѣхъ христіанскихъ подданныхъ Турціи.

Памятникъ плевненскимъ героямъ.

Вообще въ Москвѣ въ это царствованіе поднялось національное самосознаніе, которое поддерживали въ ней Катковъ, Аксаковъ, Самаринъ, Погодинъ, Гиляровъ и другіе, боровшіеся противъ петербургскаго космополитизма и западничества. Сильно поднялось здѣсь національное направленіе въ печати, вызвавшее къ бытію рядъ новыхъ періодическихъ изданій, какъ «Русская Бесѣда», «День», «Москва», «Москвичъ», «Современныя Извѣстія» и друг.

Число учебныхъ заведеній у насъ быстро множилось: возникли Лицей Цесаревича Николая, Техническое училище, Петровская Земледѣльческая Академія, Комиссаровское и Дельвиговское училища, нѣсколько гимназій, два реальныхъ училища, женскія гимназіи, Филаретовское училище и цѣлый рядъ городскихъ школъ, основанныхъ думою, по новому городовому положенію...

Въ это же царствованіе открытъ былъ Румянцовскій Музей съ огромной библіотекой, возникло Московское Археологическое Общество, основанное графомъ Уваровымъ, въ связи со всероссійской—художественно-промышленной выставкой, въ Москвѣ, по поводу 200-лѣтія съ рожденія Петра Великаго, основанъ былъ Политехническій Музей; положено было основаніе ставшему подъ Августѣйшее покровительство Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича Историческому Музею; открытъ былъ Зоологическій садъ.

Для лѣченія Московичей возникали новыя больницы, какъ Вторая городская, Сокольническая (Дервизовская) и Щербатовская (на Садовой) и друг., а также цѣлый рядъ благотворительныхъ учрежденій разнаго назначенія.

Москва обогатилась еще двумя новыми памятниками. На Тверскомъ бульварѣ былъ поставленъ, изваянный Опекушинымъ прекрасный памят-

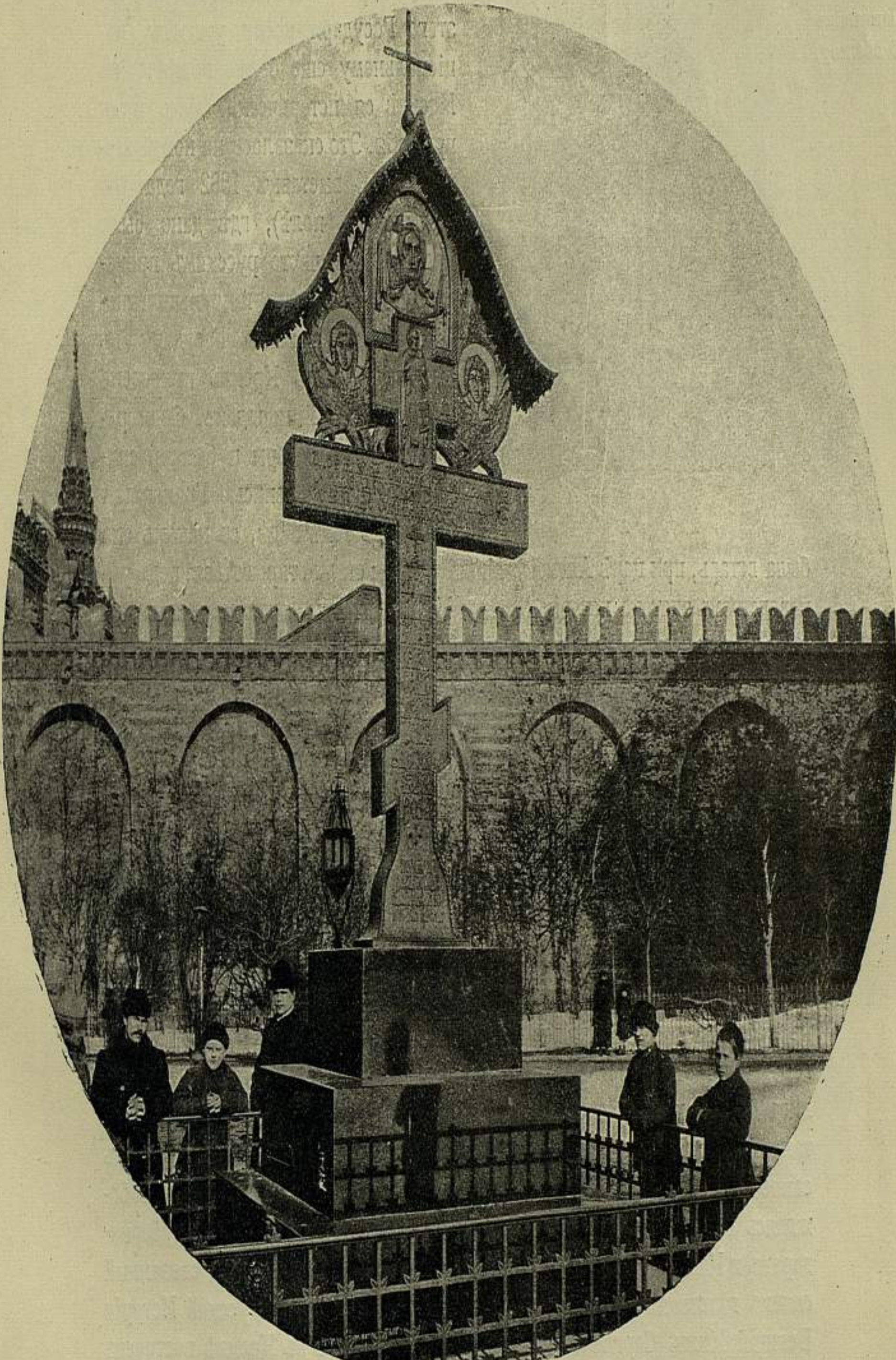
Императоръ Александръ III.

никъ А. С. Пушкину, а на Лубянской площади—павшимъ подъ Плевной гренадерамъ.

Въ это царствованіе къ Москвѣ подошли новыя желѣзныя дороги, какъ Нижегородская, Рязанская, Троицкая, Курская и Брестская, что значительно усилило промышленность и торговлю Москвы. Въ ней возникло много новыхъ фабрикъ, заводовъ, банковъ, начиная съ конторы государственнаго банка, и разныхъ акціонерныхъ предпріятій.

Въ это время въ Москвѣ утрачиваетъ свое прежнее преобладающее значеніе дворянство, отливавшее отсюда въ свои помѣстья, на земскую службу и въ Петербургъ на государственную. Подъемъ русскаго національнаго направленія сталъ сказываться на московскомъ зодчествѣ, которое начало клонить въ постройкахъ къ Русскому стилю. Въ этомъ стилѣ были выстроены Историческій, Политехническій и Художественно-Промышленные Музеи. Даже начали и частные домовладѣльцы строить свои дома въ этомъ стилѣ.

Еще болѣе значенія для воскрешенія въ Москвѣ русскаго народнаго



Памятникъ В. К. Сергѣю
Александровичу.

Памятникъ Скобелеву.

духа имѣло царствованіе Императора Александра III. Покровительство этого Государя всему русскому національному еще болѣе подняло въ Москвѣ ея историческій духъ и ея преданія. Это сказалось на новой всероссійской выставкѣ 1882 года (на Ходынскомъ полѣ), гдѣ дано было преобладаніе чисто русскимъ произведеніемъ искусства и промышленности. Къ коронованію Государя въ 1883 году нашъ Кремль приведенъ былъ въ лучшій порядокъ, были реставрированы соборы и была расписана стѣнною живописью Грановитая палата, въ томъ видѣ, въ какомъ она была встарь, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; стали открываться, подъ руководствомъ знатока исторіи Москвы И. Е. Забѣлина, одна за другою палаты Историческаго Музея съ русскими древностями, устроены были новыя помѣщенія для патріаршихъ библіотеки и ризницы. Императорскіе театры отданы были въ завѣдываніе А. Н. Островскаго и А. А. Майкова, что сказалось на нашихъ сценахъ паденіемъ Итальянской оперы и переводныхъ драматическихъ пьесъ, замѣненныхъ произведеніями русской оперы и русской драмы. Стали возникать частные театры русскаго характера. Московской Консерваторіи дарованы были значительныя средства на постройку новаго большого зданія. П. М. Третьяковъ открылъ для публики свою грандіозную галлерею Русской Живописи. Картинныя выставки стали давать несравненно болѣе чисто русскаго характера произведеній. Зданія въ русскомъ стилѣ стали все чаще воздвигаться въ Москвѣ. Укажемъ на городскую думу, торговые ряды на Красной площади. И дома частныхъ лицъ больше и больше стали красоваться русскими фасадами и орнаментами. Москва, впервые, послѣ Петра I, стала рѣшительнѣе входить въ самое себя, возвращаться къ своей исторической самобытности, освобождаясь отъ чужого, наноснаго. Во главѣ Москвы, ея Генералъ-губернаторомъ и Командующимъ войсками ея округа былъ поставленъ связанный своимъ дѣтствомъ съ нашей столицей, горячій ревнитель Русской Исторіи Великій Князь Сергѣй Александровичъ. При немъ въ Кремлѣ построенъ былъ и открытъ памятникъ Царственному Москвичу Императору Александру II и стало легче дышать и развиваться коренной Москвѣ. Въ это же царствованіе московское купечество, обогащенное покровительственной системой, на свои пожертвованія выстроило цѣлый рядъ университетскихъ клиникъ на Дѣвичьемъ полѣ

Нынѣ Царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ, слѣдуя по стопамъ Своего Родителя, съ выдающеюся любовью относится къ своей древнепрестольной столицѣ, что онъ выразилъ уже вскорѣ послѣ восшествія Своего на Всероссійскій Престолъ, когда, сопровождая гробъ

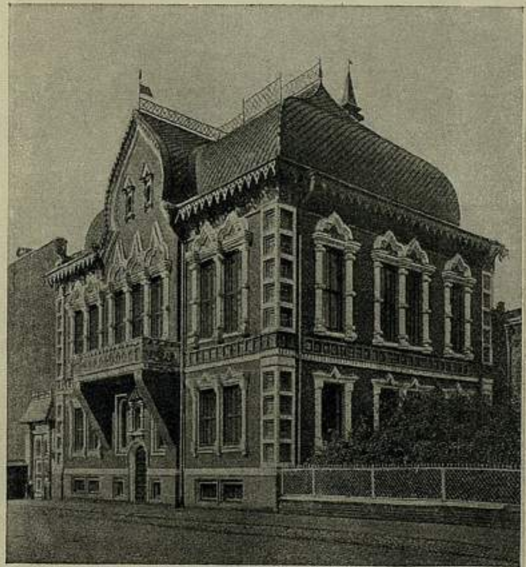
Новыя постройки въ русскомъ стилѣ.

Городская Дума.

Музей П. И. Шукина.

Средніе Торговые ряды.

Художественная галлерея П. М. Третьякова.
Построена по рисункамъ В. М. Васнецова.

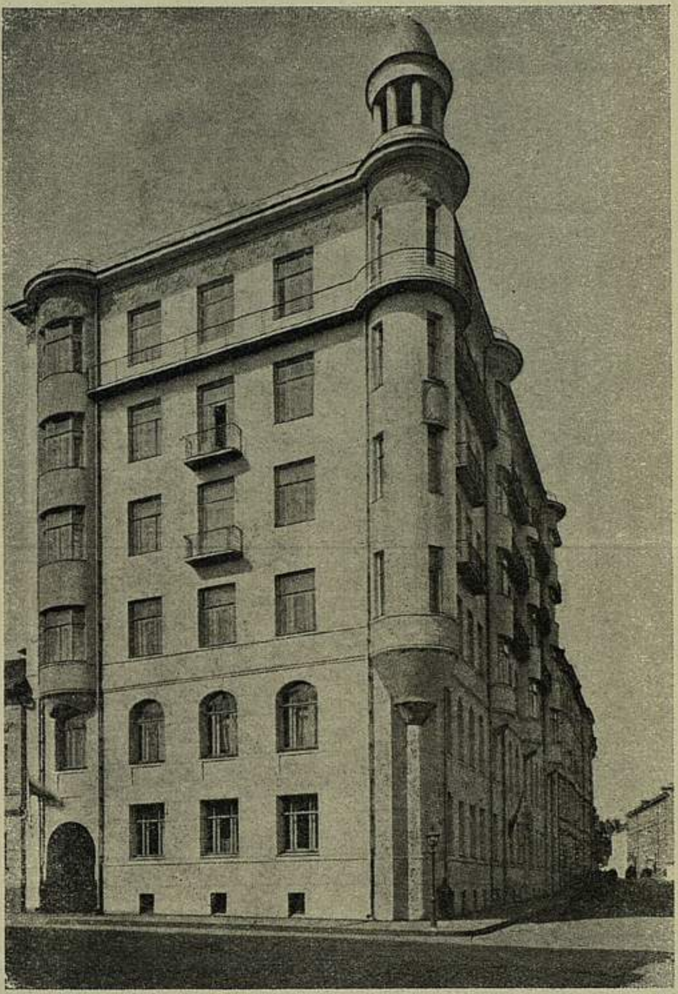


Домъ И. Е. Цвѣткова.

Московскій Императорскій Историческій музей.

9

ТИПЫ НОВѢЙШИХЪ МОСКОВСКИХЪ ПОСТРОЕКЪ.



10

Юбилейный въѣздъ Государя на Красную площадь въ 1913 году.

Крестный ходъ на Красную площадь 30 августа 1912 г. сопровождаемый Государемъ Императоромъ и Его Царственной Семьей.

Своего Родителя Императора Александра III, прибылъ вмѣстѣ съ нимъ въ Москву и когда именно въ ней намѣтилъ мѣсто для памятника Царю Миротворцу, на который съ поразительнымъ изобиліемъ потекли всенародныя пожертвованія. Послѣ Своего Священного Коронованія Государь Императоръ со всею Своею Августѣйшею Семьею много разъ посѣщалъ нашу столицу. Двукратно Онъ жилъ здѣсь на Страстной недѣлѣ и проводилъ съ Москвичами дни свѣтлаго праздника. Эти пребыванія отмѣчены были поучительными для всѣхъ москвичей и не-москвичей, посѣщающихъ сердце Россіи, Высочайшими паломничествами по всѣмъ святынямъ и историческимъ достопамятностямъ нашимъ. Достопримѣчательно, что Его Величество Своимъ посѣщеніемъ подземелья Чудова монастыря привлекъ впервые взоры всѣхъ къ давно забытому мѣсту мученической кончины святѣйшаго патріарха Гермогена, нынѣ причтеннаго къ лику святыхъ.

Еще болѣе памятны недавнія посѣщенія Москвы Государемъ Императоромъ, съ Его Августѣйшей Семьею и другими Особами Царствующаго Дома. Такъ въ маѣ 1912 года, въ присутствіи Ихъ Величествъ, близъ храма Христа Спасителя, былъ открытъ и освященъ грандіозный памятникъ Царю-Миротворцу, Императору Александру Александровичу. Скоро послѣ этого, но уже по отъѣздѣ Царственныхъ Гостей, на Тверской площади, противъ дома Генералъ-Губернатора открытъ былъ другой памятникъ умершему въ Москвѣ, еще въ царствованіе Императора Александра II, народному любимцу генералу М. Д. Скобелеву.

Въ августѣ того же года Ихъ Величества, послѣ чествованія столѣтія Отечественной войны 1812 года въ Бородинѣ, прибыли на юбилейныя празднества въ Москву. Изъ ряда тогдашнихъ торжествъ особенно выдался величественный крестный ходъ на Красную площадь, 30-го августа. Въ это время съ особаго возвышенія при громадномъ собраніи духовенства, войска и народа былъ прочитанъ слѣдующій Высочайшій Манифестъ:

«Вспоминая нынѣ великій подвигъ народа Нашего, Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, вмѣстѣ съ Нами, возблагодарить Господа Силъ за милость, явленную Имъ Отечеству Нашему въ годину испытаній, и вознести къ Престолу Всевышняго горячую молитву: да пребудутъ во вѣки вѣковъ въ памяти народной высокіе примѣры военной и гражданской доблести предковъ въ Отечественную войну; да воодушевятся сими примѣрами всѣ вѣрные сыны Россіи въ доблестномъ служеніи Родинѣ и да ниспошлетъ Намъ Всемогущій святую помощь Свою въ исполненіи непоколебимаго желанія Нашего—въ единеніи съ возлюбленнымъ народомъ Нашимъ направлять судьбы Державы Нашей къ славѣ, величію и преуспѣянію ея».

Воспроизводимъ одинъ изъ моментовъ движенія по Красной площади этого крестнаго хода, въ которомъ слѣдовали Ихъ Величества, въ предшествіи Митрополита Владиміра.

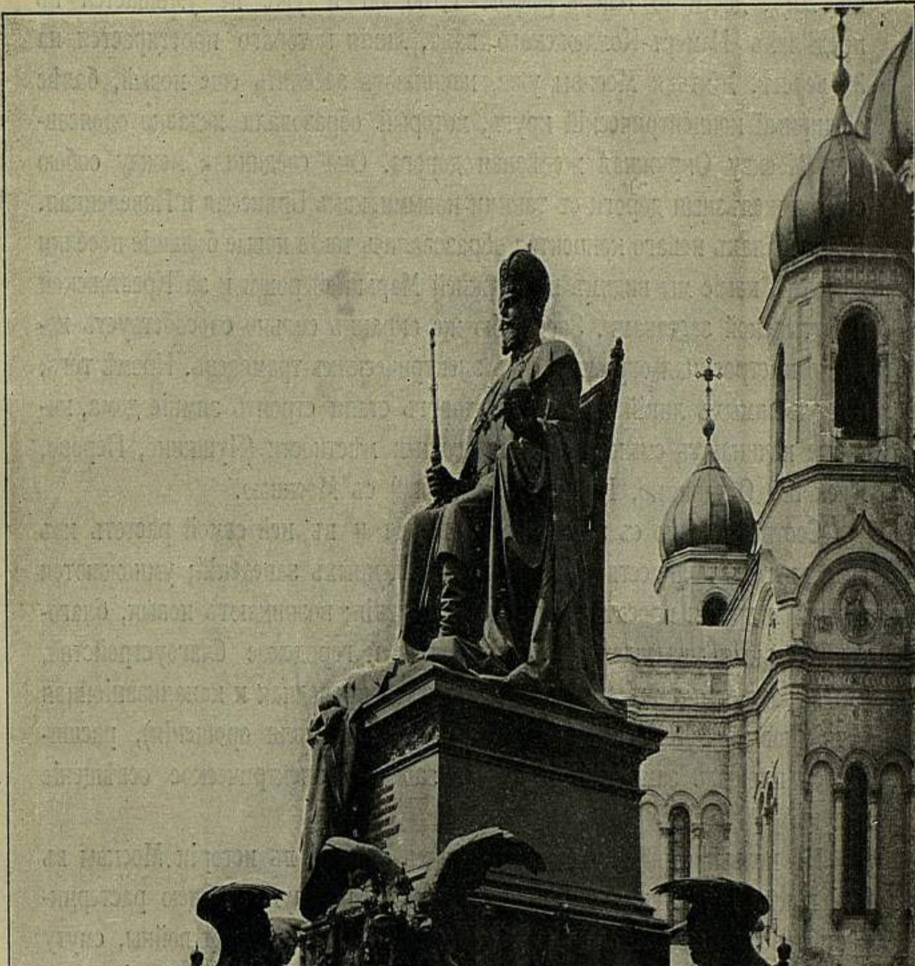
Въ этомъ же 1912 году Москва чествовала 17-го февраля трехсотлѣтіе съ кончины Святѣйшаго Патріарха Гермогена. Въ 1913 году этотъ священно-

мученикъ въ пасхальныя дни былъ причтенъ къ лику святыхъ, а его церковное прославленіе было совершено 12-го мая. Въ настоящемъ же 1914 году будетъ совершенно открытіе его мощей, почивающихъ въ Успенскомъ соборѣ.

Въ 1913 году, празднованіемъ трехсотлѣтія съ воцаренія Родоначальника Дома Романовыхъ завершился въ Москвѣ цѣлый рядъ юбилейныхъ чествованій, начатыхъ 19-го февраля 1911 года празднованіемъ пятидесятилѣтія съ освобожденія крестьянъ, въ память коего на Міусской площади заложенъ строящійся на всенародныя пожертвованія соборъ во имя Св. Александра Невскаго,—ангела Царя-Освободителя.

Романовскія же юбилейныя торжества начаты были въ Москвѣ съ 21-го февраля, т.-е. съ того дня, когда былъ избранъ на царство первый Государь изъ Царствующей Династіи Романовыхъ. Въ память этого въ прежней Романовской вотчинѣ селѣ Покровскомъ (нынѣ Покровская община сестеръ милосердія), на пожертвованія московскихъ монастырей, устроена большая, прекрасно оборудованная больница. Въ мартѣ же 1913 года, въ митрополичьихъ покояхъ Чудова монастыря была устроена выставка церковно-историческихъ памятниковъ царской эпохи Романовскаго періода. Здѣсь были собраны драгоцѣнные вклады первыхъ Государей этой династіи въ разные храмы. Изъ выставленныхъ здѣсь вещей многія представляли собственноручную, нерѣдко художественную работу Русскихъ Царицъ и Царевенъ. Продолжавшаяся до октября мѣсяца выставка эта привлекла живое вниманіе не только москвичей и пріѣзжихъ изъ разныхъ концовъ Россіи, но и множества иностранцевъ, восхищавшихся драгоцѣнными памятниками нашей доброй старины.

Средоточіемъ же юбилейныхъ Романовскихъ торжествъ въ Москвѣ были майскіе дни пребыванія въ древнепрестольной столицѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ, съ Ихъ Августѣйшею Семьею и Особами Императорскаго Дома. Грандіозенъ былъ въѣздъ Царственныхъ Гостей въ Кремль съ Александровскаго (прежде Брестскаго) вокзала чрезъ всю Тверскую улицу въ вѣковѣчныя стѣны Кремля. У Спасскихъ воротъ Ихъ встрѣтилъ величавый крестный ходъ, съ московскимъ Митрополитомъ Макаріемъ во главѣ. Отсюда сопровождаемый святынями Государь пѣшкомъ направился въ Архангельскій соборъ на поклоненіе гробницѣ своего прародителя Царя Михаила Ѳеодоровича, гдѣ онъ Своею рукою затеплилъ сооруженную на личныя Свои средства драгоцѣнную лампаду и гдѣ надъ гробницами первыхъ представителей Царствующаго Дома Великій Князь Петръ Николаевичъ соорудилъ прекрасную сѣнь въ древне-русскомъ стилѣ. На слѣдующій день происходилъ Высочайшей выходъ въ Кремлевскіе соборы, при чемъ Ихъ Величества молились въ Успенскомъ соборѣ у гробницы Новопрославленнаго Святителя Ермогена и въ недавно-освященномъ первомъ храмѣ въ его имя въ подземельѣ Чудова монастыря. Въ тотъ же день Государь Императоръ съ Августѣйшими дочерьми и Своими Родными подробно осматривалъ Романовскую выставку и изволилъ посѣтить палаты бояръ Романовыхъ на Варваркѣ. На другой день состоялось Высочайшее посѣщеніе Новоспасскаго монастыря и «усыпальницы царскихъ пресвѣтлыхъ предковъ», находящейся въ этой обители.



Памятникъ Императору Александру III.

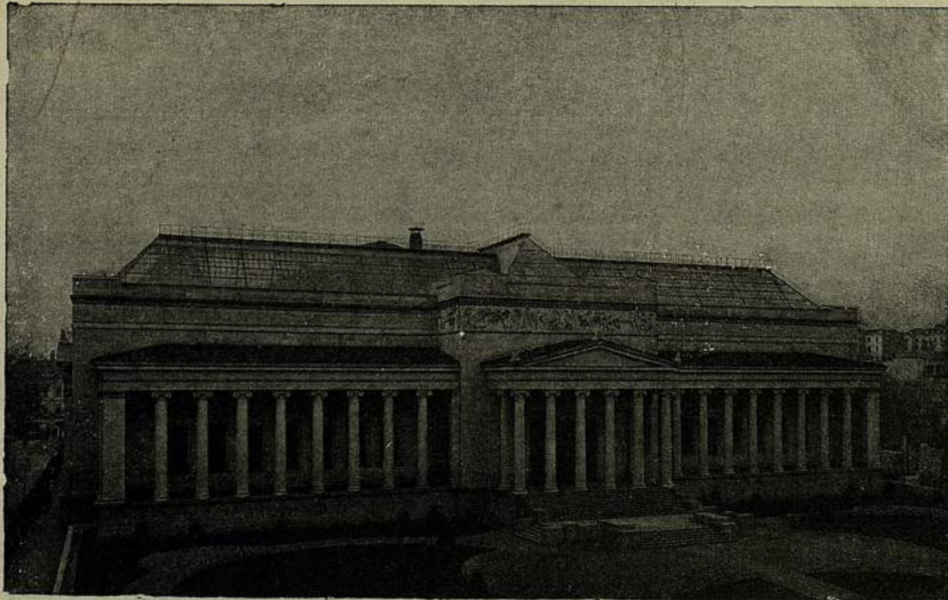
Вообще въ настоящее царствованіе Москва продолжала развиваться вширь и высь. Число ея жителей, увеличивающееся каждые десять лѣтъ на 20%, достигло теперь цыфры 1,700,000 и уже не умѣщается въ предѣлахъ Камеръ-Коллежскаго вала, линія котораго простирается на 35 верстъ. Жители Москвы уже, начинаютъ заселять еще новый, болѣе обширный концентрическій кругъ, который образовала недавно опоясавшая Москву Окружная желѣзная дорога. Она соединила между собою старыя желѣзныя дороги съ такими новыми, какъ Брянская и Павелецкая. Въ предѣлахъ новаго концентра образовались такіе новые большіе поселки жителей, какіе мы видимъ въ прежней Марьиной рощѣ и за Крестовской и Бутырской заставами. Заселенію же окраинъ сильно способствуетъ недавно выстроенная огромная сѣть электрическихъ трамваевъ. Кромѣ того, и вдоль самыхъ линій желѣзныхъ дорогъ стали строить зимніе дома, которые начинаютъ смыкать старыя дачныя мѣстности (Пушкино, Перово, Кусково, Останкино, Кунцево, Одинцово) съ Москвою.

Соотвѣтственно съ этимъ, вокругъ нея и въ ней самой растетъ изъ года въ годъ количество торгово-промышленныхъ заведеній; умножаются школы и другія просвѣтительныя учрежденія; возникаютъ новыя, благотворительныя учрежденія; увеличивается и городское благоустройство, что выражается тѣмъ, что развивается водопроводная и канализаціонная сѣть (новый Рублевскій водопроводъ и новыя поля орошенія), расширяется площадь замощенія Москвы, заведено электрическое освѣщеніе и т. п.

Но нельзя скрыть и отрицательныхъ явленій въ исторіи Москвы въ XX вѣкѣ. Тѣ, кому было нужно устроить, пользуясь общею растерянностью во время нежданной и неудачной дальне-восточной войны, смуту въ Россіи, избрали именно Москву центромъ для революціонныхъ выпадовъ. Они сдѣлали ее мѣстомъ нелегальныхъ съѣздовъ, убійствъ, экспропріацій, а въ 1905 году инсценировали здѣсь даже баррикады. Не мало пролилось въ это печальное время крови неповинной. Еще въ началѣ смуты убитъ былъ въ самомъ Кремлѣ Великій Князь Сергѣй Александровичъ, такъ горячо любившій Москву и такъ много сдѣлавшій для подъема національнаго ея значенія. Онъ погребенъ въ художественно устроенномъ храмѣ между Чудовымъ монастыремъ и Николаевскимъ дворцомъ, а одинъ изъ его полковъ, на мѣстѣ его убіенія, поставилъ величавый крестъ, сработанный по рисункамъ В. М. Васнецова.

Говорятъ также, будто коренная Москва вымираетъ и смѣняется пришлою, причемъ указываютъ, на то, что въ огромномъ количествѣ ея населенія только 27% составляютъ потомственные москвичи, а остальные 73% суть пришлые элементы, среди которыхъ не мало инородцевъ; но по поводу этого нужно сказать, что судьба всѣхъ огромныхъ центровъ, какъ Парижъ, Лондонъ, Берлинъ и другіе такова, что въ нихъ три четверти пришлаго (рабочаго, торговаго и учащагося) населенія. Но по этому поводу должно сказать, что часть этого пришлаго населенія, оставаясь здѣсь навсегда, дѣлается осѣдлымъ въ Москвѣ. Примѣчательно же, что она привлекаетъ къ себѣ въ пришломъ населеніи, въ огромномъ большинствѣ, именно

Музей Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III.



Александровскій
(Брестскій)
вокзалъ.

людей русскихъ православнаго вѣроисповѣданія. Статистика показываетъ, что у насъ на 100 человѣкъ приходится 92 русскихъ, православнаго исповѣдованія и только 8% инородцевъ и инославныхъ. Значитъ Москва попрежнему неизмѣнно остается православно-русскимъ городомъ.

Указываютъ еще и на то, что самая внѣшность Москвы быстро мѣняется, особенно съ начала XX вѣка. При этомъ имѣютъ въ виду, что у насъ слишкомъ спѣшно множатся громадные дома, американскаго типа, отъ 7 до 11 этажей, тогда какъ до этого Москва любила невысокіе особняки и изъ высокихъ допускала только трехъэтажные дома. Много Москва смѣнила у себя архитектурныхъ модъ: ренесанса, бароко, рококо, ампира и даже декадентства. Ненадолго, конечно, удержится здѣсь и мода американская: Москва не обратится ни въ Нью-Іоркъ, ни въ Чикаго съ ихъ небоскребами; она останется русскимъ городомъ въ самомъ устройствѣ своихъ жилищъ. Недаромъ небоскребы затемняющіе сосѣднимъ домамъ свѣтъ солнечный и ослабляющіе циркуляцію воздуха, вызываютъ противъ себя большой ропотъ.

Вообще, оглядываясь на семивѣковое прошлое Москвы, убѣждаешься, что сила ея, легко переживающая всяческія перемѣны, невзгоды и бѣды, почерпается изъ историческихъ глубинъ всея Руси, ея великихъ государства и народа, изъ нѣдръ Русской земли. Велика сила Москвы, въ ея громадномъ населеніи, въ обиліи въ ней просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій, удобствахъ и удовольствіяхъ своей жизни, въ богатствахъ своихъ промышленности и торговли, но еще большая сила и власть Москвы заключается въ ея исторіи, въ мощи ея государственно-церковныхъ преданій.

Недалекъ и восьмивѣковой предѣлъ исторической жизни Москвы: отъ него отдѣляютъ насъ всего только 33 года. Пожелаемъ же ей и до 1947 года попрежнему сохранять упругость своей народной самобытности.

«Москва, Москва! Какъ много въ этомъ звукѣ для сердца русскаго слилось, какъ много въ немъ отозвалось»,—говоритъ А. С. Пушкинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.